

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ
САЛТЫКОВЪ. (ЩЕДРИНЪ).

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1914.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ЮНЬ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.

Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. ¹⁾.

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова) ²⁾.

Нѣкоторые посланники, аккредитованные при дворахъ, которые мнѣ пришлось посѣтить, отнеслись къ моему пріѣзду съ самаго начала холодно и подозрительно, а графъ Шуваловъ не дождался даже моего отъѣзда изъ Петербурга, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ выразить свое отрицательное отношеніе къ моей поѣздкѣ въ Лондонъ. Въ отвѣтъ на телеграмму канцлера, извѣщавшую его о рѣшеніи русскаго Императора, русскій посланникъ въ Лондонѣ отвѣтилъ нижеслѣдующей телеграммой:

„Лондонъ, 17/28 февраля. Ваше сіятельство также какъ и мой коллега, надѣюсь, считаете меня неспособнымъ руководствоваться личными побужденіями, когда дѣло идетъ о существенныхъ нашихъ интересахъ. Я передалъ содержаніе вашей телеграммы Салисбюри, который умоляетъ, чтобы Игнатъевъ не пріѣзжалъ въ настоящую минуту. Это вызвало бы внезапный поворотъ общественнаго мнѣнія въ Англии, оживило бы тайныя симпатіи къ туркамъ и увеличило бы затруднительное положеніе министерства (?) и Салисбюри; первый министръ отнесся бы къ намъ враждебно (!), его коллеги—недовѣрчивѣе, и послѣдствія этого сказались бы въ декабрѣ. Салисбюри хотѣлъ бы (?), чтобы я встрѣтился съ Игнатъевымъ на континентѣ и по возвращеніи передалъ бы ему объясненія Игнатъева“ ³⁾.

¹⁾ Въ мартовской книгѣ на стр. 491 четырнадцатая строка сверху вкралась опечатка, напечатано: „Айгунскаго“, а надлежитъ читать „Цеккинского“.

Ред.

²⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1914 г.

³⁾ Графъ Шуваловъ объявилъ маркизу Салисбюри о моемъ пріѣздѣ въ такихъ выраженіяхъ, что у него получилось впечатлѣніе, будто графъ

Эта телеграмма была получена въ Петербургѣ въ моментъ моего отъѣзда. Императорскій кабинетъ былъ до того озадаченъ ею, что въ Петербургѣ едва не отказались отъ мысли о моей дипломатической повѣздкѣ, о которой уже была оповѣщена вся Европа. Пожалуй, дѣйствительно было бы лучше отказаться отъ нея, нежели ставить русскаго посла въ двусмысленное положеніе, созданное тѣмъ воинственнымъ политическимъ теченіемъ, которое министерство иностранныхъ дѣлъ никогда не умѣло ни обуздать, ни направить какъ слѣдуетъ. Было ясно, что рѣшеніе вопроса зависѣло всецѣло отъ Лондона и что было совершенно бесполезно заинтересовывать прочіе кабинеты въ проектъ протокола, коль скоро онъ могъ быть отвергнутъ, и повторять такимъ образомъ исторію съ берлинскимъ протоколомъ.

Императоръ вызвалъ меня къ себѣ такъ, какъ я былъ, въ дорожномъ костюмѣ, сообщилъ мнѣ содержаніе телеграммы Шувалова, и въ отвѣтъ на мои слова, что, предоставляя себя всецѣло въ распоряженіе Его Величества, я отнюдь не имѣю особеннаго желанія подвергать себя непріятностямъ, которыя сулитъ мнѣ эта повѣзка, и что можетъ быть было бы лучше возложить это порученіе на кого-нибудь другого, напр. на Валуева или на самого Шувалова, императоръ приказалъ мнѣ ѣхать, разрѣшивъ однако испросить по телеграфу позволеніе отправиться въ Англію, если бы въ Парижѣ оказалось, что этого требуютъ обстоятельства. Я повиновался, но, ревностно исполняя возложенное на меня порученіе, я съ этой минуты уже не ожидалъ отъ него благопріятнаго результата, если не считать того, что императорскій кабинетъ могъ, такимъ образомъ, скорѣе отдѣлаться отъ циркуляра князя Горчакова.

Съ самаго моего пріѣзда въ Берлинъ для всѣхъ было ясно, что точка зрѣнія, которую отстаивалъ, въ своихъ личныхъ цѣляхъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ, была ошибочна. При первомъ же свиданіи со мною, Бисмаркъ заявилъ, что ему извѣстно, „что я не ѣду въ Лондонъ, вслѣдствіе возраженій, сдѣлан-

во что бы то ни стало хотѣлъ помѣшать пріѣзду своего коллеги въ Англію; это говорила мнѣ въ Парижѣ маркиза, его супруга. Маркиза Салисбюри провела въ Парижѣ два дня вмѣстѣ со мной и моей женой, приглашала насъ отъ имени своего мужа въ Лондонъ и была съ нами въ высшей степени любезна. Что касается поворота въ общественномъ мнѣніи Англии, которымъ запугивалъ насъ гр. Шуваловъ, то это было бы для насъ все-же благопріятнѣе, нежели создавшееся тамъ настроеніе.

Прим. авт.

ныхъ Шуваловымъ; становясь на нашу точку зрѣнія, онъ очень сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ вся трудность вопроса заключалась въ положеніи, занятомъ англійскимъ кабинетомъ, а протоколъ не могъ бы быть подписанъ, если бы Биконсфильдъ и Салисбюри не изъявили на это своего согласія“.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ германскимъ канцлеромъ, Салисбюри вернулся изъ Константинополя какъ нельзя лучше настроенный по отношенію къ намъ и къ христіанамъ, но онъ скоро подмѣтилъ, что „теченіе, поддерживаемое Биконсфильдомъ“, имѣло несравнено болѣе вліянія на торійскую партію, нежели онъ предполагалъ; это открытіе заставило его измѣнить свой взглядъ и согласовать, въ интересахъ партіи, свои поступки и слова съ тѣмъ, что говорилъ первый министръ во избѣжаніе разногласій въ кабинетѣ.

Бисмаркъ понималъ, что мое появленіе поставило бы Салисбюри въ неловкое положеніе, такъ какъ ему пришлось бы вступить въ пререканія со своими коллегами, чтобы оправдать свою подпись подъ актами, выработанными на конференціи, а также нравственныя обязательства, принятыя имъ по отношенію ко мнѣ. Было ясно, что въ интересахъ нашей политики слѣдовало заставить Салисбюри поступить именно такъ, а не облегчать ему перемѣны, которой добивался Биконсфильдъ ¹⁾. Со времени закрытія конференціи наша задача все болѣе и болѣе осложнялась.

¹⁾ Биконсфильдъ (Бенджаминъ Дизраэли, лордъ Beaconsfield, виконтъ Гугенденъ)—знаменитый англійскій государственный дѣятель и писатель, род. въ Лондонѣ въ 1804 г. Въ началѣ русско-турецкой распри Биконсфильдъ—былъ совершенно готовъ выступить въ пользу Турціи съ оружіемъ въ рукахъ. Но въ этомъ ему помѣшала могущественная оппозиція, организованная предводителемъ либераловъ Гладстономъ противъ англо-турецкаго союза. Тѣмъ не менѣе, своимъ угрожающимъ положеніемъ относительно Россіи и поданной Турціи тайной надеждой на поддержку Англии, онъ много содѣйствовалъ неуспѣху европейской конференціи въ Константинополѣ и начатію военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей. По закрытіи сессіи 1876 г., чувствуя себя по преклонности лѣтъ неспособнымъ къ дальнѣйшему предводительству въ нижней палатѣ, Б. сложилъ съ себя эту обязанность и былъ возведенъ въ званіе виконта Гугенденъ и графа Б. Во все время войны онъ сохранилъ нейтралитетъ, не скрывая однако своихъ симпатій къ туркамъ. Когда же война окончилась въ пользу Россіи и турки обратились къ посредничеству Англии, онъ принялъ вызывающее положеніе, послалъ въ январѣ 1878 г. военный флотъ въ Дарданеллы и, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, многіе существенныя пункты котораго ему хотѣлось измѣнить, призвалъ къ оружію резервы и вызвалъ въ Мальту 7.000 индійскихъ войскъ (апр. 1878).

Обмѣнявшись со мною визитами и встрѣчаясь затѣмъ со мною въ обществѣ, англійскій посланникъ не разъ упрекалъ меня за то, что я не ѣхалъ въ Англію, и говорилъ съ сожалѣніемъ о впечатлѣніи, которое это „изъятіе“ произведетъ на общественное мнѣніе его страны. Онъ былъ увѣренъ, что мои личныя сношенія съ англійскими министрами не только не помѣшали бы успѣху соглашенія и заключенію мира, къ чему я видимо стремился, а, напротивъ, облегчили бы достиженіе желаемой цѣли и могли бы даже привести къ полному единодушію въ Восточномъ вопросѣ. На его незаслуженныя упреки, что я пренебрегаю интересами дѣла, въ которыхъ я совершенно ясно даю себѣ отчетъ, я отвѣтилъ, какъ я и писалъ о томъ князю Горчакову въ письмѣ отъ 22 февраля (6 марта), что первоначально я намѣревался проѣхать изъ Берлина въ Лондонъ, чтобы посоветоваться съ окулистомъ Либрейхомъ¹⁾, котораго мнѣ рекомендовалъ Одо Руссель, но такъ какъ, судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи, и принявъ во вниманіе, что мой пріѣздъ совпалъ бы съ преніями въ парламентѣ по Восточному вопросу, я полагаю, что мое присутствіе могло стѣснить министровъ и въ особенности Салисбюри, я счелъ долгомъ отказать пока отъ этой поѣздки. Одо Руссель оспаривалъ это предположеніе, какъ ни на чемъ ни основанное, и приводилъ доводы, противъ которыхъ ничего нельзя было возразить. Онъ не соглашался съ тѣмъ, что конференція была неудачна. Дипломаты и общественное мнѣніе Европы не знаютъ Турцію такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ говорилъ онъ, и не вѣрятъ правдивости того, что утверждаетъ Россія, считая ея мнѣніе „пристрастнымъ“. Благодаря Константинопольской конференціи и многочисленнымъ документамъ, которые были предъявлены мною и переданы моимъ коллегамъ, истина выяснилась и отнынѣ кабинеты уже не могутъ игнорировать ее. Кромѣ того, благодаря личному знакомству великобританскихъ и русскихъ уполномоченныхъ, неожиданно содалась почва для взаимнаго пониманія. На мое замѣчаніе, что получалось впечатлѣніе, будто Порта „выставила Европу за двери“ и что если это пройдетъ безнаказанно, то

¹⁾ Чтобы не придавать моей поѣздкѣ особеннаго значенія, императорскимъ кабинетомъ было рѣшено, что я поѣду подъ предлогомъ посоветоваться съ извѣстными окулистами, а правительство, воспользовавшись этимъ, поручитъ мнѣ дать руководителямъ кабинетовъ нѣкоторыя объясненія, которыя могли облегчить рѣшеніе вопроса въ желательномъ для всѣхъ смыслѣ.

Аст.

турки осмѣлѣють и ринутся какъ безумные въ пропасть, считая себя всемогущими, посланникъ возразилъ, что державы боятся прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ изъ опасенія, что это можетъ повлечь за собою разгромъ оттоманской имперіи и никто не будетъ знать, чѣмъ ее замѣнить. Когда я упомянулъ объ автономіи христіанскихъ народностей, великобританскій посланникъ выразилъ сомнѣніе, чтобы она могла упрочиться и чтобы эти народности могли сохранить независимость по отношенію къ сосѣдямъ.

„Мы не прочь, чтобы оттоманская имперія продолжала существовать на Босфорѣ, но подъ условіемъ, чтобы христіанское населеніе не было истреблено, чтобы оно могло жить по-человѣчески, подъ управленіемъ турокъ“, сказалъ я посланнику, присовокупивъ, что, становясь на точку зрѣнія руссофобскихъ тенденцій, я не понимаю, какъ соперничающіе съ нами кабинеты не хотятъ содѣйствовать упроченію автономіи христіанскихъ народностей, которыя обладаютъ всѣми данными, чтобы образовать самобытную національную индивидуальность, и неизбежно займутъ со временемъ мѣсто турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Славянъ разъединяетъ ихъ узкое національное соперничество, которое проявляется у нихъ несравненно сильнѣе, нежели у народовъ латинской и германской расы. Они не выказываютъ ни малѣйшаго стремленія къ объединенію, каждый народъ въ отдѣльности оберегаетъ свою независимость. Свойственный имъ, къ сожалѣнію, духъ соперничества и обособленности, который разъединяетъ зачастую даже членовъ одной семьи, гарантируетъ безопасность западной Европы; между тѣмъ она судитъ о стремленіяхъ славянъ по примѣру Италіи и Германіи, не принимая во вниманіе того, что характеръ, исторія и политическіе идеалы славянъ совершенно не сходны съ идеями, имѣющими преобладающее значеніе у германскихъ и латинскихъ народовъ.

Я горячо оспаривалъ въ своихъ бесѣдахъ съ великобританскимъ посланникомъ проектъ, который англійскій кабинетъ видимо намѣревался поддерживать, а именно, чтобы Портъ дали годъ на проведеніе реформъ въ Болгаріи, Босніи и Герцоговинѣ; доказывалъ, напротивъ, что всѣмъ великимъ христіанскимъ державамъ необходимо держаться въ Турціи однообразнаго, энергичнаго образа дѣйствій, угрожая прибѣгнуть къ мѣрамъ понужденія, которыя могли спасти достоинство Европы, безнаказанно попираемое турками, и что это избавило бы насъ отъ необходимости самостоятельно вести войну, которой не желалъ ни

императоръ и ни одинъ изъ его представителей, но которая могла вскорѣ быть навязана намъ событіями и нашей обязанностью сказать покровительство христіанамъ-единовѣрцамъ, а также желаніемъ заключить, наконецъ, прочный миръ съ сосѣдней державой.

На другой день послѣ моего перваго разговора съ англійскимъ посланникомъ (т. е. 23 февраля), я услыхалъ изъ устъ князя Бисмарка подтвержденіе того, какое неблагопріятное впечатлѣніе произвело на представителей Англии исключеніе Лондона изъ моего маршрута, вызваннаго завистью графа Шувалова.

Англійскій посланникъ посѣтилъ канцлера съ цѣлью запросить его относительно его переговоровъ со мною и его дальнѣйшихъ намѣреній. Онъ не скрылъ отъ князя Бисмарка своей тревоги по поводу того, что бывшій посланникъ Россіи въ Константинополь выражалъ, какъ утверждали, нежеланіе посѣтить Англию; онъ видѣлъ въ этомъ „заднюю мысль и желаніе изолировать Великобританію“, заключивъ между пятью континентальными кабинетами соглашеніе, изъ коего была бы исключена Англія, которой принадлежала инициатива созыва конференціи.

По словамъ Бисмарка, онъ успокоилъ англійскаго посланника, ознакомивъ его съ содержаніемъ протокола (не сообщая ему однако полнаго его текста) и удостовѣривъ, что единственной цѣлью моихъ переговоровъ съ нимъ было поддержать въ Европѣ миръ и согласіе, начало коимъ было положено на Константинопольской конференціи. Кн. Бисмаркъ заявилъ англійскому посланнику, что Германія подпишетъ протоколъ безъ всякаго измѣненія и если, въ виду отсутствія единодушія, мы будемъ вынуждены обнажить мечъ, то Германія „дастъ намъ на это свое благословеніе“, какъ бы считая насъ, въ дѣлахъ Востока, совершенно свободными отъ узъ, налагаемыхъ соглашеніемъ съ державами. Англійскій посланникъ будто бы поблагодарилъ Бисмарка, сказавъ, что онъ снялъ съ него большую тяжесть, и выразилъ свое искреннее желаніе, чтобы его правительство не выставило серьезныхъ возраженій противъ намѣченнаго нами образа дѣйствій.

Вотъ что я писалъ по этому поводу канцлеру изъ Парижа 1/13 марта: „Я имѣлъ честь извѣстить ваше сіятельство телеграммой отъ 22 февраля/6 марта о моемъ разговорѣ съ лордомъ Одо Русселемъ, съ которымъ я встрѣтился въ день моего пріѣзда въ Берлинъ и съ которымъ видѣлся съ тѣхъ поръ ежедневно.

Англійскій посланникъ, которому цѣль моего путешествія видимо была отчасти извѣстна, спросилъ меня съ первыхъ же словъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго раздраженія, почему я избѣгаю поѣздки въ Лондонъ. Онъ видѣлъ въ этомъ желаніе изолировать Англию. Я поспѣшилъ мотивировать свой маршрутъ извѣстной деликатностью по отношенію къ англійскому министерству, котораго мое присутствіе въ данный моментъ могло стѣснить и даже поставить въ неловкое положеніе. Лордъ О. Руссель нѣсколько разъ горячо оспаривалъ эту точку зрѣнія, настаивая на томъ, что мнѣ было бы полезно повидаться съ лордомъ Дерби¹⁾ и съ лордомъ Биконсфильдомъ и что словесныя объясненія и разъясненія, которыя я могъ бы дать государственнымъ дѣятелямъ Англии, произвели бы чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе страны. Не довольствуясь разговоромъ со мною, посланникъ запросилъ по этому поводу германскаго канцлера. Князь Бисмаркъ постарался разсѣять его опасенія и познакомилъ его съ содержаніемъ проекта протокола, которымъ онъ, по видимому, былъ удовлетворенъ. Судя по всему, посланникъ видимо желаетъ, чтобы его правительство присоединилось къ протоколу“.

Въ то время какъ эти переговоры происходили сперва въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, гр. Шуваловъ обсуждалъ, по своему собственному почину, съ лордомъ Дерби, въ Лондонѣ, вопросъ о демобилизаціи русской и турецкой армій и о редакціи протокола, опираясь на министерскій проектъ, посланный ему одновременно съ извѣщеніемъ о моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга. Онъ рѣшилъ помѣшать успѣшному ходу моихъ переговоровъ и умалить въ главахъ императорскаго правительства результаты, которые могли быть мною достигнуты, перенеся

¹⁾ *Дерби* (Эдуардъ-Генри-Смитъ-Станли Earl of Derby)—англ. государственный дѣятель (1826—1893). Въ февралѣ 1868 г. онъ занялъ постъ министранностранныхъ дѣлъ. Этотъ же постъ онъ получилъ и въ новомъ консервативномъ кабинетѣ Дизраэли (1874 г.). Послѣдующіе годы были главною эпохою политической дѣятельности Д., который проявилъ большое миролюбіе и самостоятельность политическихъ убѣжденій. Во время русско-турецкой войны 1877—78 г. онъ усиленно противодѣйствовалъ воинственнымъ замысламъ Биконсфильда, настаивая на томъ, что правительство не должно вмѣшиваться въ борьбу Россіи съ Турціей, пока не затронуты англійскіе интересы. Когда въ январѣ 1878 г. англійскому флоту предписано было отправиться въ Дарданеллы, Д. подалъ въ отставку, но взялъ ее обратно въ виду отмѣны этого распоряженія. Послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора Биконсфильдъ принялъ рѣшеніе немедленно созвать резервы; но Д. призналъ эту мѣру преждевременной и 28 марта 1878 г. вышелъ въ отставку. П. В.

центр тяжести переговоровъ въ Лондонѣ, откуда онъ хотѣлъ руководить нашей политикой по своему усмотрѣнію, путемъ устрашенія. Съ этой цѣлью онъ телеграфировалъ князю Горчакову 28 февраля/12 марта: „По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Берлина, русская армія не будетъ демобилизована ¹⁾. Эти намеки вредятъ (его, Игнатъева) переговорамъ. Разрѣшаете ли мнѣ сказать, что армія будетъ демобилизована послѣ подписанія протокола и ежели Турція распуститъ свои войска. Англіи было бы немислимо подписать протоколъ, коимъ Портѣ предлагалось бы увести ея армію и разоружить ее, если бы Россія сохранила въ то же время угрожающее положеніе“. Изъ этого видно, что русскій посланникъ въ Лондонѣ сталъ, съ самаго начала, на ложный путь и приносилъ достоинство Россіи въ жертву требованіямъ, которыя обусловливались парламентарнымъ стремь Англіи.

Онъ долженъ бы былъ понять, что ежели Англія не могла подписать протоколъ, которымъ Порта ставилась въ низшее положеніе по сравненію съ нами, то Россіи морально было невозможно встать въ равныя условія съ Турціей въ вопросѣ, который затрогивалъ ея военную честь, и пожертвовать христіанами, отдавъ ихъ на добрую волю пашей. Такъ какъ по этому поводу нельзя было притти въ соглашенію, то лучше было устранить вопросъ о демобилизаціи, что я и предпочелъ сдѣлать.

Во время моего пятидневнаго пребыванія въ Берлинѣ я находился постоянно въ сношеніяхъ съ лицами, стоявшими во главѣ посольствъ, аккредитованныхъ при Германскомъ дворѣ. Я говорилъ съ ними одинаково твердымъ миролюбивымъ и лояльнымъ языкомъ, но рѣшилъ обсудить вопросъ по существу съ самими руководителями кабинетовъ, не сообщая представителямъ державъ текста протокола. Болѣе обстоятельно я счелъ долгомъ высказаться только одному итальянскому посланнику въ виду того, что путешествіе въ Римъ, которое было мнѣ не по пути, могло не состояться, а мнѣ хотѣлось быть увѣреннымъ, что протоколъ будетъ принятъ Италіей. Графъ де Лона, предупрежденный своимъ петербургскимъ коллегой о томъ, что „генералу Игнатъеву поручено повліять на кабинеты въ

¹⁾ Находя, что было бы унижительно и несогласно съ достоинствомъ Россіи допустить обсужденіе кабинетами вопроса о демобилизаціи русской арміи, я отказался, разумѣется, дать кому бы то ни было малѣйшее обѣщаніе на этотъ счетъ и даже совершенно уклонился отъ обсуждения этого вопроса.

Прим. авт.

смыслѣ принятія ими русской точки зрѣнія на вопросъ“, успѣшилъ переговорить со мною.

Такъ какъ для насъ было весьма важно, чтобы итальянскій кабинетъ не былъ возстановленъ англійскими инсинуаціями противъ нашего проекта, и чтобы итальянскій посланникъ во Франціи получилъ своевременно разрѣшеніе обсудить со мною этотъ вопросъ, то я намѣтилъ въ бесѣдѣ съ графомъ де Лона, въ общихъ чертахъ, каковъ, по нашему мнѣнію, долженъ бы быть отвѣтъ кабинетовъ на циркуляръ князя Горчакова и какой текстъ протокола могъ бы быть подписанъ державами, чтобы завершить достойнымъ образомъ переговоры, происходившіе между ними по дѣламъ Востока.

Два дня спустя, итальянскій посланникъ увѣрилъ меня, что генералъ Чіальдини придетъ по этому вопросу со мною къ соглашенію и что хотя Римскій кабинетъ предпочелъ бы, чтобы я пріѣхалъ для личныхъ объясненій, но онъ не будетъ мнѣ помѣхою къ достиженію общаго соглашенія.

Изъ чувства собственнаго достоинства и изъ осторожности я избѣгалъ, во время моей поѣздки, посѣщать представителей Оттоманскаго правительства; но эти господа, по большей части лично мнѣ знакомые, не упустили случая побывать у меня и обмѣняться со мною мыслями. Повѣренный въ дѣлахъ Турціи, Турханъ-бей, первый просилъ позволенія дать Портѣ „дружескій совѣтъ“, какъ ей „выйти изъ настоящаго затрудненія“. Я отвѣтилъ ему то же, что говорилъ прочимъ турецкимъ дипломатамъ, съ коими я видѣлся во время моей поѣздки, а именно, что „если Порта хочетъ избѣжать конфликта, то она должна послѣшить дать ¹⁾ объясненія по существу, которыя могли бы ослабить натянутое положеніе“.

Во время моего пребыванія въ Берлинѣ случилось два второстепенныхъ обстоятельства, которыя едва не создали мнѣ новыхъ затрудненій: одно изъ нихъ произошло изъ за недоразумѣній съ телеграммами и изъ-за чрезмѣрнаго желанія князя Горчакова приписать себѣ всю заслугу переговоровъ, дѣлая за счетъ другихъ и даже въ ущербъ дѣламъ Россіи видъ, что онъ поступаетъ умно и осторожно.

Канцлеръ, считая меня человѣкомъ готовымъ итти всегда напроломъ, ищущимъ всегда ссоры, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, въ чемъ онъ успѣлъ убѣдить и петербургскіе салоны, вообразилъ, что я подалъ Бисмарку мысль, которая

¹⁾ Петербургскому кабинету.

была излюбленной темой самого князя Горчакова лѣтомъ 1876 г. и даже вплоть до самой конференціи, а именно—вовлечь на Россію выполненіе въ Турціи совмѣстнаго рѣшенія европейскихъ державъ и что я обсуждалъ съ германскимъ канцлеромъ вопросъ о послабленіяхъ, которыя могли быть сдѣланы Портѣ. Въ то же время князь Горчаковъ вообразилъ, что разрывъ между Франціей и Германіей былъ неизбѣженъ, и поспѣшилъ поэтому отправить въ Берлинъ нижеслѣдующія двѣ телеграммы отъ 22 числа:

I. „Не слѣдовало бы возвращаться къ мысли дѣйствовать по полномочию; въ особенности не слѣдуетъ настаивать на этомъ; Это имѣло бы для насъ тѣ неудобства, коихъ мы хотимъ избѣжать добиваясь миролюбиваго рѣшенія вопроса.

II. Сожалѣли бы о разрывѣ Германіи съ Франціей, но никогда не подавали этой послѣдней надежды на какую-либо поддержку и не подадимъ ее впредь. Увѣрьте въ этомъ Бисмарка самымъ настоятельнымъ образомъ и сошлитесь на лояльность нашего Августѣйшаго монарха. Желательно было бы знать болѣе опредѣленно, какія именно военныя и финансовыя льготы Германія согласилась бы предоставить намъ. При тяготящихся надъ нами громадныхъ издержкахъ, нельзя рассчитывать на то, что мы пойдемъ навстрѣчу Портѣ. Если ей нужны денежныя средства для ускоренія обѣщанныхъ реформъ, она должна искать ихъ въ разоруженіи, въ особенности въ роспускѣ редифовъ. Ее разоряетъ и парализуетъ ея силы ея теперешнее военное положеніе“.

Такими общими мѣстами, передаваемыми по телеграфу, князь Горчаковъ воевалъ (какъ это часто съ нимъ случалось) съ вѣтранными мельницами. Желая прекратить эти волненія канцлера я въ тотъ же день (22 февраля) (6 марта) поспѣшилъ отвѣтить: „Между мною и Бисмаркомъ не было и рѣчи о какихъ-либо льготахъ для Порты ¹⁾. Бисмаркъ упомянулъ лишь о льготахъ дипломатическаго и военнаго характера, совмѣстимыхъ съ благожелательнымъ нейтралитетомъ, который Германія будетъ соблюдать по отношенію къ намъ, въ случаѣ нашей войны съ Турціей. (Очевидно, вопросъ объ этихъ льго-

¹⁾ Князь Горчаковъ очевидно перепуталъ разговоры, которые Шуваловъ велъ въ то время съ Дерби относительно льготъ и отсрочекъ, которыя могли быть даны Портѣ, съ обмѣномъ мыслей, происходившимъ между Бисмаркомъ и мною, практическое осуществленіе которыхъ зависѣло отъ дальнѣйшихъ требованій Петербурга и размѣры коихъ не могли быть опредѣлены заранее въ Берлинѣ.

Прим. авт.

тахъ долженъ бы быть поднятъ нами въ случаѣ надобности и въ зависимости отъ обстоятельствъ, единственными судьями которыхъ оставались императоръ и его правительство).

„Бисмарку уже указано на необходимость разоруженія Турціи и роспуска редифовъ. Что касается вмѣшательства въ дѣла Турціи по полномочію державъ, то объ этомъ говорилось лишь въ смыслѣ матеріальнаго воздѣйствія, которое кабинеты сочли бы можетъ быть нужнымъ произвести на Порту, если бы было доказано, что она не сдержала своихъ обязательствъ въ отношеніи христіанъ“.

Разъяснивъ такимъ образомъ недоразумѣніе, которое, какъ мнѣ казалось, было вызвано умышленно, я объяснилъ кн. Бисмарку, какъ желалъ канцлеръ, смыслъ того мѣста телеграммы, гдѣ говорилось о возможности столкновенія между Франціей и Германіей.

Второе обстоятельство случилось въ день моей аудіенціи у императора Вильгельма. Заѣхавъ къ канцлеру съ цѣлью самымъ честнымъ образомъ передать ему то, что говорилось на этой аудіенціи, я былъ задѣтъ раздраженнымъ тономъ, какимъ германскій канцлеръ говорилъ со мною объ Убри и о просьбѣ, съ какой русскій посланникъ, аккредитованный въ Берлинѣ, обратился, вопреки установившемуся обычаю, *непосредственно* къ дежурному адъютанту Его Величества, чтобы исходатайствовать мнѣ аудіенцію. Это возбудило, видимо, подозрительность Бисмарка, и онъ, кажется, вообразилъ, что въ Петербургѣ хотѣли вести переговоры непосредственно съ самимъ императоромъ, помимо его канцлера.

По этому поводу онъ высказалъ свою досаду на дворцовыя вліянія (вліяніе императрицы, нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ и французскаго посланника Гутто Бирона). Я выслушалъ его спокойно и съ достоинствомъ, давъ улечься вспышкѣ его гнѣва, и когда раздраженный канцлеръ умолкъ, я въ краткихъ словахъ возстановилъ истину, объяснивъ, что я не повиненъ въ этихъ недоразумѣніяхъ. Кончивъ, я всталъ, сказавъ канцлеру, что пріѣду лучше другой разъ, чтобы продолжать прерванный разговоръ, такъ какъ я вижу, что нервы моего собесѣдника въ данный моментъ слишкомъ разстроены и возбуждены. Князь Бисмаркъ устремилъ на меня испытующій взглядъ, выразившій величайшее изумленіе: видимо съ нимъ говорили непривычнымъ для него языкомъ; затѣмъ, какъ истый джентльменъ, онъ овладѣлъ собою и съ прежней любезностью сталъ горячо настаивать на томъ, чтобы я пробылъ у него еще добрыхъ съ полчаса.

Достойно вниманія, что во время этой гнѣвной выходки Бисмаркъ ясно далъ понять, что Убри не внушалъ ему довѣрія со времени его образа дѣйствій „въ 1866 и 1870 г.г.“, что онъ не можетъ „быть съ нимъ откровененъ и не можетъ обсуждать важныхъ вопросовъ такъ, какъ онъ бы того хотѣлъ“, что баронъ Жомини, „правая рука Горчакова“, внушаетъ ему сильныя подозрѣнія и онъ считаетъ его „человѣкомъ, изъ котораго французы могутъ вить веревки“. Никогда еще канцлеръ не былъ со мною такъ любезенъ и откровененъ, какъ послѣ этой вспышки, которой онъ какъ будто стыдился. Бесѣда закончилась для меня самымъ удовлетворительнымъ образомъ: князь Бисмаркъ своей откровенностью какъ будто хотѣлъ загладить странное впечатлѣніе, которое должна была произвести его гнѣвная выходка на собесѣдника, который ему доказалъ, что онъ не изъ тѣхъ, кого можно запугать или кому можно наступить на ногу.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я остановился въ hôtel du Rhin. Графъ Шуваловъ пріѣхалъ раньше меня и уже успѣлъ повидаться съ герцогомъ Деказомъ ¹⁾.

Я посвятилъ своихъ коллегъ, князя Орлова и графа Шувалова, съ полной откровенностью въ мельчайшія подробности положенія дѣлъ на Востокѣ, настроенія императорскаго кабинета и переговоровъ, только-что происходившихъ въ Берлинѣ. Гр. Шуваловъ на другой же день уѣхалъ обратно.

Въ Парижѣ я имѣлъ частыя свиданія съ герцогомъ Деказомъ и со своими бывшими коллегами по конференціи, графомъ Шодорди и барономъ де Бургоэнъ. Объясняя положеніе дѣлъ французскимъ дипломатамъ, президенту республики, его министрамъ и Тьеру, я настаивалъ въ особенности на выгодахъ, которыя Франція могла извлечь, воспользовавшись случаемъ обезпечить при ея посредствѣ европейскій миръ; между прочимъ я указалъ, что въ интересахъ республики было настаи-

¹⁾ Деказь (Луи, герцогъ Decazes 1819—86 г.). При Людовикѣ-Филиппѣ Д. былъ полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ и Лиссабонѣ. Послѣ революціи 1848 г. онъ сталъ вліятельнымъ членомъ орлеанистской партіи. Послѣ переворота 4 сентября 1870 г. Д. началъ снова принимать активное участіе въ политикѣ; въ качествѣ депутата деп. Жиронды онъ боролся въ національномъ собраніи противъ Тьера, за реставрацію монархіи. Въ министерствѣ герцога де-Брольи Д. сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ теченіе 1874—77 г. держался осторожной политики выжиданія и уступокъ въ отношеніяхъ къ Германіи и въ восточномъ вопросѣ.

вать на томъ, чтобы державы подписали какъ можно скорѣе протоколъ, чтобы поддержать общее согласіе и чтобы восточныя дѣла сохранили характеръ вопроса, въ которомъ были одинаково заинтересованы всѣ европейскія державы.

Признавая „необходимость дать Россіи удовлетвореніе со стороны Европы“, герцогъ Деказъ сдѣлалъ все-таки свои замѣчанія на редакцію протокола, которую онъ находилъ все-таки слишкомъ категорической; онъ совѣтовалъ мнѣ „быть стоворчивѣе“ относительно подробностей, указалъ на затрудненія, которыя могли возникнуть со стороны Англии, и хвалилъ „умѣренность Шувалова, который ясно давалъ себѣ въ этомъ отчетъ“. Два дня спустя, Деказъ сообщилъ мнѣ проектъ протокола, измененный въ смыслѣ сдѣланныхъ имъ замѣчаній, утверждая, что онъ ближе къ мыслямъ, высказаннымъ Дерби, хотя въ немъ приняты во вниманіе и наши требованія, и что онъ скорѣе обезпечить возможность притти къ соглашенію. Не отвергая, во что бы то ни стало, этихъ поправокъ, я все-таки просилъ передать министру иностранныхъ дѣлъ, что въ случаѣ принятія его контръ-проекта, дипломатическій актъ, о которомъ шла рѣчь, потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ отсутствіе реальныхъ обязательствъ со стороны Порты затуманивалось фразами, которыя ничего не значатъ на Востокѣ; и что, сообщивъ кабинетамъ первоначальный проектъ протокола, я уже не могъ, ни въ какомъ случаѣ, принять иного проекта, такъ сильно отличающагося отъ первоначальнаго. Полагая однако, что французскій текстъ могъ еще стать предметомъ обсужденія, ежели бы представителемъ Франціи были сдѣланы для этого какіе-либо шаги при другихъ дворахъ, и желая со своей стороны способствовать соглашенію между державами, чего въ Парижѣ особенно желали, я изложилъ князю Горчакову содержаніе этого контръ-проекта въ моемъ письмѣ отъ 3/15 марта.

Видя, что его редакція не имѣла успѣха, что она не могла быть принята Россіей и не могла удовлетворить нашего общественнаго мнѣнія, герцогъ Деказъ пытался уговорить меня принять вмѣсто протокола тождественные отвѣты державъ на циркулярную ноту князя Горчакова.

Само собою разумѣется, я настаивалъ на необходимости протокола, какъ дипломатическаго акта, который связалъ бы всѣхъ подписавшихъ его и наложилъ бы на нихъ болѣе серьезныя обязательства, нежели простая депеша или декларация. Мы не были обезпечены на счетъ того, что эти тождественные отвѣты не будутъ сопровождаться какими-нибудь соображеніями

и комментаріями, по нашему мнѣнію не подходящими, противъ которыхъ мы не успѣли бы пожалуй принять необходимыхъ мѣръ.

Подъ вліяніемъ полученныхъ въ то время тревожныхъ извѣстій о непосредственныхъ переговорахъ, происходившихъ между Турціей и Черногоріей относительно заключенія мира и слуховъ о неудовольствіи графа Андраши ¹⁾ по поводу того, что ему пришлось согласиться на конференціи на черезъ-чуръ большое увеличеніе Черногоріи, герцогъ Деказъ убѣждалъ меня, что лучше было бы не давать Черногоріи всѣхъ земель, присужденныхъ ей по настоянію русскаго посла въ Константинополь. Я не согласился съ доводами министра и отстаивалъ планъ, намѣченный конференціей, доказывая его преимущество и пользу съ точки зрѣнія обезпеченія мира въ будущемъ.

Я остался вполне доволенъ своими личными и дѣловыми

¹⁾ Андраши (Юлій, графъ) — венгерскій государственный дѣятель, второй изъ трехъ сыновей графа Карла Андраши, род. 8 марта 1823 г. въ Землинѣ, по окончаніи курса въ университетѣ и по возвращеніи изъ путешествія за границу былъ избранъ Землинскимъ комитетомъ въ депутаты пресбургскаго сейма 1847—48 г.г.; по выходѣ въ отставку графа Бейста, назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора. Съ самаго начала франко-прусской войны 1870—1871 г.г. А. выступилъ поборникомъ строгаго нейтралитета Австро-Венгрии, и поэтому дѣятельность его какъ министра иностранныхъ дѣлъ ознаменовалась главнымъ образомъ стараніемъ поддержать дружественныя отношенія съ Германіей. Въ сентябрѣ 1872 г. А. присутствовалъ съ Бисмаркомъ и Горчаковымъ на свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ; въ 1874 г. сопровождалъ императора Франца-Иосифа въ Петербургъ, въ 1875 г. въ Венецію, гдѣ Францъ-Иосифъ имѣлъ свиданіе съ Викторомъ-Эммануиломъ, и въ 1876 г. на свиданіи съ Императоромъ Александромъ въ Рейхштадтѣ. Возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ побудило А. обратиться съ нотою къ Портѣ по вопросу о христіанахъ, бѣжавшихъ изъ этихъ странъ, которая и была вручена Портѣ 31 января 1876 г. Во время войны Турціи съ Сербіей и Герцоговиной и затѣмъ съ Россіей (1876—78), А. руководилъ иностранной политикой въ смыслѣ соблюденія нейтралитета Австро-Венгрии. Но Санъ-Стефанскій договоръ (1878) очень устрасилъ Австрію, и начались интриги. А. получилъ отъ австро-венгерскихъ делегацій военный кредитъ въ размѣрѣ 60 мил. флор. и по его старанію Санъ-Стефанскій договоръ былъ подвергнувъ обсужденію представителей европейскихъ державъ, на конгрессѣ, созванномъ въ Берлинѣ (1878). А. вмѣстѣ съ Калицемъ (Calice) и Гаймерлемъ, въ качествѣ главнаго уполномоченнаго Австріи, добился того, что великія державы предписали ей занять Боснію и Герцоговину, куда австрійскія войска и вступили въ іюль мѣсяцѣ. Съ занятіемъ Новобазарскаго санджака оккупационный планъ А. былъ еще болѣе расширенъ. 22 сентября 1879 г. А. оставилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, завершивъ свою дѣятельность на этомъ поприщѣ заключеніемъ съ Бисмаркомъ австро-германскаго оборонительнаго союза. И. В.

сношеніями съ герцогомъ Деказомъ и объяснялъ его попытки внести въ протоколъ извѣстныя поправки, исключительно его страстнымъ желаніемъ достигнуть окончательнаго соглашенія между державами и послужить связующимъ звеномъ между Россіей и Англійей. Всѣ заявленія, сдѣланныя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ турецкимъ уполномоченнымъ и дипломатическому корпусу, были безупречны: онъ говорилъ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Турціи и съ Ваханъ-Эффенди ¹⁾, бывшимъ въ тотъ моментъ въ Парижѣ, куда онъ былъ посланъ великимъ визиремъ Эдхемъ-пашею съ тайной миссіей, яснымъ и энергичнымъ языкомъ, дѣятельно старался о томъ, чтобы восторжествовала наша точка зрѣнія на протоколъ, давалъ въ этомъ смыслѣ инструкціи французскимъ посланникамъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ и въ томъ же духѣ вліялъ на крупныхъ представителей финансоваго міра, съ которыми онъ былъ постоянно въ сношеніи. Но я цѣнилъ болѣе всего то, что несмотря на дурной примѣръ, поданный лордомъ Дерби и графомъ Шуваловымъ, которые вели отдѣльно переговоры относительно щекотливаго вопроса о нашей демобилизаціи, что было извѣстно герцогу Деказу, онъ былъ настолько тактиченъ, что даже не коснулся этого вопроса въ разговорѣ со мною.

Прочіе члены французскаго кабинета и нѣкоторые видные представители финансоваго міра распространяли въ салонахъ слухи объ англо-турецкихъ требованіяхъ. Это дѣлалось ими вполне корректно, тѣмъ не менѣе я прекратилъ всѣ подобнаго рода попытки, отвѣчая на нихъ неизмѣнно, что вопросъ о демобилизаціи по моему мнѣнію вопросъ праздный, посягающій на достоинство и прямодушіе Россіи, ибо „очевидно, что если бы Россія хотѣла войны, то императорскій кабинетъ не предлагалъ бы державамъ заключить миролюбивое соглашеніе. Простой здравый смыслъ говорить, что, достигнувъ этого соглашенія, мы не рассчитываемъ держать армию на военномъ положеніи и захотимъ избавиться отъ значительныхъ расходовъ, которые станутъ нужны“.

Бесѣдуя объ этомъ вопросѣ, я самымъ категорическимъ образомъ избѣгалъ проводить какую бы то ни было связь между

¹⁾ Армяно-грегоріанскаго исповѣданія, помощникъ секретаря министерства юстиціи въ Константинополѣ, былъ посланъ въ Европу яко бы для ознакомленія съ организаціей магистратуры, которая была введена въ Турціи по точному образцу французской системы, съ одной лишь разницей — что турками не былъ понятъ ея нравственный смыслъ.

Прим. авт.

протоколомъ и нашимъ разоруженіемъ. Что касалось турокъ, дѣло обстояло иначе и я настаивалъ на томъ, что они отлично могли распустить редифы, созванные изъ разныхъ провинцій, нынѣ почти опустѣвшихъ, такъ какъ все здоровое мужское населеніе ушло, чтобы стать подъ знамена. Распустивъ этихъ милиціонеровъ по домамъ, турки имѣли бы еще достаточное количество войскъ для несенія внутренней службы, что и было предусмотрено нашимъ проектомъ протокола.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страничка семейной хроники.

Наступалъ августъ 1774-го года. Вѣсти о приближеніи Пугачева къ Саратову приходили непрестанно. Населеніе, какъ городское, такъ и сельское всего прилежащаго края волновалось. Повсюду бродили подозрительныя личности, рассказывавшія всякія небылицы про самозванца, обѣщавшія всевозможныя блага, а особенно крѣпостнымъ помѣщичьимъ людямъ. Нѣкоторые жители вѣрили, что ожидаемый благодѣтель ихъ есть дѣйствительно Императоръ Петръ III-й; другіе,—а ихъ было большинство—относились къ личности его безразлично, осуществились бы лишь мечты о свободномъ житьѣ и предстоящемъ „гуляньѣ“. Но и благоразумное меньшинство было сбито съ толку и недовѣрчиво относилось и къ распоряженіямъ мѣстныхъ властей и къ увѣреніямъ своихъ помѣщиковъ. Лишь незначительная часть крестьянъ оставалась вѣрной своимъ господамъ и въ точности исполняла ихъ приказанія.

Мѣстнымъ губернаторомъ Кречетниковымъ были приняты мѣры „предосторожности“:—въ селахъ назначены попечители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, приказано было слѣдить за появленіемъ бродящихъ личностей, арестовывать ихъ и представлять по начальству; съ цѣлью недопущенія бродягъ въ населенныя мѣста у въѣздовъ въ села и деревни и выѣздовъ изъ нихъ были выставляемы караулы; околицы же окружены загородами и рогатками. Но могли ли эти мѣры уберечь отъ появленія въ избахъ темныхъ проходимцевъ, передававшихъ самые интересные и соблазнительные рассказы? Положеніе помѣщиковъ въ усадьбахъ становилось день ото дня рискованнѣй. Многіе изъ нихъ, побросавъ хозяйство и имущество, бѣжали въ столицы и спокойныя отъ мятежа губерніи. Но большинство все же

оставалось въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, въ надеждѣ, что тѣмъ или инымъ путемъ минетъ ихъ надвигавшаяся гроза.

Въ описываемое нами время, въ 25-ти верстахъ ниже Саратова по Волгѣ, въ селѣ Хмѣлевкѣ, насчитывавшемъ до 50-ти крестьянскихъ дворовъ, жило въ общей усадьбѣ двѣ семьи дворянъ Шахматовыхъ.

Старшій представитель рода Алексѣй Лукичъ оставилъ послѣ своей смерти вдову, двухъ сыновей и дочь. Покойный коллежскій ассесоръ слылъ не только въ околodкѣ, но и по всему поволжью за очень богатаго человѣка. Постепенной покупкой пожней, садовъ, мельницъ и другихъ угодій, а также арендой рыбныхъ ловель, Алексѣй Лукичъ изъ года въ годъ увеличивалъ свое и безъ того большое наслѣдственное состояніе. Но не богатство создало настоящую славу его, а рѣдкія въ то время душевныя качества:—неизмѣнно строгій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и справедливый въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ людей, всѣмъ сердцемъ отдававшійся заботамъ о ихъ благосостояніи, вникавшій во всѣ ихъ незатѣйливыя семейныя и домашнія нужды, Алексѣй Лукичъ завоевалъ общую къ себѣ народную любовь. Слава о его добротѣ и справедливости росла изъ года въ годъ и разносилась тысячеустной толпой отъ Астрахани до Казани и Нижняго-Новгорода. Многіе „вольные люди“, услышавъ, о добропорядочности житія“ у Шахматова, добровольно приписывались къ числу его крѣпостныхъ слугъ. Бѣглецы крестьяне другихъ помѣщиковъ обращались къ Алексѣю Лукичу со слезными просьбами купить ихъ у нынѣшнихъ господъ. Нашелся какой-то полякъ Шондарь, принявшій православіе который „не нашелъ больше способу, какъ быть въ услуженіи за Шахматовымъ“.

По смерти стараго барина, народная любовь перешла къ старшему сыну его, Николаю Алексѣевичу, во всемъ взявшему примѣръ съ родителя. Образованнѣйшій для своего времени человѣкъ, говорящій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, участникъ Крымскихъ походовъ, будучи 25 лѣтъ отъ роду, онъ вышелъ, по кончинѣ отца своего, въ отставку и безвыѣздно поселился въ Хмѣлевкѣ.

Съ нимъ жила и мать его, Марья Степановна, рожденная Вышеславцева, посвятившая себя всецѣло поддержанію образцоваго женскаго хозяйства въ домѣ. Правда, съ выдачей замужъ 16-ти лѣтней дочери своей, Екатерины Алексѣевны, за главнаго судью опекунства иностранныхъ въ Саратовѣ, Михаила Михайловича Ладыженскаго, она лишилась ближайшей помощницы, но,

будучи еще относительно не старой женщиной, образцово справлялась съ дѣломъ.

Въ Хмѣлевкѣ находился и пріѣхавшій навѣстить вдову матушку свою полевой артиллеріи сержантъ Павелъ Алексѣевичъ Шахматовъ.

Другая семья Шахматовыхъ, семья младшаго брата покойнаго Алексѣя Лукича,—Артамона Лукича, состояла изъ него самого, отставнаго прапорщика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, жены его Прасковьи Ивановны, трехъ сыновей и дочери. Самъ Артамонъ Лукичъ, хотя и не имѣлъ той славы, которой пользовался старшій братъ его, Алексѣй, но слылъ во всемъ околоткѣ за человѣка чрезвычайно умнаго и пользовался общимъ уваженіемъ. Сыновья его, Иванъ, Петръ и Александръ Артамоновичи, будучи въ возрастѣ 18-ти, 17-ти и 14-ти лѣтъ, служили въ Преображенскомъ полку, а потому въ описываемое время изъ Хмѣлевки отсутствовали. Ихъ мать, Прасковья Ивановна, была изъ рода Нечаевыхъ, вотчина которыхъ находилась въ Симбирской губерніи. Тамъ, въ селѣ Новоспасскомъ жилъ родной братъ ея Иванъ Ивановичъ Нечаевъ. Сестры же ея были замужемъ:—Марѳа Ивановна—за пензенскимъ воеводой Всеволожскимъ, а Матрена (иначе Маргарита) Ивановна—за саратовскимъ же помѣщикомъ Безобразовымъ, усадьба котораго, „Буркинъ Буеракъ“ находилась по близости Хмѣлевки; это служило причиной частаго свиданія сестеръ.

Характеристика Прасковьи Ивановны сдѣлана въ „Семейныхъ запискахъ Рожкова“¹⁾. По словамъ автора ихъ, она была очень добрая старушка, которая хотя и не получила образованія, но своей добротой искупала этотъ недостатокъ. Въ ней не было ни скаредности, ни нахальства, которыми отличались всѣ барыни того времени, а напротивъ, во всѣхъ ея поступкахъ была видна приличность, какъ слѣдствіе продолжительной жизни съ мужемъ, который былъ человѣкъ очень умный и жившій много въ обществѣ“.

Ведя образцово домовое хозяйство, Прасковья Ивановна обращала главныя заботы свои на воспитаніе нѣжно любимой ею дочери Машеньки. Каковы были результаты этого воспитанія, можно судить изъ тѣхъ же записокъ Рожкова, свидѣтельствующаго, что Марья Артамоновна „была во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка замѣчательная: пріятная, привлекательная наружность, высокій ростъ, стройный станъ, лицо нѣсколько рябова-

¹⁾ См. „Библіотека для Чтенія“. 1860-го года.

тое, но настолько, что это едва было замѣтно и нисколько не безобразило его владѣлицу; а свѣжесть и необыкновенная пріятность выраженія и доброты придавали всей ея особѣ особую прелесть. Прибавьте къ этому пріятныя манеры, любезность и развязность, безъ излишней приторности, а только какъ слѣдствіе продолжительной жизни въ городѣ, въ хорошемъ обществѣ. Кромѣ того, Марья Артамоновна была для того времени хорошо образована: она хорошо знала французскій и нѣмецкій языки и ловко танцевала“.

Однако, характеристика Прасковьи Ивановны и ея дочери, едѣланная Рожковымъ, относится къ позднѣйшимъ временамъ; въ описываемый же нами годъ Машенькѣ Шахматовой было только семь лѣтъ.

Вѣсти о самозванцѣ достигали, конечно, и Хмѣлевки. Несмотря, какъ мы уже сказали, на принятые мѣры, такъ называемыя „предосторожности“, значительное число оборванцевъ шаталось по сельскимъ задворкамъ, ночуя иногда гдѣ-либо на гумнахъ, въ водоровинѣ, въ буеракахъ, въ тѣнистыхъ перелѣскахъ. Теплое время года и сама мѣстность благопріятствовали появленію бродягъ какъ въ окрестностяхъ села, такъ и въ немъ самомъ. Съ обширныхъ ваймищъ, поросшихъ тальникомъ, вдоль безпорядочныхъ обрывовъ нагорнаго берега, поросшихъ вѣковыми дубами и вязами, легко было пробраться въ широкій оврагъ русла рѣчки нижней Хмѣлевки. Здѣсь, хотя и вблизи господской усадьбы, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣснаго ряда сельскихъ избъ,—здѣсь у мельничнаго колеса можно было и отъ дождя укрыться и у пронырливаго мельника Яшки, несмотря на барскій приказъ, разжиться краюхой хлѣба.

Разказы прохожихъ на мельницѣ не оставались тайной для Хмѣлевскихъ крестьянъ:—ихъ разглашалъ „по секрету—всему свѣту“ и самъ Яшка, ихъ слушали иногда помольцы лично. Не мало было, впрочемъ, встрѣчь Хмѣлевскихъ обывателей на берегу Волги съ бурлаками проходившихъ судовъ и Богъ вѣдаетъ откуда и куда слѣдующими прихожими.

Сами же Шахматовы получали подробныя свѣдѣнія о Пугачевѣ и о дѣйствіяхъ его полчищъ какъ въ городѣ Саратовѣ, гдѣ имъ приходилось бывать довольно часто по разнымъ дѣламъ, такъ изъ городовъ, селъ и деревень всего охваченнаго мятежемъ края.

О происходящемъ въ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ окрестностяхъ безпокойнаго села Мурашкина сообщали сосѣди, недавно лишь проданной, старой вотчины Шах-

матовыхъ, села Шахматова-Шехонскаго тожъ. Изъ Симбирскаго уѣзда приходили донесенія прикащика села Архангельскаго, родового помѣстья Вышеславцевыхъ, доставшагося въ приданое Марьѣ Степановнѣ. Пришли вѣсти изъ Верхняго Ломова объ ужасной смерти нѣсколькихъ ея родственниковъ, въ томъ числѣ секундъ-маіора и двухъ подпоручиковъ Вышеславцевыхъ съ женами. Въ Пензенскомъ уѣздѣ былъ убитъ, приходившійся родственникомъ Шахматовымъ и Нечаевымъ, подпрапорщикъ Пересѣкинъ со всей семьей. Словомъ, извѣстія о нашествіи самозванца приходили одно за другимъ, одно другого тревожнѣе, одно другого страшнѣе. Прискакалъ, наконецъ, въ Хмѣлевку изъ Пензы человекъ родной сестры Прасковьи Ивановны, Марѣ Ивановны, и рассказалъ объ ужасной кончинѣ воеводы Всеволожскаго, запершаго въ домѣ своемъ и погибшаго въ пламени, вмѣстѣ съ бывшими въ городѣ дворянами, со своєю и съ ихъ семьями.

Несчастливая Прасковья Ивановна разразилась рыданіями и потерявъ голову не знала, что предпринять: — подумать ли о спасеніи собственномъ и нѣжно любимой дочери, принять ли мѣры къ спасенію цѣннаго имущества и всякаго домашняго скарба? А дома не все было благополучно:—замѣчено, что нѣкоторые дворовые не такъ ревностно исполняютъ ея приказанія, а кое-кто изъ нихъ чрезмѣрно долго засиживается на селѣ у родныхъ. Добрѣйшая женщина частенько прощала провинности людей и въ обычное время, теперь же, глубоко огорченная и совершенно разстроенная,—не взыскивала съ нихъ и по-давно. Въ вопросѣ о личномъ спасеніи она положила во всемъ на своего мужа. Что же касается имущества, то, съ вѣдома Артамона Лукича, приготовила большой, жестью окованный сундукъ, когда-то наполненный ея приданымъ и уложила въ него все наиболѣе цѣнное. Туда вошли и образа въ серебряныхъ окладахъ съ жемчужовыми ризами, и лаловыя и алмазныя серьги и яхонтовыя ожерелья и серебряныя вызолоченныя жбаны и тяжелая мѣдная посуда.

Артамонъ Лукичъ ходилъ раздраженный въ перѣшительности, оставаться ли ему въ Хмѣлевкѣ или ѣхать въ Саратовъ, гдѣ послѣ іюньскаго пожара—весь городъ выгорѣлъ, уцѣлѣли лишь каменные церкви и немногочисленные дома, да пригородъ Меляковка — имъ возводились новыя амбары, лабазы и лавки. Въ нихъ накопилось уже значительное количество зерна, муки и прочихъ сельскихъ продуктовъ. Да и большой домъ у Царицынскихъ воротъ былъ полонъ всякаго добра.

П р а с к о в ья И в а н о в н а
Ш А Х М А Т О В А
(рожденная Нечаева).

М а р г а р и т а (М а т р е н а) И в а н о в н а
Б Е З О Б Р А З О В А
(рожденная Нечаева).

Переговоривъ съ племянникомъ, Николаемъ Алексѣевичемъ, онъ рѣшилъ оставить жену и дочь на его попеченіи, а самому отправиться въ Саратовъ. Въ ночь, передъ отъѣздомъ, былъ вынесенъ изъ дому и поставленъ на подводу, припасенный Прасковьей Ивановной сундукъ, и, въ сопровожденіи двухъ наиболѣе вѣрныхъ дворовыхъ, кучера и самаго Артамона Лукча, отвезенъ въ Малый садъ, на рѣчку верхней Хмѣлевкѣ. Тамъ подъ одной изъ яблонь зарыли его въ землю, обмотыжили лунку и, прямымъ путемъ,—не заѣзжая домой,—отправились въ городъ.

Марья Степановна Шахматова, напуганная извѣстіями о гибели многихъ ея родственниковъ, не могла не тревожиться о судьбѣ своей дочери, остававшейся въ Саратовѣ вмѣстѣ съ мужемъ Лодыженскимъ. На попеченіи молодой женщины находились дѣти Лодыженскаго отъ перваго брака,—мальчикъ и двѣ дѣвочки. Въ домѣ же, вслѣдствіе тревожнаго времени и постоянного отсутствія Михаила Михайловича, благодаря странному настроенію прислуги, шла полная разруха. Неопытная еще хозяйка, Екатерина Алексѣевна, не могла справиться съ возложенными на нее обязанностями безъ посторонней помощи и слезно умоляла мать переѣхать къ ней хотя-бы на короткое время. Оставя вся женское хозяйство въ Хмѣлевкѣ на рукахъ ключницы, Марья Степановна перебралась въ Саратовъ, въ домъ зятя.

Съ нею вмѣстѣ переѣхалъ въ городъ и младшій ея сынъ Павелъ Александровичъ, счелшій долгомъ своимъ въ тревожное время для государства стать въ ряды Саратовскаго гарнизона.

Между тѣмъ Пугачевъ подходилъ къ Саратову. Въ самомъ городѣ царствовало полное безначаліе. Губернаторъ Кречетниковъ, сдѣлавъ рядъ циркулярныхъ распоряженій, счелъ за благо удалиться къ себѣ домой въ Астрахань¹⁾. Старый Саратовскій воевода полковникъ Юнгеръ недавно скончался, а должность его временно правилъ честный, храбрый и распорядительный полковникъ Бошнякъ, не пользовавшійся, однако, достаточнымъ авторитетомъ среди населенія. Вновь назначенный воевода Лихаревъ находился въ пути къ городу. Но вдругъ пришла вѣсть, что онъ настигнутъ сообщниками Пугачева въ деревнѣ Бѣлгозѣ и вмѣстѣ съ семьей, съ каретой и лошадьми сброшенъ съ крутого берега въ рѣчку. Такимъ образомъ Бошнякъ остался

¹⁾ Саратовъ входилъ въ составъ Астраханской губерніи.

главнымъ соотвѣтственнымъ лицомъ въ дѣлѣ защиты Саратова. Какъ комендантъ „города“, что по тогдашнимъ понятіямъ служило синонимомъ крѣпости, честный Бошнякъ, по долгу воинской чести, считалъ обязанностью своей защищать центръ его, окруженный валомъ и ровомъ. Но интересы война шли въ разрѣвъ съ интересами главнаго судьи опекунства иностранныхъ; Лодыженскій полагалъ необходимымъ обезпечить отъ захвата разбойниками складовъ громаднаго количества заготовленнаго для поселенцевъ продовольствія. Склады эти находились на берегу Волги, нѣсколько ниже центральной части города. Саратовскіе валъ и ровъ находились въ плачевномъ состояніи, почему было, можетъ быть, и выгодноѣ возвести новое укрѣпленіе близъ складовъ; но за городскимъ валомъ находились соборъ, церкви и правительственныя учрежденія, которыя нельзя было оставить безъ защиты. На общую бѣду комендантъ города былъ только въ чинѣ полковника, тогда какъ судья иностранныхъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ. Обстоятельство это дало поводъ Лодыженскому возбудить споръ о старшинствѣ въ чинѣ. Лодыженскій, возомнивъ себя первымъ лицомъ въ городѣ, игнорировалъ отношенія Бошняка къ служебному долгу и требовалъ послушанія своимъ распоряженіямъ.

Статскаго совѣтника поддерживалъ командированный въ Саратовъ чванливый и блестящій гвардеецъ Гаврила Державинъ. Въ результатѣ, — полуразвалившаяся саратовская крѣпость—валъ и ровъ не были приведены въ сколько-нибудь соотвѣтствующее оборонѣ состояніе, а городскіе жители, окончательно сбитые съ толку, не знали, чьихъ распоряженій слушаться и, смущенные подосланными лазутчиками и подброшенными прокламаціями, въ огромномъ большинствѣ ожидали лишь прибытія мнимаго Петра III-го, чтобы передаться на его сторону.

Пугачевъ подошелъ къ Саратову по большой Московской дорогѣ 5-го августа вечеромъ. За ночь полчища его придвинулись къ Волгѣ и раскинули станъ свой у подножья премыкающей къ городу съ сѣверной стороны Соколовой горы.

Не добившійся отъ упрямаго Бошняка исполненія своихъ предначертаній, честолюбивый Лодыженскій пришелъ къ заключенію, что захватъ мятежниками Саратова не минуемъ. 6-го августа утромъ, успѣлъ онъ бѣжать внизъ по Волгѣ, захвативъ семью и кое-что изъ имущества и казенныхъ дѣлъ. Съ начальникомъ своимъ бѣжалъ и весь штатъ опекунства иностранныхъ. Бѣглецамъ, а въ ихъ числѣ и Марья Степановъ съ дочерью

удалось миновать опасность и благополучно добраться до Царицына.

Наступилъ наконецъ для Саратова день роковой развязки. Съ высокой Соколовой горы палилъ Пугачевъ по городу изъ пушекъ, заряжая ихъ мѣдною монетою. Развращенная городская чернь жадно подбирала даренныя псевдо-царскія деньги. Удручающее впечатлѣніе произвело на защитниковъ города извѣстіе о томъ, что стоящая на валу пушка отказывается стрѣлять по, якобы, законному Государю. Передались на сторону самозванца купецъ Кобяковъ съ товарищами, измѣнили присягѣ казаки и 300 артиллеристовъ во главѣ съ маіоромъ Салмановымъ. И вотъ 6-го августа, около шести часовъ вечера, нѣсколько сотъ конныхъ башкиръ, казаковъ и всякаго сброда, съ ужаснымъ крикомъ и гиканьемъ спустились съ горъ и мостомъ черезъ Глѣбучевъ оврагъ ворвались въ городъ. Другая, нѣшая толпа подобралась со стороны Волги и выскочивъ изъ лодожъ на берегъ, полѣзла къ центру города, къ соборной площади, къ правительственнымъ учрежденіямъ, къ кабакамъ. Тщетны были старанія Бошняка не допустить безумную и опьянѣвшую толпу въ городъ. Скрывъ на груди подъ мундиромъ полотнище гарнизоннаго знамени, съ небольшой лишь горстью удалцовъ, захвативъ сколько было возможно казны и воеводскихъ дѣлъ, храбрый полковникъ рѣшился на отступление внизъ по Волгѣ къ Дмитровску (Камышину), дрался, какъ девъ, и съ наступленіемъ темноты пробился на югъ, въ Дресвянскіе тальники и далѣе.

Мятежники же предались неограниченному грабежу и разгулу въ городѣ. Разбиты были царскіе кабаки, бочки съ виномъ выкачены на улицу, всякое добро растащено изъ домовъ и сгружено на площади и въ переулкахъ.

А мнимый царь сидѣлъ въ шутовскомъ нарядѣ въ палаткѣ, принималъ присягу своихъ новыхъ вѣрноподданныхъ и казилъ непокорныхъ. Рядъ висѣлицъ сталъ на гребнѣ Соколовой горы, а въ городѣ и за городомъ, по сторонамъ Московской дороги, да и за Царицынскими воротами валялись трупы разстрѣлянныхъ жителей, отказавшихся цѣловать руку самозванца или слишкомъ ревностно защищавшихъ отъ грабителей собственное добро.

Въ числѣ труповъ, оставшихся на городскомъ валу, лежало и тѣло пылкаго сержанта Павла Алексѣевича, павшаго въ одной изъ самыхъ жестокихъ схватокъ.

Разграбленъ былъ домъ Артамона Лукича у Царицынскихъ.

воротъ. Какъ разъ противъ него находился кабакъ, привлекшій значительную толпу безобразниковъ. Бывшіе при дворѣ дворовые люди Шахматова тщето старались оберечь ввѣренное имъ имущество. Иные изъ нихъ за усердіе поплавились живнью; вѣроятно въ ихъ числѣ и тогда же погибли тѣ дворовые, что зарывали сундукъ въ предшествующую ночь въ Хмѣлевскомъ Маломъ саду:—убитые унесли съ собой въ могилу свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения клада, такъ часто впоследствии соблазнявшаго Хмѣлевскихъ обывателей.

Мы отказываемся объяснить, когда и какъ вернулся Артамонъ Лукичъ въ Хмѣлевку, но склонны предположить, что онъ отступилъ изъ Саратова вмѣстѣ съ храбрымъ Бошнякомъ. Историческіе документы передаютъ, что саратовскій комендантъ пробился сквозь толпу мятежниковъ шестого августа вечеромъ и ночью же отступилъ далѣе на югъ. Путь его лежалъ густымъ дубовымъ лѣсомъ къ поселку Набережный увекъ, а оттуда береговой дорогой и займищами, мимо Хмѣлевки, до деревни Новосвѣтаевки. Здѣсь остатки саратовскаго гарнизона сѣли на суда и отплыли въ Царицынъ.

Очень можетъ быть, что ночной маршъ Бошняка былъ форсированъ, съ цѣлью выигрыша времени и безпрепятственной посадки отряда на суда.

Пугачевъ почти не преслѣдовалъ саратовскаго коменданта, а сообщники его, упоенные успѣхомъ и выпитымъ виномъ, увлеченные грабежами имущества и заняты расправой съ городскими жителями, не имѣли времени подумать объ уничтоженіи или плѣненіи отступающей горсти всего въ 60 человекъ.

Такимъ образомъ, — если вѣрно наше предположеніе, что Артамонъ Лукичъ прибылъ въ Хмѣлевку вмѣстѣ съ отрядомъ Бошняка,—онъ, конечно, имѣлъ достаточно времени для принятія мѣръ къ спасенію жены и дочери.

Преданіе говоритъ, что Прасковья Ивановна Шахматова, вмѣстѣ съ сестрой своей, Матреной Ивановной Безобразовой, были перевезены на, такъ называемый, Большой островъ. Отряды пугачевцевъ, слѣдовавшіе сухимъ путемъ, не нуждались въ заходѣ на этотъ островъ съ переправой черезъ коренное теченіе Волги: партіи же разбойниковъ, слѣдовавшія на судахъ, не замѣтили бы бѣглецовъ, спрятавшихся въ заросляхъ тальника или въ стогахъ сѣна. На островѣ находились съ барыней и кое-кто изъ дворовыхъ, захватившихъ достаточное количество провизіи.

Семилѣтнюю Машеньку почему-то съ собой не взяли. Мо-

жетъ быть опасались держать ее подъ открытымъ небомъ и подвергать непогодѣ. Спасти барышню и спрятать ее отъ глазъ разбойниковъ взялась вѣрная нянька, имя которой преданіе къ сожалѣнію не сохранило. Дѣвочку перенесли въ простую избу на селѣ и переодѣли въ крестьянское платье.

Артамонъ Лукичъ и Николай Алексѣевичъ остались въ Хмѣлевской усадьбѣ одни, рѣшивъ, по возможности, защитить свое имущество отъ разграбленія.

Въ пьяномъ разгулѣ, въ грабежахъ, въ непрерывномъ рядѣ казней и безобразныхъ убійствъ протекали въ Саратовѣ дни 6-го, 7-го и 8-го августа. Пугачевъ успѣлъ захватить на Волгѣ баржу съ частью казенныхъ денегъ, отправленныхъ въ Царицынъ еще Лодыженскимъ. Другая часть казны была найдена мятежниками въ подвалахъ Троицкаго Собора и воеводскаго дома. Громадные обозы были нагружены всякимъ награбленнымъ добромъ. Но пришла вѣсть о приближеніи къ Саратову отрядовъ Муфеля и Михельсона, давно уже гнавшагося за Самозванцемъ. Съ деморализованной толпой пьяныхъ оборванцевъ нечего было думать о сопротивленіи правительственнымъ войскамъ; — пора было бѣжать далѣе на югъ къ Дмитровску (нынѣшнему Камышину) и къ Царицыну.

Съ вечера 8-го августа передовые отряды Пугачева выступили большой Царицынской дорогой, проселками по сторонамъ ея и береговъ Волги. Выступление главныхъ силъ и самаго самозванца было назначено на утро 9-го числа.

Въ сумеркахъ 8-го августа одинъ изъ передовыхъ отрядовъ ворвался въ Хмѣлевку и, первымъ дѣломъ, кинулся на барскій дворъ. Налетъ его на усадьбу засталъ Артамона Лукича врасплохъ. Вышедшій навстрѣчу разбойникамъ онъ былъ ими тутъ-же убитъ.

Расправившись съ бариномъ, мятежники принялись за поиски и другихъ членовъ семьи. Прасковья Ивановна сразу не была найдена, какъ не нашли и Машеньки. Неизвѣстно, какимъ образомъ избѣгъ участи своего дяди Николай Алексѣевичъ.

Но за розыскомъ господъ, разбойники проникли во всѣ углы дома, во всѣ кладовки, погреба и прочія службы. Ничто не скрывалось отъ ихъ пытливаго глаза, а особенно хранящееся въ винницѣ и погребахъ. Грабежъ усадьбы былъ начать тутъ же, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбиты были бочки съ виномъ, откупорены бутылки съ наливками и разными прохладительными.

Большая часть перепуганной дворни разбѣжалась, укрывшись кто въ избахъ своихъ на селѣ, кто на гумнахъ, а кто и

въ многочисленныхъ перелѣскахъ. Нашлись, конечно, и такіе люди изъ крѣпостныхъ Шахматовыхъ, которые приняли участіе въ разгулѣ грабителей. Въ ихъ числѣ былъ и мельникъ Яшка, встрѣтившій среди разбойниковъ кое-кого изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, почевавшихъ не разъ у него на мельницѣ и дѣлившихъ съ нимъ хлѣбъ-соль, да шкаликъ сивухи. „Видишь,—по-нашему вышло“!..—говорили они ему:—„Плевать тебѣ теперь на господъ! Ну-ка, молодецъ, поднеси еще кусочекъ“.

Однако, среди грабежа и пьянства, прибывшіе военачальники не забыли отдать приказаніе Пугачева выгнать на утро все окрестное населеніе на большую дорогу, на поклонъ Царю.

Трактъ на Царицынъ, такъ называемый „станишникъ“ пролегалъ параллельно по берегу Волги, въ 10—12 верстахъ отъ нея и Хмѣлевки. Земли Хмѣлевской и Колотовской дачь Шахматовыхъ захватывали этотъ трактъ въ мѣстности, прилегающей къ рѣчкѣ Горючкѣ (притока рѣки Иволги). Туда къ Большому Колку (дѣсу) потянулись утромъ 9-го августа всѣ жители села Хмѣлевки, сосѣднихъ Колитова, Буерака, Бѣленькаго, Фармосова Буерака и другихъ деревень. Съ крестьянами вмѣстѣ повели (или повезли) и Николая Алексѣевича.

Всей выгнанной на станишникъ толпѣ крестьянъ и другихъ обывателей приказано было, для встрѣчи ихъ мнимаго Государя, стать на колѣни. Отъ такого униженія отказался лишь одинъ Шахматовъ.

По докладѣ Пугачеву объ ослушаніи помѣщика, самозванецъ немедленно приказалъ его повѣсить. Но не только „вся Хмѣлевка“, а всѣ окрестные поселяне снова стали на колѣни и, послѣ усиленныхъ просьбъ и даже слезъ, вымолили любимому своему барину прощеніе.

Съ проѣздомъ Пугачева не минула еще для Николая Алексѣевича угроза быть повѣшеннымъ: — еще не разъ пришлось Хмѣлевскимъ крестьянамъ защищать его отъ покушеній со стороны отставшихъ и догонявшихъ своего повелителя пьяныхъ наѣздниковъ. Лишь къ солнечному закату возвратились хмѣлевцы домой.

А тѣмъ временемъ дикія сцены разыгрывались на барскомъ дворѣ ихъ села.

Неизвѣстно, кѣмъ было выдано убѣжище на островѣ Прасковьи Ивановны и сестры ея. Отправившіеся туда изъ числа заночевавшихъ въ Хмѣлевкѣ, разбойники нашли перепуганныхъ и истомленныхъ барынь у подножья большого стога сѣна.

Немедленно были онѣ связаны и перевезены обратно на берегъ. Говорятъ, что, перевязывая руки Прасковѣ Ивановнѣ, ихъ такъ сильно скрутили назадъ, что у ней лопнула кожа на груди. Конечно, разсказъ этотъ неправдоподобенъ, но такъ гласить преданіе.

Хозяйственныя постройки Хмѣлевской усадьбы были въ нѣкоторомъ удаленіи отъ господскаго дома, за пролегающей черезъ село дорогой, близъ церкви. Они образовывали особый дворъ, среди котораго росъ вѣтвистый, старый вязъ. Сюда была доставлена Прасковья Ивановна. На вязѣ этомъ рѣшено было ее повѣсить. Разбойники приступили уже къ страшному дѣлу. Спасти барыню было некому. Большинство крестьянъ и дворянъ либо находилось въ числѣ выгнанныхъ на Царицынскую дорогу, либо было въ бѣгахъ.

На селѣ и въ усадьбѣ оставалось только нѣсколько человѣкъ худшаго элемента, не могшихъ спяна двинуться съ мѣста, не сознававшихъ окружающаго и не способныхъ оказать какое-либо сопротивленіе злодѣямъ. Въ числѣ хмѣльныхъ былъ и мельникъ Яшка. „Плевать мнѣ на господъ“! горланилъ онъ, размахивая руками и пошатываясь. Въ безсознательномъ состояніи подошелъ онъ къ Прасковѣ Ивановнѣ и дѣйствительно плюнулъ ей въ лицо.

Но еще пьянѣе Яшки были и сами палачи. Три раза принимались они вѣшать несчастную мученицу и три раза терпѣли неудачу:—то барыня срывалась съ петли, то обрывалась ненадежная веревка. Раздался, по счастью, чей-то голосъ, напомнившій, что приговореннымъ къ повѣшенію, въ случаѣ троекратной неудачи палача, полагается помилованіе. Это напоминаніе спасло жизнь Прасковьи Ивановны.

По возвращеніи своемъ изъ Горючки Николай Алексѣевичъ нашелъ тетку лежащей безъ памяти подъ вязомъ, хотя и освобожденной отъ веревокъ. Матрена же Ивановна, не извѣстно почему не подвергшаяся участи сестры, сидѣла едва живая съ перепуга въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома. А у крыльца лежало, до сихъ поръ не прибранное, тѣло старика Артамона Лукича. Вся усадьба, весь домъ были разграблены дочиستا. На полу и по двору валялись битая посуда, поломанная мебель... Стекла въ окнахъ вышиблены, двери сорваны съ петель и расколоты...

Остается сказать о судьбѣ Марьи Артамоновны. Въ минуту отлучки ея няни за водой на рѣку, оставшаяся одна въ избѣ Машенька, какъ была въ рубашенкѣ и босикомъ, выбралась

на завалинку. Испугавшись проѣзжавшаго мимо разбойника, она горько расплакалась, утирая слезы рученками. Нѣжныя и лишенныя загара ноги дѣвочки привлекли вниманіе злодѣя и возбудили справедливое подозрѣніе. Только своевременное возвращеніе и находчивость няньки спасло Машеньку отъ намѣренія его тотчасъ прикончить съ барышней.

11-го августа утромъ вступили въ Саратовъ неутомимые Муфель и Михельсонъ. Черезъ два дня послѣ него подошелъ и отрядъ Михельсона. Соединившись, они двинулись въ догонку за Пугачевымъ. Въ городѣ же были назначены власти, арестованы и преданы суду измѣнники, убраны тѣла убитыхъ. Въ числѣ прочихъ было подобрано и предано землѣ тѣло Павла Алексѣевича Шахматова. Никто изъ родныхъ не могъ присутствовать на похоронахъ, а потому и могила его осталась неизвѣстной.

По проходѣ правительственныхъ войскъ черезъ Хмѣлевку, начался водворяться понемногу порядокъ и въ ней. Проспавшіеся безобразники изъ числа крестьянъ и дворовыхъ явились съ повинной къ Прасковѣ Ивановнѣ и Николаю Алексѣевичу. Доброта господъ превысила всякія ожиданія, и никто изъ нихъ не былъ подвергнутъ какому-либо наказанію. Такое отношеніе господъ къ виновнымъ особенно поразило мельника Яшку. Онъ, дерзкій оскорбитель, онъ, на котораго всѣ односельчане показывали пальцемъ, какъ на подлаго измѣнника и большинство которыхъ отъ него отворачивалось, — онъ не только не былъ высѣченъ или предназначенъ въ рекруты, но даже не услышалъ отъ барыни упрека или попрека. Проходили дни, а Прасковья Ивановна относилась къ нему по-прежнему добросердечно и мягко. Совѣсть мучила хоть и легкомысленнаго и безпутнаго, но честнаго слугу. Нестерпимы были его душевныя страданія.

Тѣло Артамона Лукича, одѣтое въ прапорщичій мундиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, было положено въ гробъ и поставлено среди Хмѣлевской церкви.

Священникъ, отецъ Емельянъ Акимовъ, уже отслужилъ панихиду. Едва держащаяся на ногахъ Парасковья Ивановна, глубоко потрясенная всѣмъ происшедшимъ, не въ силахъ была плакать, а какъ-то молча, особенно тяжело переносила свое горе.

При пѣвнн „со святыми упокой“ горько всхлипывала Машенька, смахивая слезу съ глазъ присутствующій Николай Але-

кѣевичъ, катились онѣ по щекамъ молящихся за упокой души барина дворовыхъ и крестьянъ.

Хотя панихида служилась передъ тѣломъ одного лишь Артамона Лукича, священникъ молился объ упокоеніи рабовъ Божіихъ, новопреставленныхъ бояръ Артамона и Павла.

Кончалась служба. Господа и слуги разошлись по домамъ и утомленные дневными заботами и пережитымъ уснули крѣпкимъ сномъ.

Темная августовская ночь окутала Хмѣлевку и окрестности. Усадьба, ряды сельскихъ избъ и лѣсистый оврагъ рѣчки Хмѣлевки слились въ общую темную массу. Внизъ подъ обрывомъ разстилалась водяная гладь широкой Волги-матушки, отражая въ себѣ небо съ безчисленными звѣздами и набѣгавшими тучками. Да по другую сторону усадьбы, на полугорѣ бѣлѣла колокольня сельской церкви. Недавно, всего лишь лѣтъ 7 назадъ была она отстроена иждивеніемъ покойнаго Алексѣя Лукича и освящена во имя Симеона Столпника.

Среди нея высился гробъ съ тѣломъ Артамона Лукича. Три высокихъ подсвѣчника съ зажженными свѣчами стояли близъ него. Престарѣлый хмѣлевскій дьячекъ читалъ у аналоя псалтырь. Тихо было вокругъ. вмѣстѣ съ Хмѣлевскими обывателями уснула, казалось, и сама природа. Ни съ села, ни съ Волги не доносилось ни одного возгласа, ни одного звука.

Свидѣтель всѣхъ происходившихъ въ Хмѣлевкѣ ужасовъ, робкій дьячекъ еще не пришелъ въ духовное равновѣсіе послѣ минувшихъ событій. Безвозвратно ли пронеслись они? Не нахлынутъ ли неожиданно новыя шайки мятежниковъ? Не придется ли снова перетерпѣвать пережитое и удастся ли въ другой разъ избѣжать мученій и смерти?

Между тѣмъ тѣло отставнаго прапорщика, за истекшіе 10—12 дней со дня убійства, значительно подвергалось разложенію.

Вздутый животъ потучившаго барина былъ туго стянутъ съ трудомъ застегнутымъ, давно не надѣваннымъ мундиромъ.

Въ желудкѣ покойнаго происходило броженіе и нѣтъ, нѣтъ да раздавалось бурчаніе. Звуки эти подхватывали глухіе своды, отчего являлось впечатлѣніе, что перебаты шли будто бы извнѣ церкви. Въ воображеніи трусливаго церковнослужителя представлялось новое появленіе Пугачевскихъ шаекъ. Не пушки ли грабителей спускаются къ селу съ сосѣдней горы... Страхъ, смертельный страхъ обуялъ дьячка.

А разложеніе трупа шло своимъ чередомъ далѣе. Неожиданно, съ глухимъ трескомъ лопнулъ мундиръ на покойникѣ. Оторвалось нѣсколько пуговиць!.. одна стукнула, падая на полъ, другая случайно потушила свѣчу передъ псалтиремъ, а третья—попала дьячку въ лобъ. Съ нечеловѣческимъ крикомъ выскочилъ старикъ изъ церкви и бросился въ прибрежный перелѣсокъ въ такъ называемые, кучугуры. Спуганныя имъ собаки бросились въ догонку съ барскаго двора и съ поселка дворовыхъ. Не видя ничего передъ собой, что есть мочи бѣжалъ, лишившійся разсудка церковнослужитель. Дикій крикъ его оглашалъ окрестность и было разбудилъ дремавшего у господскихъ воротъ караульца. Но вдругъ крикъ этотъ замеръ и смѣнился донесшимся издали трескомъ сучьевъ и паденіемъ чего-то тяжелаго. Безумный дьячекъ упалъ съ кучи „Синяго мара“ на груди камней песчаника и расшибся до смерти. На другой день нашли его у самаго берега Волги окровавленнаго, едва живого.

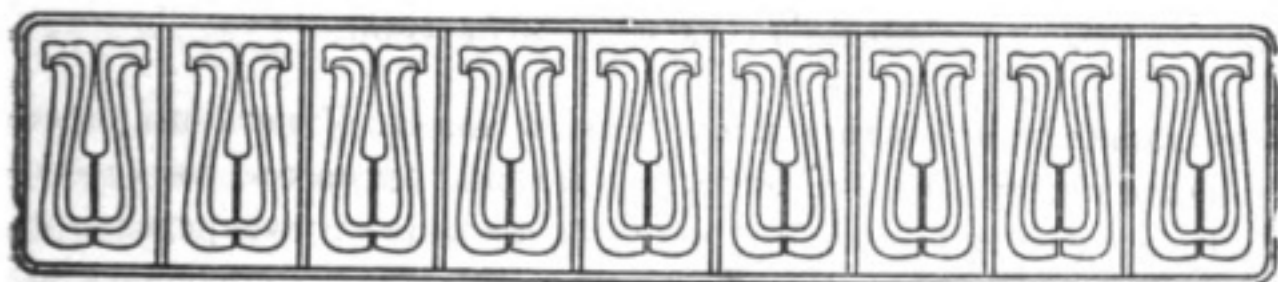
Недѣлю спустя, въ кучугурахъ же, нашли еще одинъ трупъ. Несчастный Яшка, замученный совѣстью, рѣшился на самоубійство и повѣсился на дубочкѣ въ самой гущѣ перелѣска.

Все изложенное нами на этихъ страницахъ или основано на безспорныхъ архивныхъ документахъ, или передано со словъ очевидца событій, хмѣлевскаго крестьянина Никифора Шарыпки.

Портретъ его, 122-хъ лѣтняго старца былъ помѣщенъ въ журналѣ „Нива“ за 1883-ій годъ на стр. 700-ой. Разказы же его приходилось намъ слушать въ той же Хмѣлевкѣ, во дни нашего дѣтства.

Вячеславъ Шахматовъ.

Записки графа Н. П. Игнатъева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г. ¹⁾.

Въ августѣ 1864 года, графъ Николай Павловичъ Игнатъевъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, а впоследствии посломъ при Оттоманской Портѣ; занимая этотъ постъ, онъ своей осторожной и разумной политикой много способствовалъ возстановленію утраченнаго Россіей вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ настоящее время, въ Извѣстіяхъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ печатаются на французскомъ языкѣ чрезвычайно интересныя записки гр. Игнатъева, съ содержаніемъ которыхъ мы познакомимъ вслѣдъ за симъ читателей въ возможно полномъ изложеніи.

Въ этихъ запискахъ гр. Игнатъевъ даетъ обзоръ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ представителя императорскаго правительства въ Константинополѣ съ 1864 по 1874 г. Въ запискахъ рельефно очерчена роль, которую играли въ этихъ событіяхъ прочія державы, въ особенности Франція, которая была долгое время нашимъ антагонистомъ на Востокѣ. Направленіе русской политики въ Восточномъ вопросѣ и роль, которую игралъ въ Константинополѣ такой видный представи-

¹⁾ Извѣстія Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Записки графа Н. П. Игнатъева (1864—1874). Съ предисл. П. Д. Воейкова. Спб. 1014 г.

²⁾ Гр. Игнатъевъ оставилъ обширныя записки о своей дѣятельности на Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ и въ Средней Азій. При жизни его были напечатаны, въ 1895 году, въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ „Отчетная Записка“ и „Матеріалъ къ его командировкѣ въ Пекинъ“, а за симъ въ 1897 г. — „О миссіи въ Бухару“. Изданные на правѣ рукописи, эти труды не получили распространенія.

тель нашей дипломатіи, какимъ былъ Н. П. Игнатъевъ, представляютъ для насъ несомнѣнно высокій интересъ, въ особенности въ настоящее время, когда балканскія государства привлекаютъ къ себѣ вниманіе всей Европы. „Опытъ прошлаго можетъ быть полезенъ для будущаго“, говоритъ авторъ записокъ, и это прошлое заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія.

Описывая первыя десять лѣтъ своего пребыванія въ Константинополѣ, гр. Игнатъевъ подраздѣляетъ это время на четыре отдѣльных періода; *первый* періодъ, съ 1864 до конца 1866 г., характеризуется авторомъ записокъ, какъ „эпоха преобладающаго вліянія западныхъ державъ“. „Мы“, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, „старались ослабить ихъ вліяніе, разрушить ихъ соглашеніе и сблизиться съ нашими единовѣрцами, поддерживая въ то же время добрыя отношенія съ Портой. Главнымъ вопросомъ, озабочивавшимъ въ то время дипломатію, былъ румынскій вопросъ, разрѣшенный на парижской конференціи“. *Второй* періодъ съ 1866—1869 г. Въ это время привлекалъ всеобщее вниманіе критскій вопросъ, который легко могъ вызвать на Востокѣ крупныя перемѣны; „отличительную черту этого періода составляетъ нравственная поддержка, оказанная Россіей христіанскимъ подданнымъ турецкой имперіи, и поощреніе національныхъ стремленій этихъ народностей; этотъ періодъ закончился деклараціей 1868 г.“. *Третій* періодъ съ 1869 по 1871 г. „Въ это время всѣ усилія Россіи клонились къ улучшенію участи нашихъ единовѣрцевъ мирнымъ путемъ и къ отмѣнѣ парижскаго трактата; этотъ періодъ закончился Лондонской конференціей и договоромъ 1871 года“. *Четвертый* періодъ съ 1871—1874 г. „Поддерживая въ это время прекрасныя отношенія къ Портѣ и поощряя развитіе христіанскихъ народностей и ихъ автономію, мы успѣли приобрѣсти значительное вліяніе на Турцію и готовились къ разрѣшенію задачъ, предстоявшихъ намъ въ будущемъ“.

„Въ моментъ моего пріѣзда въ Константинополь, пишетъ гр. Игнатъевъ, преобладающее вліяніе на Востокѣ имѣли Англія, Франція и Австрія—три державы, подписавшія парижскій договоръ 1856 г.; всѣ наиболѣе важныя вопросы рѣшались ими безъ участія Россіи. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о величайшемъ недовѣрїи, съ какимъ турецкіе министры относились тогда къ Россіи и къ ея единовѣрцамъ. Достаточно было, чтобы мы высказались въ какомъ-нибудь вопросѣ въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы Порта пошла по діаметрально противоположному пути, даже въ ущербъ своимъ насущнымъ ин-

тересамъ, а представители западныхъ державъ, большею частью враждовавшіе между собою изъ-за личныхъ и принципіальныхъ вопросовъ, дѣйствовали единодушно всякій разъ, когда надобно было помѣшать нашему самостоятельному выступленію. Особеннымъ вліяніемъ въ Константинополь пользовался англійскій посланникъ сэръ Бульверъ, большой знатокъ Востока, имѣвшій большія связи въ турецкомъ обществѣ, но несмотря на это, „Франція, какъ держава, первенствовала въ Константинополь“, и все рѣшалось такъ, какъ она хотѣла. Австрійскій посланникъ, „вѣрный политическимъ традиціямъ своего правительства“, старался „лавировать и ловить рыбу въ мутной водѣ“. Прусскій посланникъ избѣгалъ самостоятельныхъ выступленій, но въ важныхъ вопросахъ присоединялся къ мнѣнію Англии; представитель Италіи былъ не болѣе, какъ орудіемъ французской политики. Одна Россія была совершенно изолирована, не встрѣчала ни въ комъ поддержки и не имѣла почти никакого вліянія на турокъ, ея одинокія выступленія въ пользу единовѣрцевъ и дипломатическіе акты, коими она обращала вниманіе державъ на жестокости турокъ и на необходимость притти на помощь христіанамъ, свидѣтельствовали только о ея безсиліи—и не могли произвести желательнаго впечатлѣнія на народы, которые „уважають только силу, которая можетъ имъ быть полезна, а отнюдь не платоническія симпатіи, хотя бы самыя искреннія“.

„Западные державы пользовались нашей неумѣлой политикой какъ нельзя лучше, доказывали христіанамъ, что мы были безсильны помочь имъ и въ то же время обращали вниманіе турокъ на наши попытки повредить имъ и на опасныя послѣдствія, которыя могъ имѣть нашъ образъ дѣйствій“. „Дѣлая изъ насъ пугало, Франціи удавалось безъ труда добиться всѣхъ необходимыхъ съ ея точки зрѣнія уступокъ, которыя она спѣшила заранѣе обѣщать отъ своего имени христіанамъ, а устроивъ какое-нибудь дѣло, она старалась внушить туркамъ, что она совместно съ Англіей и Австріей вывела ихъ изъ большого затрудненія и извлекла изъ нашихъ когтей“. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополь, гр. Игнатьевъ поставилъ себѣ нелегкую задачу: „вернуть постепенно утраченное нами исконное наше вліяніе на христіанскихъ подданныхъ султана и на государства, платившія дань Турціи, доказать туркамъ, что Россія была еще въ состояніи создать имъ серьезныя затрудненія, несмотря на покровительство, оказываемое имъ западными державами, и что слѣдовательно прямыя выгоды

Порты повелѣвали ей считаться съ нами и даже дѣйствовать съ нами заодно, разстроить союзъ трехъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, доказать, что этотъ союзъ былъ искусственный и что онъ возникъ только благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ;—наконецъ побороть преобладающее вліяніе, пріобрѣтенное Франціей со времени Крымской кампаніи, ослабить довѣріе Порты къ Австріи и въ особенности къ Англіи и завоевать снова мирнымъ путемъ подобающее намъ положеніе на Востокѣ“.

Такова была намѣченная русскимъ посломъ задача, къ осуществленію которой онъ шелъ неуклонно.

Изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ умы дипломатовъ въ то время когда гр. Игнатьевъ былъ назначенъ въ Константинополь, самымъ животрепещущимъ былъ румынскій вопросъ. Лѣтомъ 1864 г., еще до пріѣзда гр. Игнатьева, въ Константинополь прибылъ князь Куза для обсужденія вопросовъ чрезвычайной важности для Соединенныхъ Княжествъ, которые касались измѣненій въ ихъ конституціи, введенныхъ господаремъ послѣ сліянія Молдавіи и Валахіи въ одно княжество подъ его властью и санкціи Порты и державъ на совершенный имъ переворотъ.

Во время своего довольно продолжительнаго пребыванія въ столицѣ Турціи онъ „держался очень далеко отъ русскаго посольства и даже не отдалъ простого визита вѣжливости нашему представителю Новикову, который въ силу этого не могъ принимать участія въ переговорахъ, ради которыхъ кн. Куза пріѣхалъ въ Константинополь“. Представитель Россіи высказался рѣшительно противъ домогательствъ господаря и совершенныхъ имъ незаконныхъ поступковъ (между прочимъ отобранія монастырскихъ имуществъ, находившихся подъ защитой державъ) и настаивалъ на томъ, чтобы державы выразили князю коллективно свое порицаніе, но благодаря поддержкѣ французскаго посланника кн. Куза добился всего, что онъ хотѣлъ. Такой результатъ не могъ, разумѣется, побудить Кузу искать благосклонности Россіи, бывшей нѣкогда вершительницей судьбы Румыніи. „Никогда еще, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, дерзость нашихъ противниковъ не проявлялась въ Константинополѣ такъ явно, и никогда еще они не достигали такого успѣха, не встрѣтивъ никакого противодѣйствія“. Это должно было, конечно, навести турокъ и нашихъ единовѣрцевъ на невыгодныя для насъ размышленія.

Гр. Игнатьевъ задался цѣлью въ корнѣ измѣнить наши отношенія къ Румыніи. Убѣдившись въ томъ, что кн. Куза

былъ „подобострастнымъ орудіемъ“ въ рукахъ Тюильерійскаго кабинета и что „девизомъ его политики было враждебное отношеніе къ Россіи и къ православію“, русскій посланникъ не сомнѣвался въ томъ, что добрыя отношенія къ Румыніи не могутъ быть восстановлены до тѣхъ поръ, пока князь будетъ у власти.

„Я постарался, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, разоблачить некорректное поведеніе князя Кузы, нарушеніе имъ международныхъ постановленій, его пренебреженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ. Я доказывалъ моимъ коллегамъ и въ особенности турецкимъ министрамъ, какъ опасно было неосторожное, революціонное поведеніе господаря и что необходимо было восстановить достоинство державъ, на которое оно посягало! Особенное значеніе имѣли два вопроса, возбужденные кн. Кузой по совѣту Франціи и вопреки совѣтамъ русскихъ дипломатовъ; а именно объ организаціи Молдаво-Валахской церкви и о монастырскихъ имуществвахъ, конфискованныхъ въ пользу государства по приказанію князя.

„Издавъ 28 мая 1864 г. законъ о назначеніи епископовъ господарь хотѣлъ этимъ подчинить церковь свѣтской власти, совершенно отдѣлать ее отъ Константинопольской патріархіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить главный консервативный элементъ въ странѣ, возстававшій противъ его новшествъ, „полагая, что ослабивъ узлы, соединявшіе Румынію съ другими православными державами, онъ могъ освободиться отъ зависимости отъ восточныхъ патріарховъ и отъ россійскаго и греческаго синодовъ“.

При рѣшеніи другого не менѣе важнаго вопроса о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, „опять таки хотѣли обойтись безъ участія русскаго правительства; Франція открыто держала сторону кн. Кузы; Англія же и Австрія дѣлали видъ, будто онѣ защищаютъ православное духовенство, рассчитывая устранить этимъ наше вмѣшательство“. „Духовенство не понимало, что надъ нимъ издѣвались... даже самъ Кирилль, патріархъ іерусалимскій, всегда преданный Россіи, попался въ сѣти, разставленныя ему англійскимъ посланникомъ, и тайно посѣщалъ его въ уединенномъ замкѣ на о. Плати, гдѣ жилъ сэръ Бульверъ, и обсуждалъ съ нимъ вопросъ о томъ, какъ дѣйствовать дальше въ виду поступковъ кн. Кузы. Русскому посольству даже не сообщали рѣшеній, принятыхъ на этихъ совѣщаніяхъ“.

Хотя гр. Игнатъеву, обратившему съ самаго начала серьезное вниманіе на церковный вопросъ въ Румыніи, пришлось

затѣмъ отказаться отъ дѣятельной поддержки православнаго духовенства въ его законныхъ требованіяхъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ отъѣзда сэра Бульвера изъ Константинополя и новыхъ инструкцій, полученныхъ австрійскимъ посланникомъ, и его попытка вернуть церкви имущества, находившіяся уже нѣсколько лѣтъ въ рукахъ молдавскаго правительства, не увѣнчалась успѣхомъ, однако его энергичное выступленіе въ этомъ дѣлѣ не прошло безслѣдно и имѣло большое моральное значеніе: „кн. Куза, говоритъ гр. Игнатъевъ, убѣдился въ томъ, что покровительства Франціи было недостаточно для того, чтобы санкціонировать всѣ незаконные шаги его правительства; а турки убѣдились въ томъ, что достаточно было нашего противодѣйствія, чтобы разстроить всю затѣянную кампанію; въ то же время греческое духовенство увидѣло, что мы были готовы поддержать его, но что наши старанія парализовались равнодушіемъ или враждебностью тѣхъ самыхъ державъ, на которыхъ оно вначалѣ рассчитывало“.

„Изъ всего этого вытекаетъ одинъ безспорный фактъ“—а именно, что несмотря на продолжавшееся еще вліяніе Франціи на Турцію, „наше законное вліяніе въ Константинополѣ начало возрастать“.

Вниманіе Порты и представителей державъ было вскорѣ отвлечено вопросомъ несравненно болѣе важнымъ: 23 февраля 1866 г. въ Румыніи произошелъ государственный переворотъ.

Видя неудачу своихъ послѣднихъ мѣропріятій, противъ которыхъ возсталъ представитель Россіи, кн. Куза чувствовалъ, что паденіе его было близко. „Сдѣлавъ видъ, что онъ понялъ свою ошибку, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, князь попытался сблизиться съ императорскимъ посольствомъ и написалъ мнѣ письмо, говоря, что мы ошибаемся на счетъ его намѣреній, что онъ ничего такъ не желалъ, какъ придти къ соглашенію съ Россіей, и готовъ былъ слѣдовать нашимъ совѣтамъ. Зная, насколько можно было довѣрять искренности его словъ, и предвидя, что онъ не долго удержится на престолѣ, я не считалъ нужнымъ отвѣтить ему и просилъ князя Кантакузена, пріѣхавшаго ко мнѣ, чтобы словесно подтвердить все сказанное кн. Кузою въ его письмѣ, выразить князю мое удивленіе по поводу того, что онъ не оцѣнилъ раньше пользу сближенія съ Россіей, и дать ему понять, что мы могли измѣнить наше отношеніе къ нему лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ далъ намъ осязательныя доказательства своего искренняго раскаянія; а пока мы будемъ держать себя такъ же осто-

рожно какъ прежде, и не окажемъ ему ни малѣйшей поддержки“.

Событія шли своимъ чередомъ. 23 февраля 1866 г. кн. Куза былъ вынужденъ отречься отъ престола и тайно уѣхалъ изъ Бухареста. Въ связи съ этимъ возникалъ вопросъ объ избраніи иностраннаго принца и о томъ, измѣнится ли положеніе Соединенныхъ Княжествъ, единство которыхъ было признано въ 1861 г. султанскимъ фирманомъ только на время правленія кн. Кузы и притомъ безъ согласія державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ.

„25 (18) февраля Аали-паша пригласилъ на совѣщаніе представителей державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, и предложилъ имъ отмѣнить вотумъ объ избраніи иностраннаго принца, избрать отдѣльныхъ господарей въ Бухарестѣ и въ Яссѣ и послать въ княжества турецкаго комиссара, въ сопровожденіи делегатовъ отъ державъ“.

Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ генералъ Игнатъевъ указалъ на „необходимость строго держаться договоровъ и указать румынамъ, что они должны идти по пути благоразумія, не вступая на революціонный путь“, — послами было совмѣстно выработано содержаніе торжественныхъ телеграммъ, которыя были посланы на слѣдующій день представителями державъ генеральнымъ консуламъ въ Бухарестѣ, съ настоятельнымъ требованіемъ соблюдать законъ. „Австрійскій интернунцій довольно рѣшительно поддерживалъ на этомъ засѣданіи русскаго посла къ величайшему неудовольствію французскаго посланника, который не могъ скрыть своей досады по поводу активнаго вмѣшательства въ этотъ вопросъ Россіи и спросилъ Н. П. Игнатъева, съ которыхъ поръ императорскій посланникъ въ Константинополѣ „сталъ защитникомъ полумѣсяца“, на что генералъ отвѣтилъ, что „мы стоимъ неизмѣнно на почвѣ трактовъ и удивляемся, не встрѣчая на этомъ пути прочихъ державъ“.

Маркизъ Мустье, „видя себя связаннымъ своимъ согласіемъ дѣйствовать коллективно, подалъ своему правительству мысль перенести засѣданія конференціи въ Парижъ“, на что послѣдовало единодушное согласіе державъ и такимъ образомъ, говоритъ гр. Игнатъевъ, „переговоры вышли изъ моей компетенціи, и мнѣ пришлось ограничиться одними совѣтами Портѣ въ смыслѣ нашихъ взглядовъ“.

„Конференція открылась въ Парижѣ 10 марта подъ председательствомъ Друэнъ де Люиса. Переговоры велись съ такой

медлительностью, объяснить которую нельзя было иначе, какъ совокупной игрой Франціи и руководителей молдаво-валаховъ, какъ вдругъ 20 апрѣля на румынскій престолъ былъ избранъ принцъ Карлъ Гогенцоллерскій“.

Какъ только стали извѣстны результаты плебисцита, турецкій уполномоченный выступилъ на парижской конференціи съ протестомъ и заявилъ, что „военная оккупация княжества является въ глазахъ его правительства единственной цѣлесообразной мѣрой, для возстановленія въ княжествѣ порядка и спокойствія“.

„Слѣдуя указаніямъ императорскаго кабинета, я старался“, пишетъ гр. Игнатъевъ, поддержать турецкое правительство на пути, который оно избрало по своей собственной инициативѣ, рѣшивъ однако предотвратить кровопролитіе, какъ только сраженіе между турками и молдаво-валахами станетъ неизбежнымъ.

„Но рѣшимость Порты ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ положеніе осложнялось. Она не рѣшалась итти противъ Франціи, не имѣя на своей сторонѣ Англій и не рассчитывая на серьезную поддержку со стороны Россіи. Но Англія дѣйствовала въ то время въ Румыніи въ полномъ согласіи съ Франціей, а что касается насъ, то въ рѣшительный моментъ Порты увидѣла, что на нашу поддержку ей рассчитывать нельзя. Образъ дѣйствій, которому мнѣ предписано было слѣдовать въ Константинополѣ, оказался въ полномъ противорѣчій съ заявленіями, сдѣланными нашимъ посланникомъ въ Парижѣ, который въ засѣданіи 25 мая горячо высказался противъ проекта Порты, поддержавъ точку зрѣнія французскаго правительства“. Турецкій посланникъ, получившій приказаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ нашимъ уполномоченнымъ, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и усомнился въ нашей искренности. Въ нѣдрахъ конференціи произошелъ полный разладъ и ей не удалось притти ни къ какому рѣшенію относительно цѣлесообразности понудительныхъ мѣръ для возстановленія въ Румыніи законнаго порядка. Принцъ Карлъ воспользовался этимъ, отправился немедленно въ Румынію, совершилъ 23 мая торжественный въѣздъ въ Бухарестъ и принялъ бразды правленія. Члены конференціи разѣхались въ первыхъ числахъ іюня по предложенію нашего уполномоченнаго, которому предложено было заявить, что по мнѣнію императорскаго кабинета „европейская конференція, которая принимаетъ извѣстныя рѣшенія и затѣмъ сама же допускаетъ ихъ нарушеніе, не при-

носить никакой практической пользы, между тѣмъ какъ безплодность ея совѣщаній наноситъ серьезный ущербъ коллективному авторитету Европы и достоинству входящихъ въ ея составъ державъ“.

Порта со своей стороны не рѣшилась „бросить вызовъ Европѣ“, введя свои войска въ Румынію, и подчинилась давленію Франціи и Англии; на рѣшеніе Турціи повліяла также въ значительной степени начавшаяся въ іюнѣ мѣсяцѣ Австро-Прусская война, въ которой приняла участіе Италія; „занявъ выжидательное положеніе“, турки пропустили благоприятный моментъ для оккупациі княжества тотчасъ по вступленіи принца Карла въ Румынію. Какъ только въ Константинополѣ сталъ извѣстенъ исходъ Кениггрецкаго сраженія и окончательная побѣда прусской арміи, Аали-паша рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ вопросомъ о княжествахъ. Онъ считалъ опаснымъ задѣтъ принца изъ дома Гогенцоллерновъ и боялся, какъ бы послѣдствія Австро-Прусской войны не измѣнили взгляда державъ на Восточный вопросъ, и поэтому хотѣлъ прежде всего отнять у Европы предлогъ требовать у Турціи компенсацій за жертвы, понесенныя въ иномъ мѣстѣ. Извѣстіе объ уступкѣ Венеціи Наполеону III произвело удручающее впечатлѣніе на Порту. „Попросите князя Горчакова, сказалъ Аали-паша генералу Игнатьеву, не винить насъ болѣе за то, что мы подчиняемся вліянію Франціи; и болѣе могущественныя державы, нежели мы, преклоняются передъ ея волей“.

„Въ виду новаго оборота, наступившаго въ Румынскомъ вопросѣ, намъ необходимо было нѣсколько измѣнить нашъ образъ дѣйствій. Коль скоро Порта готова была признать совершившійся фактъ, намъ неудобно уже было настаивать на восстановленіи въ княжествахъ порядка вещей, созданнаго парижскимъ договоромъ. „Руководствуясь инструкціями, полученными изъ министерства, Н. П. Игнатьевъ заявилъ Аали-паше въ исходѣ іюня, что „императорскій кабинетъ предоставляетъ турецкому правительству дѣйствовать по своему усмотрѣнію“.

Разумѣется, говорилось въ инструкціяхъ, полученныхъ нашимъ посломъ, „враждебное поведеніе румынскаго правительства по отношенію къ намъ и къ православной церкви дастъ намъ право лишить его благожелательнаго покровительства, которое мы постоянно ему оказывали. Однако, императоръ не возлагаетъ на населеніе Молдавіи и Валахіи ответственности за ошибки свергнутаго ими правительства. Кромѣ того мы не должны забывать, что тутъ дѣло идетъ о принципѣ, касаю-

щемся всей совокупности христіанскаго населенія Востока, къ которому мы, согласно исконнымъ нашимъ традиціямъ, относились всегда сочувственно“.

„Во все время пребыванія принца Карла въ Константинополь я держалъ себя въ отношеніи къ нему весьма осторожно“, пишетъ П. Н. Игнатъевъ, „не выказывая ему впрочемъ ни малѣйшей враждебности“, а „принцъ Карлъ выказывалъ желаніе сблизиться съ императорскимъ посольствомъ. Онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, который я отдалъ ему на другой же день частнымъ образомъ. Я далъ понять его высочеству“, „что мы признаемъ переворотъ, совершившійся въ Румыніи, лишь послѣ полученія имъ фирмана инвеституры, что наше дальнѣйшее поведеніе будетъ зависѣть отъ того, насколько онъ будетъ считаться съ нашими интересами, и что отъ него зависитъ дать намъ въ этомъ доказательство, порвавъ всякую связь съ лицами, принадлежащими къ красной партіи, урегулировавъ церковныя дѣла и т. д... Его Высочество признавалъ вину молдаво-валаховъ по отношенію къ Россіи, но винилъ во всемъ правительство кн. Кузы и давленіе со стороны Франціи. Онъ обѣщалъ держаться въ будущемъ консервативной политики и сблизиться съ Россіей“.

По мнѣнію Н. П. Игнатъева преобладающее вліяніе, которое Франція приобрѣла въ дѣлѣ соединенныхъ княжествъ со времени заключенія парижскаго договора, можетъ быть объяснено главнымъ образомъ тѣмъ, что во время переговоровъ, происходившихъ въ Константинополѣ, только одна эта держава имѣла опредѣленный планъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій программѣ ея политики, и преслѣдовала свои цѣли съ удивительной стойкостью и настойчивостью.

Наполеонъ III имѣлъ на Румынію особые виды: „увидавъ, что ему не удастся осуществить свой планъ относительно возстановленія Польши, онъ видимо задумалъ осуществить подобный же планъ, продиктованный враждебными чувствами къ намъ, на берегахъ Дунай, создавъ тамъ государство, которое находилось бы всецѣло подъ вліяніемъ Франціи и „на которое она могла бы опираться въ случаѣ осложненій на Востокѣ“.

Его представитель доказывалъ турецкому правительству, что „прочно организованное государство на нижнемъ теченіи Дуная могло бы быть единственной гарантіей для Порты противъ захватовъ Россіи и служило бы ему надежнымъ оплотомъ противъ этой державы“. Туркамъ, конечно, слѣдовало бы понять, что страна съ нѣсколькими милліонами жителей не могла быть защи-

той противъ Россіи и что самымъ надежнымъ оплотомъ для Турціи могли быть добрососѣдскія отношенія съ могущественной Россіей“.

„Самой характерной чертой того времени, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, была враждебность, которую проявляла къ намъ Франція въ вопросѣ о Соединенныхъ Княжествахъ“, въ то время какъ „Тюильерійскій кабинетъ горячо настаивалъ на общности нашихъ интересовъ на Востокѣ, а мы, съ своей стороны, искренно желали дѣйствовать заодно съ нимъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ“.

Антагонизмъ между Франціей и Россіей проявился и въ вопросахъ, касавшихся Сербіи, къ которой „Франція относилась враждебно потому, что мы ей сочувствовали; желая видѣть въ Бухарестѣ независимаго владѣтеля, она хотѣла въ то же время сохранить для Турціи въ Бѣлградѣ почтительнаго васала“; и дѣйствовала согласно съ видами Порты, которая мирилась съ мыслию о стремленіи румынъ къ независимости, но тревожилась при всякой попыткѣ въ этомъ отношеніи со стороны сербовъ, на которыхъ она смотрѣла какъ на вождей славянства.

Нѣкоторыя другія державы дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ Франція: Австрія, въ особенности, относилась къ сербамъ крайне враждебно, „о чемъ можно только пожалѣть, такъ какъ при всякомъ осложненіи въ сербскомъ вопросѣ вѣнскій кабинетъ оказывалъ большое вліяніе на рѣшенія Порты“. „Мы одни искренно и открыто принимали сторону сербовъ, но наше вмѣшательство парализовалось съ одной стороны недовѣріемъ Порты, а съ другой стороны той изолированностью, на какую насъ обрекало недоброжелательство прочихъ державъ“. Поэтому при безконечныхъ спорахъ, возникавшихъ между Портой и сербскимъ правительствомъ, русскому посланнику приходилось дѣйствовать крайне осторожно.

Таково же приблизительно было положеніе и въ вопросахъ, касавшихся Черногоріи; особенно въ важномъ для нея вопросѣ о разграниченіи съ Турціей. „Я доказывалъ, пишетъ П. Н. Игнатьевъ, что этотъ вопросъ требовалъ скорѣйшаго рѣшенія, и что чѣмъ больше черногорцы получаютъ земли, въ которой они чрезвычайно нуждались, тѣмъ лучше будетъ обезпеченъ миръ. Къ сожалѣнію, дѣйствуя одиноко, мы не могли достигнуть многого. Англія и Франція мѣшали осуществленію нашихъ плановъ“. Пруссія и Италія относились къ нимъ равнодушно. Франція по обыкновенію не подерживала насъ въ на-

шихъ домогательствахъ, и хотя она втайнѣ убаюкивала черногорцевъ обѣщаніями и даже какъ будто поддерживала иногда ихъ домогательства, но это дѣлалось въ сущности, какъ замѣчаетъ нашъ посланникъ, „не изъ доброжелательства къ Черногоріи, а единственно съ цѣлью парализовать наше вліяніе“.

Что касается насъ, то мы руководствовались въ нашей политикѣ на Востокѣ исконнымъ нашимъ сочувствіемъ къ единовѣрцамъ и нашими обязанностями по отношенію къ нимъ. Къ сожалѣнію, послѣ войны 1854—55 г.г. отъ насъ успѣли отдалить грековъ, а мы не сумѣли внушить довѣрія славянамъ, и первое время по пріѣздѣ моемъ въ Константинополь политическое положеніе не благопріятствовало возстановленію нашихъ прежнихъ съ ними отношеній“.

Императорская Франція являлась вездѣ, гдѣ это только соотвѣтствовало ея интересамъ, защитницей принципа національности,—такъ было въ Италіи, въ Польшѣ, въ Румыніи, но она не хотѣла оказать поддержку славянскимъ народамъ, населявшимъ Турцію.

„Націоналистическая теорія“, говорилъ французскій посланникъ Н. П. Игнатьеву, „не должна пониматься безъ ограниченій. Есть національность и національность. Не всякая нація можетъ претендовать на самостоятельное существованіе. Право на него даетъ роль, которую народъ игралъ въ исторіи, его происхожденіе, сила, единеніе. Христіанскія народности Турціи не отвѣчаютъ всѣмъ этимъ условіямъ. Онѣ безсильны, онѣ дошли до упадка, онѣ не имѣютъ блестящихъ традицій въ прошломъ, онѣ не имѣютъ нравственной связи въ настоящемъ“.

„Короче сказать, Франція хотѣла видѣть въ славянахъ рабски преданныхъ Турціи подданныхъ, готовыхъ отказаться отъ національной и религіозной самобытности, съ космополитическимъ правительствомъ, которое въ политическомъ, финансовомъ и промышленномъ отношеніи зависѣло бы отъ Франціи. Очевидно, Россія не могла идти съ нею по этому пути.“

Къ сожалѣнію, связь, существовавшая нѣкогда между православными народностями Турціи, въ то время почти исчезла. Въ моментъ пріѣзда въ Константинополь графа Игнатьева религіозныя распри между греками и болгарами достигли высшей степени, и всѣ попытки императорскаго посольства установить между ними примиреніе были заранѣе обречены на неудачу. Эти распри давали широкій просторъ католической и протестантской пропагандѣ, которая коснулась не только грековъ, но и армянъ.

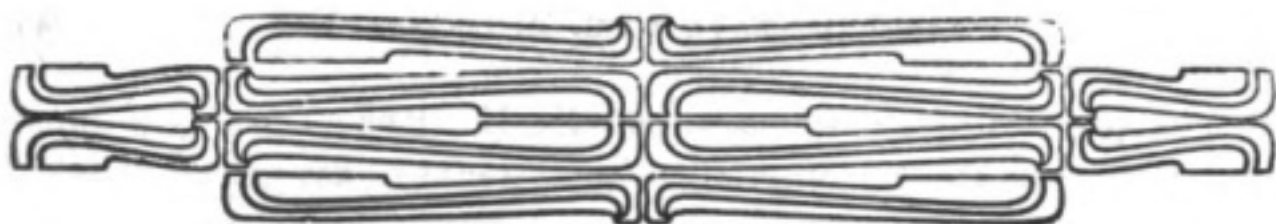
Говоря объ этой пропагандѣ, П. Н. Игнатъевъ упоминаетъ объ одномъ любопытномъ документѣ, который держался долгое время въ величайшей тайнѣ. Это былъ протоколъ, составленный въ 1860 году подъ покровительствомъ французскаго посольства въ Церѣ и подписанный Даудъ-пашей и преосв. Азаріаномъ, двумя въ то время самыми вліятельными лицами среди армянъ-католиковъ.

Онъ заключалъ цѣлую программу дѣйствій, клонившуюся къ сліянію всѣхъ армянъ-католиковъ и грегорианъ подъ протекторатомъ Франціи, которая, въ случаѣ паденія Оттоманской Имперіи, могла бы *противопоставить ихъ славянамъ и грекамъ*—предполагаемымъ представителямъ русскаго вліянія на Востокѣ. Въ этомъ странномъ актѣ излагалась не только цѣль, которая имъ преслѣдовалась, но и всѣ подробности дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя могли способствовать достиженію этой цѣли. Этотъ протоколъ, какъ говоритъ гр. Игнатъевъ, даетъ ключъ ко всѣмъ интригамъ, объектомъ которыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ были армяне.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Тимошукъ.

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку ¹⁾.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

№ 38.

Берлинъ, 27 августа (8 сентября). Среда. [1866 г.].

Поздравляю Васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, съ Царскимъ и Вашимъ собственнымъ праздникомъ, на которомъ, къ сожалѣнію, этотъ годъ я присутствовать, по обыкновенію, не могу. Не знаю и самъ, отъ чего я опоздалъ — просто отъ того, кажется, что захотѣлось проблагодушествовать здѣсь лишнюю недѣлю, вотъ я и благодушествую подъ *Липами*. Здѣсь началось бабье лѣто, послѣдніе красные дни; желалъ бы застать его и въ Петербургѣ, куда мнѣ хочется прибыть ровно черезъ недѣлю, т. е. въ будущую среду вечеромъ. И если тамъ будетъ тепло и ясно, то Вы рискуете получить меня самага съ прибрѣтенною на булонской ярмаркѣ для 30-го августа сигарочищею — въ Павловскѣ.

Изъ прекрасной Франціи я бѣжалъ: Парижъ пусть, унылъ, чего-то ждетъ и боится. Я не хотѣлъ развязываться на обратномъ пути изъ Булони, чтобъ не засѣсть тамъ надолго, и не вскрывая чемодана уѣхалъ сюда.

Ждали въ Парижѣ кончины Наполеона ²⁾, который сильно прихворнулъ, и этимъ ожиданіемъ смущались, но оно не сбылось—и опять нахлынуть въ Парижъ иностранцы и снова онъ закипитъ.

Даже здѣсь, въ Берлинѣ, пронесшееся фальшивое извѣстіе о смерти Наполеона—произвело панику. Фонды страшно пони-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

²⁾ Это было въ 1866 г.

зились на биржѣ и множество спекулянтовъ разворились въ одинъ день.

А впрочемъ все обстоитъ благополучно. Я прилежно изучаю оттѣнки вкуса сигаръ у разныхъ торговцевъ и обогащаю берлинскую промышленность пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ нужныхъ, и особенно ненужныхъ вещей.

Отъ чтенія и писанья совсѣмъ отвыкъ и очень жалѣю, что не сдѣлалъ этого раньше, тогда не было бы у меня никакого обрыва ни въ зрѣніи, ни въ расположеніи духа.

Все, что я могъ бы съѣсть и выпить 30-го августа на Вашемъ праздникѣ — предложите скушать за меня Софѣ Александровнѣ (особенно мясо, ей нужны силы), а если она того не исполнитъ, то прошу Васъ выдать это мнѣ деньгами.

Короля здѣсь нѣтъ — онъ странствуетъ въ отдаленныхъ краяхъ—а именно въ Штетинѣ, отъ того и поклона Вамъ отъ него не привезу. У Бисмарка разстроены желудокъ отъ того, что Наполеонъ выздоровѣлъ. Вообще въ Берлинѣ тихо, покойно и было бы совсѣмъ хорошо, еслибъ не воняло на улицахъ скверно.

Прощайте, любезный другъ, обнимаю Васъ заочно, въ ожиданіи обнять собственноручно. Кланяюсь дружески Казимірѣ Казиміровичѣ, Екатер. и Соф. Алекс.[андровнамъ], сыну Вашему и всѣмъ домочадцамъ.

И. Гончаровъ.

Вчера мнѣ одинъ молодой человекъ сказывалъ, что сегодня долженъ пріѣхать сюда Маркъ Николаевичъ [Любоцинскій] съ семействомъ. Утѣшаю себя надеждою, что письмо это придетъ 30 августа.

№ 39.

Маріенбадъ, 15 (27) іюня, 1867.

Любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ,

Собирался, собирався я напомнить Вамъ о себѣ, но, во-первыхъ, рано было, не успѣли Вы меня еще забыть настолько, чтобъ появленіе строкъ моихъ могло быть сочтено за воспоминаніе, да еще за пріятное, а во-вторыхъ—въ Маріенбадѣ, какъ принадлежащемъ къ разряду захо[лу]стьевъ и трущобъ, по преимуществу, хотя и зеленыхъ, не родятся новости, а пришедши сюда и извнѣ, умираютъ. Предметы думъ, помысловъ и стремленій здѣсь суть — печень, потомъ желудокъ, кишки, словомъ—брюхо, которому и посвящаются всѣ заботы, только

не въ смыслѣ пріятнаго переполненія и отягощенія, а непріятнаго промыванія онаго. Оно не круглѣетъ, а оскудѣваетъ здѣсь. И въ этомъ успѣхъ. Я могъ бы радоваться этому успѣху, если бѣ оскудѣлъ только этимъ, но я сталъ скорбенъ и главой, и нищъ духомъ, но не въ евангельскомъ смыслѣ.

Надѣясь было поздоровѣть, говоря не шутя, освѣжиться, но только поникъ здоровьемъ и заплеснѣвъ духомъ; хотѣлъ приняться за старый, забытый трудъ, взялъ съ собой пожелтѣвшія отъ времени тетради—и не тронулъ ихъ изъ чемодана. Ни здоровье, ни трудъ не удались, и вопросъ о трудѣ рѣшается отрицательно навсегда. Бросаю перо.

На-дняхъ—т. е. дня черезъ три вѣду—куда еще самъ не знаю, и потому пока не прошу отвѣта. Можетъ быть, напишу послѣ. Я еще не рѣшилъ: вѣхать ли въ Африку или въ Америку. Въ Африкѣ я отчасти былъ, въ Америкѣ—нѣтъ, и потому вѣроятно махну туда. А пока доѣду до желѣзной дороги ближайшей станціи—и по вдохновенію скажу, куда брать билетъ.

Въ Парижѣ теперь толкотня, туда рано, да я черезъ Парижъ вѣжалъ мимоѣздомъ къ морю. А теперь, не шутя, не знаю, гдѣ сяду. Очень жалѣю, что предпринялъ бесполезную поѣздку.

Здѣсь я даже газетъ не читаю; даже гуляю мало, а сидя дома, по неволѣ слушаю каждый день органъ сосѣдней лютеранской церкви, да еще надъ моими комнатами помѣстили съумасшедшаго. Днемъ онъ кричитъ благимъ матомъ, а по ночамъ неистово стучитъ ногами въ полъ—или мечется въ кровати и потрясаетъ свою, а вмѣстѣ съ ней и мою комнату. Вотъ и всѣ развлеченія. По временамъ бываютъ еще грозы, которыя ночью мѣшаютъ спать, а затѣмъ все обстоитъ благополучно.

Обнимаю Васъ, кланяюсь Казимірѣ Казиміровичѣ и Самѣ и остаюсь

вѣрно-преданный

И. Гончаровъ.

№ 40.

Baden - Baden, 16 (28) Воскресенье. [1867 г.].

Ваше теплое и доброе письмо, дорогой другъ Александръ Васильевичъ, я получилъ. Къ сожалѣнію, крайнее разстройство нервъ, отчасти тикъ, душевная мерзость, опустѣніе головы, засореніе желудка, и сердца съ обоими его *желудочками*, плѣсень большого мозга (если таковой у меня есть) и мозжечка—все

это дѣлаетъ меня неспособнымъ состояться съ Вами въ Вашемъ спокойномъ благодушїи, здравости и несокрушимой ясности мысли и слова: поспорю съ Вами только въ отплатѣ дружбой за дружбу и всегда превзойду Васъ—въ ясности почерка. Это—мое преимущество передъ Вами—въ сей, а можетъ быть—и въ будущей жизни. Вы можете возвыситься до первыхъ высотъ—душевной доблести, до первыхъ степеней гражданскихъ и военныхъ почестей, но писать разборчиво никогда не будете. И эти-то орудія казни, т: е: почеркъ, да еще сто-саженная крутая лѣстница—именно предназначены—для друзей, а не для лютыхъ враговъ Вашихъ, ибо сихъ послѣднихъ Вы на лѣстницу къ себѣ не пустите, а если восхощете излить на нихъ злобу и хулу письменно — то цѣли не достигнете, ибо они ничего не разберутъ. А друзья рвутся къ Вашимъ дверямъ и къ Вашимъ добрымъ словесамъ: а ихъ стережетъ тамъ—удушье, а тутъ — заманчивая бездна неразборчивости.

Но такъ какъ я пробовалъ когда-то—съ помощью указаній Шамполіона младшаго ¹⁾—читать іероглифы, то прочелъ и Ваше письмо—и усмотрѣлъ, что Вы—по отсутствію только эгоизма — умолчали о своихъ беспокойствахъ и распространились о моихъ: у Васъ, вмѣсто одной, двѣ больныя теперь. Что это: право, это—должно быть, отъ лѣстницы или отъ почерка. Поклонитесь Казимірѣ Казиміровичѣ—и скажите, что хворость ей вовсе не къ лицу, обыкновенно свѣжему и бодрому, и что ей надо дать доктору присягу, что она нездорова — иначе не повѣритъ. — А Екатерина Александровна: принесли ли ей купанья въ морѣ хоть немного облегченія? Кланяюсь обѣимъ дружески—и Софьѣ Александровнѣ, хотя ей только что написалъ самъ и благодарю и Васъ, Александръ Васильевичъ, и Софью Александровну, что оба не скушитесь на отвѣты мнѣ. Переписка съ Вами обоими, кромѣ дружескихъ отношеній, сосредоточиваетъ въ себѣ для меня почти весь интересъ и интеллектуальнаго, и нравственнаго, и артистическаго... не скажу *размеченія*: это было бы слишкомъ слабо и поверхностно — нѣтъ, болѣе этого. Придумайте и поставьте сами подходящее слово, которое сію же минуту найдете.

Я дня черезъ три ѣду отсюда—куда еще самъ не знаю, и потому не вызываю Васъ на отвѣтъ. Когда ворочусь—тоже не знаю. Какъ-нибудь подамъ о себѣ вѣсть. Здѣсь есть кое-кто

¹⁾ Знаменитый французскій ученый, изучавшій іероглифы, основатель египтологин.

Русскіе, но я почти ни съ кѣмъ не вижусь. Тургеневъ буквально невидимъ — онъ проводитъ время на виллѣ Віардо, гдѣ по сосѣдству выстроилъ домъ, но еще не переѣхалъ, по недостатку денегъ. На-дняхъ онъ читалъ мнѣ и Теокистову [Е. М.] ¹⁾ съ женой небольшой рассказъ страницъ въ 20 — но лучше бы его не печатать, потому что дѣйствіе происходитъ въ домѣ публичныхъ женщинъ. У него это не вышло неприлично, но самъ предметъ неприличенъ. Я хочу его остеречь — не знаю, послушаетъ ли.

Я хожу повѣся носъ и ничего не дѣлаю и не буду дѣлать — и выйду ли когда-нибудь изъ своего бездѣйствія и нравственно-умственного разлада — не знаю, сомнѣваюсь. — Иногда заходилъ на рулетку, видѣлъ жадную толпу и тоже, машинально ставилъ луидоръ и то выигрывалъ, то проигрывалъ. Выигралъ франковъ 300, а проигралъ 500, т. е. двѣсти своихъ и бросилъ. Но видѣлъ, какъ свѣтлѣйшая Суворова мечетъ груды золота, и другіе Русскіе и Англичане; видѣлъ, какъ герой земскаго дѣла, удаленный на время изъ отечества, графъ Шуваловъ ²⁾ сорвалъ банкъ два раза и выигралъ болѣе 120 тысячъ франковъ (проигравъ, говорятъ, въ Парижѣ 500 тыс.); видѣлъ нѣкоторыхъ Русскихъ и не Русскихъ, выходящихъ оттуда, поджавши хвосты. Одинъ попросилъ у меня три луидора, говоря, что все проигралъ и что ѣсть нечего и когда я далъ, онъ проигралъ и ихъ, а потомъ пришелъ опять просить, опять ссылаясь на голодъ. Я расхохотался.

Вашъ отзывъ о нашихъ судахъ радуетъ меня несказанно, — впрочемъ я ожидалъ этого. Вы успѣли попасть въ качествѣ дѣятеля на первыхъ порахъ, чтобы помочь правосудію пустить

¹⁾ Въ тѣ годы состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при м-рѣ народн. просвѣщ., сотрудничалъ въ „Отеч. Запискахъ“; впослѣдствіи былъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

²⁾ Андрей Петр. Еще въ 1865 г. имъ была произнесена рѣчь въ царскосельскомъ земскомъ собраніи, въ которой предлагалось возбудить ходатайство о созывѣ центрального земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству. 16 января 1867 г. за рѣзкія рѣчи и постановленіе петербургскаго земскаго собранія принести жалобу на м-ра вн. дѣлъ въ сенатъ за оставленіе безъ послѣдствій 12 ходатайствъ петербургскаго земства изъ 28 — предсѣдатель управы Н. Ф. Крузе былъ высланъ въ Оренбургъ, а гр. Андрей П. Шуваловъ за границу — въ Парижъ, гдѣ онъ и жилъ до смерти. Объ этомъ дѣлѣ и участіи Шувалова и др. лицъ см. у Никитенка, Зап. и дневн. изд. 1905 г., Т. II, стр. 262 и 322, въ „Воспоминаніяхъ кн. Мещерскаго“ и у А. Корнилова — „Общественное движеніе при Александрѣ II“, М. 1909 г., стр. 183.

поглубже корни въ русскую почву, которая засѣвалась красивнымъ сѣменемъ — отъ Шемяки до графа Панина ¹⁾ включительно.

Прощайте, пока, любезный другъ, жму Вашу руку — и жалью, что не могу лично обнять Васъ теперь, когда Вы на дачѣ и когда я могъ бы сдѣлать это — безъ опасности для своей жизни — отъ лѣстницы. Не переѣдете ли Вы?

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 41.

Киссингенъ 5(17) Іюня. [1869 г.]

Если Вы, любезный другъ Александръ Васильевичъ, дрожите теперь отъ холода и топите печи, а сами думаете злобно, что вотъ — молъ есть же такіе счастливы, какъ Вашъ пріятель, пишущій эти строки, который наслаждается тепломъ и свѣтомъ, гуляетъ по зеленымъ газонамъ и услаждается запахомъ розъ... Тутъ и остановитесь: дѣйствительно, розъ нигдѣ я лучше и больше не видалъ, какъ здѣсь — и даже три дня сряду чья-то рука присылаетъ мнѣ по букету оныхъ, „*вмѣсто лавровъ*“, какъ сказано въ вложенной въ букетъ записочкѣ — *отъ русской женщины*. Но я и то боюсь, не рука ли это какого-нибудь шутика — мужчины, которая мистифируетъ, какъ въ маскарадѣ меня — и на променадѣ все пытливо вглядываюсь то въ ту, то въ другую русскую женщину, но ничего не угадываю. Пусть же ихъ шутятъ: если это и смѣхъ, то смѣхъ граціозный, благоуханный! Пусть же ихъ смѣются!

А въ остальномъ во всемъ Вамъ завидовать нечего. Мы ходимъ здѣсь въ байковыхъ сюртукахъ и если не топимъ печей, то потому — что здѣсь больше розъ, нежели дровъ. Дуетъ такой вѣтеръ, что... если это *борей*, съ бѣлыми *власами*, то онъ выходитъ подлець, не смотря на свои сѣдины. Природа ублажаетъ насъ дождями обильно, холодными, отчасти съ градомъ: все, что могло бы усладить нашу горькую долю, запрещено: даже согрѣваться чаемъ не позволено, этимъ невиннымъ согрѣвательнымъ напиткомъ; наложено воздержаніе на сигары, не

¹⁾ Викторъ Никитичъ, министръ юстиціи, прославившійся въ продолженіе своего долговременнаго пребыванія на этомъ посту въ качествѣ ревностнаго охранителя до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ.

говоря о винѣ и о прочемъ. Все мучнистое, студенистое, травянистое и мясистое изгнано и дозволено одно водянистое.

И приходится завидовать Вамъ, какъ Вы тамъ, *сѣдя у котла мясной и ядя мяса до сытости*, да еще ботвинье, да пироги съ свѣжими грибами, да ягоды—фу, дайте утереть ротъ платкомъ; *l'eau me vient à la bouche* (т: е: по-русски *слюны текутъ*), и сидите Вы у камина и не злитесь, какъ я, и не пишете злыхъ писемъ, не дѣлаете звѣроподобнаго лица встрѣчнымъ, а курите крѣпкую сигару и любовны ко всѣмъ,—какъ я въ хорошую погоду. А теперь я рву и мечу, проклинаю даже день моего рожденія (который будетъ завтра т: е: 6(18) Іюня—кстати подвернулся) и мечтаю о своей шубкѣ и о доброй, милой Мимишкѣ¹⁾; ее только одну не ненавижу въ эту минуту. А прочихъ всѣхъ готовъ, проглотить вмѣстѣ съ Ракоци²⁾, чему, кажется, не мало способствуетъ и солитеръ, таящійся издавна внутри меня. Этотъ мой желудочный боа-констрикторъ показывался когда-то и наружу, его пробовали выгонять, но я подозреваю, что онъ перетерпѣлъ всѣ гоненія и остался моимъ сожителемъ, отъ чего и происходитъ странное явленіе, что въ хорошую погоду—я бываю и человѣкъ хорошій, какъ слѣдуетъ быть христіанину, мягкій, незлобивый, даже прощающій врагамъ всѣ обиды и способный находить много отраднаго въ жизни. А въ холодъ, въ дождь—я дѣлаюсь не только мизантропомъ, но и мивогинномъ, начинаю ненавидѣть и подобныхъ, и не подобныхъ себѣ, и становлюсь равнодушенъ даже къ Мимишкѣ. Тогда все хорошее исчезаетъ у меня изъ вида, улетаетъ въ небо, и на душу, какъ на него же, находятъ тучи.—Солитеръ ли тому причиной, или вообще раздраженные нервы—но эти мучительныя нервныя ощущенія—ужасны: я понимаю, что въ такомъ состояніи разстроеннаго организма, потрясающемъ и душевныя силы, люди предаются неистовству, или выпрыгиваютъ, какъ сдѣлалъ бѣдный Николай Петр. Боткинъ въ Пештѣ, изъ 4 этажа въ окно. Бѣдные, бѣдные люди! Зачѣмъ они испытываютъ это, или зачѣмъ есть обстоятельства, которыя доводятъ ихъ до такихъ ощущеній!

Здѣсь русскихъ не очень много, не то что въ прошломъ году, когда ожидали сюда Императрицу—и когда многіе пріѣхали, чтобъ видѣть ее и вообще лица, составлявшія свиту Двора.

¹⁾ Собачка Г., имъ очень любимая и сопровождавшая его повсюду.

²⁾ Лечебная вода.

Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ; ходитъ здѣсь графъ Блудовъ¹⁾, котораго Вы вѣроятно знаете хорошо, а я мало, да какой-то баронъ Фридрихсъ, да Толстая (не графиня), еще Верпаховскій²⁾. Я немного знакомъ съ графомъ Блудовымъ, да съ Верпаховскимъ, а остальныхъ не знаю.

Но на дняхъ пріѣхалъ Стасюлевичъ [М. М.]³⁾ съ женой—и мнѣ стало немного повеселѣе. Они люди пріятные и коротко знакомые; съ ними я и бесѣдую, но и бесѣды наши нерадостны, по случаю дурной погоды, и мы только и дѣлаемъ, что ропщемъ на погоду, а я на всѣхъ и на все.

Не знаю, станетъ ли у меня терпѣнія просидѣть здѣсь еще недѣли три или четыре. Я каюсь, что бѣжалъ Мариенбада, боясь его постоянныхъ холодовъ: а вотъ нашелъ ихъ здѣсь. Не знаю, куда я дѣнусь послѣ водъ—мнѣ никуда не хочется. Можетъ быть и вернусь домой, на свое кресло, къ своей милой Мимишкѣ, но не къ перу, не къ книгамъ. Даже хочу не издавать отдѣльно своего „Обрыва“ — и навсегда покончить съ литературой.

Впрочемъ подожду, что скажетъ теплая погода, если такая будетъ. А кстати: на Васъ лежитъ дружеская, хотя и тяжелая обязанность — прочитать „Обрывъ“, — и даже, можетъ быть, потомъ защитить его отъ нигилистическихъ и другихъ когтей.

Впрочемъ—я махаю на все рукой и ухожу въ свою апатію. Но буду ждать Вашего отвѣта—сюда: Софья Алекс.[андровна] скажетъ Вамъ мой адресъ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, любезный другъ. Прощайте—кланяюсь дружески Вамъ, Казиміръ Казиміровичъ и Екатеринѣ Александровнѣ. А Вашему наследнику съ поклономъ передайте мой совѣтъ воспользоваться лѣтомъ, соединяя *utile dolci*.—Если Александръ Г. Тройницкій⁴⁾ переѣхалъ въ Павловскъ—напомните ему обо мнѣ и о моемъ къ нему уваженіи и памяти. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 42.

С.-Петербургъ. 2 Сентября—Суббота. [1872 г.].

Почтеннѣйшій бывший именинникъ Александръ Васильевичъ, 30-го Августа я хотѣлъ чествовать Васъ своимъ присутствіемъ въ Павловскѣ, какъ настоящаго (а не бывшаго) имя-

¹⁾ Андрей Дмитриевичъ, сынъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля; въ тѣ годы былъ посланникомъ при саксонскихъ дворахъ.

²⁾ Возможно, что это былъ Ив. Петр. В—ій, начальникъ отдѣленія комитета министровъ.

³⁾ Извѣстный профессоръ и публицистъ, многолѣтній издатель „Вѣстника Европы“.

⁴⁾ См. письмо № 22.

нинника, но сила моей воли сломлена силою боли въ вискъ и щекъ, т: е: тикомъ, захваченнымъ въ Берлинъ, въ приснопамятные дни свиданія трехъ Государей ¹⁾ — отъ каковаго тика я и по днесъ сижу по долгу, не шевелясь, въ своемъ углу и смиренно претерпѣваю тѣ самыя страданія, коихъ Вы были нѣкогда свидѣтелемъ въ не-великолѣпной столицѣ Привислянскаго края.

Хотя я сижу уже въ своей хатѣ, но домой все якобы не пріѣхалъ, ибо не могу свыкнуться ни съ внезапно наступившимъ холодомъ, вѣтромъ и дождями послѣ непомѣрныхъ жаровъ въ Парижѣ и Берлинѣ, не могу признать за благоустроенную мостовую тотъ океанъ острыхъ и угловатыхъ—ямами и горбами разбросанныхъ по улицамъ каменьевъ—не могу еще покойнымъ окомъ и равнодушнымъ ухомъ видѣть и слышать сонмы бродящихъ по улицамъ упившихся неопрятныхъ существъ, съ ихъ дикими криками и бранью. — Ко всему этому потребно вновь привыкнуть—и тогда уже свое хорошее паки восприметъ власть надъ умомъ и сердцемъ. А прежде суется въ глаза дурное.

Климать (тоже—*нехорошее* у насъ) уже насѣлъ на меня съ обычною своею злобою—и надѣлилъ сугубою хандрою и обычною моею, отъ преклонныхъ лѣтъ и скорбныхъ обстоятельствъ происходящею, а также и осеннею непогодю порождаемою, а ватѣмъ еще онъ же, злой климать, поддерживаетъ и слабость нервъ и тикъ и т. д. и т. д.!

По всему вышеизложенному—я и не могъ проблагодумствовать 30-е Августа въ Вашей, достолюбезной бесѣдѣ въ Павловскѣ, а просидѣлъ у себя, злобствуя и болѣя духомъ и тѣломъ!

Вѣрую, что и Вы не можете благодушно пребывать въ бурныхъ болотныхъ мхахъ при осеннемъ завываніи вѣтра, при колебаніи деревъ, дрожаніи оконъ, окоченѣніи носовъ—и скоро перенесетесь сюда, въ сосѣдство къ звѣздамъ небеснымъ и церковнаго Владимірскаго креста—куда на эту высоту устремлюсь и я, какъ только свѣдаю о Вашемъ сюда пришествіи, а до толѣ дружно и любовно Вамъ и всему дорогому семейству Вашему кланяюсь.

Вашъ И. Гончаровъ.

¹⁾ Свиданіе это происходило въ послѣднихъ числахъ августа 1872 г.

№ 43.

25 Марта [18] 73 [г.]

Благодарю Васъ, наипочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, за любезный и добрый вопросъ о моемъ здоровьѣ и о томъ, куда я повезу его—приводить въ порядокъ?

Самъ не знаю: даже, можетъ быть, останусь въ Моховой—ибо главная болѣзнь моя—это крайнее раздраженіе и потомъ упадокъ или ослабленіе нервъ. Я то, что французы называютъ *énervé*: если нельзя укрѣплять нервы, то надо хоть избѣгать всего, что можетъ ихъ тревожить. А гдѣ лучше, какъ не дома достигнешь этого—въ тишинѣ, покоѣ и отсутствіи поводовъ къ тревогамъ? Вотъ—между прочимъ причина моего упорнаго уединенія, на которое Вы такъ любезно и дружески жалуетесь.

Въ моихъ мечтаніяхъ и хотѣніяхъ я иногда, по привычкѣ, порываюсь странствовать—это правда, но это только говоритъ жадность и привычка, а на дѣлѣ, когда до него дойдетъ очередь, оказывается, что я и слабъ, и тяжелъ на подъемъ и наконецъ боленъ и что мнѣ путешествовать и не надо и охоты нѣтъ.

Такъ я рванулъ было опять вокругъ свѣта—но потомъ, строго анализируя себя и свое моральное и физическое я, я благословилъ судьбу, что мнѣ вначалѣ отказали на отрѣзъ.

Такъ же точно недавно порывался въ Италію, гдѣ не былъ и гдѣ мнѣ всегда мечталось видѣть Венецію, Флоренцію, Римъ и Неаполь: пожалуй—туда, можетъ быть, на первыхъ, горячихъ порахъ желанія и поѣхалъ бы, такъ какъ это не такъ далеко, какъ вокругъ свѣта, но туда надо ѣхать осенью или зимой, а для меня зимнее странствіе невыносимо, по причинѣ того самого *тика*, о которомъ упоминаете Вы, справедливо называя его „проклятымъ“. Дома можно, и то—не всегда удается, уберечься отъ сквозныхъ и отъ несквозныхъ, но холодныхъ вѣтровъ, сырости и вообще всего, что тревожитъ нервы въ вискахъ и зубахъ—а какъ уберечься этого въ вагонахъ или нетопленыхъ домахъ за границей зимой, когда я и лѣтомъ иногда не спасаюсь въ дорогѣ отъ этого зла? Помните—мои страданія въ Варшавѣ? Почти тоже самое повторилось—къ счастью короче—и въ Берлинѣ въ прошломъ Августѣ!

Словомъ—„какъ ни кинь, все клинь“! Однако на масляницѣ былъ здѣсь по дѣламъ службы мой племянникъ ¹⁾, кото-

¹⁾ Викторъ Михайловичъ Кирмаловъ, младшій сынъ сестры И. А.—А. А. Кирмаловой. Объ отношеніяхъ И. А. къ родственникамъ см. у Суперанскаго—„И. А. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи“. „Вѣст. Европы“. 1907 г. № 2 и 1908 г. №№ 11 и 12.

раго Вы знаете—и я чуть было не увлекся желаніемъ уѣхать съ нимъ, такъ какъ для него это было ново и интересно, а для меня полезно и пріятно: полезно потому, что онъ, будучи самымъ близкимъ мнѣ, послѣ покойной Мишишки¹⁾, лицомъ,—служилъ бы мнѣ костылемъ въ моей старости и дряхлости ибо одинъ я теперь ѣздить побаиваюсь и скучаю, а пріятно—потому, что у него живой, веселый умъ и добрый характеръ. Съ другими—ни съ кѣмъ я не поладилъ бы такъ какъ съ нимъ,

Но у него есть ближе меня лица—это жена, сынъ и еще ожидаемое чадо, которыхъ онъ оставилъ въ Одессѣ. Потомъ—и это главное—хотя у него тамъ Колхида и подъ бокомъ, но онъ не добылъ тамъ золотого руна, которое все давно прибрали къ рукамъ новѣйшіе аргонавты—жиды. А безъ этого руна—намъ съ нимъ—ни порознь, ни совокупно, странствовать неспособно. И я—помечтавъ съ нимъ—остался дома, а онъ отошелъ въ свою страну.

Вотъ Вамъ—любезный другъ—подробный отчетъ на Ваши вопросы, на которые еще подробнѣе надѣюсь отвѣтить лично на праздникахъ.

А до тѣхъ поръ дружески и Вамъ и Вашимъ кланяюсь.

И. Гончаровъ.

А Вы сами—куда? Отвѣтъ вѣроятно одинъ: въ Павловскъ — такъ ли?

№ 44²⁾.

15 Мая.

Вотъ вамъ мое сильное приношеніе, наисладчайшій изъ друзей, Александръ Васильевичъ, съ краткою, но правдивою надписью! Другой экземпляръ желала имѣть Екатерина Александровна, кажется, для подарка кому-то: прошу Васъ неукоснительно передать ей. Прислалъ бы я и третій экземпляръ, обѣщанный Г. О. Ѡ. Миллеру³⁾ за его любезный подарокъ

¹⁾ См. выше, письмо № 41.

²⁾ Выяснить даты двухъ, помѣщенныхъ здѣсь послѣдними, писемъ не представилось ни малѣйшей возможности; въ отношеніи же остальныхъ писемъ это удалось или вполнѣ точно или въ значительной степени приближенности (во второмъ случаѣ, какъ читатель могъ замѣтить, ставились знаки вопроса).

³⁾ Извѣстный профессоръ исторіи русской литературы, популярный лекторъ и писатель. Диссертация его „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“, издана въ 1858 г.

мнѣ диссертациі, да боюсь, что экз. этотъ ухнетъ въ Вашъ книжный океанъ и погрузится на дно и потому буду искать другого, болѣе надежнаго способа къ передачѣ. Видите, есть пункты, гдѣ и Вы можете быть подозрѣваемы въ ненадежности!

Зашелъ бы я сегодня, по дорогѣ изъ Царскаго Села, часовъ въ 8 вечера къ Вамъ, въ домъ Фридрихса, еслибы зналъ, что Вы дома, но боюсь не застать, а хотѣлось бы повидаться и уговориться отобѣдать вмѣстѣ, если не на этой недѣлѣ, то хоть въ началѣ будущей. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ и не забывайте также Вашего

И. Гончарова.

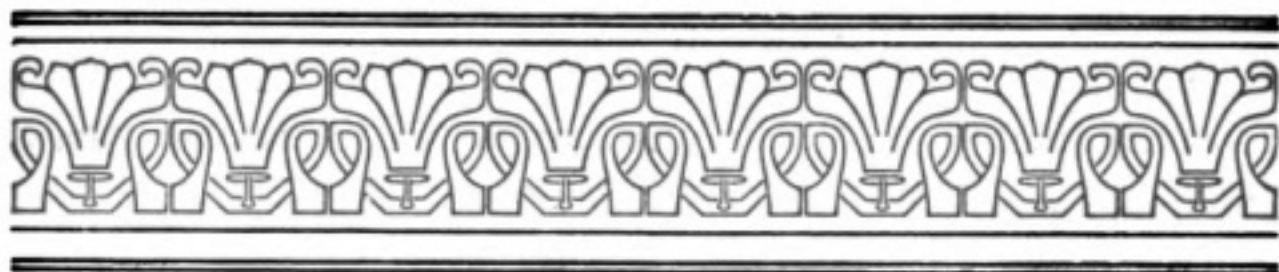
№ 45.

Воскресенье.

Ваше Превосходительство! Слезно умоляю, снимите съ меня тяжесть преступленія: сегодня (въ Воскресенье) Некрасовъ [Н. А.] намѣревался просить Васъ въ 4^{1/2} часа обѣдать къ нему и я, злополучный, взялъ на себя лично передать Вамъ это приглашеніе и увы! забылъ. Если Вы и обѣщали куда-нибудь, то обманите и будьте тамъ, или надо мной загремятъ проклятья! Обѣдаю, кажется, только я, да Вы, или виновать—Вы да я. Надѣюсь до 4^{1/2} часовъ.

Вашъ Гончаровъ.

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ ¹⁾.

Изъ всѣхъ послѣдователей Виталии въ Плавняхъ выжилъ одинъ только Ѳ. Ковалевъ, и объ этомъ виновникъ совершившагося слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ.

Предварительное слѣдствіе лишено было возможности собрать о личности его желаемый матеріалъ. Жизнь его до Тираспольскаго событія протекала въ условіяхъ самой обыкновенной обстановки, мѣстнаго мѣщанина - садовладѣльца.

Всѣ близкія, общавшіяся съ нимъ, лица заживо погребены имъ, а съ живущими сосѣдями онъ не знался и избѣгалъ ихъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на участвовавшихъ въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, какъ я сказалъ уже, было впечатлѣніемъ, производимымъ человѣкомъ неразвитымъ, замкнувшимся въ самого себя и не любившимъ общенія. Такимъ обнаружилъ онъ себя и во время заключенія своего въ тюрьмѣ. По словамъ начальника тюрьмы Кривенко, онъ примирился съ условіями своего тамъ существованія и выражалъ Кривенко намѣреніе взять себѣ по дѣлу хорошаго защитника. Въ этихъ видахъ онъ отдалъ въ аренду пять съ лишнимъ десятинъ своей земли на 12 лѣтъ и сразу получилъ 1200 рублей, которые и передалъ въ тюрьму на храненіе. Кромѣ того онъ не забылъ и старика Соловьева, отца, заживо похороненной имъ жены своей, и подарилъ ему 1½ десятины своего сада, „чтобы этимъ, хотя отчасти, вознаградить Соловьева за смерть дочери“, какъ говорилъ Ковалевъ. На будущее, по удостовѣре-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

нію этого свидѣтеля, Ѡ. Ковалевъ смотрѣлъ довольно бодро, надѣясь на хорошаго защитника. Практическій человѣкъ, поглощенный будничными интересами жизни, а не человѣкъ, пережившій величайшія нравственныя страданія, сказывался въ немъ и въ отношеніяхъ его къ производившемуся уголовному дѣлу.

Онъ, повидимому, не чувствовалъ мучительныхъ угрызений совѣсти и былъ далекъ отъ учиненія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ слѣдствія, чистосердечнаго признанія. Онъ пытался вначалѣ, при учиненныхъ допросахъ его, поддерживать легенду, будто жена съ дѣтьми уѣхала въ какіе-то невѣдомыя ему далекія страны, при чемъ для поддержанія достовѣрности своего утвержденія, изъявлялъ готовность перенести матеріальныя траты, съ цѣлью обнаруженія ихъ мѣстожителства. Когда старикъ Соловьевъ съ двумя взрослыми сыновьями, узнавъ объ исчезновеніи жены Ѡ. Ковалева и подъ вліяніемъ распространившихся въ народѣ слуховъ, что она съ дѣтьми и другими исчезнувшими лицами похоронена живою, стали энергично требовать отъ него объясненій, онъ отвѣчалъ лаконично, отзываясь полнымъ невѣдѣніемъ, но при этомъ изъявилъ согласіе на производство пришедшими Соловьевыми, по ихъ желанію, осмотра мѣстности и помѣщеній. Только тогда, когда такимъ образомъ, безъ всякаго съ его стороны содѣйствія, стали обнаруживаться въ Плавняхъ замурованные и засыпанные землей трупы, жертвы его дѣйствій, онъ измѣнилъ свою тактику отрицанія и лжи и постепенно сталъ учинять признаніе въ совершеніи того дѣла, отрицаніе котораго было уже невыносимо. Такимъ образомъ Ѡ. Ковалевъ не терялъ реальной почвы подъ ногами, а его религіозный фанатизмъ былъ, нужно полагать, не естественнымъ продуктомъ развитія его внутреннихъ убѣжденій, а извнѣ навѣяннымъ душевнымъ настроеніемъ, навѣяннымъ подавившею его своею волевою силою Виталии. Прекратилось со смертью ея это вліяніе, и Ѡ. Ковалевъ сталъ быстро пріобрѣтать обычный обликъ зауряднаго и разсудочнаго человѣка, весьма скромнаго умственнаго развитія. Эти свойства личности явственно выяснились и въ послѣдующемъ періодѣ его жизни.

Результатами произведенныхъ по дѣлу дознаній и предварительнаго слѣдствія съ полной несомнѣнностью выяснилось, что преступныя дѣянія, совершившіяся въ Плавняхъ, имѣютъ вполнѣ спорадическое значеніе и не вышли изъ предѣловъ данной мѣстности. Въ видахъ выясненія того, не представляются ли эти тираспольскія преступленія лишь частнымъ выраженіемъ

емъ глубокаго религіознаго движенія, народившагося въ расколѣ, полицейскія разслѣдованія распространились на широкую территориальную область. Дознаніе, въ видахъ этихъ, было произведено въ городѣ Херсонѣ и Николаевѣ, гдѣ проживали родные сестры Виталин—Татьяна Панкова, а также мужъ и дѣти другой, какъ мы знаемъ зарывшейся сестры ея, Елизаветы Денисовой. Для установленія личности Виталин и выясненія ея отношеній къ другимъ лицамъ, дознаніе произведено было также въ г. Одессѣ, гдѣ проживалъ родной братъ ея, Лука Мокѣевъ. Ни въ этихъ мѣстахъ, ни въ мѣстности, ближайшей къ г. Тирасполю, не удалось однако обнаружить ничего такого, что могло бы служить признакомъ широкаго распространенія изувѣрствъ религіознаго возрѣнія Виталин.

Предварительное слѣдствіе по окончаніи своемъ, несмотря на обнаружившіяся фактическія данныя къ обвиненію Ѳ. Ковалева въ совершеніи ряда убійствъ подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, не получило однако дальнѣйшаго движенія въ судебномъ порядкѣ. Статья 203 Улож. о Нак. (нынѣ закономъ 14 марта 1906 г. отмѣненная, въ качествѣ квалифицирующей убійства статьи), хотя по внѣшнимъ признакамъ и соотвѣтствовала виновности его, но не соотвѣтствовала ей по внутреннему ея содержанію. Какъ ни ужасны были совершенныя Ѳ. Ковалевымъ убійства, но тѣмъ не менѣе совершены они были изъ желанія спасти души загубленныхъ имъ близкихъ людей отъ власти антихриста. Онъ былъ, подъ вліяніемъ воздѣйствій Виталин, убѣжденъ, что, совершая свои дѣянія, онъ спасаетъ ихъ души для вѣчнаго блаженства, а для подобныхъ поступковъ карательная статья закона, угрожавшая каторжными работами отъ 12—15 лѣтъ, едва-ли могла быть признана подходящей. Такой обвинительный приговоръ о Ѳ. Ковалевѣ не соотвѣтствовалъ бы взволнованной, совершившимися злодѣяніями, общественной совѣсти и не удовлетворилъ бы ее. Но, съ другой стороны, и постановка присяжными засѣдателями оправдательнаго приговора, въ виду исключительныхъ свойствъ совершенныхъ преступленій вполне возможная, точно также не удовлетворила бы интересы уголовного правосудія. Этотъ взглядъ на дѣло, сложившійся и у мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, былъ поддержанъ и мною, по возвращеніи изъ Тирасполя, при личномъ докладѣ тогдашнему министру юстиціи Н. В. Муравьеву и встрѣтилъ съ его стороны сочувственное отношеніе. Н. В. Муравьевъ пожелалъ только, чтобы прежде чѣмъ установить окончательное сужденіе по дѣлу, я съѣздилъ отъ его имени къ

оберъ - прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву и повторивъ ему мой докладъ, попросилъ его высказать свое мнѣніе о томъ, согласенъ ли онъ будетъ на то, чтобы онъ, министръ, Всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на прекращеніе судебного дѣла о Ѳ. Ковалевѣ и о пожизненномъ заключеніи его въ монастырь. Вспоминая это посѣщеніе мною К. П. Побѣдоносцева, какъ далеко отстоящій отъ настоящаго времени историческій моментъ, приходится сказать, что посѣщеніе это произвело на меня впечатлѣніе, неожиданнаго мною. Направляясь къ нему, я зналъ, что онъ находится въ курсѣ этого дѣла, но я вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ, что онъ радъ будетъ, помимо имѣвшихся у него въ распоряженіи источниковъ знанія этого дѣла, полученныхъ чрезъ лицъ духовнаго вѣдомства, послушать судебного дѣателя, съ мѣста преступленія пріѣхавшаго и имѣвшаго возможность можетъ быть сообщить ему такіа свѣдѣнія, которыхъ онъ не имѣлъ. Докладъ мой вышелъ очень неудачнымъ. Изложеніе обстоятельствъ дѣла и свѣдѣній, относившихся къ жизни мѣстнаго раскола, его видимо не интересовало. Онъ нѣсколько разъ перебывалъ мой докладъ въ качествѣ человѣка, которому все это хорошо извѣстно и у котораго сложился уже вполне опредѣленный взглядъ на это преступленіе.

Въ концѣ концовъ онъ завелъ со мною бесѣду о томъ, что дѣлается у насъ въ Уголов. Кассац. Деп. Сената, при чемъ заявилъ свое неудовольствіе на разъясненія Сената по вопросамъ объ уголовномъ преслѣдованіи штундистовъ. Это были годы энергичнаго воздѣйствія власти на эту секту путемъ возбужденія уголовного преслѣдованія ея (главнымъ образомъ по ст. 29 Уст. о Нак.). Сенатъ, стремясь ввести эти преслѣдованія въ законныя предѣлы, нѣрѣдко устанавливалъ ограничительныя признаки по вопросу о томъ, что такое штунда и при наличности какихъ условій проповѣдываніе ея ученія подходитъ подъ дѣйствіе уголовного закона. „Вамъ хорошо, сидя въ зданіи Сената, давать всевозможныя разъясненія въ отношеніи преступной дѣятельности раскола, но каково намъ, дѣйствующимъ на мѣстахъ, бороться съ расколомъ при вашихъ разъясненіяхъ“, говорилъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ. Видя, что цѣль моего пріѣзда, по порученію М. Ю., не достигается, я рѣшился прямо поставить вопросъ о томъ, въ виду затрудненій, встрѣчающихся для преданія суду Ѳ. Ковалева, какъ полагалъ бы онъ поступить съ дальнѣйшей судьбой Ѳ. Ковалева? „Повѣсить его надо“, сказалъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ съ видимымъ раздраженіемъ.

Я вполне убѣжденъ, что въ этой фразѣ не было выражено твердо сложившагося убѣжденія ея автора. Это были, по выраженію Горация, „губныя слова“, въ которыхъ не отразились ни мысль, ни чувство говорившаго ихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что впоследствии и вѣроятно при личномъ свиданіи съ Н. В. Муравьевымъ К. П. Побѣдоносцевъ раздѣлялъ его взглядъ и согласился на прекращеніе этого дѣла. Но со мною онъ говорилъ иначе и, полагаю я, раздраженно потому, что видѣлъ въ моемъ посѣщеніи попытку судебного дѣятеля вторгнуться въ спеціальную область его вѣдѣнія въ отношеніи борьбы съ расколомъ. Смущенный я рѣшилъ поставить вопросъ въ нѣсколько иной болѣе опредѣленной формѣ. Я спросилъ К. П. Побѣдоносцева, не признаетъ ли Его Высокопревосходительство цѣлесообразнымъ и справедливымъ замѣну ожидающей Ѳ. Ковалева уголовной кары помѣщеніемъ его пожизненно въ монастырь. „Никогда, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣшительно, — это для чего же? Для того, чтобы Ковалевъ испортилъ мнѣ въ монастырѣ всѣхъ монаховъ!“ На этомъ и окончилась наша бесѣда и притомъ единственная моя бесѣда съ К. П. Побѣдоносцевымъ.

31 декабря 1897 г., по Всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи, послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе относительно помѣщенія Ѳ. Ковалева въ одинъ изъ православныхъ монастырей. Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія, по опредѣленію Св. Синода отъ 30 января и 8 февраля 1898 г., названный мѣщанинъ Ѳ. Ковалевъ помѣщенъ былъ въ существовавшее тогда при Суздальскомъ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ арестантское отдѣленіе. Это заключеніе Ковалева длилось однако недолго. Въ 1904 г. настоятелемъ названнаго монастыря данъ былъ Св. Синоду отзывъ, что Ѳ. Ковалевъ „набоженъ, скромнъ, изъ раскола присоединился къ Православной Церкви, заслуживаетъ участія и полнаго помилованія“¹⁾.

Затѣмъ, въ 1904 г., согласно опредѣленію Св. Синода, въ октябрѣ Ковалевъ переведенъ былъ въ число братіи этого монастыря и назначенъ послушникомъ, а черезъ два мѣсяца въ январѣ 1905 г. 6. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ испрошено было Высочайшее соизволеніе объ освобожденіи Ковалева изъ монастыря. Изъ свѣдѣній, въ томъ же году сообщенныхъ Оберъ-Прокурору Министерствомъ Внутрен-

¹⁾ Означенныя свѣдѣнія получены мною изъ дѣлъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 6. Оберъ-Прокурора С. Лукьянова, согласно просьбѣ моей, имъ любезно исполненной.

нихъ Дѣлъ, видно, что послѣ освобожденія своего изъ монастыря Ковалевъ выбылъ къ мѣсту своего жительства, то есть въ Плавни. Какъ сложилась затѣмъ его дальнѣйшая судьба, видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Тираспольскаго уѣзда ¹⁾. Оказывается, что вскорѣ по выходѣ изъ монастыря Ѳ. Ковалевъ женился на православной и, имѣя отъ нея дѣтей, основалъ, такимъ образомъ, новую семью, съ которою вѣроятно проживаетъ и понынѣ въ Плавняхъ. Вспоминается мнѣ, что уже при производствѣ настоящаго дѣла мѣстныя власти опасались, что мѣсто совершенія преступленій привлечетъ къ себѣ въ будущемъ вниманіе фанатиковъ бѣгунскаго толка и сдѣлается предметомъ культа. Можно было также опасаться, что прибытіе въ ту мѣстность Ѳ. Ковалева будетъ точно также содѣйствовать развитію религіознаго фанатизма. Дѣйствительность показала однако, что опасенія эти не нашли почвы для своего осуществленія. Ѳ. Ковалевъ, несмотря на обнаруженную крайность своего изувѣрства, явился къ себѣ на родину преобращеннымъ и притомъ православнымъ, не возбуждившимъ къ себѣ вниманія, а тѣмъ болѣе расположенія ни раскольничьяго, ни православнаго населенія.

Повидимому, на этотъ разъ обращеніе Ѳ. Ковалева въ православіе не менѣе искренно, чѣмъ то изувѣрство, которое возбуждено было въ немъ Виталіей, какъ въ раскольникѣ. Изъ частныхъ свѣдѣній видно, что нынѣ онъ заявляетъ себя ярымъ защитникомъ православной вѣры и стремится къ проповѣднической дѣятельности, съ цѣлью обращенія старовѣровъ въ православіе. Онъ не уклоняется принимать участіе въ религіозныхъ собесѣдованіяхъ и дѣлалъ попытки занять мѣсто псаломщика при мѣстной единовѣрческой церкви. Мѣстные старовѣры говорятъ, что Ѳедоръ Ковалевъ „въ православной вѣрѣ весьма упоренъ и скорѣе его жена приняла бы старую вѣру, нежели онъ“. Онъ не забываетъ также интересы плодоводства и занимается обработкой сада и вообще своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Производитъ онъ на лицъ, нынѣ общающихся съ нимъ, впечатлѣніе совершенно здороваго и спокойнаго человѣка, обнаруживающаго сильную волю и установившійся характеръ.

Старовѣры, сочувственно относившіеся къ Виталіи и ожидавшіе по предсказанію ея конецъ міра, послѣ всего совершившагося разочаровались въ ея ученіи и убѣдились въ томъ, что

¹⁾ Доставленіемъ этихъ свѣдѣній я обязанъ любезности б. уѣзднаго члена Одесскаго окружнаго суда по Тираспольскому уѣзду В. Деметрину, сообщившему мнѣ ихъ въ 1910 году.

замурованные были заблуждавшимися подвижниками. Соответственно этому Виталия, въ воспоминаніяхъ мѣстнаго населенія, оказывается совершенно непопулярной, и они вспоминаютъ о ней съ тяжелымъ чувствомъ какъ объ участницѣ въ зломъ дѣлѣ. Въ связи съ такимъ настроеніемъ тотъ погребъ и тѣ ямы, въ которыхъ покончили свое существованіе мучительной смертью Виталия и ея сподвижники, остаются понынѣ заброшенными въ прежнемъ видѣ, не представляя для живущаго въ тѣхъ мѣстахъ населенія никакого религіознаго интереса. При попыткахъ узнать отъ нынѣшнихъ плавнинскихъ жителей что-либо о погибшихъ, они стараются разговоръ замять и какъ бы стыдятся за совершившееся.

Таковъ оказался результатъ этого совершенно исключительнаго по своимъ свойствамъ уголовного преступленія. Антихристъ оказался побѣжденнымъ, но человѣческія жертвы, созданныя борьбою съ нимъ, какъ съ фикціей, многочисленны.

Французскій психологъ Рибо высказалъ упрекъ современной психологіи въ томъ, что она слишкомъ мало до сихъ поръ занималась изслѣдованіемъ религіозныхъ идей и чувствъ. Тираспольское дѣло свидѣтельствуеть о томъ, что жизнь въ этомъ отношеніи создаетъ, дѣйствительно, цѣнные матеріалы, на оцѣнкѣ которыхъ поучительно остановиться. При неизбежно ограниченныхъ предѣлахъ журнальной статьи невозможно исчерпать всего обилія имѣющихся въ слѣдственномъ по дѣлу производствѣ данныхъ ¹⁾.

Тираспольское изувѣрство представляется продуктомъ рѣзкаго отреченія отъ міра лицъ, вложившихся въ него. Генезисъ этого отреченія приходится искать не въ одной какой-нибудь причинѣ, повелительно воздѣйствовавшей на участниковъ пре-

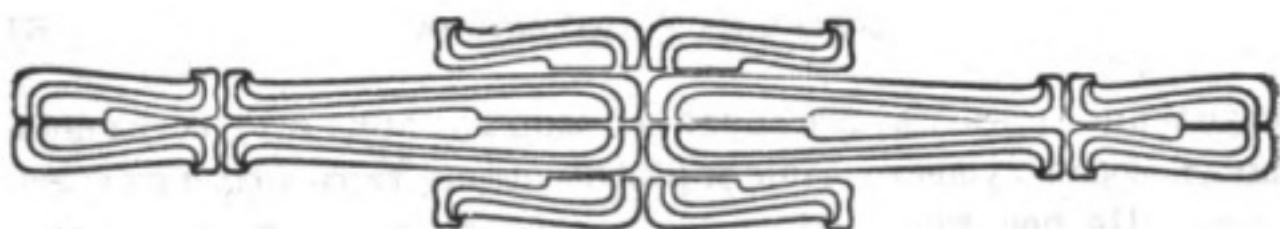
¹⁾ Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія многочисленные осмотры, произведенные судебнымъ слѣдователемъ, вещественныхъ доказательствъ по дѣлу. Такъ, въ слѣдственномъ производствѣ имѣются: 1) осмотръ иконъ, книгъ и свѣчей, найденныхъ въ мнѣ погребѣ Ѳомина; 2) осмотръ иконъ-крестовъ, четокъ и др. предметовъ, найденныхъ въ кельѣ Ѳедора Ковалева; 3) осмотръ предметовъ, найденныхъ въ одной изъ келій скита; 4) осмотръ книгъ и рукописей, найденныхъ въ сундукѣ, обнаруженномъ на чердакѣ дома, въ которомъ жилъ Ѳедоръ Ковалевъ; 5) осмотръ камилавки, въ которой Ѳ. Ковалевъ доставленъ былъ въ тюрьму; 6) осмотръ вещей, принадлежащихъ Ѳ. Ковалеву, въ которыхъ онъ былъ арестованъ; 7) осмотръ одежды слѣплого старика, жившаго у Александры Ковалевой; 8) осмотръ вещей, найденныхъ въ усадьбѣ Назара Ѳомина въ ямѣ, вырытой недалеко отъ погребѣ. Цѣнны также имѣющіеся въ слѣдственномъ дѣлѣ осмотры скита А. Ковалевой и м. д.

ступленія, а въ цѣломъ рядѣ сложныхъ причинъ, обусловившихъ собой существованіе и міровоззрѣніе тираспольскихъ жителей. Не послѣднее мѣсто въ ряду этихъ причинъ сыграла ихъ замкнутость и отчужденность отъ соціального существованія. Они не знали никакихъ общественныхъ интересовъ и вполне безучастно, какъ мы видѣли, относились даже къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Только подъ конецъ своего земного существованія, когда они уже стали лицомъ къ лицу съ роковымъ, возникшимъ въ нихъ вопросомъ о неизбѣжности борьбы съ антихристомъ, они начали заботиться о ближнемъ и, поспѣшно распродавая свое имущество, какъ о томъ удостовѣрили многіе свидѣтели, такимъ образомъ вложились въ дѣло благотворительности. Въ теченіе предшествовавшаго времени, въ періодъ долгаго своего существованія въ Плавняхъ они не находили отклика въ своемъ сердцѣ на нужды ближнихъ. Ихъ гораздо больше интересовало подавленіе въ себѣ всѣхъ мірскихъ желаній и уничтоженіе тѣхъ соціальныхъ чувствъ, которыя привязываютъ обыкновенно людей къ жизни. Добровольно принятыя ими на себя великія страданія являются естественнымъ послѣдствіемъ этого воспитаннаго ими въ себѣ душевнаго настроенія.

В. Случевскій.

(Окончаніе).

Лирика Е. А. Боратынскаго.

Пора Боратынскому занять на русском Парнассѣ мѣсто давно ему принадлежащее“—такими словами начиналъ Пушкинъ свою статью о Боратынскомъ и, опредѣливъ дарованіе Боратынскаго, въ заключительныхъ строкахъ указывалъ „степень, ему принадлежащую“: „подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды“, т. е. Батюшкова.

Дружески относившійся къ Боратынскому, Пушкинъ выступилъ на защиту любимаго поэта, и послѣдующей критикѣ приходилось исходить изъ отзывовъ Пушкина о Боратынскомъ, соглашаясь съ ними или полемизируя,—такъ ярка и значительна характеристика творчества Боратынскаго, сдѣланная великимъ поэтомъ: „...Никто болѣе Боратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ... Боратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ... Никогда не тащится онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ...“

Таковъ высшій и пристрастный къ поэтическимъ достоинствамъ судъ Пушкина, намѣтившаго для будущихъ поколѣній оцѣнку творчества Боратынскаго и указавшаго на необходимость опредѣленія историко-литературнаго значенія поэзии „поэта мысли“.

И до сихъ поръ, какъ и во времена Пушкина, остался Бо-

ратынскій неопредѣленнымъ по достоинству, до сихъ поръ онъ не занялъ никакого мѣста „на русскомъ Парнассѣ“, довольствуясь названіемъ оригинальнаго и независимаго поэта Пушкинской плеяды, въ которой онъ занялъ одно изъ почетныхъ, но весьма неопредѣленныхъ мѣстъ.

Панегирики и памфлеты, направляемые по адресу поэта-мыслителя, еще болѣе затрудняютъ историко-литературную оцѣнку его, такъ какъ обособляютъ, отрываютъ отъ современной эпохи поэта, и безъ того достаточно обособленнаго и мало зависимаго отъ господствовавшихъ въ то время направленій и настроеній.

Указать отношенія поэзіи Боратынскаго къ поэзіи современной ему и къ поэзіи предшествующей эпохи, а также опредѣлить степень вліянія поэзіи Боратынскаго на послѣдующія поколѣнія—задача широкаго изслѣдованія о Боратынскомъ, на которое не претендуетъ настоящій очеркъ, представляющій только опытъ общей схемы и рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ развивалась лирическая дѣятельность Боратынскаго ¹⁾.

Трудность историко-литературнаго изученія Боратынскаго увеличивается вслѣдствіе того неопредѣленнаго, колеблющагося отношенія къ поэту, которое мы замѣчаемъ въ различные періоды дѣятельности поэта и послѣ его смерти. Очевиднымъ успѣхомъ пользовался поэтъ „для немногихъ“, какъ потомъ называли Боратынскаго, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда—и въ современной критикѣ и въ широкихъ кругахъ общества—слава его возростала вмѣстѣ со славой Пушкина, и когда онъ бывалъ неразлучнымъ и равнымъ спутникомъ общепризнаннаго генія Пушкина: въ то время къ имени Пушкина общее мнѣніе неизмѣнно присоединяло имя Боратынскаго и едва-ли не съ равнымъ интересомъ слѣдило за успѣхомъ обоихъ большихъ лирическихъ поэтовъ, развивавшихся независимо и пошедшихъ по разнымъ путямъ творчества, по которымъ не успѣвала слѣдовать широкая публика.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ своими новыми и независимыми путями творчества и мощными, крылатыми взмахами геніально-поэтической мысли и чувства заставлялъ прислушиваться къ себѣ и поражалъ воображеніе, вызывая въ сердцахъ читателей то горячее отвѣтное сочувствіе, то рѣзкое осужденіе отставшаго въ пониманіи происходящихъ явленій и событій

¹⁾ Эгюль о поэмахъ и прозѣ Боратынскаго, какъ занимающихъ особое положеніе въ творествѣ поэта, выдѣленъ нами изъ этого очерка литературной дѣятельности.

литературной жизни. Боратынскій въ это время былъ совсѣмъ потерянъ изъ виду съ его не широкимъ, особымъ, рѣзко индивидуальнымъ характеромъ поэзіи, за нимъ и по его пути не пошелъ никто, и, по свидѣтельству Пушкина, уединенный поэтъ „встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ“. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ поэзіи Боратынскаго въ это время является И. В. Кирѣевскій, тщетно обращающій вниманіе критики и публики на музыкально-поэтическую и поэтичеcko-философскую сторону творчества поэта, для пониманія котораго надо имѣть „и тоньше слухъ и больше вниманія, нежели для другихъ поэтовъ“,—критика и публика проходила мимо сумрачнаго поэта-индивидуалиста и „не дослушивала всѣхъ оттѣнковъ его поэтической мысли и чувства“. Мало замѣтной прошла въ русскомъ обществѣ даже смерть поэта, бывшаго когда-то одной изъ самыхъ великихъ надеждъ и предметовъ пристрастія, а выпущенная имъ въ 1842 году (за два года до смерти) книга „Сумерки“, по свидѣтельству М. Н. Логина, „произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ, недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она проситъ отъ потомковъ“.

Двѣ противорѣчивыя статьи Бѣлинскаго, возставшаго на поэта во имя идеи прогресса, въ общемъ сознаніи читателей поставили Боратынскаго на первое мѣсто среди всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, но во второй половинѣ XIX вѣка Боратынскій окончательно затерялся среди очень многочисленныхъ „поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ“, среди поэтовъ Пушкинской плеяды, интересъ къ которой былъ очень незначителенъ вплоть до девяностыхъ годовъ XIX вѣка, до приготовления къ Пушкинскимъ торжествамъ въ 1899 году. Съ начала 90-хъ годовъ интересъ къ поэтамъ-созвѣздіямъ Пушкина и, въ частности, къ Боратынскому значительно возросъ какъ вслѣдствіе усиленнаго обращенія къ Пушкину и къ Пушкинской эпохѣ, такъ и вслѣдствіе культа Пушкинской формы среди новаго теченія въ русской поэзіи, выразившагося достаточно ярко въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка: новое теченіе производило свою генеалогію отъ Пушкина черезъ Боратынскаго, и весьма цѣпныя изслѣдованія о Боратынскомъ мы находимъ у одного изъ наиболѣе видныхъ и серьезныхъ представителей новой поэзіи—

у Валерія Брюсова. Столѣтній юбилей со дня рожденія Боратынскаго—въ 1900 году—вызвалъ также цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ иногда съ исчерпывающей полнотой рисуется поэтической обликъ ¹⁾ и мировоззрѣніе Боратынскаго, но въ которыхъ рѣдко затрогиваются вопросы историко-литературнаго характера, и едва намѣчается положеніе, которое занимаетъ Боратынскій среди поэтовъ Пушкинскаго кружка, какъ выразитель той стороны міросозерцанія и настроенія 20-хъ и 30-хъ годовъ, вѣянія которыхъ нашли себѣ меньшее отраженіе въ творествѣ Пушкина.

Тонкій знатокъ и цѣнитель поэзіи и поэтического чувства, опредѣлявшій поэтическое произведеніе, какъ „полное ощущеніе данной минуты“, Боратынскій такъ охарактеризовалъ свое творчество въ стихотвореніи „Муза“.

Не ослѣпленъ я Музой моею:
 Красавицей ее не назовутъ,
 И юноши, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.
 Примаанивать изысканнымъ уборомъ,
 Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
 Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ,
 Ея рѣчей спокойной простотой;
 И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
 Ее почититъ небрежной похвалой.

Прослѣдить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, развитіе необщаго выраженія какъ круга идей, волновавшихъ поэта, такъ и способовъ передачи, „необщее выраженіе“ въ формѣ, въ которую выливаются глубокія мысли поэта-пессимиста, пѣвца „Сумерекъ“—и составляетъ задачу настоящаго очерка, этюда къ изслѣдованію творчества Боратынскаго.

Творчество Боратынскаго можно съ достаточнымъ основаніемъ раздѣлить на три періода и разсматривать отдѣльно каждый вполне самостоятельный періодъ, сохраняющій связи съ прошедшимъ и предварающій своими мотивами и выраженіемъ послѣдующій. Такое раздѣленіе на періоды не будетъ, слѣдовательно, разбивать цѣльнаго представленія объ извѣстной,

¹⁾ Укажемъ на статьи С. А. Андреевскаго. В. Я. Брюсова, С. А. Венгерова, Н. А. Котляревскаго и друг.

ярко окрашенной индивидуальностью поэзии Боратынского. Первый периодъ обнимаетъ собой время отъ 1819 года по 1827 годъ, когда Боратынскій подвелъ итоги цѣлой полосѣ своей жизни и творчества, издавъ сборникъ своихъ стихотвореній, на который онъ смотрѣлъ не просто какъ на собраніе разныхъ стихотвореній, а какъ на извѣстный итогъ, цѣльность которому онъ хотѣлъ придать переработкой стихотвореній; второй периодъ—съ 1827 по 1835 годъ: въ 1835 году Боратынскій подвелъ вторично итогъ всему прошедшему, собравъ не только все (или почти все), написанное имъ послѣ 1827 года, но и включивъ въ изданіе сборникъ 1827 года, подвергшійся вновь переработкѣ; наконецъ, третій периодъ—съ 1835 по 1842 годъ,—охарактеризованный и представленный Боратынскимъ его послѣднею книжечкой стиховъ, вышедшею подъ заглавіемъ „Сумерки“ (первоначально поэтъ предполагалъ назвать этотъ сборникъ „Снами зимней ночи“).

Мы не касаемся другихъ двухъ периодовъ въ творествѣ Боратынскаго — подготовительнаго (до 1819 года) и заключительнаго (1842—1844 г.г.), такъ какъ для сужденія о первомъ не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, и приходится догадываться о сложномъ пути поэта въ выработкѣ фактуры стиха и въ выборѣ образцовъ для подражанія по одному-другому обрывку, свидѣтельствующему о томъ, что музыкальная выразительность и пластическая точность и мѣткость стиха стоили Боратынскому очень большой работы. Что касается до творчества Боратынскаго послѣ периода, обозначеннаго имъ, какъ „Сумерки“, то смерть пресѣкла творчество Боратынскаго въ самомъ началѣ его новаго пути и дала просторное поле для догадокъ и мало данныхъ для заключеній достовѣрнаго характера.

1.

Очевидный, несомнѣнный успѣхъ, которымъ пользовался Боратынскій въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, говоритъ за то, что первый периодъ литературной дѣятельности поэта былъ внутренне связанъ общностью интересовъ съ современною ему жизнію и литературой и отвѣчалъ требованіямъ, предъявлявшимся къ послѣдней; размѣры же этого успѣха говорятъ о томъ, что онъ является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и, можетъ быть, характерныхъ поэтовъ того періода, который далъ русской поэзіи Пушкина и цѣлую плеяду его созвѣздія. И дѣйствительно, къ первому периоду поэтической дѣятельности Боратынскаго вполне приложимо это названіе одного изъ крупнѣйшихъ

созвѣздій Пушкина—не въ томъ смыслѣ, что онъ подражалъ Пушкину, увлекаемый могучею чародѣйною силою Генія, а въ другомъ отношеніи—въ томъ, что тѣ же причины, которыя вызвали большое оживленіе въ нашей поэзіи въ началѣ вѣка и придали извѣстный отпечатокъ творчеству молодого Пушкину, тѣ же самыя причины вызвали къ жизни и элегическую лиру Боратынскаго. Сила личнаго вліянія Пушкина на юныхъ поэтовъ, выступившихъ почти одновременно съ нимъ, была очень велика, но не слѣдуетъ преувеличивать ее или считать исключительной въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о такомъ крупномъ и независимомъ лирическомъ дарованіи, которое справедливо признавалъ Пушкинъ въ Боратынскомъ. Большая заслуга Боратынскаго перваго періода заключается въ томъ, что онъ *вмѣстѣ съ Пушкинымъ* открывалъ невѣдомыя и необъятныя, безграничныя возможности въ русскомъ поэтическомъ языкѣ и вмѣстѣ съ Пушкинымъ обогащалъ и оживлялъ литературу новыми, глубокими и задушевыми мотивами, способствовалъ тому расширенію круга идей и образовъ, настроеній и формы, которое въ то время хотѣли понимать какъ побѣду романтической школы надъ классической.

Боратынскій получилъ приблизительно такое же поэтическое образованіе, какое получилъ и его геніальный сверстникъ, и въ меньшей степени сохранялъ связи съ классическими традиціями XVIII вѣка: новые романтики были въ гораздо большей степени классиками, чѣмъ даже сами подорѣвали, и являлись порой не только завершителями, но и болѣе совершенными выразителями цѣлаго круга идей и настроеній XVIII вѣка, не говоря уже о томъ своего рода культѣ совершенной, классически-точной изящной формы, порой внѣшне изящной, который былъ какъ-бы обязательнымъ для поэтовъ Пушкинскаго кружка. Въ 1830 году Пушкинъ обращался къ вельможѣ Екатерининскихъ временъ—князю Н. Б. Юсупову—со словами, въ которыхъ выражаетъ своего рода символъ вѣры XVIII вѣка:

Ты понялъ жизни цѣль, счастливый человекъ:
Для жизни ты живешь.

но и Пушкинъ, и Боратынскій не уставали въ началѣ своей литературной карьеры повторять этотъ принципъ и, то въ вихри порывѣ, то съ тоской въ груди и грустной душой, воспѣвали изящный эпикуреизмъ въ той формѣ, какую онъ принялъ въ концѣ XVIII вѣка, съ легкими радостями и легкими печалями. Пушкина въ Лицеѣ называли францу-

вомъ вслѣдствіе обширнаго знакомства его съ французской классической поэзіей; о Боратынскомъ не только въ 1823 году его другъ, Дельвигъ, говорилъ, что авторъ посланія „къ Богдановичу“— „правила французской школы всосалъ съ молокомъ матери“, но и позже, въ 1826 году, самъ поэтъ долженъ былъ защищаться передъ Пушкинымъ въ томъ, что онъ „не до такой степени Маркизь, чтобы не чувствовать красоту романтической трагедіи“, и не переставалъ своими симпатіями въ большой степени принадлежать XVIII вѣку. И Пушкинъ, и Боратынскій прошли черезъ школу французской поэзіи XVII и XVIII вв. и ея отраженій въ русской литературѣ XVIII вѣка, что не могло, конечно, не отразиться и на всемъ характерѣ ихъ поэтической дѣятельности, какъ въ отношеніи идейнаго содержанія, такъ и въ чисто-формальномъ отношеніи, но эстетизмъ XVIII вѣка получилъ въ ихъ произведеніяхъ болѣе широкое развитіе и, пройдя черезъ теоріи романтическія, выразился въ культѣ искусства и проповѣди полной самостоятельности и независимости искусства отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ и этическихъ нормъ. Отличіе Боратынскаго отъ Пушкина въ ихъ отношеніяхъ къ XVIII вѣку заключается, быть можетъ, только въ томъ, что Пушкинъ гораздо раньше испыталъ на себѣ воздѣйствія мечтательно-романтической музы Жуковскаго и другихъ романтиковъ и рано познакомился съ поэзіей Байрона, между тѣмъ какъ кругъ поэтическихъ симпатій Боратынскаго, долгое время ограниченный поэтами французскаго классицизма, расширился гораздо позже, когда онъ уже созналъ себя, какъ опредѣленную поэтическую индивидуальность, и былъ менѣе воспримчивъ къ юношескому увлеченію новыми симпатіями. Слѣдствіемъ такого поздняго знакомства Боратынскаго съ новыми, романтическими поэтами, было то, что онъ болѣе сознавалъ свои связи съ XVIII вѣкомъ, и медленно, шагъ за шагомъ, отступалъ отъ старыхъ позицій, занятыхъ имъ подъ воздѣйствіемъ того поэтическаго воспитанія, которое онъ получилъ въ старой школѣ. Основательное знаніе классицизма и романтизма продиктовало Пушкину извѣстный стихъ въ Евгеніи Онѣгинѣ:

Два вѣка ссорить не хочу;

тѣ же причины способствовали развитію въ Боратынскомъ свободнаго взгляда на смѣну направленій и вкусовъ, и въ стихотвореніи, обращенномъ къ неизвѣстному лицу, онъ говоритъ очень знаменательныя для Пушкинской эпохи слова:

Равны всѣ музы красотой,
 Несходства ихъ въ одной одеждѣ:
 Старайся нравиться любой,
 Но полюби ты Феба прежде.

Боратынскій отлично зналъ французскую литературу XVII и XVIII вв., но наибольшее вліяніе на его поэзію оказали Вольтеръ, Делавинь, І. Шенье, Лафаръ и, въ особенности, элегическая школа конца XVIII вѣка: Парни, Мильвуа и А. Шенье. Изъ русскихъ поэтовъ XVIII вѣка Боратынскій испыталъ на себѣ несомнѣнное вліяніе Державина и Богдановича: у перваго Боратынскій учился краскамъ, живописи, той особенности дарованія Державина, которая позволяла ему облекать въ плоть и кровь живыхъ, яркихъ, красочныхъ образовъ порой отвлеченныя понятія¹⁾; Богдановича Боратынскій любилъ за граціозность шутки, подъ которой часто крылась болѣе глубокая мысль, и цѣнилъ его за отчетливость формы—отклики вліянія Богдановича мы находимъ еще въ „Послѣдней Смерти“, страннымъ образомъ напоминающей какъ по формѣ, такъ и по мысли, уклонившейся отъ того пути, по которому она развивалась у Богдановича, „Сугубое Блаженство“ послѣдняго.

Но тотъ Боратынскій, какимъ мы его знаемъ со времени его выступленія „въ нежеланную извѣстность“, былъ бы немислимъ, если бы въ его рѣзко-индивидуальной натурѣ не встрѣтились воздѣйствія французскихъ и русскихъ писателей XVIII вѣка съ воздѣйствіями двухъ великихъ русскихъ поэтовъ XIX вѣка—Жуковского и Пушкина.

Вліяніе пластической поэзіи Батюшкова было значительнымъ въ творествѣ Боратынскаго²⁾, но еще большее вліяніе на поэта оказала идеалистически настроенная меланхолическая муза Жуковского. Подъ вліяніемъ Жуковского Боратынскій готовъ былъ отождествлять поэзію и добродѣтель и выбралъ элегическій родъ поэзіи, въ которой главнымъ учителемъ его былъ Жуковскій, пѣвецъ прекраснаго, надъ которымъ очень задумывалась въ то время рѣзвая младость. Вліяніе Пушкина, почти неуловимое, съ трудомъ опредѣляемое, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что изыщ-

¹⁾ Въ частности, можно указать на вліяніе державинскихъ картинъ Смерти и Осени.

²⁾ Вопросъ о вліяніи Батюшкова на Боратынскаго разсмотрѣнъ нами въ замѣткѣ: „Батюшковъ и Боратынскій“.

ный, отчетливо - ясный стихъ Боратынскаго образовался въ связи съ совершенствовавшимся стихомъ молодого Пушкина, такъ, что порой трудно отличить фактуру стиха Боратынскаго (рѣчь идетъ о первомъ періодѣ литературной дѣятельности поэта) отъ фактура стиха Пушкина. Быть можетъ однако, наибольшая образующая сила вліянія Жуковскаго и Пушкина заключалась въ новомъ свободномъ поэтическомъ мірѣ, открывшемся въ ихъ творествѣ передъ Боратынскимъ, и въ признаніи индивидуальнаго начала въ поэзіи,—то, что помогло Боратынскому найти самого себя и выразить себя въ формахъ, создавшихся подъ вліяніемъ какъ старой, такъ и новой поэзіи. Сила оригинальнаго поэтическаго таланта Боратынскаго была такъ велика, что даже въ первомъ періодѣ его лирики постороннія вліянія учитываются съ трудомъ, и рѣзко проступаетъ оригинальная и интересная личность поэта, послѣ 2—3 стихотвореній завоевавшаго себѣ независимое положеніе крупной поэтической силы.

Болѣе всего поддается учету зависимость формы Боратынскаго и нѣкоторой условности отъ его руководителей въ новой для него области творчества, и зависимость поэта отъ французской поэзіи сказывается яснѣе и опредѣленнѣе всего въ классификаціи стихотвореній Боратынскаго, являющейся вполне умѣстной и естественной въ первомъ періодѣ дѣятельности поэта-лирика. Всѣ стихотворенія Боратынскаго, написанныя до 1827 года, легко классифицируются подраздѣленіемъ на пять отдѣловъ: посланія, эпиграммы, эротическія стихотворенія (можетъ быть, точнѣе—*poésies légères*), стихотворенія на случай (то, что относилось самимъ поэтовъ въ отдѣлъ „Смѣси“) и элегіи.

Что касается до перваго отдѣла, до посланій, то его можно разбить на два подотдѣла: лирическія стихотворенія, напоминающія стихотворныя посланія и посвященія Пушкина и Жуковскаго и часто переходящія въ элегіи (таковы, на примѣръ, посланія къ барону Дельвигу и Н. М. Коншину), и дидактическія посланія, построенныя по образцамъ французскаго классицизма, въ которыхъ, по справедливому замѣчанію барона Дельвига, пробивается „холодъ и суевѣріе французской школы“, и которыя цѣлыми отдѣлами напоминаютъ *épîtres* Вольтера, Делавиня и въ особенности „*Sur l'indépendance de l'homme des lettres*“ и другія посланія Мильвуа (таковы, на примѣръ, посланія къ Богдановичу и къ Гнѣдичу).

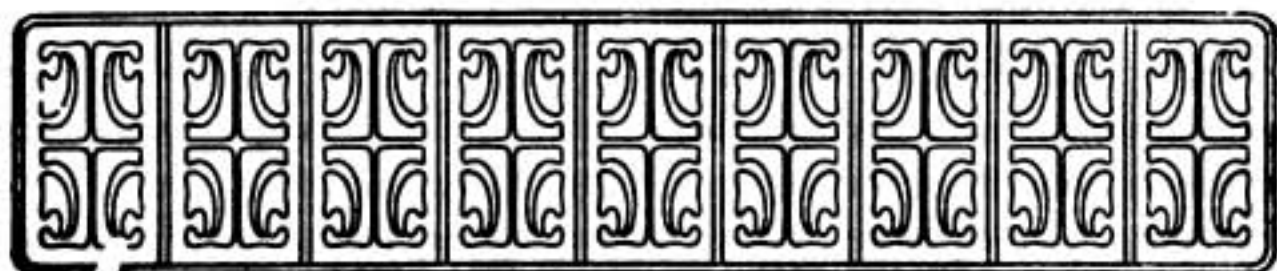
Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о „мастерскихъ, образцовыхъ“ эпиграммахъ Боратынскаго и называлъ ихъ „малень-

ними сатирами, столь забавными и язвительными“, находя, что у Боратынского „сатирическая мысль приѣмлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства“. Намъ кажется весьма справедливымъ этотъ отзывъ Пушкина, какъ справедливыми и слова П. А. Плетнева о томъ, что многихъ эпиграммы Боратынского заставляли смѣяться до слезъ, и острое слово поэта, мѣткое и язвительное, попадало въ больныя мѣста; но справедливо, кажется, отмѣтить и то, что первыя (весьма многочисленныя) эпиграммы Боратынского представляютъ сколки съ французской эпиграммы, какъ „un bon mot de deux rimes orné“, и потому тщетно доискиваться, кого имѣетъ въ виду Боратынскій подъ стереотипами „Дамоновъ“: первыя эпиграммы Боратынского не имѣютъ личнаго характера, и только съ постепеннымъ развитіемъ таланта приобрѣтаютъ право на отзывъ Пушкина; справедливымъ кажется намъ отмѣтить также и то, что пристрастіе Боратынского къ эпиграммамъ, маленькимъ сатирамъ, пристрастіе, идущее какъ бы въ разрѣзъ съ природой поэтическаго таланта, чуждавшагося сатиры и полемики, недолюбливавшаго журналистовъ и журналистики, объясняется въ большой степени его увлеченіемъ французской классической эпиграммой.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оклеветанный сатирикъ.

(Къ 25-й годовщинѣ смерти М. Е. Салтыкова).

Близится 25-я годовщина со дня кончины великаго русскаго сатирика, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Онъ умеръ 28-го апрѣля 1889 года. Задолго до своей кончины Салтыковъ хворалъ, но болѣзнь не мѣшала ему создавать все новыя и новыя замѣчательныя произведенія. Среди нихъ мы видимъ и высоко эпическія („Господа Головлевы“ и „Пошехонская Старина“), и произведенія глубоко сатирическаго характера („Письма къ тетенькѣ“, „За рубежомъ“ и „Пошехонскіе рассказы“), по которымъ можно послѣдовательно прослѣдить и изучить цѣлое 30-тилѣтіе русской дѣйствительности—до и послѣ эпохи реформъ. Даже послѣднія произведенія русскаго Свифта отнюдь не свидѣтельствуютъ объ упадкѣ таланта полубольнаго писателя, страдавшаго болѣзью сердца, почекъ, печени, одышкой и непрерывнымъ кашлемъ. Велики, значить, были мощь духа и сила генія, которыя съ каждымъ годомъ поднимались на большую и большую высоту.

Люди, находившіеся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ, приходившіе постоянно и повседневно въ соприкосновеніе съ нимъ, диву давались, когда изъ-подъ пера желчнаго, суроваго и жаловавшагося на свои неудачи и недуги писателя выходили дышавшія такимъ неподражаемымъ юморомъ сатиры, вызывавшія улыбки даже на устахъ у тѣхъ, противъ кого, казалось, онѣ были направлены,—у всѣхъ этихъ помпадуровъ, ташкентцевъ, Глуповыхъ, Молчалиныхъ, Угрюмъ-Бурчевыхъ, Иудушекъ-Головлевыхъ и другихъ, увѣковѣченныхъ сатирикомъ, современниковъ и героевъ.

— Подъ какимъ соусомъ вы теперь выведете меня?—спросилъ однажды, улыбаясь, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатъевъ Щедрина, послѣ официального приѣма редакторовъ и учиненной имъ распеканціи.

— Намъ не до соусовъ, не до соусовъ!.. —запальчиво отвѣтилъ Щедринъ и отвернулся въ сторону.

„Не до соусовъ“ было, въ самомъ дѣлѣ, въ то время, писателямъ. которыхъ истребляли подъ самыми разнообразными соусами Угрюмъ-Бурчеевы, помпадуры и даже унтера Пришибѣвы...

— „Ахъ, это писательское ремесло—воскликаетъ въ одномъ мѣстѣ Щедринъ—это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь прежде, чѣмъ попадетъ подъ печатный станокъ. Чего со мною не дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный“!..

Послѣдніе годы жизни Щедрина отравлены были пережитою имъ журнальною катастрофою. Закрытіе редактировавшихся сатирикомъ „Отечественныхъ Записокъ“, послѣдовавшее ровно 30 лѣтъ назадъ въ апрѣлѣ 1884 г., было страшнымъ ударомъ для него. Онъ почувствовалъ себя упраздненнымъ, выбитымъ изъ колеи и сразу осунулся.

Оно и неудивительно.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ съ момента перехода ихъ въ руки Некрасова въ 1868 г. до закрытія ихъ въ 1884 г. Салтыковымъ была напечатана большая часть его сатирическихъ очерковъ ¹⁾. Еще при жизни Некрасова Салтыковъ былъ однимъ изъ руководителей „Отечественныхъ Записокъ“, а съ 1878 г. утвержденъ редакторомъ и отдавалъ журналу всего себя, всѣ біенія своего сердца.

Прекращеніе „Отечественныхъ Записокъ“ порвало многолѣтнюю связь сатирика съ „читателемъ-другомъ“. Мысль объ оторванности отъ читателя не покидала Щедрина ни на минуту. Онъ, правда, находилъ пріютъ къ другимъ изданіямъ, но чувствовалъ себя въ нихъ, по его характерному выраженію, „иностранцемъ“. „Нѣтъ ничего ужаснѣе“, — пишетъ Салтыковъ Михайловскому, — „какъ чувствовать себя иностранцемъ въ

¹⁾ „Помпадуры и помпадурши“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Убѣжище Монрепо“, „За рубежомъ“, „Круглый годъ“, „Шошехонскіе рассказы“, „Письма къ тетенькѣ“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Современная идиллія“, „Господа Головлевы“ и мн. др.

журналѣ, въ которомъ работаешь. А я нахожусь въ этомъ положеніи“.

Все, что было пережито сатирикомъ съ закрытіемъ „Отечественныхъ Записокъ“, изображено имъ самимъ въ одной изъ сказокъ—„Приключеніе съ Крамольниковымъ“, который „однажды утромъ, проснувшись, совершенно явственно ощутилъ, что его нѣтъ“.

Возвращается Салтыковъ къ своимъ переживаніямъ въ ту эпоху въ первомъ „Пестромъ письмѣ“, начинающемся словами: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я совершенно неожиданно лишился употребленія языка“.

Все чаще и чаще Салтыковъ сталъ поговаривать о своихъ жестокихъ недугахъ и близкой кончинѣ. Тому же Михайловскому онъ вскорѣ послѣ закрытія журнала писалъ: „Думаю, что моя пѣсня уже спѣта... Желаю мирной кончины живота моего...“

И, дѣйствительно, лишившись столь дорогого ему литературнаго пристанища, Салтыковъ сталъ быстро клониться къ могилѣ“...

На обстоятельствахъ, сопровождавшихъ закрытіе „Отечественныхъ Записокъ“, имѣвшее такое роковое значеніе для Салтыкова, стоитъ поэтому остановиться.

Предо мною лежитъ относящееся къ тому времени письмо сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ и небызвѣстнаго писателя и военнаго корреспондента Н. В. Максимова, брата автора „Бродячей Руси“. Письмо это, впервые публикуемое мною здѣсь въ извлеченіи, говоритъ, между прочимъ, о переживаніяхъ Салтыкова въ эпоху закрытія его журнала.

Потрясенный извѣстіемъ о кончинѣ любимаго писателя, заставшимъ его прикованнымъ къ постели въ уединенной комнатѣ въ Одессѣ, Максимовъ подѣлился со мною своими воспоминаніями о почившемъ. Письмо Максимова явилось отвѣтомъ на мою просьбу написать очеркъ о Салтыковѣ для редактировавшейся мною въ провинціи газеты.

„Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ—сообщаетъ Максимовъ—незадолго до закрытія журнала „Отечественныя Записки“. Помню, какой наступилъ тяжелый періодъ для литературы—періодъ необыкновенной реакціи, когда несчастному нашему кружку пришлось страдать подъ вліяніемъ гоненій цензуры (не только цензуры—сколько III-го отдѣленія)“...

Максимовъ излагаетъ затѣмъ судьбу своего разсказа „Матрешка“, застрявшаго у Салтыкова въ портфель „Отечественныхъ Записокъ“. Разсказъ былъ одобренъ И. С. Тургеневымъ, двукратно цензура вырѣзывала его изъ журналовъ „Слово“ и „Устой“, но, при содѣйствіи „необыкновенно милого и гуманнаго члена главнаго управленія по дѣламъ печати Юзефовича“, разсказъ былъ разрѣшенъ къ печатанію и переданъ Салтыкову. Скоро послѣдовало назначеніе графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, а вслѣдъ за этимъ закрыты „Отечественныя Записки“.

— „Тутъ есть другая сторона—говорить далѣе Максимовъ—чрезвычайно интересная для нѣкоторой разработки съ благородной цѣлью—снять *позорное пятно* (?) съ покойнаго нашего сатирика, котораго заклеилъ такъ варварски и такъ несправедливо умершій министръ внутреннихъ дѣлъ (Д. А. Толстой). Говорить объ этомъ теперь съ откровенностью порядочнаго человѣка нельзя, пожалуй, выйдетъ нецензурно. Но можно было бы поговорить, ссылаясь и на нѣкоторыя мѣста и сочиненія покойнаго Михаила Евграфовича, и на слова Толстого при закрытіи „Отечественныхъ Записокъ“.

Къ сожалѣнію, болѣзнь, а затѣмъ отъѣздъ въ Америку и смерть помѣшали Максиму исполнить свое обѣщаніе, о которомъ я не разъ напоминалъ ему—сообщить объ извѣстныхъ ему лично подробностяхъ, относящихся къ закрытію „Отечественныхъ Записокъ“, и о „позорномъ пятнѣ“, наложенномъ на репутацію сатирика.

На что намекалъ Максимовъ, когда говорилъ о „позорномъ пятнѣ“ на репутаціи М. Е. Салтыкова — на этотъ счетъ возможны одни лишь предположенія и догадки.

Скончавшійся недавно извѣстный писатель—Г. пустилъ въ ходъ сказаніе о присвоеніи Салтыковымъ, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, какихъ-то предназначенныхъ для агитаціонныхъ цѣлей суммъ, перешедшихъ потомъ къ его наслѣдникамъ. Это явная нелѣпость, которую едва-ли надо долго опровергать. Послѣ крушенія журнала Салтыковъ въ письмѣ къ своему закадычному другу д-ру Н. А. Бѣлоголовому, отъ котораго у него не было никакихъ тайнъ, жаловался на свои матеріальныя невзгоды. „И матеріальныя нужды вопіютъ — писалъ онъ 28 іюня 1884 года—съ прекращеніемъ „Отечественныхъ Записокъ“ я потерялъ 12 — 13 тысячъ рублей, а теперь и доходъ съ сочиненій сократится на три четверти, потому что публика наша такова, что раскупаетъ только тѣхъ авторовъ, которые о себѣ напоминаютъ“...

Столь же неосновательна и другая версія, будто Салтыковъ

пытался утилизировать свои старыя лицейскія знакомства и связи для огражденія своей личной безопасности и для избавленія журнала отъ угрожавшихъ ему каръ. Въ такихъ попыткахъ не было бы ничего зазорнаго, и едва-ли ихъ можно было вмѣнять въ вину Салтыкову. Некрасовъ, какъ извѣстно, сочинялъ стихотворные диэирамбы Муравьеву и Коммисарову, чтобы умилостивить своихъ гонителей. Но и противъ приписывавшагося ему обращенія къ покровительству „власть имущихъ“ изъ его лицейскихъ товарищей и бывшихъ сослуживцевъ по государственной службѣ Салтыковъ горячо протестовалъ. „Я серьезно знаю людей—писалъ онъ 11-го мая 1884 г. тому же Бѣлоголовому—которые прямо говорятъ, что я-де, только благодаря протекціи, не засланъ къ Вотъ что значитъ говорить о Катковѣ“!

Свои цензурныя злословія Салтыковъ, повидимому, приписывалъ, главнымъ образомъ, своей борьбѣ съ московскимъ „с—мъ“,—какъ назвалъ однажды А. С. Суворинъ Каткова. Но официально Салтыкову и его журналу вмѣнялась въ вину близость къ революціоннымъ элементамъ. Сочиненное графомъ Д. А. Толстымъ официальное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, являющееся настоящимъ обвинительнымъ актомъ, прямо говорило о постоянныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ, будто, между журналомъ, въ лицѣ его главныхъ руководителей, и подпольными революціонными организаціями.

Въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“—гласитъ обвинительный актъ Толстого—„группировались лица, состоявшія въ близкихъ отношеніяхъ съ революціонными организаціями. Завѣдывавшій однимъ изъ отдѣловъ журнала былъ участникомъ преступной организаціи. Два сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ были арестованы за доказанное пособничество дѣятельности злоумышленниковъ. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ—говорить далѣе правительственное сообщеніе—что, при такой обстановкѣ, статьи самого отвѣтственнаго редактора (т. е. Салтыкова), которыя, по цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны въ журналѣ, появлялись въ подпольныхъ изданіяхъ, принадлежащихъ эмиграціи“.

Что цензурный гнетъ заставлялъ не однихъ профессиональныхъ писателей, но иной разъ и либерально настроенныхъ чиновниковъ снабжать своими статьями и свѣдѣніями издававшіеся за границею нелегальныя русскія журналы—это извѣстно еще со временъ герценовскаго „Колокола“.

Возможно, что и вырѣзывавшіяся цензурою сатиры Щедрина направлялись его друзьями въ нелегальныя изданія. Но

отсюда далеко до причастности къ революціонной активной дѣятельности и къ террористическимъ актамъ, — на что прямо указываетъ правительственное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“. Во всякомъ случаѣ, для Салтыкова закрытіе журнала было въ чужомъ пиру похмѣлье. Какъ мы увидимъ ниже, сатирикъ былъ далекъ отъ сочувствія революціонерамъ и не считалъ таковыми своихъ сотрудниковъ. Кара, обрушившаяся на него и любимый имъ журналъ, была, поэтому, совершенно несправедлива.

„Выходитъ—писалъ Салтыковъ черезъ 4 дня послѣ крушенія „Отечественныхъ Записокъ“ Бѣлоголовому — что журналъ прекращенъ не за содержаніе, а за то, что нѣкоторые изъ его сотрудниковъ арестованы. Но и въ департаментахъ арестовываютъ чиновниковъ“...

Насколько самъ Салтыковъ былъ далекъ отъ какой-либо революціонной дѣятельности и активныхъ выступленій, явствуетъ изъ нижеслѣдующаго: „Скажу вамъ откровенно—писалъ онъ въ мартѣ 1882 года д-ру Бѣлоголовому — всѣ эти убійства, покушенія и проч. дѣлаются необыкновенно тяжелы, назойливы и пошлы... Не только никакого дѣла дѣлать нельзя, но и разобратся въ этой галиматьѣ трудно. Хоть бы смерть скорѣе“...

Салтыковъ сомнѣвался и въ „революционности“ своихъ сотрудниковъ. Еще за два года до закрытія „Отечественныхъ Записокъ“ онъ сообщаетъ своему другу: „Высылаютъ изъ Петербурга Михайловскаго и Шелгунова (редактора „Дѣло“). Причина выставлена та, что были на балу у студентовъ Технологическаго Института, а тамъ Михайловскаго качали, а онъ что-то говорилъ. Михайловскій увѣряетъ, что онъ убѣждалъ студентовъ въ *нсприродности безпорядковъ*“. Между тѣмъ, какъ гласило официальное сообщеніе, Михайловскій произнесъ-де „крайне возмутительную рѣчь, приглашая студентовъ къ противодѣйствію правительству“.

Въ одной старой записной книжкѣ своей я нашелъ такую запись, относящуюся, повидимому, къ балу технологовъ, о которомъ говоритъ Салтыковъ: „Былъ вчера (въ концѣ поября 1882 г.) въ Дворянскомъ Собраніи на балу студентовъ технологовъ. Видѣлъ Гаршина, гулявшаго по заламъ съ Михайловскимъ. Обоимъ устраивали оваціи, особенно послѣднему. Его качали. „Если бы у васъ всѣхъ была одна голова — отвѣтилъ Михайловскій на оваціи—то я обнялъ бы ее и расцѣловалъ“... Надо полагать, что возбуждающей революціонной рѣчи Михайловскій тогда студентамъ не говорилъ, иначе она нашла бы

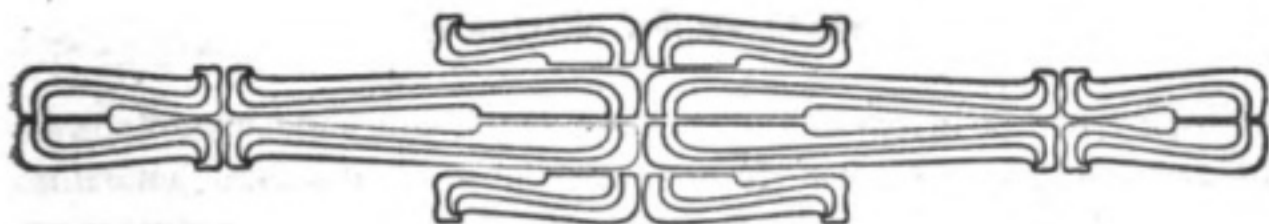
себѣ какое-либо отраженіе въ записной книжкѣ молодого человека, благоговѣвшаго передъ радикальнымъ публицистомъ.

Какъ бы то ни было, я не думаю, чтобы радикально настроенный Максимовъ усматривалъ „позорное пятно“ на репутаціи Салтыкова въ томъ обстоятельствѣ, что правительственное сообщеніе о закрытіи „Отечественныхъ Записокъ“ облыжно приписывало сатирику революціонные замыслы и близость къ подпольной печати и къ революціоннымъ организаціямъ. Остается пожалѣть о томъ, что мой корреспондентъ унесъ въ могилу нѣкую ему извѣстную тайну, относившуюся къ факту закрытія радикальнаго журнала и къ его редактору, не одосужившись изложить ее на бумагѣ—хотя бы для свѣдѣнія потомства...

Одно несомнѣнно: крушеніе любимаго дѣла — „Отечественныхъ Записокъ“ окончательно сломило надорванные силы Салтыкова. Но и изможденный недугами сатирикъ продолжалъ писать, выпуская одно произведеніе за другимъ, хотя чувствовалъ себя, какъ мы видѣли, стѣсненнымъ, въ качествѣ сотрудника чужихъ изданій. Борясь съ болѣзнями, заглушая душившій его кашель и подкрѣпляя себя цѣлой аптекой лѣкарствъ, писатель не желалъ, однако, чтобы слухи о состояніи его здоровья проникали въ публику. Онъ боялся, что это отразится на немъ и матеріально. За недѣлю до смерти Салтыковъ отрицалъ печатно извѣстіе о тяжелой его болѣзни и выражалъ увѣренность, что доведетъ до конца приготовлявшееся имъ для печати полное собраніе своихъ сочиненій, которое должно было поправить его пошатнувшіеся финансы. Онъ показывалъ навѣщавшимъ его начатую имъ новую работу—„Забытыя слова“, о которыхъ собирался напомнить своимъ соотечественникамъ. Отъ болѣе близкихъ друзей Салтыковъ не могъ, однако, скрывать, что рука его отказывается писать. Передъ самой кончиной онъ успѣлъ набросать планъ изданія полного собранія сочиненій. 28 апрѣля 1889 года М. Е. Салтыковъ отдалъ Богу свою многострадальную душу.

Почти одновременно скончался тотъ, кто нанесъ сатирику тяжелый ударъ, ускорившій его кончину, лишивъ его литературнаго крова, и сбивъ его съ боевой позиціи. Бюрократія оплакивала одного изъ своихъ столповъ—графа Д. А. Толстого, а вся читающая и мыслящая Россія съ неподдѣльной искренностью оплакивала кончину любимаго писателя и „друга правды“, умершаго, какъ воинъ на своемъ посту, съ перомъ, не разъ вырывавшимся изъ его коченѣвшихъ рукъ...

А. Е. Кауфманъ.

Изъ семейной хроники.

Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ.

Въ 1877 году я состоялъ причисленнымъ къ Государственной Канцеляріи, куда поступилъ въ 1875 году, по окончаніи кандидатомъ правъ курса С.-Петербургскаго Университета, и куда былъ принятъ вслѣдствіе записки великой княгини Александры Петровны къ Маріи Александровнѣ Сольской, супругѣ тогдашняго Государственнаго Секретаря Д. М. Сольскаго. Въ концѣ 74 года, узнавъ однажды отъ брата Александра, который былъ въ ту пору адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича, что я еще не на службѣ, великая княгиня приказала мнѣ прійти къ себѣ и, принявъ меня въ своей большой гостиной, спросила, отчего я не служу; я отвѣтилъ, что желалъ бы поступить въ Государственную Канцелярію, но что туда безъ особой рекомендаціи поступить трудно.

— А кто тамъ начальникъ?

— Д. М. Сольскій,—отвѣтилъ я.

— Я его мало знаю,—сказала великая княгиня,—но знаю гораздо больше его супругу и, если вы хотите, я ей напишу, надѣюсь, что моя рекомендація поможетъ.

Я поблагодарилъ, поцѣловалъ ручку и откланялся.

Черезъ нѣсколько дней я былъ вызванъ къ Д. М. и былъ опредѣленъ на службу съ предупрежденіемъ, что штатнаго мѣста мнѣ придется подождать года два. Мнѣ пришлось его совершенно не дожидаться,—но такъ поступилъ я на службу.

Великому князю и великой княгинѣ мы были извѣстны съ дѣтства. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ собст-

венный домъ родителей моихъ на Англійской набережной былъ извѣстнымъ домомъ въ Петербургѣ; они принимали довольно много и у нихъ бывало высшее общество того времени; я въ дѣтствѣ, помню, видалъ въ родительскихъ гостиныхъ старуху графиню Разумовскую, Бутурлиныхъ, Демидовыхъ и многихъ другихъ представителей тогдашней знати. Старшаго брата Александра крестилъ лично Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, будущій Царь Освободитель, брата Алексѣя—Великій Князь Михаилъ Павловичъ, самаго младшаго брата Михаила Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, въ Петергофѣ. Матушка была старшей дочерью генералъ-адъютанта Арбузова, командира пѣхотнаго гвардейскаго корпуса, фрейлина Императрицы Александры Ѳеодоровны и слыла красавицею. Когда отстроился Николаевскій дворецъ (нынѣшній Ксеніинскій институтъ), родители возили хлѣбъ-соль его хозяевамъ. Вскорѣ послѣ этого великій князь былъ посаженнымъ отцомъ у старшей сестры моей Александры Петровны, вышедшей замужъ за Михаила Николаевича Теренина, по поводу чего мы были очень грустны и много плакали. Великій князь пріѣхалъ за невѣстою въ каретѣ четверикомъ на выносъ и везъ ее въ Благовѣщенскую церковь, я несъ образъ и сидѣлъ въ каретѣ.

Въ одну изъ слѣдующихъ зимъ матушка сказала намъ, т. е. брату Эмануилу, съ которымъ мы росли, и мнѣ, что мы будемъ ѣздить въ Николаевскій дворецъ дѣлать гимнастику и танцевать съ молодымъ великимъ княземъ, что ее объ этомъ просила великая княгиня Александра Петровна. Съ тѣхъ поръ мы цѣлый рядъ лѣтъ до самаго отъѣзда въ Екатеринославъ, въ 67 году, бывали во дворцѣ и зимою и лѣтомъ, когда жили въ Петергофѣ по сосѣдству со Знаменкой, въ которую ѣздили почти ежедневно. Зимою бывали во дворцѣ вмѣстѣ съ нами Николай и Павелъ Родзянки и Вилламовъ, лѣтомъ же въ Знаменкѣ мы одни. Гувернеръ нашъ М. Жакель снималъ для великаго князя фотографіи видовъ Знаменки и лошадей его конюшни (тогда фотографія у насъ только-что распространялась), и мы утромъ гуляли и завтракали близъ приморскаго домика, гдѣ великая княгиня иногда сама съ нянюшкою молодого великаго князя—Бушинскою, готовила намъ завтракъ. Это были счастливые годы супружества великаго князя. — Онъ былъ еще молодъ, но уже командовалъ войсками Петербургскаго округа. Красавецъ собою, унаслѣдовавшій благородную осанку Императора Николая Павловича, онъ былъ величественъ и въ то же время простъ и ласковъ въ обхожденіи, онъ при-

вязывалъ къ себѣ людей и былъ беззавѣтно любимъ приближенными. Въ тотъ годъ, когда онъ былъ назначенъ генераль-инспекторомъ кавалеріи, онъ однажды часовъ въ 9 вечера пріѣхалъ на лошадяхъ изъ Краснаго Села и по дворцу слышался его звонкій, веселый голосъ. Мы пили вечерній чай у великой княгини, на ея половинѣ, и она угощала насъ разнымъ вареньемъ своего издѣлія, сорта котораго она cadaго изъ насъ заставляла требовать по своему выбору. Поздоровавшись со всѣми (мы всегда цѣловали великаго князя въ плечо, а онъ насъ въ лобъ), онъ сказалъ намъ съ торжествомъ:

— Поздравляю васъ, Мануша и Ануша—я взялъ вашего брата Сашу къ себѣ въ адъютанты, Государь утвердилъ. Мануша, пиши ему депешу, гдѣ онъ, въ какой деревнѣ? (братъ былъ въ ту пору поручикомъ Конной Гвардіи и находился въ отпуску въ Тарасовкѣ).

Подали телеграфныя бланки, но великая княгиня нагнулась къ великому князю, что-то сказала ему, и онъ сталъ писать самъ.

— Онъ должно быть сейчасъ пріѣдетъ, какъ думаете?—сказалъ онъ, окончивъ писать.

Мы сказали, что не знаемъ.

Въ слѣдующій пріѣздъ мы узнали, что братъ Александръ, отвѣчая, спросилъ, когда ему прикажетъ быть великій князь. Такъ произошло назначеніе брата Александра, которымъ обозначилась его затѣмъ сравнительно блестящая военная карьера.

Поѣздки въ Знаменку скрашивали нашу жизнь въ Петергофѣ, гдѣ мы оставались нѣсколько разъ одни съ гувернеромъ, пока родители ѣздили въ Малороссію. Часто мы катались съ великимъ княземъ и великой княгиней по петергофскимъ паркамъ и ѣздили на музыку. Зимами мы два раза въ недѣлю дѣлали гимнастику въ большой нижней залѣ дѣтской половины Николаевского дворца съ великимъ княземъ младшимъ и бывали тамъ каждый праздникъ.

На рожденіе младшаго великаго князя однажды былъ большой сѣздъ, была почти вся Царская фамилія, самъ Государь Александръ Николаевичъ танцевалъ кадрили съ принцессою Ольденбургскою (сестрою великой княгини Александры Петровны), и все это общество изъ дѣтей и взрослыхъ танцевало подъ звуки стѣннаго органа, который крутилъ, что называется, во всю ивановскую, великій князь Николай Николаевичъ старшій.

Когда въ 67 году родители изъ Ларинской гимназіи взяли

насъ въ Екатеринославскую, переѣхавъ на жительство въ Малороссію, отношенія эти пресѣклись, но въ 1869 г., когда мы возвратились въ Петербургскій университетъ, мы вновь, хотя и изрѣдка, встрѣчались и видѣлись съ хозяевами Николаевского дворца.

Осенью 1876 года армія была мобилизована и приведена на военное положеніе, и великій князь, назначенный Главнокомандующимъ, зимоваль въ Кишиневѣ со своимъ штабомъ. Онъ перенесъ тамъ тяжелую болѣзнь, вселившую столько опасеній не только любившей его арміи, но и всему русскому обществу.

Я служилъ въ Государственной Канцеляріи и оставался въ Петербургѣ одинъ; матушка съ сестрою переѣхала въ Петербургъ, если не ошибаюсь, лишь въ слѣдующую зиму. Зимой братъ Александръ пріѣзжалъ курьеромъ къ Государю, и я помню, что былъ поставленъ въ большое затрудненіе, когда однажды Государь потребовалъ его въ 6 часовъ вечера, а его не было дома. Я бросился по городу и нашелъ его у Маріи Александровны Топорниной, откуда онъ мигомъ схватился и полетѣлъ во дворецъ. Братъ рассказывалъ, что Государь, между прочимъ, велѣлъ передать удовольствіе свое по поводу примѣрнаго поведенія и образа жизни главной квартиры, гдѣ нѣтъ ни кутежа, ни картъ. Помню еще, что брата удивило, что во время этой аудіенціи Государь, уронивъ подъ письменный столъ папироску—*magiland*, не далъ ему поднять ее и самъ полѣзъ подъ столъ, и „мы чуть не стукнулись съ нимъ подъ столомъ“,—говорилъ братъ.

Весною по объявленіи войны успѣхи брата по занятію съ полкомъ казаковъ Барбашскаго моста на рѣкѣ Сереть, обезпечившему наступленіе арміи къ Дунаю, отразились въ Петербургѣ на мнѣ; знакомые поздравляли, и я былъ предметомъ ихъ вниманія, котораго самъ по себѣ никогда не заслуживалъ. Послѣ майскаго парада, который дѣлалъ Государь, я писалъ брату о немъ, и описаніе это, какъ новости изъ Петербурга, братъ прочиталъ великому князю, который, вспомнивъ обо мнѣ, спросилъ его, что я дѣлаю, и тутъ же рѣшилъ вызвать меня въ армію. Рѣшеніе это совпало съ моими желаніями, ибо не-задолго передъ тѣмъ я писалъ брату, отчего бы мнѣ не получить какой-либо должности по полевому штабу.

Въ одно прекрасное утро меня курьеромъ позвали къ Государственному Секретарю, который, когда я явился, съ нѣкоторою ироніею сказалъ:

— Надѣньте большіе сапоги и поѣзжайте въ армію. Великій князь васъ требуетъ.

Статскіе подтрунивали тогда на счетъ сапогъ, ибо всѣ отъѣзжавшіе въ армію прежде всего надѣвали походную форму съ большими сапогами.

— Вотъ депеша, побывайте у Ивана Ивановича Шамшина и отправляйтесь съ Богомъ,—заклучилъ Сольскій.

Иванъ Ивановичъ съ отличавшею его вѣжливостью пояснилъ мнѣ, что Государственный Секретарь и онъ затрудняются въ точности исполнить просьбу великаго князя, такъ какъ въ депешѣ сказано: „Прошу выслать ко мнѣ чиновника Струкова и снабдить его слѣдующимъ“.

— Мы не можемъ расходовать и у насъ нѣтъ никакихъ такихъ суммъ.

Я успокоилъ его тѣмъ, что поѣду на свои, и откланялся.

Въ нѣсколько дней я собрался въ походъ, но снарядился плохо. вмѣсто того, чтобы ѣхать въ чиновничьей формѣ Государственной Канцеляріи, я, по указанію штабнаго генерала, завѣдывавшаго формами, надѣлъ гражданскую форму военнаго министерства, какъ извѣстно не пользующагося особымъ почетомъ. Весь комфортъ моего снаряженія заключался въ походной кровати, гитарою раздвигавшейся, въ папиросахъ и нѣсколькихъ шелковыхъ рубашкахъ, вмѣсто полотняныхъ.

Направляясь въ армію, я заѣхалъ попрощаться съ отцомъ, который лежалъ тогда въ постели; у него открылись на ногахъ раны отъ старыхъ контузій, полученныхъ въ Венгерскую кампанію. Отпуская меня, онъ велѣлъ мнѣ поблагодарить великаго князя за то, что онъ взялъ меня къ себѣ, и выдалъ триста рублей, чтобы доѣхать до главной квартиры, говоря, что походное снаряженіе для обоза и лошадь приготовить мнѣ братъ Александръ, которому онъ это поручилъ и которому онъ выслалъ на-дняхъ деньги. Я направился въ Унгены. Эта пограничная станція была биткомъ набита ѣдущимъ въ армію людомъ, порядка было очень мало; я съ трудомъ исколоталъ себѣ, какъ мнѣ сказали, необходимое предложеніе и помѣстился въ отдѣленіи съ выходами по бокамъ вагона, наполненномъ военными. По вѣздѣ на Румынскую территорію меня поразилъ видъ румынскаго часового у желѣзнодорожнаго моста: онъ былъ одѣтъ въ солдатскую шинель, въ родѣ нашей, на ногахъ были какія-то туфли на босу ногу и на шпикѣ голубиное перо.

Главная и Императорская квартиры находились въ Плоешти,

городъ представлявшій цѣль моего пути. Ночью въ нашъ поѣздъ сѣлъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, возвращавшійся изъ плаванія, и Государь съ многочисленной свитой встрѣтилъ его на платформѣ Плоештинской станціи. Я ожидалъ видѣть при этой встрѣчѣ и Великаго Князя, но я напрасно искалъ его глазами въ этой нарядной военной группѣ. По первымъ же вопросамъ я узналъ, что Великаго Князя нѣтъ въ Плоештахъ и что пребываніе его неизвѣстно; оказалось потомъ, что это были тѣ знаменательные дни, когда Великій Князь готовился къ переправѣ черезъ Дунай, для сокрытія мѣста которой, онъ ночью ушелъ одинъ изъ расположенія Главной квартиры, оставивъ домъ, гдѣ онъ жилъ, ярко освѣщеннымъ, чтобы скрыть свой отъѣздъ. Въ Плоештахъ оставался 2-й эшелонъ главной квартиры, долженствовавшій выступить черезъ день по моему пріѣздѣ. Положеніе мое оказалось не изъ пріятныхъ. Комендантъ главной квартиры генералъ Штейнъ, которому я явился по пріѣздѣ, сказалъ мнѣ:

— Увѣдомьте меня, сколько у васъ будетъ прислуги и лошадей въ обозѣ.

А у меня не было ничего ровно и пріобрѣсти не было на что,—деньги были на исходѣ и брата, посланнаго на загражденія Дуная, я не засталъ въ Плоештахъ. Въ такомъ затрудненіи я пошелъ въ главную квартиру, чтобы какъ-нибудь устроиться для похода. Перваго, кого я встрѣтилъ, былъ почтенный и любезный нашъ домашній врачъ и докторъ Великаго Князя, впоследствии лейбъ-медикъ Александръ Леонтьевичъ Обермюллеръ. Со свойственной ему дружеской безцеремонной манерой онъ сталъ бранить меня:

— Чего ты сюда пріѣхалъ, очень нужно, сдохнешь тутъ тридцать разъ, сидѣлъ бы въ своей канцеляріи, худо тебѣ что-ли, ослѣпишь еще отъ здѣшной пыли, мало у тебя глаза болѣли.

— Великій Князь приказалъ,—говорю я.

— Ну да, очень нуженъ ты, пустяки какіе.

Человѣкъ столичный, житель сѣвера, придворный врачъ и человѣкъ семейный и въ годахъ, Александръ Леонтьевичъ плохо мирился съ трудностями похода и зноемъ южнаго лѣта, и поваркивалъ весь походъ.

Петръ Петровичъ Андреевъ оказался добрѣе и, зная привычки Великаго Князя, сказалъ, чтобы я приходилъ завтракать въ главную квартиру и что онъ скажетъ походному гофмаршалу Александру Александровичу Галлу о моихъ затруд-

неніяхъ. За завтракомъ однако генералъ Галль, начинавшій уже гложуть и разговаривавшій при помощи трубки, просьбы моей о позволеніи помѣстить мои вещи на великокняжескія подводы не захотѣлъ слушать и отнялъ трубку. Слышавшій нашъ разговоръ командиръ охраннаго дивизіона атаманцевъ полковникъ Денисовъ успокоилъ меня, сказавъ:

— Верхомъ ѣздите? Я дамъ вамъ лошадь, пріѣзжайте только на сборный пунктъ.

Вещи свои я сдалъ таки знавшимъ меня придворнымъ служителямъ и явился на другой день на сборное мѣсто раньше всѣхъ.

Стали постепенно вытягиваться повозки, экипажи, лошади главной квартиры; я видѣлъ впервые, какъ люди идутъ въ походъ, а самъ стоялъ пѣшіи среди долины ровныя. Наконецъ показались, подымая столбы пыли, атаманцы съ пѣсельниками и Денисовымъ впереди. Это была моя послѣдняя надежда. Я подбѣжалъ къ Денисову, который, оказалось, забылъ про меня.

— Ахъ, чортъ возьми,—воскликнулъ онъ, остановившись.— Ивановъ, подай заводную.

Ивановъ мигомъ привелъ заводную, но безъ сѣдла и въ недоуздекѣ.

— Дуракъ, разсѣдай что-нибудь.

Мигомъ разсѣдали и осѣдали мою заводную, я былъ очень счастливъ, но, сѣвши на нее, я попросилъ удлинить стремяна, и когда оказалось, что на истовомъ казацкомъ сѣдлѣ стремяна не опускаются, я испыталъ прелесть этой сѣдловки, проѣхавъ 29 верстъ перваго перехода съ согнутыми ногами. Къ ночному привалу я былъ чрезвычайно уставши и, не имѣя при себѣ ничего, задумался о ночлегѣ и сталъ искать, гдѣ бы переночевать. Среди поля эшелонъ нашъ расположился въ двѣ линіи, и каждый разбивалъ свою палатку; на правомъ флангѣ стояла четверомѣстная карета Великаго Князя.

Вѣроятно усталая моя фигура ясно выражала испытываемое мною затрудненіе, ибо встрѣтившійся мнѣ фельдъегерь, какъ оказалось потомъ Тулузаковъ, сынъ знакомой мнѣ сестры милосердія Тулузаковой, одной изъ первыхъ сестеръ милосердія русскаго Краснаго Креста,—принялъ во мнѣ участіе и, расспросивъ, подвелъ меня къ каретѣ и стоявшему около меня священнику, прося его принять меня въ нее на ночь.

— Да куда же,—отвѣтилъ батюшка,—отецъ діаконъ спитъ на передней скамейкѣ, я на задней.

Тогда Тулузаковъ пригласилъ меня въ свою маленькую

палатку, которую онъ раздѣлялъ съ другимъ товарищемъ своимъ, и мы втроемъ улеглись на какой-нибудь квадратной сажени, пространство которой занимала палатка, въ которую все-таки втиснули мою кровать-гармонику.

Ночью — говорили мнѣ потомъ фельдъегеря, — разразился ливень, потокъ воды направился подъ мою кровать, они стали будить меня, но это имъ не удалось, я спалъ какъ убитый и утромъ всталъ, хоть и мокрый, но бодрый.

Хозяева мои были этому обрадованы, ибо, говорили они, — мы думали, что вы заболѣли, всю ночь стонали вы, — видно отъ усталости.

Фельдъегеря располагали фургончикомъ, на козлахъ котораго я примостился на время всѣхъ остальныхъ переходовъ по Румыніи, съ радостью оставивъ столь мало удобное казацкое сѣдло.

Въ Бухарестѣ, около котораго была дневка, и отъ котораго у меня остались въ памяти только темный дворецъ Князя и знаменитая Киселевская аллея, я угостилъ моихъ благодѣтелей фельдъегерей хорошимъ обѣдомъ и продолжалъ съ ними путь до Зимницы на Дунаѣ. Во время этихъ переходовъ намъ стало извѣстно, что армія наша перешла Дунай у Систова и что главная квартира находится напротивъ этого города, въ Зимницѣ. Въ Александріи, румынскомъ городѣ, хуже котораго я никогда не видалъ, пришелъ казакъ и сказалъ, что комендантъ требуетъ къ себѣ чиновника Струкова.

Держа руку подъ козырекъ, я явился къ генералу Штейну, которому представлялся уже въ Плоештахъ и который всегда на прекрасной лошади шелъ во главѣ нашего эшелона. Держа руки за рукавами жилета, генералъ повелительно обратился ко мнѣ.

— Депеша Великаго Князя. Главнокомандующій требуетъ васъ, извольте немедленно отправляться въ Зимницу.

— Я затрудняюсь, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, — у меня нѣтъ средствъ передвиженія, нѣтъ и карты, и я не знаю, гдѣ эта Зимница.

Генералъ вспылилъ.

— Я передаю вамъ повелѣніе Главнокомандующаго и напоминаю вамъ, что у насъ военное время — вы можете отвѣтить, и недовольный генералъ отошелъ отъ меня.

За нимъ стоялъ незнакомый мнѣ тогда полковникъ Моравскій — его помощникъ, который, видя мое затрудненіе, сказалъ:

— Не безпокойся, голубчикъ, покричить и перестанетъ, оставайся и дойдешь съ нами.

Я послѣдовалъ его совѣту, и черезъ два дня мы всѣ были въ Зимницѣ, гдѣ и кончился первый и самый неудачный для меня, этапъ похода.

Въ Зимницѣ отъ постояннаго движенія войскъ, жары и безвѣтрія пыль была поистинѣ ужасная, она не осѣдая стояла въ воздухѣ, измельченная какъ дымъ, и дѣлала воздухъ непрозрачнымъ и удушливымъ.

Обѣ главныя квартиры Императорская и Главнокомандующаго расположены были на глинистомъ высокомъ берегу Дуная смежно, въ плохихъ сливяныхъ садахъ; Государь жилъ въ какомъ-то болгарскомъ домѣ, Великій Князь въ своей палаткѣ, вокругъ него стояли свиты и среди нихъ большая столовая палатка, въ которой гостепріимный Главнокомандующій кормилъ весь персоналъ своей главной квартиры.

По пріѣздѣ я розыскалъ будущаго своего начальника флигель-адъютанта Дмитрія Петровича Кладищева. Изъ писемъ брата я зналъ, что Великій Князь вызвалъ меня для наградного отдѣленія, и затѣмъ отпраздновалъ искать брата. Не легко было его найти; разспросы привели меня наконецъ къ берегу одного изъ дунайскихъ рукавовъ, въ которомъ я увидѣлъ его въ фуражкѣ, но безъ всякаго туалета, обучающаго своего Яхонта, кровнаго англійскаго жеребца завода Петровскаго, переплывать рѣку. Повидавшись съ нимъ, я пошелъ переодѣваться и являться Великому Князю.

Я поцѣловалъ его въ плечо, онъ меня въ лобъ, и, осмотрѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Спасибо, что пріѣхалъ, сними, — указывая на шпагу, — эту сеledку и надѣнь шашку. Струкова братъ, — обратился онъ къ генералу Непокойчицкому, сидѣвшему съ нимъ, и затѣмъ своимъ звонкимъ голосомъ закричалъ: — Николаша, старый товарищъ пріѣхалъ.

Великій Князь Младшій однако не появлялся, и, откланявшись, я пошелъ къ нему. Я засталъ его сидящимъ въ обществѣ Великаго Князя Сергія Александровича, которому онъ меня представилъ.

Откланявшись имъ, я вернулся въ помѣщеніе, занимаемое Кладищевымъ и его наградною канцеляріею. Она состояла изъ него, одного чиновника для письма и двухъ писарей, изъ коихъ одинъ постоянно или весьма часто бывалъ пьянъ. Я на другой день приказомъ Главнокомандующаго по арміи на-

значенъ былъ помощникомъ начальника наградного отдѣленія, но мы съ Кладищевымъ начальствовали почти только надъ самими собою. Мы должны были работать сами и весьма напряженно; поступили уже отъ частей представленія къ наградамъ за загражденія Дуная, за взрывъ Лутофи-Джелиля Дубасовымъ и Шестаковымъ и всей 14-й дивизіи, за переправу черезъ Дунай у Систова. Дмитрій Петровичъ былъ въ работѣ педантъ, работалъ усердно и поздно, но по привычкѣ къ долгому туалету пропускалъ утро. Онъ испросилъ у Военнаго Министра разрѣшеніе на упрощеніе формъ наградного производства, но и за этимъ упрощеніемъ работа была для трехъ человѣкъ непосильная, и мы работали весь день, съ перерывами для ѣды, до 12 час. ночи.

Первые дни въ Зимницѣ я голодалъ, питаясь у маркитантовъ, у которыхъ было много шампанскаго, но очень мало съѣдобнаго. Кладищевъ ходилъ обѣдать къ Великому Князю, звалъ и меня, но, не получивъ приглашенія отъ Галла, я не рѣшался послѣдовать его зову. Черезъ нѣсколько дней Великій Князь самъ замѣтилъ мое отсутствіе и велѣлъ разъ на всегда звать меня утромъ къ кофею, къ завтраку, къ обѣду и вечеромъ къ чаю.

Одно изъ первыхъ дѣлъ, которое мнѣ пришлось разобрать и приготовить къ докладу, было представленіе къ Георгіевскому кресту брата, за загражденіе Дуная у Браилова и у Пародима, гдѣ онъ, переплывъ рукавъ Дуная, спасъ отъ разстрѣла турецкой батареи нашъ минный отрядъ. Съ нимъ по водѣ послѣдовалъ къ отряду и капитанъ генеральнаго штаба Сахаровъ ¹⁾, но какъ человѣкъ грузный и тучный, послѣдній отсталъ.— Братъ имѣлъ уже золотое оружіе, если не ошибаюсь, за занятіе Барбашскаго моста, обезпечившее наступленіе нашей арміи къ Дунаю, и вторичное представленіе къ высокой наградѣ производило нѣкоторый соблазнъ; самъ Дмитрій Петровичъ находилъ, что сраженія большого не было и что какъ будто много, но подвигъ въ точности подходилъ подъ статутъ и отказать нельзя было: „За спасеніе части съ опасностью для жизни“. На другой день послѣ изготвленія мною доклада собралась Георгіевская дума и въ числѣ прочихъ присудила крестъ и брату.

По главной квартирѣ часовъ въ 12 дня слышались крики: „Полковника Струкова къ Государю Императору“, но полков-

¹⁾ Бывшій позднѣе военнымъ министромъ

ника никакъ нельзя было найти; обратились ко мнѣ, и я долженъ былъ пуститься искать его; зной былъ ужасный, пыль адская, и я не мало измучился, пока искалъ его. Я переспросилъ всѣхъ встрѣчныхъ—не видѣли ли его, и наконецъ добрый человекъ указалъ мнѣ въ сторонѣ отъ Зимницы довольно большое поле и за нимъ одинокую избу, сказавъ:—вотъ тамъ они. Я остановился въ нерѣшительности, переходить ли поле въ такой ужасный зной,—вѣдь кондрашка хватить,—думалъ я, однако дѣлать было нечего, Государь зоветъ, перешелъ поле и, обливаясь потомъ, уже съ нетерпѣніемъ я отворилъ дверь въ избу и, не обращая вниманія на группу лицъ, которыхъ я увидѣлъ, я крикнулъ:

— Полковника Струкова къ Государю Императору.

Это произвело впечатлѣніе бомбы. Тутъ, повидимому, жилъ уже извѣстный тогда, но еще молодой генералъ свиты М. Д. Скобелевъ, и у него трапезовало человекъ 10,—шло возліанія послѣ завтрака. Публика эта меня еще не знала, я сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ, обтирая градомъ лившейся потъ и отпыхиваясь отъ усталости,—а брата уже не было; схватившись съ мѣста, вытирая усы и застегивая китель, онъ летѣлъ черезъ то поле, которое такъ приводило меня въ смущеніе, такъ, что только пятки засверкали.—Экъ его подобрало какъ,—подумалъ я и пошелъ восвояси. Потомъ братъ рассказывалъ, что Государь встрѣтилъ его невыразимо ласково, обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Такъ какъ ты мой крестникъ, то я хотѣлъ дать тебѣ свой собственный крестъ,—и, обратившись къ камердинеру, велѣлъ подать одинъ изъ своихъ Георгіевскихъ крестовъ,—да смотри не ошибись,—сказалъ Государь,—не подай креста Императора Александра Павловича.

Увидавъ Скобелева, я вспомнилъ рассказъ ординарцевъ. Вслѣдъ за переправой Великій Князь на понтонѣ отправился черезъ Дунай въ Систово благодарить войска и посмотреть позицію; найдя тамъ состоявшаго при немъ Михаила Дмитриевича, самовольно принявшаго участіе въ переправѣ съ Драгоміровымъ, Великій Князь отправилъ его подъ арестъ, но почетно, въ свою палатку, въ Зимницу. Драгоміровъ просилъ за заслуги и за содѣйствіе, которое онъ оказалъ ему при переправѣ, отмѣнить это почетное наказаніе.

Про самую переправу говорили, что Великій Князь провелъ ее мастерски, что никто не зналъ, гдѣ она будетъ, что демонстрировали все время на Никополь и что отъ самого Госу-

даря, въ виду его многочисленной квартиры, скрыто было мѣсто совершенія оной. Въ ночь на 15 іюня Государь прибылъ на указанное ему высокое мѣсто съ курганомъ на лѣвомъ берегу Дуная выше Зимницы на нѣсколько верстъ. Государь съ Милютинымъ на разсвѣтѣ навели подзорныя трубы на Никополь и недоумѣвали, что не видятъ приготовленій. Черезъ нѣкоторое время показалась четверка уже сильно вылинявшихъ и показывавшихъ ребра вороныхъ рысаковъ, запряженныхъ въ коляску Великаго Князя, и Главнокомандующій взошелъ на курганъ. Государь, будто, встрѣтилъ Великаго Князя выраженіемъ недоумѣнія. Великій Князь взялъ Государя за плечи, обернулъ его въ другую сторону и навелъ трубу. Государь увидалъ полтоны съ войсками подъ правымъ берегомъ у Систова и въ то же время грянули первые выстрѣлы. Государь былъ въ восторгѣ, благодарилъ и цѣловалъ Главнокомандующаго.

Армія становилась подъ предводительствомъ Великаго Князя побѣдоносною, но въ главной квартирѣ стало извѣстнымъ, что старый Вильгельмъ спрашивалъ: *wo ist aber der Feind?* Намъ мало извѣстно было, что дѣлается вокругъ. Въ главной квартирѣ слышалось про несовсѣмъ удачныя дѣйствія отряда генерала Тутомлина, послѣ взятія Никополя, высланнаго на правый флангъ къ Плевнѣ. Послѣ взятія помянутой крѣпости заняты были значительное время пропускомъ войскъ черезъ Зимницкій мостъ, для сформированія отрядовъ, и когда это подвинулось, мы тронулись вслѣдъ за ними. Узкій понтонный мостъ служилъ отнынѣ связью арміи съ ея базой. Главная квартира вышла часа въ три, мы съ братомъ не торопились, предвидя тѣсноту на переправѣ, и вышли верхами значительно позже, съ нами поровнялся генералъ свиты Толстой, и мы втроемъ шли шагомъ по песчаной Дунайской косѣ, когда показались шедшіе намъ навстрѣчу рысью два конвойныхъ казака, минуты черезъ двѣ изъ-за лозняка показалась царская коляска, сопровождаемая еще четырьмя казаками, и въ ней сидѣлъ Государь, возвращавшійся съ проводовъ Великаго Князя и двухъ сыновей своихъ—Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владиміра Александровича, уходившихъ за Дунай съ главной квартирой. Мы стали во фронтъ и взяли руки подъ козырекъ. Государь поднялъ руку, отдавая честь, и поровнявшись съ братомъ, мягкимъ, показалось мнѣ, голосомъ сказалъ ему:

— Въ добрый часъ, и возвращайся здоровымъ.

Братъ наклонился въ сѣдлѣ, и, тронутые прощальнымъ привѣтомъ, мы нѣсколько минутъ провожали взглядомъ величественнаго и добраго Государя, выказавшаго за это время столько участія къ своимъ войнамъ.

Приближаясь къ правому берегу, мы обходили обозъ главной квартиры, и я между прочими фурами увидѣлъ фургонъ брата, запряженной знакомой мнѣ его шорной, страшно горячей лошадей, которая тащила изо всѣхъ силъ на возжахъ правившаго ею камердинера его, Егора Григорьевича, который еле справлялся съ нею и сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, опасаясь ежеминутно слетѣть съ нею въ Дунай. — Лошадь эта такъ и таскала его неугомонно весь походъ и за Малыми Балканами пала на одномъ изъ переходовъ, не выдержавъ похода, — и измученный ею Егоръ Григорьевичъ все-таки пожалѣлъ ее и позвалъ меня посмотрѣть на бѣдное, павшее животное.

Первый переходъ былъ небольшой, всего верстъ 5 или 6 до деревни Царевичи, въ которую мы пришли къ закату. Болгарія показалась мнѣ лучше южной части Румыніи, дорога была живописная, много зелени, и, придя въ деревню, мы увидели уже раскинутыя палатки главной квартиры и Великаго Князя, сидѣвшаго на заваленкѣ болгарской хижины. Поджидая обозъ, я сидѣлъ на козлахъ телеграфной кареты, когда увидѣлъ шедшихъ къ нашей группѣ Цесаревича и Великаго Князя Владиміра. Последнему негдѣ было сѣсть, и онъ, позавидовавъ видно мнѣ, сталъ лѣзть на мои козлы, я поспѣшилъ ретироваться, но онъ не позволилъ; братъ, увидѣвъ это, поспѣшилъ представить меня. Изъ происходившаго кругомъ разговора я понялъ, что Цесаревичъ ѣдетъ командовать Руцукскимъ отрядомъ и что корпусъ Великаго Князя Владиміра входитъ въ его составъ.

Подошелъ ординарецъ Всеволожскій съ большимъ тюкомъ бумагъ.

— Что это у васъ?—спросилъ Великій Князь.

— Прокламація,—отвѣтилъ тотъ.

— Либераль! съострилъ Великій Князь.

Это было Царское воззваніе къ болгарскому народу, которое въ послѣдующіе дни читала вся Европа.

На югѣ сумерки быстрѣе, чѣмъ у насъ, смѣняются ночью.

Становилось совсѣмъ темно; вдругъ послышался голосъ Великаго Князя:

— Сашка!

Какъ листъ передъ травой всталъ передъ нимъ братъ, смотрю, стоитъ стрункой рука подъ козырекъ.

Великій Князь ему что-то приказалъ, куда-то его посылалъ. Черезъ минуты двѣ онъ уже подтягивалъ подпруги своей Скарлатъ-Летеръ.

— Куда ты,—спросилъ я, но онъ только неопредѣленно указалъ куда-то головой.—Да кого и гдѣ ты найдешь ночью,—подивился я, но онъ исчезъ въ темнотѣ, куда-то проскакалъ и ночью только вернулся въ наше расположеніе.

Мы въ первый разъ послѣ пыльной Зимницы ночевали бивакомъ, спалось не дурно.

Цесаревича мало было видно, онъ вскорѣ, кажется на другой же день, отдѣлился отъ насъ, уйдя къ Руцуку. Дня черезъ три изъ Зимницы пріѣзжалъ верхомъ Государь съ своей свитой и вернулся обратно.

Въ Царевичахъ мы съ Кладищевымъ ходили въ расположеніе 14-й дивизіи для справокъ по награднымъ листамъ, пришедшимъ къ намъ въ невѣроятно путанномъ видѣ; мы застали Драгомирова и Радецкаго, сидѣвшими передъ избой на высокой скамейкѣ, и послѣдній болталъ ногами. Наружность бываетъ обманчива: генералъ этотъ показался мнѣ совершеннымъ простакомъ, и я никакъ не предположилъ бы въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ героевъ минувшей кампаніи. Въ Царевичахъ служили первый разъ при мнѣ благодарственный молебенъ по случаю занятія генераломъ Гурко Тырнова. Придворный священникъ Великаго Князя читалъ молитвы съ проникающимъ всѣхъ чувствомъ, и это первое богослуженіе, походное, въ военномъ лагерѣ производило глубокое впечатлѣніе.

Генералъ Гурко изъ Тырнова двинулся къ Габрову, а Великій Князь направился къ Тырнову. Движеніе главной квартиры въ тылу отрядовъ мало напоминало о войнѣ; въ нѣсколько переходовъ мы подошли къ этой древней столицѣ Болгаріи по странѣ, не носившей на себѣ никакихъ слѣдовъ опустошенія. Поля были покрыты зрѣющими хлѣбами и луга густыми травами, въ одной только деревнѣ Великому Князю доложили, что турки, отступая, зарѣзали болгаръ; дѣйствительно, пройдя нѣсколько шаговъ, мы увидѣли нѣсколько труповъ, сброшенныхъ въ кучу. Великій Князь перекрестился и велѣлъ предать ихъ землѣ. Переходы до Тырнова Великій Князь дѣлалъ верхомъ на своемъ арабскомъ жеребцѣ Аксу, за нимъ непосредственно слѣдовалъ Артуръ Адамовичъ и весь почти военный персоналъ главной квартиры верхомъ. Наши съ братомъ анг-

ийскія лошади всегда и на шагу опережали другихъ, и мы по большей части отъ Великаго Князя не отставали.

— И ты на англичанкѣ,—сказалъ, оглянувшись на меня на одномъ изъ переходовъ, Великій Князь.

На привалахъ раскидывали на землѣ скатерть и подавали холодную говядину, колбасу, хлѣбъ и болгарское вино, всѣ собирались вокругъ Великаго Князя, всегда спокойнаго и радушно привѣтливаго въ эти минуты хозяина.

Узкая по обрыву надъ рѣкой дорога къ Тырнову не дала мнѣ возможности видѣть восторженной встрѣчи Великаго Князя населеніемъ Тырнова; мы очутились съ Кладищевымъ въ хвостѣ колонны и прошли городъ послѣ всѣхъ, но и мы получили отъ болгарокъ нѣсколько букетиковъ чудныхъ въ этой странѣ цвѣтовъ.

Главная квартира расположилась лагеремъ за городомъ въ саду на склонѣ горы. Когда стали разбивать палатки, мы тутъ впервые вытащили свою круглую съ вертикальными на стойкахъ стѣнками, на которыя пристегивался коническій куполь, какъ только заканчивалась ея постановка, она проклятая рушилась, покрывая насъ съ помогавшими намъ людьми; такъ какъ это повторялось нѣсколько разъ, то многихъ это отъ нечего дѣлать забавляло и каждое паденіе сопровождалось взрывомъ хохота главной квартиры, смѣялся и подзадоривалъ насъ и Главнокомандующій, пока не научились ее ставить.

Подъ горой стоялъ конвойный баталіонъ и казаки, вечеромъ играли зорю, утромъ вставали съ музыкой, завтракали и обѣдали въ установленные часы. Мы заняли единственный въ саду домъ подъ свою наградную канцелярію, въ которой сидѣли до перваго часу ночи. Выходя однажды оттуда, я споткнулся о чьи-то ноги и тогда только разсмотрѣлъ въ темнотѣ, что вокругъ палатки Великаго Князя, мимо которой мнѣ надо было проходить, лежало нѣсколько конвойныхъ атаманцевъ, охранявшихъ сонъ Главнокомандующаго. Казакъ не шелохнулся, не проронилъ звука, только тихо отодвинулся, чтобы дать мнѣ пройти.

Эта необычайная охрана меня удивила, я узналъ потомъ, что на флангахъ нашихъ неблагополучно, и предусмотрительный Штейнъ, когда Великій Князь засыпалъ, присылалъ казаковъ.

Изъ Тырнова Великій Князь послалъ сына своего, моего брата, Ласковскаго и ординарца Цурикова на Шипку въ отрядъ Святополкъ-Мирскаго. Послѣ перваго отбитаго штурма братъ

приважалъ съ донесеніемъ и тутъ же опять уѣхалъ. Послѣ взятія Шипки вернулись всѣ, а брата не было. Я обезпokoился, но вскорѣ явился и онъ цѣлый и невредимый, но исхудалый за нѣсколько дней до чрезвычайности отъ перенесенныхъ боевыхъ трудовъ, вся фигура его сдѣлалась меньше, не исключая головы; я поразился этой перемѣнѣ въ немъ, которая, однако, скоро прошла.

Черезъ года два послѣ войны я встрѣтился въ вагонѣ съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ этотъ день огонь турокъ былъ такъ силенъ, что онъ—севастопольскій георгіевскій кавалеръ, такого огня не видѣлъ.

— Весь Орловскій полкъ лежалъ,—говорилъ онъ,—и только три человѣка: Ласковскій на правомъ флангѣ, Цуриковъ на лѣвомъ и вашъ братъ въ центрѣ стояли какъ струнки. Вашъ братъ, кромѣ того, три раза спускался съ горы ко мнѣ, гдѣ я находился у перевязочнаго пункта, не желая подвергать жизнь находившагося при мнѣ Великаго Князя Младшаго явной опасности. Турки, — говорилъ онъ, — стрѣляли по немъ, какъ по зайцу, и какъ его не убили—не понимаю.

Государь, ознакомленный уже съ реляціей, когда прибыли къ нему въ Бѣлу поименованныя лица, пошелъ навстрѣчу къ отставшему отъ другихъ брату съ открытыми для объятій руками и сказалъ:

— Здравствуй, молодецъ мой, произвожу тебя въ генералы, беру въ свиту и оставляю пока при братѣ.

Въ расположеніи нашемъ былъ не то домъ, не то павильонъ, обращенный въ столовую, гдѣ Великій Князь Младшій, любившій иногда ужинать, сталъ иногда созывать нѣкоторыхъ лицъ. Хорошо знакомый мнѣ Душинъ, камердинеръ, пришелъ вскорѣ послѣ взятія Шипки звать къ ужину Кладищева; послѣдній по духу товарищества, хотя и былъ мнѣ начальникомъ, а не товарищемъ, не пошелъ, и велѣлъ сказать, что еще занимается со мною. Душинъ пришелъ вторично просить и меня, и этимъ возобновились на время почти прежнія отношенія съ Великимъ Княземъ Младшимъ. Окружающіе его любили освѣдомляться у насъ о предстоящихъ наградахъ и позднѣе, однажды проболтавшись не во время, я получилъ отъ Главнокомандующаго выговоръ черезъ Кладищева:

— Скажи Анашѣ, чтобъ не болталъ у сына.

Послѣ первой неудачи подъ Плевной Великій Князь уѣхалъ въ Бѣлу къ Государю, потомъ на позиціи, и намъ вскорѣ было приказано перейти въ Горный Студень, гдѣ долго пришлось

стоять обѣимъ главнымъ квартирамъ. Переходъ этотъ велѣно было сдѣлать, не безпокоя города Тырнова, обойти его и сняться до зари,—что и сдѣлали. При сборахъ этихъ генералъ Галль вдругъ потерялъ свою слуховую трубку и былъ въ такомъ отчаяніи, что всѣ приняли въ немъ участіе и стали ее искать. Послѣ долгихъ поисковъ она была найдена, и эшелонъ до восхода солнца тронулся въ путь. Шли цѣлый день, который былъ знойный, и на ночлегъ пришли только къ заходу солнца. Здѣсь я испыталъ на себѣ дѣйствіе чая на организмъ. Отъ усталости я еле могъ сойти съ коня, а выпивъ пять стакановъ чая съ лимономъ, я былъ готовъ продолжать переходъ и утомленія какъ не бывало.

Въ Горномъ Студнѣ занятія наши увеличились и намъ указывали на медленность. Артуръ Адамовичъ намъ выговаривалъ и, чтобы показать нашъ трудъ, мы, съ разрѣшенія Великаго Князя, однажды пришли работать къ нему въ палатку. За алфавиты офицеровъ сѣли самъ Великій Князь, Артуръ Адамовичъ, Кладищевъ и я; поработавши нѣсколько часовъ, они убѣдились, что мы не бражничаемъ, и отпустили насъ съ довѣріемъ. У Кладищева стали болѣть ноги и, когда Великому Князю насъ было нужно, сталъ ходить за приказаніями я. На это, казалось мнѣ, штабное начальство косилось. Великій же Князь принималъ всегда ласково, отдавалъ приказанія ясно, категорично и не сердился, если переспросишь.

Однажды, ожидая входа къ нему, я сидѣлъ въ столовомъ шатрѣ и разговаривалъ съ ординарцами. Вдругъ двѣ руки сзади закрыли мнѣ глаза, я удивился, но по молчанію ординарцевъ догадался, что это самъ и сказалъ:

— Чувствую кто, самъ Главнокомандующій.

— Молодецъ, — пошутилъ Великій Князь и позвалъ къ себѣ.

Писарь Никатовъ все чаще сталъ напиваться и во хмѣлю бранить насъ съ Кладищевымъ, который каждый разъ просилъ меня извинить ему. Мы работали до 12 часовъ ночи ежедневно, ночами же иногда тревожили насъ флигель-адъютанты за крестами, посылавшимися Государемъ въ части.

Во время стоянія въ Горномъ Студнѣ ходили слухи по главной квартирѣ, что Великій Князь, освѣдомившись послѣ первыхъ двухъ неудачъ подъ Шлевной объ обѣщаніи, данномъ Горчаковымъ Англіи изъ Бухареста не переходить Балканы, — вздиръ къ Государю отказываться отъ командованія арміей. Этому обѣщанію приписывалась возможность для Порты оття-

путь изъ долины Марицы часть войскъ и бросить ихъ на нашъ правый флангъ, гдѣ Главнокомандующій и встрѣтилъ силы, на которыя тамъ не рассчитывалъ. Когда наступили бѣшенныя атаки Сулеймана-паши на Шипку, положеніе въ главной квартирѣ стало унылымъ; говорили, что у насъ не хватитъ снарядовъ, что наши орудія и ружья не достигаютъ непріятеля, тогда какъ нашихъ — бьютъ. Великій Князь зачастую самъ сживалъ на телеграфной каретѣ, отдавая приказанія, скакали ординарцы, Государь пріѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ изъ своего расположенія. Ему, случалось, спѣшно подавали воду, говорили, что Систовскій мостъ не имѣетъ тетъ-де-пона, что мы можемъ быть отрѣзаны. Въ эти дни я разъ или два, приходя къ Великому Князю, заставлялъ его окруженнымъ чуть ли не всей главной квартирой и въ простой бесѣдѣ излагавшимъ наше военное положеніе. Изъ бесѣды вытекало, что все, что можно было въ человѣческихъ силахъ сдѣлать — сдѣлано, что онъ давно предупреждалъ, что ему войскъ даютъ мало и что мы не выйдемъ изъ затрудненій, пока войска не придутъ. Онъ вѣроятно дѣлалъ это для поддержанія духа главной квартиры, и отъ него всѣ уходили успокоенные, съ вѣрою въ своего вождя и съ любовью къ нему. — Съ того дня, какъ телеграфъ далъ знать изъ Габрова, что генералъ Дмитровскій, посадивъ своихъ стрѣлковъ по двое на лошадей, поднимается на Шипку, у насъ стало надежнѣе и спокойнѣе.

Передъ взятіемъ Ловчи и къ штурму Плевны мы переходили два раза на нѣсколько дней въ деревню Радоницу. Кухня уходила на позиціи съ Великимъ Княземъ, и пришлось въ этой деревнѣ питаться чаемъ и кукурузнымъ хлѣбомъ. Послѣ взятія Ловчи сюда пріѣзжалъ М. Д. Скобелевъ, и я видѣлъ, какъ сильно повліялъ на него этотъ жестокой бой, онъ былъ сильно разстроенъ и слезы невольно капали изъ глазъ его. Мнѣ онъ сказалъ:

Не сокращайте награды ни офицеру, ни солдату.

Во время штурма Плевны мнѣ ночью пришлось по дѣлу пройти въ расположеніе императорской квартиры, и при этомъ случаѣ я видѣлъ, какъ неустанно, не ложась въ постель, генералъ Рыльевъ самъ сторожилъ Государя.

При передвиженіяхъ къ Радоницѣ на ночлегахъ въ болгарскихъ избахъ мы наблюдали, какъ ночами несли между собою інформаціонную службу болгары; заснуть не было возможности почти всю ночь кто-нибудь стучался въ избу, входилъ болгаринъ, спѣшно, но тихо говорилъ что-то хозяину и удалялся.

Въ первый день штурма Плевны, мы были съ Кладищевымъ на такъ называемой Царской батарее въ время стрѣльбы по ней турокъ. Мы застали на ней генерала Непокойчицкаго и Николая Николаевича Вельяминова, изъ коихъ первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ—не видятъ ли мои молодые глаза—какія войска двигаются вдаль. Ничего разглядѣть нельзя было. Впереди батареи выставлены были для обмана туры, около которыхъ земля была изрыта снарядами; прослѣдивъ нѣсколько выстрѣловъ, мы удалились, чтобы не сдѣлать изъ себя пушечнаго мяса.

Послѣ штурма Плевны говорили относительно брата, что онъ былъ посланъ Великимъ Княземъ удостовѣриться, взятъ ли Гривицкій редутъ, по которому мы продолжали стрѣлять, и что онъ для удачнаго исполненія порученія и остановки огня прошелъ туда и назадъ ползкомъ. Зотовъ представилъ его къ награждѣ, а мы съ Кладищевымъ прописали ему за это мечи на имѣвшійся у него шейный Владимірскій крестъ.

Въ августѣ Дмитрій Петровичъ уѣхалъ къ больной женѣ и такъ какъ я былъ статскій малый чинъ (меня такъ и называли—малое наградное), то штабные генералы воспротивились допущенію меня къ официальному исправленію должности, и временно назначенъ былъ моимъ начальникомъ генералъ Ефимовичъ, бывшій адъютантъ Великаго Князя и помощникъ гофмаршала. Его завѣдываніе канцеляріею ознаменовалось для меня тѣмъ, что намъ стали приносить чай въ канцелярскую избу съ вкуснымъ хлѣбомъ и сдобными булками, которыхъ я давно не видалъ. Къ этому времени я приготовилъ производство юнкеровъ по всей арміи, вышла большая тетрадь въ три пальца толщиною, и я понесъ ее къ Артуру Адамовичу. Почтенный генералъ отнесся съ недовѣріемъ къ моей работѣ.

— Кто дѣлалъ?

— Я.

— А какъ вы ошибокъ надѣлали?

— Не извольте беспокоиться, когда я имѣлъ сомнѣнія въ правахъ, я спрашивалъ Стефана и генерала Кучевского.

Хотѣлъ Артуръ Адамовичъ повѣрять, видитъ, масса, ворочалъ тетрадь и такъ и сякъ, почесалъ за ухомъ, покряхтѣлъ и, наконецъ подписавъ, поблагодарилъ за работу.

Пріѣзжалъ въ Горный Студень Государь Наслѣдникъ съ Ванновскимъ, и намъ опять нагорѣло за медленность, но мы категорически ваявили, что два человѣка скорѣе работать не

могутъ и что надо прибавить чиновъ. Намъ никого не дали, но велѣли представить Руцукскій отрядъ не въ очередь.

Послѣ штурма стала подходить гвардія; мы посматривали, какъ Государь по той сторонѣ пропускалъ полки, выходя изъ своего домика. Послѣ прохода Волынскаго полка нашъ Великій Князь Младшій вернулся полковникомъ, и я пошелъ его поздравить. Онъ былъ очень доволенъ.

Въ это время Великій Князь услалъ куда-то брата для наблюденія, и уѣзжая онъ просилъ меня съѣздить въ Императорскую главную квартиру и передать генералу Арсеньеву, что его лошади къ услугамъ Великаго Князя Павла Александровича. По этому случаю я единственный разъ былъ въ главной Императорской квартирѣ и замѣтилъ не безъ нѣкоторой зависти несравненно большій во всемъ комфортъ и удобства, чѣмъ у насъ. Старикъ кн. Суворовъ узналъ меня и любезно бесѣдовалъ.

Хотя у насъ ворчали, что главная квартира мѣшаетъ сосредоточенію войскъ у Плевны, направляя нѣкоторыя части въ Руцукскій отрядъ, но кольцо стягивалось, и мы перешли въ Боготъ, гдѣ и стояли до паденія Плевны.

Наступала осень, сначала сухая, потомъ мокрая и грязная, а Османъ все держался. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Богота былъ устроенъ Радишевскій редутъ, куда пріѣзжалъ отъ времени до времени Великій Князь, а иногда и Государь. Съ него былъ виденъ уголокъ Плевны, и съ него наблюдали концентрическую по ней стрѣльбу артиллеріи нашей, установленную генераломъ Тотлебенемъ. Послѣ взятія Карса служили тутъ молебень. Наканунѣ вечеромъ Великій Князь часовъ уже въ 11 прислалъ за мною. Я поспѣшилъ явиться и засталъ его уже въ постели.

— Поздравляю, Анаша, Государь пожаловалъ тебя камеръ-юнкеромъ, — услышалъ я.

Я благодарилъ, цѣловалъ Великаго Князя въ плечо и послѣ нѣсколькихъ словъ былъ отпущенъ.

На другой день послѣ благодарственнаго молебна на упомянутомъ редутѣ и залповъ во время многолѣтія на Плевнѣ, обѣ главныя квартиры расположились завтракать, и братъ Александръ представилъ меня Министру Двора графу Адлербергу, прося его представить меня Государю. Графъ обѣщалъ, но видно забылъ, ибо когда Государь собирался уже уѣзжать, онъ все еще, завтракая, пилъ красное вино, такъ что съ той же просьбой мы съ братомъ пошли къ Великому Князю.

— Хорошо, — сказалъ онъ и, охотно шутившій, онъ взялъ меня за ухо и повелъ къ Государю, который уже шелъ къ экипажу; однако войдя въ поле зрѣнія царскаго ока, Великій Князь ухо мое выпустилъ и самъ сталъ рядомъ со мною во фронтъ и руку подъ козырекъ.

— Струкова братъ благодарить за камеръ-юнкерство.

Государь шелъ, не уменьшая шага, руки въ карманахъ, устремивъ на меня свои глаза, отъ которыхъ, признаюсь, почувствовалось что-то подъ колѣнями.

— Твой братъ меня уже благодарилъ. Какъ ты похожъ на твоихъ покойныхъ братьевъ, и какъ жаль, что ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ, — сказалъ Государь и продолжалъ идти къ коляскѣ.

Оказалось, что братъ, узнавъ о моемъ назначеніи, утромъ проскакалъ въ Порадимъ и за утреннимъ кофеемъ благодарилъ Государя.

Это было мое первое и послѣднее представленіе этому Государю, и впечатлѣніе, во мнѣ имъ оставленное, было—совмѣщеніе величественности съ ласковостью въ голосѣ и словахъ.

Въ этотъ вечеръ мы въ Бюгѣ услышали страшную ружейную трескотню, послали узнать, что такое, и оказалось, что Скобелевъ поднялъ транспарантъ съ турецкой надписью: „Карсъ взять“, на каковое извѣстіе турки отвѣтили огнемъ. Послѣ этого, какъ и послѣ перехода черезъ Балканы генераломъ Гурко и взятія Софіи, у насъ было въ главной квартирѣ ликование, служили молебны, кричали Великому Князю „ура!“.

Около 10-го ноября братъ былъ посланъ для наблюденія и донесеній въ тылъ Плевны, которая стала проявлять признаки близкой сдачи, какъ извѣстно, послѣдовавшей 24 ноября. Въ этотъ день въ Канцеляріи было много дѣла, и я на позицію не поѣхалъ; вечеромъ привезли и кормили въ шатрѣ много нашей, лица которыхъ были сосредоточены и печальны. На другой день назначено было молебствіе; на мѣстѣ ставки Османа-паши главная квартира ожидала Государя. Генералъ Непокойчицкій хлопоталъ, чтобы сомкнулись и шли навстрѣчу, когда придетъ Государь. По дорогѣ къ этому мѣсту тяжелое впечатлѣніе произвели трупы нашей пѣхоты, легкой въ лощинѣ при наступленіи; всѣ лежали въ одномъ направленіи ничкомъ и въ шинеляхъ. Раздалось предупрежденіе, — смотри въ ноги — патроны. Обнаживъ головы и сотворивъ крестныя знаменія, мы прошли мимо.

Государь, не доѣзжая нашей группы, вышелъ изъ коляски, его окружила свита, и двѣ главныя квартиры пошли стреми-

тельно другъ другу навстрѣчу. Государь, а за нимъ и всѣ другіе, снялъ фуражку и высоко махалъ ею надъ головой, всѣ кричали „ура!“. Сойдясь братья бросились въ объятія; Государь вынулъ изъ кармана Георгіевскую ленту и сталъ ею просовывать подъ погонъ Великому Князю, руки его дрожали. Предполагалось, что у молебна будутъ побѣдоносныя наши войска, но война не парадъ, никого не было, и только послѣ молебна подошелъ какой-то полкъ и не парадный имѣлъ онъ видъ; офицеры, помню, были одѣты кто въ чемъ, были и статскіе шарфы вокругъ шеи. Послѣ этого выѣхали въ Плевну, по улицамъ которой я слышалъ не одинъ выстрѣлъ надъ нашими головами; у самага города, почти въ улицахъ, виднѣлись плохо зарытыя шеренги турокъ. Князь Карлъ держался гораздо скромнѣе своего воинства и все время былъ въ хвостѣ колонны. Мы видѣли въ этотъ день раненнаго Османа, котораго мимо насъ провели къ Государю, возвратившему ему саблю.

Братъ Александръ про себя ничего не разсказалъ; отъ другихъ я узналъ, что, заслышавъ бой, онъ явился въ распоряженіе генерала Ганецкаго и вмѣстѣ съ А. А. Фрезе помогалъ на разныхъ флангахъ руководить боемъ. Когда отбили вторую линію, они обвели третью, и когда турками былъ выкинутъ бѣлый флагъ, Ганецкій послалъ брата къ Осману. Когда я спросилъ объ этомъ брата, онъ подтвердилъ, что, завидѣвъ колонны Скобелева, нарушившаго въ этотъ день диспозицію, онъ побудилъ Ганецкаго послать парламента, и тотъ отвѣтилъ ему: поѣзжайте сами. Между сошедшимися, у береговъ, не широкаго Вида двухъ армій, готовыхъ ежеминутно возобновить огонь, съ казакомъ своимъ онъ вѣхалъ на мостъ и прослѣдовалъ къ пашѣ. Османъ предложилъ условія, братъ отвѣтилъ, что можетъ имѣть мѣсто только безусловная сдача. Они говорили по-французски. Османъ отвѣтилъ восточной фразой, что дни не одинаковы и что онъ сдается, о чемъ братъ и оповѣстилъ Ганецкаго. Казакъ брата качалъ головой и говорилъ мнѣ: мы вчера съ генераломъ много дѣловъ надѣлали, кабы не мы... и опять качалъ головой.

Много лѣтъ спустя, когда однажды въ Петропавловской крѣпости меня представили Ганецкому, старикъ - генералъ порывисто взялъ меня за руку и сказалъ:

— Братъ Александра Петровича? а шустрый онъ, шустрый.

Братъ получилъ за это дѣло Станиславскую звѣзду съ мечами, а А. А. Фрезе — георгіевскій крестъ.

Послѣ взятія Плевны Государь скоро уѣхалъ въ Россію, главная квартира стала въ Боготѣ. Наступило для арміи тя-

железое время. Невылазная грязь препятствовала доставкѣ провіанта, погонщики приходили при однихъ кнутахъ, въ самой Болгаріи запасы изсякли, возникъ вопросъ — что дѣлать? Въ этотъ періодъ времени на разстояніи нѣсколькихъ дней Великій Князь принималъ гр. Тотлебена и генерала Обручева; говорили, что первый посовѣтовалъ заняться взятіемъ крѣпостей, второй—отойти въ Румынію и весной вновь наступать вмѣстѣ съ Сербіей. Совѣтовъ этихъ Великій Князь не принялъ. Наступила зима, насыпало снѣгу, и генералъ Галль объявилъ, что будетъ кормить только разъ въ день. Великій Князь готовилъ свой планъ наступленія. Ему стало извѣстно, что изъ четырехугольника крѣпостей турки везутъ войска въ Константинополь и оттуда подаютъ ихъ противъ Гурки на Софію. Онъ рѣшилъ выждать окончанія этой операціи и отрѣзать путь отступленія, спустившись съ Шипки.

Въ половинѣ декабря, въ послѣдствіи мой начальникъ, полковникъ Фрезе, посланъ былъ побудить Радецкаго приготовиться къ спуску съ горъ, каковой маневръ генералъ этотъ не очень радѣлялъ.

Въ это время фуражъ сталъ такъ дорогъ, что всего моего жалованья не хватало на содержаніе лошадей, и я попросилъ Стефана—нельзя ли, не безпокая однако Великаго Князя, назначить мнѣ фуражныя деньги. Статскій генералъ этотъ, несмотря на это условіе, меня подвелъ и доложилъ Великому Князю о моемъ ходатайствѣ и безъ всякой церемоніи передалъ мнѣ, что Великій Князь сказалъ: „Анашѣ не надо“.

Генералы Непокойчицкій и Левицкій не радѣляли рѣшимости Великаго Князя переходить Балканы зимою; говорили, что послѣдній особенно волновался, хватался за свои довольно длинныя волосы и восклицалъ:—„онъ погубитъ насъ“. Артуръ Адамовичъ, говорили, становился на колѣни, прося отмѣнить распоряженія, но Великій Князь напомнилъ ему условіе—первому повиноваться въ нужную рѣшительную минуту. За нѣсколько дней до Рождества мы тронулись по зимней стужѣ на Сельви, Ловчу и Габрово. Свѣтлица моя не кованная на шипы скользила, и я велъ ее въ поводу всѣ переходы. Въ Ловчѣ пришло поздно вечеромъ извѣстіе о плѣненіи арміи Весселяпаша. Что это былъ за взрывъ восторга въ нашемъ станѣ. Ура, музыка не смолкала долго, Артуръ Адамовичъ сказалъ Кладищеву, къ нему подошедшему: nous sommes de la grande agstée. Утромъ я видѣлъ Великаго Князя въ коляскѣ, оставляющаго насъ во 2-мъ эшелонѣ, чтобы скорѣе быть впе-

реди. Окрыленный побѣдой, онъ былъ великолѣпенъ стоя, въ коляскѣ, едва пробиравшейся среди тѣсноты обозовъ и войскъ, его привѣтствовавшихъ. Мы остались позади.

Переходъ къ Габрову мы совершили по 24^о морозу, и 29 верстъ я прошелъ пѣшкомъ, холодно не было. Придя туда, мы въ отведенномъ намъ домѣ застали на лавкѣ лежавшаго ординарца гр. Штакельберга, жаловавшагося на головную боль. Мы съ Кладищевымъ стали помогать ему и растирать, чего бы вѣроятно не сдѣлали, если бы знали, что онъ заболѣвалъ оспою.

Подъемъ на Балканы былъ труденъ для меня. Кладищевъ болѣлъ ревматизмами ногъ, и послѣ перваго подъема мы ночевали въ сторожкѣ 9-го корпуса. На другой день насъ съ нимъ доставили къ подножію вершины Св. Николая на салазкахъ. Здѣсь путь на вершину оказался занятымъ артиллеріей и обозами такъ, что пройти намъ нельзя было, и насъ приютилъ въ своей землянкѣ генералъ Пущинъ, у котораго мы и высидѣли въ горахъ трое сутокъ; что это были за дни—одинъ ужасъ и печаль. Наконецъ намъ сказали, что можно провезти Кладищева; еще спасибо и за то, что „наградное“ вездѣ охотно принимали и ухаживали. Намъ дали проводниковъ солдатъ и по штыку въ руку, и я поблагодарилъ судьбу, увидавъ, что въ горахъ туманъ и всей 5-ти-тысячной высоты, которой я не выношу, — не видно. Проводникъ часто останавливалъ меня, говоря: — лѣвѣе, баринъ, тамъ обрывъ. Спустились легко, опасаясь, однако, катившихся съади на насъ орудій.

Мы спустились 5 января 1878 года, и что за радость и ощутилъ, увидавъ у подножія Балканъ первые ручьи и вдохнувъ легкій уже, весенній воздухъ долины розъ. Тутъ же ожидала меня моя Свѣтлица. Кладищева водрузили на своего казака, и мы пошли къ Казанлыку, по дорогѣ къ которому попадались намъ груды убитыхъ, сваленныхъ въ кучу. Но видъ миртъ скоро разсѣялъ память объ этомъ зрѣлищѣ, и мы черезъ полчаса присоединились въ Казанлыкѣ къ Великому Князю. Брата уже тамъ не было. Онъ посланъ былъ съ первой армейской кавалерійской дивизіей занять мостъ черезъ Марицу у Тырнова-Сейменли для обезпеченія дальнѣйшаго наступленія арміи. Стали приходить вѣсти объ его успѣхахъ, потомъ пріѣхало встрѣченное имъ посольство, и пришла вѣсть о занятіи братомъ Адрианополя. Великій Князь былъ доволенъ и говорилъ: „Сашка молодецъ“.

Отступленіе арміи Сулеймана нами было отрѣзано, — планъ

Главнокомандующаго осуществленъ. Когда братъ снималъ телеграфный аппаратъ со станціи послѣ занятія моста, передавалась депеша о подачѣ въ Софію всего подвижного состава для отступленія. Братъ велѣлъ итальянцу-телеграфисту отвѣтить, что русская кавалерія снимаетъ рельсы, и послѣ этого снялъ аппаратъ. Послѣ этого произошли отчаянные бои съ Шуваловымъ подъ Филиппополемъ, и турецкая армія разсыпалась въ горахъ.

Въ Казанлыкѣ намъ было уже не дурно, было теплѣе. Галль кормилъ рисомъ съ сливянымъ вареньемъ или пастилой, которую тутъ нашли въ изобиліи; казаки мазали волосы и сапоги розовымъ масломъ, главнымъ продуктомъ долины розъ. Главныя трудности были превзойдены. Когда Скобелевъ подкрѣпилъ пѣхотой занятіе Адрианополя, а братъ пошелъ впередъ, Великій Князь опять бросилъ второй эшелонъ и ушелъ въ Адрианополь.

Въ этотъ періодъ похода стройность движенія главной квартиры нарушилась, чины шли за свой страхъ и рискъ, обозъ опережали. Я помню, что изъ Казанлыка я вышелъ верхомъ одинъ съ унтеръ-офицеромъ болгарскаго ополченія Папковымъ, который оказался въ обозѣ брата. За городомъ я нагналъ нашъ конвойный пѣхотный баталіонъ, которому бравый командиръ его готовился читать приказъ Главнокомандующаго о переходѣ арміи черезъ Балканы. Полковникъ пригласилъ меня остановиться и принять участіе. Сзади высились Большіе Балканы; снѣжные, впереди менѣе грозные Малые Балканы. За публику я и Папковъ кричали „ура!“ трубачи играли гимнъ. Я пошелъ дальше и къ вечеру пришелъ въ Эски-Загру такой голодный, что если бы былъ первородный, отдалъ бы, кажется, первородство за чечевичную похлебку. Въ главной квартирѣ уже отъобѣдали, ничего не было, даже хлѣба я не нашелъ и отъ голода готовъ былъ плакать; кто-то изъ ординарцевъ выручилъ, давъ чаю съ галетами. Въ Тырново-Сейменли мы пришли въ такую темноту, что шли по улицѣ, взявшись за руки, гуськомъ, но имѣли дневку въ хорошемъ домѣ съ хорошимъ столомъ, за которымъ на радостяхъ щедро платили.

Наступила весна, разгрязнило, обозы наши отставали. Переходъ отъ Тырново-Сейменли до Германлы мы сдѣлали подъ проливнымъ дождемъ и, придя на мѣсто, я промокъ до костей. Городокъ былъ пустой, населеніе ушло, на мосту передъ городомъ валялась еще масса внутренностей отъ нарубленныхъ нашими уланами быковъ, изъ которыхъ турки, отступая, сдѣлали себѣ загражденіе. Было поздно, мнѣ отвели домикъ безъ оконъ

на улицу, но съ маленькимъ окошкомъ надъ дверью, выходящею во дворъ. Въ единственной комнатѣ былъ большой очагъ и полная пустота. Мы заперли лошадей въ конюшню, развели огонь, раздѣлись, высушили бѣлье и платье и, не имѣя чѣмъ переѣнниться, надѣли то же бѣлье и платье и улеглись спать на полу. Папковъ изъ предосторожности легъ поперекъ двери. Утромъ предстояла посадка эшелона въ вагоны для переѣзда въ Адрианополь, и походнымъ невгодамъ наступилъ конецъ.

Въ Адрианополѣ было уже совсѣмъ тепло, хотя еще по большей части пасмурно, и мы застали Великаго Князя и главную квартиру въ конакѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго расположилось и наше наградное отдѣленіе. Къ этому времени дѣлъ у насъ накопилось множество, и мы заказали большіе деревянные столы, чтобы разложить и систематизировать ихъ; Великій Князь тутъ разрѣшилъ прикомандировать къ намъ офицеровъ, и къ намъ поступилъ поэтому Александръ Ивановичъ Роговской Московскаго полка, позднѣе бывший адъютантомъ Принца Александра Петровича Ольденбургскаго и директоромъ Правовѣдѣнія. Зачастую здѣсь армейскіе офицеры стали приходить къ намъ для выясненія правъ своихъ на награды. Дмитрій Петровичъ всѣхъ любезно выслушивалъ, но поступалъ по правиламъ и представленіямъ.

Число лицъ, приглашаемыхъ къ столу, постепенно увеличивалось, и тутъ обѣдали въ большой залѣ конака, и теперь занятый переговорами съ Намыкъ-пашей, Великій Князь не всегда выходилъ къ столу. За однимъ изъ обѣдовъ по его приказанію полковникъ Газенкампфъ вышелъ къ сидящимъ за столомъ и прочиталъ депешу Скобелева, который доносилъ, что онъ подошелъ къ Чаталджѣ—линіи послѣднихъ предъ Константинополемъ укрѣпленій, и засталъ ихъ несоединенными траншеями; пользуясь этимъ, говорила депеша,—генералъ Струковъ съ кавалеріей обойдетъ ихъ ночью и будетъ атаковать ихъ въ тылъ, а самъ Скобелевъ съ фронта, и онъ надѣялся на завтра сдѣлать подступы къ Константинополю открытыми.

Другая депеша генерала Карцова извѣщала, что онъ подходитъ къ Галлиполи и что жители выходятъ къ нему навстрѣчу.

Впечатлѣніе было громадное. Великій Князь держалъ при себѣ Намыка-пашу, а самъ шелъ впередъ и близокъ былъ къ цѣли. Но на другой, кажется, день стало извѣстнымъ, что движеніе нашихъ войскъ остановлено по депешѣ, повелѣвавшей

сообразовать движеніе съ движеніями англійскаго флота, съ депешами произошли недоразумѣнія, и армія конечной цѣли не достигла. Въ главной квартирѣ говорили, что Дибичъ велѣлъ будто потопить въ Марицѣ не нужнаго ему курьера Императора Николая Павловича, что напрасно Великій Князь послушался, но ближніе ему люди возражали, что онъ далъ слово и клятву въ повиновеніи. Вскорѣ заключено было перемиріе, и братъ Александръ вернулся изъ авангарда, поселился рядомъ съ нами и передалъ Великому Князю ключи Адрианополя и бамбуковыя пики, взятые въ арсеналѣ. Позднѣе, когда братъ принялъ Уланскій полкъ, Государь велѣлъ пики эти дать полку. Весь январь прошелъ въ Адрианополѣ. Извѣстно стало, что для заключенія мира пріѣдетъ гр. Игнатьевъ, и съ его пріѣздомъ турки стали жаловаться, что съ нимъ хуже договариваться, чѣмъ съ Великимъ Княземъ.

Дни проходили за днями, но южное солнце стало преодолѣвать зиму, стало разгонять облака, людей потянуло на воздухъ. Однажды я часа въ два услышалъ, что Великій Князь со свитой ѣдетъ верхомъ на прогулку; бросить скучныя дѣла и осѣдлать Свѣтлицу было дѣломъ одной минуты, и я присоединился къ кортежу. Поѣхали въ Греческій кварталъ, кавалькада была большая, ее слышно было издали, населеніе, преимущественно женское, выходило изъ домовъ навстрѣчу, и я диву дался, сколько здѣсь было красивыхъ гречанокъ, во сколько разъ щедрѣе надѣлено это племя сравнительно съ нашимъ красотой. Походный художникъ Великаго Князя подарилъ мнѣ потомъ акварельный портретъ одной изъ нихъ, и онъ до сихъ поръ у меня въ альбомѣ.

Въ другой разъ сказали, что Великій Князь уѣхалъ на форты. Я побѣжалъ къ брату, позвалъ его, и мы, онъ на Яхонтѣ, я на Свѣтлицѣ, пустились по городу крупной рысью догонять его; за городомъ мы нашли его со свитой въѣзжающимъ въ фортъ, обращенный къ Марицѣ. Обстрѣлъ съ него былъ такой, что и для неопытнаго глаза было понятно, что къ такимъ фортамъ не подходитъ, а такихъ фортовъ было пять. Великій Князь одинъ въѣхалъ на своемъ Аксу на брустверъ и остановился въ созерцаніи вида на долину Марицы и подступовъ къ фарту. Простоявъ такъ минуты три, Великій Князь обернулся внизъ къ свитѣ и крикнулъ:

— Сашка тутъ?

Братъ на Яхонтѣ мигомъ вскочилъ къ нему.

— Что, — говоритъ ему Великій Князь, — не было слышно.

Много лѣтъ спустя я напомнилъ эту сцену брату и спросилъ его, что говорилъ ему при этомъ случаѣ Великій Князь, но, къ сожалѣнію, и самый эпизодъ этотъ не остался у него въ памяти, онъ ничего не могъ вспомнить и только сказалъ мнѣ: „да какая же у тебя память“! Но я твердо помню эту минуту гордости за брата и чувства благодарности къ Великому Князю, умѣвшему цѣнить заслуги своихъ кавалеристовъ.

Въ остальное время мы работали, спѣшно подвигали дѣла, и только вечеромъ меня иногда приходили звать къ Великому Князю Младшему ужинать,—у него въ то время бывали и старшіе начальники изъ разныхъ частей арміи.

Но вотъ въ одинъ непрекрасный день во время обѣда, за которымъ Великій Князь не присутствовалъ, изъ внутреннихъ его комнатъ отворилась дверь, и въ ней показалась фигура Великаго Князя, который былъ только въ рейтузахъ и въ одной рубашкѣ. Онъ видимо былъ гнѣвенъ и, порывисто окинувъ взоромъ присутствовавшихъ, онъ крикнулъ:

— Штейнъ? смѣнить караулы...

Что приказывалъ онъ дальше, я не слышалъ, ибо всѣ вскочили съ мѣстъ и поднялся шумъ, обѣдъ прервался.

Я бросился внизъ къ брату, но его уже не было, люди сказали: часа два уже, какъ уѣхали въ авангардъ. Это было въ тотъ день, когда турецкіе уполномоченные отказались отъ выговоренныхъ условій мира и вынудили Великаго Князя принять вновь рѣшительныя мѣры.

Немедленно Великій Князь выѣхалъ самъ на передовыя позиціи, мы съ генераломъ Фрезе остались опять во 2-мъ эшелонѣ въ Адрианополѣ. Когда мы вновь соединились, ординарцы рассказывали про это время слѣдующее:

Прибывъ утромъ на передовыя позиціи, Великій Князь велѣлъ вызвать парламентаря и, когда пріѣхалъ на паровозѣ турецкій паша, онъ предложилъ ему передать Мухтару-пашѣ предложеніе пропустить армію въ Санъ-Стефано.—Паша вернулся и доложилъ: что Мухтаръ-паша до сихъ поръ исполнялъ только повелѣнія Его Величества Султана.

Великій Князь, вынувъ часы, сказалъ, что если черезъ полчаса не будетъ другого отвѣта, онъ поведетъ атаку. Паша во время вернулся и доложилъ, что путь открытъ. Тогда къ вагону Великаго Князя прицѣпили платформу съ оркестромъ военной музыки, на ней развернули значекъ Главнокомандующаго, заиграли нашъ гимнъ, и по всей линіи отъ моря до моря по сигналу началось наступленіе къ Царьграду.

Турецкіе баталіоны отступали или разступались и брали на карауль. Въ Санъ-Стефано Мухтаръ шель у стремени Великаго Князя, который извинился тѣмъ, что у него нога болитъ.

Оттуда Великимъ Княземъ въ Петербургъ была послана извѣстная депеша: „Я прибылъ въ С.-Стефано по приглашенію Его Величества Султана“.

За день или два до заключенія мира, къ намъ пришла депеша: „прислать всѣ солдатскіе кресты въ Санъ-Стефано“. А. А. Фрезе велѣлъ мнѣ отвезти ихъ.

— Съ кѣмъ-нибудь нельзя, это все-таки казенное имущество,—сказалъ онъ.

Крестовъ былъ цѣлый большой ящикъ; я погрузилъ его въ отдѣльное купе и выѣхалъ въ Санъ-Стефано, куда сталъ подвозить меня поѣздъ рано утромъ 19 февраля 1878 года. Проснувшись, я увидалъ въ окна вагона чудное Мраморное море, цвѣтъ котораго столь разнится отъ другихъ морей. Къ станціи подѣхали часовъ въ семь утра. Выйдя изъ поѣзда, я тотчасъ замѣтилъ необычайное движеніе войскъ, шли лейбъ-казаки съ музыкой, спрашиваю, что такое, говорятъ—парадъ—заключеніе мира. Вотъ онъ, желанный день наступилъ. Пройдя съ версту къ мѣстечку, я увидѣлъ, что передъ домомъ, гдѣ жилъ Великій Князь, собралась почти вся главная квартира, на коняхъ стояли въ ожиданіи выхода его адъютанты и ординарцы, и всякіе чины. Я пошелъ разыскивать квартиру брата, чтобы помыться и попросить лошадь къ параду, который я непременно хотѣлъ видѣть; но лошадей его почему-то тутъ не было, и казакъ его могъ только предложить мнѣ отбитую имъ у турокъ чрезвычайно маленькую сѣрую лошадь, такую маленькую, что когда я сѣлъ на нее—то ноги мои почти касались земли.

Дѣлать было нечего, однако, и на такой лошаdkѣ присоединился я къ главной квартирѣ, ожидавшей выхода на площадь Великаго Князя. За мѣстечкомъ вся армія, подошедшая къ Константинополю, стояла въ строю—всѣ ждали, ждалъ и Главнокомандующій, часто появлявшійся въ окнѣ, но турки все мира не подписывали. Изъ дома выходили нѣсколько разъ адъютанты Орловъ и Андреевъ, шли справляться, приносили извѣстіе, что вотъ-де сейчасъ будетъ готово, но часы проходили за часами, а мира все не было. Такъ и прождали весь день голодные, но къ счастью хоть не холодные. Солнце уже замѣтно склонялось къ закату, когда наконецъ Орловъ прибѣжалъ сказать, что все готово. Великій Князь сѣлъ на коня и въ сопровожденіи всей главной квартиры поѣхалъ ша-

гомъ по улицамъ къ войскамъ; но, доѣхавъ до выѣзда въ поле, пришлось остановиться,—графа Игнатъева съ подписаннымъ протоколомъ все не было, прождали еще съ полчаса. Великій Князь, чтобы какъ-нибудь убить время, подозвалъ адъютанта Муханова и послалъ къ войскамъ. Тотъ проскакалъ, вернулся, а ѣхать все-таки нельзя было. Наконецъ въ концѣ улицы показался скачущій парный извозчикъ, въ которомъ стоялъ графъ Николай Павловичъ и махалъ фуражкой, а въ другой рукѣ онъ держалъ свертокъ бумагъ.

Я не видѣлъ момента, когда онъ подъѣхалъ къ Великому Князю; когда послѣдній началъ объѣздъ—солнце садилось; на морѣ я замѣтилъ много пароходовъ и яхтъ, пришедшихъ съ публикой изъ Босфора смотрѣть нашу армію. На своей крысѣ я ѣхалъ въ хвостѣ свиты и не могъ протискаться ближе, ибо меня затирали, и лошадь Дохтурова меня даже лягнула, попавъ къ счастью въ стремя. Когда Великій Князь кончилъ объѣздъ, наступили даже густыя сумерки, ставъ на мѣсто, онъ скомаандовалъ:

— Господа офицеры, ко мнѣ. Мои уланы ко мнѣ, — волновался онъ.

Когда его окружили въ карьеръ мчавшіеся къ нему офицеры и водворилась тишина, я услышалъ звонкимъ, далеко донесшимъ голосомъ его произнесенныя слова:

— Богъ даровалъ намъ послѣ тяжкихъ усилій блестящій миръ...

На послѣднемъ словѣ голосъ его дрогнулъ отъ слезъ, и дальнѣйшей рѣчи его я не слышалъ. Начался церемоніальный маршъ въ совершенной темнотѣ, только на фонѣ неба видны были силуэты колоннъ. „Ночной смотръ“—подумалъ я. И день мира дался намъ не легко. И армія и Главнокомандующій провели его отъ зари до зари одна—при ружьѣ, другой—при шарфѣ, въ напряженномъ ожиданіи. Ужинали въ этотъ день вмѣсто обѣда часовъ въ 11. Всѣхъ потомъ облетѣла радостная вѣсть о назначеніи Великаго Князя фельдмаршаломъ. Всѣ до послѣдняго человѣка этому были рады и ему дѣлали оваціи.

Многіе думали, что послѣ заключенія мира такъ-таки сейчасъ и поѣдутъ домой; не тутъ-то было, началось томительное Санъ-Стефанское сидѣніе, начались и тяжелыя непріятности для побѣдоноснаго Главнокомандующаго. Въ Петербургѣ стали желать, послѣ того, что выяснилась неизбежность Европейской конференціи, занятія Константинополя, котораго не желали въ январѣ. Въ мартѣ пріѣзжалъ кн. Имеретинскій, и слышно

было, что по этому поводу Великій Князь не соглашался.— И въ самомъ дѣлѣ, намъ всеѣмъ было извѣстно, что армія утомлена и разстроена; на часахъ у Великаго Князя стояли преобразенцы въ дырявыхъ, прорваныхъ шинеляхъ, полубосые, часть войскъ уже сажали на суда для отправки въ Россію, говорили, что начинаются болѣзни; изъ окна наградного отдѣленія я созерцалъ, какъ лошади за недостаткомъ фуража объѣдали кору деревьевъ, къ которымъ стояли привязанными, а турки, пользуясь дипломатической волокитой, рыли укрѣпленія, посерьезнѣ Плевенскихъ.

Въ главной квартирѣ приуныли. Почтенный военно-медицинскій инспекторъ Приселковъ, вѣроятно, больше другихъ побуждаемый къ тому лазаретами, громко ворчалъ, что мы здѣсь все пропадемъ, и что не въ Одессу уѣдемъ, а что насъ отвезутъ англичане въ Ливерпуль.

Мы жили съ братомъ на самомъ берегу моря во второмъ этажѣ дома, стоявшаго у западной оконечности Санъ-Стефанской бухты, и послѣ такой бутады почтеннаго Приселкова я обратилъ однажды подозрительное вниманіе на пароходъ, который, идя безъ флага, оставилъ курсъ на Босфоръ и приблизился къ занятымъ нашею арміею берегамъ, вѣроятно, чтобы дѣлать промѣры. Я хотѣлъ пойти сообщить объ этомъ моряку капитану Рогоулѣ, но успокоился, увидавъ, что пароходъ „Константинъ“, стоявшій тогда у насъ на рейдѣ подъ командой уже прославившагося тогда красавца-капитана Макарова, снимается съ якоря и идетъ въ кильватеръ неизвѣстному развѣдчику, который поспѣшилъ на всѣхъ парахъ уйти къ Босфору.— Говорили, что Приселкову сказано таки было больше не ворчать.

Въ началѣ марта братъ Александръ Петровичъ заболѣлъ, я не зналъ чѣмъ. Полковникъ Ильяшенко и я ухаживали за нимъ какъ могли. Александръ Леонтьевичъ Обермюллеръ приходилъ къ нему почти ежедневно и уходилъ сердитый и недовольный; оказалось, когда онъ уже сталъ поправляться, что это былъ тифъ, который началъ тогда перебирать нашу армію. Великій Князь Младшій простудился и такъ же, какъ и братъ, уѣхалъ поправляться въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ или въ концѣ марта пріѣхалъ адмиралъ Поповъ и поселился въ нашемъ домѣ съ ординарцемъ своимъ мичманомъ Саксомъ. Адмиралъ часто и долго диктовалъ своему мичману и только изрѣдка выходилъ къ намъ въ общую комнату. Ближе познакомившись со мною, онъ однажды, принявъ таинственный видъ, сталъ говорить про

посадку войскъ не въ Санъ-Стефанской бухтѣ, а въ Буше-Дере, что-то про кавалерію и наконецъ кончилъ словами:

— Напишите брату, чтобы сейчасъ ѣхалъ, онъ мнѣ нуженъ.

Догадавшись, что почтенный адмиралъ проектируетъ планъ захвата Константинополя съ Босфора, и зная всю неосуществимость этой затѣи, я отвѣтилъ, что по моему письму братъ не пріѣдетъ и что если онъ дѣйствительно нуженъ, то есть кому его вызвать.

Адмиралъ былъ въ дѣйствительности вторымъ посланнымъ лицомъ для уговоровъ Великаго Князя братъ Константинополь. Наша дипломатія не умѣла открыть картъ Лондонскаго кабинета и дѣйствовала съ опозданіемъ на добрыхъ три мѣсяца.— Россія можетъ быть только благодарна Великому Князю, что онъ на эти уговоры не поддался, ибо успѣхъ кампаніи былъ бы скомпрометтированъ. Да и къ чести ли русскаго оружія было бы напасть исподтишка, замирившись; для этого нуженъ былъ другой Главнокомандующій, не такой рыцарь, какимъ былъ Великій Князь.

Всѣ эти обстоятельства разстроили его здоровье, уже утомленное напряженіемъ всей войны, проведенной имъ послѣ тяжелой болѣзни. Мы его стали рѣже видѣть, онъ не выходилъ къ столу и уходилъ нѣсколько разъ на „Ливадію“ для стоянки въ Золотомъ Рогѣ, куда раза два мы ѣздили съ докладомъ. Наконецъ пріѣхалъ третій посланный гр. Тотлебенъ, и по главной квартирѣ пронесся слухъ, что Великій Князь уѣзжаетъ.—Уныніе, сожалѣніе о немъ были общими.

Я объявилъ А. А. Фрезе и Роговскому, что, будучи командированъ въ личное распоряженіе Великаго Князя, я буду проситься ѣхать съ нимъ, и они обѣщали не сердиться, если я добьюсь и ихъ вызова въ Петербургъ для окончанія дѣлъ тамъ, что мнѣ и удалось исполнить.— Но уѣхать мнѣ оказалось не такъ легко; никто, ни генералъ Галль, ни даже ближайшіе адъютанты не брались доложить обо мнѣ Великому Князю, который былъ съ пріѣзда Тотлебена не въ духѣ, огорченъ и никого не принималъ. Исчерпавъ всѣ пути съ неудачей, я рѣшился пойти къ нему самъ. Камердинеръ Зернушкинъ докладываться мнѣ не посовѣтовалъ, а вотъ, говоритъ,—скоро пойдетъ завтракать, то подождите на лѣстницѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Стоялъ довольно долго. Наконецъ отворилась дверь, и по лѣстницѣ сталъ спускаться Великій Князь, онъ былъ необычайно серьезенъ, и обычной привѣтливости

замѣтно не было. Увидавъ меня, онъ не останавливаясь и не подавая, какъ обычно, руки, коротко спросилъ:

— Что тебѣ?

— Прошу позволенія ѣхать съ вами,—отвѣтилъ я.

— Да, конечно,—сказалъ онъ,—скажи Ефимкѣ.

Ефимка — это значило генералъ Ефимовичъ, помощникъ гофмаршала, распорядившійся посадкой на „Эрикликъ“ и „Ливадію“. Я побѣжалъ къ Ефимовичу, который сказалъ:

— Хорошо, Анаша, вы поѣдете съ ординарцами, съ Березкинѣмъ и священникомъ на „Эрикликъ“, садитесь рано утромъ до парада.

На другой день Великій Князь на парадѣ прощался съ войсками. Говорили потомъ, что всѣ, кто только могъ, провожали его на пристань и что многіе закаленные бояки офицеры плакали, когда онъ садился въ катеръ. Когда „Ливадія“ часа въ четыре выходила съ нимъ въ Золотой Рогъ, мы на „Эрикликъ“, послѣ отслуженнаго утромъ на палубѣ молебна, снялись съ якоря и пошли въ Одессу.

Налюбовавшись красотами Босфора, мы въ сумерки вошли въ Черное море и попали въ мертвую зыбь. „Эрикликъ“ бросало такъ, что по каютъ-компаніи нельзя было пройти, не попадешь въ дверь. Священникъ нашъ, отче Иосафатій, какъ звалъ его Великій Князь, очень тревожился и всю ночь ходилъ по палубѣ. Я пошелъ въ каюту и почувствовалъ приступы морской болѣзни, легъ и моментально уснулъ. Проснувшись утромъ, я увидѣлъ, что море стихло и что мы стоимъ на мѣстѣ. Спѣшить было некуда, нагрѣлся подшипникъ, и мы его остуживали. Въ одесскомъ портѣ мы ошвартовались у того мѣста, гдѣ должна была стать „Ливадія“, и стали ее ожидать. Какъ только показалась яхта на горизонтѣ, загремѣли салютомъ сначала береговья батарея, потомъ весь портъ; когда яхта проходила мимо насъ, мы выстроились во фронтъ по борту и взяли руки подъ козырекъ; вся закрытая дымомъ шла мимо насъ тихо яхта, почти невидимая, но вотъ клубы дыма нѣсколько разсѣялись, и на лѣвомъ козухѣ мы увидали стройную, красивую фигуру нашего витязя, отдававшего намъ честь. Мы закричали „ура!“

Въ одесскомъ соборѣ архіепископъ встрѣтилъ Великаго Князя прекраснымъ словомъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе. Великій Князь обѣдалъ, кажется, у Воронцова, а мы, мелкота, въ Европейской гостиницѣ, и очень вкусенъ показался обѣдъ, послѣ походной кухни. Вечеромъ сѣли въ поѣздъ; маршрутъ

былъ указанъ западными дорогами. Дорогой мнѣ пришлось говорить съ Великимъ Княземъ, онъ былъ уже спокоенъ и, какъ всегда, ласковъ. Въ своемъ вагонѣ мы пѣли, всѣ были веселы, и помнится, Великій Князь Младшій все заставлялъ пѣть хоромъ: *galliant guerrier sur la terre étrangère combattre cet ou plaisir.*

Въ Петербургѣ была встрѣча. Почетный караулъ былъ отъ уланъ, которыми тогда уже командовалъ братъ, и онъ былъ на флангѣ. Государь пріѣхалъ навстрѣчу въ уланскомъ мундирѣ, и братъ говорилъ, что, проходя мимо и обдергивая фалды своего мундира, Государь сказалъ, что не узнаетъ себя въ этой формѣ. Помѣщаясь въ дальнемъ вагонѣ, я не видѣлъ встрѣчи, которая, говорили, волновала Великаго Князя. Извѣстно стало и всѣ это видѣли, что Государь провезъ Великаго Князя въ Казанскій соборъ и въ Зимній дворецъ; но что сказалъ ему Государь, осталось извѣстнымъ только очень близкимъ ему людямъ и болѣе широкимъ кругамъ стало извѣстнымъ только изъ записокъ генерала Скалона.

Когда поуспокоились, я пошелъ къ генералу Непокойчицкому проситься въ отпускъ, чтобы навѣстить батюшку въ Екатеринославѣ. Артуръ Адамовичъ очень удивился, что я считаю себя еще зависимымъ отъ него и Великаго Князя, но я доложилъ ему, что не считаю свою командировку оконченною, что Великому Князю мы успѣли доложить наградныя дѣла только до взятія Софіи и что послѣдующія дѣла подлежатъ по всей справедливости докладу не новому главнокомандующему, и что для ихъ окончанія надлежало бы вызвать полковника Фрезе и капитана Роговскаго.

— Хорошо,—сказалъ Артуръ Адамовичъ,—я доложу Великому Князю, придите послѣ завтра.

Черезъ день я получилъ отпускъ, а отдѣленіе было скоро вызвано въ Петербургъ и по возвращеніи моемъ я все лѣто еще работалъ съ А. А. Фрезе и Роговскимъ въ старыхъ Московскихъ казармахъ.

Лѣтомъ мы съ Александромъ Александровичемъ повезли большой докладъ къ Великому Князю въ Чесменку, гдѣ онъ тогда жилъ. Великій Князь обрадовался намъ, принялъ ласково, велѣлъ расписаться въ книгѣ, утромъ показывалъ лошадей, а послѣ обѣда принялъ докладъ. Но его жаль было видѣть, онъ былъ въ опалѣ, подъ неудовольствіемъ по крайней мѣрѣ, да и самъ онъ этого не скрывалъ. Хотя онъ обычно не курилъ, но тутъ онъ развернулъ шелковый красный кисетъ и, закуривъ маленькую трубочку, сказалъ:

- Вотъ опальный фельдмаршалъ, это мнѣ подарилъ Токагама.

Онъ такъ называлъ японскаго военнаго агента, полковника Ямазака, бывшаго въ походѣ при главной квартирѣ. Великій Князь въ эти дни не зналъ даже о возвращеніи гвардіи въ Россію, и мы привезли ему первые объ этомъ извѣстіе.

Во время доклада А. А. Фрезе докладывалъ, между прочимъ, что по сравненію съ офицерами, бывшими въ отдѣленіи, и мнѣ слѣдуетъ вторую награду, но что я отъ нея отказываюсь, чтобы не вызывать нареканій. Я сидѣлъ на балконѣ, они въ комнатѣ.

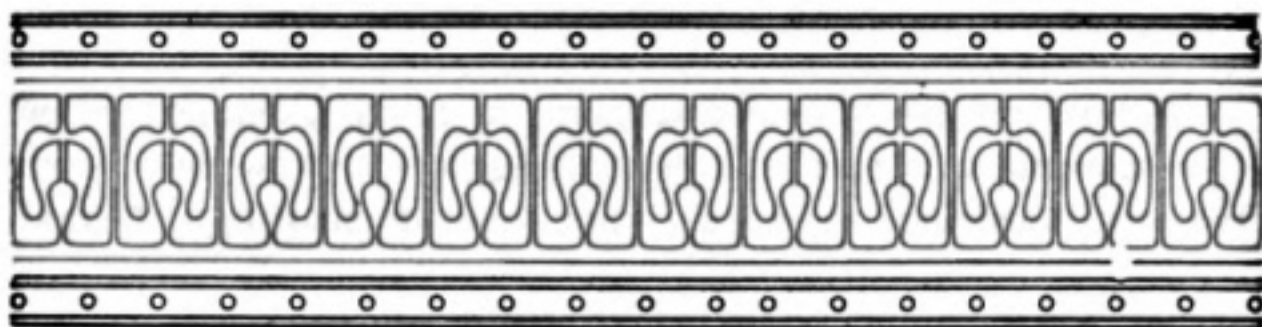
— Анашка дурашка, закричалъ Великій Князь и подписалъ представленіе къ Станиславу 2-й степени съ мечами. По возвращеніи въ Петербургъ, Артуръ Адамовичъ нашелъ, что это лишнее, что опять скажутъ, что Великій Князь награждаетъ своихъ любимчиковъ. Своя рука владыка,—я этого представленія въ ходъ не пустилъ. Во время доклада Великій Князь велѣлъ мнѣ написать письмо военному министру о сохраненіи за нимъ права награжденій до извѣстныхъ степеней, какъ во время похода, и когда я его изготавилъ—подписалъ и сказалъ Фрезе, что я все время хорошо служилъ. По окончаніи доклада Великій Князь извинился, что ему надо уѣхать въ сосѣднюю усадьбу, простился съ нами, благодарилъ, поцѣловался и, сѣвъ въ желтый вѣяскій брекъ, запряженный четверикомъ вороныхъ лошадей, уѣхалъ, крикнувъ мнѣ:

— Кланяйся сыновьямъ.

Осенью 78 года, закончивъ дѣла, мы откланивались Великому Князю, онъ благодарилъ насъ: „Спасибо за службу“, мы—его, что позволилъ послужить при себѣ.

Я слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, что Великому Князю такъ и не удалось объясниться съ Государемъ до его кончины, онъ говорилъ объ этомъ съ сокрушеніемъ. Очень, вѣроятно, дурные люди сумѣли внушить недовѣріе къ Великому Князю. Я слышалъ, что надъ нимъ троекратно назначились разслѣдованія, прекратившіяся будто тогда только, когда пользовавшійся репутаціей неподкупной, высокой честиности генералъ-адъютантъ Глинка-Мавринъ доложилъ, что Великій Князь такой же рыцарь, и что надъ рыцаремъ онъ слѣдствія вести не можетъ. Но невольныя недоразумѣнія и ошибки современниковъ исправляются всеисцѣляющимъ временемъ, и отрадно видѣть, что правда на свѣтѣ свое беретъ и что Великому Князю создается заслуженный имъ памятникъ.

А. С.

Освобожденіе Скальда.

Скандинавская повѣсть.

Неизданная поэма Д. В. Веневитянова.

Эльморъ.

Сложи мечъ тяжелый. Безсильной ли длани
Владѣть симъ булатомъ, о мирный пѣвецъ!
Намъ слава въ бояхъ, намъ опасныя брани;
Тебѣ—сладкозвучнаго пѣнья вѣнецъ.

Эгилъ.

Прости, мнѣ, о сынъ скандинавскихъ царей!
Въ десницѣ пѣвца сей булатъ не безчестенъ.
Ты помни, что Рекнеръ былъ арфой извѣстенъ
И храбрымъ примѣръ среди бранныхъ полей.

Эльморъ.

Прости, юный Скальдъ, ты пѣвецъ вдохновенный,
Но если ты хочешь, Эгилъ, намъ вѣщать
О славѣ, лишь въ битвахъ тобой обрѣтенной,
То долго и долго ты будешь молчать.

Эгилъ.

Эльморъ! иль забылъ, что, гордясь багряницей,
Царь Скальда обидѣлъ, и съ ближней девицей
Прискорбная мать его, въ горькихъ слезахъ,
Рыдала надъ хладною сына гробницей...

Такъ, съ твердостью духа, съ угрозой въ устахъ,
 Эгилъ отвѣчаетъ, — я, быстрой стопою,
 Безмолствуя, оба, съ киченьемъ въ сердцахъ,
 Сокрылись въ дубравѣ подь лиственной тьмою.
 Чась цѣлый въ безмолвіи ночи густой
 Гремѣлъ мечъ о мечъ среди рощи глухой.
 Обрызганный кровью и весь изнуренный,
 Эгилъ! изъ дубравы ты вышелъ одинъ.
 О храбрый Эльморъ! тебя тщетно Арминъ,
 Въ чертогахъ семьей своей окруженный,
 На пиръ ждетъ вечерній подь кровлей родной.
 Тебѣ ужъ изъ чаши не пить круговой.
 Безъ жизни, безъ славы, твой трупъ искаженный
 Лежить средь дубравы на дернѣ сухомъ.
 Ты въ прахъ преклонился надменнымъ челомъ.
 Окрестъ все молчить какъ нѣмая могила,
 И смерть скандинавцу за Скальда отмстила.

Но утромъ, едва лишь межъ сизыхъ паровъ
 Холодная въ небѣ зардѣлась Аврора,
 Въ дремучей дубравѣ, при лаяньи псовъ,
 Узнали кровавое тѣло Эльмора.
 Узнавши Эльмора черты искаженны,
 Незапнымъ ударомъ Арминъ пораженный
 Не плачетъ, но грудь раздираетъ рукой.
 Межъ тѣмъ все возстало, во градѣ волненье,
 Всѣ ищуть убійцы, всѣ требуютъ мщенья.
 — „Я знаю“, — воскликнулъ Арминъ: — „Ингисфаль
 „Всегдашнюю злобу къ Эльмору питалъ.
 „Спѣшите, спѣшите постигнуть злодѣя,
 „Стремитесь, о други, стремитесь быстрѣ,
 „Чѣмъ молнии зубчатый блескъ въ небесахъ.
 „Готовьте орудья ко смерти убійцы.
 „Можъ тѣмъ пусть врата непреступной темницы
 „По немъ загремятъ на чугунныхъ крюкахъ“.

И всѣ устремились. Эгилъ на брегахъ
 У моря скитался печальной стопою.
 Какъ туча, изъ коей огнистой стрѣлою
 Перунъ быстротечный блеснулъ въ небесахъ,
 На крыліяхъ черныхъ съ останками бури
 Плыветъ чугъ подвижна въ небесной лазури, —
 Такъ мраченъ Эгилъ и задумчивъ блуждалъ.

Какъ вдругъ передъ нимъ, окруженный толпою,
 Къ чертогамъ невинный идетъ Ингисфалъ.
 — „Эльморъ торжествуетъ, и месть надъ убійцей!“ —
 Такъ въ ярости цѣлый народъ повторялъ.
 Но Скальдъ, устремившись въ толпу, восклицалъ:
 — „Народъ! онъ невиненъ; моею десницею
 „Погибъ среди боя царевичъ молодой.
 „Но я не убійца, о Царь скандинавянъ!
 „Твой сынъ дерзновенный сразился со мной,
 „Онъ палъ и геройскою смертію славенъ“.

Трепеща отъ гнѣва, Арминъ повелѣлъ
 Въ темницу глубокую ввергнуть Эгила.
 Невинный свободенъ, смерть—скальда удѣлъ.
 Но скальда ни плѣнъ не страшить, ни могила,
 И тихо, безмолвствуя, мощный пѣвецъ
 Идетъ среди воплей свирѣпаго мщенья,
 Идетъ,—какъ бы ждалъ его славный вѣнецъ
 Наградой его сладковзвучнаго пѣнья.

— „О горе тебѣ!“—восклицалъ весь народъ:
 „О горе тебѣ! горе, скальдъ величавый.
 „Здѣсь барды не будутъ вѣщать твоей славы.
 „Какъ тѣнь, твоя память безъ шума пройдетъ,
 „И съ жизнію имя исчезнетъ злодѣя“.
 И, тяжело на веряхъ мѣдныхъ кружась,
 Темницы чугунная дверь заперлась,
 И скрытъ ея слился со свистомъ Борея.

И такъ онъ одинъ, безъ утѣхи; но нѣтъ, —
 Съ нимъ арфа, въ несчастьи подруга драгая.
 Эгилъ, среди мрака темницы бряцая,
 Послѣднею пѣснью Эльмора поетъ.
 „Счастливецъ! ты палъ среди родины милой,
 „Твой прахъ будетъ тлѣть подъ землею родной,
 „Во гробъ не сошла твоя память съ тобой,
 „И часто надъ хладной твоею могилой
 „Придетъ прослезиться отецъ твой унылой,
 „И другъ не забудетъ тебя посѣщать.
 „А я погибаю въ зарѣ моей жизни,
 „Вдали отъ родныхъ и отъ милой отчизны.
 „Сестра молодая и нѣжная мать
 „Не придутъ слезами мой гробъ орошать.

„Прощай, моя арфа, прошли наши пѣнья
 „И скальда молодого счастливые дни —
 „Какъ быстрыя волны промчались они.
 „И скоро, исполненъ ужаснаго мщенья,
 „Неистовый варваръ мой вѣкъ пресѣчетъ,
 „И злой скандинавецъ свирѣпой рукою
 „Созвучныя струны твои оборветъ.
 „Греми же, греми! разлучаясь съ тобою,
 „Да внемлю послѣдней я пѣсни твоей! —
 „Я жилъ и въ теченіи жизни своей
 „Тобою былъ счастливъ, тобою былъ славенъ“.

Но Барды, свершая обрядъ скаддинавянъ,
 Межъ тѣмъ начинали суровый напѣвъ
 И громко гремѣли средь дикаго хора:
 „Да гибнетъ, да гибнетъ убійца Эльмора“.
 Въ ихъ пламенныхъ взорахъ неистовый гнѣвъ,
 И всѣ, въ круговой соединившись руками,
 Эльмора нестройными пѣли хвалами
 И, трупъ обступивши, ходили кругомъ.

Уже средь обширнаго поля близъ лѣса
 Огромный и дикій обломокъ утеса
 Къ убійству пѣвца утвержденъ олтаремъ.
 Булатна сѣкира лежала на немъ,
 И возлѣ, ждавъ жертвы, стояли убійцы.
 И вдругъ, заскрыпѣвши, глубокой темницы
 Отверзлися двери, стремится народъ.
 Увы! все готово ко смерти Эгила,
 Несчастному скальду отверста могила,
 Но скальдъ безъ боязни ко смерти идетъ.
 Ни вопли народа, кинящаго мщеньемъ,
 Ни грозная сталь, ни олтарь, ни костеръ
 Пѣвца не колеблуть, лишь онъ съ отвращеньемъ
 Внимаетъ, какъ Бардовъ неистовый хоръ
 Гремить, недостойнымъ Эльмора, хваленьемъ.
 — „О царь!“ — восклицалъ вдохновенный Эгиль:
 „Позволь, чтобъ, прощаясь съ міромъ и пѣньемъ,
 „Предъ смертью я пѣсни свои повторилъ
 „И тихо прославилъ на арфѣ согласной
 „Эльмора, котораго въ битвѣ несчастной
 „Сравилъ я, но такъ какъ героя сразилъ“.
 Онъ рекъ; но при имени сына, Эльмора,

Отъ ярости сердце царя потряслось.
 Возрѣвъ на Эгила съ свирѣпостью взора,
 Уже произнесъ онъ... Какъ вдругъ раздалось
 Унылое, нѣжное арфы звучанье.
 Арминъ при гармоніи струнъ онѣмѣлъ,
 Шумящей толпѣ онъ умолкнуть велѣлъ,
 И цѣлый народъ сталъ въ нѣмомъ ожиданьи.

Пѣвецъ наклонился на дикой утесъ,
 Взялъ вѣрную арфу, подругу въ печали,
 И персты его по струнамъ заиграли,
 И вѣтръ его пѣсню въ долину разнесъ.

„Гдѣ храбрый юноша, который
 „Враговъ отчизны отражалъ
 „И край отцовъ, родныя горы
 „Могучей мышцей защищалъ?
 „Эльморъ, никѣмъ непобѣжденный,
 „Ты палъ, тебя ужъ болѣ нѣтъ.
 „Ты палъ — какъ сильный волкъ падеть
 „Безсильнымъ пастыремъ сраженный.

„Гдѣ дни, когда къ войнѣ кровавой,
 „Герой, дружины ты водилъ,
 „И возвращался къ Эльвѣ съ славой,
 „И съ Эльвой счастье дѣлилъ?
 „Ахъ, скоро трепетной дѣвицѣ
 „Слезами матеръ возвѣститъ,
 „Что вѣрный другъ ея лежитъ
 „Въ сырой землѣ, въ нѣмой гробницѣ.

„Но сильныхъ чтятъ благіе боги,
 „И онъ на крыльяхъ облаковъ
 „Пренесся въ горніе чертоги,
 „Геройскихъ жительство духовъ.
 „А я вдоль тайстvenнаго берега,
 „Ночнымъ туманомъ окруженъ,
 „Всегда скитаться осужденъ
 „Надъ хладными волнами Лега ¹⁾).

¹⁾ Островъ *Лео* былъ, по мнѣнію Кледонцевъ, мѣстомъ пребыванія
 всѣхъ умершихъ, не воспѣтыхъ Барламя.

(Примѣчаніе Д. В. Веневитинова).

„О скальдъ, какой враждебный богъ,
 „Среди отчаяннаго боя,
 „Тебѣ невидимо помогъ
 „Сразить отважнаго героя?
 „И управлялъ рукой твоей?
 „Ты побѣдилъ судьбой жестокой.
 „Увы! отъ родины далеко
 „Могила будетъ твой трофей!

„Уже я вижу предъ собою,
 „Я вижу алчущую смерть,
 „Готову надъ моей главою
 „Ужасную косу простерть.
 „Уже желѣзною рукою
 „Она меня во гробъ влечетъ.
 „Прощай, прощай, красивый свѣтъ,
 „Навѣки расстаюсь съ тобою.

„А ты, игривый вѣтерокъ,
 „Лети къ возлюбленной отчизнѣ,
 „Скажи роднымъ, что лютый рокъ
 „Велѣлъ пѣвцу разстаться съ жизнью
 „Далеко отъ страны родной;
 „Но что предъ смертью, погибая,
 „Оцъ пѣлъ о нихъ воспоминая
 „И къ нимъ перелеталъ душой.

„Уже насталъ мой часъ послѣдній.
 „Приди, убійца, я готовъ.
 „Приди, рази, пусть трупъ мой блѣдный
 „Падетъ предъ взорами враговъ.
 „Пусть макъ съ травой ароматной
 „Ростутъ могилы вокругъ моей.
 „А ты, сынъ сѣвера, надъ ней
 „Шуми прохладою пріятной“.

Умолкнулъ, но долго и сами собой
 Прелестной гармоніей струны звучали,
 И медленно въ полѣ исчезъ гласъ печали.
 Армицъ, внѣ себя, съ наклоненной главою,
 Безмолвенъ сидѣлъ среди толпы изумленной, —
 Но вдругъ, какъ отъ долгаго сна пробужденный:
 — „О Скальдъ! что за пѣснь? что за сладостный гласъ?“
 Всклидалъ онъ: „какая волшебная сила

„Мнѣ нѣжныя чувства незапно внушила?
 „Онъ пѣлъ — и во мнѣ гнѣвъ ужасный погасъ.
 „Онъ пѣлъ — и жестокое сердце потрясъ.
 „Онъ пѣлъ — и его сладкозвучное пѣнье,
 „Казалось, мою утолило печальъ.
 „О Скальдъ!.. о Эльморъ мой... нѣтъ. Мщеніе, мщенье!
 „Убійца! возьми смертоносную стальъ..
 „Низвергни олтарь... пусть родные Эгила
 „Счастливыѣ будутъ, чѣмъ горькій отецъ.
 „Иди. Ты свободенъ, волшебный пѣвецъ“.
 И съ радостнымъ воплемъ толпа повторила:
 „Свободенъ пѣвецъ“. Благодарный Эгилъ
 Десницу Армина слезами омылъ
 И предъ благодѣтелемъ палъ умиленный.

Эгилъ возвратился на берегъ родной,
 Куда съ нетерпѣньемъ, подъ кровлей смиренной,
 Ждала его мать съ молодою сестрой.
 Унылый, терзаемый памятью злою,
 Онъ проклялъ свой мечъ и сокрылъ подъ скалою.
 Когда же, задумчивъ, вечерней порой,
 Пѣвецъ любовался волненіемъ моря,
 Унылая тѣнь молодого Эльмора
 Являлась ему на туманныхъ брегахъ.
 Но лишь на востокѣ краснѣла Аврора,
 Сей призракъ, какъ сонъ, исчезалъ въ облакахъ.

К о н е ц ъ .

Поэма Веневитинова печатается нами съ его подлинной рукописи, сохранившейся въ бумагахъ его біографа и издателя его сочиненій А. П. Пятковскаго, который пользовался матеріалами, переданными ему родными поэта. Она занимает особую тетрадку въ семь листковъ, форматомъ въ четвертку. Текстъ, бѣловой, съ немногочисленными карандашными и чернильными поправками, занимаетъ страницы 3—14; на первомъ листкѣ титульная страница, на которой написано: „Освобожденіе Скальда. Скандинавская повѣсть“; на 3-ей стр.: „Освобожденіе Эгилъ. Скандинавская повѣсть“.

По содержанію, по формѣ стиха, еще неумѣлаго, но уже кое-гдѣ сверкающаго блесками таланта, „Освобожденіе Скальда“ принадлежитъ къ ранней молодости Д. В. Веневитинова, созрѣвашаго рано и умершаго въ юности (1805—1827 гг.). Отъ поэмы

вѣтъ полудѣтской наивностью, и вообще она есть одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ эпохи литературной чувствительности, самымъ сильнымъ проводникомъ которой былъ въ Россіи Оссіанъ съ его меланхолическими богатырями, мечтательными пѣвцами, нѣжными дѣвами, со всѣмъ этимъ своеобразнымъ поэтическимъ міромъ, который,

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
 Настриваетъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
 Но скорбь сія мила и сладостна душѣ...

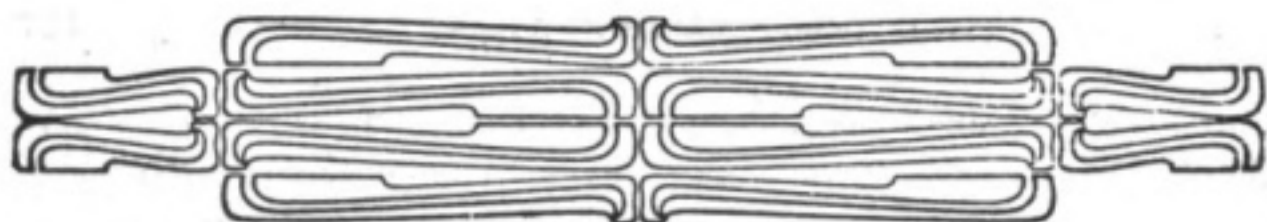
(Н. М. Карамзинъ, „Поэзія“).

Между „Освобожденіемъ Скальда“ и другимъ „оссіановскимъ“ стихотвореніемъ Веневитинова, „Пѣснь Кольмы“, написаннымъ въ 1822 г., разница во всѣхъ отношеніяхъ такъ ощутительна, что мы едва-ли ошибемся, если отнесемъ поэмѣ къ 1819—1820 гг., когда Веневитинову было 14 или 15 лѣтъ. Онъ, какъ и Пушкинъ-лицейскій, какъ почти всѣ современные поэты, принесъ свою дань тогдашнему властителю поэтическихъ думъ, но что несомнѣнно характерно для Веневитинова — это побѣда пѣвца надъ ожесточенными сердцами. Недаромъ писалъ онъ въ расцвѣтѣ таланта:

О муза! я позналъ твое очарованье!
 Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ,
 Я слышалъ трескъ громовъ и бури завыванье:
 Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ!..

Н. Лернеръ.

Воспоминаніе о Бухариныхъ.

Родъ Бухариныхъ древне-дворянскаго происхожденія. „Мужъ честна Павлинъ“ выѣхалъ изъ Нѣмецъ къ великому князю Симеону Іоанновичу Гордому (1340—1353). У него былъ внукъ Наумъ, родоначальникъ Наумовыхъ, а изъ его потомковъ, Григорій Наумовичъ Бухаря былъ родоначальникомъ Бухариныхъ, владѣвшихъ въ 1503 году помѣстьями въ Кашинскомъ уѣздѣ и городомъ Кашиномъ. Иванъ Наумовичъ Бухаринъ находился 2-мъ воеводою сторожеваго полка въ Калугѣ въ 1569 году.

Внесенъ былъ родъ Бухариныхъ по опредѣленію Новгородскаго дворянскаго собранія въ 6-ую часть дворянской родословной книги.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ устныхъ или писанныхъ сказаній о родѣ Бухариныхъ не сохранилось до 1772 года. Въ этомъ 1772 году Государыня Императрица Екатерина II заявила адмиралу Пущину свое желаніе произвести смотръ флоту.

Кстати сказать Императрица, видимо, была очень расположена къ своему адмиралу. Онъ построилъ себѣ одноэтажный деревянный особнячекъ въ концѣ Малой Морской и можетъ быть на новоселіе или по какому-нибудь другому случаю Царица предупредила своего вѣрнаго слугу, что пріѣдетъ къ нему завтракать. Старый морякъ смутился, не зная, какъ достойно принять Высокую гостью, но не надолго. Скоро изъ Дворца принесли сервизъ, стекло и все нужное для сервировки завтрака, а на другой день явился и поваръ съ провизіей. Затѣмъ, послѣ завтрака, все привезенное изъ Дворца было оставлено во владѣніе хозяина и долго въ семьѣ сохра-

нялись уцѣлѣвшіе отъ времени бокалы, тарелки и пр. съ императорскимъ гербомъ. Такъ деликатно умѣла Императрица дѣлать маленькіе подарки! Наградила она адм. Пуцина большими имѣніями въ Минской губ. съ мѣстечкомъ Паричи и обширными лѣсами и фольварками. На долю Бухариныхъ пришлось одно имѣніе по прованію „Качай Болото“, достойное своего названія въ глубокой лѣсной глуши.

Въ назначенный день и часъ Государыня аккуратно прибыла въ Кронштадтъ и не только не была встрѣчена адмираломъ, но въ теченіе четверти часа проводила время среди растерявшихся высшихъ чиновъ флота, не понимавшихъ причины отсутствія Пуцина. Наконецъ явился запыхавшійся адмиралъ.

Императрица сдвинула брови и недовольнымъ тономъ произнесла:

— Адмиралъ, я васъ ждала.

— Матушка Царица, прости, едва переводя духъ, произнесъ сконфуженный старикъ,—первый внукъ только-что родился.

Милая улыбка, особенно свойственная Императрицѣ, озарила ея лицо.

— А! Поздравляю его мичманомъ флота! проговорила она весело, и смотрѣ флота начался по намѣченной программѣ.

Этотъ не во время явившійся на свѣтъ нарушитель этикета былъ Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ, единственный сынъ дочери адмирала Пуцина и капитана I ранга Бухарина.

Неизвѣстно почему новорожденный мичманъ 12-ти лѣтъ былъ пожалованъ сержантомъ Преображенскаго полка, а въ 1791 году, 19-ти лѣтъ, выпущенъ капитаномъ въ армію; морякомъ же сталъ онъ только въ этомъ году, когда дѣдъ взялъ его къ себѣ въ флигель-адъютанты. Видимо большого пристрастія къ морю у него не было, потому что въ теченіе 10-ти лѣтъ его службы во флотѣ за нимъ числились только двѣ морскія кампаніи, на „Славѣ“ и на кораблѣ „Не тронь меня“. Его тянуло на другое поприще и въ 1801 году, уволившись изъ морской службы въ чинѣ капитана I-го ранга, онъ перешелъ на гражданскую службу въ чинѣ коллежскаго совѣтника и, подучившись два года въ канцеляріи министра коммерціи графа Ник. Петр. Румянцева, отправился въ 1804 году въ Астрахань совѣтникомъ казенной палаты.

Въ нынѣшнее время для насъ непостижимы умы и способности нашихъ предковъ, не получавшихъ и десятой доли

тѣхъ знаній, которыми преисполнены головы теперешнихъ гимназистовъ 7-го класса. Сержантъ Преображенскаго полка въ 12 лѣтъ и капитанъ арміи въ 19 лѣтъ, оказался однимъ изъ самыхъ образованныхъ и дѣльныхъ людей своего времени, при благородствѣ понятій и непоколебимомъ и просвѣщенномъ патриотизмѣ. Его долголѣтняя карьера поражаетъ разнообразіемъ мѣстъ служенія и энергичной борьбою со зломъ, которое въ тѣ времена было можетъ быть сильнѣе и ярче обнаруживалось, чѣмъ нынѣ. То „превышеніе власти“, котораго такъ страшатся въ наши дни, когда нужно проявлять энергичную дѣятельность, не останавливало тогдашняго дѣятеля, если онъ дѣйствовалъ по сознанію собственной совѣсти, не останавливали и угрозы суда и утраты положенія.

Безъ всякой протекціи въ 1804 году Иванъ Яковлевичъ былъ уже назначенъ вице-губернаторомъ Кавказской губерніи, черезъ 2 года въ той же должности въ Выборгъ, а въ 1808 г. финляндскимъ губернаторомъ, откуда въ 1811 г. былъ переведенъ въ Рязань.

Къ этому времени онъ былъ уже женатъ на кроткой и доброй Елизаветѣ Ѳедоровнѣ Полторацкой, дочери известнаго Ѳедора Марковича Полторацкаго, вольтерьянца, атеиста и свирѣпаго человѣка, наводившаго страхъ на многочисленныхъ дѣтей и внуковъ.

Надо полагать, что въ губернскихъ правленіяхъ тѣхъ временъ члены не отличались безсребренными нравами или, во всякомъ случаѣ, не строго смотрѣли на мздоимство. Будучи вице-губернаторомъ, Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ былъ пораженъ недобросовѣстностью, съ которой рѣшались дѣла. Разъ ему былъ поданъ журналъ для подписи, въ которомъ ясно проглядывала нечистая подкладка дѣла, и онъ тутъ же приказалъ измѣнить содержаніе резолюціи, указавъ на незаконіе рѣшенія. Когда въ числѣ другихъ докладовъ и журналовъ ему поднесли на слѣдующемъ засѣданіи тотъ же самый журналъ съ первоначальнымъ содержаніемъ, онъ свѣта не взвидѣлъ отъ гнѣва и тутъ же, не стѣсняясь ни зеркаломъ, ни присутствіемъ другихъ членовъ губернскаго правленія, разразился страшной бурей негодованія по адресу виновнаго и объявилъ, что „велить связать его веревками и выкинуть на улицу“, очевидно не имѣя никакого права на такой героическій поступокъ. Смущеніе коллегъ было велико, однако доносъ и жалоба полетѣли немедленно. Нескоро двигались сенатскія дѣла въ то время. Иванъ Яковлевичъ былъ уже губернаторомъ,

когда до Государя въ Эрфуртъ дошло дѣло о Бухаринѣ, позволившемъ себѣ нанести оскорбленіе члену губернскаго правленія въ Присутствіи и передъ зеркаломъ. Государь Александръ Павловичъ, лично знавшій Бухарина, съ любопытствомъ прочелъ его объясненіе, изъ котораго узналъ, что за такіе-то и такіе-то злонамѣренныя поступки онъ пригрозилъ члену губернскаго правленія „связать его узами закона и напомнилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ останется на улицѣ“...

Не сомнѣваясь въ полукوميической патяжкѣ объясненія, Государь усмотрѣлъ всю энергію борьбы съ тогдашней язвой управленія и, отклонивъ преданіе суду бывшаго вице-губернатора, приказалъ кн. Волконскому преподать ему совѣтъ впредь менѣе литературно выражаться. На этотъ разъ вспыльчивость и самоуправныя дѣйствія И. Я. Бухарина благополучно миновали и, какъ сказано выше, въ 1811 году онъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Рязань.

Наступилъ 1812 годъ, нашествіе двенадцати языковъ, самый тревожный годъ въ Россіи. Непріятель уже приближался къ Москвѣ и въ сосѣдней Рязанской губ. кипѣла самая дѣятельная работа. И. Я. Бухаринъ отличался замѣчательной предусмотрительностью и энергіей. Въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Рязань кавалерійскій полкъ, спѣшившій въ армію, уже преслѣдовавшій отступающихъ французовъ, и былъ застигнутъ дождемъ, морозомъ и образовавшейся гололедицей. Лошади не въ состояніи были двигаться дальше, и командиръ полка обратился къ губернатору съ просьбой оказать содѣйствіе къ немедленной оковкѣ лошадей всего полка. По закону слѣдовало назначить торги и съ торговъ сдать оковку лошадей которому-нибудь изъ городскихъ предпринимателей. Но Ив. Яковл. былъ опытенъ и слишкомъ хорошо зналъ и замедленіе въ работѣ и неудовлетворительное ея исполненіе при спѣшности заказа. Не долго думая, онъ обратился къ брату жены, Полторацкому, помѣщику, славившемуся своей кузней и кузнецами, и предложилъ ему немедленно взяться за работу и исполнить ее въ двухдневный срокъ самымъ тщательнымъ образомъ въ виду необходимости кавалеріи спѣшить къ арміи. Дѣйствительно черезъ два дня полкъ выступилъ на остро подкованныхъ лошадяхъ и вскорѣ прибылъ къ мѣсту назначенія. Надо полагать, что цѣна оковки была много значительнѣе той, что взялъ бы подрядчикъ съ торговъ, но Ив. Яковл. объ этомъ не думалъ, озабоченный только одной мыслью—по мѣрѣ силъ спасать Отечество отъ иноплеменнаго врага.

Между тѣмъ личные враги не дремали, и съ оскорбительными для чести навітами не замедлили понестись въ Сенатъ о самоуправствѣ губернатора. изъ-за незаконныхъ дѣйствій котораго казна понесла громадныя убытки.

Иванъ Яковлевичъ не счелъ даже достойнымъ оправдываться въ наведенныхъ подозрѣніяхъ о лихоимствѣ, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности рязанскаго губернатора въ 1814 году и въ теченіе 4-хъ лѣтъ находился „не у дѣлъ“, скромно проживая въ Петербургѣ, пока его дѣло валялось безъ движенія въ Сенатѣ.

Въ началѣ 1819 г. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (впоследствии графъ), бывший тогда Начальникомъ Штаба 2-ой арміи, вахчалъ разъ поутру къ пріятелю своему Бухарину, прося напоить его кофею передъ поѣздкой съ докладомъ къ Государю. Былъ ранній часъ, и Киселевъ приказалъ привезти парадную форму на квартиру Ив. Яковл., чтобъ послѣ кофе переодѣться и ѣхать во Дворецъ.

Дружески пробесѣдовавъ съ пріятелемъ, Киселевъ спросилъ о ходѣ его дѣла въ Сенатѣ.

— Не знаю,—презрительно отвѣчалъ Ив. Яковл., пожимая плечами.— Не стану же я унижаться и оправдываться въ гнусныхъ обвиненіяхъ.

— Однако, другъ мой, нельзя же такъ оставаться безъ должности и подъ судомъ?

— Пусть судятъ, моя совѣсть чиста, не передъ ними мнѣ оправдываться.

— Надо же все-таки что-нибудь сдѣлать, чтобъ выйти изъ этого положенія, тѣмъ болѣе, что и средствъ у тебя мало и служить Россіи ты долженъ.

Но какъ ни убѣждалъ Киселевъ гордаго своего пріятеля, тотъ не соглашался и пальцемъ двинуть въ свое оправданіе въ глазахъ Сената. Наконецъ, Киселевъ спохватился, что пора переодѣваться.

— Послушай, Иванъ Яковлевичъ, я ѣду къ Государю съ докладомъ и, улучивъ минуту, скажу ему о твоёмъ дѣлѣ. Пока я переодѣнусь, напиши мнѣ замѣтку о дѣлѣ и положи въ портфель, а я ужъ дома просмотрю, какъ лучше составить докладную записку. Оставшись одинъ, Ив. Яковл. взялъ листъ бумаги и написалъ... должно быть не много, потому что, когда Киселевъ вернулся одѣтымъ въ парадную форму, бумага уже была въ портфелѣ, и онъ, спѣшно простившись, уѣхалъ.

Впослѣдствіи со словъ Павла Дмитр. Киселева получился слѣдующій разсказъ.

Когда онъ окончилъ свой докладъ по текущимъ дѣламъ и портфель былъ опорожненъ, Государь замѣтилъ еще одну бумагу и спросилъ, почему онъ ее не докладываетъ?

Взглянувъ на заключительныя слова и бѣгло просмотрѣвъ написанное, Киселевъ смущенно отвѣтилъ, что эта бумага не предназначалась для доклада Его Величеству, и тутъ же разсказалъ Государю о своемъ утреннемъ посѣщеніи Бухарина. Тѣмъ болѣе заинтересовался Александръ Павловичъ не подготовленнымъ докладомъ и, помня Бухарина, захотѣлъ узнать содержаніе его записки.

Какъ было изложено дѣло, какими словами выражался честный, гордый сознаниемъ своей правоты и оклеветанный человѣкъ—намъ неизвѣстно въ точности; сохранилось въ воспоминаніяхъ только краткое заключеніе: „Если бъ въ настоящее время Россія была въ томъ же положеніи, а я въ тѣхъ же условіяхъ, то не задумался бы поступить опять точно такъ же“.

Эти воспоминанія и разсказы были переданы мнѣ дочерью Ивана Яковлевича Бухарина, покойной Вѣрой Ивановной Анненковой. Подтверждаются они извлеченіемъ изъ некролога Ив. Яковл. Бухарина, въ которомъ приведены слова Государя Александра Павловича:

„Никогда не читалъ я такихъ рѣзкихъ и убѣдительныхъ оправданій. Кто такъ пишетъ, тотъ не можетъ ничего имѣть на совѣсти“.

Дѣло въ Сенатѣ было немедленно прекращено, Бухарину пожалована Анненская лента, и онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань. Это было въ началѣ 1819 г., а черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Кіевъ.

Ив. Як. Бухаринъ, по разсказамъ сверстниковъ его и окружавшей его въ старости молодежи, былъ удивительно обаятельной личностью. Замѣчательно образованный, энергичный, онъ былъ къ тому же истый баринъ, *grand seigneur* екатерининскихъ временъ, какъ по просвѣщенному и благородному образу мысли, такъ и по внѣшности и утонченной воспитанности. Состояніе его было скромное, и онъ всегда нуждался въ деньгахъ при широкости своихъ замашекъ и утонченныхъ вкусахъ.

Разсказываютъ, что съ первыхъ шаговъ его губернаторства въ Кіевѣ, онъ обворожилъ польское общество своимъ изяществомъ и деликатностью. И вотъ, въ одинъ прекрасный день,

зная о его стѣсненныхъ средствахъ и желая ему помочь, а можетъ быть и провѣрить его, ему прислали великолѣпный паштеть, въ которомъ онъ къ своему изумленію нашелъ тщательно завернутый свертокъ червонцевъ. Такъ какъ паштеть былъ присланъ отъ дамы, онъ не счелъ нужнымъ подымать исторіи, а ограничился возвращеніемъ свертка черезъ своего камердинера съ устной передачей благодарности за паштеть и просьбой остального никогда не повторять.

Въ Кіевѣ продолжалась та же борьба съ окружающимъ зломъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ. Объ одномъ изъ такихъ эпизодовъ повѣствуетъ графъ Олизаръ въ своихъ мемуарахъ, переведенныхъ и напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1893 г. въ №№ 8 и 9.

Графъ Густавъ Олизаръ, 20-ти лѣтній польскій магнатъ, владѣлецъ знаменитаго имѣнія Коростышева въ Волынской губ. и другихъ имѣній въ Радомысловскомъ уѣздѣ Кіевской губ., по желанію польскаго дворянства, баллотировался въ волынскіе губернск. предводители дворянства, но по интригамъ волынск. губернатора Гижицкаго (тоже польскаго аристократа) избраніе не состоялось, послѣ чего польское дворянство выдвинуло его кандидатомъ на выборахъ Кіевской губ.

„Кіевскій губернаторъ Бухаринъ, пишетъ Олизаръ, былъ человѣкъ прямой и уважающій волю дворянъ, а потому, несмотря на выставленныя Гижицкимъ препятствія, выборы были утверждены“...

Изъ послѣдующаго содержанія интересныхъ мемуаровъ гр. Олизара видно, что онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и командующимъ войсками Раевскимъ, въ дочь котораго, Марію, впослѣдствіи жену декабриста, княгиню Волконскую, онъ страстно влюбился. Между прочими своими воспоминаніями онъ рассказываетъ о своемъ столкновеніи съ вице-губернаторомъ Катериничемъ, въ которомъ столкновеніи принималъ участіе и губернаторъ Бухаринъ.

Въ то время содержаніе почтовыхъ лошадей отдавалось съ торговъ каждое трехлѣтіе. Принимавшій на себя подрядъ получалъ въ подмогу извѣстную сумму изъ земскаго губернскаго сбора. Съ давняго времени содержателемъ почтъ въ губерніи былъ кіевскій „войтъ“, богатѣйшій купецъ Киселевскій и почты у него содержались въ отличномъ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе при каждахъ торгахъ приходилось ему солоно отъ вымогательствъ вице-губернатора, завѣдывавшаго тоже и казенной палатой. Наконецъ это ему надоѣло, и передъ торгами

онъ объявилъ Олизару, что согласенъ взять на триста тысячъ менѣе, лишь бы избавиться отъ необходимости откупаться отъ казенной палаты при совершеніи всякаго новаго торговаго условія.

Удивленный Олизаръ спросилъ, что же можетъ сдѣлать вице-губернаторъ?

— Очень просто, отвѣчалъ Киселевскій. Въ случаѣ бы я отказалъ въ требованіяхъ вице-губернатора, онъ пошлетъ на торги своихъ агентовъ, которые будутъ сбивать цѣны, зная, что въ случаѣ за ними останется убыточный подрядъ, будетъ исхлопотана дополнительная субсидія.

„Выслушавъ подробности разказа и условившись съ Киселевскимъ, пишетъ Олизаръ, я рѣшился оградить интересы правительства и дворянства, на которые приходилась главная доля земскаго взноса, отъ столь наглой эксплуатаціи, а потому и переговорилъ обо всемъ съ Бухаринымъ“.

Ив. Як., никогда не упускавшій случая бороться съ лихоимствомъ, царствовавшемъ безнаказанно въ то время, согласился вполне съ Олизаромъ, и они совместно составили планъ дѣйствія.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, что Олизаръ возьметъ подрядъ отъ имени всего кievскаго дворянства. Для этого онъ получилъ отъ уѣздныхъ предводителей уполномочіе взять подрядъ съ тѣмъ, чтобъ дворянство въ качествѣ залога отвѣчало всѣмъ своимъ имуществомъ и получило право передать подрядъ подъ своей отвѣтственностью третьему лицу. Зная, въ какомъ размѣрѣ Киселевскій согласенъ уменьшить требованіе субсидіи, онъ могъ сразу на столько сбавить цѣну, что навелъ панику на агентовъ Катеринича: Киселевскій одинъ выступилъ съ пониженіемъ, такъ что подрядъ остался за нимъ.

„Дѣло казалось оконченнымъ, но не тутъ - то было, продолжаетъ Олизаръ. Вице-губернаторъ, на обязанности котораго слѣдовало составить журналъ торговаго присутствія, просилъ, подъ предлогомъ поздняго времени, позволенія исполнить эту обязанность послѣ, обѣщая намъ прислать журналъ для подписи на домъ. Не подозрѣвая злого умысла, Бухаринъ и остальные члены согласились. Слѣдующій день былъ воскресенье, а въ понедѣльникъ вице-губернаторъ, къ изумленію нашему, устроилъ намъ оригинальный сюриризь. Онъ сообщилъ, что послѣ засѣданія поступило новое предложеніе, соглашавшееся взять пятью тысячами менѣе, а потому, въ виду того, что журналъ еще не состоялся, онъ предложилъ открыть торги наново. Посовѣто-

навшись съ Бухаринымъ, мы условились, что онъ собереть присутствіе, а я на немъ запротестую противъ возобновленія торговъ.

Такъ и было сдѣлано. Олизаръ, сославшись на то, что торги фактически уже окончены, что объявленіе объ этомъ уже сдѣлано лицу, взявшему подрядъ, добавилъ, что достоинство правительства и присутствія не можетъ допустить нарушенія условія, уже принятаго и словесно объявленнаго. Губернаторъ и совѣтникъ казенной палаты Каменскій приняли сторону Олизара, а вице-губернаторъ, прокуроръ и другой членъ палаты подали противное мнѣніе. Хотя при равенствѣ голосовъ перевѣсила сторона предсѣдателя и подрядъ былъ оставленъ за получившимъ его изъ торгахъ, противники подали жалобу министру внутреннихъ дѣлъ.

Курьезно окончаніе этого дѣла. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришелъ отвѣтъ. Министръ внутр. дѣлъ, хотя утверждалъ мнѣніе губернатора, но поставилъ ему на видъ незаконность такового. Олизаръ не получилъ ордена, къ которому былъ представленъ. Совѣтникъ палаты Каменскій былъ переведенъ въ Могилевскую губернію. Министръ же финансовъ, игнорируя экономію отъ пониженія субсидіи, возбудилъ вопросъ, кто долженъ вознаградить казну за потерю по 5.000 руб. въ годъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, которая была бы избѣгнута, если бъ подрядъ остался за неторговавшимся лицомъ? Сенатъ опредѣлилъ взыскать 15.000 руб. съ губернатора и съ губернскаго предводителя дворянства.

„Первый, т. е. губернаторъ, былъ человекъ небогатый, заканчиваетъ Олизаръ повѣсть о неудачной борьбѣ обоихъ съ недобросовѣстностью, а потому нравственный долгъ заставилъ меня принять всю сумму взысканія на себя. Вскорѣ послѣ этого благородный Бухаринъ былъ переведенъ въ другую губернію.

Однако въ этомъ 1822 году Ив. Яковл. заболѣлъ и временно оставилъ службу, отправившись къ себѣ въ деревню въ Харьковск. губ., гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Такой длинный срокъ добровольнаго удаленія отъ служебной дѣятельности трудно объяснить болѣзью. Можно скорѣе подозрѣвать уязвленіе гордости непреклоннаго русскаго барина, подвергавшагося не разъ суду сенаторовъ за свою самостоятельную дѣятельность, даже самоуправную, согласовавшуюся только съ велѣніями собственной совѣсти. А можетъ быть иныя вѣянія въ управленіи свыше съ Аракчеевымъ во главѣ и рядомъ съ ними носившіеся въ воздухѣ признаки подготовлявшагося заговора были не по

сердцу умнаго и честнаго барича? Объ этомъ не сохранилось преданій въ семьѣ, но только въ 1827 году Ив. Як. Бухаринъ вернулся на службу архангельскимъ губернаторомъ. откуда въ 1830 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника назначенъ сенаторомъ въ Москву. Не долго пробылъ онъ въ этой должности и черезъ два года подалъ въ отставку. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ онъ овдовѣлъ, а въ 1830 или въ 31-мъ году дочь его, Вѣра Ивановна, вышла изъ Смольнаго монастыря и пріѣхала къ нему въ Москву. Сынъ его былъ еще въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Не долго выѣзжала красивая и умная В. И. Бухарина. Она скоро вышла замужъ за адъютанта В. Кн. Михаила Павловича, молодого полковника Ник. Ник. Анненкова, впоследствии генер. - адъютанта, министра контролера и одесскаго генералъ-губернатора во время Крымской войны. Можно кстати упомянуть, что въ первый же годъ женитьбы Анненковъ взялъ подъ свою опеку имѣнія Ив. Яковл., назначенныя уже къ продажѣ съ публичныхъ торговъ за долги. Сынъ Вѣры Ивановны, Мих. Ник. Анненковъ, болѣе другихъ внуковъ И. Я. Бухарина унаслѣдовалъ его энергію, такъ ярко проявившуюся въ постройки Закаспійской жел. дороги.

Подавъ въ отставку, И. Я. безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, и никогда ни одинъ сановникъ, ни богачъ, ни знаменитость не пользовался такою завидною популярностью, какъ этотъ частный человѣкъ, въ которомъ никто не нуждался для какихъ-либо личныхъ видовъ или корыстныхъ цѣлей. Онъ привлекалъ всѣхъ, и старыхъ и молодыхъ, одними высокими качествами ума и сердца, привѣтливостью въ обращеніи и увлекательными разсказами о прожитомъ, о видѣнномъ и слышанномъ въ теченіе своей долгой и разнообразной жизни. Наблюдательность и память его были изумительны: онъ помнилъ годы царствованія Императрицы Екатерины, все царствованіе Императора Александра I-го и одновременно съ живымъ интересомъ слѣдилъ за современнымъ теченіемъ жизни въ области политики, науки, искусства, литературы: все благородное, изящное было ему всегда близко и дорого.

„Характеристическою чертой его личности, читаемы мы въ его некрологѣ, была печать какого-то неизъяснимаго изящества, наложенная на его умъ и чувства какъ бы самой природою... Иванъ Яковлевичъ былъ художникъ въ душѣ, онъ страстно любилъ музыку, живопись, хорошіе стихи, которые превосходно читалъ, благоговѣлъ передъ всѣмъ прекраснымъ... Квартира его была вся увѣшана картинами и цвѣтами...”

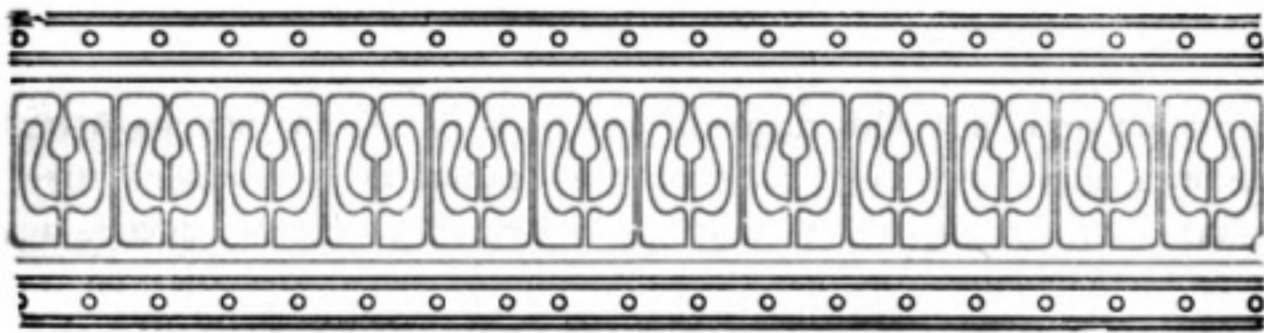
Умеръ онъ въ 1858 году 86-ти лѣтъ отроду, сохранивъ до послѣдняго дня память и полное сознаніе, посѣщаемый молодежью во время мучительной болѣзни и успокоиваясь отъ страданій, когда въ сосѣдней комнатѣ ему наигрывали мелодіи изъ „Нормы“ или „Сомнамбулы“. Особенно часто посѣщалъ и любилъ его братъ его невѣстки, Болесл. Мих. Маркевичъ, впоследствии извѣстный писатель-романистъ. По горячо написанному некрологу можно судить, какою любовью пользовался этотъ величавый по внѣшности и снисходительный, умный и благородный старикъ. На памятникѣ его могилы написано:

„На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта“.

Выдающаяся личность И. Я. Бухарина можетъ служить, если не образцомъ, то во всякомъ случаѣ образомъ русскаго барина конца 18-го до половины 19-го столѣтій. Утонченное воспитаніе, не мудрое первоначальное образованіе, доведенное впоследствии имъ самимъ до высокой степени культурности, самостоятельность, доходившая до своеволія, гордость, считавшаяся только съ собственною совѣстью, гражданское мужество, не страшившееся ни суда, ни утраты положенія и карьеры, когда въ дѣло была замѣшана борьба съ преступной недобросовѣстностью—всѣ эти черты характера были болѣе или менѣе присущи людямъ того времени, оставившимъ за собою память въ исторіи.

В. Лѣсницкая.

Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента.

Среди казанскихъ студентовъ моего времени, а это было вторая половина шестидесятыхъ годовъ, въ большомъ ходу былъ рассказъ объ одномъ необычайно странномъ происшествіи, которому, казалось, бы, всего менѣе было мѣсто среди учащейся молодежи, но, удивительное дѣло, студенты, народъ вообще не религіозный, серьезно относились къ этому рассказу, нисколько не сомнѣваясь въ полной дѣйствительности рассказываемаго.

Когда имѣло мѣсто это происшествіе, точно опредѣлить невозможно, но въ немъ играютъ роль казеннокоштные студенты, а такъ какъ институтъ этотъ упраздненъ Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1858 г., то, очевидно, происшествіе это, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, могло быть никакъ не позже 1858 года.

Казанскій университетъ помѣщается на Воскресенской улицѣ. Это Невскій проспектъ Казани, въ двухъэтажномъ не особенно красивомъ каменномъ зданіи, съ колоннадою вдоль улицы. Въ нижнемъ этажѣ этого дома, во всю длину его, идетъ темный корридоръ, освѣщавшійся въ мое время, въ теченіе всего дня, лампами. По обѣ стороны этого корридора—расположены комнаты, выходящія окнами частью на улицу, частью во дворъ. Въ этихъ комнатахъ и помѣщались казеннокоштные студенты по два, по три на комнату, а нѣкоторые, особенно студенты старшихъ курсовъ, были размѣщены и по одному. Окнами на улицу выходили очень не многія изъ занятыхъ студентами комнатъ, и ими особенно дорожили не только живущіе въ нихъ, но и всѣ казеннокоштные, вѣроятно потому, что по правиламъ

университета, всё они должны были въ 9—10 ч. вечера быть на-лицо подъ угрозой карцера, опоздавшимъ оставалось проникать черезъ ворота, уплачивая известную мзду сторожу, но какъ казеннокоштные были сплошная бѣднота, то имъ не по силамъ былъ такой расходъ. Вотъ тутъ - то и приходили на помощь комнаты съ окнами на улицу: стоило оставить окно незапертымъ и пользоваться имъ, какъ входной дверью. Такимъ образомъ комнаты эти обслуживали не только своихъ обитателей, но и всѣхъ товарищей по интернату.

А какая бѣднота была въ Казанскомъ университетѣ, даже въ мое время—вотъ тому живые примѣры: группа студентовъ проживала тогда въ двухъ домахъ Омина и Львова, именовавшихся почему-то Оминскимъ и Львовскимъ скитами; одинъ изъ этихъ домовъ былъ опечатанъ полиціею, какъ предназначенный за ветхостью къ сломкѣ. Въ этомъ-то домѣ, съ разрѣшенія полицеймейстера, известнаго тогда всему Поволжью Х. Н. Мосолова, поселилось 5—6 студентовъ. Имъ была предоставлена даровая квартира съ правомъ употреблять на отопленіе ненужныя имъ части строеній: сарай, перегородки въ домѣ и даже, въ случаѣ особой нужды, крыльцо. У этой группы было только два полныхъ комплекта одежды, въ которыхъ можно показаться на улицѣ; въ нихъ они ходили по очереди на лекціи и отправлялись въ разнаго рода экскурсіи; чѣмъ они питались—Господь вѣдаетъ. Помню я, однажды, рассказывали они намъ съ восторгомъ, „что имѣли сегодня превосходный куриный супъ“. Оказалось, что у сосѣдки скончалась естественною смертию курица—они ее заплучили будто бы для какихъ-то опытовъ и съѣли. „И какая была жирная покойница, какой чудный супъ вышелъ“, восхищались они. Помнится другой случай; наша группа—а я жилъ съ четырьмя товарищами—по случаю полученія однимъ изъ насъ изъ дому денегъ, порѣшили устроить банкетъ. Купили бутылку водки, булокъ, колбасы, сыру, горшокъ молока и шоколадъ, рассчитывая выпить, закусить, сварить шоколадъ, чѣмъ и завершить пиршество. Въ ожиданіи этого пиршества, пошли мы прогуляться, возвращаемся, и что же? Видимъ пустую бутылку изъ-подъ водки, пустой горшокъ отъ молока, на полу обрывки бумаги отъ шоколада, а въ нашей комнатѣ благодушно улыбающихся скитчанъ. Оказалось, что случайно одинъ изъ нихъ во время нашего отсутствія зашелъ къ намъ и, увидя обиліе съѣстныхъ припасовъ, моментально далъ знать своимъ, тѣ нагрянули и все уничтожили. На наши упреки они отвѣтили

вопросомъ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на него: „Вы сегодня обѣдали? Такъ вѣдь? А мы нѣтъ“. Что же можно было сказать противъ такого довода?

А какъ находчива нужда. Одному изъ скитчанъ хозяйка нашей квартиры подарила подкладку отъ стараго пальто. Онъ ухитрился сшить изъ нея пиджакъ, да и какъ ловко устроилъ это. Собственноручно распоролъ онъ свой довольно печальнаго вида пиджакъ, по нему выкроилъ такой же изъ коленкора, а затѣмъ собственноручно же сшилъ ихъ оба. Приходя къ намъ въ этомъ своей работы пиджакѣ, онъ съ радостью говорилъ: „а вѣдь недурно сидитъ? а? право очень недурно“.

Въ числѣ этихъ скитчанъ былъ одинъ въ своемъ родѣ Ломосовъ, онъ прибылъ въ Казань изъ Сибири съ обозомъ и добродушно, со смѣхомъ рассказывалъ, какъ онъ мерзъ въ своемъ неподходящемъ къ климату костюмѣ дорогою, которую продѣлалъ частью пѣшкомъ, частью на возу, куда его сажали изъ жалости обозчики.

Если кто изъ знакомыхъ скитчанамъ студентовъ добывалъ урокъ, конечно такой, который не особенно соблазнялъ его, онъ предоставлялъ его скитчанамъ; тѣ тщательно обсуждали, который изъ нихъ былъ бы наиболѣе подходящимъ для этого дѣла, совокупно обмундировывали его наличнымъ платьемъ, а гонораръ шелъ, разумѣется, въ общую кассу.

Такъ жила эта бѣдность въ мое время; никакихъ благотворительныхъ обществъ въ Казани тогда не имѣлось, да, думается, скитчане и не взяли бы предложенныхъ имъ пособій; все, чѣмъ пользовались они отъ университета—это освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, гонорара тогда не было.

А между тѣмъ изъ этихъ скитчанъ вышли одинъ хорошій профессоръ и одинъ ведурной врачъ - практикантъ, извѣстный всему Поволжью.

Лѣтъ черезъ десять по окончаніи курса, мнѣ случилось быть въ Казани, и я встрѣтилъ на улицѣ одного изъ скитчанъ, нѣкоего Г., бывшаго тогда уже профессоромъ химіи въ Казанскомъ университетѣ. Въ модномъ пальто, въ цилиндрѣ, ярко красныхъ, какъ носили тогда, перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ шелъ онъ по Воскресенской; мы разговорились. „А помнишь ты куринный супъ и коленкоровый пиджакъ?“ спросилъ я. „Ну какъ же не помнить. Какое, другъ мой, чудное время было! Его уже не вернешь“, съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ онъ.

Казеннокоштные, въ громадномъ большинствѣ, такіе же круглые бѣдняки, находились конечно въ лучшемъ положеніи:

они были болѣе или менѣе сыты, одѣты и имѣли приличное помѣщеніе.

Возвращаюсь къ разсказу.

Однажды въ квартирѣ одного изъ сравнительно-зажиточныхъ студентовъ на Старо-Горшечной улицѣ, собралось нѣсколько товарищей; толковали о прочитанномъ, о лекціяхъ, объ экзаменахъ и профессорахъ, а затѣмъ перешли къ разнаго рода анекдотамъ и разсказамъ изъ дѣйствительной жизни; появились импровизаторы, тутъ же сочинявшіе разнаго рода повѣствованія; бесѣда особенно оживилась, когда коснулись нравовъ и образа жизни духовенства и, мало-по-малу, разсказы стали принимать явно кощунственный характеръ.

Было уже около 11 ч. вечера; въ числѣ собесѣдниковъ находился казеннокоштный студентъ, и не думавшій собираться домой, такъ какъ жилъ въ комнатѣ, выходящей окномъ на улицу, и помѣщался въ ней одинъ, а стало быть несвоевременнымъ возвращеніемъ не могъ никого обезпокоить. Это былъ добрый товарищъ, обыкновенно веселый и жизнерадостный и къ религіознымъ вопросамъ относившійся такъ же легко, какъ и большинство студентовъ. Онъ до сихъ поръ мало принималъ участія въ разговорѣ, но вдругъ вспомнилъ, а можетъ быть и придумалъ особенно пикантный разсказъ изъ области религіи; воспользовавшись минутною паузою, онъ сказалъ: „А хотите, братцы, я вамъ разскажу исторію преинтересную. Послушайте-ка“. Всѣ насторожились, такъ неожиданно было это предложеніе молчавшаго до сихъ поръ студента; общее вниманіе было обращено на него, и всѣ ждали его разсказа, но онъ вдругъ поблѣднѣлъ, замолкъ и, какъ-то тяжело дыша, уставился глазами въ одну точку, а затѣмъ, упавшимъ голосомъ, сказалъ: „я пойду домой, господа“. Да что съ тобою? Что за блажь на тебя нашла? Давай твой разсказъ, раздались голоса.

— Нѣтъ, я пойду домой, упорно отвѣтилъ тотъ.

— Какая муха тебя укусила?—сиди, да разсказывай.

— Я пойду домой, повторилъ онъ, взявъ фуражку и ушелъ.

— Что съ нимъ случилось? Вотъ странный человѣкъ!—потолковали, потолковали остальные и, порѣшивъ вопросъ словами, ну, да чортъ съ нимъ совсѣмъ, продолжали прерванную бесѣду.

Прошло около часу, дверь отворилась, и появился тотъ же казеннокоштный, блѣдный, задыхающійся и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „я у васъ останусь ночевать“.

Всѣ были въ полномъ недоумѣніи, стали было его разспра-

шивать, но онъ не отвѣчалъ ни слова, и все время, пока оставались гости, сидѣлъ молча, видимо удрученный, опустивъ голову на руки, а когда компанія разошлась, такъ же молча улегся на свободномъ диванѣ въ комнатѣ товарища, когда же послѣдній проснулся утромъ—гостя уже не было.

Онъ вернулся часамъ къ 9 утра и рассказалъ слѣдующее.

— Помнишь, вчера я хотѣлъ рассказать анекдотъ съ крайне язвительными насмѣшками надъ религіей, обрядами, а въ особенности надъ иконами; я уже разинулъ ротъ, набравъ воздуха какъ увидѣлъ передъ собою человѣка, именно человѣка: то было не видѣніе, не тѣнь, а живой человѣкъ изъ плоти и крови. Передо мною стоялъ старичекъ, съ сѣдою, коротко остриженной бородою и большою, во всю голову, лысиною; на немъ было что-то въ родѣ архіерейскаго облаченія; голова была непокрыта; въ высшей степени доброе лицо его было строго, и эта строгость, эти сжатія губы и нахмуренныя брови какъ-то не шли къ его добродушной фізіономіи. Онъ строго, строго посмотрѣлъ на меня и погрозилъ мнѣ пальцемъ; я обомлѣлъ, впившись въ него глазами, но онъ исчезъ и исчезъ такъ же быстро, какъ появился... былъ тутъ и его не стало.

Не скажу, чтобы я особенно испугался, нѣтъ, но мнѣ страшно захотѣлось идти домой и почему-то непременно сію минуту, то было неотразимое желаніе, и я не могъ преодолѣть его. Помнится, вы меня уговаривали остаться, но я ушелъ. Дорогою со мною ничего особеннаго не случилось, голова моя была совершенно свѣжа, только меня что-то угнетало, какая-то тоска напала. О чемъ я думалъ дорогою—не помню, только никакъ не о бывшемъ мнѣ видѣніи, я, какъ будто, забылъ о немъ. Такъ я дошелъ до университета, подошелъ къ моему окну и увидѣлъ, что оно освѣщено. Меня это особенно не удивило: я подумалъ, что въ моей комнатѣ кто-нибудь изъ товарищей, но, взглянувъ въ окно, я остановился въ изумленіи и замеръ: представь себѣ на моей кровати, въ обычной позѣ, лежалъ я, держа въ одной рукѣ книгу, въ другой папиросу, у кровати, какъ это обыкновенно бывало, стоялъ мой деревянный табуретъ, а на немъ горѣвшая свѣча. Словомъ, это былъ я, собственною персоной и въ обычной обстановкѣ; лежалъ я безъ сюртука въ одной рубашкѣ, я даже замѣтилъ оторванную пуговицу на воротѣ рубахи, даже разглядѣлъ дырку близъ этой пуговицы... я окаменѣлъ, нѣсколько разъ протиралъ глаза и видѣлъ все такъ же ясно, какъ вижу теперь тебя, Добро бы былъ пьянъ, но вѣдь ты хорошо знаешь, что я весь

вечеръ былъ у тебя на глазахъ и что мы ничего не пили, хоть бы я думалъ о чемъ-либо подходящемъ—клятвенно удостоверяю, что, ни во время бесѣды нашей, ни собираясь разсказать свой анекдотъ, ни, наконецъ, даже дорогою, уже послѣ появленія таинственнаго старца, я ни о чемъ сверхъестественномъ не думалъ. Какъ это ни странно, но самое появленіе старца, не скажу, чтобы испугало или удивило меня, мнѣ только страшно, томительно страшно захотѣлось домой. Это было единственно, что я чувствовалъ.

Сколько времени я стоялъ у окна, не знаю, вѣроятно нѣсколько секундъ, но мнѣ казалось, что я стою тутъ долго, долго. Вдругъ моментально свѣтъ горѣвшей свѣчи—погасъ, и комната погрузилась въ полную темноту. Вотъ тутъ, сознаюсь, мнѣ стало страшно; по спинѣ забѣгали мурашки; казалось мнѣ, что волосы поднимаются дыбомъ; я почти бѣгомъ вернулся сюда и остался у тебя ночевать; говорить мнѣ не хотѣлось, мнѣ тяжело было видѣть товарищей, я, какъ помнишь, все время молчалъ и ни слова не сказалъ весь вечеръ. Большое спасибо тебѣ и товарищамъ, что не приставали ко мнѣ съ разспросами; вѣроятно вмѣсто отвѣта я обругалъ бы васъ всѣхъ.

Уснулъ я скоро и спалъ спокойно, какъ всегда, безъ сновидѣній, а утромъ, пока ты спалъ, отправился домой. У университета я засталъ толпу народа и полицію; оказалось, что ночью въ моей комнатѣ упала штукатурка: свалилось ея съ потолка нѣсколько пудовъ, и вся эта груда рухнула на головную часть моей кровати, при чемъ тяжестью своею раздавила ее: у кровати сломаны обѣ переднія ножки и совершенно раздроблена спинка; даже моя подушка и та оказалась пробитою вѣроятно острыми углами упавшихъ кусковъ штукатурки. Представь себѣ, что бы было изъ меня, если бы эта масса упала, когда я спалъ на кровати! думаю, что и костей не осталось бы. Вотъ что, другъ мой, случилось со мною вчера.

— „А можетъ быть паденіе штукатурки плодъ такой же галлюцинаціи, какъ и видѣніе старца? спросилъ, прослушавшій всю эту исторію, студентъ.

— Господи, Боже мой, пойдемъ сейчасъ же и посмотримъ; тамъ и теперь вѣроятно стоитъ толпа любопытныхъ, отвѣтилъ разсказчикъ.

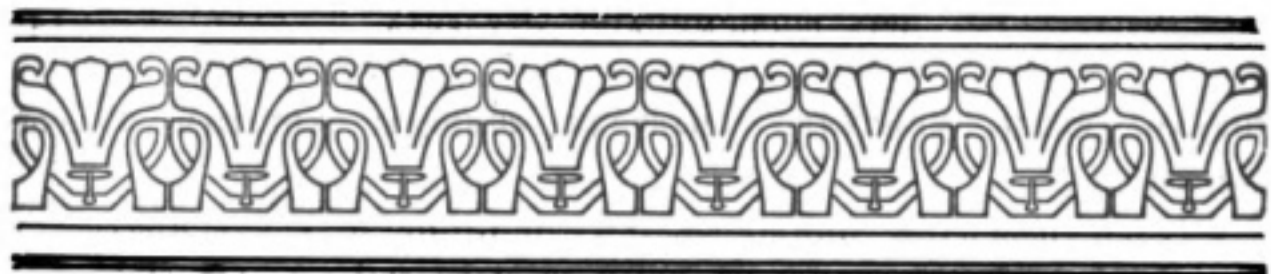
Они пошли и убѣдились въ дѣйствительности происшествія. О паденіи штукатурки зналъ уже весь университетъ и чуть ли не весь городъ, а растерявшіяся власти успокоились тогда

только, когда увидѣли обитателя комнаты живымъ и здоровымъ.

Этотъ разсказъ пришлось ему повторить неоднократно, и очень немногіе отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, и мнѣ, много лѣтъ спустя, слышавшему эту исторію, передавали ее, какъ нѣчто необычайное, сверхъ естественное, трудно объяснимое, но тѣмъ не менѣе вполне истинное, не подлежащее сомнѣнію, происшествіе.

Ив. Мѣщаниновъ.

Петръ Великій лѣкаръ.

Въ первой книжкѣ издававшася въ Москвѣ Обществомъ соревнованія врачебныхъ и физическихъ наукъ журнала, вышедшей въ 1808 году и являющейся большой библиографической рѣдкостью, имѣется интересное сообщеніе о медицинской дѣятельности Петра Великаго. Помѣстилъ этотъ „Анекдотъ о врачебныхъ познаніяхъ Государя Императора Петра Великаго“ членъ указаннаго общества, докторъ медицины и кавалеръ Иванъ Григорьевичъ Миндеръ, въ то время главноначальствующій надъ медицинской частью въ Запѣпровской арміи.

„Извѣстно, пишетъ Миндеръ, что блаженной и вѣчной памяти Государь Императоръ Петръ Великій особенную имѣлъ склонность къ врачеванію, что съ любимцемъ своимъ лѣкаремъ Тирмондомъ хаживалъ по домамъ къ частнымъ людямъ, дабы либо быть зрителемъ предпринимаемыхъ лѣкарскихъ рукодѣйствій, либо самъ оную должность отправлялъ. Г. Штегелинъ повѣствуетъ, что Онъ здѣсь у одной Голландской купчихи, одержимой водяною болѣзнію, своеручно исцѣдилъ воду, да и понынѣ еще въ саду при Московскомъ Военномъ Госпиталѣ существуетъ та липа, подъ которою Онъ самъ у больныхъ перевязывалъ раны, отворялъ кровь, выдергивалъ зубы, и при всѣхъ предпринимаемыхъ операціяхъ либо помощникомъ былъ, либо самъ оныя исполнялъ. Сколь далеко простирались врачебныя познанія Его Величества, явствуетъ изъ слѣдующаго письма, которое нашелъ въ архивѣ Московскаго Военнаго Госпиталя конторы, почитаю достойнымъ обнародовать для памяти и славы сего человѣколюбиваго Монарха. Сіе письмо

писано къ тогдашнему, при оной госпитали находившемуся лейбъ-медику Его Императорскаго Величества Бидлоо“.

Слогъ письма, сообщаетъ редакція „Медико-физическаго журнала“¹⁾, удержанъ во всей точности найденнаго оригинала.

Благородный и Превосходительный Господинъ!

Господинъ Докторъ! Милостивый Государь!

Николай Албертовичъ!

Его Императорское Величество изволилъ всемилостивѣйше собственнымъ своимъ трудолюбіемъ присмотрять неисцѣлимыя тягостныя раны мои сквозь горло и грудныя части, гдѣ нынѣ пуля стоитъ съ положеніемъ кнота не малого; какъ дивно натура многотрудное лѣченіе къ совершенному возвращенію здравія успѣла; между которыми паки смотрѣлъ Его Все-милостивѣйшее Величество, и что нога перебита правая выше колѣна, круглая на полъ и нѣсколько оной кости вонъ вынута и приложена той кости край съ краемъ и по нѣскольку времени облилась хрящемъ и тако сжилась, только противъ другой ноги короче стала на три вершка, а пряма такъ какъ и другая, но только оной согнутія нямало не было, что Его Всѣмилостивѣйшее Императорское Величество изволилъ и свидѣтельство-вать разсудительно, милостиво объявилъ собственное свое лѣкарство, которое при разсужденіи изволилъ милостливо увѣще-вать, чтобы оное паки къ вѣроятію было, понеже оное есть внѣ аптекъ, но токмо ихъ Высокочеловѣчества собственною прак-тикою, что объявляется: взять ноги скотскіе, а вѣще отъ коровъ или отъ лошадей, и оныя, очистя съ нихъ шерсть, варить въ водѣ довольно, дондеже грубія кости отъ кожи от-валятся, и оное разливъ въ горшечки застудить и будетъ ква-шенина, и тѣмъ повелѣно было разогрѣвъ гораздо, намазывать на ветоши и окладывать колѣно кругомъ и горячимъ поливать, и какъ отъ оногo взогрѣется гораздо, велѣно сильно въ колѣнѣ оную ногу гнуть, и оное дѣйство имѣть девять дней, и по окончаніи того дѣйства въ третій день означенная въ колѣнѣ нога такъ крѣпко хруснула на такой экземпль якобы пере-ломить палку, и съ того времени стала нога гнуться въ колѣнѣ,

¹⁾ „Первая часть сего журнала вышла въ свѣтъ незадолго до наше-ствія непріятеля. Нѣкоторое количество экземпляровъ было распродано, а большее число погибло“, говорится въ предисловіи ко второй части также погибшей и переизданной въ 1821 году.

а нынѣ уже гнется свободно съ помянутаго лѣкарства и гораздо свободно, что даетъ и на лошадь сѣсть верхомъ, что никогда послѣ означенныхъ ранъ не бывало, и то нынѣ имѣю себѣ отъ Всемогущаго Бога и милостливымъ трудолюбіемъ Императорскаго Величества въ вѣчномъ моемъ благодареніи и за вѣрно признаю оную практику, и паки предаю благодареніе какъ гражданскаго такъ и церковному, остаюсь въ упованіи надежномъ Дому Его Императорскаго Величества походной канцеляріи Судья Маэоръ Андрей Елагинъ.

Февраля 20 дня,
1728 года.

У больного судьи Елагина, какъ мы видимъ, среди другихъ раненій имѣлся очень беспокоившій его переломъ лѣвой бедренной кости, приковывавшій его къ постели. Благодаря продолжительной неподвижности, необходимой для успѣшнаго лѣченія перелома, образовался анкилозъ въ колѣнномъ суставѣ. Горячія припарки, разрывъ, ежедневная гимнастика принесли уничтоженіе сращеній и возвратили ногѣ потерянные движенія.

Сообщилъ д-ръ Л. Прозоровъ.

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ

1813 и 1814 года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

IV ¹⁾.

Характеръ и личность Императора Александра I выступаютъ рельефнѣе всего и вырисовываются въ наиболѣе яркомъ освѣщеніи въ періодъ Отечественной войны и послѣдовавшихъ за ней походовъ, вплоть до послѣдняго засѣданія Вѣнскаго конгресса. Упомянутые три года представляли кульминаціонный пунктъ его дѣятельности,—какъ правителя государства. Въ борьбѣ съ *Наполеономъ* онъ проявилъ всю свою силу воли, свою ловкость, свое терпѣніе и упорство. Возвышаясь значительно надъ интеллектуальнымъ уровнемъ всѣхъ окружающихъ его въ ту пору монарховъ—за исключеніемъ одного *Наполеона*—онъ, ни на одинъ часъ, не переставалъ изображать собой загадку, тѣмъ болѣе сложную, что въ повседневномъ обиходѣ казался всегда настолько простымъ, добрымъ, доступнымъ, невзыскательнымъ, благожелательнымъ и не преслѣдующимъ никакихъ затаенныхъ личныхъ цѣлей, что ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣнія относительно двойственности своего характера. Онъ дѣйствовалъ иногда не рѣшительно, но при этомъ его колебанія вызваны были всегда какъ бы сомнѣніями этического свойства. Въ бессмертномъ своемъ литературномъ эпосѣ: „Война и Миръ“ *Л. Н. Толстой* задалъ между прочимъ такой вопросъ касательно Александра I, не находя на него отвѣта и предоставляя его рѣшить читателямъ: „Какъ могъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

такой добрый, гуманный, сердечный человекъ, какъ Императоръ *Александръ I*, держать около себя такую личность, какъ Аракчеевъ, и давать ей право къ неограниченному проявленію своего дикаго произвола ¹⁾“. Намъ сдается, что, не давая отвѣта на собственный вопросъ, великій писатель въ данномъ случаѣ немного слукавилъ, что впрочемъ встрѣчалось у него впоследствии нерѣдко. Толстой долженъ былъ понять, что *Александръ I* Аракчеевъ былъ необходимъ. Какъ человекъ даровитый, довольно просвѣщенный и развитой, *Александръ I* убѣдился вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, что управлять такимъ громаднымъ государствомъ, населеннымъ вдобавокъ ко всему на двѣ трети полукцивилизированнымъ народомъ, а на оставшуюся треть совершенно еще дикими инородцами, какъ Россія, нельзя съ помощью, или на основаніи тѣхъ принциповъ, теоремъ и научныхъ доктринъ, которыя онъ такъ охотно воспринималъ отъ своего воспитателя *Ламарта* и вычитывалъ изъ сочиненій энциклопедистовъ. Онъ чувствовалъ самъ, да и зналъ изъ исторіи недавняго прошлаго, что для того, чтобы держать страну, походившую скорѣе на отдѣльную часть свѣта въ полномъ повиновеніи, нужна желѣзная сила воли, чрезвычайная бдительность и необычайно крѣпкія руки, ни на минуту не отпускавшія туго натянутыя бразды правленія. Все это прекрасно понималъ молодой русскій самодержецъ, выступавшій послѣ внезапной катастрофы при крайне своеобразной обстановкѣ на арену широкой политической дѣятельности. Но въ то же время *Александръ I* сознавалъ, какая отвѣтственность ложится на государя за всѣ дѣянія цѣлой арміи чиновниковъ и служащихъ, не отличавшихся особенной безупречностью въ нравственномъ отношеніи и весьма склонныхъ къ произвольнымъ правонарушеніямъ, къ лихоимству, казнокрадству и грубымъ притѣсненіямъ ни въ чемъ неповинныхъ людей только изъ личныхъ побужденій.

Русскій народъ смотрѣлъ на Царя, какъ на заступника, вершителя судебъ, милостиваго и щедраго покровителя всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Терпѣливо сносилъ всѣ притѣсненія, вымогательства, онъ таилъ надежду, что когда вѣсть обо всемъ этомъ дойдетъ до Царя, то всѣ страданія прекратятся сразу. Нарушать такую укоренившуюся въ народѣ вѣру было опасно, а потому являлась необходимость въ разобщеніи народныхъ массъ съ высшей инстанціей монархическаго управленія и къ созданію крѣпкаго

¹⁾ Я цитирую Толстого отнюдь не дословно, а лишь на память и приблизительно по смыслу.

средостѣнія между главою государства и всѣми слоями населенія, стиснутыми вдобавокъ въ твердо установленныя сословныя рамки. Устранить въ короткое время все зло, исходившее непосредственно отъ малокультурной чиновничьей среды, чувствовавшей себя свободной отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ собственной совѣсти, смягчить нравы народа и развить въ немъ элементарныя понятія о правовомъ порядкѣ посредствомъ постепеннаго поднятія нравственности и просвѣщенія, оказалось задачею, превышающей въ то время духовныя и экономическія силы русскаго государства. Намъ нуженъ былъ тогда простыщенный абсолютизмъ, при строжайшемъ бдѣніи истинно религіозныхъ и правовыхъ началъ, воспитывающихъ народъ подаваемыми свыше хорошими примѣрами и посредствомъ строжайшаго требованія отъ каждаго, состоявшаго на государственно-общественной службѣ, — исполненія своего долга. Суровый, но справедливый режимъ возымѣлъ бы свое благотворное, воспитательное дѣйствіе. Но *Александръ I* роль энергичнаго, беспощадно-строгаго охранителя правового порядка съ законнымъ послушаніемъ царской и правительственной власти не нравилась, онъ предпочиталъ соотвѣтственно своему эластичному сангвиническому характеру разыгрывать гораздо болѣе благодарное амплу добродѣтельнаго „Deus ex machina“, являющагося въ самый критическій, сирѣчь, послѣдній моментъ въ качествѣ безпристрастнаго благожелательнаго вершителя судебъ. Безжалостное осужденіе и неутомимое преслѣдованіе всѣхъ неблаговидныхъ поступковъ служащихъ, ихъ безнравственнаго поведенія и нерадѣнія по отношенію къ прямымъ своимъ обязанностямъ, равно какъ неповиновеніе законнымъ требованіямъ правительства со стороны обывателей, возлагались на высшихъ и на ближайшихъ сотрудниковъ царя, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ, но дѣйствовавшихъ какъ бы совершенно самостоятельно. При самомъ идеально-честномъ, безпристрастномъ исполненіи своихъ тяжелыхъ обязанностей, такіе, уполномоченные царскимъ повелѣніемъ, сановники никогда не пользовались симпатіями общества или міра служащихъ. Люди, по свойственному человѣку характеру, трудно мирятся съ самымъ справедливымъ взысканіемъ и наказаніемъ за совершенныя ими ошибки или упущенія; они всегда склонны видѣть въ наказующемъ начальникъ личнаго врага. Когда же суровая кара постигаетъ порою невиннаго или слишкомъ незначительно провинившагося служащаго, или гражданина, то чувство обиды и неудовольствія превращается легко въ лютую ненависть и неудержимое желаніе отомстить обидчику. Если къ этому при-

бавить то усугубляющее обстоятельство, что безотвѣтственнымъ рѣшителемъ судьбъ сотни тысячъ людей является человекъ по натурѣ злобный, грубый, ограниченный, преисполненный самой необузданной жадной произвола, не считающійся ни съ какими законами и находящій особое наслажденіе вмѣстѣ съ нравственнымъ удовлетвореніемъ въ томъ, чтобы по возможности нагонять на всѣхъ побольше страха и трепета, то можно себя представить, какая громадная свинцовая туча ненависти могла собраться и стоять надъ такимъ человекомъ, а таковымъ былъ несомнѣнно *Аракчеевъ*. Выборъ *Александра I* палъ потому лишь на него, что онъ не боялся брать на себя всю отвѣтственность за всѣ дѣянія, въ томъ числѣ, конечно, и за ошибки и промахи самого государя.

Сосредоточить на себя всю ненависть общества и народа *Аракчеевъ* взялся отнюдь не изъ самоотверженной преданности къ царю, какъ онъ старался увѣрить въ этомъ *Александра I*, а изъ врожденной злобности и сладострастнаго чувства всюду изображать собой гибельную грозу, не дѣлая при этомъ различія между виновными и ни въ чемъ неповинными передъ закономъ людьми. Быть первымъ лицомъ въ странѣ послѣ государя казалось для ограниченаго временщика верхомъ блаженства и счастья. Чтобы удержаться на высотѣ своего положенія, онъ зналъ одно только средство—постоянное увеличеніе въ населеніи и обществѣ страха и гнета. Императоръ *Александр I* не возставалъ противъ такой первобытно-деспотической системы правленія; онъ видѣлъ царившее вокругъ него внѣшнее спокойствіе и безопасность своей особы, не справляясь о томъ, какой цѣной она была куплена. Ненависть и общее презрѣніе, которыя возбуждалъ противъ себя *Аракчеевъ*, были ему очень хорошо извѣстны, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на неизбежное явленіе въ дѣлѣ управленія такой обширной и своеобразной въ культурномъ отношеніи страной, какъ Россія, будучи въ душѣ радъ, что враждебныя чувства всего мыслящаго и образованнаго населенія не направлены были исключительно противъ него. *Вотъ для чего нуженъ былъ Аракчеевъ Императору Александру I.* Имя этого злополучнаго временщика было нарицательнымъ, *ибо онъ изображалъ собой систему, а не случайное явленіе!* Въ сущности *Аракчеевъ* былъ немного переименованнымъ *Мамютой Скуратовымъ* и *Бирономъ* начала XIX-го столѣтія, по темпераменту и духу онъ могъ считаться прямымъ наслѣдникомъ, правнукомъ предыдущихъ двухъ временщиковъ-палачей. *Но съ другой стороны было бы крайне ошибочно и прямо*

несправедливо полагать, что Императоръ Александръ не руководился въ своихъ поступкахъ, повелѣніяхъ, а также и во всемъ своемъ поведеніи нравственными стимулами. Отрицать этого никто не можетъ, ибо доказательства тому заключаются въ достаточномъ количествѣ. Загадочность и трагизмъ его положенія вытекали преимущественно изъ того нерѣдко явнаго противорѣчія, которое обнаруживалось между лелѣянными имъ благими намѣреніями и тѣмъ, во что они превращались не только по винѣ исполнителей, но и въ силу опрометчиво вложенныхъ въ высочайшія повелѣнія основныхъ взглядовъ на дѣла государственнаго управленія. Недостатокъ яснаго всесторонняго пониманія задачъ и цѣлей, лежащихъ на самодержавномъ монархѣ, какъ отвѣтственномъ передъ исторіей правителѣ государства, неумѣнье и нерѣшительность пользоваться дарованной ему Провидѣніемъ властью тамъ, гдѣ это требовалось неотложно для блага народа, и непрерывныя попытки примѣнить во внѣшней и внутренней политикѣ утопическія теоремы недостижимаго на практикѣ земного благополучія съ явнымъ непониманіемъ принципиальнаго, основнаго различія между этикой, требуемой для руководства дѣлами внутренней политики, и этикой, которая нужна при сношеніяхъ съ иностранными государствами, были причиной, что достигнутые Императоромъ Александромъ I блестящіе на видъ успѣхи въ внѣшнихъ военно-политическихъ дѣлахъ оказались при внимательномъ разслѣдованіи лишь *красивой скорлупой, скрывавшей прожорливое для Россіи ядро.*

Хотя въ періодъ послѣднихъ войнъ, предпринятыхъ съ цѣлью низверженія Наполеона I съ диктаторскаго трона Европы, личность и характеръ Александра I всего доступнѣе были для всесторонняго наблюденія, онъ все же остался во многихъ отношеніяхъ тѣмъ неразгаданнымъ сфинксомъ, какимъ бывалъ и прежде.—Одно лишь несомнѣнно, что этотъ весьма недюжинный по дарованію человекъ умѣлъ все время такъ удачно гримироваться разнообразнѣйшими снадобьями, выбранными имъ по дешевой цѣнѣ изъ богато-составленнаго каталога нравственной косметики, что даже близко стоявшія къ нему лица не могли распознать за скрывавшей маской подлинныя его черты. Поставленный волею судьбы преждевременно на мѣсто, гдѣ ему приходилось сразу „*дѣлать исторію*“, безъ малѣйшей къ тому подготовки, онъ, не изучивъ и не понявъ примѣрные уроки исторіи (одно поверхностное знаніе фактовъ и хронологическаго порядка событій да еще въ крайне тенденціозномъ, одностороннемъ изложеніи Лагарпомъ всѣхъ скрытыхъ въ нихъ психоло-

гических причинъ и явленій не могло замѣнить строго-научнаго столь важнаго для будущаго правителя предмета), сталъ принимать въ ней участіе, т. е. создавать политику, по выработанному имъ самимъ плану.

При оцѣнкѣ политическихъ явленій онъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживалъ поразительную близорукость.

Не имѣя передъ собой духовной перспективы, его взоръ не способенъ былъ охватить причинную и общую связь между совершившимися событіями и возможными дальнѣйшими ихъ послѣдствіями и разными побочными осложненіями. Опрометчиво предпринятые походы 1805 и 1807 г. года служатъ подтвержденіемъ сказаннаго. Обѣ кампаніи были заранѣе обречены на неудачу. Чтобы придти къ такому выводу, у Императора *Александра I* не доставало точнаго пониманія *современнаго ему положенія*; послѣднее же могло быть приобрѣтено только добросовѣстнымъ изученіемъ и знаніемъ прошедшаго, но этого-то у него именно и не хватало! Всякое правильное умозаключеніе вытекаетъ лишь изъ цѣльныхъ познаній; нужно умѣть прослѣдить пути, ведущіе отъ былого къ настоящему, современному. Мечтательность *Александра I* въ области всевозможныхъ беспочвенныхъ идей и доктринъ замѣняла ему положительное знаніе. Придерживаясь взгляда, внушеннаго ему, по всей вѣроятности, *Лазартомъ*, что *политика должна подчиняться этикѣ*, онъ перенесъ этотъ пригодный для внутренняго управленія государства принципъ и на внѣшнія отношенія къ другимъ державамъ и народамъ, что было непростительной ошибкой, ибо этика, служащая во внутренней политикѣ оружіемъ борьбы съ эгоизмомъ отдѣльныхъ личностей или сословіи, совершенно непригодна въ внѣшней политикѣ, гдѣ вопросъ касается усиленія государственнаго престижа и народнаго эгоизма въ смыслѣ повышенія его благосостоянія, доставленія всевозможныхъ выгодъ, необходимыхъ для поднятія могущества страны. *Правитель никогда не долженъ забывать, что охрана и независимость отечества и неунынное попеченіе о его благе есть самодовлѣющая, наивысшая нравственная цѣль, указанная ему самимъ Провидѣніемъ.*

Но самой крупной, роковой ошибкой, въ которой скрывалось такъ много непонятнаго, было то непримиримо-враждебное отношеніе *Александра I*, которое онъ проявилъ къ *Наполеону I* послѣ кампаніи 1812 года.

Если въ феодально-ретроградныхъ кружкахъ монархической Европы считали *Наполеона I* воплощеніемъ или исчадіемъ революціи, то *Александру I* было непростительно присоединяться къ

такому ошибочному взгляду; онъ обладалъ несомнѣнно способностью лучшей оцѣнки, такъ какъ ему стоило провѣрить только съ полнымъ безпристрастіемъ собственныя воззрѣнія на многіе предметы въ области отвлеченныхъ понятій. Анализируя душевное настроеніе обонхъ противниковъ, можно легко догадывать, что *Александръ I* подходилъ своимъ міросозерцаніемъ гораздо ближе къ политическимъ идеямъ якобинцевъ, нежели *Наполеонъ*. Послѣдній считалъ себя *наслѣдникомъ* революціи—что являлось тоже безусловно ошибочнымъ опредѣленіемъ. Въ дѣйствительности же геніальный корсиканскій полководецъ былъ самымъ суровымъ, безжалостнымъ противникомъ абсолютнаго народовластія и наиудачнѣйшимъ гасителемъ революціонныхъ вспышекъ, показывавшихся порою на громадномъ пепелищѣ послѣ грандіознаго государственнаго пожара въ началѣ девятидесятихъ годовъ XVIII-го столѣтія. Подошвами своихъ ботфортовъ, къ которымъ пристала земля почти со всѣхъ странъ Европы и выдавшихъ столько блестящихъ побѣдъ, онъ затопталъ послѣднія тлѣющія искры въ оставшейся отъ революціонной стихіи золѣ.

Никто такъ твердо не укрѣпилъ вновь монархическій принципъ во Франціи, какъ *Наполеонъ*, послѣ провозглашенія и коронованія себя императоромъ. Но и раньше проявлялъ онъ геніальныя способности при водвореніи прочнаго порядка въ хаотическія дѣла государственнаго правленія и общественной неурядицы. *Восемнадцатое Брюмэра* привело этому блестящее доказательство.

Вотъ, что писали про этотъ единственный въ своемъ родѣ во французской исторіи государственный переворотъ наиболѣе наблюдательные современники-исторіографы, между которыми шведъ *Бринкманъ* заслуживаетъ особаго и безусловнаго довѣрія: „Государственный переворотъ 18-го Брюмэра не обнаружилъ въ народѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ страха и недовѣрія. Радикальная и политическая сторона революціи перестала существовать.—Французскіе народныя идеалы гражданской свободы воплотились въ Бонапартя. Проявился подъемъ народнаго духа и пробудились надежды на счастливое будущее. Ни одинъ законный монархъ при вступленіи своемъ на престоль не встрѣчалъ такой готовности къ повиновенію, какую нашелъ Бонапартя у своихъ согражданъ. Было бы очень странно, если бы такой искусный полководецъ не воспользовался подобнымъ настроеніемъ для того, чтобы создать болѣе удовлетворяющее нуждамъ народа прочное правительство. Франція выполнитъ въ буквальномъ смыслѣ слова невозможное, чтобы помочь Бонапартю е.“

этомъ. За исключеніемъ презрѣнной шайки анархистовъ, весь французскій народъ до такой степени жаждетъ отдохнуть отъ опротивѣвшихъ ему революціонныхъ ужасовъ и безразсудствъ, что считаетъ каждую переменную въ своемъ положеніи направленною къ лучшему. Рѣшительно во всѣхъ слояхъ французскаго общества осмѣиваютъ показное геройство демагоговъ. Всюду раздаются заявленія о желательности изгнать ихъ изъ Франціи. Никто не сталъ бы теперь сочувствовать попыткамъ къ осуществленію ихъ обольстительныхъ црзъ. Даже роялисты всѣхъ оттѣнковъ питаютъ къ Бонапарту искреннюю преданность, такъ какъ приписываютъ ему намѣреніе постепенно возстановить прежній порядокъ вещей. Равнодушные къ политическимъ принципамъ относятся къ Бонапарту, какъ къ человеку наиболее способному доставить Франціи внутренній и внѣшній миръ. Просвѣщенные республиканцы хотя и трепещутъ за свои учрежденія, но предпочитаютъ, чтобы государственная власть находилась лучше въ рукахъ одного талантливаго человека, чѣмъ црлаю клуба интригановъ".—Какая разница между этой спокойной, безпристрастной, объективной характеристикой научно-образовавшагося шведскаго историка и тѣми отзывами, которые видѣли въ геніальномъ поработителѣ половины Европы воплощеніе или исчадіе революціи, способнаго лишь къ разрушенію давно и прочно установившагося порядка въ мірѣ. Увлекающійся несбыточными надеждами Императоръ Александръ I никакъ не могъ составить себѣ свое опредѣленное, независимое отъ постороннихъ внушеній, мнѣніе о характерѣ и личности новаго повелителя Франціи и о громадномъ политическомъ значеніи тѣхъ переворотовъ въ Западной Европѣ, которые нельзя было обратить вспять. Въмѣсто того, чтобы напречь всѣ силы для извлеченія пользы для Россіи изъ измѣнившихся послѣ французской революціи положеній, въ смыслѣ поднятія, по мѣрѣ силъ, промышленности и торговли, а на-ряду съ этимъ и облегчить сношеніе съ болѣе культурной Европой, онъ старался съ помощью оружія отстаивать принципъ легитимизма и неизблемость территоріальныхъ и суверенныхъ правъ мелкихъ германскихъ князей. Еще до похода 1805 года русское правительство обязано было приложить всевозможныя старанія, чтобы примирить Францію съ Англіей и предотвратить столкновенія между европейскими державами. Россія нуждалась въ продолжительномъ мирѣ для коренного переустройства ея внутренняго быта и реформированія всего государственнаго механизма. Если бы Александръ I имѣлъ вѣрное представленіе о тѣсной связи, существующей въ каждомъ государствѣ, между состоя-

ніемъ внутреннихъ дѣлъ и международнымъ положеніемъ, то онъ вѣроятно не предпринялъ бы безцѣльныхъ походовъ 1805 и 1807 г.г. Но разъ судьбѣ угодно было допустить обѣ роковыя ошибки, то *Александръ I* слѣдовало тѣмъ болѣе ухватиться за предложенную ему *Наполеономъ I* въ Тильзитѣ дружбу, а не таить въ душѣ чувство мщенія. Предложенія французскаго императора открывали русской восточной политикѣ самые широкіе горизонты, Императоръ *Александръ I* могъ достигнуть того, чего мы не въ состояніи были добиться затѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія и посредствомъ трехъ кровопролитныхъ войнъ, стоящихъ намъ полмилліона жизней и трехъ милліардовъ рублей денегъ. Безпрерывно мечтавшій о счастіи своего народа, онъ отворачивался отъ улыбавшейся уже ему фортуны только потому, что не довѣрялъ новому другу и не хотѣлъ разстаться, на подобіе гладіатора,—съ мыслью еще разъ испытать свою силу въ схваткѣ съ могучимъ противникомъ. Порою поведеніе *Александра I* воскресало въ памяти черты тщеславія, присущія, судя по исторіи, многимъ древне-римскимъ и византійскимъ императорамъ. Соревнованіе имѣло для него только тогда интересъ и притягательную силу, когда оно происходило съ перво-разряднымъ противникомъ. Лица, стоявшія въ интеллектуальномъ отношеніи ниже его, не возбуждали въ немъ желаніе состязаться съ ними; отсюда его удивительное и прямо неопытно-равнодушное, терпѣливое, невзыскательное отношеніе къ порою весьма безтактному поведенію короля прусскаго, императора австрійскаго и даже вошедшаго съ нимъ подъ руку на освобожденный русскими штыками отъ узурпатора французскій престолъ короля *Людовика XVIII-ю*.

Тягаться съ такими лицами не представляло ничего заманчиваго для него. Но сверженіе гиганта, передъ которымъ трепеталъ весь міръ, въ прахъ, хотя-бы и съ пришедшей ему на помощь стихіей, это возвышало *Александра I* въ его собственныхъ глазахъ, ибо онъ видѣлъ въ этомъ указаніе якобы свыше. Ради достиженія такой цѣли онъ не считался со всѣми прочими нанесенными кѣмъ-либо ему обидами. Въ концѣ концовъ онъ такъ увлекся идеей спасти Европу отъ ига *Наполеона*, что самъ сталъ вѣрить въ Провидѣніе, избравшаго его орудіемъ избавленія человѣчества отъ появившагося на порогѣ девятнадцатаго столѣтія вторюю, по слову *Аттилы*, бича *Божьяю!*

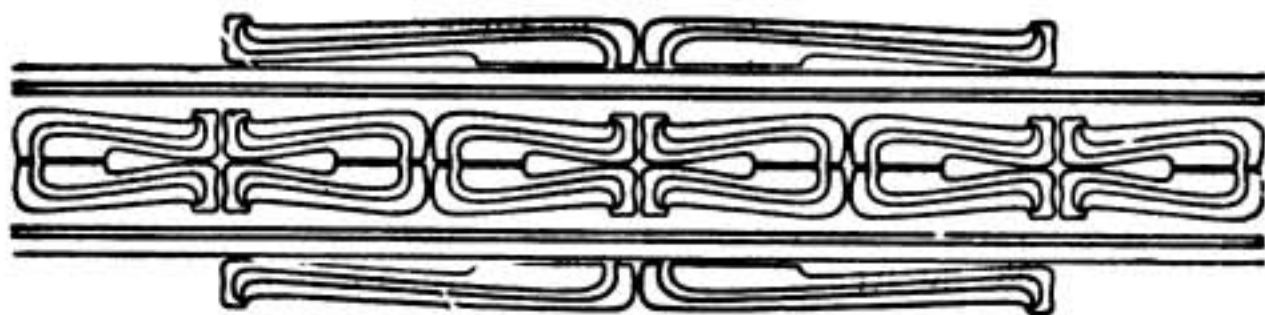
Въ своей экзальтаціи онъ не замѣчалъ тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчались такъ часто между его словами и дѣйствіями. Такъ примѣрно въ Калишѣ *Александръ I* заявляетъ,

какъ уже сказано, чуть не на подобіе торжественной клятвы, что желаетъ видѣть Францію *могущественной и счастливой*. Между тѣмъ онъ дѣлаетъ всевозможныя приготовленія, для успѣшнаго нападенія на эту самую Францію и изгнанія изъ нея единственнаго геніальнаго человѣка, способнаго сдѣлать ее и могущественной и счастливой.— Неужели онъ на самомъ дѣлѣ вѣрилъ въ возможность преуспѣянія и процвѣтанія Франціи при насильно водворенныхъ *Бурбонахъ*?

Развѣ можно было серьезно думать замѣнить освѣщенную легендарной славой титаническую въ, интеллектуальномъ значеніи этого слова, фигуру *Наполеона* ряженнымъ въ расшитую золотомъ генеральскую форму, полученную только-что отъ портного, живымъ манекеномъ, именуемымъ „королемъ“ *Людовикомъ XVIII-мъ*? Нѣтъ, *Александръ I* не могъ такъ заблуждаться, и онъ вѣроятно самъ не вѣрилъ въ прочность режима, охраняемаго иностранными штыками. Впослѣдствіи выяснилась тщетность стараній посадить срубленное династическое дерево вновь въ землю. Корней оно не могло пустить, и достаточно было двухъ-трехъ сильныхъ порывовъ вѣтра, чтобы свалить его. *Александръ I* не дожилъ до этого финала, но если бы ему суждено было стать свидѣтелемъ паденія всего того, что онъ всѣми силами старался такъ поддержать, то быть можетъ онъ встрѣтилъ бы, памятуя прежнія заблужденія, извѣстіе о водвореніи во Франціи вновь имперіализма гораздо болѣе сочувственно, нежели находившійся въ такомъ же заблужденіи братъ его *Николай I*. Практическій курсъ исторіи не прошелъ бы для него даромъ, а завзятый политическій идеализмъ уступилъ бы мѣсто стремленіямъ къ достиженію болѣе конкретныхъ результатовъ.

М. В. Станиславскій.

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ¹⁾.

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Пока мы, набранные въ училище молодые люди или юнцы, сновали по заламъ и корридорамъ, а Б. А. Шванебахъ насъ усердно по нѣскольکو разъ въ день навѣщалъ,— появились два офицера, которыхъ онъ намъ отрекомендовалъ, какъ только-что зачисленныхъ собственно въ число дежурныхъ офицеровъ училища, т. е. будущихъ нашихъ сослуживцевъ.

Ничего особеннаго, кромѣ того, что это были первыя ласточки, они собой не представляли, однако, именно, какъ появившіеся первыми, они въ память каждаго изъ насъ, юнкеровъ, вѣзались навсегда.—То были,—1-й гренадерской арт. бригады поручикъ Владиміръ Александровичъ Юзвickій и л.-гв. гренадерскаго полка поручикъ Константинъ Николаевичъ Кузьминъ.—Оба они были одинаково—до застѣнчивости скромные и крайне деликатные; въ числѣ офицеровъ, съ которыми мы только-что разстались въ корпусѣ, такихъ почти и не было.

— На первыхъ порахъ я вамъ подобралъ вполне воспитанныхъ офицеровъ, тихихъ, скромныхъ, присмотритесь къ нимъ, сказалъ Б. А. намъ, ближе къ нему находившимся; поговорите съ ними; только не смущайте ихъ и не конфузьте, это „положительно“ такіе скромные молодые люди, какими вамъ всемъ слѣдуетъ остаться навсегда.—Оба они окончили уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ;—это послѣднее тоже отчасти было причиной того, что я согласился зачислить ихъ въ училище: по крайней мѣрѣ они

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ Январь 1914 г.

хорошо знаютъ нравы своихъ однокашниковъ изъ васъ—бунтарей, добавилъ шутя Б. А., очевидно припоминая Лермонтовско-Ашенбреннерскую исторію.

Нельзя же не цѣнить въ нихъ то, что они остались такими скромниками послѣ того, какъ прослужили въ строю по 6—7 лѣтъ; артиллеристъ поручикъ Юзвickій,—побывавъ въ артиллерійской академіи, поступилъ въ гренадерскую бригаду здѣсь въ Москвѣ, а поручикъ Кузьминъ, окончивъ курсъ академіи генеральнаго штаба и послуживъ въ полку, успѣлъ и васъ не одинъ годъ кое-чему обучать.

Дѣйствительно, къ тому времени прошло года два, какъ Кузьминъ прослужилъ въ 1 Московскомъ корпусѣ;—тамъ онъ зимою преподавалъ тактику, а лѣтомъ „водилъ насъ въ окрестностяхъ села Коломенскаго на съемку, т. е. руководилъ нашими занятіями по топографіи; оба они окончили курсъ въ корпусѣ около 1856 года.

— Въ числѣ вашихъ офицеровъ воспитателей 1-го корпуса, продолжалъ рассказывать Б. А., я было присмотрѣлся къ двумъ бросавшимся въ глаза по своей, выходящей изъ ряда, воспитанности—къ родному брату Юзвickaго Алексѣю Александровичу,—Юзвickaе видимо члены особой, хорошей семьи и къ Гулевичу, Анатолю Венедиктовичу; обоимъ имъ я предложилъ поступить въ училище, но первый оказался слишкомъ старослужащимъ—выпуска 1847-го года, всѣ вы, кажется, въ томъ году и позже родились, а второй хотя и товарищъ по выпуску изъ того же корпуса Кузьмина и Юзвickaго, этихъ двухъ уже взятыхъ мною въ училище офицеровъ, такой же скромный и положительно въ высшей степени приличный, но ни за что не согласился принять мое предложеніе; я очень объ этомъ послѣднемъ жалѣю, это положительно для училища потеря ¹⁾.

* * *

Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ дней Б. А. Шванебахъ намъ объявилъ списки распредѣленія насъ по четыремъ ротамъ и по 12 классамъ, т. е. по двумъ классамъ—старшему и млад-

¹⁾ Въ томъ же году ротный офицеръ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса поручикъ Анатолий Венедиктовичъ Гулевичъ былъ избранъ для перевода въ пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ, въ коемъ и прослужилъ болѣе десяти лѣтъ, пропустивъ черезъ свои руки нѣсколько поколѣній воспитанниковъ, также какъ раньше, въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ, довелось ему пропустить черезъ свое въ высокой степени благотворное вліяніе кадетъ въ родномъ ему 1 Московскомъ корпусѣ.

нему, соответственно тому, что въ корпусѣ мы должны были бы составлять 1-й и 2-й спеціальныя классы; при чемъ здѣсь явилось необходимымъ каждый классъ раздѣлить на шесть отдѣленій для мелкихъ классовъ занятій.—Дѣло раздѣленія на роты и на классы, какъ ни казалось простымъ—отняло два дня.—Б. А. Шванебахъ неустанно ходилъ, назначая насъ то въ ту, то въ другую группу, переводилъ, ставилъ опять обратно, что-то соображалъ,—наконецъ сказалъ, обратившись къ Кузьмину и Юзвицкому:—ну вотъ, благодаря вамъ, г.г. офицеры, скоро удалось мнѣ это дѣло уладить, позвольте васъ поблагодарить, вотъ это, положительно, вашъ первый въ училищѣ служебный, нелегкій трудъ, отъ души благодарю.

Всѣ мы видѣли, что если этотъ небольшой трудъ и не былъ вполне легкимъ,—то, во всякомъ случаѣ, успѣшно законченнымъ онъ оказался благодаря лишь исключительно энергій самого, сильно потрудившагося полковника Б. А. и Кузьмину и Юзвицкому, съ ихъ бросавшеюся въ глаза нерѣшительностью и медлительностью, ничего не удалось бы подѣлать въ этой хотя бы и мелочной работѣ.—Всѣ мы это видѣли, сознавали, и каждый изъ насъ пришелъ въ этомъ отношеніи къ своему заключенію, при которомъ и остался, понимая быть можетъ, что Б. А. Шванебахъ успѣхъ этого пустяка приписалъ своимъ сотрудникамъ по своей неисчерпаемой деликатности, подсказавшей ему желаніе ихъ ободрить.—Но между нами нашелся одинъ съ погонами Воронежскаго корпуса кадетъ, который, какъ говорится, „что подумалъ, то и брякнулъ“.

— Ну, что же, объ чемъ говорить, господинъ полковникъ, вы это сами сдѣлали, исключительно вы, эти г.г. офицеры, прекрасные люди, но они, народъ тихій и со своей скромностью въ этомъ мало вамъ помогли.

Мы всѣ, окружавшіе этого болтуна товарищи, готовы были сквозь землю провалиться.

— Мало, мало, это правда, произнесъ сконфуженный улыбаясь поручикъ Кузьминъ; Юзвицкій стоялъ блѣдный, молчалъ какъ въ ротъ воды набравши и, лишь услышалъ слова Кузьмина, пролетѣлъ несвязно: конечно, конечно, ничего не сдѣлали.—Б. А. Шванебахъ видимо болѣлъ за своихъ офицеровъ; онъ покраснѣлъ и, какъ пѣтухъ, набросился на нескромнаго говоруна.

— Что это такое, откуда? Кто вы? Какъ ваша фамилія? Заговорилъ онъ смущенно... Почему вы нашли нужнымъ такъ несносно и нелѣпо отозваться; это положительно назойливо, и

я этого положительно не ожидалъ; вотъ видите, уже вы и не имѣете той дивной деликатной скромности, хотя еще шиольной скамьи не успѣли покинуть...

Этотъ мелочной случай представлялъ собою нѣчто особое и, въ концѣ концовъ, послужилъ много къ характеристикѣ Бориса Антоновича.

По рассказамъ, которые онъ привелъ тотчасъ, какъ только узналъ фамилію смѣльчака и немного успокоился, вотъ рѣчь чемъ была суть:—лѣтомъ въ день отъѣзда Государя изъ Москвы, Б. А. Шванебахъ, подговоривъ генерала И. В. Жданъ-Пушкина—директора 1-го Моск. корпуса, рѣшилъ, съ разрѣшенія военнаго министра Дм. Алексѣев. Милютина, обратиться къ Его Величеству съ ходатайствомъ о дарованіи прощенія, исключеннымъ въ январѣ того года изъ 1-го корпуса, кадетамъ—Ашенбреннеру и Мюнхеймеру и о высочайшемъ соизволеніи на опредѣленіе ихъ обоихъ юнкерами въ училище, гдѣ они, какъ уже много испытывшіе въ своей жизни, прослуживъ болѣе полугодомъ въ армейскихъ полкахъ рядовыми, несомнѣнно приложили бы все свои силы и старанія къ тому, чтобы исправиться и загладить свое поведеніе, приведшее ихъ къ разжалованію...

— Ты затронулъ мое больное мѣсто, сказалъ Государь; я самъ объ этомъ было-подумалъ и, много передумавъ, рѣшилъ, что нѣтъ, этому не бывать; съ твоей стороны очень похвально, что ты не задумался просить дать ихъ обоихъ тебѣ какъ обузу, во ввѣряемое тебѣ заведеніе, только-что начинающее свою служебную жизнь; глаза Государя, говорилъ Б. А., были въ тѣ минуты полны слезъ.—Нѣтъ, нѣтъ и не проси, какъ бы торопился Его Величество еще разъ отказать, точно боясь не выдержать.—А вотъ что, добавилъ Государь: уже нѣсколько лѣтъ томится, тяготясь солдатской службой въ одномъ армейскомъ полку выключенный изъ фельдфебелей Петровско-Полтавскаго корпуса за бунтъ, произведенный кадетами при директорѣ Тихоцкомъ; этого бывшаго фельдфебеля разрѣшилъ я теперь принять въ Михайловскій воронежскій корпусъ; фамилія его Купчинскій; возьми его къ себѣ въ училище и займись имъ, сдѣлай изъ него хорошаго офицера; отзывы о немъ изъ арміи, по словамъ Дмитрія Алексѣевича ¹⁾, не дурные,—побереги же его, дай ему стать на ноги.—Эти слова Государя Б. А. вспомнилъ, узнавши тутъ на мѣстѣ этого б. фельдфебеля фамилію, которая уже была извѣстна изъ имѣвшейся предварительной

¹⁾ Д. А. Милютин—военнаго министра.

переписки.—Б. А. понялъ, что этотъ, только-что отличившійся воронежскій кадетъ былъ тотъ самый фельдфебель;—попавъ во 2-ой спеціальный классъ Воронежскаго корпуса, онъ, со всѣми Воронежскими воспитанниками, согласно распредѣленію, данному главнымъ штабомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, оказался назначеннымъ въ Александровское военное училище и, вотъ случайно очутившись здѣсь, онъ всплылъ на первыхъ же порахъ, проявивъ такую несуразную „развязность“, полученную имъ несомнѣнно въ полку.

— Очень симпатично съ вашей стороны, сказалъ ему да-дѣе Б. А., говорить вообще такъ откровенно, но вѣдь вы по-ложительно ¹⁾ не подумали прежде, чѣмъ произнести ваше замѣ-чаніе, и не знаю, рѣшая этотъ вопросъ, скажете ли вы сами, что поступокъ вашъ былъ умѣстенъ, не сдѣлали ли вы какой-нибудь неловкости, какого-либо промаха, вмѣшавшись такъ въ дѣло?

Почти всѣ мы ставшіе юнкерами, кадеты,—свидѣтели этого случая, тутъ же показали большое неодобреніе выходкѣ Купчинскаго; кто выразилъ это косымъ взглядомъ, а кто однако быть можетъ почти столь же неумѣстнымъ подражаніемъ этому выскочившему среди насъ „юнкеру изъ рядовыхъ“, т. е. по-просто рѣзкимъ ворчаніемъ;—его это, какъ и вѣское замѣ-чаніе полковника, видимо сильно задѣло и онъ такъ же, со-вершенно растерявшись, принесъ съ полнымъ раскаяніемъ извиненіе; поступокъ его, конечно, былъ совершенно забытъ и всѣми нами, и, ужъ безо всякаго сомнѣнія, Борисомъ Антоно-вичемъ, который впоследствии, если кому-либо случалось объ этомъ эпизодѣ вспоминать, говорилъ съ полнымъ участіемъ къ Купчинскому:

— Не надо, не надо трогать этого; когда-то промахнулся молодой человекъ, что жъ дѣлать, забудемъ это; „былъ молодцу не укоръ“, добавлялъ онъ, развертывая все свое веселое, откры-тое лицо въ самую привѣтливую улыбку.

* * *

Скоро Купчинскому довелось показать себя въ одномъ дѣлѣ, которымъ онъ какъ бы заслужилъ и закрѣпилъ вполнѣ доброе отношеніе къ себѣ всѣхъ товарищей.

¹⁾ У Б. А. Шванебаха всѣ замѣчали привычку часто употреблять слово „положительно“; онъ произносилъ его какъ-то особенно, мягко напирая „на слогъ жи“ и во время волненія повторялъ это слово помни-нотно.

— Въ первое время, собравшись въ училище, мы пережили такой сумбуръ, говаривалъ впоследствии Борисъ Антоновичъ, что рѣшительно не находили минуты подумать, какой день, какое число и даже какой мѣсяцъ идетъ. Ничего не было еще установлено и, къ стыду моему, долженъ я сознаться, не было заведено обязательнаго посѣщенія храма Божія.—Въ первую же субботу я замѣтилъ однако, что мои новые сослуживцы положительно стали къ вечеру наполнять церковь, въ которую ходъ находится тутъ же изъ корридора, выходящаго на лѣстницу параднаго подъѣзда: больше скажу, повтому собственно я установилъ, что день тотъ былъ субботній.

Посѣтивъ храмъ среди всеобщей, я съ удовольствіемъ увидѣлъ его наполненнымъ, а человекъ пять—шесть кадетъ-юнкеровъ взобравшимися на клиросъ, гдѣ они звонкими пріятными голосами подпѣвали гнусившему на другомъ клиросѣ дьячку;—каково было мое удовольствіе, когда я разглядѣлъ, что большая часть этихъ „подпѣвалъ“ имѣли на своихъ курткахъ красные погоны 1-го московскаго корпуса и двое изъ нихъ оказались изъ числа замѣченныхъ мною еще на Савкинѣ полѣ бунтарей, весело мѣсяца за полтора передъ тѣмъ распѣвавшихъ при Государѣ „Лермонтовское Бородино“.

Дождавшись конца богослуженія, я подзвалъ къ себѣ въ корридорѣ этихъ голосистыхъ друзей своихъ и спросилъ ихъ— не могутъ ли они, собравшись и сговорившись между собой, составить постоянный хоръ пѣвчихъ?

— Триста здоровыхъ молодыхъ грудей, какое пѣніе должно будетъ раздаться въ нашемъ храмѣ и сколько наслажденія принесетъ оно всѣмъ намъ; вотъ сегодня я испыталъ большое удовольствіе, послушавши свѣтлыя вами три-четыре молитвы; много среди васъ хорошихъ голосовъ, немало музыкальныхъ юношей; а вѣдь во всѣхъ пяти корпусахъ, кои доставили мнѣ васъ въ видѣ служебнаго и учащагося матеріала,—въ каждомъ имѣлся хоръ пѣвчихъ, значить, какой просторъ для выбора пѣвчихъ изъ каждаго хора.

Кадеты, обрадовавшись этой затѣѣ начальника училища лютеранина, заявили ему, что уже сами объ этомъ подумывали и собирались только дождаться спокойнаго времени для того, чтобы привести въ исполненіе эту благую мысль.—

— Ну такъ съ Богомъ и приступайте, сказалъ Б. А., чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; въ мѣсяцъ другой уже хоръ составитъ и можетъ онъ начать совершенно регулярное пѣніе въ праздники и въ предпраздничные дни.

Сказавши это, Б. А. раскланялся и отправился было домой, но минуты черезъ двѣ спѣшно возвратился и съ большой торопливостью произнесъ: только вотъ что, я думаю, вы сами положительно понимаете, что ральше, чѣмъ начинать заводить такое доброе дѣло, надо непременно переговорить объ этомъ съ батюшкой, который теперь хотя и временно справляетъ богослуженія въ нашей церкви.—Назначенный намъ священникъ—Иванцовъ - Платоновъ прибудетъ не раньше, какъ мѣсяца черезъ полтора, а пока надо вамъ соблюсти вѣжливость по отношенію къ временному духовному отцу вашему.

Мы сразу поняли и вполнѣ оцѣнили деликатность показанную начальникомъ училища; онъ и впоследствии такимъ своимъ примѣромъ поучалъ насъ.—

Велика была радость Бориса Антоновича, когда при немъ въ послѣдовавшую затѣмъ субботу у всенощной, а на другой день въ воскресенье всю обѣдню нотно пропѣлъ нашъ собственный училищный хоръ подъ управленіемъ, только-что передъ тѣмъ, столь неприятно для себя, поразившаго всѣхъ насъ, Купчинскаго. Хоръ былъ составленъ изъ тридцати пяти человекъ почти въ равномъ числѣ, судя по букету цвѣтовъ погонь¹⁾, изъ представителей каждаго корпуса; надъ этой простой случайностью пришлось очень усердно въ теченіе цѣлой недѣли поработать Купчинскому, приложившему свое стараніе къ приведенію голосовъ, напѣвовъ и манеры пѣнія въ полное соотвѣтствіе.—Большая была его заслуга, но ее еще болѣе оцѣнили товарищи, когда все училище увидѣло, что онъ съ полною, самою твердою, настойчивостью передалъ регентство въ хорѣ Варламову, назначенному по распоряженію Б. А. Шванебаха; исправлять должность фельдфебеля въ первой ротѣ, получившей согласно объявленнаго положенія объ училищѣ, наименованіе роты Его Величества.

Взявъ на себя собственно обязанность учителя пѣнія и помощника регента по дѣламъ управленія хоромъ, Купчинскій счелъ долгомъ почетную сторону этого дѣла передать „первому изъ трехсотъ“ и тѣмъ несомнѣнно много возвысилъ себя въ глазахъ всего наличнаго состава училища.

* * *

Видя меня нѣсколько разъ бесѣдовавшимъ съ Купчинскимъ, Б. А. Шванебахъ однажды спросилъ меня, что между нами

¹⁾ Желтые—воронежцы, черные—орловцы, белые—сиротинцы, синіе—2-ой Московскій и красные—1-ый Московскій.

общаго и почему меня можно видѣть чаще, чѣмъ кого-либо другого, въ общеніи съ этимъ юнкеромъ изъ рядовыхъ? Когда я объяснилъ, что, состоя фельдфебелемъ въ первой ротѣ Полтавскаго корпуса, Купчинскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ двухъ моихъ родныхъ братьевъ и что оба они въ годъ исключенія его изъ корпуса были оттуда же произведены въ офицеры—одинъ въ гренадерскій Самогитскій полкъ въ г. Ярославль-губернскій подпоручикомъ, а другой въ 14-й стрѣлковый батальонъ въ Одессу прапорщикомъ,—Б. А. спросилъ меня:

— Гдѣ же они теперь находятся?

— Старшій вышелъ въ отставку, а стрѣлокъ продолжаетъ свою службу въ батальонѣ, отвѣтилъ я.

— Какъ бы то ни было, оба они благополучно окончили свое ученіе въ кадетахъ, сказалъ Б. А., а ихъ начальникъ—фельдфебель эти годы ихъ пребыванія въ офицерскихъ чинахъ протянулъ нелегкую лямку рядовымъ въ строю; и посмотрите, сказалъ Б. А. уже не одному мнѣ, а группѣ собравшихся вокругъ него юнцовъ,—какая разница; Купчинскій не чета вашему Ашенбреннеру; я въ этомъ разобрался: тотъ понесъ наказаніе за то, что проявилъ массу несвойственнаго молодому человѣку эгоизма, а Купчинскій пострадалъ именно за недостатокъ въ себѣ этого постыднаго чувства;—онъ твердо выдержалъ и не выдалъ своихъ взбунтовавшихся товарищей; пострадалъ сильно, понесъ наказаніе, можетъ быть, жестокое, какъ и должно было понести при такихъ обстоятельствахъ фельдфебелю, ибо, упрямясь въ томъ, чтобы не выдать своихъ подчиненныхъ, онъ въ корню парушалъ дисциплину, но на совѣсти у него легко, такъ какъ онъ противъ нея и противъ чувства благородства не поступился.—Врядъ-ли вашъ Ашенбреннеръ чувствовалъ себя такъ же, какъ Купчинскій;—если у него является когда-нибудь полное чувство сознанія,—онъ навѣрное можетъ только позавидовать этому, уже потершемуся нѣсколько лѣтъ среди солдатъ бывшему фельдфебелю. Оттого Государь и вспомнилъ такъ хорошо объ немъ.

Эти и подобные разговоры на первыхъ же порахъ открывали намъ, какихъ убѣжденій держался Б. А. Шванебахъ и какія понятія онъ хотѣлъ намъ привить съ первыхъ же дней нашего поступленія на дѣйствительную службу и постепеннаго нашего вступленія въ жизнь.—Скоро мы научились цѣнить и его откровенность, и его обращеніе съ нами.

Въ началѣ третьей недѣли со дня поступленія въ училище мы получили приказъ размѣститься, согласно объявленнаго намъ списка, по класснымъ комнатамъ; тутъ намъ былъ проинведенъ родъ испытанія въ пріобрѣтенныхъ нами знаніяхъ.— Числившіеся по гвард. артиллеріи: инспекторъ классовъ полковникъ С. А. Слуцкій, пом. его поручикъ Пав. Ник. Юшеновъ, присоединенные къ нимъ гвардейскіе же артиллеристы: поручикъ М. А. Зиновьевъ¹⁾, подпоручикъ В. А. Экстенъ и прапорщикъ Н. П. Нечаевъ,—коимъ предстоило преподавать намъ артиллерійскую науку, а также преподаватели русскаго языка и словесности Живаго, Стороженко и Кошъ;—всѣ они, имѣя во главѣ полковника Б. А. Шванебаха, въ теченіе трехъ или четырехъ дней обходили классныя комнаты и, задавая намъ, правду сказать, очень поверхностные вопросы по разнообразнымъ предметамъ, получали отъ насъ не менѣе поверхностные отвѣты, а въ концѣ концовъ вывели объ нашихъ успѣхахъ въ научномъ отношеніи кое-какія врядъ-ли очень обстоятельныя заключенія.

Все, что мы тогда же узнали объ этомъ, ограничивалось сообщеніемъ, опредѣлившимъ наибольшую степень развитія, обозначившуюся среди воронежскихъ кадетъ.

При этомъ С. А. Слуцкій, держа въ рукахъ наши корпусные списки съ переводными баллами, сказалъ, что, судя по степени оцѣнки, принятой въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоялъ сначала преподавателемъ, а послѣднее время инспекторомъ во 2-мъ кадетскомъ (нынѣ Императора Петра Великаго) корпусѣ, уровень знаній кадетъ всѣхъ собранныхъ въ Москвѣ корпусовъ слабѣе, а оцѣнка нашихъ знаній болѣе снисходительная въ сравненіи съ Петербургскою; соотвѣтственно этому, сказалъ онъ, тѣмъ, кто при оцѣнкѣ, которая будетъ теперь у насъ въ училищѣ установлена, получить въ среднемъ,—общемъ полугодовомъ или годовомъ отчетѣ, ниже 7^{1/2} балловъ,—тѣмъ придется считаться выдержавшими экзамены неудовлетворительно и такихъ придется выключать юнкерами въ полки²⁾.

¹⁾ Сочту долгомъ въ свое время передать въ этихъ замѣткахъ то, что покойный Борисъ Антоновичъ, не мало занятый каждымъ изъ этихъ лицъ, высказывалъ о нихъ въ добрыя минуты своихъ бесѣдъ, предаваясь воспоминаніямъ и перебирая въ глаза и за глаза все, что ихъ касалось.

²⁾ У насъ въ корпусахъ получившій въ среднемъ выводѣ шесть балловъ считался имѣвшимъ удовлетворительную для перевода или выпуска отмѣтку.

Б. А. Шванебахъ, видя, что это сообщеніе до суровости серьезнаго по наружному виду, а въ сущности добрыйшаго полковника Слуцкаго произвело на юнкеровъ громовое впечатлѣніе, смутился и тутъ же взволнованнымъ голосомъ сказалъ: да, да это такъ, но къ чему это, Сергѣй Александровичъ, вѣдь этимъ мы ихъ положительно смущаемъ, не будемъ... вѣдь не въ баллахъ дѣло, вся суть въ массѣ знаній, которыя каждый будетъ всѣми силами набирать, каждый будетъ добросовѣстно учиться; да и балловъ можетъ быть никто изъ нихъ не будетъ имѣть въ среднемъ менѣе девяти—восьми при какой угодно системѣ оцѣнки; не будемъ ихъ смущать... Духомъ они, надо надѣяться, падать не будутъ, но не будемъ и мѣръ принимать къ тому, чтобы могли падать; мы лучше будемъ стараться ихъ ободрять во всемъ.

Всѣмъ было ясно, что почтенный С. А. Слуцкій получилъ непріятное, хотя и товарищеское указаніе, самъ онъ спохватился да поздно.

* * *

Около этого времени насъ переодѣли: для домашняго обихода выдали намъ чернаго съ просѣдью сукна тужурки съ бѣлыми погонами, снабженными вензелемъ Государя Александра II, а для выхода со двора мы получили двубортные армейскіе темновеленые мундиры съ галунами на воротникахъ и на погонахъ; тогда же впервые мы получили сѣраго солдатскаго сукна шинели съ такими же украшенными вензелемъ и галуномъ бѣлыми погонами, какъ на мундирахъ.—Форма за истекшія пятьдесятъ лѣтъ въ общемъ не измѣнилась, если не считать того, что въ тѣ времена головы наши украшало пресловутое „кепи“ съ краснымъ околышемъ.—Не было ли то время порою зачатка франко-русскаго союза!

Надо было видѣть, какъ Москва взглянула на нашъ училищный батальонъ, когда его въ одинъ свѣтлый осенній день подъ музыку переведеннаго изъ 1-го московскаго корпуса прекраснаго полнаго хора, повели въ строю ближайшимъ путемъ со Знаменки на Моховую улицу въ манежъ, не называвшійся тогда иначе, какъ экзерцисхаузъ.—Народъ, а въ особенности торговки-бабы вздыхали: „эдакихъ-то молоденькихъ, гляди-ко-сь, надѣлали солдатами, да гдѣ имъ выдержать; ишь ты и шинели-то сѣрыя, да и ранцы вона какіе понацѣпили на нихъ, ахъ, сердешные, вотъ те и здравствуй,—дѣтей набрали тянуть солдатскую ляжку“.

Густыя толпы народа всѣхъ возрастовъ, сословіи и положеній, тѣсно окруживъ батальонъ, провожали невиданное до толѣ зрѣлище; а хоръ музыкантовъ громко, воинственно, ободряюще наигрывалъ, вошедшій тогда въ моду, маршъ изъ Фауста...

То полковникъ Б. А. Шванебахъ, съ нѣсколькими усиѣвшими за тѣ дни съѣхаться въ училище на службу, гвардейскими офицерами, пробирался произвести своему свѣжему юному батальону во фронтовомъ отношеніи такое же испытаніе, какое за нѣсколько дней передъ тѣмъ было ему произведено въ дѣлѣ научной классной подготовки, давшей имъ на школьной кадетской скамьѣ то или иное умственное развитіе.

Этимъ закончилось собственно наше вступленіе въ училищную жизнь; послѣ этого она вошла въ свою колею и потекла своимъ теченіемъ.

Начались серьезныя классныя занятія, между которыми особенно занимали насъ лекціи, читавшіяся въ двухъ—старшаго и младшаго класса—обширныхъ аудиторіяхъ, большею частью приглашенными къ тому профессорами Московскаго университета.

А. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова ¹⁾).

(Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда).

Отъ 26-го до 30-го іюня я былъ въ Спб. у М. Н. Муравьева, Ф. Я. Марковича, гдѣ нашелъ постройки превосходныя, но хозяйство весьма слабое.

По числу и свойству поступавшихъ въ это время жалобъ видно, что сходы и штрафы начинаютъ приносить полезныя плоды: народъ успокаивается, становится осторожнѣе, боясь суда, а помѣщики смотрятъ на дѣло снисходительнѣе и доступнѣе вліянію посредника.

Можно сказать, съ каждымъ днемъ внутренняя сила мировыхъ учрежденій пріобрѣтаетъ въ мнѣніи народномъ поучительную важность и большинство массы, не взирая на свои татарскія способности и стремленія къ безпорядкамъ всѣхъ видовъ, начинаетъ склоняться въ пользу закона, видя его олицетвореніе въ посредникахъ. Безъ сомнѣнія, пройдетъ много времени въ этомъ перевоспитаніи, но, судя по началу, заставшему все въ расколѣ, нельзя не благодарить Бога, столь явно покровительствующаго, такъ очевидно милующаго Россію.

Замѣчательно, что въ этомъ дѣлѣ ошиблись два рода людей: передовые умствователи и питейные откупщики.

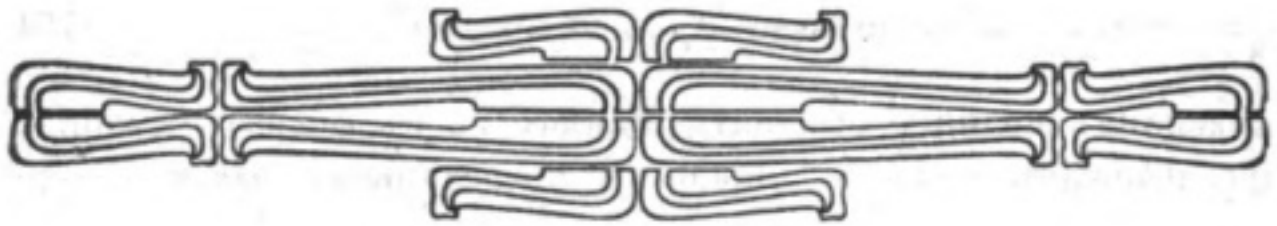
Первые, зараженные духомъ иностранщины, и не зная Россіи, желали провести ее, хоть бы по рѣкамъ крови, къ воображаемому лучшему: къ конституціи. Не успѣвъ во внушеніяхъ Царю, они воспользовались актомъ освобожденія и успѣли,

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

обезсиливъ полицію, объявить Манифестъ въ февралѣ и мартѣ, предположивъ открытіе мировыхъ посредниковъ, *для постепенности*, въ сентябрѣ.—По уму зарядъ этой мины былъ рассчитанъ вѣрно: 6-ти мѣсяцевъ было достаточно на взрывъ колоссальный,—забыто одно: что есть Господь, управляющій міромъ и обращающій въ прахъ козни врага всѣхъ насъ умнѣйшаго.—Казалось, пространство Россіи, канцеляризмъ, взяточничество, упорство помѣщиковъ и грубое невѣжество крестьянъ, все благопріятствовало вполне задуманному плану, но Богъ судилъ иначе. Едва огласился Манифестъ, возникли толки и волненія, явилось общее неповиновеніе; правительство увидѣло трещины на землѣ Русской, призвало министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, и съ перваго шагу его вступленія грозные раскаты своеволія, подземный гулъ готовившагося хаоса и анархіи стали затихать. Пространство сокращено телеграфомъ, канцеляризмъ едва не уничтоженъ, все прочее ослаблено вызовомъ мировыхъ учреждений, на которыя и легла вся тяжесть мѣстнаго устройства, въ каждой деревнѣ явился староста; въ волости — старшина; открылись свои суды, а для посредниковъ—мировые сѣзды. О всѣхъ бывшихъ происшествіяхъ опубликовано въ газетахъ, и циркуляры новаго министра дали всѣмъ новую жизнь. Такъ рушилась мечта умствователей, соорудившихъ намъ французскій эшафотъ въ полной увѣренности, что только черезъ него народы могутъ перешагнуть къ конституціи.

Откупщики, несмѣтно надавшия на послѣднихъ торгахъ въ полной увѣренности, что народъ, какъ звѣрь, выпущенный на свободу, бросится прямо на приманку, разставленную въ кабакахъ, ошиблись еще сильнѣе. Народъ выслушалъ Манифестъ молча, перекрестился, задумался и разошелся по домамъ судить о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ. Услышавъ о денежномъ выкупѣ усадебъ и земель, люди пришли въ недоумѣніе; ихъ дѣды и отцы говаривали: мы помѣщичьи, а земля наша. Теперь выходитъ напротивъ: мы вольные, а земля помѣщичья. Какъ же тутъ не задуматься, не потолковать сообща, не приготовиться?—Какое ужъ тутъ житье, до кабака ли; нѣтъ, надо подумать, какъ жить; теперь помѣщикъ ни податей не заплатитъ, ни хлѣба не дастъ, не на кого надѣяться, надо работать, да деньги беречь для семьи. Вотъ и расчеты откупщиковъ, казалось, такъ вѣрно соображенные—лопнули, какъ мыльный пузырь.

Сообщила А. А. Половцова.

Изъ далекаго прошлаго.

(Письмо княгини Голицыной кн. Я. Ѳ. Долгорукому 1704 г.)

(М. О. О. Арх. Гл. Штаба опись 3, св. 8. 9, 6, л.л. 63 и 64¹).

Мой Государь князь Яковъ Ѳедоровичъ въ милости Божіей здравствуй. А о себѣ извѣствую о прибытности своей къ Москвѣ декабря 30 числа пріѣхала въ добромъ здравіи.

і пространнѣе до васъ не могу писать о княгини твоей и другихъ твоихъ пристойныхъ понеже въ скорости пріѣзда своего не могла видѣть, только слышала, что она и дочь твоя въ добромъ здравіи

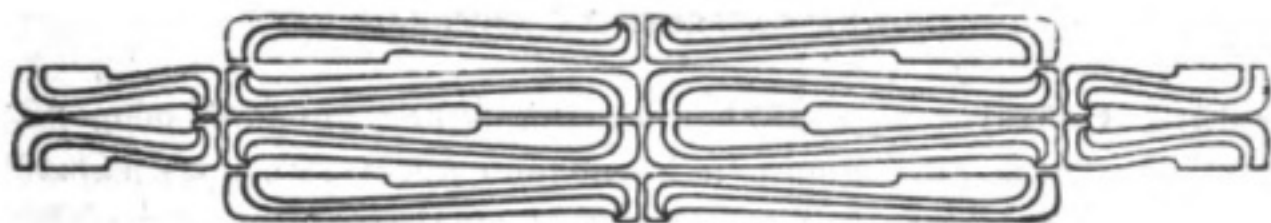
А пріѣздъ мой къ Москвѣ зѣло печалѣнъ изволятъ писать *юспода Сенаты* отъ себя указъ ко отцу моему казнь без воли Государя моего и за что то ваша кнему такая обида и напрасная теснота ибо слыша о томъ батюшко мой зѣло въ древности своей отдался въ великую печаль і о томъ *требую* дабы я была о томъ свѣдома отъ милости вашей *кто такой указъ ко отцу моему пишетъ понеже бо сподобитъ меня Богъ впрядки видѣть сію Царскаю величества очи и Государыни своей царицы слезно буду просить милости о такой вашей тесноте и напрасной батюшка моего обиде*, а когда въ Москвѣ отъ батюшка моего спросили денегъ і что о томъ батюшко мой отвѣтствовалъ і оное отвѣтство і писма извѣстнымъ вамъ, а также писма были и со мною отдать вашей милости не успѣла ныне извольте принять и положить о томъ разсужденіе.

Княгиня Настасья Голицына.

Изъ Москвы въ день Генваря 1714 г.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

¹) Курсивъ мой. Это угрожающее письмо князю Долгорукову показываетъ силу, которую имѣли при Дворѣ кн. Голицыны. В. Ф.

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи ¹⁾.

Глава X.

Г. Газенпотъ.—Убійство драгуна.—Слѣдствіе.—Арестъ революціонерами помощника начальника уѣзда.—Судъ надъ нимъ и убійство.—Оставленіе казначейства.—Приказъ вернуть его.—Пререканіе раіонныхъ начальниковъ.—Ночной маршъ.—Захватъ Гольдингена.—Начавшіяся убійства.—Депутация отъ города.—Пальба жителей.—Охрана города.—Посолъ въ Либаву.—Своеобразный митингъ.—Уходъ отряда.—Подготовлявшееся нападеніе въ лѣсу.—Обратный маршъ съ милліономъ казенныхъ денегъ.

Газенпотъ (по-латышски Aispute) возникъ въ 1378 году около замка, построеннаго (въ 1249 г.) магистромъ Дидрихомъ фонъ - Гренингеномъ ²⁾ на рѣкѣ Тебберъ. Развалины его довольно хорошо сохранились. Газенпотъ всегда былъ небольшимъ городкомъ. Узкоколейная ж. д. соединяетъ его съ Либавою. Жителей около 4 т.; евреи преобладаютъ 1½ т., латышей 1 т., нѣмцевъ 700, русскихъ 300, остальные — поляки и пр. Мѣстоположеніе красивое—горы, много зелени, самъ городъ чистый, порядочно вымощенъ.

Въ окрестностяхъ Газенпота много большихъ и богатыхъ имѣній съ прекрасными дворцами—замками. Къ памятникамъ старины относятся: въ им. Дзервенъ достопримѣчательныя развалины причудливыхъ каменныхъ построекъ, вполне сохранившійся и обитаемый замокъ Альмвангенъ (1373), епископ-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

²⁾ Гренингенъ, кромѣ Газенпотскаго и Гольдингенскаго, построили въ 1249 г. замки: Амботенъ—въ самой живописной мѣстности, именуемой Курляндской Швейцарією, и Дондангенъ, отлично сохранившійся до нашихъ дней.

скій в. Нейгаузенъ (1277), прославившійся упорной обороной 1558 г., когда 80 воиновъ и нѣсколько крестьянъ подъ начальствомъ Икскюля 6 недѣль держались противъ огромнаго русскаго войска—Курбскаго и Шуйскаго.

Въ 9 верстахъ отъ города находится богатое имѣніе Кацдангенъ.

Въ первыхъ числахъ декабря толпа вооруженныхъ позднимъ вечеромъ ворвалась въ замокъ; требуя указать спалню барона, желая, вѣрно, свести съ нимъ счеты; но его не было. Тогда злоумышленники потребовали выдачи оружія. Но встрѣтили отпоръ въ лицѣ лакея; въ завязавшейся перестрѣлкѣ былъ послѣдній убитъ, и прибѣжавшій на помощь драгунъ. Неожиданное для злоумышленниковъ появленіе въ комнатѣ еще одного драгуна обратило ихъ въ бѣгство—(драгунъ только и было двое, пріѣхавшихъ незадолго до того).

Два помощника уѣзд. начальника и судебный слѣдователь пріѣхали на слѣдствіе подъ охраною цѣлаго эскадрона—меньшими силами было опасно уже ходить по дорогамъ.

Свидѣтелями убійства были—ключница и служанка. Первая говорила, что помнить лишь одного злоумышленника. Такъ какъ думали, что въ числѣ ворвавшихся въ замокъ были и баронскіе батраки, то всѣхъ подозрительныхъ собрали и заставили для опознанія по одному продефилировать предъ ключницей. Дѣвушка пристально всматривалась въ лицо cadaго. Во все время слѣдствія въ комнатѣ толпилось много народа, входилъ по частямъ эскадронъ. Вертѣвшаяся въ ней небольшая собачка, бывшая, какъ оказалось, около лакея во время нападенія, вела себя вполне спокойно. Когда проходили батраки, собачка усѣлась около ключницы, какъ-бы тоже для осмотра. Прошло батраковъ уже болѣе половины (всѣхъ было около 30 ч.), какъ вдругъ собачка вскочила и громко залаяла на входившаго очередного батрака. Всѣ на это обратили вниманіе. Батракъ вышелъ—собака успокоилась. Прошли всѣ. Ключница колебалась—„какъ будто тотъ, на котораго лаяла собачка“, сказала она,—„но боюсь утверждать“. Тогда рѣшили снова заставить батраковъ, еще медленнѣе, пройти черезъ комнату. И едва тотъ же батракъ показался въ дверяхъ, какъ собачка опять бросилась и залаяла. Батрака арестовали; онъ болѣе другихъ былъ смущенъ и путался въ показаніяхъ.

Въ Гольдингенѣ служилъ помощникомъ нач. уѣзда Гуго Робертовичъ Детловскій, человекъ въ высшей степени симпатичный, безукоризненно честный. Раньше онъ былъ надзирате-

лемъ въ Якобштадтѣ, потомъ помощникомъ пристава въ Либавѣ и приставомъ въ Митавѣ. Онъ былъ очень дѣятельнымъ, зналъ все, что дѣлалось въ участкѣ.

Когда въ Курляндіи началось движеніе, ему для производства дознаній поручались особенно важныя дѣла, такъ какъ онъ проявлялъ всегда особенную энергію и способности.

Въ Митавѣ одно время полиція выслѣживала важнаго агитатора, котораго никакъ не удавалось, несмотря на всѣ старанія, поймать. Онъ хорошо былъ извѣстенъ въ лицо, безстрашно появлялся на улицахъ, но всякій разъ ловко ускользалъ отъ облавъ и засадъ. Однажды Детловскій замѣтилъ его на улицѣ и, будучи одинъ, бросился его арестовать. Латышъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и направилъ его уже въ Детловскаго, но послѣдній успѣлъ предупредить и, выстрѣливъ раньше, убилъ революціонера наповаль.

Соціалисты приговорили Детловскаго къ смерти и письменно увѣдомили его о томъ. Цѣня и жалѣя его, начальство предложило ему оставить службу, хотя на время. Детловскій отказался. Тогда его перевели помощникомъ нач. уѣзда въ Гольдингенъ. Это уже было значительное повышеніе для такого молодого человѣка, какимъ былъ Детловскій.

Въ Гольдингенѣ, гдѣ мы имѣли возможность близко узнать этого достойнаго человѣка, Детловскій съ обычною энергіею продолжалъ свою дѣятельность. Честно исполняя свои обязанности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чуждъ всякаго пристрастія и какихъ бы то ни было несправедливостей. И, благодаря этому, благополучно оканчивались многія столкновенія съ толпой,—грозившія при иныхъ обстоятельствахъ завершиться печально. Обыкновенно чины полиціи въ мѣста, гдѣ собирались запрещенные митинги и гдѣ вообще ожидалась безпорядки, ѣздили съ командой драгунъ. Былъ отданъ строжайшій приказъ „разгонять“ скопище силою и даже „уничтожать“. Но Детловскій, не въ ущербъ дѣлу, всего этого избѣгалъ. Революціонеры, проповѣдая справедливость, добиваясь отмѣны смертной казни, тѣмъ не менѣе не оцѣнили по достоинству благороднаго характера Детловскаго и искали случая его погубить. Детловскаго не разъ предупреждали, что въ Гольдингенѣ являлись командированные Центральнымъ Комитетомъ палачи для приведенія смертнаго приговора въ исполненіе. Но храбрый Детловскій не обращалъ на это вниманія и въ свою очередь охотился на нихъ же. Когда же драгуны и пѣхота покинули Гольдингенъ, надъ головою осужденнаго повисла грозная опасность.

Ему было сдѣлано нами предложеніе уѣхать вмѣстѣ съ солдатами въ Газенпотъ. Детловскій отвѣтилъ пишущему эти строки, что онъ, хотя и ясно сознаетъ безцѣльность дальнѣйшаго пребыванія, такъ какъ исполнять обязанностей онъ уже не можетъ, и предвидитъ, что съ нимъ случится, но поста не покинетъ.

Правда, въ городѣ оставался еще потерявшій всякое значеніе уѣз. начальникъ, (ему опасность не угрожала) и приставъ, чудомъ спасенный послѣ отъ смерти, но Детловскій былъ въ иныхъ условіяхъ. Съ грустью разстались мы съ нимъ, не убѣдивъ его ѣхать. Онъ скоро собирался жениться. И даже это обстоятельство не склонило его на соблазнъ спасти свою жизнь.

Какъ и слѣдовало ожидать, по уходѣ солдатъ, месть социалистовъ прежде всего обрушилась на Детловскаго. Его арестовали; нѣсколько латышей стерегли его, убѣжать было невозможно. Приговоръ не приводился въ исполненіе до полученія распоряженія Либавскаго Центрального Комитета, которому сообщили, что Детловскій находится уже въ ихъ рукахъ. Черезъ нѣсколько дней послѣдовало „предписаніе“ доставить осужденнаго въ Либаву. Зачѣмъ собственно продѣлывалось все это, мы не знаемъ. Надо полагать, что члены комитета желали тѣмъ показать свою власть, обставить „казнь“ торжественно, поглотиться надъ жертвою, помучить,—послѣднее вѣрнѣе всего.

Пока такимъ образомъ „правительства“ Либавское и Гольдингенское „сносились“ между собою, прошло много времени, на пути лежалъ Газенпотъ, а черезъ него небезопасно было пробираться, Детловскій томился подъ стражей. Помощи ожидать онъ ни откуда не могъ. Караульщики знали, конечно, что его ждетъ. Одинъ изъ нихъ, въ сердцѣ котораго социалисты не успѣли убить проблеска порядочности, видимо, сожалѣя Детловскаго, подавая ему револьверъ, посоветовалъ—„лучше застрѣлиться“. Но Гуго Робертовичъ отвѣтилъ, что онъ „трусомъ никогда не былъ“.

Что творилось въ Гольдингенѣ, по отступленіи изъ него войска, вообще и объ арестѣ Детловскаго сдѣлалось извѣстно въ Газенпотъ. Зная о приговорѣ комитета, мы обратились къ начальнику района (потерявшаго уже впрочемъ свой „районъ“) съ просьбою позволить съ 2-мя взводами драгунъ ѣхать освободить Детловскаго. Мы знали, что Гольдингенъ оберегался, что революціонеры опасались „взятія“ его обратно, учились наскоро баррикадировать улицы и пр., рѣшивъ дать отпоръ; тѣмъ

не менѣе у насъ была увѣренность, что планъ освобожденія легко былъ осуществимъ.

Но слѣпой исполнитель мелкихъ предписаній начальства, боясь „ослабить“ гарнизонъ, не позволилъ, мотивируя отказъ „неимѣніемъ права сдѣлать это безъ предписанія“ и, что „опасно“.

Нашелся смѣлый юноша—корнетъ Трофимовъ, который просидѣ позволенія ѣхать для той же цѣли освобожденія всего лишь съ нѣсколькими драгунами, но и этотъ благородный порывъ разбился о сухой формализмъ, если не хуже.

И мученическая смерть Детловскаго пусть тяготѣетъ на его совѣсти.

Спустя нѣкоторое время Детловскій увезенъ былъ въ Либаву, конечно, окольнымъ путемъ, черезъ лѣса, минуя Газенпотъ. Приговоръ исполненъ. Детловскій былъ убитъ; при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно. Его невѣста молила членовъ комитета сказать ей объ участи жениха, но Гольдингенскіе олигархи отозвались незнаніемъ. Послѣ разнесся слухъ, что трупъ бѣдняги Детловскаго съ явными слѣдами издѣвательства [напр., оторваны усы и пр.] нашли брошеннымъ на улицѣ Либавы. Не знаемъ, подтвердился ли онъ. Въ „Düna Zeitung“ (№ 11, 1906 г.) помѣщенъ былъ некрологъ Детловскаго, закончивавшійся такъ: „никогда, вѣрно, не узнаютъ, какъ онъ окончилъ свою жизнь“, „юноши должны брать примѣръ съ этого человѣка, который пожертвовалъ собою на пользу службы“.

Приведенный печальный эпизодъ изъ „курляндской революціи“ можетъ служить иллюстраціей нравовъ „борцовъ за свободу“, а также и жизни города, попавшаго въ ихъ власть.

Въ приказѣ начальникомъ раіоновъ предписывалось, чтобы войска при своемъ отступленіи увезли изъ городовъ управленія воинскихъ начальниковъ, цѣнности казначейства и пр. Сообразивъ заднимъ числомъ, что сдѣлалъ большую оплошность, не сообщивъ о томъ уходившимъ изъ Гольдингена, начальникъ раіона забилъ тревогу. Для исправленія ошибки приходилось командировать туда отрядъ. Но это простое рѣшеніе вопроса показалось ему уже трудно исполнимымъ. Опасался онъ почему-то и за отрядъ, который туда бы пошелъ, и за ослабленный выдѣленіемъ газенпотскій гарнизонъ. Дѣйствительно, изъ Гольдингена смутно доходили вѣсти о какихъ-то воинственныхъ приготовленіяхъ революціонеровъ къ встрѣчѣ могущаго прійти отряда, о какихъ-то пушкахъ. Поэтому экспедиція въ Гольдингенъ была сопряжена съ большимъ рискомъ, чѣмъ оставаться

въ весьма удобномъ для обороны замкѣ. Если бы даже въ Гольдингенѣ казначейство и не было брошено, то все-таки пойти туда отряду слѣдовало бы—появленіе его въ мятежномъ городѣ могло хотя нѣсколько поднять потерянный авторитетъ. Но въ этомъ отношеніи начальство не радѣло, войска бездѣйствовали и ничего не предпринимали противъ шатавшихся въ уѣздахъ вооруженныхъ бандъ. Наоборотъ, извѣстія объ успѣшныхъ восстаніяхъ въ нѣкоторыхъ городахъ какъ бы заставляли его уклоняться отъ столкновеній. Оно только жадно прислушивалось къ толкамъ о скоромъ приходѣ въ край сильныхъ частей войскъ, о скорой расправѣ съ мятежниками. Прислушивались, но сами ровно ничего не дѣлали. Активнымъ проявленіямъ движенія придавали большое значеніе. Въ Газенпотѣ роты стерегли всѣ входы въ него; даже днемъ стояли еще кругомъ и конные посты. „Главная Квартира“ отряда, помѣщавшаяся въ крѣпчайшемъ замкѣ, охранялась двумя эскадронами и одной ротой. Вокругъ стояли часовые. Словомъ, не будетъ ироніи, если скажемъ, что серьезно побаивались осады. На этотъ случай было отдано приказаніе: ротамъ очистить городъ, отступить въ замокъ. Почти весь отрядъ цѣликомъ шелъ въ нарядъ, солдаты не раздѣвались много уже дней, кое-какъ урывками спали, не выпуская винтовокъ изъ рукъ. Но никакихъ рекогносцировокъ не дѣлалось, и, что творилось въ уѣздахъ, было неизвѣстно. Вслѣдствіе перерыва сообщеній, отрядъ остался безъ руководства, ближайшій же начальникъ ничего не предпринималъ.

Такъ какъ революціонеры, казалось бы, не были столь наивны, чтобы, оставшись хозяевами, не забрать казенныхъ денегъ, хотя-бы „на дѣло агитаціи“, то Гольдингенское казначейство можно было считать потеряннымъ. Винovníку этого грозила серьезная отвѣтственность. — „Еще и пенсіона не дадутъ—выгонять“, трепеталъ раіонный. Онъ расхворался, улегся въ постель, отдавъ приказаніе двумъ эскадронамъ итти въ Гольдингенъ, а ротамъ усиленно охранять „Главную Квартиру“— „а то еще бомбою взорвутъ, такіе-сякіе“! Раіонный большой былъ любитель ругаться. Печальная судьба подп. Миллера не давала ему покойно спать. Но скоро раіонный снова заколебался и, по какимъ-то тамъ соображеніямъ, отмѣнилъ приказаніе итти въ Гольдингенъ. Онъ все опасался, неизвѣстно только за кого...

Между нашимъ раіоннымъ и Либавскимъ шла предъ тѣмъ мелочная пикировка изъ-за вопроса, кому охранять Либ.-Газ. ж. д. Комендантъ крѣпости (онъ и нач. Либав. раіона) вѣжливо

предложилъ возложить это на Газенпотскій отрядъ, мотивируя тѣмъ, что жел. дорога главнымъ образомъ необходима ему же, что слабый для Либавы гарнизонъ не можетъ выдѣлять нужныхъ для этой цѣли командъ. Но районный, усмотрѣвъ въ этомъ какъ-бы умаленіе своей особы, отказалъ. Когда же произошелъ перерывъ въ сообщеніяхъ съ Митавою, то комендантъ Либ. крѣпости объявилъ себя вр. ген.-губернаторомъ, и Газенпотскій отрядъ ему подчинился. Послѣ этого онъ уже поставилъ „на видъ“ начальнику Газенпотскаго отряда его оплошность въ оставленіи казначейства; напоминалъ, что гибель его грозитъ серьезною отвѣтственностью виновному и „предлагалъ“, хотя уже могъ приказывать, попытаться исправить ее.

Колебаться дольше уже было нельзя, и эскадроны получили приказаніе итти въ Гольдингенъ.

Выходъ ихъ былъ обставленъ большою тайною (въ первый разъ кто-то проболтался), слухъ объ экспедиціи пошелъ по Газенпоту. Въ 12 ч. ночи съ двумя помощниками уѣз. начальника, хорошо знавшими окрестности Гольдингена, отрядъ выступилъ. Такъ какъ незамѣтно выйти изъ города было невозможно, то на всякій случай мы пустили слухъ, что эскадроны идутъ въ Виндаву на поддержку тамошняго гарнизона. Для подкрѣпленія этого слуха дѣйствительно свернули на Виндавскую дорогу, хотя это и удлиняло путь.

Начальникъ отряда, составляя планъ экспедиціи, рассчитывалъ прибыть въ Гольденгенъ до разсвѣта. Но бывшая накануне полная оттепель позднимъ вечеромъ внезапно смѣнилась порядочнымъ морозомъ; грязь замерзла острыми комьями и сдѣлала путь необычайно труднымъ; лошади шли съ трудомъ, часто въ темнотѣ спотыкаясь, а предстояло пройти 40 верстъ. При лучшей дорогѣ это разстояніе можно было бы пройти часовъ въ 5. Все-таки отрядъ, несмотря на колоть, шелъ рысью.

Было 3 часа ночи, половина дороги была пройдена. Лошади видимо утомились, ступали неувѣренно—„подбились“ (казенныя лошади на заднія ноги не куются).

Оглянувшись назадъ, мы увидѣли, что въ полуверствѣ около погруженной, повидимому, въ глубокой сонъ корчмы нѣсколько разъ мелькнулъ свѣтъ сильнаго ацетиленоваго фонаря. Скоро подобный же огонекъ засвѣтился и далеко впереди. Несомнѣнно—сигналь о нашемъ движеніи.

Но—это имѣлось въ виду. Эскадроны продолжали еще итти на Виндаву. Скоро же, спустившись съ горы—мѣстность тамъ гористая,—они круто свернули вправо и скрылись въ громад-

номъ лѣсу, тянущемся уже до самаго Гольдингена. Прямая дорога изъ Газенпота, по свѣдѣніямъ, стереглась партією мятежниковъ. Помимо нежеланія вступать съ нею въ столкновение ночью, въ лѣсу, когда всѣ выгоды не на сторонѣ кавалеріи, обходное движеніе имѣло цѣлью войти въ Гольдингенъ неожиданно и не со стороны большой дороги.

Между тѣмъ въ лѣсу пришлось пробираться уже по едва замѣтной въ темнотѣ дорожкѣ. Безчисленные ручейки частью совсѣмъ не замерзли, а частью, какъ и болотистыя мѣста, покрылись ломавшимся льдомъ, немилосердно рѣзавшимъ ноги лошадямъ. Двухъ, не могшихъ уже слѣдовать дальше, пришлось даже бросить. Отсутствіе подводъ давало возможность все-таки, хотя и съ трудомъ, пробираться по этимъ дебрямъ. Но гдѣ еще сравнительно легко шла голова отряда, тамъ его „хвостъ“ проходилъ съ трудомъ — лошади грузли, приходилось дѣлать частыя остановки, чтобы „подтянуться“.

А между тѣмъ небо начало замѣтно свѣтлѣть, звѣзды гаснуть. Приближалось утро. Весь планъ могъ разстроиться. Будь при отрядѣ хотя плохонькое орудіе, примитивныя укрѣпленія при входѣ въ городъ, о которыхъ ходили слухи, не могли составить препятствіе, но кавалеріи съ ними пришлось бы считаться.

Уже вполнѣ начинался день, когда измученные эскадроны выбрались, наконецъ, изъ дебрей. Давъ лошадямъ немного „передохнуть“ и подтянувъ отставшихъ, отрядъ, насколько то позволяло утомленіе, быстро пошелъ впередъ. Оставалось еще версты 3. Въ виду уже самаго города, эскадроны, „выжимая“ послѣдки, понеслись галопомъ по острымъ глыбамъ замерзшей грязи.

Было хорошее морозное утро; лежащій за низкой болотистой долиной городъ окутанъ былъ клубившимся надъ землею туманомъ. Выходившее солнце окрасило его въ розовый цвѣтъ. Надъ нимъ только высились остроконечныя кирки. Если бы изъ города и наблюдали за мѣстностью, то, благодаря туману, эскадроновъ видѣть не могли, а они шли по дорогѣ заброшенной, по которой возили только изъ лѣсу дрова.

Отрядъ между тѣмъ шелъ уже по улицамъ предмѣстья. Городъ просыпался. На шумъ кое-гдѣ выбѣгали жители, но, увидя драгунъ, съ испугомъ бросались обратно во дворъ, тщательно запирая за собою калитки. Когда голова передового эскадрона выходила на площадь, около городской ратуши, раздались ружейныя выстрѣлы, гулкимъ раскатомъ пронесшіеся по совершенно еще пустой площади.

Эскадронъ спѣшился, выставилъ цѣпь стрѣлковъ; задній, спѣшившись тоже, выслалъ посты назадъ, вбѣжали въ ратушу. Въ пей было найдено довольно много ружей (по большей части хламъ) и 6 пушечекъ, заряженныхъ гвоздями, обрубками свинца. Эти пушки служили раньше городу для такъ называемой „виватной“ стрѣльбы во время разныхъ торжествъ, революціонеры ихъ приспособили, поставили на лафеты. Въ ратушѣ не нашли никого. Въ залѣ горѣли лампы и свѣчи; оказалось, въ ней только-что засѣдалъ Комитетъ—наступающій день имѣлъ ознаменоваться чѣмъ-то серьезнымъ и роковымъ для неугодныхъ революціонерамъ жителей. Услышавъ шумъ, члены Комитета съ предсѣдателемъ, приходившимъ объявить намъ бойкотъ, повыскакивали изъ окна прямо въ воду рѣченки, текущей подъ самой стѣною ратуши. Съ этой стороны окружить ее поэтому было нельзя, чѣмъ и воспользовались революціонеры. Свое избавленіе отъ изловленія со всѣми его неприятными послѣдствіями они купили принятіемъ холодной только ванны.

Предсѣдателя видѣли бѣжавшимъ по улицѣ совершенно мокрымъ.

Въ моментъ выхода эскадроновъ на площадь, въ одномъ мѣстѣ города шла расправа съ бывшимъ городскимъ головою—Адольфи. Ему нанесли нѣсколько ранъ холоднымъ оружіемъ въ домѣ, а послѣ вытащили на улицу и выстрѣлили ему изъ револьвера въ животъ. Вблизи ратуши (черезъ рѣчку, на соседней улицѣ) значительная толпа окружила квартиру пристава Буша, ломала дверь, окна, стрѣляла въ нихъ, требуя его выхода. Но приставъ заперся, рѣшивъ не даваться въ руки живымъ, онъ зналъ, что его ждетъ судьба Детловскаго. И эта рѣшимость спасла ему жизнь.

Интересно, что на улицѣ, около квартиры, мы нашли разбросанными много ружейныхъ патроновъ (отъ охотничьихъ ружей) съ разбитыми капсюлями, но изъ которыхъ выстрѣла не послѣдовало. Полюбопытствовали, разорвали нѣсколько картчей, но вмѣсто пороха—песокъ. Послѣ выяснилось: революціонеры обходили всѣ имѣнія „отбирать оружіе и патроны“. И вотъ управляющій одного, ожидая ихъ посѣщенія, снарядилъ на досугѣ много патроновъ съ пескомъ вмѣсто пороха. Явились революціонеры, потребовали выдачи. Хитрость удалась—иначе квартира пристава могла бы быть изрѣшетена картчей, погибнулъ бы и онъ самъ. Случай! Много въ жизни дѣлаетъ случай!

Одновременно съ разставленіемъ постовъ и обыскомъ ратуши

ранѣе еще назначенная команда направилась къ казначею съ приказомъ немедленно собрать всѣ цѣнности и доставить ихъ къ отряду.

Такимъ образомъ, заданіе на половину было исполнено. Предстояло только доставить милліонъ (денегъ было столько) въ Газенпотъ. Но казначей сообщилъ, что ранѣе 2 часовъ дня онъ приготовить все къ увозу не успѣетъ. Многіе изъ голдингенцевъ, кому въ городѣ опасно было оставаться дольше, просили взять ихъ съ собою, но дать время собраться, достать лошадей. Отказать, конечно, было нельзя. И выступленіе, какъ то и не было досадно, пришлось отложить на нѣсколько часовъ.

Начальникъ отряда потребовалъ къ себѣ депутацію отъ города. Она скоро собралась.

„Утро сегодняшняго дня, сказалъ онъ ей, началось для города съ убійствъ. Первою жертвою палъ почтенный старикъ, котораго вы, цѣня, вѣроятно, его заслуги, сами же избрали не особенно давно своимъ представителемъ. Говорятъ, что только приходъ отряда положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ убійствамъ, намѣченнымъ водворившимся здѣсь Революціоннымъ Комитетомъ. Не ставя отпора, вы ему подчинились, допустили разыгратъ преступной драмѣ съ такимъ достойнымъ человекомъ, какъ Детловскій. Противъ кого приготовлено (я это знаю) все нужное для баррикадъ, противъ кого заряжены найденныя мною въ ратушѣ пушки?

„Печальныя своими послѣдствіями событія, происшедшія въ Туккумѣ, Тальсенѣ и др. городахъ, а также творившееся послѣднее время и въ Гольдингенѣ дастъ мнѣ основаніе считать себя находящимся какъ бы въ непріятельской странѣ и быть готовымъ ко всему.

„Моему отряду придется пробыть здѣсь нѣсколько часовъ. Предупреждаю, если за это время въ кого-нибудь изъ насъ послѣдуетъ хоть одинъ выстрѣлъ, будетъ сдѣлана малѣйшая попытка помѣшать исполнить полученное мною приказаніе, я— сожгу вашъ городъ.

„Мѣры предосторожности мною приняты, но рекомендую и вамъ, господа представители города, сдѣлать то же. Совѣтую имѣть въ виду, что сюда скоро долженъ прибыть сильный отрядъ для сведенія счетовъ и возстановленія законнаго порядка. Поэтому новыми безумными выходками пусть жители Гольдингена не увеличиваютъ тяжести своей вины уже и за то, что случилось!“

Собственно говоря, этой „рѣчи“ можно было бы и не гово-

Ночь прошла спокойно. Время шло уже къ 3 часамъ дня. Отвѣта отъ начальства не было. Отдано было приказаніе готовиться къ уходу. Снова вывезли казначейство, собралось много экипажей съ убѣгавшими изъ Гольдингена; привезли и несчастнаго Адольфи; несмотря на тяжкія раны, онъ жилъ. Жители опять обратились съ горячей просьбой остаться еще „хотя на день“. Пришлось въ этомъ отказать. И въ городѣ началась снова паника.

Начальникъ отряда получилъ предупрежденіе, что на половинѣ прямой дороги въ Газенпотъ его ожидаетъ „нападеніе“ социалистовъ, рѣшили „отбить казначейство, истребить войска и ѣхавшихъ съ ними бариновъ и чиновниковъ“. Опасныя мѣста въ большихъ лѣсахъ предстояло проходить уже ночью. То обстоятельство, что при отрядѣ будутъ слѣдовать женщины, дѣти, раненый и онъ, отрядъ, растянется по узкой дорогѣ версты на двѣ, только озабочивало его начальника. Но уходить было нужно. Въ Газенпотъ можно ѣхать и по другой дорогѣ, удлинявшей путь на нѣсколько верстъ, но она зато не такъ лѣсиста. Засада ожидалась на первой. Рѣшено было слѣдовать по второй. Дороги эти расходятся въ самомъ городѣ, по этому планъ раскрывался сразу. Извѣщенная о принятомъ направленіи засада могла перейти на вторую дорогу (версть 6); все зависѣло отъ быстроты, но на нее рассчитывать было трудно.

Съ усиленными мѣрами охраненія пошелъ одинъ эскадронъ, за нимъ тронулся „обозъ“, настолько значительный, что для соблюденія въ немъ порядка пришлось назначить офицера и команду драгунъ. Шествіе замыкалъ другой эскадронъ. Отрядъ спѣшилъ пройти засвѣтло хотя первый особенно густой лѣсъ. Повозки сильно растягивались, особенно при подъемахъ, а по этой причинѣ отставалъ и тыльный эскадронъ, что было до крайности неудобно, если бы дѣйствительно случилось нападеніе.

Отъ города отошли уже около 7 верстъ.

Но вотъ тыльный эскадронъ далъ знать, что по дорогѣ мчится какой-то всадникъ, видимо догоняя строй. Остановились.

Всадникъ доскакалъ и подалъ бумажку; на ней карандашомъ было написано: „въ Гольдингенѣ получена телеграмма, чтобы отряду остаться въ немъ“. Оказалось, что содержаніе ея было передано по телефону въ им. Курмаленъ, около котораго отрядъ недавно прошелъ. Такъ какъ владѣлецъ его находился при отрядѣ въ качествѣ представителя отъ Газенпотской

полиціи, а всадникъ—его родственникъ, то вѣрить было можно. Отрядъ пошелъ обратно. „Бѣглецамъ“ это не понравилось—не хотѣлось имъ возвращаться въ Гольдингенъ. Нѣкоторые изъ нихъ рискнули было ѣхать дальше, но скоро встрѣченные выстрѣлами въ лѣсу должны были вернуться, отдѣлавшись только страхомъ.

Драгуны, не соблюдая уже мѣръ предосторожности, съ пѣніемъ входили въ городъ. На веселые звуки пѣсни изъ домовъ выбѣгали жители и радостно привѣтствовали возвращеніе ихъ. Но это было только на окраинѣ города. Ближе къ центру картина замѣтно мѣнялась. Прежде всего бросилось въ глаза то обстоятельство, что по улицамъ ходила толпа мужчинъ съ большими палками въ рукахъ. Солдатъ же не привѣтствовала, а смотрѣла на нихъ довольно таки не дружелюбно. При всемъ томъ она быстро разсѣялась по боковымъ улицамъ.

Разсказывали послѣ, какъ только отрядъ скрылся изъ вида, на улицѣ появилась какая-то дѣвушка въ красной шапочкѣ и выстрѣлила изъ револьвера на воздухъ. Какъ бы ошпававшій этого сигнала на площади началъ собираться „народъ“; „мирные же“ въ страхъ попрятались. На балконъ дома, около котораго собирались митинги, вышелъ уже ораторъ. Но въ это мгновеніе вѣсть о возвращеніи драгунъ облетѣла городъ. Ораторъ благоразумно ретировался, а толпа начала расходиться. Не трудно догадаться, о чемъ бы говорилось на собраніи, и опасенія, высказанныя однимъ изъ депутатовъ, могли бы оправдаться... Полученная телеграмма гласила: „Разрѣшаю остаться въ Гольдингенѣ до среды 14 декабря“.

Жители рѣшили послать въ Либаву просить оставить эскадронъ подольше, до прихода ожидавшагося войска, о чемъ ходили все болѣе упорные слухи. Къ ходатайству города присоединился и начальникъ отряда; въ рапортѣ своемъ онъ писалъ: „настоящій моментъ благопріятенъ для возстановленія порядка—среди жителей замѣтна реакція, многіе не сочувствуютъ движенію, видя для себя отъ него только стѣсненія, но безсильны оказать отпоръ. Если городъ увидитъ, что власти бросаютъ его и теперь на произволъ повстанцевъ, то будетъ вынужденъ примкнуть къ революціи“.

Затрудненіе состояло въ томъ, какъ добраться посланному до Газенпота. Везти просьбу былъ выбранъ одинъ молодой человекъ—тотъ самый, который снарядилъ патроны съ пескомъ. Онъ какъ-то умудрился достать на чужое имя пропускъ

отъ революціоннаго комитета, съ нимъ и поѣхалъ, везъ просьбу законныхъ представителей города и рапортъ военнаго начальника... По дорогѣ его задержали, но предъявленный пропускъ подѣйствовалъ; только одинъ латышъ-повстанецъ усѣлся на козлы, а два—сзади крытаго экипажа, на доску, куда привязываются дорожныя сундуки. Подъ этимъ конвоемъ посоль гольдингенскій ѣхалъ долго;—цѣль конвоировація ему была непонятна. Когда экипажъ выбрался изъ лѣсовъ, храбрый юноша выстрѣлилъ изъ „браунинга“ въ сидѣвшихъ сзади латышей—разъ, два! Попалъ ли—неизвѣстно, только латыши и даже сидѣвшій на козлахъ повскакивали. Кучеръ погналъ прекрасныхъ лошадей. Посоль благополучно прибылъ въ Газенпотъ, а оттуда въ Либаву по желѣзной дорогѣ.

Въ Гольдингенѣ между тѣмъ была организована охрана, подѣлена на команды, къ нимъ было придано по нѣскольکو драгунъ. Два дня прошли въ ожиданіи отвѣта изъ Либавы. Въ городѣ, повидимому, водворялось успокоеніе.

Одинъ латышъ-домовладѣлецъ обратился съ просьбою собрать на площади митингъ. Послѣдніе были запрещены, но въ виду содержанія рѣчи, которую онъ предъявилъ на просмотръ, ему это было разрѣшено, хотя и было основаніе опасаться осложненій. Латышъ не скрывалъ, что онъ социалистъ, но „благонамѣренный“. Митингъ собрался. Благонамѣренный читалъ свою рѣчь съ балкона ратуши. Рядомъ съ нимъ стоялъ городской голова—законный и начальникъ отряда. Ораторъ убѣждалъ своихъ согражданъ не поддаваться злымъ напештываніямъ; признавая ненормальность положенія вещей, онъ совѣтывалъ только добиваться осуществленія необходимыхъ реформъ путемъ мирнымъ, такъ какъ кровавый, на который вступила страна, только отдаляетъ проведеніе въ жизнь свободъ, намѣченныхъ Высочайшимъ манифестомъ. Рѣчь свою латышъ окончилъ приглашеніемъ крикнуть „ура“ въ честь Государя Императора, Россіи—и за ихъ процвѣтаніе. Головы слушателей обнажились, они довольно дружно крикнули „ура“. Впрочемъ... рисковано было и не крикнуть. Это было довольно таки своеобразный митингъ. Въ ратушѣ около дверей, ведущихъ на балконъ, стоялъ трубачъ, готовый на знакъ начальника выйти и заиграть—тревогу. Не бы тотчасъ повторилъ другой, поставленный на противоположномъ углу площади. А на звуки тѣхъ трубъ іерихонскихъ вынеслись бы вполнѣ готовые къ тому эскадроны. Латыши это вѣрно подозрѣвали.

День 18 декабря близился къ окончанію. Никакихъ из-

вѣстій не приходило. Только позднимъ вечеромъ возвратился посланный изъ Либавы, не привезя опредѣленнаго отвѣта. Поэтому отрядъ долженъ былъ уйти на другой день утромъ. Снова начался совѣтъ представителей города. Неопредѣленность отвѣта начальства объяснялась тѣмъ, что посломъ отъ Гольдингена выбрали не одного изъ его представителей, а человѣка случайнаго, котораго разсказамъ въ Либавѣ не особенно давали вѣру. Поэтому рѣшили немедленно послать помощника городского головы и еще кого-то, а начальника отряда опять принялись умолять остаться и на 14 число. Приказаніе уйти именно 14-го было категорическое, не исполнить его было рисковано. Начальникъ отряда вначалѣ колебался, но сдался на аргументъ: „подъ отвѣтъ попадете, но можно и пострадать для блага многихъ“—и остался.

Слухи о подходѣ какого-то отряда ходили уже болѣе опредѣленные; съ ближайшей станціи (Стенденъ—со стороны Митавы) привезено было евреями извѣстіе, что тамъ ожидается прибытіе и высадка пѣхотнаго полка, драгунъ и артиллеріи.

Итакъ въ Гольденгенѣ мы остались, вопреки приказанію, и по 14 число, но 15-го твердо рѣшили уйти. Такъ какъ первый выходъ показалъ намѣреніе пойти не по главной дорогѣ, то на другой разъ латыши не дали бы себя провести. А стало достовѣрно извѣстно, что уже на двухъ дорогахъ собраны силы повстанцевъ, что они не пропустятъ отряда безъ борьбы. Она съ случайнымъ сбродомъ, кой-чѣмъ вооруженнымъ, не была, конечно, опасна довольно сильному для того отряду. Но все тѣ же обстоятельства, о которыхъ указано выше, осложняли дѣло. Отказать, не взять съ собою, напр., раненаго, который все еще жилъ, было конечно нельзя.

Долго начальникъ отряда ломалъ себѣ голову, какъ избѣжать нежелательнаго столкновенія. Но вотъ, проходя по улицѣ, онъ увидѣлъ, какъ въ одинъ дворъ юркнули два члена комитета. По прежнему своему пребыванію въ городѣ, онъ зналъ многихъ. Фамиліи же крамольныхъ дѣятелей послѣдняго времени ему были сообщены. Его осянула мысль; ибо революціонеры были лично имъ арестованы и посажены въ тюрьму. Кромѣ принадлежности ихъ къ составу комитета, за ними ничего преступнаго не числилось. Начальнику тюрьмы было сказано, чтобы онъ допустилъ свиданіе посаженныхъ съ родственниками.

Вечеромъ къ начальнику отряда явилась цѣлая депутація съ просьбою освободить арестованныхъ, такъ какъ они „ни въ

чемъ не повинны и къ движенію не причастны“. Но имъ показанъ былъ „пропускъ“ съ печатью революціоннаго комитета, подписанный членомъ его, какъ разъ однимъ изъ плѣненныхъ (пропускъ этотъ отобранъ былъ у латыша паканунѣ при обыскѣ). Депутація смутилась.

— Не отпущу, это важные преступники, ихъ ждетъ военный судъ. Впрочемъ... Я везу ихъ съ собою въ Газенпотъ. Если по дорогѣ на отрядъ будетъ сдѣлано нападеніе, они тотчасъ же будутъ убиты; если нѣтъ—подъ Газенпотомъ отпущу.

Въ числѣ просителей была и жена одного изъ арестованныхъ.

На другой день, часовъ въ 11 (все поджидали телеграммы) отрядъ выступилъ тѣмъ же порядкомъ и по той же дорогѣ.

Не доѣзжая версты до большого лѣса, голова отряда остановилась, чтобы подтянуть повозки и послѣ возможно быстро пройти его. Было доложено, что арестованные хотятъ говорить съ начальникомъ. Онъ подошелъ, отославъ въ сторону конвой.

— Господинъ командиръ, сказали они, дайте, пожалуйста, намъ лошадей и позвольте ѣхать верхомъ впереди.

— Зачѣмъ? Будьте со мною откровенны; ожидаете нападенія?

— Точно не знаемъ, но по всей вѣроятности. Мы, если позволите, поѣдемъ впереди и, если что замѣтимъ, дадимъ знакъ платкомъ.

— Поѣзжайте, но помните—это для васъ вопросъ жизни или смерти.

Латышей посадили на лошадей, поставили между солдатъ-часовыхъ и отправили въ передовой дозоръ съ офицеромъ, которому громко было отдано приказаніе при нападеніи прежде всего покончить съ ними. Одинъ изъ нихъ вынулъ изъ кармана платокъ и заложилъ за бортъ пальто—приготовился.

Втянулись въ лѣсъ. По выпавшему за день передъ тѣмъ небольшому снѣгу видно было много человѣческихъ слѣдовъ. Здѣсь проходила банда.

Отрядъ все шелъ и шелъ; никого не было видно. Благополучно миновали одинъ лѣсъ, послѣ другой, третій. Впереди уже не было опасныхъ мѣстъ. Остановились на привалъ. Дрожавшимъ отъ холода въ легкихъ пальто членамъ Гольдингенскаго комитета дали выпить, закусить.

— Пойдемте, я выведу васъ за цѣль часовыхъ и, согласно обѣщанію, отпущу, сказалъ имъ начальникъ отряда.

Эскадроны остановились на отдыхъ въ имѣніи, отъ замка

котораго остались только обгорѣлыя стѣны. Проходя около нихъ офицеръ сказалъ:

— Вотъ, господа, плоды вашей работы. Что этимъ достигается? Озлобленіе только! Вы безсмысленно истребляете чудныя старинныя постройки, богатые собранія рѣдкихъ вещей, библіотеки, архивы. Вѣдь, это достояніе не отдѣльныхъ бароновъ—это украшеніе и богатство страны, пожаръ—это варварство, первобытный способъ борьбы, онъ не дѣлаетъ чести культурному народу, каковымъ вы себя почитаете. Этимъ я не хочу сказать, что вы неправы въ своихъ стремленіяхъ; зачѣмъ только прибѣгать къ такимъ приемамъ! Вы лично одобряете это?

— Нѣтъ и нѣтъ! искренно сказали латыши, люди симпатичные и видимо добродушные. Но въ этомъ система борьбы, другой народъ не понимаетъ.

— Ну, оставимъ это. Отвѣтите мнѣ только еще на одинъ вопросъ. Даю слово, до времени отвѣтъ сохраню въ тайнѣ. Что сдѣлали съ Детловскимъ?

— Въ свою очередь даемъ вамъ слово,—не знаемъ. Было приказано доставить въ Либаву, исполнили. Послѣдствія намъ не извѣстны.

— Убить?

— По всей вѣроятности.

Въ Гольдингенѣ по уходѣ эскадроновъ разыгралась такая сцена. Къ уѣздному начальнику, оставшемуся въ городѣ уже въ полнѣйшемъ одиночествѣ (старшій помощникъ, приставъ, надзиратель уѣхали съ нами; городскихъ давно уже не было), явилась толпа и „приказала“ немедленно написать начальнику ушедшаго отряда предписаніе освободить увезенныхъ арестованныхъ—„въ противномъ случаѣ войска будутъ уничтожены“. Уѣздный начальникъ, какъ говорили, исполнилъ, предписаніе было написано и послано съ бывшимъ урядникомъ, облачившимся на этотъ случай снова въ форму. Урядникъ поскакалъ, но вблизи города же толпа его избила, отняла шашку. Хотѣли писать новую „бумагу“, послать новаго посла. Но къ тому же уѣздному начальнику чрезъ нѣкоторое время явилась снова толпа и объявила, что никакого предписанія уже не нужно, что „войска разбиты, уничтожены“.

Поздно вечеромъ прибыли въ Газенпотъ.

Начальника отряда выздоровѣвшій районный встрѣтилъ сильнѣйшимъ „разносомъ“ за „самовольство“, сообщеніемъ, что „объслушаніи“ уже донесено ген.-губернатору, и грозитъ судомъ.

Но о томъ, что, благодаря удачному выполненію порученія, съ его-то плечъ свалилась серьезная отвѣтственность, онъ умалчивалъ—опасность миновала. Между прочимъ начальство повыше, разсмотрѣвъ рапорты о дѣйствіи отряда, нашло поступки его начальника правильными.

Милліонъ казенный предполагалось на другой день отправить по жел. дорогѣ въ Либаву.

Глава XI.

Нападеніе на эскадронъ. — „Сраженіе“. — Разные эпизоды его. — Потери обѣихъ сторонъ. — Отношеніе жителей города къ раненымъ солдатамъ. — Цѣль нападенія. — Томительное положеніе гарнизона въ ожиданіи нападенія на Газенпотъ. — Рапортъ начальству. — Результатъ столкновенія повстанцевъ съ войсками.

Днемъ 16 декабря полиція доложила районному, что въ 9 верстахъ отъ Газенпота около ж. д. ст. Маріенгофъ, именно тамъ, гдѣ къ ней подходитъ грунтовая дорога на Либаву, стоитъ многочисленная вооруженная толпа съ красными флагами. Такъ какъ эта жел. дорога постоянно портилась злумышленниками, то думали, что и на этотъ разъ они собрались для той же цѣли. Въ виду того, что послѣднее время повстанцы вели себя необыкновенно дерзко, чуть не въ тѣсной блокадѣ держали самый городъ, то районный для ея разгона назначилъ 1 эскадронъ и 3 роты, т. е. большую часть свѣжихъ силъ (всего въ Газенпотѣ въ это время было 165 чел. пѣхоты и 200 драгунъ, считая и нестроевыхъ), но самъ командовать не поѣхалъ, поручивъ тому же офицеру, который вѣдилъ въ Гольдингенъ за казначействомъ.

Въ 11 ¹/₂ часовъ дня эскадронъ выступилъ изъ города—ранѣе ротъ и пошелъ рысью—спѣшилъ прибыть къ мѣсту, чтобы помѣшать портить путь жел. дороги; поэтому роты не скоро могли прибыть.

Въ верстѣ отъ города навстрѣчу попался вѣхавшій въ саняхъ молодой латышъ. Извѣстенъ онъ былъ намъ по Гольдингену, какъ одинъ изъ коноводовъ. Еще до выхода оттуда солдатъ, онъ какъ-то явился въ полицію съ предсѣдателемъ Комитета и безапелляціонно заявилъ: „въ Гольдингенѣ будетъ издаваться социаль-демократическая газета; я—редакторъ, а вотъ, указывая на предсѣдателя, издатель. На основаніи свободы слова, мы не нуждаемся въ „разрѣшеніи“, а заявляемъ вамъ, (уѣздному начальнику) „явочнымъ порядкомъ“. На всѣ вопросы

уѣзд. начальника онъ отвѣчалъ—„что вамъ до этого“. Даже на вопросъ, кто вы, какъ ваша фамилія, отвѣтилъ этою же фразою. Мы были при этомъ и ушамъ не вѣрили. Sic transit... Манифестъ прогремѣлъ, но трудно сразу отрѣшиться отъ того, съ чѣмъ человѣкъ свыкся...

Но уѣзд. начальникъ ничего, не приказалъ схватить, посадить, а принялъ заявленіе, подписанное „Издателемъ“ обѣ имѣвшейся издаваться газетѣ.

Появленіе „редактора“ соц. дем. органа въ Газенпотѣ, по дорогѣ, ведущей оттуда, гдѣ стояла вооруженная толпа, наталкивало на мысль, что затѣвается не совсѣмъ обычное, въ родѣ вполнѣ уже обычныхъ тогда порчъ жел. дорогъ, или тамъ разныхъ демонстрацій подъ сѣнью революціонныхъ знаменъ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Газенпота лежитъ довольно густой лѣсъ. Онъ узкій—около версты; вправо доходитъ до полотна жел. дороги, а влѣво тянется далеко и соединяется съ другимъ большимъ лѣсомъ

На половинномъ разстояніи и на изгибѣ дороги стоятъ большой сарай такъ, что заслоняетъ собою путь до лѣса со стороны города. Мы увидѣли, какъ лошадь, запряженная въ сани, выѣхала изъ-за этого сарая. Сидѣвшіе въ саняхъ два человѣка, замѣтивъ идущій эскадронъ, повернули назадъ и вскачь понеслись къ лѣсу. Это обстоятельство показалось подозрительнымъ. За уходившими поскакали драгуны и задержали. Ко всему этому скоро замѣтили, какъ въ лѣсу перебѣжало къ опушкѣ нѣсколько человѣкъ и залегло за деревья. Не оставалось сомнѣнія, что и этотъ лѣсъ занятъ. Продолжать движеніе въ конномъ строю прямо по дорогѣ было конечно нельзя. Предварительно нужно было выбить банду. Пѣхоты не было видно. Поэтому эскадронъ былъ спѣшенъ и стрѣлковою цѣпью направленъ въ лѣсъ. Съ опушки грянулъ въ нихъ залпъ, не причинившій вреда. Драгуны, не обращая на него вниманія, продолжали бѣжать и скоро вскочили въ опушку. Началась сильная перестрѣлка. Слышались отчетливо густые выстрѣлы охотничьихъ ружей и рѣзкое щелканье винтовокъ. Черезъ нѣкоторое время, постепенно отдаляясь, трескотня пошла по всему лѣсу. Являлось впечатлѣніе, что тамъ идетъ „великолѣпная охота“, какія курляндскіе бароны такъ любятъ устраивать.

Но вотъ нѣсколько драгунъ, медленно, осторожно ступая, вынесли изъ лѣсу убитаго наповалъ своего товарища. Черезъ минуту вынесли и положили на дорогу еще одного убитаго. Послѣ привели трехъ раненыхъ тяжело драгунъ и урядника

Казашникова, волонтеромъ пошедшаго въ лѣсъ. Итого шесть жертвъ. А выстрѣлы все не смолкали, только отдалялись. По ту сторону лѣса, на полѣ въ разныхъ мѣстахъ лежало много убитыхъ и корчившихся въ предсмертной агоніи латышей. Ближе къ опушкѣ въ лѣсу видно было также не мало труповъ, рѣзко выдѣлявшихся на свѣжномъ покровѣ.

А бойня все шла, только уже слышалось одно щелканье винтовокъ; рѣдко когда ружейный выстрѣлъ. Вправо по выходѣ изъ лѣса лежитъ небольшой перелѣсокъ, за нимъ полотно жел. дороги. Изъ него на буланомъ конѣ выѣхалъ латышъ и, что-то крича, поскакалъ по опушкѣ—видимо отдавалъ приказанія. Одинъ драгунъ перескочилъ ровъ, понесся къ нему—и предводителя не стало, а также и еще нѣсколькихъ повстанцевъ, убитыхъ все тѣмъ же драгуномъ.

Изъ Газенпота примчался повѣздъ; полурота высадилась, рассыпалась въ цѣпь; но ей въ томъ мѣстѣ уже нечего было дѣлать, и она чрезъ нѣкоторое время снова усѣлась въ вагоны и укатила обратно. Безполезно только потрачено было топливо. Но въ лѣсу влѣво отъ дороги „охота“ продолжалась.

Едва драгуны, въ началѣ столкновенія съ бандой, вскочили въ опушку, какъ по нимъ открылась частая пальба. Первое мгновеніе въ довольно густомъ лѣсу солдаты не замѣтили латышей, лежавшихъ за кустами и деревьями. Но, оглядѣвшись, въ свою очередь начали стрѣлять и работать прикладами. „Забастовщики“ (такъ революціонеровъ называли солдаты) первые открыли огонь, убили ихъ товарищей—это обстоятельство привело драгунъ въ озлобленіе. Пощады не давалось. Повстанцы не выдержали натиска, обратились въ бѣгство, разсѣявшись по лѣсу. Съ этого времени началась уже бойня. Многие влѣзли на деревья, думая найти тамъ спасенье, и пораженные пулями сваливались на землю. Но нѣкоторые изъ латышей, отбѣжавъ нѣсколько, прятались въ кустамъ и стрѣляли въ солдатъ. Когда они, не замѣчая ихъ, пробѣгали впередъ; давали промахъ и съ раздробленными головами оставались лежать тамъ ужь мертвыми.

Латыши-драгуны, находившіеся у начальства подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относительно своей благонадежности, проявляли выдающуюся жестокость. Такъ, одинъ изъ нихъ погнался за повстанцами и, стрѣляя на бѣгу, кричалъ по-латышски „стойте“. Бѣглецы, слыша родной языкъ, останавливались—ружья свои они давно уже побросали,—опустились на колѣни и говорили: „обжалуесь!“ (помилуй!). Солдаты прочель (по-ла-

тышски) наставленіе—что, молъ, вы измѣнники, бунтовщики, забыли присягу, товарищей нашихъ убили... и т. д. и спокойно, съ выдержкой убилъ всѣхъ 6 человекъ, не перестававшихъ молить о пощадѣ... Подобныхъ сценъ было не мало.

Пожилой уже латышъ приведенъ былъ молодымъ солдатикомъ въ качествѣ военнопленнаго (единственный случай). Увидя это, подбѣжалъ съ сильно окровавленнымъ отъ легкой раны въ лицо драгунъ и направляя винтовку въ трясущагося, какъ въ лихорадкѣ и упавшаго на колѣни пленнаго, кричалъ: Позвольте, Ваше Высокоблагородіе.—я его убью; такъ что меня ранили, нашихъ побили, то я его убью“. И не мало усилій пришлось употребить, чтобы спасти несчастнаго и успокоить озвѣрѣвшаго солдата.

Банда была выбита изъ лѣса. Но продолжать движеніе далѣе, къ Маріенгофу, „не обезпечивъ тыла“ — до прихода пѣхоты было нельзя. Къ тому же было неизвѣстно, вполнѣ ли очищенъ лѣсъ. По этому одному драгуну было приказано, быстро его проскакать, ѣхать навстрѣчу ротѣ и передать приказаніе спѣшить. Если въ лѣсу могли еще задержаться повстанцы, то ближайшая полоса къ дорогѣ, казалось бы, могла считаться безопасною. Но приказаніе „проскакать“ лѣсъ было удачно. Не успѣлъ драгунъ отскакать и сотни саженой, какъ въ него тутъ же, около самой дороги, послѣдовалъ выстрѣлъ. Но драгунъ, не задерживая лошади, въ свою очередь выстрѣлилъ изъ револьвера, не задолго предъ тѣмъ взятаго у повстанца, въ стоящаго подъ деревомъ съ дымящимся еще ружьемъ въ рукѣ латыша — пуля угодила въ переносье, и безумный храбрецъ, какъ подкошенный, рухнулъ на землю. Конечно, это былъ только случай, драгунъ, вѣрно, и не цѣлился.

Поданъ былъ сигналъ „сборъ“. Много разъ пришлось его повторить—солдаты увлеклись въ своемъ преслѣдованіи и не охотно возвращались къ эскадрону.

Тѣмъ временемъ подошла пѣхота. Ей было поручено еще разъ осмотрѣть лѣсъ и охранять его до возвращенія эскадрона, который и пошелъ впередъ, къ ст. Маріенгофъ. Позади же въ лѣсу снова скоро защелкали винтовки — пѣхота оканчивала „дѣло“, начатое драгунами.

Около станціи также была банда повстанцевъ. Лѣсистая мѣстность скрывала большую ея часть. Видно было только, какъ они небольшими группами разбѣгались въ разныя стороны. И здѣсь пало не мало латышей. Путь около станціи испорченъ не былъ. На подкрѣпленіе эскадрону изъ города прислано

было еще 50 драгунъ. Такимъ образомъ газенпотскій отрядъ почти весь выведенъ былъ противъ повстанцевъ. Въ „Главной Квартирѣ“ остался только его—начальникъ, рота и человекъ 40 драгунъ. Но все уже было окончено, подкрѣпленія были излишни. Собравъ и на этотъ разъ съ усиленіемъ драгунъ, они пошли обратно. Съ собою въ качествѣ трофеевъ повезли: военнопленнаго, упомянутаго буланаго коня и еще двухъ латышей, понавшихся по дорогѣ въ бричкѣ и показавшихся полиціи подозрительными.

Возвращавшійся отрядъ встрѣтилъ районный. Онъ „благодарялъ“ солдатъ „за усердную службу“...

Шедшая въ лѣсу стрѣльба отчетливо была слышна въ Газенпотѣ. Среди жителей-латышей, ходившихъ по городу, царило большое волненіе. Когда по улицамъ провозили убитыхъ и окровавленныхъ раненыхъ, латыши изъ этого, вѣроятно, заключили, что „войска“ побѣждены и не стѣсняясь даже кричали: „добейте ихъ, добейте“! И могли бы это сдѣлать, если бы вокругъ саней не шли съ заряженными ружьями солдаты. Раненыхъ повезли въ больницу, ихъ тамъ не приняли, фельдшеръ-латышъ, страха ради, уклонился даже подать первую помощь. И только послѣ долгихъ усилій удалось вахмистру пристроить окоченѣвшихъ отъ холода раненныхъ. Ихъ впрочемъ, изъ опасенія приведенія въ исполненіе „добейте“, скоро перевезли въ замокъ.

По собраннымъ послѣ полиціею приблизительнымъ свѣдѣніямъ было убито свыше ста человекъ. Но это число могло быть и больше—далеко не весь лѣсъ былъ осмотрѣнъ. Полиція труновъ не собрала, не хоронила, предоставивъ это населенію. Что касается числа раненыхъ, то оно совершенно неизвѣстно. Но по многимъ признакамъ и слухамъ должно было быть весьма значительно.

Съ какою цѣлью латыши устроили засаду? Это было послѣ вполне выяснено—чтобы завладѣть казначействомъ. Революціонный Комитетъ письменными распоряженіями, разосланными по волостямъ, приказалъ „отбить у войскъ похищенные ими народныя деньги“. Вначалѣ напасть предполагалось по дорогѣ изъ Гольдингена. Но, по какимъ-то соображеніямъ, 15 дек. нападеніе сдѣлано не было; „народъ“ Гольдингскаго у., подкрѣпленный собраннымъ въ Газенпотскомъ, переведенъ былъ за Газенпотъ, такъ какъ вожаки были увѣрены, что миллионъ на другой же день будетъ повезенъ въ Либаву, что, между про-

чемъ, районный и рѣшилъ было сдѣлать (по желѣзной дорогѣ въ 2 ч. дня).

Въ одной изъ волостей, какъ то извѣстно изъ полицейскаго протокола, старшина получилъ распоряженіе собрать народъ, но разорвалъ и умолчалъ о немъ—и ни одинъ житель той волости въ столкновеніи подъ Газенпотомъ не участвовалъ.

Нѣкоторые очевидцы рассказывали намъ, какъ по дорогѣ на подводахъ шумно вѣхали повстанцы къ Газенпоту, съ ивнѣмъ революціонныхъ пѣсенъ и какъ они же съ перевязанными ранами, теперь послѣ пробирались окольными путями во-свояси...

Планъ нападенія, вѣроятно, былъ таковъ: революціонерамъ не было извѣстно, повезутъ ли деньги по жел. дорогѣ или отправятъ съ отрядомъ по грунтовой. Послѣднее, по многимъ соображеніямъ, они имѣли основаніе считать болѣе вѣроятнымъ. Поэтому одну, болѣе многочисленную банду, они расположили въ ближайшемъ лѣсу, а другую поставили около Маріенгофа, о которой только и сдѣлалось извѣстно полиціи. Грунтовая дорога на Либаву подходитъ къ самой станціи, мѣсто около нея для засады и нападенія болѣе удобное—къ тому же и дробить имъ было бѣ ненужно. Первая банда, силою, какъ намъ казалось, около тысячи человекъ¹⁾ должна была неожиданно напасть на отрядъ, вторая произвести крушеніе поѣзда. Какъ утверждали послѣ свидѣтели, была еще одна довольно многочисленная банда, стоявшая гдѣ-то недалеко въ другомъ стратегическомъ пунктѣ подъ предводительствомъ того самаго студента-технолога, который намъ объявлялъ бойкотъ. При первомъ извѣстіи о пораженіи онъ, вмѣсто того, чтобы идти на выручку, бросилъ товарищей и бѣжалъ безъ оглядки, по примѣру вожака разбѣжались и послѣдніе. Не исполнилъ онъ своего торжественнаго заявленія о готовности умереть за народъ!

Въ печальной памяти для курляндскихъ латышей день 16 декабря „жертвою пали въ неравной борьбѣ“ (драгунъ было, не считая коноводовъ, человекъ 60) лишь рядовые повстанцы; многихъ изъ нихъ погналъ въ банду только терроръ. Люди же „идеи“, ихъ вожаки, щадили свою жизнь, могущую пригодиться для того, чтобы устроить въ будущемъ хотя бы еще... такую же бойню.

Никакого осмотра окрестностей не дѣлали; а это было соб-

¹⁾ Относительно числа повстанцевъ, собранныхъ подъ Газенпотомъ, ходили послѣ разнорѣчивые слухи; многіе, по достовѣрнымъ источникамъ, утверждали, что собрано ихъ было до десяти тысячъ. Судя по всему, это число могло быть не особенно преувеличено.

ственно необходимо уже въ виду того, что въ лѣсу могли остаться раненые. Вообще не было предпринято ничего въ этомъ отношеніи. Но рекогносцировка была еще необходима въ видахъ полнаго разгона бродившихъ партій для довершенія того дѣла, за которое взялись. Полагались на полицію, которая собирала свѣдѣнія чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ. На другой уже день она сообщила о присутствіи вблизи города небольшой банды. Разгонять ее послали отрядъ. На этотъ разъ во главѣ его сталъ и самъ раіонный. Такъ какъ мы отъ участія въ немъ уклонились, то приводимъ подлинное донесеніе къ г. губернатору.

„Допошу, что 17 дек. въ небольшой березовой рощѣ, лежащей въ 3 вер. отъ города по дорогѣ на им. Кацдангенъ, появилась банда злоумышленниковъ. Для ея разсѣянія были высланы 2 роты пѣхоты и полъэскадрона драгунъ. При приближеніи войска, былъ открытъ слабый огонь, не причинившій никакого вреда. Наступленіе цѣпи пѣхоты вызвало бѣгство злоумышленниковъ, при чемъ изъ нихъ былъ убитъ 1 человекъ (пѣхота открыла огонь за версту).

Вполнѣ уже выяснилось, что окрестные лѣса, весьма близко лежащіе около города, наполнены бандами вооруженнаго народа; даже на ночь онѣ остаются тамъ. Сегодня ночью производилась сигнализациа сильнымъ бѣлымъ огнемъ, своего рода прожекторъ. Работа сигнализациа продолжалась съ 9 ч. вечера до 1¹/₂ ч. ночи. Или это сигнализациа, или попытка заманить войска въ засаду. Прежде шли слухи, что народъ собирается, чтобы завладѣть Газенпотомъ. Они теперь оправдались. Теперь пошли еще упорнѣе слухи, что ожидается подходъ народа изъ дальнихъ волостей и сосѣднихъ уѣздовъ, чтобы задавить отрядъ массою, и что нападеніе генеральное назначено на 20 дек. Подъ вліяніемъ этихъ упорныхъ слуховъ, игнорировать которыми нельзя, приходится все время быть въ напряженномъ состояніи. Всѣ силы ввѣреннаго мнѣ отряда идутъ на самоохраненіе: все идетъ въ нарядъ, особенно ночью, что при стоящихъ морозахъ весьма тяжело отзывается на нижнихъ чинахъ. И это тяжелое положеніе усиливается неизвѣстностью, какъ долго оно продолжится. Долго держать отрядъ въ такомъ положеніи трудно. При нашествіи народа, если таковое случится, удержать городъ нашему отряду едва-ли удастся. Придется всѣмъ отступить въ им. „Шлоссъ-Газенпотъ“ и уже защищать себя. Опасаться за цѣлость отряда нѣтъ особеннаго основанія“.

По обыкновенію, раіонному донесеніе соотряпали.

Сигнализациа „сильнымъ бѣлымъ огнемъ“, о которой упоминается въ немъ, была не болѣе, какъ отблескъ дѣйствительно прожектора, но — работавшаго въ Либавскомъ военномъ портѣ (версть 40). Не разъ приходилось видѣть и послѣ эти бѣлые снопы свѣта, двигающіеся надъ горизонтомъ.

„Упорные слухи“ о подходѣ народа—не оправдались; „генеральнаго нападенія“ не произошло. Наоборотъ, какъ о томъ скоро удостовѣрила и полиція, всѣ лѣса совершенно очистились отъ бандъ, проѣздъ по дорогамъ сталъ возможенъ. Даже злополучную жел. дорогу перестали портить, и движеніе по ней возстановилось нормальное (подъ охраною пѣхоты).

Вообще 16 декабря можно считать поворотнымъ въ ходѣ развитія активнаго вооруженнаго возстанія. Движеніе конечно не утихло — успокоеніе такими средствами не достигается, но воинственный пылъ латышей все-таки достаточно былъ охлажденъ. Приходилось слышать отъ нихъ же и сѣтованія на вожаковъ за то, что послѣдніе, не взвѣсивъ шансовъ на успѣхъ, погнали довѣрчивый народъ въ лѣсъ, а сами, отдавъ распоряженіе, во время скрылись, бросивъ ихъ на бесполезную жертву разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, а послѣ карательныхъ отрядовъ и правосудія.

Такъ какъ Газенцотскій гарнизонъ, боясь ослабленія, не рѣшился выдѣлить изъ своего состава, отрядъ для доставки казначейства въ Либаву, то изъ крѣпости чрезъ нѣсколько дней были присланы за нимъ нѣсколько ротъ пѣхоты, казаки, пулеметы. Само собою, подъ охраною такихъ почтенныхъ силъ, милліонъ благополучно былъ доставленъ въ безопасное мѣсто.

Злополучныя это были деньги. Много изъ-за нихъ пережито было волненій, много крови было пролито!

ГЛАВА XII.

Прибытіе карательныхъ отрядовъ. — Дѣятельность ихъ. — Рѣчь къ представителямъ отъ волости. — Результатъ энергичнаго дѣйствія. — Репрессіи. — Смирненіе латышей. — Вымогательства революціонеровъ. — Отношеніе ихъ къ „народнымъ“ деньгамъ.

Конецъ декабря прошелъ безъ особенныхъ происшествій. Тѣмъ временемъ въ край прибыло много войска. Они постепенно отвоевывали обратно города и уѣзды. И въ Гольдингенъ скоро послѣ нашего оттуда ухода прибылъ, наконецъ, отрядъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся частью населе-

нія. Отрядъ прибылъ въ составѣ цѣлаго пѣхотнаго полка, 2-хъ эскадроновъ и батареи артиллеріи (изъ Ломжинской губ.)

Не доходя двухъ верстъ до города, этотъ карательный отрядъ остановился за р. Виндавой и выслалъ на рекогносцировку драгунъ. Не получая отъ нихъ долго донесенія и подозрѣвая не доброе, онъ послалъ въ городъ въ качествѣ еще развѣдчика—гранату; она сорвала крышу одного домика, но человѣческихъ жертвъ себѣ, къ счастью, не нашла. Тогда жители въ паническомъ ужасѣ поспѣшили изъявить покорность и вручили побѣдителямъ „ключи города“.

Въ м. Фрауэнбургъ (45 вер. отъ Гольдингена) пришли 4 эскадрона (изъ Гродненской губ.) и тотчасъ же ознаменовали свое прибытіе разстрѣломъ нѣсколькихъ коноводовъ возстанія.

Съ этого времени въ краѣ началась „дѣятельность карательныхъ отрядовъ“, при участіи прикомандировавшихся къ нимъ на роляхъ помощниковъ уѣзднаго начальника — представителей частью именитаго дворянства. Съ удивительной энергіею, подогрѣваемые местию за сожженные замки, принялись они искоренять крамолу — ловили и допрашивали сотни латышей, систематически прибѣгая къ большому „пристрастію“. И съ этого времени въ Митаву посыпались телеграммы съ перечисленіями разстрѣлянныхъ „важныхъ агитаторовъ“. Сжигались рядомъ съ этимъ и крестьянскія усадьбы главныхъ причастныхъ къ движенію лицъ, чужь бѣду, скрывшихся при прибытіи карательныхъ отрядовъ.

Расправа чинилась долго, очень долго. Лишь въ началѣ ноября 1906 г. послѣдовало „распоряженіе начальникамъ карательныхъ отрядовъ впредь не примѣнять тѣлесныхъ наказаній и не сжигать усадебныхъ строеній, а въ случаѣ совершенія преступленій предавать виновныхъ военно-полевому суду“.

Нагнавъ страхъ въ Гольдингенѣ, отрядъ для той же цѣли перешелъ въ Шрунденъ (въ Гольдингѣ для поддержанія водвореннаго порядка были оставлены, сравнительно, небольшія силы). Въ составъ его изъ Газенпота командированы два эскадрона. Шрунденская волость была одна изъ безпокойныхъ.

Прежде всего приказано было собрать всѣхъ усадебовладѣльцевъ. Они покорно явились къ крыльцу дома, гдѣ расположенъ штабъ отряда. Пришли пѣхотные солдатки съ заряженными ружьями и тѣснымъ кольцомъ, плечо къ плечу, окружили перепуганныхъ латышей. Вышелъ начальникъ отряда и

при помощи переводчика обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ упрекалъ въ томъ, что они, почтенные по возрасту люди, слушались безусыхъ мальчишекъ, совершили столько незаконныхъ поступковъ, пошли съ оружіемъ въ рукахъ въ лѣса и не остановились даже предъ нападениемъ на войска. Объяснилъ имъ всю несостоятельность тѣхъ средствъ, которыми они пытаются осуществить свои чрезмѣрные требованія.

Начальникъ отряда въ заключеніе своей рѣчи, объявилъ латышамъ требованіе — назвать всѣхъ агитаторовъ и членовъ революціоннаго комитета подъ угрозой: „если черезъ 30 минутъ (данныхъ имъ на размышленіе) это не будетъ исполнено, то... Сказавъ это, онъ ушелъ.

Признаемся, мы были смущены. — „А что, если не выдадутъ?“ — спросили мы. Угроза эта, конечно, не входила въ планъ, это вырвалось сгоряча, такъ какъ ее сказалъ человекъ добрый, просвѣщенный и гуманный, но вспыльчивый. Нѣкоторое смущеніе было замѣтно и въ немъ: онъ, вѣрно, думалъ: „вотъ будетъ штука, если не выдадутъ! Не исполнить — подрывъ авторитета и пр.“. Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ этого никогда бы не сдѣлалъ. Знаяшій же хотя отчасти латышей, могъ утверждать, что они выдадутъ. Мы это и утверждали.

Не прошло и получаса, какъ требуемый списокъ былъ врученъ. Правда, почти всѣ названныя въ немъ лица при приближеніи войскъ скрылись. Латыши нашли выходъ; поименованныя же члены комитета и безъ того хорошо были извѣстны.

Населенію было объявлено еще требованіе: въ теченіе 2 дней сдать все оружіе. И это было исполнено. Оружія снесено было очень много. Между нимъ только не было тѣхъ прекрасныхъ ружей, которыя революціонеры забрали въ замкахъ, да прославившихся браунинговъ.

Водворивъ видимый порядокъ въ Шрунденской волости, карательный отрядъ выслалъ въ сосѣднія волости небольшіе карательные же отряды (составъ ихъ 1 рота пѣхоты, $\frac{1}{2}$ эскадрона, 1 орудіе). Такъ какъ намъ лично, благодаря большой любезности начальника отряда, удалось уклониться отъ командованія такимъ отрядомъ и вообще отъ участія въ „караніи“, то подробно говорить о дѣятельности ихъ не можемъ. Творили они расправу, съ „важными агитаторами“ („важность“ оцѣнивалась полицейскими чиновниками - добровольцами), сжигали усадьбы, но особеннаго усердія, надо отдать справедливость, въ этомъ дѣлѣ не проявляли.

Пробывъ 6 мѣсяцевъ въ Курляндіи, мы приглядѣлись уже къ видамъ труповъ, особенно пожаровъ—весь край пылалъ все время. А между тѣмъ, когда гдѣ-либо не далеко назначалось подобное аутодафе и отрядъ къ вечеру выходилъ на это дѣло, мы съ какою-то безотчетною тревогою прислушивались — вотъ грянуть роковые три выстрѣла и небо оварится зловѣщимъ заревомъ. Не всѣ взирали такъ! Всякій разъ, когда отрядъ уходилъ жечь усадьбы, къ начальнику отряда обращались съ просьбою „позволить“ имъ вѣхать, чтобы посмотрѣть, полковой докторъ и полковой священникъ, любители сильныхъ ощущеній; между прочимъ, люди очень симпатичные и добрые.

Сосѣдняя съ Шрунденской волость, стоявшая по части водворенія порядка на очереди, поспѣшила обратиться съ такою просьбою:

Его Высокородію Господину Командиру Военнаго Отряда
въ им. Шрунденъ.

Депутаціи Ранкенскаго Волостного Общества
всепокорнѣйшее прошеніе.

„Сего дня 19 янв. 1906 г. по предписанію Г. Комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Гольдингенскаго у. былъ созванъ всеобщій волостной сходъ для выбора волостныхъ должностныхъ лицъ; въ присутствіи Г. Комиссара выборы прошли въ полномъ порядкѣ.

По окончаніи выборовъ, по предложенію члена Общества Кристь Биренмана и съ разрѣшенія Г. Комиссара всѣми членами схода былъ пропѣтъ государственный гимнь. Собравшіеся члены Общества и присутствующіе дворохозяева высказали свое глубокое сожалѣніе на всѣ незаконныя происшествія и преступныя дѣйствія, которыя здѣсь были произведены нѣкоторыми членами Общества и нѣкоторыми другими прибывшими и мѣстными жителями; обѣщались и обязывались болѣе не поддаваться заблужденіямъ, незаконнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ; обѣщались и обязывались болѣе не допускать, чтобы агитаторы свои хитрыя рѣчи и ученія здѣсь распространяли; обѣщались и обязывались въ концѣ и впредь до послѣдней капли крови быть вѣрными и послушными подданными своему Государю.

Одновременно волостной сходъ выбралъ изъ среды своей депутацію, состоящую изъ членовъ Общества: крестьянъ Кристь Биренмана, Аныса Зидера и Яна Гринберга и волостного пи-

саря Тендаре Дельвига и поручили депутации отъ волостного Общества выразить Вашему Высокородію выше высказанное сожалѣніе и обѣщаніе дать подробныя объясненія и всепокорнѣйше просить Ваше Высокородіе помиловать Раякенское волостное Общество и заблудившихъ членовъ его и облегчить дворохозяевъ отъ поставки подводъ и доставки сѣна и овса. Кромѣ того еще просить разрѣшить собираться дворохозяевамъ для обсужденія своихъ экономическихъ нуждъ, особенно относительно чрезмѣрныхъ требованій и невыносимыхъ цѣнъ жалованія батракамъ“.

Всѣ арестованные, содержавшіеся въ имѣніи, гдѣ стоялъ отрядъ, по большей части изъявили полное раскаяніе и часто плакали при допросахъ. Всѣ оны, какъ сами говорили, являлись только жертвами подстрекателей, скрывшихся при однихъ слухахъ о приближеніи войскъ. Агитаторы, показывали арестованные, слонялись по волостямъ, производили поборы съ народа и не дурно себѣ вообще жили, не имѣя никакого имущества и не неся никакого труда. За рѣчи свои на митингахъ они получали плату; а послѣ произнесенія ихъ не гнушались, какъ послѣ представленія комедіанты, съ шляпой въ рукѣ обходить толпу еще и за добровольными подаваніями. При одномъ обыскѣ въ наши руки переданъ былъ очень обширный „списокъ членовъ с. д. партіи Гольдинггенскаго у.“, съ указаніемъ мѣстъ жительства и суммы слѣдуемаго съ cadaго взноса на „народное“, надо полагать, дѣло.

Вотъ маленькое доказательство того же: къ одному аптекарю явились „делегаты“ съ приказаніемъ вынуть изъ оконъ двойныя рамы, „чтобы народу было удобнѣе стрѣлять въ солдатъ“, прибытіе которыхъ ожидалось. Аптекарь приказанія не исполнилъ и чрезъ нѣкоторое время получилъ смертный приговоръ отъ „соц. дем. союза“ за подписью и его печатью: „Такъ какъ вы шпіонъ, донесите на народъ (о „приказаніи“ аптекарь хранилъ молчаніе), то вы и приговорены къ смерти. Но... это дѣло еще можно уладить—вы должны внести въ народную кассу 80 р. и въ теченіе 20 дней о томъ никому не говорить“. Но упорный аптекарь долго не внесъ въ „народную кассу“. Исполненія приговора не послѣдовало, по крайней мѣрѣ въ теченіе болѣе мѣсяца, послѣ—не знаемъ.

Вообще революціонныя власти не особенно стѣснялись съ „народными“ деньгами. За время владѣнія волостными кассами, они присвоили себѣ общественныя деньги. Въ волости Торма, напр., исчезли такимъ образомъ 8.000 р.; тоже и въ Ригѣ въ

рабочихъ кружкахъ говорили о растратѣ „собранныхъ съ рабочихъ для революціонныхъ цѣлей суммъ“ (изъ „Спб. Вѣдомостей“).

Среди арестованныхъ была и одна женщина — Ева Блумъ; ее впрочемъ тотчасъ и отпустили, хотя она и была выбрана членомъ комитета. Ева Блумъ увѣряла, что избраніе произошло помимо ея желанія. Для характеристики интересно и слѣдующее заявленіе властямъ одной крестьянки: „меня избрали членомъ волостного правленія, я отказывалась. Однако это не помогло, я должна была *терпѣть* избраніе противъ своей воли; такъ какъ я въ дѣлахъ ничего не понимаю и мнѣ всего 19 лѣтъ, то я не знаю, что дѣлать, и сторонилась отъ всего, а потому прошу“...

Къ начальнику отряда въ Шрунденѣ поступило также прошеніе и отъ латышей, уклонившихся отъ осенняго набора. Въ немъ они заявляли, что, „понимая долгъ своей предъ государствомъ“, стремились его исполнить, т. е. своевременно явиться на сборные пункты, но не могли—не позволяли революціонеры и за ослушаніе грозили смертью. Въ заключеніе просили дать имъ возможность добраться до воинскаго начальника. Дѣйстви-тельно осенній наборъ далъ ничтожный процентъ принятыхъ.

Все, что послѣ творилось, намъ не извѣстно. Послѣдовавшій по Военному Вѣдомству приказъ разрѣшилъ увольненіе офицеровъ въ отставку, запрещенное по случаю войны. Имъ мы не преминули воспользоваться и съ великимъ чувствомъ облегченія покинули Курляндію ¹⁾).

Е. А. Альбовскій.

¹⁾ Статья эта была окончена въ концѣ 1906 года. Послѣ, изъ судебныхъ процессовъ о попавшихъ въ руки властей революціонеровъ, автору сдѣлались извѣстны нѣкоторыя подробности, но онъ не вносилъ ни добавленій, ни измѣненій, такъ какъ писалъ только то, чему былъ самъ свидѣтель и какъ ему тогда представлялись событія; къ тому же они и не измѣнили бы изложеннаго.

Письмо Генерала отъ инфантеріи А. І. Іевреинова о сооружеіні памятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ.

Помѣщая письмо А. І. Іевреинова, приглашаемъ читателей
„Р. С.“ откликнуться на памятникъ побѣдамъ Румянцева.

Редакція.

Среди историческихъ событій, имѣвшихъ выдающееся значеніе въ жизни нашей родины, несомнѣнно однимъ изъ важнѣйшихъ былъ побѣдоносный походъ великаго нашего полководца П. А. Румянцева къ Дунаю въ 1770 году, походъ, ознаменованный первыми нашими блестящими побѣдами надъ турками при Ларгѣ и Кагулѣ.

Этотъ выдающійся подвигъ Румянцева и доблестныхъ его соратниковъ, которымъ поистинѣ можетъ гордиться Русскій народъ, до сихъ поръ не увѣковѣченъ постановкой памятника на Ларгинскомъ полѣ сраженія. Лишь разрушенные валы, да заплывшіе рвы молчаливо свидѣтельствуютъ о славной побѣдѣ, одержанной здѣсь нашими предками.

Полагая, что постановка хотя-бы скромнаго памятника на этомъ полѣ является непремѣннымъ долгомъ нашимъ по отношенію къ великому полководцу и славнымъ войскамъ, пролившимъ здѣсь кровь свою и одержавшимъ побѣду, я, при содѣйствіи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, намѣреваюсь осуществить въ ближайшемъ будущемъ сооружеіне памятника.

Для сбора средствъ, необходимыхъ для постановки монумента, издана брошюра „Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 году“, составленная секретаремъ Одесскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-историческаго Общества, Полковникомъ Генеральнаго Штаба Н. М. Андріановымъ, писателемъ, получившимъ извѣстность своими популярно написанными военно-историческими трудами. Названная брошюра заключаетъ яркое описаніе замѣчательнаго похода Румянцева въ 1770 году и обрисовываетъ значеніе этого похода.

Чистый доходъ отъ этого изданія поступить въ фондъ по сооруженію памятника.

Цѣна иллюстрированной брошюры 80 копѣекъ за экземпляръ.

Съ заказами прошу обращаться въ г. Кишиневъ по моему адресу.

Льщу себя надеждой, что Вы не откажете сдѣлать посильную помощь святому дѣлу увѣковѣченія памяти нашихъ предковъ героевъ, оросившихъ своею кровью поля Бессарабіи, впервые сломившихъ здѣсь грозныя силы турокъ и вписавшихъ своими подвигами столько славныхъ страницъ въ исторію нашего великаго отечества.

Александръ Левреиновъ.

Буйство иноземца въ г. Вологдѣ.

(1704 г.).

1704-го году мая въ 3 де. Преосвященному архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому билъ челомъ въ архіепископскомъ приказе, извѣщаль словесно стольникъ князь Василей князь Ѳеодоровъ сынъ Елецкой, а въ челобитьѣ своемъ сказалъ. По имянному Великому Государя указу и по наказу, каковъ данъ изъ Семеновской канцеляріи, посланъ онъ, князь Василей, на Вологду і в-венные города и по тому, Великому Государя, указу приѣхаль на Вологдѣ въ домъ иноземца Ивана Алферьева сына Гутмана, и онъ де-Иванъ стоитъ на дворѣ у воротной избы и велѣлъ при немъ иноземце Иване Гутмане подъячему Ивану Широкову Великому Государя указъ вычестъ, и иноземецъ Иванъ Гутманъ Великому Государя указъ выслушавъ скаски, какова надлежить противъ указу Великому Государя у него иноземца взять не далъ, а сказалъ, что *я-де Москву и самъ знаю*, и почалъ ево князь Василья бранить всякою неподобною бранию. И онъ князь Василей за ево Ивановы противъ Великому Государя указу неистовыя слова велѣлъ ево Ивана взять на съѣзжей дворъ, и онъ иноземецъ на съѣзжей дворъ не пошелъ, учинился силенъ і велѣлъ ево, князь Василья, дворовымъ своимъ людемъ бить дубаемъ. И ево князь Василья били и увѣчили и неподобною всякою бранию бранили. И преосвященному архіепископу велѣти-бъ ево, князь Василья, словесное челобитье записать. Князь Василей Елецкой руку приложилъ.

Примѣчаніе. Есть въ Вологдѣ приданіе, что Петръ Великій останавливался въ 1724 году въ домѣ вдовы купеческой иноземки Гоутманъ. Можетъ быть и въ 1693 и въ 1694, и въ 1702 году Петръ останавливался въ домѣ Гоутманъ, когда Иванъ Алферьевъ Гоутманъ былъ еще живъ. Нынѣ въ домѣ, приписываемомъ Гоутманъ, помѣщается маленькій музей „Петровскій“ и самый домикъ называется „Петровскимъ домикомъ“.

Сообщ. **Ив. Суворовъ.**

Сто пятьдесятъ четыре человѣка потомства священника.

Извѣстіе Новгородской Епархіи Новоторжскаго уѣзда села Затенгреньядъ попа Аѳонасыя Иванова, коликое число имѣется ему, попу, отъ роду лѣтъ и у него дѣтей, внучать и правнучать и сколько изъ нихъ живыхъ, и кто онѣ именами и сколькожъ померло, о томъ значитъ ниже.

А именно: Ему попу Аѳонасыю Иванову отъ роду 92 года.

У него дѣтей: сыновья—Никифоръ, Иванъ; дочери — Анна, Агафья, Авдотья, Пелагея, Дарья, Настасья, Афимья и Матрена померли.

Внучата, а дѣтей его поповья дѣти.

У Никифора—сынъ въ постриженіи іеродіакономъ Павелъ; дочери—Анна, Параскева, Марья, Ирина, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянь того не упомянуть—итого 11 человѣкъ.

У Ивана—Иванъ большой, Иванъ меньшей, Михайла; дочери—Евдокея, Прасковья, другая Прасковья, Анна, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянь не упомянуть—итого 13 человѣкъ.

У Анны—Иванъ, Алексѣй, дочь Евдокея, да мертвыхъ 14 человѣкъ, а кто, имянь не упомянуть—итого 17 человѣкъ.

У Агафьи—Леонтій, Тихонъ, дочери Анна, Матрена, да мертвыхъ 9 человѣкъ, а кто, имянь не упомянуть—итого 13 чел.

У Авдотьи—сынъ Яковъ, дочери Дарья, Авдотья, Акулина, Василиса, да мертвыхъ 4 человѣка, а кто, имянь не упомянуть—итого 9 человѣкъ.

У Пелагеи—Ефимъ, Александръ, да мертвыхъ 8 человѣкъ, а, кто имянь не упомянуть—итого 10 человѣкъ.

У Дарья—сынъ Иванъ, дочь Пелагея, да мертвыхъ 6 человекъ, а кто, имянь не упомянуть—итого 8 человекъ.

У Настасьи—сынъ Филиппъ, да мертвыхъ 7 человекъ, а кто, имянь не упомянуть—итого 8 человекъ.

Правнучата—а дѣтей его внучата, а именно: Никифоровы внучата—Дмитрій, Петръ, Федоръ, Максимъ, Иоакимъ, Леонтій, Марья, Домна, Акулина, Домна, Дарья, другая Дарья, да мертвыхъ 11 человекъ, а кто, имянь не упомянуть—итого 23 человека.

Ивановъ внучекъ—Миронъ.

Анины внучата—Афонасій, Иоаннъ, Тимофей, Федоръ, Алексѣй, Татьяна, Марфа, Ирина, Марфа же, Ирина же, Марья, да мертвыхъ 6 человекъ, а кто, имянь не упомянуть—итого 17 человекъ.

Агафьины внучата—Прасковья, Анна, да мертвыхъ 3, а кто, имянь не упомянуть—итого 5 человекъ.

Пелагеины внучата—Алексѣй, Андрей, Василій, Федосья, Ирина.

Дарьяны внучата—Иванъ, да мертвыхъ 3, а кто, имянь не упомянуть—итого 4 человека.

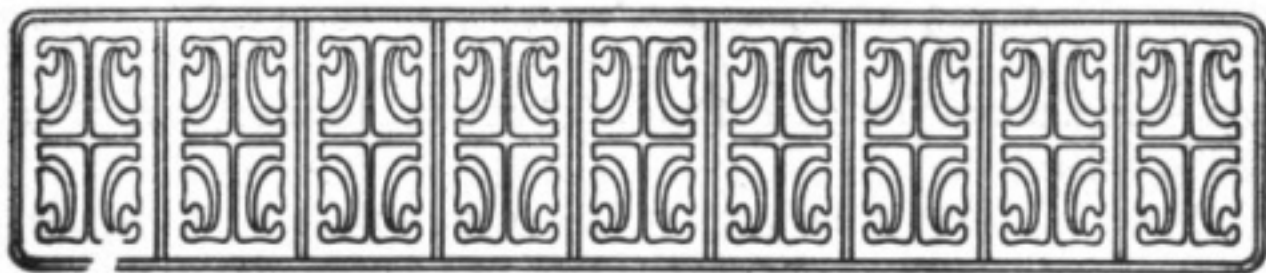
Итого нынѣ на лицо мужеска 31, женска 38 человекъ, померло 85 человекъ.

Всего сто пятьдесятъ четыре человека.

Подлинное подписано священникомъ Аѳонасіемъ Ивановымъ.

Сообщ. З. И. Тюменъ.

Выписка изъ „Синодика или заповѣди святого и великаго Никейскаго собора“.

Анаеема Григорью Отрепьеву ¹⁾.

Вслѣдъ за „пребывающими въ Иконоборческой ереси, паче же въ Христорномъ отступленіи, вслѣдъ за „Геронтіемъ, и же отъ ламни убо сущемъ, въ Критѣ же ядъ ненавистныя ереси изблевавшемъ“, слѣдуютъ анаеемы Отрепьеву и Разину.

„Новый еретикъ Гришка Отрепьевъ, растрига, бывый въ нашей русской земли чернецъ и діаконъ и обругавъ иноческій образъ способимъ сатанинымъ лжельстинно назвался сыномъ великаго государя царя и в. кн. Ивана Васильевича и безстыдно, яко несь, на царскій престолъ великія Россіи вскочи и всѣмъ московскимъ государствамъ возмути, и многія бѣды и мятежи на христіанъ воздвижи и христіанскія многія крови пролія, и знающихъ его по дальнымъ градамъ разосла, и въ темницахъ заточи, и потомъ женися, и исчезѣ вскорѣ, анаеема.

Страхъ Господа Бога Вседержителя презрѣвшій и часъ смертный и день забывшій и воздаяше будущее злотворцемъ въ ничто же вмѣнившій, церковь святую возмудившій и обругавшій и къ великому государю ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержцу, крестное цѣлованіе и клятву преступившій, и со работы отвергшій и злокозненнымъ своимъ коварствомъ обругаючи имя блаженныя памяти благовѣрнаго царевича и в. к. Алексія Алексіевича народъ Христіане русскіе возмудившій кровопіецъ,

¹⁾ Съ рукописнаго сборника 1648 г. Москва.

воръ, измѣнникъ Донской Казакъ Стенька Разинъ и т. д. да будетъ проклятъ.

Интересно сопоставить эти два анафематствованія. Въ то время, какъ въ первомъ излагается исторія Гр. Отрепьева и не указывается его отступленіе отъ вѣры, во второмъ проклятїи упоминается и объ отношенїи Разина къ церкви и перечисляются его сообщники.

Составитель анафематствованїи очевидно ближе принималъ къ сердцу то, что происходило не такъ давно отъ его времени. Въ сущности Лжедмитрій болѣе принесъ вреда Московскому государству.

Сообщ. С. Фарфаровскій.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12-го февраля по 6 марта 1914 г.

Виноградовъ, В. П. Уставныя чтенія. (Проповѣдь книги). Историко-гомелетическое изслѣдованіе. Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троицкой Сергіевой Лавры. 8° (17 × 25). 323 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 300 экз.

Военная энциклопедія. Подъ редакціей К. И. Величко, В. Ф. Новицкаго, А. В. Фонъ-Шварца, В. А. Апуцинина и Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXVII. (Круковскій, Ф. А.—Ланглау). Вып. XXVIII (Ланглау—Линша). М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (19 × 28). 321—640 стр. съ рис. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 4.000 экз.

Врангель, Ф. Ф., Баронъ. Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Біографическій очеркъ. Части I и II. Спб. 1911 и 1913. Изд. Главнаго Морского Штаба. Тип. Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралт. 8° (16 × 24). II + 317 V + 550 стр. съ рис. Вѣсъ 3 ф. по 5.000 экз.

Герье, В. П., проф. Тимофей Николаевичъ Грановскій. Въ память столѣтняго юбилея его рожденія... (Изъ отчета Имп. Моск. Унив. за 1913 г. Ч. I.). М. 1914. Тип. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15 × 22). 74 стр. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Дурьянинъ, Сергѣй. Кандилакскій „Вавилонъ“. (Къ изученію сѣверныхъ Лабиринтовъ). Изъ отчета Императорскаго Моск. Археол. Института. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (17 × 25). 17 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. 2. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, 3). 8° (16 × 24). 7 + 253 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Изданія Императорской Археологической комиссіи, имѣющіяся въ продажѣ. 1-го января 1914 г. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (19 × 27). XV стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Историческій очеркъ Тверского общественаго собранія 1879—1914. Тверь 1914. Тип. Н. М. Родіонова, преемн. М. В. Блиновъ. 4° (20 × 29). 72 стр. съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 500 экз.

Итого науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Книга X. М. 1914. Изд. т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (19 × 27). 257—380 стр. + 11 рис. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 5.100 экз.

Каталогъ исторической выставки архитектуры при V Всероссійскомъ съѣздѣ зодчихъ въ Москвѣ 1913. М. 1914. Тип. П. П. Рябушинскаго. 8° (17 × 20). 60 + 1 нев. стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Кирилловъ, И. Третій Римъ. Очеркъ историческаго развитія идей русскаго мессіонизма. М. 1914. Тип. Н. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (17×27). 100 стр. Ц. 50 к. Въсь 12 л. 1.000 экз.

Корниловичъ, М. 50-лѣтіе Крестьянской реформы 19-го февраля 1864 г. Спб. 1914. Изд. Земск. Отд. Мин. Внутр. Дѣлъ. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 4° (18×28). 24 стр. съ портретами. Въсь 5 л. 200.000 экз.

Леманъ, I. I. Гравюра и литографія. Очерки исторіи и техники. Спб. 1913. Изд. Кружка любителей изящн. изданій. Тип. Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигород, 11). 4° (23×31). 291 стр. съ грав. и рис. Въсь 7 ф. 16 л. 500 экз.

Львовъ, Т. Е., кн. и Н. Г. Поднеръ. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Тип. П. П. Рябушинскаго. (Путинковскій пер., с. д.). 8° (16×24). 62 стр. Въсь 5 л. 2.000 экз.

Мальмбергъ, Влад. Иванъ Владиміровичъ Цвѣтаевъ. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. (Савелов. пер., с. д.). 8° (15×22). 19 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Новый Энциклопедическій словарь. Томъ XVII. Душевные болѣзни—Жукн. Спб. 1914. Изд. и тип. Акц. общ. Брокгаузъ—Ефронъ (Прачешный, 6). 8° (19×27). 963 + XII стр. Съ рис., чертеж. и картами. Въсь 2 ф. 31 л. 16.000 экз.

Орѣшниковъ, А. Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 68 стр. + 2 табл. Съ рис. Въсь 21 л. 100 экз.

Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. 1864—1914. Историческій очеркъ подъ ред. Я. Л. Барскова. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (20×26). XVII + 243 стр. Съ рис. и портр. Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 15 л. 700 экз.

Переверзевъ, В. О. Творчество Гоголя. (Корифей русской художественной литературы XIX вѣка, кн. 2-я). М. 1914. Изд. к-ва Современныя Проблемы. Тип. Московское изд-во. (Б. Дмитровка, 26). 8° (13×20). 360 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 28 л. 2.100 экз.

Поржезинскій, В. Преподавательская и ученая дѣятельность Всев. Оед. Миллера въ области языковѣдѣнія. (Изъ отчета Имп. Моск. Университета за 1913 г., ч. I). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15×22). 14 стр. Въсь 2 л. 100 экз.

Родъ Подольскихъ. Черниговъ. 1914. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17×25). 14 стр. Въсь 5 л. 15 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Ч. 1-я. Съ портретами русскихъ писателей. М. 1914. Изд. 9-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева. (Салтыковск. п., 9). 8° (16×24). 415 + II стр. Ц. 1 р. 35 к. Въсь 1 ф. 12 л. 20.000 экз.

Семеновъ, Леонидъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. (Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова). М. 1914. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (17×24). 463 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 30 л. 500 экз.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV. Вып. 7. Концепція—Корпунья. Спб. 1913. Тип. Им. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (20×30). VI + 1922—2240 столб. Ц. 75 к. Въсь 30 л. 6.060 экз.

Сперанскій, М. Всеволодъ Федоровичъ Миллеръ. (Изъ отчета Импер. Моск. университета за 1913 г., ч. I). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15×22). 31 стр. Въсь 4 л. 100 экз.

Хитрово, С. К. и Догель, М. П. Рельефный планъ-панорама Бородинскаго боя 26 августа 1812 г. Описание и краткій очеркъ организаціи и обмундированія войскъ, участвовавшихъ въ Бородинскомъ бою. Спб. 1914. Тип. Мин. Путей Сообщ. (Фонтанка, 117). 8° (17×24). 66 стр. Съ рис. Въсь 7 л. 500 экз.

Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. 1900—1905 г. Томъ V. Спб. 1913. Тип. Им. Екатер. Великой (въ зданіи Гл. Штаба). 8° (20×17). 162 стр. Въсь 22 л. 1.050 экз.

Будде, Е. Θ. проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань. 1913. Изд. кн. маг. Голубева, 2-е (Воскресенская у., д. Матвѣевскаго). Тип. Университета. 8° (17×25). 364 стр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 3 л. 1.200 экз.

Волконская, М. Н., кв. Записки. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. Спб. 1914. Изд. Прометей (Поварской, 10), 2-е доп. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16×24). VIII+215 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 2.100 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1914. Изд. Н. Я. Оглоблина, 2-е, съ исправленіями (Крещатикъ, 33). Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (17×25). VI+428 стр. Ц. 2 р. 20 к. Въсь 1 ф. 21 л. 2.600 экз.

Дѣятельность земства въ Херсонскомъ уѣздѣ за 50-лѣтіе 1864—1913 г.г. Юбилейное популярное изданіе уѣзднаго земства. Составлено земскими служащими подъ редакціей управы. Херсонъ. 1914. Тип. О. Д. Ходушеной 8° (18×24). 241 стр. Съ рис. Въсь 1 ф, 11 л. 5.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1913 г. Кн. 3-я. тома XVIII-го. А. И. Яцимирскій. Къ исторіи ложныхъ молитвъ въ южно-славянской письменности Д. В. Айваловъ. Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. К. К. Истомина. „Старая манера“ Тургенева (1834—1855). В. П. Адриановъ. Хожденіе Арсенія Селунскаго. В. М. Поповъ. Замѣчаніе о сѣверно-смоленскихъ и ржевскихъ говорахъ. Е. В. Аничковъ. Методологическія замѣчанія о текстѣ „Демона“. Н. М. Петровскій. Письмо патріарха Константинопол. Теофилакта царю Болгаріи Петру. Библиографія: В. М. Поповъ А. Lundell. М. С. Московлевичъ. По поводу статьи В. А. Богородицкаго. А. И. Соболевскій. Прот. І. І. Кузнецовъ: св. Василій и Іоаннъ. Е. Θ. Будде, Сочиненія Мих. Дмитр. Чулкова. Спб. 1914. Тип. Им. Акад. Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (16×25). 404 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 18 л. 830 экз.

Исторія о Царихѣ и Вѣнѣ. Переводная повѣсть въ стихахъ Петровскаго времени. Приготовилъ къ изданію Н. Н. Виноградовъ. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. № 6. Томъ XC. Спб. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (16×25). VII+329 стр. 2 р. 25 к. Въсь 1 ф. 8 л. 425 экз.

Конспектъ по исторіи покоренія Кавказа. Къ лекціямъ читаннымъ шт.-капитаномъ Жилинскимъ 19¹³/₁₄ г. по исторіи русской арміи. Вильна 1914. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, с. д.). 8° (17×25). 34+1 нен. стр.+4 карты. Въсь. 5 л. 210 экз.

Краснянскій П. л. Гавр. Г. Борисовъ и Борисовскій уѣздъ въ Отечественную войну 1912 года. Гродна. 1914. Тип. Гродненская. 8 (14 × 22). 63 + 1 нен. стр. съ картой. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Московское дворянство. Родословная книга дворянства Московской губерніи. Т. I. Дворянства жалованное и выслуженное. А—И. Подъ ред. Л. М. Савелова. М. 1914. Тип. Т-ва печатни С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., 9). 8°. (18 × 26). IX + 686 стр. Вѣсъ 4 ф. 6 л. 800 экз.

Острогорскій, А. Н. Н. П. Пироговъ и его педагогическіе за-вѣты. (Очерки по исторіи русской педагогической мысли). Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16 × 25). VI + 179 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей Императорской Публичной Библиотеки. Спб. 1914. Изд. Имп. Публичной Библиотеки. Тип. В. О. Киришбаума (Новосаакіевская, 20). f° (43 × 56). 10 стр. + XIV таблицъ. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 200 экз.

Памятная книжка Виленской Губерніи. 1914 г. Подъ ред. П. А., фонъ-Вонгааза. Вильна. 1914. Изд. Виленск. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (15 × 23) XV + 239 + 125 + 8 нен. стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.000 экз.

Памятная книжка Могилевской губерніи на 1914 годъ. Подъ ред. П. Н. Марченко. Могилевъ. 1914. Изд. Могилевск. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (17 × 22). XVII + 292 + 256 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 1.000 экз.

Памятная книжка Эриванской губерніи на 1914 годъ. Подъ ред. К. А. Волчанна. Эривань. 1914. Изд. Эриванск. Губ. Статистич. Комит. Тип. Губернскаго Правленія. 8° (15 × 21). 13 нен. + V + 81 + 41 + 190 + 111 + 4 нен. стр. + 1 планъ. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 700 экз.

Петровъ, Г. Д. Державный домъ Романовыхъ въ русской литературѣ. Рѣчь, произнесенная въ Херсонской 1-й мужской гимназій, по случаю трехсотлѣтія Дома Романовыхъ (21-го февраля 1913 г.). Феодосія. 1913. Тип. Косенко. 8° (16 × 22). 30 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Плещеевъ, Александръ. Что вспомнилось. Актеры и писатели. Томъ III. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (14 × 21). 270 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 23 л. 1.700 экз.

Поповъ, Т. Д., свящ. Св. Тихомъ Задонскій какъ нравоучитель. Воронежъ. 1914. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (Б. Двор. д. Сомова). 8° (17 × 25). 272 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 500 экз.

Программа курса методологій исторіи, читаннаго въ Московскомъ Университетѣ въ весеннемъ полугодіи 1912—1913 г. Прив.-доп. А. И. Яковлевымъ. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 4° (22 × 28). Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Ростовцевъ, М. Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ. Т. I. Описание и изслѣдованіе памятниковъ. Спб. 1914. Изд. Имп. Археологич. Коммисіи. Тип. Голике и Вильборга (Звенигородская, 11) 1° (29 × 40). XVIII + 537 стр. съ рис. Вѣсъ 9 ф. 25 л. 1.000 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ Императрицы Екатерины П. III. 1769—1772. Томъ 143. Спб. 1913. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліан. пер., 13). 4° (20 × 28). XVI + 643 + X стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 4 л. 1.200 экз.

Срезневскій, В. П. Описание рукописей и книгъ, собранныхъ для Императорской Академіи Наукъ въ Олонецкомъ краѣ. Спб. 1913. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 4° (21 × 29). XXVIII+688 стр. Ц. 3 р. 60 к. Въсь 3 ф. 25 л. 400 экз.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи, за 1914 г. Выпускъ I. Вятка. 1914. Тип. Губернская. 8° (15×24). 287+III стр. Въсь 21 л. 350 экз.

Цвѣцинскій. Описание похода и боевыхъ дѣйствій 5-й роты 146 пѣх. Царицынскаго полка въ Русско-Японскую войну 1904—1906 г. Спб. 1913. Тип. Экономич. (В. О., 14 л., 5). 8° (19 × 25). 40 стр. Съ картами. Въсь 8 л. 250 экз.

Шляпкинъ, П., проф. Указецъ книгохранителя Спасо-Прилуцкаго монастыря Арсенія Высоцкаго 1584 г. Спб. 1914. Тип. М. Александрова Надеждинская, 43). 8° (18 × 28). 28 стр. Съ рис. Въсь 10 л. 485 экз.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III. (1796—1869 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями проф. О. И. Титова. Т. IV. (1813—1819 г.г.). Кіевъ. 1913. Тип. И. П. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (18 × 26). ХCVIII + 944 стр. Ц. 4 р. 50 к. Въсь 3 ф. 11 л. 500 экз.

Аничковъ, Е. В. Язычество и древняя Русь. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 9° (16 × 25). XXXVIII + 386 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 11 л. 800 экз.

Аничковъ, Е. В. Язычество и древняя Русь. Записки Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Спб. Университета. Часть СХVII. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О. 5 л., 28). 8° (16 × 25). XXXVIII + 389 стр. Въсь 1 ф. 11 л. 400 экз.

Бартневъ, П. И. Пушкинъ въ Южной Россіи. М. 1914. Изд. Русскаго Архива. Тип. Синодальная. 16° (14 × 18). VIII + 171 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 15 л. 1.200 экз.

Грушевскій, М., проф. Исторія украинскаго казачества до соединенія съ Московскимъ Государствомъ. Томъ 2-й. Первая десятилѣтія XVII вѣка. (Извлечено изъ VII и VIII томовъ „Исторіи України Русн“). Кіевъ. 1914. Тип. 1-й Кіев. артели печ. дѣла (Трехсвятител., 5). 8° (17×25). 476 стр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 28 л. 1.500 экз.

Гудзій, Н. К. Литература „Слова о полку Игоревѣ“ за послѣднее 25-лѣтіе (1894—1913 г.). (Критико-библиографическій очеркъ). Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16 × 26). 37 стр. Въсь 4 л. 250 экз.

Добротинскій, А. П. Преп. Федоръ, исповѣдникъ и игуменъ Студійскій. I часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса. 1913. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (18×28). XX+972+I.C+1 нен.+10 стр. Ц. 5 р. Въсь 3 ф. 21 л. 300 экз.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблема). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 14-й. Спб. 1914. Изд. бр. А. и И. Гранатъ. Тип. Мин. Путей Сообщ. (Фонтанта, 117). 8° (19×27). 369—385+64 стр. Съ рис. Въсь 25 л. 3.200 экз.

Краткій историческій очеркъ о дѣятельности Яранскаго уѣзнаго земства за все время его существованія (1867—1914 г.г.). Яранскъ. 1914. Изд. Уѣзнаго земства. Тип. А. Н. Глушкова. 8° (16 × 24). 32 стр. Въсь 3 л. 600 экз.

Лебедевъ, В., прот. Историческая записка о Тамбовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія.

1863—1913 г. Тамбовъ. 1914. Тип. Н. И. Бердоносоевъ и с-нъ. 8° (16×23). 104+XXI стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 1.025 экз.

Ляйстеръ, А. Ф. Археологическія изслѣдованія А. А. Ивановскаго въ Эриванской губерніи Эривань. 1914. Изд. Эриванск. Губ. Статистич. Комитета. Тип. Губ. Правл. 8° (15×21). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 37 экз.

Максимовичъ, Г. А. Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго по управленію Малороссіей. Т. I. (Положенія). Нѣжинъ. 1914. Тип. насл. В. К. Меленевскаго. 8° (17×26). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 400 экз.

Московская политическая литература XVI вѣка. Изборникъ подъ ред. и со вступительной статьей Мих. Ковалевскаго. Культурно-историческая библіотека. Слб. 1914. Изд. и тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8° (17×25). 134 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Никифоровъ, Н. и Шиманскій, М. 1861—1864. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Учебнаго Округа, 2-е. Тип. Т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×22). 32 стр. Вѣсъ 8 л. 50.000 экз.

Родословная роспись рода князей Жеваховыхъ. (Россійская вѣтвь). Кіевъ. 1914. Тип. 1-й Кіевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (19×25). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Ростиславовъ, А. Куинджи. Слб. 1914. Изд. Н. И. Бутковской (Офицерская, 60). Тип. Морского Министерства (въ Главномъ Адмиралтействѣ). 8° (17×21). 39 стр. съ рис. Вѣсъ 17 л. 1.055 экз.

Сивковъ, К. В. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ. Культурно-историческая библіотека. Слб. 1914. Изд. и тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8° (17×25). 134 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Аксаковъ. Редакція Н. Д. Носкова. Вып. 5. Слб. 1914. Изд. издат. Словарь Лит. Типовъ, 2-ое. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16×26). 109 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Титовъ, Ѡ. И., прот. Кіево-Подольскіе монастырскіе и приходскіе храмы сто лѣтъ тому назадъ (Къ исторіи великаго пожара на Кіево-Подолѣ 9 іюля 1811 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (16×24). 27 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Труды пятнадцатаго Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ 1911 г. Подъ ред. графини Уваровой. Томъ I. М. 1914. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. цер., д. Лиснера). 4° (26×35). XVIII+664+177 стр. съ 23 рис. Вѣсъ 8 ф. 2 л. 625 экз.

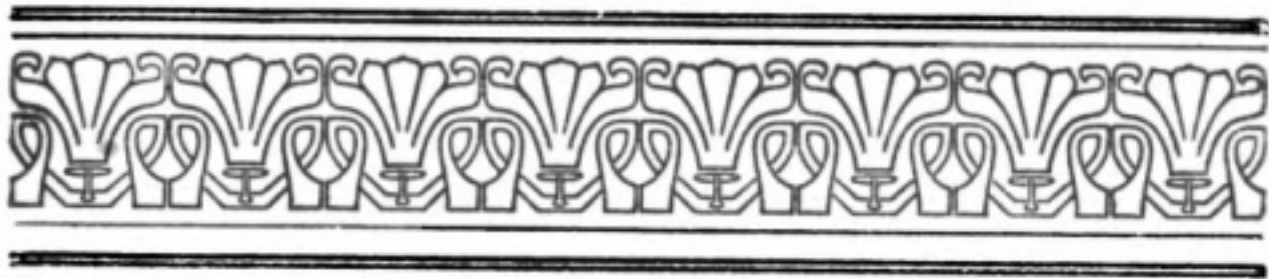
Харламовичъ, К. В. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914. Изд. кн. маг. Голубева (Воскресенская ул., д. Матвѣевскаго). Тип. Университета. 8° (20×28). XXIV×878+LXVI стр. Ц. 7 р. Вѣсъ 3 ф. 26 л. 600 экз.

Шевченко какъ живописецъ и граверъ. Кіевъ. 1914. Изд. журн. Искусство. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (26×34). 16 стр. — 24 листа рис. Складъ: Кн. маг. Л. Пидзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 400 экз.

Юбилейная намятная книжка XLIII курса Императорской Слб. Духовной Академіи 1886—1911 г.г. Слб. 1914. Тип. В. Д. Смирнова (Екатеринкан., 45). 8° (16×23). 82 стр. Съ портретами и рис. Вѣсъ 28 л. 130 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Сообщеніе въ память Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, едѣланное въ засѣданіи 2 апрѣля 1910 года Императорскаго Русскаго Историческаго Общества ¹⁾.

Наиболѣе тяжкую за истекшіи промежутокъ времени потерю Общество понесло въ лицѣ своего старѣйшаго члена, Почетнаго Члена Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, почившаго 4 февраля 1909 года. Великій Князь Владиміръ Александровичъ родился 10 апрѣля 1847 года. Красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, баловень родителей, онъ съ раннихъ лѣтъ, благодаря своему благородному характеру, веселому нраву и впечатлительному сердцу, привлекалъ къ себѣ лицъ, его окружавшихъ, и самъ къ нимъ привязывался, а богатые способности помогали ему въ удовлетвореніи природной его любознательности. Таковъ обликъ его, какъ мальчика, по отзыву одного изъ его воспитателей, Н. Г. Казнакова. Какъ онъ относился къ лицамъ, его окружавшимъ, можно судить по запискѣ, начертанной дѣтскимъ нетвердымъ почеркомъ, въ которой онъ обращается къ Милой Лизѣ (женѣ его воспитателя), прося ее прислать ему бѣлой пастилы. Относительно благородства его натуры, мнѣ пришлось слышать слѣдующій достовѣрный рассказъ лица, мнѣ ²⁾ лично извѣстнаго: однажды въ пѣжномъ дѣтствѣ Великаго Князя онъ встрѣчается съ толпой кадетъ въ Александріи; они становятся ему во фронтъ, онъ приглашаетъ ихъ играть въ войну и съ двумя изъ нихъ, на-

¹⁾ Предлагаемъ вниманію читателей интересную характеристику почившаго Великаго Князя Владиміра Александровича. *Ред.*

²⁾ А. Н. Куломзину.

значивъ ихъ своими адъютантами, бросается на штурмъ игрушечнаго крѣпостнаго вала; при спускѣ въ слѣдующій за нимъ ровикъ, Великій Князь зацѣпляется за кустъ и на щеку оказывается царапина; бонна англичанка издали спрашиваетъ, что это такое; Великій Князь срываетъ съ куста листокъ, налѣпляетъ на щеку и кричитъ, что это первое его боевое отличіе, а кадетамъ шепчетъ: „теперь скорѣй бѣгите въ лагерь, а то на Васъ будетъ жалоба“. Кадеты стремглавъ бросились бѣжать, поспѣли во-время и хотя дѣйствительно начальство спрашивало вечеромъ, не было ли отсталыхъ, но таковыхъ не оказалось.

Развитію любознательности Его Высочества несомнѣнно не мало содѣйствовали частыя совмѣстныя съ родителями поѣздки по Россіи и раннее участіе въ современныхъ торжествахъ. Конечно, не въ счетъ этихъ поѣздокъ слѣдуетъ отнести первыя изъ нихъ на пароходѣ „Грозящій“ въ 1849 г. въ Ревель и въ 1852 г. въ Гансаль. Но за симъ въ 1854 и 1855 годахъ онъ сопровождаетъ Ихъ Величества въ Москву, въ 1856 году присутствуетъ на торжественномъ въѣздѣ Императора и Императрицы въ Москву и на священномъ коронованіи; онъ вмѣстѣ съ родителями двукратно посѣщаетъ въ 1855 и 56 годахъ Троице-Сергіевскую Лавру. Засимъ образовательныя поѣздки слѣдуютъ въ 1858 году въ Нарву, Выборгъ, на Иматру и шхерами къ устью рѣки Кюмени.

* * *

Въ 1861 году были усмотрѣны недостаточныя успѣхи въ наукахъ у воспитывавшихся совмѣстно Великихъ Князей Александра Александровича и Владиміра Александровича и воспитателемъ къ нимъ назначенъ графъ Перовскій. Человѣкъ чрезвычайно добрый и мягкій, графъ считалъ, однако, своимъ долгомъ принять на себя личину чрезвычайно суроваго воспитателя. Великіе Князья вводятся въ рамки строго размѣреннаго дня. Вставать полагалось лѣтомъ въ 5^{1/2} часовъ утра; день былъ расписанъ по часамъ: прогулки чередовались съ занятіями. Въ преподаватели къ Великимъ Князьямъ приглашены были лучшія силы тогдашняго педагогическаго міра. Во главѣ ихъ духовникъ Ихъ Величествъ, протоіерей Рождественскій, не только въ качествѣ преподавателя, но и почти ежедневнаго собесѣдника. Самъ одухотворенный до глубины души живою вѣрою, онъ сумѣлъ развить и укрѣпить таковую въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ. За симъ слѣдуютъ: Стоюнинъ по русскому языку, Эвальдъ по математикѣ, Бестужевъ-Рюминъ по

исторіи, Чевплевъ по географіи и статистикѣ. Установлены были отмѣтки; учителя обязаны были не стѣсняясь ставить двойки, единицы, нули. За каждою дурною отмѣткою или по поводу невниманія во время урока, за каждою вспышкою юношескаго пылкаго темперамента, слѣдовали замѣчанія, выговоры и даже наказанія, въ родѣ отлученія отъ совмѣстныхъ игръ на болѣе или менѣе продолжительное время. Во время отсутствія Ихъ Величествамъ посылались ежедневныя, а когда Ихъ Величества были въ дальнемъ отсутствіи (въ Крыму) еженедѣльные подробныя донесенія о поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ Великихъ Князей. Эти донесенія возвращались съ собственноручными отмѣтками Государя Императора, и въ высокой степени трогательнымъ представляется то близкое участіе, которое Императоръ Александръ II принималъ въ воспитательномъ дѣлѣ. Каждая мелкая подробность въ отмѣчаемыхъ склонностяхъ того или другого изъ сыновей, чертахъ ихъ характеровъ, ихъ успѣхахъ находили себѣ откликъ въ сердцѣ Его Величества, подвергались обсужденію и получали оцѣнку. И вотъ, несмотря на такую исключительную строгость режима, Великій Князь привязывается къ новому своему воспитателю, называя его въ своихъ письмахъ „дорогой“.

Къ этому времени Великій Князь Владиміръ Александровичъ сталъ уже юношей, и о волновавшихъ его чувствахъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ въ одномъ изъ его писемъ къ графу Перовскому. „Когда народъ“, — пишетъ онъ въ 1856 году изъ Старой Руссы, — „съ радостными криками „ура“ встрѣчаетъ меня, я внутренно говорю себѣ: этотъ народъ „любитъ Твоего отца, онъ обожаетъ его, старайся и Ты быть „достойнымъ его любви. Не думайте, дорогой Борисъ Алексѣевичъ, что это пустыя слова; нѣтъ—они самыя искреннія“.

Вообще Великій Князь Владиміръ Александровичъ, а равно и Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ имѣли счастье попасть въ качествѣ воспитателей въ руки людей съ теплымъ сердцемъ и потому легко къ нимъ привязывались. Владиміръ Александровичъ во все послѣдующее время постоянно выражалъ семействамъ какъ Казнакова и Гогеля, такъ и графа Перовскаго свое вниманіе, часто ихъ посѣщалъ и всячески оказывалъ свою поддержку всѣмъ членамъ этихъ семействъ.

Въ послѣдующихъ годахъ, строгость режима нарушается, однако, лѣтними поѣздками въ Москву, Ригу, Либаву; на освященіе въ Новгородѣ памятника тысячелѣтія Россіи (въ 1862 году); въ лагерь подъ Тавастгусомъ и на открытіе Сейма въ Фин-

ляндіи (въ 1863 году); на Московскіе маневры и за границу въ Швейцарію и Дармштадтъ (въ 1864 году).

Во время продолжительныхъ отсутствій Ихъ Величествъ въ 1863 году въ Ливадію и въ 1864 году въ Ниццу, Великіе Князья часто посѣщали Петергофъ, мѣстопребываніе Великой Княгини Маріи Николаевны и Принцессы Евгеніи Максимилиановны. Къ этой эпохѣ и надлежитъ отнести починъ въ развитіи у Великаго Князя любви къ живописи и ваянію. Наклонность къ историческимъ изслѣдованіямъ могла возникнуть подъ вліяніемъ замѣчательнаго знатока исторіи, перваго воспитателя Великаго Князя, Казнакова, а талантливое преподаваніе и неподдѣльный патріотизмъ Бестужева-Рюмина должны были развитъ въ Великомъ Князѣ ту любовь къ русской исторіи, къ русской старинѣ во всѣхъ сферахъ ея вліянія, а черезъ это и ко всему русскому, т.-е. ту сторону его міровоззрѣнія, которая, благодаря постояннымъ занятіямъ и феноменальной памяти, превратилась у него въ настоящую страсть.

Въ 1865 году Великій Князь переживаетъ, вмѣстѣ со всею Императорскою фамиліею, глубокое постигшее ее горе, и очевидцы свидѣтельствуютъ, какъ сильно печаль эта запала въ душу юноши. Если и ранѣе совмѣстное съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ воспитаніе сблизило двухъ братьевъ, то перенесенная въ близкомъ общеніи общая семейная утрата еще болѣе укрѣпила эту дружбу. Глубокую привязанность къ Государю Императору Александру III Великій Князь сохраняетъ вплоть до кончины его старшаго брата и Государя.

Съ образованіемъ, 1866 году, Русскаго Историческаго Общества, согласно идеи Государя Наслѣдника и самого Великаго Князя, развитію склонности Великаго Князя къ историческимъ наукамъ былъ данъ новый толчекъ. Секретарь Общества А. А. Половцовъ посвящаетъ Его Высочество въ изученіе издаваемыхъ Обществомъ документовъ, и мы видимъ Великаго Князя дѣятельнымъ участникомъ въ занятіяхъ Общества во все остальное время. Нерѣдко Его Высочество дѣлаетъ сообщенія въ средѣ Общества и всегда съ живымъ интересомъ слѣдитъ за его работами.

* * *

Съ назначеніемъ Великаго Князя, 8 іюля 1866 года, ротнымъ командиромъ Преображенскаго полка и принесеніемъ имъ. 17 апрѣля слѣдующаго года, присяги, начинается, соб-

ственно говоря, его дѣйствительная служба. По совершеніи осенью 1866 года бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича, Великій Князь Владиміръ Александровичъ продолжаетъ сопровождать Его Величество на маневры, въ Москву, за границу и въ Ливадію; 20 декабря 1867 года онъ назначается командиромъ 1 баталіона того же полка и въ апрѣлѣ 1868 года сдаетъ баталіонъ для отправления въ 3-хъ-мѣсячное путешествіе въ Западную Сибирь. Проѣздомъ онъ посѣщаетъ Нижній-Новгородъ, Симбирскъ и Самару и засимъ направляется на Уфу, Оренбургъ, Златоустовскій и Бѣлозерскій заводы, Петропавловскъ, Омскъ и Томскъ. Въ Западной Сибири крайнимъ на югъ пунктомъ является Бухтарминская станица и на Востокъ гор. Каинскъ. На обратномъ пути, Великій Князь Владиміръ Александровичъ посѣтилъ Екатеринбургъ, Уральскіе заводы, Пермь. Весь путь слѣдованія былъ не что иное, какъ рядъ въ высшей степени трогательныхъ проявленій любви народной къ сыну обожаемаго Царя Освободителя. Населеніе стекалось толпами до 15.000 человекъ изъ-за 100 верстъ и далѣе, чтобы привѣтствовать Августѣйшаго гостя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сказывалось и личное обаяніе Великаго Князя. Такъ, на пути между Омскомъ и Семипалатинскомъ въ станицѣ Желѣзнодорожной одна старуха влѣзла на помостъ посмотреть на дорогого гостя и вдругъ громко вскрикнула: „*Да какой онъ хорошенькій, мой Батюшка!*“ Въ Семипалатинскѣ до 5.000 человекъ народу собралось издалека встрѣтить Великаго Князя; дамы и дѣвицы простирали ему подъ ноги свои бурнусы, шали и платки, чтобы онъ только прошелъ по нимъ. Кромѣ торжественныхъ встрѣчъ, посѣщеній соборовъ, обѣдовъ и вечеровъ, Великій Князь повсюду неукоснительно дѣлаетъ смотры мѣстнымъ войсковымъ частямъ, осматриваетъ музеи, тюрьмы, больницы, иногда, какъ въ Омскѣ, переполненные больными (250 человекъ), бесѣдуетъ съ мѣстными дѣятелями о нуждахъ края, разговариваетъ съ обывателями, интересуется всѣми деталями видѣннаго.

При объѣздѣ, 30 лѣтъ спустя, части мѣстностей, посѣщенныхъ Великимъ Княземъ, я неоднократно сталкивался съ воспоминаніями мѣстныхъ жителей о путешествіи Его Высочества.

* * *

Вслѣдъ за возвращеніемъ изъ этого путешествія, Великій Князь, 22 ноября того же года, получаетъ назначеніе Сенаторомъ 1-го Департамента Правительствующаго Сената, того учрежденія, въ коемъ сосредоточиваются всѣ нити нашего

государственнаго управленія. Живо заинтересовавшись этимъ практическимъ, такъ сказать, курсомъ нашего государственнаго права, Великій Князь, подъ руководствомъ бывшаго тогда оберъ-прокурора этого Департамента А. А. Половцова, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принималъ постоянное участіе въ засѣданіяхъ Правительствующаго Сената. По требованію Императора Александра II, Великій Князь прибывалъ въ Сенатъ ежедневно въ 11 часовъ утра, оставался до конца засѣданія, т. е. до 4 часовъ и позже, за тѣмъ ѣхалъ во Дворецъ отдавать Государю отчетъ въ томъ, что происходило въ засѣданіи.

Весною слѣдующаго 1869 года, Великій Князь отправляется, по Высочайшему повелѣнію, въ новую образовательную поѣздку за границу, въ теченіе коей посѣщаетъ Вѣну, Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь и въ томъ же году, 30 ноября, назначается Товарищемъ Президента Императорской Академіи Художествъ. Въ послѣдующихъ годахъ Великій Князь постоянно сопровождаетъ Императора Александра II въ поѣздкахъ Его Величества по Россіи, каковы поѣздки въ 1871 году на Кавказъ, въ 1872 году въ Москву на политехническую выставку, въ Крымъ и Донскую Область, а также неоднократно за границу. Во время заграничныхъ поѣздокъ Его Высочество дополняетъ свое художественное образованіе изученіемъ галлерей въ Германіи, Голландіи и Бельгіи. За кончиной Великой Княгини Маріи Николаевны, Великій Князь назначается, 14 февраля 1876 года, Президентомъ Академіи. Его Высочество пробылъ въ этомъ званіи 34 года. Засѣданія Академіи онъ посѣщалъ сравнительно рѣдко, предпочитая предоставлять участвующимъ въ нихъ лицамъ полную свободу въ обсужденіи подлежащихъ вѣдѣнію Академіи дѣлъ, но выставки и классы Его Высочество посѣщалъ въ среднемъ около 6 разъ въ годъ, т. е. въ общей совокупности до 200 разъ. И въ этомъ званіи Великій Князь, по отзывамъ вполне компетентныхъ лицъ, проявилъ свою особливую любовь къ русскому искусству, свою доступность всѣмъ возникающимъ талантамъ. Просвѣщенная же и глубоко вѣрная его оцѣнка произведеній искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ его щедрость выразилась въ томъ замѣчательномъ собраніи произведеній русскихъ художниковъ, которымъ Великій Князь наполнилъ Свой Дворецъ.

* * *

Съ 10 января 1872 года, въ силу Особаго Высочайшаго повелѣнія, Великій Князь присутствовалъ въ засѣданіяхъ

Государственнаго Совѣта, не принимая участія въ рѣшеніи дѣлъ, а Высочайшимъ приказомъ 16 апрѣля того же года состоялось назначеніе Его Высочества членомъ этого Собранія. Съ этого дня по 26 апрѣля 1906 года, т. е. до преобразованія Государственнаго Совѣта, состоялось 889 засѣданій Общаго Собранія, изъ коихъ Великій Князь присутствовалъ въ 626 засѣданіяхъ. За все это время Его Высочество проявлялъ живой интересъ къ законодательнымъ вопросамъ.

Въ 1874 году Великій Князь, слѣдуя влеченію сердца, соединяется узами брака съ дочерью Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Марією Павловною, и съ этого времени началась самостоятельная жизнь Его Высочества. Но едва прошло 3 года, какъ мирная семейная жизнь Его Высочества прерывается наступившими на Ближнемъ Востокѣ событіями.

* * *

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, Великій Князь получаетъ временное командованіе двѣнадцатымъ армейскимъ корпусомъ въ Руссукскомъ отрядѣ, состоявшемъ подъ общимъ командованіемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. Въ командованіе корпусомъ Великій Князь вступилъ 26 іюня. Для того, чтобы очертить участіе Великаго Князя въ военныхъ дѣйствіяхъ, мнѣ придется неизбежно, хотя бы кратко, коснуться положенія и всей дѣятельности Руссукскаго отряда.

Какъ извѣстно, отрядъ этотъ состоялъ изъ 49 баталіоновъ, 2 роты, 41 эскадрона и сотенъ, при 224 орудіяхъ, всего 55.847 человекъ въ строю. Общая оборонительная его линія простиралась по длинѣ на 50 безъ малаго верстъ, а линія кавалерійскаго наблюденія до 60—65 верстъ ¹⁾).

¹⁾ Въ составъ Руссукскаго отряда входили слѣдующія войска:

12 корпусъ.

12-ая пѣх. дивизія, полки: Азовскій, Днѣпровскій, Украинскій и Одесскій.

33-я пѣх. дивизія, полки: Бессарабскій, Херсонскій, Тираспольскій и Бендерскій.

12-ая арт. бригада.

33-я арт. бригада.

12-ая кавалер. дивизія, полки: Стародубскій драгунскій, Бѣлогородскій уланскій, Ахтырскій гусарскій и Донск. казач. № 12.

Донской казачій полкъ № 37.

19-ая конная артиллер. батарея.

Съ турецкой стороны противъ Русскаго отряда стояла Восточно-Дунайская армія, численностью въ 99.000 человекъ, состоявшая изъ 147 баталіоновъ, 73 эскадроновъ и 36 батарей, при 216 орудіяхъ и нѣсколькихъ тысячахъ нерегулярныхъ всадниковъ.

Первоначально назначеніе Русскаго отряда состояло въ томъ, чтобы освободить все пространство между нашею переправою въ Систовѣ и Главною квартирою съ одной стороны и Руссукомъ и Разградомъ съ другой, отъ непріятельскихъ войскъ, отгнать ихъ къ Руссуку и обложить эту крѣпость. Но послѣ неудачнаго дѣла 8 іюля подъ Плевною, наступательныя дѣйствія были воспрещены отряду, котораго задача была ограничена тѣмъ, чтобы служить заслономъ Плевненской арміи противъ фланговаго наступленія Русскихъ войскъ. Въ теченіе послѣдующихъ 7 мѣсяцевъ Русскій отрядъ, какъ извѣстно, блистательно исполнилъ свою задачу. Три главнокомандующихъ, смѣнившіе другъ друга въ турецкой Руссукской арміи, Абдуль-Керимъ паша, Мехметъ-Али паша и Сулейманъ паша, предпринимали наступленія въ различныхъ направленіяхъ, но не смогли разорвать нашу оборонительную линію, благодаря замѣчательной освѣдомленности нашихъ начальствующихъ лицъ, умѣлымъ стратегическимъ и тактическимъ ихъ приѣмамъ и беззавѣтной храбрости войсковыхъ частей. При чрезвычайной растянутости нашихъ позицій, турки при всѣхъ своихъ наступленіяхъ оказывались въ 4, 5 и болѣе разъ сильнѣе нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ и тѣмъ не менѣе нигдѣ окончательнаго успѣха не имѣли.

Донск. казач. батарея № 5.

13 корпусъ.

1-ая пѣх. дивизія, полки: Невскій, Софійскій, Нарвскій и Копорскій.

35-ая пѣх. дивизія, полки: Нѣжинскій, Болховскій, Моршанскій и Зарайскій.

1-ая артил. бригада.

35-ая артил. бригада.

8-ая кавал. дивизія, полки: Астраханскій драгунскій, Вознесенскій уланскій, Лубенскій гусарскій и Донск. казачій № 8.

Сотня казачьяго № 13 полка.

15-ая конно-артиллер. батарея.

Донская каз. № 9 батарея.

Кромѣ того:

7-ой сапер. баталіонъ.

2 роты 2-аго сапернаго баталіона.

Дивизионъ Л. Г. Атаман. полка.

Скорострѣльная батарея.

Характерную общую черту всѣхъ этихъ стычекъ и сраженій составили слѣдующіе приемы: турки наступали густыми колоннами, осыпая наши войска сперва артиллерійскимъ, а затѣмъ оружейнымъ огнемъ. Войска наши упорно отстрѣливались изъ временныхъ ложементовъ; за симъ отдѣльный наиболѣе храбрый начальникъ чаще всего небольшой части, баталіона, роты и даже полуроты, поднимаетъ людей для удара въ штыки; за этою частью бросаются въ атаку другія, и турки даютъ тылъ.

Въ этихъ бояхъ пало не мало такихъ храбрецовъ, во главѣ своихъ частей.

Боевое крещеніе Великій Князь получилъ 9 іюля, въ предпринятой имъ развѣдкѣ къ Русцуку. Отрядъ состоялъ изъ 3 сотенъ казачьяго № 37 полка, 2 казачьихъ конныхъ орудій и двухъ баталіоновъ Бендерскаго и Тираспольскаго пѣхотныхъ полковъ. По достиженіи цѣли развѣдки, заключавшейся главнымъ образомъ въ уничтоженіи телеграфа и порчѣ желѣзной дороги къ Шумлѣ, когда отрядъ возвращался къ рѣкѣ Ломъ, раздались въ тылу орудійные выстрѣлы и гранаты стали разрываться не вдалекѣ отъ Великаго Князя. Въ одной изъ ротъ Бендерцевъ, летѣвшія съзади гранаты произвели замѣшательство. Тогда къ ротному командиру подскакиваетъ находившійся въ свитѣ Великаго Князя адъютантъ его Васмундъ и совѣтуетъ ему обратить роту лицомъ къ врагу, что и было исполнено. Люди немедленно успокоились, и непріятное впечатлѣніе какъ рукой сняло. Около появившихся изъ Русцука орудій, обрисовалось значительное число всадниковъ, а орудія продолжали посылать на нашъ отрядъ свои гранаты; началась перестрѣлка. Чтобы слѣдить за нею, Великій Князь поднялся на одинъ изъ ближайшихъ къ передовой линіи холмовъ и оттуда распоряжался. Довольно значительная группа всадниковъ была хорошо видна туркамъ, которые стали посылать по ея направленію одну за другою гранаты, разрывавшіяся у подошвы холма. По свидѣтельству очевидцевъ, Великій Князь, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, спокойно отдавалъ приказанія. Когда Великій Князь удостовѣрился въ отступленіи турокъ, то возвратился на рѣку Ломъ.

Для исполненія возложенной на Русцукскій отрядъ задачи, необходимо было рядомъ рекогносцировокъ, всегда быть въ курсѣ расположенія и передвиженія турецкихъ войскъ. Рекогносцировки эти оканчивались стычками и цѣлыми сраженіями. Первая такая стычка разгорѣлась въ авангардѣ генерала Дризена у Пиргоса; засимъ сраженіе у деревни Бисанцы 11 іюля, у

Бсерджи 14 іюля. Къ этой послѣдней стычкѣ привела рекогносцировка кавалеріи графа Воронцова-Дашкова. Далѣе развѣдки 9-го августа къ Папкію, Хайдеркію и Спахилеру, назначенныя по поводу слуховъ о движеніи въ сторону Руцукскаго отряда Сулеймана паши.

Въ свою очередь, турки произвели 9 августа атаку на 12-й корпусъ, въ отраженіи коей участвовалъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Одновременно было предпринято 9—11 августа наступленіе противъ нашихъ Аяслярскихъ позицій, выдвинутыхъ за рѣку Ломъ. Въ этомъ весьма серьезномъ бою наши войска уступили было наши позиціи, но, по распоряженію командовавшаго 13-мъ корпусомъ, вновь ихъ отвоевали ночью и вновь должны были отступить послѣ того, что Невскіи и Софіискіи полки, въ теченіе 18 часовъ, отразили 12 атакъ.

На слѣдующее же утро, Наслѣдникъ Цесаревичъ объѣзжалъ позиціи, благодарилъ войска и вселилъ въ сражавшихся новыя силы.

Въ тѣ самые дни, когда у Аясляра семь баталіоновъ нашихъ войскъ сражались противъ 16 баталіоновъ при 12 орудіяхъ турокъ—11 нашихъ баталіоновъ отражали на Шипкѣ, при одинаковыхъ условіяхъ жары и усталости, яростныя атаки 46 баталіоновъ Сулеймана паши.

Въ самый день второй нашей неудачи подъ Плевной 18 августа, произошелъ упорный бой подъ Карахасанкіюемъ, куда Мехметъ-Али направилъ 29 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и 48 орудій, съ массою черкесовъ и башибузуковъ, противъ нашихъ 3 баталіоновъ, 2 эскадроновъ, 1 сотни казаковъ и 10 орудій, во главѣ съ генераль-маіоромъ Леоновымъ 2-мъ¹⁾. Вслѣдствіе численнаго превосходства непріятеля, наши части, отравивъ натискъ, тѣмъ не менѣе должны были отойти къ Гагову.

Вслѣдъ за этимъ боемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, 21-го августа, на разстояніи выстрѣла отъ непріятеля, вновь объѣхалъ всѣ наши позиціи между Гаговымъ и Папкіюемъ.

Между тѣмъ, 19 августа 17 баталіоновъ турецкихъ войскъ вышли изъ Руцука и произвели диверсію противъ нашего лѣваго фланга у Кадыкіюя, но были отброшены, при личномъ руководствѣ боемъ Великаго Князя Владиміра Александровича.

¹⁾ Степанъ Степановичъ Леоновъ 2-ой въ войну 1877—78 года командиръ 1-й бригады 8-ой кавалерійской дивизіи. Впослѣдствіи командиръ 17-го армейскаго корпуса и членъ Александровскаго Комитета о раненыхъ; скончался въ 1899 году.

Одновременно Мехметъ-Али надумалъ совершить общее наступленіе на наиболѣе слабое мѣсто, а именно на позиціи наши у деревень Кацлево и Аблаво—находившихся въ центрѣ нашего расположенія; позиціи эти были заняты 33-ею дивизіею, бывшею подъ начальствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича. Августѣйшій Начальникъ Руцукскаго отряда отлично зналъ, что ему неоткуда было ожидать помощи, и послалъ въ главную квартиру, сдѣлавшееся историческимъ по своей краткости, донесеніе: „Сколько можно судить по полученнымъ свѣдѣніямъ, гласитъ это донесеніе, главный пунктъ атаки турокъ есть Аблаво. Я послалъ, въ подкрѣпленіе 33 пѣхотной дивизіи, два полка 13 корпуса и казачій полкъ № 13“. Противъ этихъ позицій, занятыхъ всею 16.000 нашихъ войскъ, было сосредоточено 80.000 турецкихъ войскъ ¹⁾).

Ничтожный Кацлевскій отрядъ, послѣ отчаяннаго боя, долженъ былъ, по распоряженію своего начальства, отступить, но Аблавскія войска опрокинули турокъ, которые бѣжали за рѣку Ломъ, преслѣдуемые нашими войсками; послѣднія къ ночи возвратились на свои позиціи и на нихъ ночевали. Въ этомъ геройскомъ бою особенно отличились: генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Дризенъ ²⁾, онъ подскакалъ къ баталіону отступавшихъ Копорцевъ, повернулъ ихъ кругомъ и лично довелъ ихъ, вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ резервомъ, до позиціи, и—начальникъ 33-ей дивизіи, генералъ-маіоръ Тимофѣевъ, успѣвшій остановить вытянувшіяся въ одну линію отступавшія части. Онъ взялъ въ руки ружье и, выйдя впередъ за цѣпь, одинъ, неторопливымъ шагомъ, направился въ сторону непріятеля; за нимъ пошло остальное начальство, войска ринулись въ новый бой, и турки не выдержали и дали тылъ.

Между тѣмъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ рѣшилъ исполнить давно задуманное имъ сосредоточеніе всего отряда къ рѣкѣ Янтрѣ. Рѣшено было начать это движеніе съ 25-го числа, при

¹⁾ У Кацлева было нашихъ 4 баталіона, 3 эскадрона и 8 орудій, а у Аблава 5½ баталіоновъ, 3 эскадрона и 42 орудія, къ концу утрома 24 августа прибыли изъ 13-го корпуса 6 баталіоновъ и 16 орудій, а всего 16 тысячъ человѣкъ. На Кацлево наступало 36 баталіоновъ, 24 эскадрона и 45 орудій, а противъ Аблава турецкія войска дошли до 60 таборовъ, при 60 орудіяхъ.

²⁾ Генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Дризенъ въ кампанію 1877 года начальникъ 12 кавалерійской дивизіи. Впослѣдствіи командовалъ корпусомъ въ Виленскомъ воен. окр. Генералъ-маіоръ Тимофѣевъ—въ войну 1877—78 года командовалъ 33-ею дивизіею. Скончался въ 1889 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

чемъ громадное затрудненіе состояло въ томъ, какъ совершить его въ виду непріятели. Помогъ этому дѣлу самъ Мехметъ-Али. Въ это утро къ нему въ дер. Соленики прибылъ изъ Главной квартиры полковникъ графъ С. Д. Шереметьевъ съ отвѣтнымъ письмомъ отъ главнокомандующаго по поводу извѣщенія турецкаго главнокомандующаго о присоединеніи турокъ къ Женевской конвенціи. Это обстоятельство и дало, повидимому, поводъ Мехмету-Али просить перемирія для взаимнаго размѣна оставшихся на полѣ битвы раненыхъ и убитыхъ. Съ нашей стороны дано было согласіе, но, дабы турки не могли заподозрить нашихъ намѣреній, поставлено было условіемъ, чтобы перемиріе длилось не далѣе заката солнца. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вечера 25-го начато было отступленіе и закончено 27-го. Одинъ изъ подчиненныхъ Мехмета-Али, Селихъ паша совѣтовалъ возобновить наступленіе, но штабные чины находили это предпріятіе слишкомъ опаснымъ. Всѣ эти промахи турецкихъ военачальниковъ показали, какъ выражается Лееръ въ своемъ обзорѣ нашихъ войнъ (кн. IV ч. I стр. 393), что „турецкая армія, какъ всѣ ранѣе съ нами воевавшія турецкія арміи, лишена была способности наступать противъ насъ какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніяхъ“. Рущукскій отрядъ сосредоточился на лѣвомъ берегу Баницкаго Лома на великолѣпныхъ позиціяхъ между деревнями Мечкой и Капривицею и въ ближайшей другъ съ другомъ связи всѣхъ войскъ отряда. Сосредоточеніе это составляетъ, по свидѣтельству нашихъ военныхъ историковъ, неотъемлемую большой важности заслугу командовавшаго отрядомъ Наслѣдника Цесаревича; а именно отрядъ, находившійся передъ тѣмъ въ постоянной возможности быть отброшеннымъ вслѣдствіе растянутаго своего положенія, получилъ возможность быть готовымъ ко всѣмъ случайностямъ. Къ тому же онъ, наконецъ, былъ подкрѣпленъ 26-ою дивизіею и бригадою второй Донской казачьей дивизіи.

Выгода новаго расположенія сразу обнаружилась, когда Мехметъ-Али, по требованію турецкаго правительства оказать содѣйствіе Осману нашѣ, которому вновь удалось отразить 30 августа третью атаку подъ Плевною, рѣшилъ прорваться въ интервалъ между 13—11 корпусами; а именно Наслѣдникъ Цесаревичъ могъ подкрѣпить генераль-лейтенанта Татищева¹⁾

¹⁾ Леонидъ Дмитриевичъ Татищевъ состоялъ въ эту войну начальникомъ 11-й кавалерійской дивизіи. Скончался въ 1881 году.

тремя полками 13-го корпуса: Пермскимъ, Невскимъ и Вятскимъ, когда противъ нашего отряда въ 12 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, при 46 орудіяхъ подъ Чайркіоемъ и Церковной, Мехметъ-Али двинулъ, 9 сентября, 56 баталіоновъ, 28 эскадроновъ, съ 93 орудіями. Несмотря на это превосходство силъ, наши войска отразили турокъ съ значительнымъ урономъ.

Новое наступленіе было задумано Мехметомъ-Али съ 20 на 21 сентября: длинная вереница его войскъ потянулась уже къ наведенному черезъ рѣку Ломъ у деревни Иванъ-Чифтликъ мосту, какъ вдругъ получается приказъ о снятіи съ него званія главнокомандующаго. Отмѣнивъ наступленіе, онъ, позавтракавъ, уѣхалъ въ Константинополь, а войска разошлись по бивуакамъ.

До тѣхъ поръ Мехметъ-Али дѣйствовалъ по преимуществу противъ праваго фланга Руцукскаго отряда. По прибытіи же замѣнившаго его Сулеймана паша, послѣдній сосредоточилъ свои силы противъ 12-го корпуса, т.-е. лѣваго фланга Руцукскаго отряда. Уже 8-го октября Сулейманъ паша предпринялъ рекогносцировку нашихъ позицій. Наши передовые посты медленно отходили къ деревнѣ Ханъ-Гюль-Чесме, и слѣдовавшая за ними турецкая пѣхота была наведена на батареи, которыя открыли по нимъ, на близкомъ разстояніи, мѣткій огонь, и турки въ безпорядкѣ бросились назадъ къ рѣкѣ Ломъ. Въ это самое время Наслѣдникъ Цесаревичъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ объѣзжалъ передовыя позиціи и вдоль фронта развѣвалось красное знамя Цесаревича. Вечеромъ того же дня, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, одинъ со своими адъютантами безъ конвоя, доѣхалъ до нашей цѣпи. Въ слѣдующіе дни турки продолжали свои развѣдки, что привело Великаго Князя къ мысли удостовѣриться въ томъ, что турки отступили къ Руцуку и Разграду. Организованы были, подъ личнымъ руководствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, сперва развѣдки 9 октября, а затѣмъ 12 октября большая рекогносцировка 3-мя колоннами. Въ правой колоннѣ, въ которую вскорѣ прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, находился Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Въ лѣвой колоннѣ—Князь Сергѣй Максимилиановичъ. Выѣхавъ къ передовой линіи, Сергѣй Максимилиановичъ остановился на курганѣ, съ цѣлью осмотра мѣстности и былъ сраженъ вражескою пулею. Часъ спустя, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, продолжая руководить разгоравшимся боемъ, оказался въ той же мѣстности.

Послѣ цѣлаго мѣсяца взаимныхъ наблюденій обоихъ отрядовъ другъ за другомъ, турки, утромъ 14 ноября, начали наступленіе на деревни Мечка и Трестеникъ ¹⁾. Сулейманъ паша, предполагавшій подать помощь Плевнѣ и прервать наши сообщенія черезъ Дунай, направилъ на наши войска 51 таборъ при 54 орудіяхъ. Турки были отброшены послѣ упорнаго боя. Не малую въ этомъ дѣлѣ помощь намъ оказали осадныя батареи, расположенныя на Дунаѣ, которыя начали обстрѣливать турокъ съ фланга въ самомъ началѣ наступленія на наши позиціи.

Потерпѣвъ здѣсь пораженіе, Сулейманъ паша перебросилъ свои силы на позиціи наши у Кесарево вблизи города Елены, гдѣ 22 ноября разгорѣлся неравный бой: 30 тысячъ турокъ противъ 6 баталіоновъ 4 эскадроновъ и 26 орудій Сѣвскаго и Орловскаго полковъ. Хотя наши войска должны были отступить, но къ слѣдующему же утру прибыли командированныя Государемъ Наслѣдникомъ въ помощь Еленинскому отряду войска ²⁾, которыя, пройдя 50 верстъ въ 2 ночи и 1 день, по испорченной дождями дорогѣ, немедленно были двинуты на деревню Златарицу, гдѣ послѣ упорнаго боя турки были наголову разбиты.

Едва успѣла дойти до Рущукскаго отряда радостная вѣсть о побѣдѣ подъ Плевною 28 ноября, какъ получено было извѣстіе о подготовляемой новой атакѣ всѣхъ силъ Сулеймана паша. 30 ноября ³⁾ турки, въ составѣ не менѣе 60 баталіоновъ, направили главный ударъ на Мечку и на промежутокъ между Мечкою и Трестеникомъ, задумавъ прорвать нашу линію между двумя укрѣпленными позиціями. Въ критическую минуту Великій Князь Владиміръ Александровичъ прибылъ на поле сраженія и принялъ на себя руководство боемъ. Когда выяснилось главное направленіе повторныхъ атакъ турецкой пѣхоты, Великій Князь, выждавъ время, когда турки оконча-

¹⁾ У деревни Мечка стояли нашихъ 6 баталіоновъ и 16 орудій. Позицію у Трестеника занимали 9 баталіоновъ, при 44 орудіяхъ. Вблизи этой послѣдней деревни, находились 14 эскадроновъ и сотенъ съ 10 орудіями и въ общемъ резервѣ 9 баталіоновъ, 6 сотенъ и 36 орудій.

²⁾ Первая бригада 26 дивизіи. 3 батареи 26 артиллерійской бригады и 4 эскадрона Рижскаго драгунскаго полка.

³⁾ Къ этому дню состояло на позиціи у деревни Мечки 17 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и сотенъ, 76 пѣшихъ и 12 конныхъ орудій. при чемъ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ были сдѣланы распоряженія о направленіи туда еще 10 баталіоновъ, 3 сотенъ и 42 орудій, которые по мѣрѣ прибытія должны были подкрѣпить сражающихся.

тельно втянутся въ лощины, откуда они вели свои отчаянные наступленія, приказалъ Трестенинскимъ войскамъ перейти въ наступленіе по Руцукскому шоссе, которое у Ханъ-Гюль-Чесме поворачиваетъ круто къ Дунаю. Слѣдуя этимъ шоссе, наши войска вошли во флангъ и даже въ тылъ непріятеля, атаковавшаго Мечку ¹⁾. Направленное Великимъ Княземъ обходное движеніе рѣшило бой, и турки отступили въ безпорядкѣ къ сѣверу на деревню Красна, такъ какъ путь ихъ къ югу на Иванъ-Чифтликъ былъ отрѣзанъ. Кромѣ распорядительности своей Великій Князь проявилъ въ этомъ дѣлѣ и присущую ему личную храбрость, выдвинувшись со своею свитою въ сферу огня.—Послѣдствіемъ было то, что въ свитѣ Его Высочества двое были ранены и пули падали около него самого.

Этимъ сраженіемъ закончились наступательныя дѣйствія Сулеймана паши. Руцукскій отрядъ, переименованный въ Восточный, перешелъ въ наступленіе и, при участіи Великаго Князя Владиміра Александровича, послѣдовательно взялъ Разградъ, Османъ-Базаръ и Эски-Джуме.

Императоръ Александръ II настаивалъ, чтобы Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ на рождественскіе праздники вернулись въ С.-Петербургъ, но они рѣшительно отклонили это предложеніе, желая остаться при своихъ частяхъ. И дѣйствительно тутъ наступило едва ли не самое тяжелое время борьбы, уже не съ непріателемъ, а со стихіями. Въ началѣ декабря выпалъ первый снѣгъ, начались сильныя морозы, вьюги, передвиженіе было почти невозможно, люди и лошади тонули въ снѣгахъ, продовольствіе арміи было крайне затруднено, топлива не было, войска располагались въ землянкахъ и хотя люди были обеспечены теплою одеждою, но у лошадей трескались копыта, число заболѣвающихъ людей увеличивалось съ каждымъ днемъ, и тутъ выступила воочію та заботливость, которую Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ все время съ начала кампаніи, а теперь еще вящше проявили ко ввѣреннымъ имъ войскамъ. Какъ прежде послѣ cadaго боя они оба посѣщали раненыхъ, такъ и теперь они, съ явною для себя опасностью зараженія, посѣщали тифозныхъ, которыми наполнены были госпитали, и другихъ страдальцевъ. Послѣдствіемъ этихъ посѣщеній было зараженіе, которое Наслѣдникъ

¹⁾ Для этого удара были сосредоточены 8 баталіоновъ, 14 эскадроновъ и сотенъ и 48 орудій.

Цесаревичъ увезъ съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ разболѣлся тяжелой формою возвратнаго тифа.

Послѣ Адрианопольскаго перемирія, Великіе Князья 1-го февраля 1878 г., сдали свои командованія и вернулись въ С.-Петербургъ, а Восточный отрядъ, согласно условіямъ перемирія, вступилъ, 8 февраля, въ Руссукъ безъ боя.

За время командованія 12-мъ корпусомъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ получилъ, 16 сентября, орденъ Св. Владиміра 2-ой степени съ мечами, за дѣло подъ Мечкою, 14 ноября орденъ Св. Георгія 3-ей степени и за отличіе въ сраженіи 30 ноября золотую саблю, украшенную брилліантами, съ надписью: „за 14 и 30 ноября“.

* * *

По возвращеніи съ войны войскъ гвардіи, Великій Князь принялъ, въ 1878 году, командованіе I-ю гвардейскою дивизіею, и засимъ назначенъ Высочайшими приказами: 17 августа 1880 года командиромъ гвардейскаго корпуса и 2 марта 1881 года командующимъ войсками гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа. Столь отвѣтственныя назначенія дали Великому Князю возможность, въ полномъ объемѣ, проявить свои попечительныя заботы о ввѣренныхъ ему войскахъ. Для ознакомленія съ ихъ боевою готовностью и съ матеріальнымъ ихъ благосостояніемъ, Великій Князь, начиная съ 1883 года, предпринимаетъ цѣлый рядъ поѣздокъ для инспектированія какъ дѣйствующихъ, такъ и резервныхъ войсковыхъ частей и мѣстныхъ командъ, а также для повѣрки хода занятій запасныхъ нижнихъ чиновъ въ учебныхъ сборахъ. Въ 1883—99 годы Великій Князь предпринялъ 18 такихъ поѣздокъ, при чемъ провелъ въ дорогѣ 230 дней. Поѣздки 1884—97 годовъ описаны извѣстнымъ нашимъ писателемъ К. К. Случевскимъ и даютъ намъ возможность заглянуть во всѣ подробности живого отношенія Великаго Князя къ порученному Его попеченію дѣлу. Такъ, упомянутыя поѣздки заняли около 4 мѣсяцевъ; за это время Его Высочествомъ было посѣщено 53 города, осмотрѣны въ подробности всѣ на пути лежавшія казармы, уѣздныя воинскія управленія и 66 отдѣльныхъ воинскихъ частей. Въ эти четыре года осмотрѣны были какъ губерніи сѣверныя и приозерныя, составляющія $\frac{1}{4}$ часть Европейской Россіи, часть Финляндіи, такъ равно губерніи прибалтійскія и западныя, входящія въ С.-Петербургскій военный округъ. Изданные послѣ cadaго объѣзда указы по округу свидѣтельствуютъ,

что Великій Князь подробно вникалъ какъ въ боевую готовность, такъ и въ житейскую обстановку офицерскаго состава и въ особенности нижнихъ чиновъ:—отмѣчены хорошо устроенныя казармы и тѣ, которыя представлялись неудобными или совсѣмъ негодными; удовлетворительныя и неудовлетворительныя лазареты; разбиралось состояніе нравственности нижнихъ чиновъ отдѣльныхъ воинскихъ частей, ихъ здоровья, ихъ успѣховъ по обученію грамотѣ. Рядомъ съ инспектированіемъ воинскихъ частей, чередовались осмотры училищъ, школъ, больницъ, богодѣленъ, тюремъ и разныхъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій, бесѣды съ мѣстными дѣятелями, представителями торговли и промышленности о нуждахъ даннаго края. Наравнѣ съ обзоромъ современныхъ учрежденій и благотворительныхъ заведеній, вниманіе Великаго Князя было привлекаемо обзорѣніемъ историческихъ памятниковъ и документовъ. Тутъ и проявилась богатая эрудиція Его Высочества. Пишущему эти строки неоднократно приходилось выслушивать заявленія, что лица, близко знакомыя съ тѣми или другими памятниками и документами, встрѣчали въ лицѣ Великаго Князя такого знатока, который обладалъ по соответствующему предмету знаніями болѣе полными и точными, чѣмъ имѣвшіяся у нихъ.

Часть упомянутыхъ поѣздокъ были совершены въ сопровожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, и вездѣ ихъ появленіе производило чарующее впечатлѣніе.

Независимо отъ поѣздокъ, шла постоянная, обыденная работа какъ зимою, такъ и въ Красносельскомъ лагерѣ. Въ этомъ непрерывномъ общеніи съ войсковыми частями съ особенною яркостью и обнаруживались драгоцѣнныя качества Великаго Князя: его участіе къ улучшенію быта нижнихъ чиновъ, его забота о нихъ; въ лагерное время рѣдкая недѣля, чтобы онъ не посѣтилъ мѣстный госпиталь, то же и зимою; его доступность для каждаго имѣющаго къ нему какое-либо ходатайство или просьбу, его участіе къ каждому несчастью многочисленныхъ его подчиненныхъ, быстрота и щедрость, съ которою онъ приходилъ на помощь нуждающимся, выхлопывалъ льготы, пособія. Что касается боевой готовности войскъ, ¹⁾

¹⁾ Во время командованія Петербургскимъ военнымъ Округомъ В. К. Владиміромъ Александровичемъ всѣмъ важнѣйшимъ отдѣламъ боевой подготовки войскъ было отведено надлежащее мѣсто, и ни одинъ изъ отдѣловъ не выдавался передъ другимъ.

то она засвидѣтельствована неоднократно Высочайшими рескриптами.

Подчиненные Великаго Князя и въ особенности нижніе чины отвѣчали на заботы о нихъ Его Высочества, доступность и ласковое его обращеніе беззавѣтною любовью. Русскій солдатъ, въ силу непосредственной своей природы, привязывается къ доброму, отзывчивому начальству всѣмъ своимъ нутромъ, и это внутреннее чувство никогда его не обманываетъ.

* * *

4 января 1892 года Великій Князь былъ назначенъ членомъ комитета министровъ и принималъ участіе въ засѣданіяхъ комитета 15 разъ, преимущественно при обсужденіи болѣе важныхъ дѣлъ. По нѣкоторымъ дѣламъ сужденія Его Высочества записаны въ журналѣ комитета. Между прочимъ, 3 марта 1892 года обсуждался принципиальный вопросъ о допущеніи католическаго духовенства къ преподаванію Закона Божія въ сельскихъ школахъ Царства Польскаго. Въ то время министерство народнаго просвѣщенія стояло за полное воспрещеніе католическимъ священникамъ преподавать Законъ Божій въ сельскихъ школахъ. Дѣло доходило до того, что къ преподаванію католикамъ Закона Божьяго были назначены лица

Считаемъ необходимымъ также отбѣнить самую видную и яркую сторону его верховодительства воспитаніемъ военачальниковъ. Великій Князь отлично сознавалъ и неуклонно проводилъ въ войсковую жизнь ту несомнѣнную мысль, что военачальникъ только тогда и можетъ самостоятельно и правильно распорядиться на войнѣ, когда и при мирномъ его воспитаніи тщательно охраняется и бережется его личное достоинство. Если на начальника никто не кричитъ, никто его не разноситъ въ присутствіи подчиненныхъ, если начальникъ ни къ кому не задерживается, то онъ привыкаетъ вѣрить въ свои собственныя силы, и можетъ на войнѣ обнаружить надлежащую находчивость и инициативу дѣйствій. Прекрасно понимая значеніе всего вышесказаннаго почившій В. К. во время своего командованія округомъ неуклонно охранялъ личное достоинство начальника, и никогда не позволялъ себѣ унижать его ни въ какихъ случаяхъ, сердечно, а не злобно, относился къ его ошибкамъ.

Военный кругозоръ начальниковъ значительно расширился цѣлымъ рядомъ поучительныхъ военныхъ сообщеній непрерывно продолжавшихся во все время командованія Великимъ Княземъ Петербургскимъ военнымъ Округомъ.

Назначеніемъ такихъ высокоталантливыхъ личностей, каковы были генералы Бобриковъ и Васмундъ, непосредственными руководителями своихъ войсковыхъ предначертаній В. К. Владиміръ Александровичъ наглядно доказалъ, что онъ обладалъ однимъ изъ высшихъ даровъ начальника умѣньемъ выбирать своихъ подчиненныхъ. *Ред.*

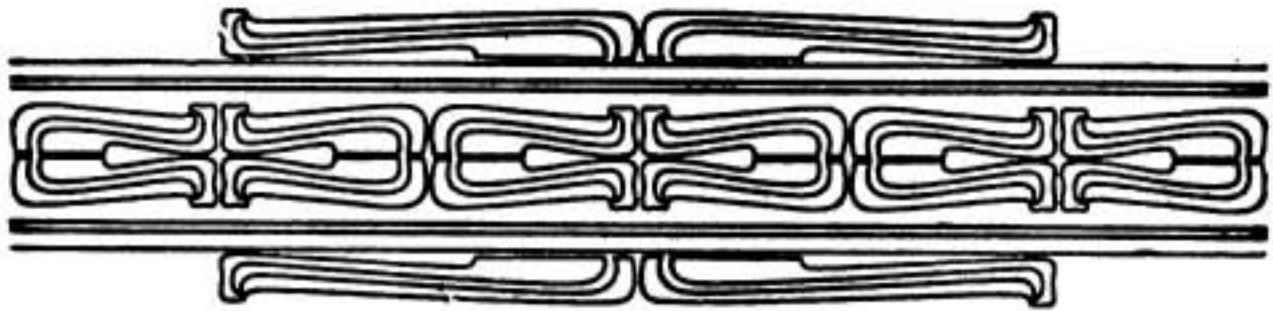
лютеранскаго исповѣданія. Часть же членовъ раздѣляли мнѣніе генераль-губернатора Гурко, считавшаго такое положеніе дѣла невозможнымъ. Великій Князь высказывался, что такъ какъ главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за спокойствіе края, котораго касается настоящее дѣло, является генераль-губернаторъ, успѣвшій въ теченіе долголѣтняго управленія краемъ достаточно близко его изучить—то послѣднее слово при разрѣшеніи возникшаго разногласія должно бы, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежать ему, варшавскому генераль-губернатору, а не мѣстнымъ органамъ учебнаго вѣдомства.

Государь Императоръ соизволилъ утвердить журналъ комитета, согласно съ мнѣніемъ Великаго Князя.

* * *

Изъ всего вышесказаннаго получается слѣдующій нравственный обликъ Великаго Князя: богато одаренная натура, благородный характеръ, живой умъ, отзывчивое сердце, щедрость и вѣрность въ отношеніяхъ съ окружающими, личная храбрость, а главное—глубокое искреннее религіозное чувство, горячая сознательная любовь къ Родинѣ и беззавѣтная преданность своему Государю.

А. Н. Куломзинъ.

Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.¹⁾

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова)

Я былъ глубоко тронуть сочувственнымъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Парижѣ, гдѣ всѣ видные дѣятели отнеслись ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Я подмѣтилъ однако, что вѣчная борьба партій и личная неприязнь, существовавшая противъ герцога Деказа въ нѣдрахъ самаго министерства, парализовали его доброжелательное отношеніе къ намъ. Поэтому я постарался повидать лидеровъ республиканской оппозиціи и расположить ихъ въ нашу пользу, въ особенности Тьера и Жюля Симона. Изъ нихъ первый, несмотря на свой выдающийся, ясный и практической умъ, былъ проникнутъ старыми предразсудками о необходимости поддержать на Востокѣ status quo, о жизнеспособности турецкаго режима на Босфорѣ и былъ противъ освобожденія христіанскихъ народностей, считая это опаснымъ. Поэтому онъ порицалъ во всеуслышаніе выгодное для Россіи положеніе, занятое французскими уполномоченными на конференціи, упрекая въ то же время герцога Деказа въ недостаткѣ инициативы и дѣятельности въ дѣлахъ Европы. Говоря о президентѣ республики, онъ назвалъ его нѣсколько разъ: „разбитый, но увѣнчанный славой солдатъ“ (le soldat battu et glorieux). Послѣ того какъ я побывалъ нѣсколько разъ у Тьера, и онъ въ свою очередь посѣтилъ меня и долго бесѣдовалъ со мною, какъ старый знакомый, обсуждая по пунктамъ доводы,

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

которые я приводилъ въ защиту русскаго взгляда, онъ отказался мало по малу отъ своей односторонней точки зрѣнія и наконецъ призналъ необходимость обезпечить прочнымъ образомъ судьбу христіанъ, согласно съ ихъ законными стремленіями. Онъ и Жюль Симонъ¹⁾ сдѣлались сторонниками проекта протокола и повліяли на республиканскую прессу, которая начала, во время моего пребыванія въ Парижѣ, говорить въ тонѣ болѣе благопріятномъ русской точкѣ зрѣнія и интересовъ христіанъ. Миѣ передавали со всѣхъ сторонъ, что я лично произвелъ на Тьера очень благопріятное впечатлѣніе.

Изъ числа лицъ, посѣтившихъ меня, былъ мой старый знакомый по Константинополю, баронъ Джемсъ Гиршъ, концессионеръ турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, съ проектами котораго я постоянно боролся, такъ какъ онъ проектировалъ линіи, выгодныя исключительно для осуществленія заднихъ мыслей Австро-Венгріи по отношенію къ пограничнымъ турецкимъ провинціямъ. Тратя не мало денегъ въ Константинополѣ и имѣя среди турецкой администраціи множество агентовъ и союзниковъ, баронъ Гиршъ могъ знать истинное положеніе дѣлъ въ Турціи и въ этомъ отношеніи представлялъ извѣстный интересъ въ глазахъ *собратья*. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ этого источника, султанъ и его приближенные были готовы принять программу конференціи „чтобы избѣжать, во что бы то ни стало, войны и имѣть возможность продолжать свою роскошную жизнь“. Ваханъ-Эффенди, посланный въ Европу подъ предлогомъ ознакомленія съ организаціей магистратуры, получилъ кромѣ того отъ дворца конфиденціальную миссію вывѣдать „взглянетъ ли Англія благосклонно на соглашеніе съ Россіей и на мирное разрѣшеніе стоявшихъ на очереди вопросовъ“²⁾.

Чтобы собрать предварительныя справки, въ Англію былъ посланъ наперсникъ Мидхата паши, его руководитель въ иностранной политикѣ и учитель французскаго языка, армянинъ Одіанъ-Эффенди, второй секретарь министерства общественныхъ работъ. Одіанъ-Эффенди передалъ Гиршу результаты своихъ переговоровъ въ Лондонѣ: „Лордъ Биконсфильдъ и лордъ

¹⁾ Французскій политическій дѣятель, публицистъ и философъ, членъ французской академіи 1814—1890. Въ концѣ 1876 года Ж. Симонъ образовалъ кабинетъ, гдѣ принялъ на себя портфель министра внутреннихъ дѣлъ.

И. В.

²⁾ Эти свѣдѣнія подтверждали мое мнѣніе, что нашему соглашенію съ Портой и ея намѣренію дать намъ полное удовлетвореніе мѣшали исключительно англійскіе агенты. За войну ответственна Англія.

Прим. авт.

Дерби говорили официально довольно корректно, но въ бесѣдѣ съ глаза на глазъ, послѣдній, на вопросъ, готовъ ли онъ принять программу конференціи или же онъ отвергаетъ ее, ничего не возразилъ съ точки зрѣнія Англіи, противъ того, чтобы программа была отвергнута, и порицалъ Салисбюри за то, что желая притти къ соглашенію со мною, онъ зашелъ неожиданно для всѣхъ слишкомъ далеко¹⁾. Лорду Дерби пришла странная фантазія высказать агенту Мидхата предположеніе, что Порта, даже сдѣлавъ непосредственно уступки христіанамъ и Россіи, могла бы добиться болѣе выгодныхъ условій, нежели тѣ, которыя конференція хотѣла навязать ей! Можно ли удивляться послѣ этого, что Мидхатъ расхрабрився до того, что разыгралъ комедію, созвавъ яко бы народное собраніе, на обсужденіе котораго онъ предложилъ требованія конференціи, чтобы торжественно отвергнуть ихъ, какъ посягающія на достоинство турокъ!

Одіанъ-Эффенди, съ которымъ мнѣ посчастливилось встрѣтиться въ Ниццѣ зимою 1878—1879 г., подтвердилъ, что если бы частные разговоры руководителей торійской партіи были такъ же корректны, какъ то, что они говорили публично, то послѣднія предложенія конференціи, разумѣется, были бы приняты и Мидхатъ первый никогда не посмѣлъ бы ни отвергнуть ихъ, ни „посмѣяться надъ Салисбюри“, какъ онъ это сдѣлалъ, если бы онъ не былъ увѣренъ, что въ глубинѣ души Биконсфильдъ и Дерби одобряли его противодѣйствіе и были бы въ восторгѣ воспользоваться случаемъ, чтобы благополучно выпутаться изъ дѣла, затѣяннаго ими противъ воли, единственно подъ вліяніемъ либераловъ.

Изъ послѣднихъ донесеній, показанныхъ мнѣ барономъ Гиршемъ, вытекало, что вооруженныя силы турокъ, сосредоточенныя въ бассейнѣ Дуная, не превышали 180 тысячъ. что ихъ армія была разстроена и что въ Константинополѣ ожидали, что турки, испытавъ нѣсколько поражений въ открытомъ полѣ, отступятъ по всей линіи. Исходъ войны казался столь благоприятнымъ для Россіи, что еврей-банкиръ предложилъ черезъ меня императорскому правительству чрезвычайно выгодную для обѣихъ сторонъ финансовую операцію; къ сожалѣнію, князь

¹⁾ Это произошло на конференціи, гдѣ честный и энергичный образъ дѣйствій Салисбюри сбилъ съ толку Мидхата пашу, который возлагалъ надежды въ особенности на увѣренія сэра Эліота. Миссія, возложенная на Одіанъ-Эффенди, имѣла цѣлю освѣдомить блистательную Порту о положеніи дѣлъ въ рѣшающій моментъ.

Прим. авт.

Горчаковъ не воспользовался этимъ, а будь предложеніе бар. Гирша принято, это значительно облегчило бы намъ веденіе войны.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я рассчитывалъ пробыть тамъ съ недѣлю, чтобы выждать извѣстій отъ Шувалова, который взялся вести съ англійскими министрами переговоры о принятіи, въ принципѣ, протокола и объ его окончательной редакціи. Онъ долженъ былъ сообщить мнѣ свои окончательныя заключенія въ среду, а я собирался уѣхать въ Вѣну въ четвергъ, 3 марта, и уже извѣстилъ Вѣнскій кабинетъ о своемъ пріѣздѣ черезъ австро-венгерскаго посланника въ Парижъ, который выразилъ мнѣ свое удивленіе по поводу того, что я пріѣхалъ въ Парижъ, не побывавъ въ Вѣнѣ, гдѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ.

Когда я встрѣтился съ итальянскимъ посланникомъ, онъ упрекнулъ меня за то, что Италия „была забыта Россіей“, и жаловался, что съ мнѣніемъ римскаго кабинета не достаточно считаются. Я отправился къ ген. Чіальдини, постарался загладить это впечатлѣніе и долго бесѣдовалъ съ нимъ, изложивъ ему положеніе дѣлъ и познакомивъ его съ текстомъ протокола; я увѣрилъ его, что Россія относится къ Италиі съ величайшимъ уваженіемъ и живѣйшей симпатіей; кромѣ того я высказалъ убѣжденіе, что интересы Италиі и ея либеральный образъ мыслей въ отношеніи христіанскихъ народовъ Востока тождественны съ нашими, такъ что въ этомъ смыслѣ всѣ спеціальныя переговоры были бы излишни, такъ какъ мы можемъ понять другъ друга съ полуслова. Поэтому, съ точки зрѣнія дѣла, сообщенія, которое будетъ сдѣлано кабинету черезъ него, посланника, будетъ вполне достаточно и оно могло бы замѣнить мою поѣздку въ Римъ, такъ, какъ путешествуя съ цѣлью посоветоваться съ окулистами, я не имѣлъ никакого уважительнаго предлога дѣлать такой огромный крюкъ. Эта поѣздка могла задѣть Вѣнское правительство—перваго недоброжелателя славянъ на Востокѣ, и еще болѣе затруднить дѣло общаго соглашенія. Во всякомъ случаѣ, кружное путешествіе заняло бы не мало времени, а мнѣ оставалось всего нѣсколько дней, чтобы вернуться въ Петербургъ къ сроку, обѣщанному императору. Прося генерала Чіальдини выяснить Римскому кабинету всѣ эти соображенія, я воспользовался случаемъ, чтобы выразить ему свое искреннее сожалѣніе по поводу того, что моя поѣздка въ Италию не состоится, присовокупивъ, что объ томъ также очень пожалѣетъ моя жена, которая никогда не видала Рима и,

разумѣется, была бы въ восторгѣ провести тамъ нѣсколько дней въ это время года. Генераль Чіальдини согласился передать своему кабинету то, о чемъ я его просилъ, и сообщить ему проектъ протокола. Нѣсколько дней спустя, онъ заявилъ мнѣ, что италянское правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ сдѣланному мною заявленію.

Дѣла въ Парижѣ шли такъ хорошо, что уже 26 февраля (10 марта) я могъ телеграфировать князю Горчакову: „Деказъ предлагаетъ сдѣлать въ текстѣ протокола нѣкоторыя смягчающія его смыслъ поправки, а если бы Англія создала затрудненія, — замѣнить протоколъ тождественными отвѣтами державъ на вашъ циркуляръ. Я предостерегалъ Деказа и Шувалова отъ излишнихъ измѣненій въ виду трудности согласовать рѣшенія нѣсколькихъ кабинетовъ издалека, если каждый примется редактировать его со своей личной точки зрѣнія“. Нѣсколько дней спустя (12 марта), я могъ отправить чрезъ посредство князя Орлова слѣдующую телеграмму: „Президентъ, Деказъ, Жюль Симонъ и Тьеръ окончательно высказались за проектъ протокола, который они одобряютъ. Всѣ очень совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ, гдѣ были бы обижены, если бы я не предпринялъ непосредственныхъ шаговъ въ Англіи. Биконсфильдъ будто бы высказалъ Даркуру ¹⁾ свое удивленіе по поводу того, что я уклоняюсь отъ этой поѣздки. Также удивлялся и Лайонсъ ²⁾. Тутъ пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы склонить англичанъ къ принятію протокола, такъ какъ въ этомъ видятъ послѣднее средство избѣжать войны“ ³⁾...

Оставалось еще уладить дѣло съ Англіей. Извѣстія, ходившія отъ Шувалова, отнюдь не давали надежды на то, что наша точка зрѣнія восторжествуетъ, хотя все-таки можно было надѣяться, что дѣло разрѣшится какимъ-нибудь хотя бы несущественнымъ протоколомъ. Въ то же время русскій

¹⁾ Французскій посланникъ, коего письмо объ этомъ предметѣ было показано мнѣ герцогомъ Деказомъ въ подтвержденіе его совѣта сѣздить на нѣсколько дней въ Англію, на чемъ онъ все время настаивалъ

²⁾ Англійскій посланникъ въ Парижѣ.

³⁾ На президента и въ особенности на герцога Деказа произвело большое впечатлѣніе мое сообщеніе о тревогѣ Бисмарка по поводу мнимаго сосредоточенія кавалеріи на германской границѣ. Я совѣтовалъ министрамъ устранить всѣ поводы къ вполне законному его неудовольствію, дабы германскій канцлеръ во время восточнаго кризиса не имѣлъ ни малѣйшаго благовиднаго повода искать ссоры съ Франціей, хотя бы онъ того и желалъ.

Прим. авт.

посланникъ въ Лондонѣ продолжалъ расхолаживать императорскій кабинетъ и всѣхъ питавшихъ надежду побѣдить англійскія возраженія при помощи логики, патріотической настойчивости и давленія на Лондонъ со стороны кабинетовъ, желавшихъ избѣжать бѣдствій войны, *не унижая Россіи.*

Шуваловъ, возвратясь въ Лондонъ, телеграфировалъ князю Горчакову 27 февраля: „По возвращеніи изъ Парижа я имѣлъ продолжительные дебаты съ лордомъ Дерби. Вопреки обѣщаніямъ, даннымъ генералу Игнатьеву княземъ Бисмаркомъ, все было немедленно передано сюда изъ Берлина и произвело неблагоприятное впечатлѣніе. Множество возраженій опровергнуты мною, кажется, довольно удачно. Въ заключеніе, лордъ Дерби сказалъ слѣдующее: Англійское правительство не любитъ письменныхъ обязательствъ и протоколовъ; если оно на это рѣшится, мнѣ нужно будетъ оправдать этотъ шагъ передъ народомъ, заявивъ, что этимъ будетъ обезпеченъ миръ. Такъ если мы подпишемъ протоколъ и если Порта распуститъ войска, можно ли рассчитывать, что и Россія демобилизуетъ свою армію?“ Я отвѣчалъ *уклончиво*. Лордъ Дерби возразилъ: „это единственно могло бы побудить насъ подписать протоколъ. Мы хотѣли бы знать положительно, будетъ ли ваша армія демобилизована“. Прошу ваше сіятельство сообщить мнѣ это, если возможно до засѣданія кабинета, которое состоится во вторникъ; ибо этотъ отвѣтъ можетъ имѣть *рѣшающее значеніе*. Лордъ Дерби проситъ васъ дать Черногоріи миролюбивые совѣты“..

Эта телеграмма была сообщена мнѣ, и я былъ вынужденъ представить объясненія, которыя могли не понравиться моему коллегѣ. Я всегда избѣгалъ этого, хотя съ его стороны недружелюбныхъ поступковъ по отношенію ко мнѣ было достаточно.

13 марта я отправилъ канцлеру, въ Петербургъ, чрезъ посредство моего парижскаго коллеги, слѣдующую телеграмму:

„Вопреки инсинуаціямъ, сдѣланнымъ Дерби Шувалову¹⁾, я имѣлъ случай убѣдиться, изъ видѣнныхъ мною дипломатическихъ донесеній, въ томъ, что Бисмаркъ сохранилъ въ тайнѣ текстъ протокола (до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ сообщенъ прочимъ кабинетамъ, т. е. приблизительно около недѣли), сооб-

¹⁾ Гр. Шуваловъ старался при всякомъ удобномъ случаѣ дать по нять императору, что онъ одинъ былъ *persona grata* въ Европѣ и одинъ обладалъ талантомъ дѣлать дѣла, ибо только тѣ предложенія, которыя доходили въ Лондонъ, а равно Берлинъ и въ Вѣну черезъ него, имѣли шансы быть приняты благосклонно, все же шедшее черезъ меня внушало недовѣріе и производило неблагоприятное впечатлѣніе.

щивъ только его сущность и совѣтуя принять его¹⁾. На вопросъ, будетъ ли наша армія демобилизована послѣ подписанія протокола, я отвѣчалъ неизмѣнно, что, желая избавиться отъ огромныхъ и непроезжихъ расходовъ, мы ждемъ не дождемся, когда это можно будетъ сдѣлать, не уронивъ достоинства Россіи и не подвергая опасности христіанъ. Но если объ этомъ заявить заблаговременно, то турки не будутъ уже видѣть необходимости подчиниться и приступить серьезно къ реформамъ, между тѣмъ какъ положеніе христіанъ можетъ ухудшиться. Во всякомъ случаѣ, насъ нельзя ставить на одну доску съ Турціей. Деказь въ подобающемъ тонѣ говорилъ съ турецкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ о необходимости дать Черногоріи возможность увеличить свои владѣнія, какъ это было предложено на конференціи. Ъхать ли мнѣ въ четвергъ въ Вѣну, какъ я намѣревался“?

Изъ сообщеній графа Шувалова вытекало, что главныя возраженія англійскихъ министровъ противъ нашего проекта протокола касались не столько его сущности, сколько подробностей. Имъ была особенно неприятна необходимость дать свое согласіе на перечисленіе реформъ (а это было необходимо въ виду того, что обѣщаніе Порты принять въ принципѣ основную мысль конференціи, съ условіемъ проводить ее по своему усмотрѣнію, отнюдь не являлось въ глазахъ христіанъ положительнымъ обязательствомъ) и настаивать на томъ, чтобы Турція распустила свои войска, а безъ этого послѣдняго условія, султанъ, по признанію самихъ турокъ, не могъ, изъ опасенія возбудить фанатизмъ, взять на себя инициативу реформъ, не имѣя возможности мотивировать ихъ настояніемъ Европы. Съ другой стороны, Россія также не могла принять никакихъ мѣръ, чтобы отодвинуть армію съ границы прежде, нежели Турція не сдѣлала бы къ этому безповоротно первый шагъ. Да и христіане могли впасть въ отчаяніе и считать себя брошенными Россіей и Европой, увидавъ, что Турція не разоружается.

28 февраля (12 марта) князь Горчаковъ далъ графу Шувалову по телеграфу слѣдующія инструкціи: „Въ случаѣ, если

¹⁾ Въ то время какъ гр. Шуваловъ, кн. Горчаковъ и др., дѣйствуя изъ личныхъ побужденій, которыя легко было понять, посылали меня въ Берлинъ, какъ врага князя Бисмарка и Германіи, я былъ поставленъ въ необходимость защищать германскаго канцлера противъ страннаго обвиненія, взводимаго на него его другомъ, гр. Шуваловымъ, будто онъ сообщалъ кабинетамъ наши предложенія, которыя мы дѣлали, впрочемъ открыто, выражая желаніе, чтобы онъ отстаивалъ ихъ и содѣйствовалъ ихъ принятію.

Прим. авт.

лордъ Дерби приметъ протоколъ въ томъ видѣ, какъ онъ сообщенъ Игнатьевымъ Бисмарку, съ упоминаніемъ о гарантіяхъ, и если Турція приведетъ свою армію на мирное положеніе, Игнатьевъ и вы уже уполномочены сообщить кабинетамъ секретно, что мы со своей стороны готовы демобилизовать армію, но необходимо, чтобы Порта взяла на себя инициативу и немедленно приступила къ демобилизаціи, иначе мы будемъ сообразоваться только съ нашими собственными интересами и будетъ упущенъ случай притти къ миролюбивому рѣшенію вопроса, чего мы по-прежнему желаемъ. Черногоріи неоднократно давались нами совѣты быть умѣреннѣе“.

Вслѣдъ за этой первой телеграммой, канцлеру пришлось немедленно послать вторую, по повелѣнію императора, который, прочитавъ мою телеграмму о томъ же предметѣ, пожелалъ дополнить министерскую инструкцію. И такъ, князь Горчаковъ телеграфировалъ 28 февраля графу Шувалову: „Подтверждаю вамъ мою телеграмму, посланную сегодня утромъ, но Его Величество не согласится на то, чтобы обѣщаніе демобилизовать нашу армію было включено въ предложенный нами протоколъ“.

Графъ Шуваловъ старался оправдаться и телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона 1/13 марта: „Никогда не намекалъ на возможность включить въ протоколъ обѣщанія о демобилизаціи. Но такъ какъ мой отвѣтъ былъ слишкомъ уклончивъ для англійскаго министра, то я прошу васъ, если отъ этого будетъ зависѣть успѣхъ, разрѣшить мнѣ отвѣтить Дерби дословно слѣдующее: Если протоколъ будетъ подписанъ и если Порта приведетъ свою армію на мирное положеніе, мы также согласимся демобилизовать армію“.

Въ то же время русскій посланникъ въ Лондонѣ писалъ своему коллегѣ въ Парижъ, 1/13 марта: „совѣтъ кабинета согласенъ въ принципѣ подписать протоколъ и поручилъ Дерби обсудить со мною его текстъ“¹⁾.

Прося князя Орлова сообщить это мнѣ, Шуваловъ извѣщалъ, что онъ высылаетъ на слѣдующій день подробныя возраженія кабинета на нашу редакцію и умоляетъ меня не уѣзжать въ Вѣну, не высказавъ ему своего мнѣнія относительно этого до-

¹⁾ Русскій посланникъ въ Лондонѣ добился того, что императорскій кабинетъ присоединился въ концѣ концовъ къ этой мысли, которая принадлежала ему лично, и онъ выразилъ ее въ двухъ противорѣчивыхъ деклараціяхъ, приложенныхъ къ Лондонскому протоколу, которыя свидѣтельствовали о разномысліи между Англійей и Россіей и уничтожали моральное впечатлѣніе коллективнаго акта Европы, сдѣлавъ войну неизбѣжной.

Прим. авт.

кумента. Къ этому онъ присовокуплялъ: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Игнатьевъ былъ уступчивѣе въ своихъ взглядахъ; протоколъ—его идея¹⁾); всѣ мои коллеги сочтутъ его принятіе важнымъ дипломатическимъ успѣхомъ Россіи. Не будемъ же компрометтировать его, держа себя слишкомъ непреклонно“. И такъ, ясно обозначились двѣ различныя точки зрѣнія: я считалъ протоколъ въ худшемъ случаѣ возможнымъ выходомъ изъ положенія, создавшаго роковымъ циркуляромъ князя Горчакова, но я подалъ эту мысль подъ условіемъ, что этотъ дипломатическій актъ завершить достойнымъ образомъ совмѣстную дипломатическую кампанію, уменьшивъ самолюбіе Порты и младотурокъ и предоставивъ христіанскимъ народностямъ наивозможно болѣе широкія гарантіи, а графъ Шуваловъ добивался только какого бы то ни было протокола, который далъ бы возможность демобилизовать обѣ арміи и былъ бы приемлемъ для Англій, упрочивъ торійское министерство, не принимая во вниманіе ни интересовъ христіанъ, ни результатовъ, достигнутыхъ конференціей, ни русскаго національнаго достоинства, которое трудно было поддержать у насъ, при тогдашнемъ состояніи общественнаго мнѣнія.

Я давалъ себѣ вполнѣ ясно отчетъ въ томъ, что генеральное сраженіе предстояло въ Лондонѣ, но въ виду зависти моего коллеги, я не могъ дѣйствовать на этой почвѣ лично; я сдѣлалъ однако все отъ меня зависящее, чтобы обезпечить успѣхъ протокола и дать понять англійскому кабинету, что ему не слѣдовало дѣйствовать отдѣльно отъ другихъ кабинетовъ. Для достиженія этой цѣли, я постарался прежде всего, чтобы со стороны кабинетовъ, присоединившихся къ мысли о протоколѣ, было произведено давленіе въ Лондонѣ. Затѣмъ я воспользовался тѣмъ, что англійскій посланникъ въ Парижѣ, лордъ Лайонсъ, мой бывшій collega въ Константинополѣ, не забылъ того, что онъ находился всегда съ бывшимъ русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ въ наилучшихъ отношеніяхъ,—даже въ самые трудные моменты, какъ, напр., во время возстанія ма о. Критъ—и что онъ отнесся ко мнѣ въ Парижѣ въ высшей степени дружественно.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Но она была конечно искалѣчена въ Лондонѣ. И *modus in rebus!* и никогда не согласился бы назвать себя авторомъ протокола, выработаннаго въ Лондонѣ, съ тѣми двумя деклараціями, которыя лишали его всякаго значенія.

Къ исторіи Императора Павла.

(Изъ записокъ современника).

1.

У курскихъ губернаторовъ преемственно, въ ихъ кабинетахъ, хранится книга Высочайшихъ рескриптовъ и указовъ на имя курскихъ намѣстниковъ и губернаторовъ. Въ ней встрѣчаются и нѣсколько рескриптовъ Императора Павла. Въ одномъ изъ нихъ, помню, приказывается для кого-то: „сшить мундиръ на мой счетъ“. У меня осталась оригинальность содержанія этого приказа, но не помню — о комъ именно шла рѣчь.

2.

Въ томъ же сборникѣ есть какое-то суровое повелѣніе Императора Александра о *Гордаковѣ*, участвовавшемъ, кажется, въ катастрофѣ 1801 года. Этому Гордакову предписывалось безвыѣздно жить въ деревнѣ и прочее. Служа въ началѣ 1860-годовъ въ Курскѣ, я слышалъ, что этотъ Гордаковъ еще былъ въ живыхъ 90 лѣтнимъ старикомъ и проживалъ въ Щигровскомъ уѣздѣ или въ той части Орловской губерніи, которая прилежала къ Щигровскому уѣзду. Я началъ наводить точныя о немъ справки, но вскорѣ перешелъ на службу въ царство польское (въ іюнь 1864 г.).

3.

На одномъ изъ праздниковъ коронаціи, Павелъ, глядя на толпы народа, говорилъ самодовольно Архарову:

„Какое огромное стеченіе народа“.

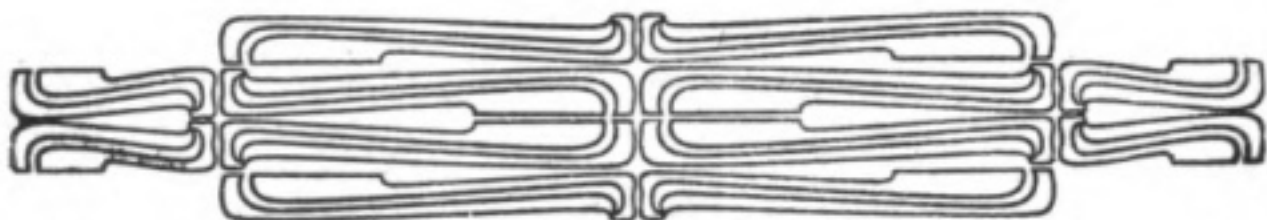
„Оно понятно“, возражалъ Архаровъ, „всѣ желаютъ видѣть своего государя“. „Въ Москвѣ, я думаю, ты никогда еще не видалъ такого сборища“, спрашивалъ государь. „Нѣтъ, Ваше Величество; однажды народа было еще больше“.

„По какому случаю?“ спросилъ съ удивленіемъ Павелъ.

„Слона веди!“ отвѣчалъ Архаровъ.

Павелъ только усмѣхнулся.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ

Калишекою комиссіею по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—
1870 годахъ.

Варшава въ 1866 году.

Въ іюнѣ 1866 года, я ѣхалъ по С.-Петербурго - Варшавской желѣзной дорогѣ въ г. Варшаву для поступленія на службу въ Учредительный Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ это время польское возстаніе было уже почти погашено. Съ 19 февраля 1864 года приступлено было къ полному переустройству всего быта Царства Польскаго, и я былъ зачисленъ въ составъ Учредительнаго Комитета для службы по крестьянскому дѣлу. Въ крестьянскомъ дѣлѣ я былъ не новичекъ. Я прослужилъ три года въ мировыхъ учрежденіяхъ Смоленской губерніи, затѣмъ два года былъ предсѣдателемъ Повѣрочной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Минской губерніи. Я ѣхалъ въ Варшаву изъ Минской губерніи, гдѣ я оставилъ службу, разочарованный въ возможности вести тамъ дѣло въ русскомъ духѣ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ появился Потаповъ, и русское направленіе преслѣдовалось; чиновники съ такимъ русскимъ духомъ подвергались гоненіямъ. Нѣкоторые изъ моихъ сослуживцевъ по Минской губерніи, ранѣе меня перешедшіе на службу въ Учредительный Комитетъ, писали мнѣ, что тамъ дѣло идетъ разумно, честно. Нѣсколько недѣль назадъ, въ Петербургѣ, я представлялся Н. А. Милютину, руководителю всего преобразования Царства Польскаго, слышалъ отъ него, къ чему стремится Учредительный Комитетъ, и потому, ѣдучи въ Варшаву, я былъ убѣжденъ, что мнѣ предстоитъ разумный, толковый, русскій

трудъ. Болѣе всего меня плѣнила надежда работать подъ руководствомъ такихъ общеуважаемыхъ, извѣстныхъ дѣятелей, какъ Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій, Яковъ Александровичъ Соловьевъ, Юрій Федоровичъ Самаринъ, сенаторъ Арцимовичъ, Кошелевъ,—составлявшихъ Учредительный Комитетъ.

Въ Минской губерніи, откуда я ѣхалъ теперь, я пережилъ жаркое время польскаго возстанія. Я близко ознакомился тамъ съ полонизмомъ, привыкъ бороться съ нимъ, но я вовсе не зналъ Варшавы, никогда не бывалъ въ Польшѣ. На дорогѣ, по которой я ѣхалъ теперь отъ Вильны, продолжалась та же печальная Бѣлорусская картина и жизнь, къ которымъ я привыкъ, живя два года въ Минской губерніи. Нахмуренныя лица поляковъ, вынужденный разговоръ по-русски, осторожное обращеніе со всякимъ лицомъ, говорящимъ по-русски, особенно если онъ военный, или у него на фуражкѣ кокарда. На самой границѣ Царства Польскаго, у рѣки стоитъ желѣзнодорожная станція Лапы. Съ вѣздомъ на эту станцію, картина сразу перемѣнилась; здѣсь полонизмъ былъ у себя дома и не стѣснялся проявлять себя. Это была первоклассная, большая станція; остановка была продолжительная, полчаса, такъ какъ предполагался обѣдъ пассажировъ. Типъ зданія станціи былъ тотъ же, что у всѣхъ большихъ станцій С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, какъ въ Вильнѣ, Псковѣ; но обстановка была иная. Прислуга вся польская, не во фракахъ, а въ ту-журкахъ, съ зелеными фартуками; при буфетѣ прикащица-полька, щеголеватая, кокетливая и неутомимо трещавшая по-польски; прислуга вся говорила по-польски, но съ нами, москалями, снисходительно объяснялась на половину русскими словами, на половину знаками. Кушанья изготовлены всѣ на польскій вкусъ: борщъ, зеленныя щи съ уксусомъ, даже пирожки на свиномъ салѣ, хлѣбъ съ толстой, грубой коркой. Пиво подавалось не бутылками, а кружками; расчетъ не на рубль и копѣйку, а на злоты и гроши. Продѣлавъ все это и очень не вкусно пообѣдавъ, я вышелъ на платформу станціи. Тамъ стояла простая публика, крестьяне, евреи, шляхта. Я первый разъ видѣлъ польскаго крестьянина, внимательно вглядывался въ него. Здѣсь, на самой границѣ Россіи, типъ ихъ сильно подходилъ къ Бѣлорусскому, тутъ вѣдь еще нѣтъ настоящихъ поляковъ, мазуровъ. Тѣ же Бѣлорусскія нахмуренныя лица, тотъ же взглядъ исподлобья, неразговорчивость, отвѣтъ односложнымъ словомъ, или кивкомъ головы. Когда поѣздъ

тронулся, я всматривался въ окружающую мѣстность; она сильно намѣнилась: сплошь ровная, безъ лѣсовъ и холмовъ; однѣ пашни, безконечныя крестьянскія поляны; частыя деревни, фольварки, но все небольшіе; деревни дворовъ въ десять—пятнадцать; постройки немногочисленныя, небогатыя; скоть на пастбищахъ мелкій, тощій; овцы не крупныя, неказистыя, пахутъ на волахъ, нарѣдка видны лошади. Видно вообще, что сторона не богатая; но поля обработаны какъ будто потщательнѣе, чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

До Лапъ мы ѣхали свободно, въ полупустыхъ вагонахъ. Съ приближеніемъ къ Варшавѣ, стали набираться пассажиры. На каждой станціи они подсаживались; и все поляки; тоже на видъ, люди не богатые, но одѣты чисто. Типъ одежды иной, на заграничный ладъ. Меня поражала ихъ жизнерадостность, болтливость; это представляло рѣзкую противоположность съ сдержанностью простонародья, публики III класса. Что они говорили, я не понималъ, потому что разговоръ шелъ исключительно по-польски, и говорили такъ быстро, что я не могъ уловить ни одного отдѣльнаго слова.

На послѣднихъ станціяхъ мы сидѣли уже очень тѣсно; и появился нарядныя дачницы, варшавянки, передъ которыми разсыпались въ любезностяхъ паны и усиленно расточали слова „пани“, „панна“, черезъ два слова. Ужасно чуждо, странно было мнѣ все это. Вотъ наконецъ мы подъѣзжаемъ къ Варшавѣ. Кондукторъ предупреждаетъ пассажировъ, что предстоитъ осмотръ паспортовъ, и проситъ публику не выходить изъ вагоновъ по остановкѣ поѣзда, пока не будутъ осмотрѣны паспорта ихъ. Мало того, уходя онъ запираетъ вагонъ на ключъ; мы сидимъ подъ арестомъ. Окружающая меня польская публика относится къ этому равнодушно, какъ къ извѣстному ей обычаю, и продолжаетъ безпечно болтать по-польски. Когда поѣздъ остановился наконецъ передъ вокзаломъ, я увидѣлъ на платформѣ множество жандармовъ, полицейскихъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, носильщиковъ, но никакой публики, встрѣчающихъ. Двери съ платформы въ вокзалъ были закрыты, у дверей стоялъ полицейскій караулъ. Въ вагонъ вошли жандармскій офицеръ, съ нѣсколькими жандармами, и желѣзнодорожный ревизоръ, который отбиралъ у пассажировъ билеты, а жандармскій офицеръ отбиралъ у насъ паспорта, бѣгло ихъ просматривалъ, ставилъ на нихъ нумеръ, а оцѣпъ изъ шедшихъ за нимъ жандармовъ выдавалъ пассажиру квитанцію за этимъ нумеромъ. Офицеръ объяснилъ, что паспорта будутъ

возвращены намъ немедленно на станціи, по предъявленіи этой квитанціи. Когда все сидѣвшіе въ вагонѣ пассажиры были провѣрены, офицеръ вышелъ на платформу и объявилъ пассажирамъ, что они могутъ перейти въ вокзалъ. Явились носильщики, стали разбирать вещи пассажировъ. На платформѣ мы должны были обождать, пока все пассажиры и носильщики вышли изъ вагона; подъ руководствомъ жандармовъ насъ провели въ вокзалъ. Тамъ, въ залѣ, мы ожидали, пока какіе-то военные писаря прописывали наши паспорта, выдали ихъ намъ, вмѣстѣ съ карточкой на свободный выходъ изъ вокзала въ Варшаву. Вся эта задержка продолжалась довольно долго, около часа.

Когда я вышелъ на крыльцо вокзала, стоявшій тамъ полицейскій вручилъ мнѣ какой-то мѣдный билетъ съ номеромъ и объяснилъ, что по этому номеру я долженъ вызвать извозчика, который отвезетъ меня, куда я прикажу; торговаться съ нимъ не надо, существуетъ такса, извозчикъ обязанъ понимать мой русскій языкъ. Я отдалъ билетъ носильщику; тотъ же указалъ мнѣ, что извозчики стоятъ на площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, выстроены въ рядъ; надо подойти къ нимъ, они не смѣютъ подѣзжать къ крыльцу. Наконецъ, все было исполнено, и я поѣхалъ по Варшавѣ.

Въ настоящее время, рѣдкій изъ образованныхъ русскихъ не бывалъ въ Варшавѣ, или по крайней мѣрѣ не проѣзжалъ черезъ нее; но въ то время, Царство Польское мало посѣщалось, и я въ первый разъ въ жизни пріѣхалъ туда. Все показалось мнѣ тамъ оригинально, все особеннымъ, все по-иностранному, а не по-русски. По совѣту знакомыхъ, я остановился въ Европейской гостиницѣ. За годъ, примѣрно, передъ тѣмъ, кинжальщики народнаго жонда убили кого-то. Гостиница была закрыта и кажется даже конфискована. Недавно ее сдали въ аренду какому-то русскому содержателю, который приспособилъ ее къ русскимъ обычаямъ и держалъ прислугу, которая говорила, или по крайней мѣрѣ понимала, по-русски. Главный входъ въ гостиницу, съ Новаго Свѣта, подъ воротами, былъ закрытъ и самыя ворота заперты. Доступъ въ нее былъ устроенъ изъ бокового входа съ площадки, гдѣ теперь входъ въ ресторанъ. Толстый швейцаръ, кажется нѣмецъ, встрѣтилъ меня, передалъ меня какому-то другому нѣмцу, который и указалъ мнѣ очень опрятный и приличный номеръ. Роскошное зданіе гостиницы, широкіе, свѣтлые коридоры и удобно устроенная комната моя произвели на меня пріятное впечатлѣніе.

Хотя было около 9 часовъ вечера, я убѣдился, вѣдучи съ вокзала, что въ городѣ, на улицахъ, полное оживленіе. Приведя свой дорожный нарядъ въ порядокъ, я поспѣшилъ выйти, чтобы познакомиться съ городомъ. Еще при проѣздѣ моемъ съ вокзала, меня поразило оживленіе на улицахъ, множество пѣшеходовъ, экипажей. Вся толпа эта весело толковала, дѣйствовала, была безпечна. Нельзя было подозрѣвать, что недавно на этихъ улицахъ царствовалъ терроръ, убивали людей, господствовала сильнѣйшая революція. Теперь, идя по Новому Свѣту, Краковскому предмѣстью, я видѣлъ богатые, ярко освѣщенные магазины, щеголеватую толпу на тротуарѣ, безпечныя лица, возгласы, цѣлыя вереницы нарядныхъ, кокетливыхъ женщинъ. Видно было много кондитерскихъ, передъ которыми были устроены полотнояные павѣсы для публики, и тамъ за столиками, сидѣли люди, веселые, жизнерадостные. Словомъ, я увидѣлъ уличную жизнь, которая у насъ, въ Россіи, тогда не была извѣстна, да и теперь есть развѣ только въ Петербургѣ. Меня удивляла противоположность между суровою обстановкою вѣзда пассажировъ въ Варшаву и полною свободою, веселымъ настроеніемъ, господствовавшими въ городѣ. Находявшись до утомленія по улицамъ, я поужиналъ въ ресторанѣ Европейской гостиницы; кухня была тамъ французская, къ которой привыкли мы въ Петербургѣ, въ ресторанахъ Дюссо, Бореля; кушанья изготавлялись прекрасно, прислуга вѣжливая, старалась понимать говорившихъ по-русски. Тутъ я въ первый разъ услышалъ въ Варшавѣ громкій русскій разговоръ, увидѣлъ русскихъ людей. Поляки вовсе не навѣщали ни гостиницу эту, ни ресторанъ. Жители гостиницы были исключительно русскіе; ресторанъ посѣщали только русскіе люди. Видно было, что всѣ эти посѣтители ресторана здѣсь свои, привычные люди; у каждаго было облюбованное, обсеженное мѣсто. Цѣлый уголь залы былъ занятъ Гродненскими гусарами. Я увидѣлъ между ними нѣсколько знакомыхъ лицъ, которые привѣтствовали меня, подошли къ моему столу и бѣгло посвящали меня въ обычаи и нравы Варшавы. Они рассказали мнѣ, что повстанческія шайки разбиты, главари захвачены, но въ подпольѣ еще гнѣздится революція, правительство строго разыскиваетъ и преслѣдуетъ ихъ. Въ странѣ кое-гдѣ бродятъ еще мелкія шайки повстанцевъ, но для преслѣдованія ихъ не образуются уже особые отряды. Ихъ преслѣдуютъ войска, расположенныя на мѣстахъ, и безъ особыхъ усилій захватываютъ эти шайки. Веселое настроеніе

улицы, замѣченное мною, они объясняли прирожденною безпечною и легкомысліемъ и отчасти лицемѣріемъ поляковъ. Они необдуманно, легкомысленно затѣяли повстаніе и такъ же переживаютъ теперь разстройство его, но надѣяться на поляковъ, вѣрить имъ невозможно. При малѣйшемъ послабленіи или недогляда, они готовы тотчасъ опять устроить намъ новую Варшавскую ночь. Услышавъ о моемъ назначеніи въ составъ Учредительнаго Комитета, офицеры высказали полное уваженіе къ этому учрежденію и поздравили меня съ честью вступленія туда. Офицеровъ этихъ я зналъ по моей службѣ въ гвардіи; двое изъ нихъ были старослуживые люди, эскадронные командиры, изъ образованнаго Петербургскаго общества; они прошли только-что суровую боевую школу; третій изъ нихъ, молодой поручикъ, ходилъ съ подвязанной рукою, отъ тяжелой раны, нанесенной ему повстанцами въ ручной схваткѣ. Я съ большимъ вниманіемъ слушалъ ихъ, вѣрилъ имъ; четвертый офицеръ, тоже молодой поручикъ, былъ Скобелевъ.

На другой день, рано напившись чаю съ самоваромъ (и этотъ русскій обычай былъ введенъ въ гостиницѣ), я пошелъ разыскивать своего сослуживца по Минской губерніи Михаила Борисовича Тургенева. Онъ раньше меня перешелъ на службу въ Учредительный Комитетъ, письмами своими ободрялъ меня къ переходу туда. Это былъ типичный русскій помѣщикъ, изъ образованной, достаточной среды. Бывшій членъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ прослужилъ недолго членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Минскѣ. Почувствовавъ себя тамъ не ко двору, и по большимъ связямъ своимъ, легко былъ принятъ въ Учредительный Комитетъ. Я нашелъ его въ Римской гостиницѣ. Безпечный добрякъ - баринъ, онъ былъ еще въ постели, обрадовался мнѣ и тотчасъ сталъ посвящать меня въ порядки, царствующіе въ Учредительномъ Комитетѣ. Онъ указалъ мнѣ, какъ я долженъ приступить къ дѣлу, кому явиться. По его настоянію я тотчасъ отправился домой, переодѣлся въ вицъ-мундиръ и пошелъ въ Канцелярію Учредительнаго Комитета; канцелярія эта помѣщалась въ роскошномъ Брюловскомъ дворцѣ. Тамъ я очутился какъ дома; знакомые нравы, даже знакомыя лица. Въ первой же комнатѣ меня увидѣлъ Давыдовъ, рославльскій помѣщикъ и мировой посредникъ; теперь онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ Учредительномъ Комитетѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, привѣтствовалъ меня, познакомилъ съ лицами бывшими въ этой залѣ. Онъ тотчасъ направилъ меня къ ди-

ректору канцеляріи Бѣлозерскому. Я зналъ Бѣлозерскаго по Петербургу, встрѣчалъ его въ литературномъ мірѣ. Онъ вспомнилъ наше знакомство. Это былъ образованный человѣкъ, литераторъ, либераль до мозга костей, хохломанъ, молившійся на Шевченку, признававшій Гоголя величайшимъ на свѣтѣ писателемъ; замѣчательно добрый, даже простодушный и простой въ обращеніи. Онъ сказалъ, что вспомнилъ меня, какъ только получилъ докладную записку мою о переводѣ меня въ Учредительный Комитетъ; увѣрилъ меня, что я почувствую себя тутъ хорошо, и совѣтовалъ сейчасъ же представиться Якову Александровичу Соловьеву, завѣдующему дѣлами Учредительнаго Комитета и личнымъ составомъ служащихъ по крестьянскому дѣлу, отъ него единственно зависитъ дальнѣйшее назначеніе мое.

Якова Александровича Соловьева я зналъ, какъ бывшаго управляющаго Земскимъ Отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Во время службы моей мировымъ учрежденіямъ Смоленской губерніи, я являлся къ нему разъ по дѣлу. Въ пріемной его все было очень просто; не было никакого дежурнаго чиновника; только курьеръ, который сказалъ мнѣ, что генераль сейчасъ выйдетъ въ пріемную; не нужно никакого доклада, ни записи. Генераль самъ спроситъ: кто я и что мнѣ нужно. Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, Соловьевъ вошелъ въ пріемную, сдѣлалъ общій поклонъ и подошелъ къ ближе стоявшему лицу. Это былъ комиссаръ, извѣстный ему, и онъ, не допустивъ его до обыкновенныхъ фразъ представленія, тотчасъ заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ, выслушалъ его, далъ ему какія-то указанія и отпустилъ его. Другія лица также были извѣстны ему; послѣ краткихъ собесѣдованій, онъ распрощался съ ними. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ. Я назвалъ себя. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что помнитъ меня какъ Смоленскаго мирового посредника, что Н. А. Милютинъ рекомендовалъ ему меня, и что онъ очень охотно зачислилъ меня въ число лицъ, состоящихъ при Учредительномъ Комитетѣ. Для перваго начала, онъ рекомендовалъ мнѣ взять у Бѣлозерскаго постановленія Учредительнаго Комитета, Высочайшіе указы 19 февраля 1864 г. и изучить ихъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ посѣщать засѣданія Центральной по крестьянскимъ дѣламъ Комиссіи, прислушиваться къ разсматриваемымъ тамъ дѣламъ; а черезъ недѣлю, когда я осмотрюсь, онъ сдѣлаетъ распоряженіе о дальнѣйшихъ моихъ занятіяхъ. Все сказанное Соловьевымъ

было такъ ясно, логично, что мнѣ оставалось только буквально исполнить его указанія.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ былъ замѣчательный человекъ. Если не ошибаюсь, онъ кончилъ курсъ Московскаго университета и затѣмъ посвятилъ себя чиновничьей службѣ. Это былъ великій труженикъ, неутомимый работникъ, до педантизма точный, неуклонно шедшій избраннымъ имъ путемъ, съ котораго не могли сдвинуть его ни дружба, ни выгоды.

Это былъ рѣдкій знатокъ крестьянскаго дѣла. Прослуживъ въ Самарѣ председателемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, онъ былъ привлеченъ къ занятіямъ ея Редакціонной Комиссіи. Какъ выдающійся знатокъ крестьянскаго дѣла, получилъ назначеніе Управляющаго крестьянскимъ дѣломъ. Его твердая воля, несогласіе уклоняться отъ требованій и указаній Положенія 19 февраля 1861 г. ради просьбъ и выгодъ великихъ міра сего, доставили ему много неприятностей, и онъ очень охотно согласился принять предложеніе Н. А. Милютина заняться приведеніемъ въ дѣйствіе Высочайшихъ указовъ 19 февраля 1863 года.

Я прослужилъ подъ его начальствомъ нѣсколько лѣтъ, близко узналъ его и считаю себя въ правѣ высказать о немъ свое мнѣніе. Назначеніе его завѣдывающимъ крестьянскимъ дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ было однимъ изъ наиболѣе удачныхъ распоряженій Милютина. Благодаря желѣзной стойкости Соловьева, его любви къ дѣлу, трудолюбію, рѣдкому знанію крестьянскаго дѣла, оно прошло въ Царствѣ Польскомъ правильно, быстро, безъ какого-либо уклоненія отъ намѣченной цѣли. За эту его неуклонность, его называли *бюрократомъ*; но это была не сухость, не уость взгляда, а глубокое знаніе польскаго міровоззрѣнія, просвѣщенная любовь къ обиженному въ Царствѣ Польскомъ крестьянству. Трудовая жизнь, вынесенная имъ борьба сдѣлали его нервнымъ. Въ сношеніяхъ онъ часто бывалъ нервенъ, горячился; но стоило выждать конца его вспышки, спокойно доложить ему еще подробнѣе дѣло, онъ выслушивалъ его и всегда поступалъ правильно, милосердно. Съ польскими просителями онъ облакалъ на себя маску каменнаго человека, ссылаясь на законъ, и никакія чары польскаго краснорѣчія, красоты просительницъ не уязвляли его стойкость. Со своими подчиненными онъ былъ снисходителенъ, входилъ въ ихъ нужды, но требовалъ работы, преслѣдовалъ легкомысліе.

Въ тотъ же вечеръ я засѣлъ за изученіе послѣднихъ распоряженій правительства по переустройству Царства Польскаго. До 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ оставались нѣкоторые слѣды автономіи, дарованной ему Императоромъ Александромъ I. Закрыты были представительныя палаты, уничтожено польское войско, но общее управленіе краемъ было сохранено прежнее, подъ главенствомъ Намѣстника. Общимъ съ Россіей былъ только военный министръ; министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія у Царства Польскаго были особыя; дѣла велись по особымъ, польскимъ законамъ; закономъ судебнымъ былъ кодексъ Наполеона I, а не Русское Собраніе Законовъ. Назывались, для приличія и затемненія русскихъ глазъ, эти учрежденія не министерствами, а *Правительственными Комиссіями*. Слово *министръ* вычеркнуто и замѣнено словомъ *управляющій*. Начальники правительственныхъ комиссій были кровные поляки, всѣ чиновники также. Дѣлопроизводство велось на польскомъ языкѣ. У Царства Польскаго былъ свой монетный дворъ, своя монета. Высшее правительственное учрежденіе было „Государственный Совѣтъ Царства Польскаго“; затѣмъ „Совѣтъ Управленія Царства Польскаго“. Не удивительно, что при такомъ самостоятельномъ управленіи, не подлежащемъ ближайшему контролю русскаго правительства, Польша могла безпрепятственно развивать свои сепаративныя и революціонныя стремленія, возможны были періодическія возстанія и войны съ Россіей. Опытъ послѣдняго возстанія обратилъ, наконецъ, вниманіе русскаго правительства на эту отчужденность, и Императоръ Александръ II рѣшился слить окончательно Царство Польское съ Россіей. Первымъ шагомъ для этого былъ Высочайшій Именной Указъ 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, и Высочайшій Именной Указъ того же числа „О порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій“. Въ основаніе предпринятыхъ преобразованій быта Царства Польскаго было положено полное освобожденіе крестьянъ царства отъ вліянія пановъ и образованіе Учредительнаго Комитета, которому поручалось постепенное сокращеніе правительственныхъ комиссій, сліяніе ихъ съ министерствами Русской Имперіи, пересмотръ всего настоящаго законодательства Царства Польскаго. Веденіе всего этого дѣла было возложено на статсъ-секретаря Милютина.

Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, въ іюнь 1866 года, Учредительный Комитетъ существовалъ уже два года; новыя о кре-

стьянахъ постановленія 1864 года вводились дѣятельно. Для этого устроены были комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, которыя устроили гминное (волостное) крестьянское самоуправленіе, разбирали жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, возвращали крестьянамъ отобранныя у нихъ земли, провѣряли представленныя помѣщиками ликвидаціонныя табели (выкупные акты). Открыта была центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, которая провѣряла и утверждала рассмотрѣнныя крестьянскими комиссіями ликвидаціонныя табели. Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, Совѣтъ Управленія Царствомъ Польскимъ существовали еще, но, можно сказать, существовали номинально; вся законодательная власть перешла къ Учредительному Комитету. Правительственные Комитеты тоже существовали, но во главѣ ихъ стояли уже русскіе люди. Начальникомъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ—былъ князь Черкасскій; начальникомъ комиссіи финансовъ—Кошелевъ; начальникомъ комиссіи юстиціи—Арцимовичъ. Веденіе крестьянскаго дѣла и всего дѣла производства Учредительнаго Комитета было поручено Соловьеву. Членами Учредительнаго Комитета были Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ, Соловьевъ. Начальникомъ ликвидаціонной комиссіи (выкупное учрежденіе) былъ Брауншвейгъ.

Дня черезъ два, Бѣлозерскій прислалъ мнѣ письменное уведомленіе, что Членъ, завѣдующій дѣлами Учредительнаго Комитета, предлагаетъ мнѣ явиться въ засѣданіе Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ; указывалъ, что засѣданія бывають три раза въ недѣлю, и въ какіе именно дни. Въ ближайшее засѣданіе я явился въ Брюловскій дворецъ; тамъ происходили эти засѣданія; предсѣдательствовалъ Я. А. Соловьевъ; членами комиссіи были Тихменевъ, Менгденъ, Трубниковъ, Горловъ. Кромѣ того, по должностямъ своимъ, принимали въ ней участіе всѣ управляющіе Правительственными Комиссіями, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ.

Центральная Комиссія рассматривала провѣренныя крестьянскими комиссіями ликвидаціонныя табели (выкупные акты); если находила ихъ правильными, утверждала ихъ и препровождала ихъ въ ликвидаціонную комиссію (главное выкупное учрежденіе), которая выплачивала помѣщикамъ опредѣленную Центральною Комиссіею выкупную сумму. Всѣ 14 комиссій по крестьянскимъ дѣламъ распределены были между четырьмя членами Центральной Комиссіи, которые рассматривали ликвидаціонныя табели, присылаемыя изъ порученныхъ имъ Комис-

сій, и докладывали Центральной Комиссии о всѣхъ замѣченныхъ ими неправильностяхъ и особенностяхъ. Для облегченія и ускоренія дѣла, каждому члену Центральной Комиссии было придано на помощь нѣсколько чиновниковъ, которые собственно и провѣряли ликвидационныя табели. Наканунѣ засѣданій, эти чиновники докладывали члену Центральной Комиссии, при которомъ состояли, о всѣхъ порученныхъ имъ ликвидационныхъ табеляхъ; тотъ разрѣшалъ замѣченное или оставлялъ затрудняющее его на разрѣшеніе Центральной Комиссии.

Когда я вошелъ въ залу засѣданій, Соловьевъ познакомилъ меня со всѣми членами Комиссии и сказалъ мнѣ, что скоро придется и мнѣ заняться провѣркой ликвидационныхъ табелей, подъ руководствомъ одного изъ членовъ Центральной Комиссии, а потому мнѣ полезно вникнуть во все происходящее въ этихъ засѣданіяхъ. Въ это засѣданіе не было возбуждаемо никакихъ сложныхъ вопросовъ.

Порядокъ докладовъ былъ такой. Подлѣ каждаго члена Центральной Комиссии было свободное кресло, на которое садились по очереди помощники его и докладывали обстоятельства разсматриваемой ликвидационной табели. Членъ Комиссии высказывалъ затѣмъ свое мнѣніе о томъ, подлежитъ ли ликвидационная табель утвержденію. Затѣмъ предѣдательствующій Я. А. Соловьевъ собиралъ мнѣнія присутствующихъ и объявлялъ рѣшеніе.

Всѣ четыре члена Центральной Комиссии служили у себя на родинѣ членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій и тамъ выдвинулись своимъ знаніемъ, разумною дѣятельностью, яснымъ взглядомъ на дѣло. Засѣданія Центральной Комиссии шли спокойно; высказывались сомнѣнія, оспаривались нѣкоторыя положенія; но возраженія дѣлались такъ спокойно, основательно, обдуманно, что были невозможны споры. Въ теченіе пяти лѣтъ моей службы по крестьянскому дѣлу я участвовалъ въ нѣсколькихъ стахъ засѣданіяхъ, но въ первый разъ пришлось мнѣ здѣсь убѣдиться въ возможности такого правильнаго, дѣловаго засѣданія. На слѣдующихъ засѣданіяхъ разрѣшались очень серьезные, сложные вопросы, на одномъ изъ нихъ два или три члена долго высказывали свои разногласящія мнѣнія. Я услышалъ цѣлую лекцію по этому спорному вопросу, читанную такими выдающимися знатоками дѣла, какъ Соловьевъ, кн. Черкасскій. Со всякаго засѣданія я уходилъ съ большимъ и большимъ уваженіемъ къ членамъ Комиссии, съ сознаніемъ, что крестьянское дѣло поставлено здѣсь гу-

манно, но безъ сентиментальности и безъ дешеваго либеральничанья; руководители относятся къ дѣлу серьезно, много думали, работали и идутъ прямымъ путемъ, безъ шатаній и колебаній.

Черезъ недѣлю Соловьевъ подозвалъ меня къ себѣ въ концѣ засѣданія и сказалъ стоявшему подлѣ него Горлову: „Примите Г. Полевого въ число помощниковъ вашихъ и поручите ему разсмотрѣніе ликвидаціонныхъ табелей. Надѣюсь услышать вашъ докладъ въ слѣдующее засѣданіе!“—добавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Такъ началась моя работа въ Царствѣ Польскомъ.

Михаилъ Павловичъ Горловъ, если память не измѣняетъ мнѣ, казанскій помѣщикъ, членъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, былъ серьезный дѣловой человекъ. Очень добрый, ласковый и всегда задумчивый. За много лѣтъ работы съ нимъ, я, кажется, никогда не видѣлъ его смѣющимся. Всегда одинаково ровный, дѣловой, мягкой, онъ много если улыбнется. Лучшаго и болѣе пріятнаго руководителя я не могъ пожелать себѣ. Передавая мнѣ на другой день, у себя на квартирѣ, нѣсколько ликвидаціонныхъ табелей, онъ одну изъ нихъ тутъ же, со мною, повѣрилъ, чтобы показать мнѣ, на что надо обращать вниманіе, какъ дѣлать замѣтки, какъ и что докладывать въ засѣданія. На другой день я принесъ ему провѣренныя мною табели, доложилъ ему все замѣченное. Онъ самъ еще разъ просмотрѣлъ эти табели, чтобы убѣдиться, что я не пропустилъ что-нибудь, дополнилъ и исправилъ мои замѣтки. На слѣдующій день я благополучно сдѣлалъ первый докладъ свой въ Центральной Комиссіи. Съ тѣхъ поръ я погружился въ работу; утромъ я былъ занятъ у Горлова или въ Центральной Комиссіи; вечеромъ сидѣлъ дома, просматривалъ ликвидаціонныя табели, подготовляемыя къ докладу. Такъ продолжалось два мѣсяца.

Несмотря на то, что я много работалъ, я находилъ время бывать въ обществѣ. Я нашелъ въ Варшавѣ много знакомыхъ и даже близкаго родственника, двоюроднаго брата моего Сергѣя Николаевича Полевого, полковника 2-го гвардейскаго стрѣлковаго батальона. Нѣсколько лѣтъ назадъ, стрѣлковый батальонъ этотъ, въ составѣ третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, перемѣщенъ былъ изъ Петербурга въ Варшаву. Мы съ малолѣтства были съ нимъ очень близки. Это былъ веселый, жизнерадостный гвардейскій офицеръ, свѣтскій человекъ, танцоръ, острякъ, добрякъ. Отъ перваго встрѣченнаго мною офицера 2-го стрѣлковаго батальона я узналъ адресъ квартиры брата

моего, и въ первый же день, вечеромъ, пошелъ навѣстить его. Онъ жилъ на хорошей улицѣ; я быстро отыскалъ номеръ дома его, взошелъ по парадной лѣстницѣ во второй этажъ, какъ мнѣ указалъ офицеръ, и увидѣлъ на дверяхъ мѣдную дощечку съ фамиліей брата. Я позволилъ; дверь отворилъ денщикъ, служившій у брата еще въ Петербургѣ, узналъ меня, ахнулъ и, не говоря ни слова, убѣжалъ во внутреннія комнаты. Раздались восклицанія, и Сергѣй Николаевичъ выбѣжалъ въ переднюю съ восклицаніемъ: „Николай! какъ попалъ ты сюда?“ обнялъ меня. „Ты знаешь, я женатъ; пойдѣмъ къ женѣ!“ Онъ съ годъ назадъ женился въ Варшавѣ, и я не былъ еще знакомъ его женою. Я засталъ ее въ столовой, за самоваромъ; она шла ко мнѣ навстрѣчу, со словами: „Знаю васъ по рассказамъ Сережи! видите, какъ онъ обрадовался вамъ!“ За столомъ сидѣли съ матерью Блаватская и сестра Наташа. Молодая жена Сергѣя Николаевича была красавица въ полномъ смыслѣ слова, русская, родившаяся въ Варшавѣ и проведшая тамъ большую часть своей жизни. Отецъ ея служилъ при князѣ Паскевичѣ. Разговоръ тотчасъ пошелъ искренній, полный разспросовъ, рассказовъ. Я просидѣлъ у нихъ до полуночи и ушелъ какъ старый знакомый, унося настойчивое приглашеніе всякій день приходить обѣдать у нихъ. Я дѣйствительно почти всякій день бывалъ у нихъ и изрѣдка обѣдалъ. Я чувствовалъ себя тамъ хорошо, въ семьѣ.

Въ Варшавѣ стояла третья легкая батарея гвардейской конной артиллеріи. Это были мои ближайшіе товарищи. Батареей командовалъ недавно Бревернъ, съ которымъ я былъ очень друженъ; въ батареѣ были пріятные мнѣ офицеры князь Вадбольскій, Ермоловъ. Я часто пріѣзжалъ къ нимъ въ Лазенки, обѣдалъ съ ними, проводилъ весь вечеръ. У Бреверна я встрѣчалъ Имеретинскаго, тогда еще молодого полковника, впоследствии намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, и много образованныхъ людей.

Я встрѣтилъ въ Варшавѣ нѣсколько смоленскихъ помѣщиковъ; въ томъ числѣ особенно милаго мнѣ Карцова, сосѣда моего, предводителя дворянства Юхновскаго уѣзда. Онъ прослужилъ годъ предсѣдателемъ крестьянской комиссіи въ Ломжѣ и занималъ теперь въ Варшавѣ мѣсто члена ликвидационной комиссіи, почетное, хорошо оплачиваемое. Это былъ очень образованный человѣкъ, умный, мягкій. Жена его, красивая, умная женщина, очень бойкая и живая, была очень пріятная и радушная хозяйка дома; я охотно навѣщалъ ихъ. У нихъ

сталкивался я съ членами Учредительнаго Комитета и вообще съ многими высокопоставленными людьми. Общество всегда было оживленное; бесѣда интересная, много говорили, въ карты не играли.

Варшавская жизнь меня очень интересовала. Я изучалъ ее на улицѣ, въ магазинахъ, кондитерскихъ, театрахъ. Въ польскомъ обществѣ я конечно не бывалъ. Служебное мое положеніе было хорошо; получалъ около 200 рублей жалованья въ мѣсяць, занятія мои были неотвѣтственны. Мы уговорились съ Михаиломъ Борисовичемъ Тургеневымъ нанять общую квартиру, устроились прекрасно. Это былъ очень пріятный сожитель; онъ взялся вести наше хозяйство. У насъ былъ прекрасный домашній столъ, у каждаго своя большая комната, общая чистая комната. Мы жили около Саксонскаго сада, въ хорошей части города. Кромѣ знакомыхъ, я изрѣдка посѣщалъ Русское Собраніе, гдѣ принять былъ въ число членовъ. Собраніе помѣщалось въ домѣ графа Замойскаго, недавно конфискованномъ за то, что изъ него стрѣляли въ намѣстника графа Берга. Собранію отведено было тамъ обширное, роскошное помѣщеніе, съ садомъ; оно было обставлено очень хорошо. Ежедневно тамъ можно было обѣдать, не дорого, но хорошо; въ библиотекѣ было много журналовъ, газетъ. Вечеромъ играли въ карты, но тихо, прилично; собраніе посѣщалось охотно. Хозяиномъ клуба былъ старичекъ, Левшинъ, очень добродушный, но державшій свое хозяйство въ большомъ порядкѣ. Въ опредѣленный день, каждую недѣлю, собирались къ обѣду въ собраніе все русское общество, лучшіе русскіе люди Варшавы, было весело, оживленно. Тамъ я могъ видѣть и слышать всѣхъ выдающихся людей Варшавы, отъ намѣстника Берга до знаменитаго шахматиста Петрова, владѣльца маіората въ Польшѣ. Послѣ обѣда онъ всегда усаживался играть въ шахматы, и я съ любопытствомъ слѣдилъ за его игрою. Зимой въ собраніи бывали концерты, балы, куда русскія дамы являлись очень охотно и очень нарядныя. Поляки никогда не посѣщали это собраніе, даже въ видѣ гостей.

Изъ общественныхъ варшавскихъ развлеченій русскимъ людямъ были доступны Швейцарская долина, общественный садъ и театры. Швейцарская долина посѣщалась очень охотно русскимъ обществомъ. Тамъ всякій вечеръ игралъ очень хорошій оркестръ изъ Берлина; не помню фамиліи дирижера. Это былъ добросовѣстный нѣмецъ, который аккуратно, чистенько исполнялъ нѣмецкую музыку. Въ саду, какъ и теперь, былъ ресторанъ. Русская публика не ѣла и не пила тамъ, не знаю

почему. Брали порцію мороженаго, пили сельтерскую и содовую воду, чтобы оплатить какъ-нибудь мѣсто, занятое у столика. Входная плата въ садъ была ничтожная. Сюда являлись и поляки средняго сословія; они приходили семьями, пили тутъ всею семьею чай, ѣли ппрожныя. Общенія русской публики съ польскою не было никакого. Мы, холостые люди, обыкновенно подсаживались къ знакомымъ русскимъ дамамъ и проводили вечеръ въ разговорахъ; музыку слушали на половину. Лучшее русское общество почти всякій вечеръ бывало здѣсь. Вечеръ обыкновенно кончался приглашеніемъ закончить его въ семьѣ, подлѣ которой сидѣли въ саду, пить тамъ чай.

Меня лично варшавскіе лѣтніе театры мало привлекали. Драматическій театръ былъ мнѣ недоступенъ, такъ какъ я не понималъ польскаго языка; а сидѣть цѣлый вечеръ и наслаждаться жестикуляціей, мимикой актеровъ, даже геніальныхъ, я не находилъ удовольствія. Оперный театръ лѣтомъ давалъ только польскія оперы, Монюшки и лѣтнія оперетки, въ родѣ „Десяти невѣстъ и ни одного жениха“. Я прослушалъ знаменитую оперу Монюшки „Гальку“, исполненную подъ дирижерствомъ самого автора, который величественно, самоувѣренно махалъ палочкой въ оркестрѣ, и рѣшилъ, что надо быть полякомъ, чтобы восхищаться ею. Мнѣ она показалась музыкой заурядной. Мелкія оперетки исполнялись недурно, но я не былъ любителемъ ихъ. Оркестръ оперы былъ небольшой, порядочный; не болѣе. Въ оперѣ не было ни одного выдающагося пѣвца и пѣвицы; хоры не важныя. Намъ, петербуржцамъ, избалованнымъ великолѣпнымъ, огромнымъ оркестромъ тогдашней итальянской оперы, такими пѣвцами, какъ Маріо, Лаблашъ, пѣвцами, какъ Гривзи, Бозео, варшавская опера не могла доставить удовольствія. Говорили, что зимою приглашаются первостепенные пѣвцы и пѣвицы, что тогда опера лучше; но лѣтомъ русское общество мало посѣщало ее.

Варшавскій балетъ славился; но намъ, петербургскимъ жителямъ, онъ казался жалокъ. Составъ его былъ очень не великъ; кордебалетъ также немногочисленъ, до такой степени, что въ балетахъ, гдѣ нужна масса, находчивые руководители балета изображали толпу на кулисахъ. Передъ этими, неподвижными, рисованными фигурами танцовало около тридцати танцовщицъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько красивыхъ особъ, а двѣ, три даже были очень красивы; но первостепенныхъ танцовщицъ не было ни одной. У красавицъ этихъ юбочки были очень коротки, корсажи очень декольтированы, и онѣ были

очень эффектно въ этомъ полубнаженномъ видѣ. Балетъ посѣщался польскимъ обществомъ и русскою молодежью, у которыхъ были соотношенія и знакомства съ танцующими. Я лично не увлекался ими.

Аристократическаго польскаго общества, которымъ всегда славилась Варшава, я не видѣлъ нигдѣ, ни въ театрахъ, ни на улицахъ, ни въ Лазенкахъ. Дома аристократовъ были закрыты, окна въ нихъ завѣшены; говорили, что аристократы уѣхали за границу, или живутъ въ своихъ имѣнiяхъ. Въ театрахъ, садахъ, на улицахъ постоянно толпились польское среднее общество, купцы, адвокаты, доктора, чиновники, не общавшіеся съ русскими. Они не смѣли теперь явно высказывать намъ свои враждебныя чувства, но, насколько возможно было дѣлать это, не подвергаясь полицейскимъ взысканiямъ, они дѣлали это. Они всячески, во всемъ стѣсняли русскихъ, старались сдѣлать имъ досаду. Во всѣхъ магазинахъ, на русской вопросъ и просьбу товара отвѣчали: *nie rozumiem!* (не понимаю!). За всѣ товары съ русскихъ брали двойную цѣну. Польскій докторъ очень неохотно ѣхалъ лѣчить русскихъ пациентовъ, и дѣлалъ это только за двойную плату. На улицѣ, на вопросъ по-русски: какъ пройти куда-либо? поляки не отвѣчали ничего, проходили, будто не слыша вопроса. Вслѣдствіе всего этого, благоразумные русскіе люди платили дороже за товары и польскія услуги, но отказывались отъ всякаго общенiя съ поляками.

Евреевъ я видѣлъ на улицѣ, въ магазинахъ; но въ театрахъ и Швейцарской долинкѣ они показывались рѣдко, и то самыя богатые, ополяченныя, и корчили поляковъ! Ихъ можно было видѣть въ шабашъ (пятница вечеромъ) въ Саксонскомъ саду и въ излюбленномъ ими Красинскомъ саду. Красинскій садъ лежитъ въ части города, которую русскіе мало посѣщали, а въ шабашъ мы, конечно, избѣгали входить въ Саксонскій. Впрочемъ Саксонскій садъ былъ мало доступенъ и для евреевъ. У входа въ садъ стояла полиція и не пропускала туда чернорабочихъ, кухарокъ съ провизіей и вообще простонародье. Евреи въ лапсердакахъ входа туда не имѣли. Русское общество любило Саксонскій садъ. Нельзя было не восхищаться его великолѣпными тѣнистыми аллеями изъ столѣтнихъ каштановъ; содержался онъ прекрасно.

Кромѣ сослуживцевъ моихъ по Учредительному Комитету, людей съ высшимъ образованiемъ и развитiемъ, въ Варшавѣ было многочисленное русское военное общество, въ которомъ

было много людей съ высшимъ образованіемъ. Вѣдь въ Варшавѣ было главное управленіе всѣхъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, а тамъ была сосредоточена цѣлая армія! Военные и гражданскіе русскіе люди жили дружно, образовали свой общій образованный кругъ въ Варшавѣ, не нуждаясь въ полякахъ.

Когда М. П. Горловъ убѣдился, что я достаточно ознакомился съ дѣломъ, онъ далъ мнѣ три ликвидаціонныхъ табели Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и сказалъ:

— Обратите особенное вниманіе на эти табели; въ районѣ Калишской комиссіи населеніе очень смѣшанное, она расположена на границѣ Пруссіи; тамъ встрѣчаются очень сложные вопросы. Притомъ, протоколы этой комиссіи бывають очень безтолковы, неясны!

Онъ былъ правъ! Въ тѣхъ табеляхъ, которыя онъ далъ мнѣ, не было сложныхъ вопросовъ; но всѣ онѣ были обжалованы помѣщиками. Жалобы были ядовиты, но логичны съ польской точки зрѣнія; протоколы на комиссіи, разсматривавшія эти жалобы, были многорѣчивы, но написаны такъ неискусно, не логично, что мѣстами трудно было понять излагаемое. Я проработалъ за ними цѣлый вечеръ, но все-таки, для разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ, долженъ былъ обратиться къ М. П. Горлову. Съ этихъ поръ, онъ сталъ давать мнѣ на провѣрку исключительно ликвидаціонныя табели Калишской комиссіи, и я вынужденъ былъ работать надъ ними усиленно. Тамъ было два комиссара, неумѣло и невнимательно разбиравшихъ дѣло и плохо излагавшихъ свои разборы. Отношенія членовъ комиссіи къ помѣщикамъ очевидно были обостренны; это высказывалось въ множествѣ обжалованій, въ озлобленіи, съ какимъ жалобы эти были написаны. Протоколы Калишской крестьянской комиссіи были трехъ редакцій: одно лицо писало кратко, толково; другое лицо писало кратко, умно, но злобно и, по моему убѣжденію, пристрастно, въ пользу крестьянъ; третье лицо писало многосложно, неясно, не глубоко вникало въ дѣло, наполняло протоколы ненужными громкими фразами и безтактичными нападками на поляковъ вообще. Я высказалъ это наблюденіе Горлову; онъ улыбнулся и призналъ мое наблюденіе вѣрнымъ, но не согласился назвать мнѣ авторовъ этихъ протоколовъ. Я такимъ образомъ сдѣлался исключительнымъ докладчикомъ по ликвидаціоннымъ табелямъ Калишской комиссіи, сильно набилъ руку въ разсмотрѣніи ихъ.

Однажды, въ Центральную Комиссію явился незнакомый мнѣ

человѣкъ; онъ вошелъ вмѣстѣ съ Я. А. Соловьевымъ, очевидно былъ знакомъ со всѣми, пожималъ руку всѣмъ членамъ. Мнѣ некогда было спросить „кто это?“, такъ какъ докладъ тотчасъ по входѣ Соловьева началъ Горловъ, и именно съ моихъ таблицей. Я докладывалъ очень сложное и плохо равобранное дѣло съ неясно изложеннымъ протоколомъ Калишской комиссiи. Когда я изложилъ дѣло, члены стали обсуждать дѣло и обращались къ незнакомому моему за разными разъясненiями; я понялъ, что это Рутценъ, предсѣдатель Калишской комиссiи по крестьянскимъ дѣламъ; онъ очень неохотно и сухо давалъ объясненiя. Соловьевъ не могъ разъяснить себѣ что-то, заставилъ меня прочитать сказанное въ протоколѣ и, выслушавъ, нетерпѣливо спросилъ Рутцена;

— Скажите, кто такъ бестолково пишетъ?

— Мой помощникъ, Николай Павловичъ Рагозинъ! отвѣчалъ Рутценъ.

Я узналъ такимъ образомъ автора затруднявшихъ меня протоколовъ. Я докладывалъ три таблицы; всѣ были сильно обжалованы, и одна очень неумѣло провѣрена на мѣстѣ. Соловьевъ опять спросилъ:

— Кто этотъ бестолковый комиссаръ?

— Подполковникъ Грюнеръ! отвѣтилъ вполголоса Рутценъ.

Всѣ три ликвидационныя таблицы были возвращены въ Калишскую комиссiю для дополнительной провѣрки. Рутценъ выслушалъ общее осужденiе представленныхъ имъ работъ. Онъ съ явнымъ неудовольствiемъ глядѣлъ на меня и тотчасъ по окончанiи засѣданья ушелъ, такъ что я не успѣлъ познакомиться съ нимъ. А я хотѣлъ сдѣлать это, чтобы разспросить его кое о чемъ по другимъ таблицамъ, мною уже рассмотрѣннымъ, но еще недоложеннымъ даже Горлову.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого засѣданья, 26 августа, Соловьевъ, по окончанiи засѣданья Центральной комиссiи, сказалъ мнѣ:

— Приходите ко мнѣ въ 6 часовъ вечера, обѣдать. Знакомы вы съ Рагозинымъ, товарищемъ предсѣдателя Калишской комиссiи?

Я отвѣтилъ, что не знаю его.

— Такъ я познакомлю васъ.

Приглашенiе это озадачило меня. Соловьевъ держалъ себя очень гордо. Я встрѣчался съ нимъ въ Центральной комиссiи, у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, но никогда не бывалъ у него. Ровно въ 6 часовъ я входилъ въ его гостиную. Рагозинъ былъ уже тамъ.

и они живо и толково о чемъ-то. Соловьевъ познакомилъ насъ. Я увидѣлъ знакомый мнѣ типъ калужанина-помѣщика: русскій человѣкъ, русый, средняго роста, плотнаго сложенія, конечно съ бородой, лѣтъ 35, съ добрымъ выраженіемъ лица. Обѣдали мы втроемъ; разговоръ шелъ все время о дѣлахъ Калишской комиссіи. Яковъ Александровичъ пенялъ Рагозину за раздоры между членами комиссіи, за небрежныя работы; разъ или два остался недоволенъ возраженіями Рагозина, говорившаго смѣло, и рѣзко. Я конечно молчалъ во время этихъ преній. Подъ конецъ обѣда Яковъ Александровичъ сталъ спрашивать меня о нашихъ смоленскихъ дѣлахъ; онъ хорошо зналъ Смоленскъ, служилъ тамъ. Отзывы его о людяхъ и отношеніяхъ смоленскихъ очень вѣрны, и я невольно высказалъ ему удивленіе, что онъ такъ близко знаетъ все это. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Не мудрено понять ихъ; люди русскіе, дворяне; типъ всероссійскій!

Отпуская насъ послѣ обѣда, онъ задержалъ меня, и когда мы остались вдвоемъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Я предполагаю командировать васъ въ Калишъ, завѣдывать Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ докладовъ вашихъ въ Центральной комиссіи я убѣдился, что вы достаточно ознакомились теперь съ дѣломъ вообще и съ положеніемъ дѣла въ Калишской комиссіи. Рутценъ не вернется въ Калишъ; я получилъ его прошеніе объ отставкѣ; Рагозину я не могу довѣрить комиссію. Надѣюсь, вы справитесь съ этимъ дѣломъ?

Я отвѣчалъ, что предложеніе это для меня совершенно неожиданно; я не подготовилъ отвѣта. Но я всю жизнь никуда не напрашивался и ни отъ какого порученія не отказывался. Предложеніе его такъ лестно для меня, что я благодарю его за довѣріе, и приложу всѣ силы повести дѣло правильно.

Я такъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, что не могъ оставаться наединѣ; Тургенева не было дома. Я переодѣлся и пошелъ въ театръ. Ночь я почти не спалъ; меня радовало это крупное повышеніе. Должность предсѣдателя крестьянской комиссіи состояла въ IV классѣ, давала 4.000 рублей содержанія, при казенной квартирѣ и отопленіи. Мнѣ было 32 года; положеніе блестящее для молодого человѣка. Не меня смущало сознаніе, что Калишская комиссія была ведена неправильно, что тамъ раздоры между членами комиссіи, что они очень самостоятельны, рѣзко и стойко отстаиваютъ свои убѣжденія. Нѣсколько часовъ назадъ я убѣдился въ этомъ изъ разговора

Рагозина съ Соловьевымъ. Молодость, увѣренность въ своихъ силахъ, взяли верхъ, и я сказалъ себѣ: „буду работать, одолѣю“.

На другой день я никому, ни даже моему сожителю Тургеневу не говорилъ о предложеніи, сдѣланномъ мнѣ Соловьевымъ, предоставляя ему обнародовать это, когда онъ признаетъ это нужнымъ. Въ канцеляріи Учредительнаго Комитета, куда я пришелъ по дѣлу, Бѣлозерскій подошелъ ко мнѣ и вполголоса сказалъ мнѣ:

— Поздравляю съ блистательнымъ назначеніемъ! Яковъ Александровичъ приказалъ мнѣ написать представленіе о назначеніи васъ исправляющимъ должность предсѣдателя Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Я молча пожалъ ему руку; онъ продолжалъ:

— Вы никому не говорили объ этомъ? Хорошо сдѣлали! Молчите, пока не состоится назначеніе.

Когда я явился съ ликвидаціонными табелями къ Горлову, онъ спросилъ меня, улыбаясь:

— Какія новости принесли вы мнѣ?

— Три ликвидаціонныя табели, мною просмотрѣнныя, отвѣчалъ я серьезно.

— Это послѣднія, которыя вы мнѣ докладываете. Поздравляю съ назначеніемъ и радуюсь ему. Убѣжденъ, что дѣло пойдетъ у васъ хорошо.

Мы проговорили съ нимъ часа полтора о томъ, что меня ожидаетъ въ Калишѣ, и какъ я долженъ дѣйствовать. Видно было, что онъ искренно желаетъ помочь мнѣ, разъяснить мнѣ все необходимое. Я поблагодарилъ его за доброе расположеніе ко мнѣ и высказалъ убѣжденіе, что, именно благодаря его доброму отзыву обо мнѣ, Соловьевъ избралъ меня. Горловъ отвѣтилъ:

— Я сознательно готовилъ васъ въ предсѣдателя Калишской комиссіи. Давно было рѣшено, что Рутценъ не можетъ вести ее. Давая вамъ для разбора ликвидаціонныя табели этой комиссіи, я вводилъ васъ въ кругъ ея дѣйствій. Вы теперь хорошо знаете всѣ ея ошибки, знаете мнѣніе о нихъ членовъ Центральной комиссіи. Дѣло для васъ ясно, открыто. Ваши доклады одобрялись всѣми членами комиссіи; Яковъ Александровичъ могъ смѣло избрать Васъ.

Когда я воротился домой, къ обѣду, Михаилъ Борисовичъ бросился обнимать, поздравлять меня. Добрый человекъ этотъ искренно радовался назначенію моему. Въ канцеляріи Учредительнаго Комитета писалось представленіе о моемъ назначеніи,

всѣ знали о немъ. Тургеневъ укорялъ меня, что я не рассказывалъ ему эту вѣсть вчера.

— Когда я воротился домой, отвѣчалъ я, вы спали; не будить же васъ!

— Именно будить! для такой радостной вѣсти можно и проснуться!

— А затѣмъ, продолжалъ я, прилично ли было мнѣ разглашать это? Представьте себѣ, что Яковъ Александровичъ отдумалъ бы назначить меня; остановился бы на другомъ лицѣ; или намѣстникъ, графъ Бергъ, не утвердилъ бы его представленіе. Хорошо бы я былъ! Мальчикъ, хвастунъ!

— Это невозможно! Не такой человѣкъ Яковъ Александровичъ! Онъ не шатается; у него—сказано, сдѣлано! А намѣстникъ? Ему не все ли равно, кто будетъ въ Калишѣ? Онъ никого изъ насъ не знаетъ и знать не хочетъ. Я просилъ однако Тургенева не разглашать это извѣстіе, а самъ продолжалъ провѣрять ликвидационныя табели. Ближайшее засѣданіе Центральной комиссіи было вечеромъ 29 августа, несмотря на табельный праздникъ. Придя въ комиссію, Яковъ Александровичъ объявилъ нѣсколькимъ лицамъ, что онъ получилъ Высочайшій приказъ о награжденіи ихъ чинами и орденами, по случаю 30 августа, дня Именинъ Государя Александра II. Затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Поздравляю и васъ, Николай Ксенофоновичъ! Вы назначены исправляющимъ должность Предсѣдателя Калишской комиссіи.

Члены Центральной комиссіи всѣ поздравили меня и высказывали убѣжденіе, что дѣло попало въ хорошія руки. Я сдѣлалъ въ это засѣданіе свой послѣдній докладъ, сдалъ свои ликвидационныя табели и ушелъ изъ засѣданія уже какъ предсѣдатель Калишской комиссіи. Члены Центральной комиссіи, Тургеневъ, еще кое-кто рѣшили, что надо идти ужинать въ Европейскую гостиницу, поздравить меня. Мы дружески поужинали тамъ, и я сохраняю до сихъ поръ радостное воспоминаніе о вниманіи и ласкѣ этихъ умныхъ, добрыхъ и ласковыхъ людей.

Черезъ нѣсколько дней Бѣлозерскій вручилъ мнѣ распоряженіе отправиться къ мѣсту служенія моего, въ г. Калишъ, и принять Калишскую комиссію по крестьянскимъ дѣламъ. Я явился къ Соловьеву откланяться. Очень кратко, но очень опредѣленно, онъ указалъ мнѣ, на что надо обратить особенное вниманіе въ Калишской комиссіи. Съ Горловымъ у насъ была

болѣе продолжительная бесѣда. Онъ еще разъ дружески, отечески повторилъ мнѣ всѣ требованія Центральной комиссiи, всѣ слабыя стороны дѣятельности Калишской комиссiи. Я сдѣлалъ нѣсколько прощальныхъ визитовъ. Жалко мнѣ было разставаться съ сожителемъ моимъ Михаиломъ Борисовичемъ. Добрый, умный человекъ этотъ пришелся мнѣ очень по душѣ. Жалко было мнѣ оставить семью брата моего Сергѣя Николаевича, гдѣ я такъ хорошо отдыхалъ, гдѣ было такъ уютно, семейно. Мнѣ было жаль разставаться со всѣмъ, что меня окружало въ Варшавѣ. Благородные, умные члены Учредительнаго Комитета, съ которыми я нѣсколько разъ въ недѣлю встрѣчался въ Центральной комиссiи, были мнѣ дороги. Мнѣ до теперешнихъ, позднихъ дней моей жизни, не пришлось встрѣтить вновь такое рѣдкое собраніе умныхъ, благородныхъ людей. Встрѣчались такіе люди поодиночкѣ; на группу въ 10 и 12 человекъ такихъ людей, работающихъ за однимъ дѣломъ, я не встрѣчалъ болѣе. Николай Алексѣевичъ Милютинъ высказалъ свой рѣдкій административный талантъ, замѣчательное знаніе людей, сумѣвъ выбрать и соединить этихъ людей въ Варшавѣ. Общая работа съ ними, бесѣды ихъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе, придали твердость, сознательность моей дальнѣйшей дѣятельности по крестьянскому дѣлу. До тѣхъ поръ я, какъ и всѣ мировые посредники перваго состава, былъ самоучка, дѣйствовалъ по своему разуму. Учиться было не у кого; всѣ были такіе же, какъ я, не съ кѣмъ было даже посоветоваться. Тутъ, въ Центральной комиссiи, засѣдали бывшіе члены редакціонной комиссiи; они руководствовались убѣжденіями и положеніями, выработанными въ редакціонной комиссiи. Они передавали эти руководящія мысли, положенія намъ, ученикамъ своимъ, и я понялъ цѣну этихъ указаній. Къ счастью, мнѣ пришлось пользоваться руководствомъ этихъ людей до конца семилѣтней службы моей въ Учредительномъ Комитетѣ.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссiя въ 1866 году.

Калишская комиссiя по крестьянскимъ дѣламъ получила форменное извѣщеніе о моемъ назначеніи исправляющимъ должность предсѣдателя ея. Бѣлозерскій былъ разъ въ командировкѣ въ Калишъ и рассказалъ мнѣ, какъ проѣхать туда. Я написалъ секретарю Калишской комиссiи, указалъ, въ какой

день приѣду туда, просилъ заготовить мнѣ къ этому дню номеръ въ гостиницѣ и выслать сторожа комиссіи въ почтовую контору, ко времени приѣзда почтоваго дилижанса, съ которымъ я предполагалъ приѣхать въ Калишъ. Въ незнакомомъ мнѣ городѣ, не зная польскаго языка, я вызывалъ сторожа, чтобы онъ довелъ меня до гостиницы и доставилъ туда мой багажъ. Около полудня я сѣлъ въ вагонъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги; Михаилъ Борисовичъ провожалъ меня; мы дружески обнялись, онъ благословилъ меня на новый путь. По желѣзной дорогѣ мнѣ надо было ѣхать до станціи Кутно, около десяти перегоновъ отъ Варшавы. Желѣзная дорога эта была уже не русская; она устроена на заграничный образецъ. Колея узкая, вагоны, всѣ порядки нѣмецкіе. Прислуга польская, билеты съ надписями польскими, разговоръ по-польски. Путь идетъ по хорошей, богатой части Польши, густонаселенной, плодородной. Около 7 часовъ вечера я вышелъ въ Кутно, маленькомъ городкѣ. Тутъ у вокзала стоялъ почтовый дилижансъ, который черезъ полчаса отправлялся въ Калишъ, везъ туда почту. Въ каретѣ было 8 мѣстъ; я занялъ одно; плата была ничтожная. Карета была раздѣлена на два отдѣленія, по 4 мѣста въ каждомъ. Въ моемъ отдѣленіи, къ счастью, оказался пассажиръ русскій чиновникъ, служащій въ Калишѣ; онъ уже обжился въ Польшѣ, довольно бойко говорилъ по-польски и много помогъ мнѣ. Дорога шла по прекрасному шоссе; карета шла ровно и довольно скоро, но ѣхать предстояло болѣе 100 верстъ, и мнѣ объяснили, что мы будемъ въ Калишѣ только на другой день, около 8 часовъ утра. Покуда было свѣтло, я осматривалъ мѣстность, по которой мы проѣзжали. Мѣста были хорошія, обработка земли тщательная, видна была зажиточность населенія. Когда потемнѣло, стало очень скучно, спать сидя я не могъ, остальные пассажиры были поляки, относившіеся къ намъ, русскимъ, холодно. Оставалось одно—разспрашивать моего русскаго спутника о городѣ Калишѣ и жизни въ немъ, что я и сдѣлалъ. Продремавъ сидя всю ночь, мы къ указанному времени, около 8 часовъ утра, въѣхали въ Калишъ. Сторожъ комиссіи, отставной солдатъ, встрѣтилъ меня, провелъ въ гостиницу Пешке, гдѣ мнѣ была заготовлена просторная, чистая комната. Хозяинъ гостиницы, нѣмецъ, встрѣтилъ меня почтительно. Я съ дѣтства свободно говорилъ по-нѣмецки; попросилъ его приставить ко мнѣ человѣка, говорящаго по-русски или по-нѣмецки; онъ объяснилъ, что предупредилъ мое желаніе; кельнеръ его, нѣмецъ, будетъ мнѣ прислу-

живать. Самовары въ нѣмецкой гостиницѣ не полагались; но мнѣ подали прекрасное кофе, съ хорошимъ хлѣбомъ и масломъ. Я пилъ кофе, когда мнѣ доложили, что пришелъ секретарь комиссіи. Я конечно тотчасъ принялъ его, поблагодарилъ, что онъ такъ удобно устроилъ меня. Онъ спросилъ: какъ и когда я хочу принять дѣла комиссіи, когда назначу представиться мнѣ комиссарамъ и чиновникамъ комиссіи? Я объяснилъ, что цѣлую ночь не спалъ, усталъ и въ этотъ день буду отдыхать; прошу считать меня официально еще не прибывшимъ въ Калишъ; а что будетъ завтра—увидимъ. Я попросилъ его зайти къ товарищу предсѣдателя Рагозину и попросить его отъ моего имени быть дома въ 11 ч. утра; я найду къ нему, какъ человѣку мнѣ уже знакомому.

Въ 11 часовъ я звонилъ у двери Рагозина; онъ самъ открылъ мнѣ и смущенно привѣтствовалъ меня. Я дружески протянулъ ему руку и прежде всего просилъ видѣть во мнѣ человѣка, а не предсѣдателя комиссіи, что я сегодня не стану говорить о дѣлахъ и прошу распоряжаться въ комиссіи, какъ онъ знаетъ. Онъ повторилъ вопросъ секретаря о приѣмѣ комиссіи; я сказалъ, что не вижу надобности и принимать дѣла; они на рукахъ секретаря, а если мои помощники не увѣрены въ цѣлости ихъ, надо назначить ревизію. Рагозинъ конечно запротестовалъ и клялся, что все въ порядкѣ. О приѣмѣ комиссаровъ я сказалъ, что не считаю удобнымъ отрывать ихъ отъ дѣла и не вижу пользы отъ официального приѣма. Лучше мы познакомимся постепенно, когда будетъ удобно. Съ нимъ лично я знакомъ, а съ другимъ помощникомъ познакомлюсь сегодня, найду къ нему. Распоряженіе это поразило его и по видимому понравилось ему.

Я зналъ, что онъ женатъ, и просилъ его познакомить меня съ женою его. Не мало я былъ удивленъ, когда ко мнѣ вышла особа, которую я хорошо зналъ еще дѣвочкой. Я былъ друженъ съ ея дядей Николаемъ Пис.... Это былъ мой другъ дѣтства, съ сестрой его, матерью г-жи Рагозиной, игралъ въ дѣтствѣ, а самое г-жу Рагозину постоянно встрѣчалъ у Николая П—а. Это обстоятельство много упростило наши отношенія съ ея мужемъ, Николаемъ Павловичемъ, придавъ имъ сразу дружескій оттѣнокъ. С. Н. Рагозина настояла, чтобы я позавтракалъ у нея, послѣ завтрака я попросилъ хозяина проводить меня къ другому моему товарищу Рычкову. Я зналъ отъ Горлова, что это враги, и потому просилъ Рагозина указать мнѣ домъ, гдѣ живетъ Рычковъ. Я засталъ дома Николая Дмитріе

вича Рычкова. Это былъ молодой человекъ красивой наружности, свѣтскій, очень образованный, кандидатъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета. Отецъ его, богатый помѣщикъ на Уралѣ, потомокъ извѣстнаго писателя Рычкова, самъ онъ очень образованный человекъ, славянофилъ, былъ пріятель Самаринныхъ, князя Черкаскаго и Я. А. Соловьева. Благодаря этимъ связямъ Николай Дмитриевичъ при открытіи крестьянскихъ комиссій былъ назначенъ, несмотря на свою молодость и неопытность, товарищемъ предсѣдателя комиссіи, не побывавъ предварительно комиссаромъ. Рычковъ поспѣшилъ высказать мнѣ, что, исполняя долгъ службы и вѣжливости, онъ былъ уже у меня въ гостиницѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня. Первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня этимъ сослуживцемъ моимъ, было очень пріятное: я просидѣлъ у него около часу, сказалъ ему, что знаю его дѣятельность изъ его толковыхъ протоколовъ. Я попросилъ его придти на другой день, въ 10 часовъ утра въ канцелярію комиссіи, куда я пригласилъ уже Рагозина. Тамъ мы переговоримъ о дѣлѣ и условимся о дальнѣйшей нашей дѣятельности.

Вечеръ я провелъ у себя въ гостиницѣ, наединѣ, приводя въ порядокъ свои мысли, впечатлѣнія и готовясь приступить на другой день къ новой моей дѣятельности. Положеніе края и Калишской комиссіи въ этотъ періодъ было еще неопредѣленно.

Въ основаніе новаго устройства Царства Польскаго было положено освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землей и устройство крестьянскаго самоуправленія. Такъ какъ гражданское управленіе было совершенно разстроено возстаніемъ, оно состояло все изъ поляковъ, которымъ правительство не могло довѣрить, то Высочайшіе Указы 19 февраля 1864 года объ устройствѣ крестьянъ обнародованы были чрезъ военныхъ начальниковъ во всѣхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго; сдѣлано было это очень быстро, отъ 23 февраля до половины марта 1864 года. Затѣмъ 14 марта 1864 года открытъ въ Варшавѣ Учредительный Комитетъ, на который между прочимъ возложено высшее завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ въ Польшѣ. Комитетъ занялся прежде всего образованіемъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій, которымъ предстояла тяжелая и сложная обязанность устроить на мѣстахъ новый сельскій бытъ, обезпечить и укрѣпить поземельныя права крестьянъ, наконецъ упрочить на дѣлѣ общественное мірское управленіе, согласно съ новымъ законодательствомъ. Такое многосложное порученіе могло быть удовлетворительно исполнено лишь людьми,

глубоко и искренно сочувствовавшими предпринятой реформѣ. Несчастные опыты прежнихъ лѣтъ, когда самыя благодѣтельныя намѣренія русскаго правительства по крестьянскому дѣлу искажались въ Польшѣ исполнителями-поляками, проникнутыми самыми эгонстическими политическими видами, требовали, при настоящемъ ненормальномъ положеніи края, назначенія лицъ исключительно русскаго происхожденія.

Въ видахъ обезпеченія правильнаго и быстраго теченія дѣлъ, учреждено въ Варшавѣ 14 комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Каждая изъ этихъ комиссій имѣеть въ своемъ вѣдѣніи отъ 2 до 3 уѣздовъ и состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, комиссаровъ, которые завѣдываютъ особыми участками. Во всѣ эти должности и поступили исключительно лица, прибывшія изъ Имперіи, частью бывшіе мировые посредники или гражданскіе чиновники, частью же офицеры изъ войскъ, расположенныхъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, извѣстные своею способностью и сочувствіемъ предстоящему дѣлу.

При открытіи своихъ дѣйствій, комиссія нашла, что, по обнародованіи Высочайшихъ Указовъ 19 февраля, крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидали дѣйствительнаго ихъ исполненія на мѣстахъ. Въ послѣднее время они слышали столько обѣщаній, столько пышныхъ словъ, что недовѣріе къ новымъ обѣщаніямъ было побѣждено лишь тѣмъ, что Указы обнародованы были русскими военными властями. Крестьяне, передъ глазами которыхъ происходили всѣ событія повстанія, поняли очень хорошо, что для нихъ наступила пора возрожденія къ новой жизни, что смутныя обѣщанія повстанцевъ не имѣли никакой практической силы, и что улучшение своего быта они могутъ ожидать только отъ законнаго правительства. Если въ прежнее время, въ умахъ крестьянъ и были какія-нибудь колебанія или сомнѣнія, вслѣдствіе усиленныхъ происковъ шляхты, то они съ началомъ дѣйствій комиссій прекратились совершенно. Вслѣдъ за обнародованіемъ Высочайшихъ Указовъ 19 февраля военные начальники, а затѣмъ комиссары были завалены прошеніями. Крестьяне спѣшили заявить свои права, желая воспользоваться благопріятною минутою, такъ какъ горькій опытъ убѣдилъ ихъ, что если власть перейдетъ въ руки шляхты, то всѣ надежды на правосудіе опять исчезнутъ. Само собою разумѣется, что точныхъ понятій о Высочайшихъ Указахъ не было еще у крестьянъ. Ихъ не было, къ сожалѣнію, и между высшимъ классомъ общества. При неясномъ же по-

ниманіи указовъ, естественно, многіе изъ крестьянъ ожидали гораздо большаго, чѣмъ имъ предоставлялось новымъ закономъ. Нѣкоторые предполагали даже, что въ наказаніе за мятежъ всѣ земли будутъ отобраны отъ бушевавшей шляхты и розданы крестьянамъ.

По понятіямъ народа, сложившимся во время послѣднихъ смуть, вслѣдствіе недобросовѣстной пропаганды самихъ польскихъ революціонеровъ, такія мѣры казались совершенно естественными и справедливыми. Вообще, крестьяне ожидали мѣръ порывистыхъ, имѣющихъ характеръ насилія, но не рассчитывали еще на постоянное, неуклонное, непоколебимое дѣйствіе закона въ защиту ихъ правъ. Многовѣковое безправіе не развило въ крестьянахъ надежды на пріобрѣтеніе правъ постоянныхъ, вѣчныхъ.

Крестьянскимъ комиссіямъ поручено было разъяснить крестьянамъ, что обезпеченіе ихъ правъ основано на правильномъ, постоянномъ дѣйствіи закона; что всѣ неправды, обиды относительно земельного устройства ихъ, нанесенныя имъ при прежнихъ шляхетскихъ порядкахъ, будутъ спокойно, правильно разобраны крестьянскими комиссіями. Затѣмъ, прежде всего, крестьянскія комиссіи должны были заняться устройствомъ крестьянскаго самоуправленія: распредѣленіемъ уѣздовъ на гмины (волости), выборомъ гминныхъ войтовъ (волостныхъ старшинъ), лавниковъ (судей), солтысовъ (сельскихъ старостъ). До сихъ поръ гмины были распредѣлены согласно удобствамъ и желаніямъ помѣщиковъ, составлялись большею частью изъ отдѣльныхъ имѣній; были гмины въ 50 и 60 дворовъ, рядомъ съ гминами въ 2.000 и 3.000 дворовъ; гминными войтами были сами помѣщики и повѣренные ихъ; въ гминахъ царствовалъ полный произволъ. Комиссарамъ пришлось не мало потрудиться, чтобы разъяснить крестьянамъ значеніе и громадную силу новыхъ политическихъ правъ, предоставленныхъ имъ передачею имъ права на выборъ гминнаго войта и всѣхъ гминныхъ властей, гминнаго суда. Можно было опасаться, что вся сила гминнаго устройства, которымъ обезпечивалась независимость крестьянъ отъ ненавистнаго имъ шляхетскаго вліянія, останется непонятою ими, и что народъ, для котораго насущныя, матеріальныя выгоды привлекательнѣе политическихъ правъ, отнесется равнодушно къ новымъ выборнымъ правамъ своимъ. Однако опасеніе это не оправдалось. Крестьяне польскіе, несмотря на продолжительное угнетеніе, или, лучше сказать, благодаря этому угнетенію, доведшему ихъ до крайней

степени раздраженія, ко всему что могло способствовать ихъ скорѣйшему освобожденію отъ шляхетскаго гнета, оказались очень чуткими. Они жадно внимали словамъ комиссіи, которая, разъѣзжая по селеніямъ, разъясняла крестьянамъ значеніе этой великой милости царской, безъ которой всѣ права ихъ были бы непрочны. Большинство крестьянъ, при первыхъ же выборахъ, показало, что умѣетъ цѣнить дарованное имъ право самоуправленія. По большей части гминные войты, избранные крестьянами изъ своего сословія, оказались дѣйствительно самые лучшіе по поведенію и самые толковые люди. На выборахъ прочихъ должностныхъ лицъ, крестьяне подавали свои голоса съ полнымъ сознаниемъ своихъ правъ и замѣчательнымъ тактомъ. Очень часто случалось, что лицо, избранное единогласно въ солтысы (сельскіе старосты), не получало ни одного голоса, когда его предлагали въ гминные войты.

По устройствѣ гминъ и производствѣ выбора гминныхъ должностныхъ лицъ, крестьянскія комиссіи занялись разборомъ жалобъ, поданныхъ крестьянами. Та часть польскаго населенія, которая не была заражена преступными мечтами польскаго возстанія, спѣшила заявить свои страданія, въ надеждѣ, что настала наконецъ благопріятная минута для отысканія справедливости.

До 20 мая 1846 года, крестьяне въ Царствѣ Польскомъ не имѣли никакихъ земельныхъ правъ. Все, что было сдѣлано до этого времени помѣщиками относительно земель и угодій, находившихся въ пользованіи крестьянъ, не можетъ подлежать обжалованію. Указъ, изданный Императоромъ Николаемъ I въ 1846 году, впервые положилъ предѣлъ произволу помѣщиковъ и опредѣлилъ поземельныя права крестьянъ. Указомъ этимъ воспрещалось произвольно лишать участковъ крестьянъ, имѣющихъ три и больше морга земли, а равно уменьшать эти участки, увеличивать лежація на нихъ повинности, или отказывать крестьянамъ въ сервитутахъ, коими они пользовались до того времени. Всѣ эти поземельныя права крестьянъ были въ 1846 году внесены въ таблицы (престаціонныя). Между тѣмъ крестьяне безъ разбора жаловались, какъ на то, что произошло во время ихъ безправія, такъ на незаконныя измѣненія ихъ быта, происшедшія послѣ 1846 года.

При повѣркѣ крестьянскими комиссіями жалобъ крестьянъ, весьма важнымъ пособіемъ служили престаціонныя жалобы 1846 года и дополнительныя къ нимъ жалобы 1861 года. Первыя были составлены тотчасъ послѣ изданія указа 1846 года и

должны были заключать въ себѣ полныя и безошибочныя свѣдѣнія о крестьянскихъ надѣлахъ, угодіяхъ и повинностяхъ, какіе существовали въ 1846 году; дополнительныя же таблицы объясняли, въ какомъ положеніи находились крестьянскіе надѣлы въ 1861 году, при изданіи указа объ окупѣ (переходѣ съ барщины на оброкъ). Одно простое сравненіе двухъ этихъ таблицей нерѣдко раскрывало комиссіи многія злоупотребленія и нарушенія указа 1846 года. Были примѣры, что цѣлыя деревни, записанныя въ престаціонныя таблицы въ 1846 году, уже не существовали, крестьяне прогнаны насильно со своихъ усадебъ, или сами покинули ихъ, вслѣдствіе непомернаго возвышенія повинностей и разныхъ другихъ притѣсненій, строенія ихъ снесены, а мѣсто, гдѣ прежде была деревня, запахано и нерѣдко продано въ третьи и четвертыя руки. Но такъ какъ таблицы составлялись одними помѣщиками и утверждались высшими властями на основаніи одного лишь свидѣтельства гминнаго войта, званіе котораго носилъ самъ составитель таблицы, или его дворовый служитель, то весьма естественно, что онѣ весьма часто оказывались при повѣркѣ ихъ комиссіями неправильными. Въ Калишской комиссіи оказалась цѣлая многолюдная гмина, въ которой только шесть крестьянъ были записаны въ престаціонную таблицу, а остальные всѣ пропущены. Дополнительные таблицы 1861 года составлялись съ меньшими неправильностями. Во многихъ изъ этихъ таблицей опустѣвшія крестьянскія усадьбы (пустки) показаны занятыми официалами, управляющими, наконецъ, самимъ помѣщикомъ и его родственниками. Комиссіи случилось открыть нѣсколько пустокъ, записанныхъ на имя *Бартоломея Шварца* (изобрѣтателя пороха), *Казимира Перье* (французскаго министра), или же на имя разныхъ знаменитыхъ полководцевъ древняго и новаго міра.

Подобныя жалобы крестьянъ провѣряются очень внимательно крестьянской комиссіей. При разрѣшеніи жалобъ принимаются въ основаніе не самыя таблицы, а другія доказательства, какъ, на примѣръ: сознаніе помѣщика, показанія свидѣтелей, окольныхъ жителей. Составленное крестьянской комиссіей рѣшеніе представляется окончательно на усмотрѣніе Учредительнаго Комитета. Особенное затрудненіе представляетъ разсмотрѣніе жалобъ на обмѣнъ угодій. На основаніи указа 1846 года воспрещено было помѣщикамъ производить обмѣнъ земель безъ согласія крестьянъ; если же таковыя производились по добровольному съ крестьянами соглашенію, то прави-

тельство требовало, чтобы соглашеніе облечено было въ письменную форму и подверглось предварительному разсмотрѣнію и утвержденію высшихъ властей. Безъ соблюденія этого условія, договоръ, хотя бы онъ былъ письменный и заключенъ нотаріальнымъ порядкомъ, считался недѣйствительнымъ. Мѣра эта была весьма предусмотрительной и оправдывалась особымъ положеніемъ крестьянъ. Хотя декретомъ Наполеона I крестьяне Царства еще въ 1807 году были признаны полноправными гражданами, но такъ какъ они подчинены были до сихъ поръ произволу патримоніальной юрисдикціи, и кромѣ того право поземельной собственности было для нихъ совершенно недоступно, то понятно, что полноправность ихъ была не что иное, какъ законодательная фикція. Помѣщикъ, какъ войтъ гминь и какъ господинъ земли, на которой сидѣлъ крестьянинъ, могъ во всякое время исторгнуть у крестьянина какое угодно добровольное соглашеніе. Но законодательная фикція шла еще дальше: она открывала помѣщику полную возможность заключать съ крестьяниномъ даже формальные договоры, безъ какого-либо съ его стороны согласія и даже безъ его вѣдома. Гражданскимъ кодексомъ Царства Польскаго не требуется, чтобы безграмотные, при заключеніи договоровъ, прикладывали къ нимъ свои руки, или поручали за себя росписаться людямъ, которымъ они дѣйствительно довѣряютъ. Кодексъ считаетъ достаточнымъ, чтобы два полноправныхъ свидѣтеля скрѣпили договоръ и нотаріусъ утвердилъ его, засвидѣтельствовавъ, что одна изъ сторонъ не подписала его по безграмотству. На этомъ основаніи каждый польскій помѣщикъ, пользуясь своею патримоніальною властью и тѣмъ всеобщимъ заговоромъ противъ крестьянъ, который существовалъ до сихъ поръ между шляхтою, могъ безъ труда добыть себѣ актъ добровольнаго съ крестьянами соглашенія, не обращаясь для того къ самимъ крестьянамъ. Такія добровольныя соглашенія имѣли дѣйствительно огромное примѣненіе на практикѣ, но указъ 19 февраля 1864 года, къ счастью, не призналъ за ними никакого значенія, если они не утверждены законнымъ порядкомъ. Во время управленія гражданской частью, маркизомъ Велепольскимъ въ 1862 году изданъ указъ о принудительномъ очиншеваніи; онъ допускалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеніе письменныхъ договоровъ домашнимъ порядкомъ, безъ всякаго особаго разсмотрѣнія и утвержденія оныхъ; нѣкоторые помѣщики воспользовались употребить во зло оказанное имъ этимъ указомъ довѣріе, а вспыхнувшіе вслѣдъ затѣмъ беспорядки въ краѣ помѣшали этимъ

злоупотребленіямъ обнаружиться. Къ счастью, время, благоприятное для распространенія подобныхъ добровольныхъ соглашеній, продолжалось очень недолго. Указъ 19 февраля положилъ имъ конецъ; точно такія же притѣсненія, обманы и подлоги встрѣчала крестьянская комиссія при разборѣ жалобъ крестьянъ на отборъ сервитутовъ и просьбъ огородниковъ и другихъ малоземельныхъ крестьянъ. Учредительный Комитетъ требовалъ, чтобы всѣ эти жалобы разбирались крестьянскою комиссіею юридически, принципиально; чтобы отдѣльные выдающиеся случаи собирались въ одну общую массу, и на основаніи этихъ разборовъ Учредительный Комитетъ издавалъ руководящія правила для разрѣшенія ихъ.

Не было почти ни одного имѣнія, гдѣ крестьяне не жаловались на тяжесть повинностей, платимыхъ въ пользу помѣщиковъ, ксендзовъ, ихъ крайнюю неуравнительность и запутанность. Повсемѣстны были также жалобы крестьянъ, и особенно дворовыхъ слугъ, на побои и тѣлесныя наказанія со стороны помѣщиковъ, управителей и арендаторовъ. До того времени законъ предоставлялъ каждому землевладѣльцу, домохозяину патримоніальную власть наказывать своихъ слугъ не свыше 16 ударовъ розогъ. Такъ какъ съ уничтоженіемъ патримоніальной юрисдикціи судебнаго полицейскаго разбирательства проступковъ перешло къ выборнымъ гминнымъ властямъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено право помѣщиковъ чинить какія бы то ни было наказанія крестьянамъ.

Понятно, что такой открытый переходъ отъ полнаго безправія къ новому спокойному, твердому устройству ихъ не могъ не повліять благоприятно на польскихъ крестьянъ. Они встрѣчали всѣ дѣйствія и распоряженія крестьянской комиссіи съ необыкновеннымъ радушіемъ и восторгомъ, какъ явное доказательство, что Высочайшіе указы не остаются мертвою буквою, а примѣняются въ дѣйствительности. Повсюду крестьяне выражали благодарность Царю не только за благодѣтельные указы, но и за то, что они приводятся въ исполненіе русскими, а не польскими чиновниками. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что въ глазахъ крестьянъ новая реформа получила особенное значеніе именно потому, что вводится не шляхтою. Калишская комиссія была поражена, что народъ названіе *поляковъ* примѣняетъ преимущественно къ повстанцамъ, бунтовщикамъ изъ шляхты, и вообще къ другимъ сословіямъ, но никогда къ крестьянамъ. И не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ всѣми чувствами своими народъ причисляетъ себя къ другой

(русской) націи, а не къ той, которая до сихъ поръ называла себя Польшою и систематически мучила, истязала ихъ крестьянъ.

Весьма понятно, что эта нація встрѣтила крестьянскую комиссію не съ тѣмъ чувствомъ радости, съ какимъ привѣтствовалъ ее народъ. Нельзя было ожидать, чтобы шляхта уступила свое исчезающее вліяніе безъ борьбы. Первое время крестьянской комиссіи приходилось бороться не только съ злонамѣренными слухами и клеветою, старавшимися ослабить ихъ вліяніе комиссіи на народъ и очернить ихъ законныя дѣйствія, но даже съ открытымъ неисполненіемъ Высочайшихъ Указовъ. Такъ, права малоземельныхъ крестьянъ почти повсемѣстно найдены нарушенными и послѣ обнародованія Указовъ; крестьяне жили до самаго прибытія Калишской комиссіи на мѣсто, продолжали отбывать барщину. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ чинши были взысканы съ крестьянъ еще въ апрѣлѣ 1864 года, въ другихъ отобраны сервитуты или строенія, обмѣнены земли, жилища. На вопросъ Калишской комиссіи: читали ли владѣльцы имѣній Высочайшіе Указы, и на какомъ основаніи нарушили ихъ? получились весьма оригинальные отвѣты. Иные отвѣчали, что не читали, потому что у нихъ глаза слабы; другіе — потому, что Указъ объявленъ народу, а не имъ, помѣщикамъ; газетъ же, гдѣ Указъ напечатанъ, они не выписываютъ. Нерѣдко также встрѣчалось противодѣйствіе со стороны судебной власти, мѣстныхъ чиновниковъ, адвокатовъ, трибунала, напримѣръ разрѣшать поземельные иски и отчуждать отъ крестьянъ земли, не обращая вниманія на Указы 19 февраля, какъ будто ихъ вовсе и не существовало; адвокаты пытались запугивать крестьянъ уголовными исками; полицейскіе судьи присуждали крестьянъ къ огромнымъ штрафамъ; лѣсные чиновники перестали продавать имъ топливо. Всѣ такіе случаи открытаго сопротивленія устранялись Учредительнымъ Комитетомъ и мѣстною военною властью, до свѣдѣнія которой Калишская комиссія тотчасъ доводила ихъ. Гораздо труднѣе представлялась борьба съ тѣмъ искреннимъ или притворнымъ непониманіемъ Указовъ, которое встрѣчалось на каждомъ шагу. Они оспаривали ясно выраженные законы и отнимали у комиссіи множество времени своими безцѣльными опроверженіями, протестами. Нѣкоторые, къ сожалѣнію, очень немногіе, помѣщики сразу стали въ правильное отношеніе къ реформѣ и безпрекословно подчинились указамъ. Это были самые предусмотрительные люди, которые давно указывали своимъ соплеменникамъ на не-

обходимость покончить съ крестьянскимъ вопросомъ, но голоса которыхъ заглушались болѣе своекорыстною шляхтою. Примѣру благоразумныхъ лицъ, мало-по-малу, волей и неволей, стали слѣдовать помѣщики съ практическимъ взглядомъ на вещи, разсчитавшіе, что гораздо выгоднѣе сразу покончить счеты съ крестьянами, пользуясь содѣйствіемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, чѣмъ дожидаться принудительнаго разсчета. Но большинство все еще слѣдуетъ старымъ привычкамъ, продолжая оспаривать у крестьянъ каждое ихъ право и считая какъ бы священнымъ долгомъ обжаловать каждое рѣшеніе комиссаровъ и комиссіи, какъ бы очевидна ни была его законность. Приходится тратить часы на увѣреніе просителя, что жалоба его не имѣетъ никакого смысла, что самъ же онъ въ этой жалобѣ признаетъ, что комиссаръ поступалъ на точномъ основаніи статьи закона. „Я ничего не имѣю возразить противъ этого, продолжаетъ спорить проситель, дѣйствительно въ Указѣ есть статья, которую комиссаръ привелъ въ исполненіе; но есть другая статья, предоставляющая мнѣ право жаловаться на комиссара. Комиссаръ исполняетъ свою статью, а я держусь моей“. Понятно, что подобные казуисты не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы какъ можно болѣе затруднить дѣйствія комиссіи, и распространять о ней самыя неблагопріятныя слухи. Этотъ образъ дѣйствій извѣстной части польскаго населенія становится совершенно понятнымъ, если принять въ соображеніе стремленіе землевладѣльцевъ сохранить за собою неправильно захваченное, да сверхъ того досаду на потерянное безвозвратно матеріальное преобладаніе надъ другимъ сословіемъ, а равно надежду возвратить его при разчетѣ на предполагаемое послабленіе правительства, и наконецъ политическое огорченіе по поводу неудавшагося возстанія. Труды Калишской крестьянской комиссіи были очень тяжки, особенно въ первое время.

Прибывъ въ незнакомый и враждебный край, Калишская комиссія открыла въ немъ свои дѣйствія среди не совсѣмъ еще прекращенныхъ беспорядковъ, когда революціонныя страсти, вслѣдствіе рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ мятежникамъ со всѣхъ сторонъ, находились въ крайне раздраженномъ состояніи, но вѣра въ могущество попавшаго въ руки полиціи *народнаго жонда* не успѣла погаснуть въ нѣкоторыхъ слояхъ общества; еще издѣлія подземной печати, объявлявшія скорое изгнаніе москалей, продолжали ходить по рукамъ и раздувать кичливость легковѣрной шляхты, какъ уже комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, избранныя изъ чистыхъ москалей, развѣвжали

по селамъ и торжественно провозглашали народу, что власть надъ нимъ шляхты окончилась безвозвратно, и что указы 19 февраля будутъ приведены въ исполненіе во что бы то ни стало. Легко представить себѣ силу ненависти, съ какою встрѣтила комиссію одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, и весь объемъ надеждъ, возбужденныхъ ею въ другой. При такихъ условіяхъ пришлось Калишской комиссіи вступить въ новый для нея, невообразимо сложный міръ поземельныхъ отношеній, запутанныхъ многосторонними, застарѣлыми злоупотребленіями.

Разбирая эти жалобы, Калишская комиссія должна была все время собирать по нимъ необходимыя данныя, внимательно изучать мѣстные обычаи и порядки, мѣстный говоръ крестьянъ и тяжелый языкъ польскихъ официальныхъ документовъ, разъяснять крестьянамъ ихъ дѣйствительныя права, сдерживать ихъ преувеличенныя надежды, предпринимать быстрыя и рѣшительныя мѣры къ точному исполненію указовъ. Крестьянскія громады провожали комиссію отъ одной деревни до другой, не давая ей покоя ни днемъ, ни ночью, умоляя поскорѣе выдать имъ *децизію* (рѣшеніе) на ихъ просьбу. При этомъ члены Комиссіи подвергались всѣмъ неудобствамъ и лишеніямъ кочевой жизни. Останавливаться на фольваркахъ они не могли, какъ потому, что не желали пользоваться гостепріимствомъ сословія, изъ котораго столь многія лица, еще такъ недавно, открыто извергали всевозможныя хулы на русскихъ, такъ и потому, что при чрезвычайно натянутыхъ отношеніяхъ, понятныхъ только въ Польшѣ, крестьяне тотчасъ потеряли бы довѣріе къ новымъ правительственнымъ агентамъ, если бы замѣтили ихъ сближеніе съ крамольной шляхтою.

Останавливаясь по большей части въ корчмахъ, гминныхъ канцеляріяхъ и, въ крайнемъ случаѣ, у ксендзовъ, члены Калишской комиссіи всегда разбирали жалобы на открытомъ воздухѣ, въ присутствіи всей крестьянской громады, и когда уходили въ комнату для взаимныхъ совѣщаній и написанія рѣшенія, вынуждены были ставить у дверей часовыхъ, чтобы никого не пускать туда. Безъ этой предосторожности многіе помѣщики, хорошо зная, до какой степени всякое интимное отношеніе къ членамъ комиссіи можетъ возбудить подозрѣніе крестьянъ, нарочно, въ виду ихъ, входили безъ приглашенія въ комнату, гдѣ помѣщались члены комиссіи. Въ другихъ случаяхъ они заговаривали съ ними на французскомъ языкѣ; во время самого разбора жалобы расточали любезности, приглашали къ себѣ, или, наконецъ, въ той самой корчмѣ, подлѣ которой соби-

рались крестьяне въ ожиданіи пріѣзда комиссіи, готовили для членовъ комиссіи завтраки, шампанское. Надо было защищаться отъ такихъ навойливыхъ любезностей, не оскорбляя однако общихъ правилъ вѣжливости.

Надо при этомъ вспомнить, что за исключеніемъ военной власти, оказывавшей комиссіи полное вниманіе и содѣйствіе, она встрѣчала непрерывно явное и тайное противодѣйствіе; если ко всему этому присовокупить массу клеветы, неизбежно сопутствующей каждому русскому дѣятелю въ Польшѣ, той закоренѣлой, фанатической клеветы, которою повидимому былъ наполненъ тамъ самый воздухъ; словомъ, если дѣятелямъ въ этомъ краѣ вспомнить жизнь, полную непрерывнаго труда, замкнутую въ небольшой кружокъ сослуживцевъ, обязанныхъ быть взыскательными къ самимъ себѣ и другъ къ другу-то нельзя не согласиться, что жизнь членовъ Калишской комиссіи была трудовая, требовала много выдержки, характера.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною при Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я узналъ все это изъ устныхъ докладовъ, производимыхъ тамъ въ моемъ присутствіи пріѣзжими предсѣдателями крестьянскихъ комиссій, изъ просматриваемыхъ мною документовъ и изъ частныхъ разговоровъ съ членами разныхъ крестьянскихъ комиссій. Теперь пришлось мнѣ испытать всѣ эти трудности на себѣ лично.

На другой день, въ условленное время, мы собрались въ канцеляріи Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, и я официально вступилъ въ должность предсѣдателя ея. Присутствовали я, Раговинъ, Рычковъ. Я объяснилъ двумъ моимъ товарищамъ, что, рассматривая полтора мѣсяца представленныя изъ Калишской комиссіи ликвидаціонныя табели, я освоился съ ходомъ дѣла въ этой комиссіи; отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ трудолюбію, любви къ дѣлу членовъ комиссіи. Въ Центральной комиссіи было однако не утверждено и возвращено въ Калишскую комиссію значительное число ликвидаціонныхъ табелей, по разнымъ, въ сущности незначительнымъ причинамъ: неясности изложенія нѣкоторыхъ протоколовъ, черезчуръ явнаго стремленія комиссіи рѣшать сомнительные споры въ пользу крестьянъ; только нѣсколько табелей возвращены по недостаточному разслѣдованію дѣла комиссарами. Я предложилъ начать нашу работу съ разсмотрѣнія этихъ возвращенныхъ табелей. Какъ на грѣхъ, первая ликвидаціонная табель, за которую мы взялись, была именно съ краснорѣчивымъ, но очень бевтолковымъ протоколомъ Раговина. Самолюбіе его было

задѣто за живое; онъ кипятился, доказывалъ ясность изложенія. Я высказалъ ему, что съ высшей инстанціей спорить неудобно, и заставить ее признать яснымъ то, что десять членовъ ея признали плохо изложеннымъ, невозможно, а надо изложить дѣло иначе. Рагозинъ разобидѣлся, сказалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ производить эту работу второй разъ изъ-за капризовъ членовъ Центральной комиссіи. Видя, что онъ уперся, и его не переубѣдишь, я отложилъ табель и сказалъ: изъ настоящей бесѣды нашей и разъясненій Н. П. Рагозина я понялъ теперь суть дѣла и прошу выслушать докладъ мой объ этомъ, чтобы убѣдиться, правильно ли понялъ я дѣло. Они признали изложеніе мое вѣрнымъ; тогда я сказалъ, что къ завтрашнему засѣданію нашему я изложу его письменно. Если члены согласятся съ изложеніемъ моимъ, мы подпишемъ протоколъ и пошлемъ его на заключеніе Центральной комиссіи; по моему убѣжденію, дѣло не требуетъ никакого дополнительнаго разслѣдованія. Мы перешли къ разсмотрѣнію прочихъ возвращенныхъ ликвидаціонныхъ табелей; я конечно выбиралъ такія, гдѣ не было протоколовъ Рагозина, чтобы не раздражать его еще больше.

При разсмотрѣніи ликвидаціонной табели, въ которой Центральная комиссія признала неправильную натяжку въ пользу крестьянъ, Рагозинъ опять заспорилъ. Рычковъ заявилъ, что хотя онъ подписалъ протоколъ разсмотрѣнія этой ликвидаціонной табели, но какъ скоро Центральная комиссія признала рѣшеніе Калишской комиссіи неправильнымъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ не подчиняться постановленію высшей инстанціи, и подчиняется ея указаніямъ. Я поручилъ ему собрать необходимыя справки и составить къ слѣдующему засѣданію нашему новый докладъ, если въ канцеляріи комиссіи есть достаточно данныхъ для новаго разрѣшенія дѣла; въ противномъ случаѣ, направить дѣло къ комиссару для дополнительнаго разслѣдованія. Нѣсколько такихъ ликвидаціонныхъ табелей я передалъ Рагозину, для подобнаго же направленія ихъ. Я объяснилъ ему, что свое личное несогласіе съ мнѣніемъ большинства онъ можетъ оговорить въ протоколѣ, но отказаться отъ исполненія поручаемой ему работы онъ не имѣетъ права.

Подчиняясь этому моему требованію, онъ заявилъ, что до сихъ поръ въ Калишской комиссіи дѣла рѣшались въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ комиссіи, то-есть при полномъ собраніи всѣхъ комиссаровъ, а потому удобно ли рѣшать дѣла завтра въ отсутствіи комиссаровъ. Я разъяснилъ ему, что Центральная комиссія обратила вниманіе на это и въ лицѣ М. П. Гор-

лова поручила мнѣ разъяснить членамъ Калишской комиссіи, что это расточительная трата силъ и времени комиссаровъ. Подобныя общія засѣданія полезны и даже необходимы для обсужденія какихъ-либо общихъ затруднительныхъ вопросовъ, а не для разсмотрѣнія каждой провѣренной ликвидационной таблицы. Членъ, завѣдывающій дѣлами Учредительнаго Комитета, Я. А. Соловьевъ, поручилъ мнѣ вызывать по очереди, для присутствованія въ засѣданіяхъ Калишской комиссіи, по одному комиссару, и избѣгать сбора всѣхъ комиссаровъ; это отвлекаетъ ихъ отъ прямого ихъ дѣла, занятій въ предѣлахъ ихъ участковъ. Мы тутъ же распредѣлили засѣданія Калишской комиссіи на двѣ недѣли впередъ, и я назначилъ, кому изъ комиссаровъ засѣдать въ каждомъ изъ этихъ засѣданій, и имъ послали повѣстки о томъ. На первое засѣданіе, на слѣдующій день, былъ вызванъ комиссаръ I участка, жившій въ Калишѣ, князь Николай Николаевичъ Голицынъ.

Прямо изъ засѣданія я пошелъ познакомиться съ княземъ Голицынымъ. Рычковъ объяснилъ мнѣ, что онъ живетъ въ одномъ домѣ съ нимъ, и мы пошли туда вдвоемъ. Князь Н. Н. Голицынъ былъ очень умный и оригинальный человекъ. Я зналъ его старшаго брата музыканта, который въ то время завелъ хоръ пѣвцовъ по образцу Славянскаго. Я слышалъ этотъ хоръ въ Москвѣ, въ Павловскѣ, и тамъ познакомился съ этимъ талантливымъ музыкантомъ; онъ самъ дирижировалъ хоромъ на концертахъ. Князь Николай Николаевичъ обладалъ не меньшими способностями, но направилъ свой умъ и дѣятельность на другой путь. Онъ былъ литераторъ, гдѣ-то что-то писалъ; онъ не посвятилъ себя однако же вполне литературѣ, а какъ курскій помѣщикъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій у курскаго губернатора Дена, былъ кандидатомъ мирового посредника, исполнялъ должность мирового посредника; ему было лѣтъ тридцать. Наградивъ его умомъ, талантами, природа обидѣла его физически: отъ болѣзни одна нога его была обезображена, онъ ходилъ на костыляхъ; а костыли изуродовали весь станъ его. Лицо у него было некрасивое, но умное, пріятное. Человекъ онъ былъ небогатый, но баринъ въ душѣ.

Съ нимъ и съ Рычковымъ у меня оказалось много точекъ соприкосновенія; оба помѣщики, изъ образованнаго круга, оба любители литературы, много читали; нашлись общіе знакомые. Живя въ одномъ домѣ, рядомъ, они вели общее хозяйство; они пригласили меня отобѣдать съ ними. Мы разговорились, дошли конечно до дѣлъ комиссіи, и я узналъ у нихъ о существованіи

въ Калишской комиссіи двухъ партій, консервативной и либеральной. Рычковъ, князь Голицынъ были членами консервативной партіи; Рутценъ, Рагозинъ и за ними большинство комиссаровъ были либералы. Вся сущность либерализма ихъ была очень наивная, односторонняя и состояла: въ рѣшеніи каждаго спорнаго дѣла между помѣщиками и крестьянами, во что бы то ни стало, въ пользу крестьянъ, а въ спорѣ поляка съ русскимъ полякъ долженъ быть всегда виноватъ. Всѣ эти добродушные люди были яркими монархистами, безусловными вѣрноподданными, добрыми христіанами, всѣ православные, ненавистники католицизма. Въ числѣ ихъ было три нѣмца: Фрейлебенъ, баронъ Розенъ и Грюнеръ, но и эти признавали себя вполне русскими. Либеральное направленіе шло исключительно отъ Рутцена; своимъ умомъ, образованіемъ, опытною и сильнымъ характеромъ онъ подчинилъ себѣ всю молодежь и старика Грюнера, и тѣ повторяли слѣпо, слово въ слово, его вѣрованіе. Остались самостоятельными Рычковъ, князь Голицынъ, Фрейлебенъ. Рычковъ и князь Голицынъ увѣряли меня, что всегда спорили съ Рутценомъ, указывали въ засѣданіяхъ ошибки Калишской комиссіи, теперь указанная ей и Центральной комиссіей, но не протестовали официально, не подавали отдѣльныхъ мнѣній, изъ духа товарищества.

Вечеромъ, дома, я занялся передѣлкой Рагозинскаго протокола; сократилъ его, упростилъ и написалъ на двухъ страницахъ, что онъ растянулъ на пять страницъ. На другой день, въ засѣданіи, я прочиталъ написанное мною. Добродушный, честный Рагозинъ призналъ, что такъ дѣйствительно лучше; всѣ четверо присутствовавшихъ подписали его, и дѣло кончилось. Нѣсколько ликвидационныхъ табелей послали комиссарамъ для подготовительнаго разслѣдованія; большинство же удалось исправить въ комиссіи. Покончивъ съ ними, мы разобрали остальные возвращенныя изъ центральной комиссіи ликвидационныя табели; Рагозинскіе протоколы передѣлывать я взялъ на себя.

На слѣдующія засѣданія постепенно являлись все новые комиссары, и я познакомился такимъ образомъ со всѣми ими. Пожилыхъ было два—Фрейлебенъ и Грюнеръ; остальные всѣ были молодые люди, отъ 25 до 30 лѣтъ. Всѣхъ комиссаровъ въ Калишской комиссіи было десять; пятеро были офицеры, пятеро гражданскіе чиновники. Калишская комиссія была самая большая изъ всѣхъ крестьянскихъ комиссій въ Царствѣ; больше ея была только Августовская комиссія, въ которой было 12

участковъ. Ознакомившись съ комиссарами, я пришелъ къ отрадному убѣжденію, что въ числѣ ихъ есть нѣсколько чело- вѣкъ съ выдающимися способностями, что всѣ они честные, благородные люди, работаютъ усердно, любятъ свое дѣло, пре- даны ему всею душою. Ошибки ихъ происходили отъ избытка усердія, отъ того, что они не вѣрно понимали, въ чемъ именно должна выражаться ихъ защита интересовъ крестьянъ. Я объяснилъ имъ, что Учредительный Комитетъ, руководящій всѣмъ дѣломъ переустройства Царства Польскаго, поставилъ основнымъ правиломъ дѣятельности крестьянскихъ комиссій полную, постоянную законность дѣйствій. Наказаніе мятежныхъ повстанцевъ, всей враждебно настроенной къ правительству и русскимъ людямъ шляхты, Учредительный Комитетъ предо- ставилъ администраціи, военнымъ властямъ, суду. Крестьянскія учрежденія — центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, мѣстныя крестьянскія комиссіи не касаются политической благо- надежности лицъ, дѣла которыхъ онѣ разбираютъ, а только опре- дѣляютъ гражданскія, имущественныя дѣла тѣхъ лицъ. Уго- ловные, политическіе поступки ихъ не подлежатъ вѣдѣнію комиссаровъ, помѣщикъ можетъ быть повстанецъ, уголовный преступникъ, но когда разсматривается жалоба крестьянъ, что онѣ занялъ ихъ пустку, лишилъ ихъ сервитута, и жалоба эта оказывается неосновательной, комиссаръ обязанъ отказать кре- стьянамъ въ искѣ ихъ и оставить этому повстанцу, уголовному преступнику оспариваемую у него землю, сервитутъ. На пер- вый взглядъ такой образъ дѣйствій показался членамъ Ка- лишской комиссіи не патриотичнымъ, несправедливымъ; они ви- дѣли въ этомъ поддержку полонизма, безнаказанность револю- ционныхъ дѣйствій; но, вдумываясь въ сущность дѣла, они мало-по-малу, одинъ за другимъ, сознали правильность этого основного правила и подчинились ему.

Черезъ мѣсяць, по распоряженію Н. А. Соловьева, данному мнѣ при отправкѣ моей въ Калишь, я донесъ о положеніи дѣла въ Калишской комиссіи. Я написалъ ему, что весь личный составъ комиссіи прекрасный, что споры и рознь между членами комиссіи, замѣченныя Центральною комиссіей, происходили не отъ личныхъ столкновеній, а отъ излишняго увлеченія дѣломъ нѣкоторыхъ членовъ. Я разъяснилъ имъ ошибочность ихъ увле- ченій, они сознали ее, и я буду наблюдать, чтобы этой розни не было. Соловьевъ остался очень доволенъ моимъ донесеніемъ и выразилъ полное одобреніе моему образу дѣйствій.

Обращая главное вниманіе на правильное направленіе дѣлъ въ Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я въ свободные часы, мало-по-малу, устроилъ и свою частную жизнь. Шляхетство признало однимъ изъ средствъ насолить русскимъ людямъ, чиновникамъ, отравить имъ жизнь въ Польшѣ, отбсняя ихъ во всемъ нужномъ для существованія, для удобства. Народовый жондъ запретилъ отдавать въ наймы квартиры русскимъ чиновникамъ. Въ первые дни существованія Калишской комиссіи это распоряженіе революціоннаго подпольнаго правительства дѣйствительно поставило членовъ комиссіи въ очень затруднительное положеніе. Военные начальники, всегда во всемъ поддерживавшіе, сдѣлали тотчасъ распоряженіе объ отводѣ членамъ крестьянской комиссіи квартиръ постоемъ. По требованію моему, магистратъ города Калиша отвелъ мнѣ прекрасную квартиру. Я купилъ у нѣмца столяра необходимую мебель и переехалъ изъ гостиницы Пешке въ свою квартиру. Прислугу, лакея, я привезъ изъ Смоленской губерціи, кухарку мнѣ нашли нѣмку, очень хорошую женщину; близость Прусской границы дѣлала возможнымъ подборъ прислуги изъ нѣмцевъ.

По прїѣздѣ моемъ въ Калишъ, я сдѣлалъ визиты лицамъ, занимавшимъ высшіе служебные посты. Начальства въ Калишѣ у меня не было никого, и я навѣстилъ ихъ какъ равный. Такихъ лицъ въ Калишѣ было двое: начальникъ пѣхотной дивизіи, расположенной въ Калишѣ, генералъ-лейтенантъ Бельгардъ (онъ исполнялъ одновременно должность военнаго начальника этой мѣстности), и полковникъ генеральнаго штаба князь Щербатовъ, который былъ гражданскимъ начальникомъ этой мѣстности. Съ генераломъ Бельгардомъ я не былъ знакомъ, но прекрасно зналъ его по гвардіи, гдѣ онъ командовалъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіей, это былъ боевой генералъ, кавказецъ.

Офицеръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, онъ въ молодыхъ лѣтахъ, по своей охотѣ, повхалъ на службу на Кавказъ и провелъ тамъ полжизни въ боевой Кавказской обстановкѣ. Въ 1855 году, на Дунаѣ, онъ командовалъ кажется бригадой, отличился съ этой бригадой въ отчаянной битвѣ съ турками, задержалъ переправу ихъ черезъ Дунай при Четати; получилъ гвардейскую дивизію, но командовалъ ею не долго. Кажется, у него вышло столкновение съ шефомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и онъ, разобиженный, вышелъ въ отставку. Служа тогда въ гвардіи, я зналъ эту исторію; гвардія оправдывала

Бельгарда. Отставной генераль, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ у него былъ собственный домъ; какъ богатый человекъ, появлялся вездѣ и держалъ себя гордо. Когда въ Польшѣ разгорѣлось повстанье, туда двинули войска, Бельгардъ предложилъ свои услуги. Какъ опытнаго, боевого генерала, его конечно тотчасъ приняли, дали ему дивизію и послали въ Калишъ. Зная все это, я очень охотно пошелъ представиться Карлу Александровичу. И высказалъ ему, что знаю его прошлое, уважаю его; онъ принялъ меня очень радушно; познакомилъ съ своею семьею, и у насъ завязались дружескія отношенія.

Князя Александра Петровича Щербатова я зналъ съ производства его въ гвардію офицеромъ. Когда, окончивъ курсъ Военной Академіи, онъ поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ, я часто сталкивался съ нимъ и въ обществѣ, и по службѣ. Это былъ свѣтскій человекъ, образованный, веселый, душа общества. Когда князь Александръ Петровичъ появлялся въ гостиной, бесѣда оживлялась, онъ овладѣвалъ разговоромъ, дамы любили слушать его острия, часто колкія шутки. Мы встрѣтились въ Калишѣ какъ старые знакомые. Онъ недавно женился на М. Н. Деревницкой, очень красивой, образованной дѣвицѣ. У нея была оригинальная особенность: замѣчательно высокій для женщины ростъ; кажется, около 2 аршинъ 11 вершковъ. Къ счастью, она была прекрасно сложена, худощавая, съ маленькою очень красивой головкой, маленькими руками и ногами; это скрывало величину ея роста и всѣ любовались ею. Князь познакомилъ меня со своею женою; тутъ образовался для меня второй дружескій, семейный домъ.

Въ Калишѣ стояли пѣхотный Шлиссельбургскій полкъ и пѣшая артиллерійская батарея. Командиры полка и батареи не подходили къ моимъ понятіямъ и вкусамъ, и у насъ не завязалось ничего, кромѣ полуофициальныхъ отношеній. Этими людьми и ограничивался въ ту минутѣ весь составъ русскаго населенія города. К. Л. Бельгардъ, князь А. П. Щербатовъ, Рагозинъ, Рычковъ, князь Голицынъ составляли кружокъ, въ которомъ я прожилъ много лѣтъ, все время моей службы въ Калишѣ.

Калишъ былъ тогда уѣздный городъ Варшавской губерніи. Онъ расположенъ въ двухъ верстахъ отъ Прусской границы; это самая западная точка Русской Имперіи, врѣзавшаяся въ Пруссію. Черезъ городъ протекаетъ рѣка Просна; она не широка, но многоводна и быстра. Отъ Варшавы до Калиша идетъ прекрасное, старинное шоссе. Городъ этотъ не большой; въ немъ тогда было около 15.000 жителей, исключительно поляковъ; были

еврей, но не много; поляки держали ихъ въ черномъ тѣлѣ; нѣмцевъ, несмотря на близость границы Германіи, было очень мало. Городокъ былъ чистенькій, весь застроенъ каменными домами, большею частью двухъ-этажными, торговли, промышленности не было; были только магазины для удовлетворенія неприхотливыхъ потребностей мѣстныхъ жителей. Фабрика была одна, суконная, Репгана. Дѣла этой фабрики были сильно подорваны повстаніемъ, и она почти бездѣйствовала. Въ городѣ было нѣсколько католическихъ монастырей и костеловъ. Большая часть монастырей была закрыта за участіе въ повстаніи, зданія ихъ конфискованы и заняты войсками; остались сохранными, кажется, только два мужскихъ монастыря. Самое большое и красивое зданіе былъ дворецъ. Въ немъ помѣщалась нѣкогда іезуитская коллегія; при изгнаніи іезуитовъ, зданіе это было конфисковано; въ немъ помѣстили школу военныхъ подпоручиковъ польскихъ войскъ. Школа эта участвовала въ революціи 1830 года, была закрыта. Часть занятаго школою зданія была обращена въ казармы для русскихъ войскъ, занявшихъ Калишъ; другая часть зданія, болѣе красивая и нарядная, отдѣлана для пріѣзда Императора Александра I. Здѣсь онъ принималъ прусскаго короля во время знаменитыхъ маневровъ въ окрестностяхъ Калиша. Въ воспоминаніе этихъ маневровъ, передъ дворцомъ воздвигнутъ памятникъ, въ видѣ высокой четырехгранной пирамиды. Въ 1866 году два верхніе этажа дворца пустовали; низшій этажъ занятъ былъ казначействомъ. Въ память императора Наполеона I, очень красивая тѣнистая аллея, устроенная въ городѣ, названа Жозефинскою, какъ называлась первая супруга Наполеона. Украшеніемъ Калиша былъ прелестный паркъ, расположенный подлѣ самаго дворца, на берегу рѣки.

Онъ заросъ старинными громадными деревьями; аллеи его состояли изъ столѣтнихъ тополей, и развѣсистыхъ березъ. Въ паркѣ была кондитерская, около которой, по вечерамъ, собирались гуляющіе. Въ городѣ не было театра, клуба, никакого общественнаго собранія. Какъ жили, развлекались при такихъ условіяхъ мѣстные жители—не знаю; но для русскихъ людей жизнь въ этомъ мертвомъ городѣ была тяжела. На улицахъ движеніе было слабое; извозчиковъ вовсе не было; кто и куда могъ тутъ ѣхать? разстоянія были такъ малы, что всѣ передвиженія дѣлались пѣшкомъ. Городъ былъ, однако, вымощенъ и улицы содержались чисто.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, мы, русскіе, усердно занимались дѣломъ. Наше общество, Калишская ко-

миссія по крестьянскимъ дѣламъ, оживлялось 20-го числа каждаго мѣсяца, когда комиссары прѣзжали въ Калишъ получить жалованье. Они уговаривались обыкновенно съѣзжаться туда одновременно, чтобы повидаться и немного оживиться въ товарищескомъ кружкѣ.

Мои отношенія къ нимъ сдѣлались очень быстро дружескими, товарищескими. Они поняли, что я люблю крестьянское дѣло, даже больше ихъ, знаю его основательно, берегу его, не стѣсняю ихъ ни въ чемъ, требую только то, что требуютъ законъ, Центральная комиссія.

Для разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ, или такихъ, которые комиссаръ затруднялся рѣшить единолично, посылались на мѣсто отдѣленія крестьянской комиссія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комиссія, или его товарища. Я сдѣлалъ нѣсколько такихъ поѣздокъ, чтобы ознакомиться съ мѣстными понятіями и обычаями; но большею частью, поручалъ эти поѣздки моимъ товарищамъ. Они любили эти поѣздки, какъ развлеченіе въ однообразной жизни ихъ, какъ отвлеченіе отъ занятій въ канцеляріи комиссія. А я считалъ, что мое присутствіе полезно въ Калишѣ, гдѣ я внимательно провѣрялъ ликвидаціонныя таблицы, представленныя комиссарами, и разбиралъ всѣ жалобы, представляемыя на ихъ дѣйствія.

Эти жалобы были черною точкою, мученіемъ дѣятельности крестьянской комиссія. Каждое дѣйствіе, каждое постановленіе комиссара или комиссія систематически обжаловывалось помѣщиками, шляхтою; $\frac{9}{10}$ этихъ жалобъ было неосновательно. Подавая ихъ, помѣщики очень хорошо сознавали это, но дѣлали, чтобы затруднить дѣйствія комиссія, отнять у нея время, надѣсть ей, сбить ее съ толку. Жалобы подавались письменно и словесно. Каждый день, около 11 часовъ утра, въ пріемной канцеляріи было нѣсколько такихъ жалобщиковъ. Большинство изъ нихъ могло прекрасно объясняться по-русски, но упорно говорили по-польски, чтобы затруднить меня. Я свободно говорилъ по-французски, по-нѣмецки, я спрашивалъ ихъ: не могутъ ли они объяснить свое дѣло на одномъ изъ этихъ языковъ. Очень рѣдко они соглашались на это, и если дѣлали это, то не изъ любезности, не изъ желанія помочь мнѣ, а изъ тщеславія, чтобы показать, что знаютъ не хуже меня эти языки. Но истинною за язвою были жалобщицы—польскія дамы. Онѣ являлись съ полною увѣренностью ошеломить меня своею красотою, кокетствомъ. Если такая жалобщица была не молода, не красива, она являлась къ сопровожденію какой-либо молодой, красивой

особы, которая, оставаясь въ роли статистки, молчала и должна была отвлекать мое вниманіе свою прелестью. Хотя я былъ молодъ, холостъ, козни этихъ дамъ оставались всегда непроизводительными; меня никогда не плѣняли польки; кокетство ихъ было мнѣ всегда непріятно.

Необходимость разбирать польскіе документы, представляемые при ликвидаціонныхъ табеляхъ и при разрѣшеніи разныхъ имущественныхъ споровъ, заставили меня изучать польскій языкъ. Я скоро настолько освоился съ нимъ, что свободно читалъ всѣ подаваемые мнѣ на польскомъ языкѣ прошенія, документы. Читалъ я все это не торопясь, справляясь иногда со словаремъ; но бѣглая разговорная рѣчь затрудняла меня. Я кое-какъ объяснялся съ крестьянами, благодаря тому, что они старались понять меня, помогали мнѣ. Въ сношеніяхъ же съ помѣщиками, особенно съ паннами, я возбудилъ недоумѣніе своихъ собесѣдницъ моими неудачными выраженіями, а иногда даже улыбки и смѣхъ. Чтобы избавиться отъ этого, я придумалъ слѣдующее: при Калишской комиссіи состоялъ молодой русскій чиновникъ, подготовлявшійся въ комиссары; по нашему русскому обычаю—кандидатъ мирового посредника (комиссара). Такіе чиновники были при всѣхъ крестьянскихъ комиссіяхъ, и ихъ почему-то прозвали *молодыми людьми*. Такого молодого человѣка, состоявшаго при Калишской комиссіи, благо онъ хорошо говорилъ по-польски, я возвелъ въ должность переводчика, при моихъ разговорахъ съ помѣщиками. Я поручалъ ему передавать жалобщикамъ-помѣщикамъ мой отвѣтъ, сказанный по-русски въ польскомъ переводѣ. Можно себѣ представить, какъ медлителенъ и затруднителенъ былъ такой способъ разговора. Молодой человѣкъ вѣдь тоже не Богъ знаетъ какъ говорилъ по-польски! На его ошибки поляки не улыбались, а сердились; а панны даже бранились, обижались. Я достигъ однако этимъ того, что польскіе разговоры сократились, чаще слышались русскія объясненія, или французскія и нѣмецкія.

Въ ноябрѣ я поѣхалъ въ Варшаву, для личнаго доклада Якову Александровичу Соловьеву о положеніи дѣла въ Калишской крестьянской комиссіи. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Радуюсь, что не ошибся, ввѣривъ вамъ Калишскую комиссію. Особенно пріятно, что вы такъ спокойно, безъ войны и борьбы, сумѣли подчинить своему нравственному авторитету членовъ этой комиссіи, успокоили ихъ и придали правильное направленіе ихъ дѣятельности.

Ему особенно пріятно было, что я призналъ возможнымъ

оставить всѣхъ комиссаровъ на мѣстахъ, не требовалъ ни удаленія, ни перемѣщенія кого-либо изъ нихъ. Онъ очень интересовался моими отношеніями къ Рагозину и Рычкову. Онъ отзывался очень хорошо о Рычковѣ, но совѣтовалъ не давать ему *возноситься*: „Онъ способный человѣкъ, но слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ!“ Онъ высказалъ мнѣ, что Рагозинъ недолго останется въ Калишской комиссіи, выйдетъ въ отставку. Самолюбіе его, несомнѣнно, очень оскорблено тѣмъ, что Соловьевъ не назначилъ его предсѣдателемъ комиссіи. Рутценъ настойчиво ходатайствовалъ о назначеніи Рагозина предсѣдателемъ Калишской комиссіи; онъ, Соловьевъ, помня безтолковыя работы Рагозина, его промахи, недовѣрчиво отнесся къ похваламъ Рутцена, вызвалъ его въ Варшаву.

— Вы помните нашу бесѣду за столомъ. Я убѣдился, что это человѣкъ безхарактерный, безъ опредѣленныхъ мнѣній, поетъ подъ чужую дудку. Онъ шатается самъ; какъ можетъ онъ направлять другихъ! Онъ никогда не будетъ предсѣдателемъ комиссіи! При случаѣ, разъясните ему это, отъ моего имени.

На мои похвалы князю Н. Н. Голицыну онъ отвѣтилъ:

— Да, онъ умный, способный человѣкъ, но лѣнтяй. Неужели онъ дѣйствительно работаетъ? и работы его основательны? Не хватаетъ ли онъ вершки? У него нѣтъ выдержки. Я знаю его по Курской губерніи. Мнѣ пришлось вникнуть тамъ въ одно его разслѣдованіе, порученное ему губернаторомъ Деномъ. Дѣло было серьезное; ничего онъ тамъ не понялъ, прозѣвалъ многое.

Разговоръ мой съ Горловымъ не касался личнаго состава, но онъ утѣшилъ меня извѣстіемъ, что всѣ исправленныя подъ личнымъ моимъ руководствомъ ликвидаціонныя табели, возвращенныя изъ Центральной комиссіи, теперь безспорно утверждены. Вновь представленныя ликвидаціонныя табели, просмотрѣнныя Калишской комиссіей подъ моимъ предсѣдательствомъ, проходятъ въ Центральной комиссіи гладко, всѣ утверждены. Центральная комиссія замѣтила, что теперь работы комиссаровъ Калишской комиссіи стали много основательнѣе; нѣтъ прежнихъ пристрастныхъ увлеченій.

Я провелъ въ Варшавѣ около недѣли; присутствовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Центральной комиссіи, много бесѣдовалъ съ членами, ободрился, укрѣпился духомъ и возвратился въ Калишъ съ хорошими вѣстями. Товарищи мои и всѣ комиссары были очень довольны, узнавъ, что работы ихъ заслужили полное одобреніе; возвращеніе ликвидаціонныхъ та-

белей въ былое время очень огорчало ихъ. Теперь они знали, какъ надо дѣйствовать съ полною увѣренностью, что работа ихъ не пропадетъ, что ихъ не заставятъ передѣлывать се.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссія въ 1867—1870 годахъ.

1867 годъ былъ роковой для бывшей автономіи Царства Польскаго. Декабря 19-го 1866 года Высочайшимъ Именнымъ Указомъ: „О новомъ устройствѣ губернскаго и уѣднаго управленій въ Царствѣ Польскомъ“ все прежнее гражданское устройство Царства уничтожено, а 1-го января 1867 года введено новое. Въ замѣну существовавшихъ пяти губерній, учреждено десять новыхъ губерній, въ томъ числѣ Калишская, съ губернскимъ городомъ въ Калишѣ. Произведено было также новое дѣленіе уѣздовъ; Калишская губернія раздѣлена на 8 уѣздовъ. Всѣ чиновники прежняго гражданского управленія уволены; назначены новые, преимущественно русскіе; дѣлопроизводство въ новыхъ учрежденіяхъ опредѣлено вести на русскомъ языкѣ. Затѣмъ, въ теченіе 1867 года, упразднены Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, всѣ Правительственныя Комиссіи, вѣдомства эти подчинены соответственнымъ министерствамъ Имперіи. Царство Польское вполнѣ вошло въ составъ русской Имперіи, лишилось послѣднихъ слѣдовъ своей бывшей самостоятельности, обращено въ однородныя со всѣми другими, русскія губерніи, управляемая по однимъ законамъ съ остальною имперіею.

Калишскимъ губернаторомъ былъ назначенъ князь А. П. Щербатовъ, вице-губернаторомъ Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ. Уѣздные начальники (исправники) опредѣлены исключительно русскіе, помощники ихъ, названные земскими начальниками, также русскіе; совѣтники Губернскаго Правленія наполовину русскіе; это допущено было въ виду незнакомства русскихъ чиновниковъ съ мѣстными законами и условіями жизни. Образовано было жандармское управленіе — конечно все изъ русскихъ людей.

1-го января 1867 года, послѣ обычной литургіи въ православной церкви, всѣ вновь назначенные чиновники, всѣ офицера расположенныхъ въ Калишѣ войскъ, всѣ русскіе гражданскіе чиновники, прежде водворенные на службу въ Царствѣ Польскомъ, въ томъ числѣ крестьянская комиссія въ полномъ

составѣ, собрались въ большомъ залѣ дворца. Вновь назначенный губернаторъ князь Щербатовъ прочиталъ Высочайшій Указъ 19-го декабря 1866 года, Высочайшія распоряженія о вновь назначенныхъ властяхъ, и объявилъ Калишскую губернію открытою. Отслуженъ былъ въ залѣ благодарственный молебенъ, новый губернаторъ принялъ поздравленіе отъ всѣхъ насъ съ совершившимся благополучно крупнымъ событіемъ, съ новымъ его личнымъ назначеніемъ, съ новымъ годомъ, съ новою жизнью, наступившею для всего Царства Польскаго.

Образованіе новыхъ губерній отразилось и на устройствѣ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Существовавшіе отдѣлы крестьянскихъ комиссій были преобразованы въ 10 комиссій, по числу губерній. Границы отдѣловъ крестьянскихъ комиссій были опредѣлены по границамъ новообразованныхъ губерній. Постановленіе Учредительнаго Комитета объ образованіи Калишской комиссіи въ новомъ составѣ состоялось 20 апрѣля 1867 г. Въ каждомъ изъ 8 уѣздовъ былъ назначенъ участковый комиссаръ; сверхъ того, въ виду обширности пространства и густого населенія Калишской губерніи, прибавлено крестьянской комиссіей еще два комиссара безъ участковъ, исключительно для ускоренія повѣрки ликвидационныхъ табелей. Въ личномъ составѣ Калишской комиссіи произошли при этомъ небольшія перемѣны. Отъ Калишской комиссіи отошелъ къ Петроковской комиссіи Ласскій уѣздъ, вошедшій въ составъ Петроковской губерніи. При этомъ переведенъ въ ту комиссію комиссаръ Стаховичъ, завѣдывавшій этимъ участкомъ, прекрасный дѣятель и товарищъ. Отъ Петроковской комиссіи сданъ былъ въ Калишскую Серадзскій уѣздъ, и переведенъ къ намъ комиссаръ, завѣдывавшій этимъ участкомъ. Варшавская комиссія передала намъ Ленчицкій уѣздъ и комиссара Стендерла. Передвиженія эти произошли очень быстро, спокойно, и нисколько не отразились на быстротѣ и правильности повѣрки ликвидационныхъ табелей. Въ теченіе 1867 года все вниманіе Калишской комиссіи было обращено на усиленную повѣрку ликвидационныхъ табелей, и она шла очень успѣшно.

Образованіе Калишской губерніи очень увеличило число русскихъ людей въ Калишѣ. Изъ новопривывшихъ особенно обратилъ на себя общее вниманіе вице-губернаторъ Рыбниковъ. Это былъ образованный, мыслящій человекъ, литераторъ. Онъ происходилъ изъ богатой московской купеческой семьи; отецъ его, милліонеръ, былъ кажется оптовымъ чайнымъ торговцемъ. Павелъ Николаевичъ не пожелалъ идти по слѣдамъ своего

отца. Онъ, кажется, былъ въ Московскомъ университетѣ, убѣжденный славянофилъ. Женатъ былъ онъ на баронессѣ Штемпель; у него были двѣ малютки дочери, красавицы. Надо сказать, что самъ Павелъ Николаевичъ былъ очень красивый мужчина, русскаго типа, съ черными глазами. Не помню, какъ и за что онъ былъ удаленъ изъ Московскаго университета, сосланъ въ Олонецкую губернію. Время этой ссылки онъ употребилъ съ большою пользою: онъ сталъ изучать населеніе Олонецкой губерніи, былъ пораженъ чистотою тамошняго русскаго типа населенія. Дальность обороняла эти мѣста отъ нашествій татаръ, поляковъ. Онъ сталъ записывать народныя преданія, пѣсни и составилъ свой замѣчательный „Сборникъ русскихъ былинъ“. Этотъ Сборникъ обратилъ на Рыбникова вниманіе русскаго образованнаго общества. Вина, за которую онъ былъ высланъ въ Олонецкую губернію, была такъ невелика, что друзьямъ его, славянофиламъ, удалось выхлопотать ему разрѣшеніе возвратиться въ Москву. Князь Черкасскій опредѣлилъ его къ себѣ на службу, въ Правительственную комиссію внутреннихъ дѣлъ и назначилъ вице-губернаторомъ въ Калишъ. Въ лицѣ Рыбникова нашъ небольшой русскій кружокъ получилъ блестящее приращеніе. Онъ сдѣлался очень быстро искреннимъ товарищемъ и пріятелемъ нашимъ.

Русское общество въ это время лишилось тоже нѣсколькихъ излюбленныхъ своихъ членовъ. Предсказаніе Соловьева, что Рагозинъ не долго останется на службѣ — оправдалось. Не прошла еще зима, какъ Николай Павловичъ, передъ началомъ служебныхъ занятій, пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ и подалъ мнѣ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Меня это очень огорчило. Я не исполнилъ порученія Соловьева—объяснить Рагозину, что онъ не долженъ надѣяться на повышение по службѣ; но онъ очевидно самъ понялъ это, и намекъ этотъ сдѣланъ былъ ему черезъ другое лицо. Я понималъ чувства оскорбленнаго самолюбія Рагозина и ничѣмъ не могъ утѣшить его. Я полюбилъ этого честнаго, увлекающагося, черезчуръ правдиваго человѣка.

Онъ велъ себя, въ отношеніи меня, прекрасно; работалъ усердно! Когда онъ подалъ мнѣ прошеніе свое, я высказалъ ему это и просилъ не уходить. Мы разговорились откровенно. Онъ выразилъ мнѣ свое уваженіе, увѣрялъ, что уходить по домашнимъ соображеніямъ, отнюдь не вслѣдствіе какого-либо неудовольствія на меня. Прошеніе было послано въ Варшаву; очень скоро получена была отставка Рагозина.

На мѣсто Рагозина, товарищемъ моимъ былъ назначенъ Ламанскій, бывшій помощникъ предсѣдателя Бѣльской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. При переустройствѣ губерній, отдѣлъ этой комиссіи вошелъ въ составъ Сѣдлецкой губерніи. Бѣльская комиссія была присоединена къ Сѣдлецкой комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Предсѣдатель комиссіи, Синявскій, оставилъ службу въ Учредительномъ Комитетѣ, а товарищъ его Ламанскій, былъ назначенъ въ Калишъ. Я не зналъ Ламанскаго, но въ частномъ искреннемъ письмѣ, Синявскій далъ мнѣ о немъ самый лучшій отзывъ. А Синявскому я вѣрилъ. Онъ былъ мнѣ землякъ, смоленскій помѣщикъ; мы служили съ нимъ въ Смоленской губерніи, гдѣ онъ былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ онъ былъ членомъ Совѣщательной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ при генералъ-губернаторѣ. Приходъ опытнаго, серьезнаго Ламанскаго былъ пріятнымъ усиленіемъ для Калишской комиссіи. Ему было около 50 лѣтъ; онъ былъ старше всѣхъ насъ; но по пылкости, способности увлекаться, онъ былъ юноша, и его постоянно приходилось сдерживать. Это былъ типичный либераль 1860 годовъ: благородный, честный. Мы всѣ очень скоро дружески сошлись съ нимъ.

Съ переустройствомъ губерніи, со введеніемъ въ ней новаго русскаго управленія, русская жизнь нахлынула къ намъ. Все шляхетское сопротивленіе потеряло почву, и проявленія его сдѣлались немыслимы. Жизнь русскихъ чиновниковъ вышла изъ осаднаго положенія, въ которомъ мы жили до того въ Польшѣ; стало легче на душѣ, веселѣе, охотнѣе работалось. Постепенныя преобразованія дошли до учебныхъ заведеній. Въ Калишѣ были: мужская и женская гимназіи; въ нихъ введено было преподаваніе на русскомъ языкѣ, директоръ мужской гимназіи и начальница женской были назначены русскіе. Въ теченіе зимы 1867—1868 годовъ составилось большое русское общество, и мы вышли изъ одиночества, въ которомъ жили до того времени, среди враждебнаго польскаго шляхетства.

22-го августа 1867 года было объявлено Высочайшее Повелѣніе объ отмѣнѣ комиссіями по крестьянскимъ дѣламъ незаконныхъ рѣшеній гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ. Распоряженіе это наложило на крестьянскія комиссіи новую, отвѣтственную обязанность; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно еще болѣе сблизило комиссіи съ народомъ, заставило ихъ вникать въ новыя стороны жизни его, изучать нравы, обычаи его. Обжа-

лованій рѣшеній гминнаго суда поступило очень много и они доставили Калишской комиссiи много труда.

Со всѣми этими преобразованiями Калишская губернiя все болѣе и болѣе принимала видъ, обычаи и законы обыкновенной русской губернiи; настроенiе умовъ успокаивалось, слѣды бурнаго повстанiя сглаживались; спокойствiе это было признано официально.

Въ маѣ 1868 года фельдмаршалъ, намѣстникъ, графъ Бергъ объявилъ, что Государь Императоръ Александръ II, на обратномъ пути изъ-за границы, Францiи, предполагаетъ посѣтить Варшаву. Извѣстiе это взволновало всю Польшу. Мы, русскiе, радовались возможности увидѣть искренно любимаго нами Государя, народъ, крестьяне, видѣли въ прiѣздѣ Государя примиренiе съ Польшою: „что онъ признаетъ ее!“ Шляхетство молчало; польская аристократiя готовила депутацiю.

Въ искредномъ восторгѣ народа, крестьянъ, я былъ увѣренъ. Я былъ достаточно близокъ къ нему, чтобы убѣдиться въ томъ. Вскорѣ послѣ обнародованiя извѣстiя о прiѣздѣ Государя, я получилъ отъ Соловьева извѣстiе, что Государю угодно принять въ Варшавѣ по два гминныхъ войта отъ каждой губернiи. Онъ поручилъ мнѣ выбрать двухъ, достойныхъ изъ гминныхъ войтовъ Калишской губернiи и представить ему списки ихъ, для утвержденiя выбора фельдмаршаломъ. Выборъ былъ затруднителенъ. Всѣ гминные войты умоляли дать имъ возможность видѣть Государя; большинство ихъ было достойно этой чести; всѣ комиссары настаивали на выборѣ войта гмины изъ ихъ участка. Выборъ мой остановился окончательно на войтѣ одной изъ гминъ Калишскаго уѣзда. Мнѣ назначено было прибыть съ выбранными войтами въ назначенный день въ Варшаву.

Варшава приняла праздничный видъ, разукрасилась.

Была середина лѣта, погода прелестная. На второй день по прiѣздѣ Государя въ Варшаву, всѣ предсѣдатели комиссiй, съ войтами гминъ ихъ губернiй, собраны были во дворѣ Бельведерскаго дворца. Представлятъ войтовъ гминъ должны были губернаторы и предсѣдатели крестьянскихъ комиссiй. Собранiе этихъ гминныхъ войтовъ представляло замѣчательное зрѣлище и выказало, какъ разнообразенъ и разнохарактеренъ составъ населенiя Царства Польскаго. Красотою своего типа, блестящимъ своимъ нарядомъ, выдавались мазуры. Бѣлые суконные кунтуши красиваго покрова, красныя конфедератки, гордые лица ихъ, съ длинными черными усами были замѣчательно

красивы. Несчастнѣе, некрасивѣе всѣхъ, безпородистѣй, были, кажется, мои два войта. Одинъ изъ нихъ, кровный нѣмецъ, былъ въ черномъ фракѣ. Онъ постоянно ходилъ въ черномъ сюртукѣ, а для торжества надѣлъ свой фракъ, въ которомъ нѣкогда вѣнчался. Образцовый землевладѣлецъ, самъ съ сыновьями своими, вспахивавшій и обрабатывавшій свой земельный участокъ, онъ выбранъ былъ какъ замѣчательно дѣльный гминный войтъ; во время повстанья онъ выказалъ свое безстрашіе и преданность русскому правительству. Съ сыновьями своими, онъ преслѣдовалъ шайку повстанцевъ, явившихся въ его деревню. Другой гминный войтъ былъ полякъ, небольшого роста, въ сѣромъ крестьянскомъ нарядѣ; тоже чрезвычайно дѣльный и преданный правительству войтъ, но нарядности, щегольства, не было ни въ одномъ изъ нихъ; таково населеніе Калишской губерніи; оба войта могли говорить по-русски, слѣдовательно, могли понять слова Государя Императора и отвѣчать ему.

Часу во второмъ дня, Государь возвратился со смотра войскамъ и сталъ обходить гминныхъ войтовъ. Его сопровождали фельдмаршалъ графъ Бергъ и Яковъ Александровичъ Соловьевъ. Графъ Бергъ представлялъ Государю губернаторовъ и предсѣдателей комиссій; за разными объясненіями Государь обращался къ Соловьеву. Государь высказывалъ губернаторамъ и предсѣдателямъ по нѣсколько ласковыхъ словъ и предлагалъ одному изъ нихъ представить гминныхъ войтовъ. Когда Государь подошелъ къ Калишской губерніи, графъ Бергъ назвалъ ему князя Щербатова и меня. Князю Щербатову Государь сказалъ: „Старый знакомый!“ и протянулъ ему руку. На меня Государь внимательно взглянулъ и ласково произнесъ: „Изъ гвардіи“! Я отвѣчалъ: — Точно такъ, Ваше Императорское Величество. Офицеръ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, батареи Имени Вашего Императорскаго Величества. Государь сказалъ: „Помню! представь мнѣ гминныхъ войтовъ“! — Первымъ стоялъ нѣмецъ; я назвалъ его и добавилъ о заслугахъ его. Государь ласково поблагодарилъ его, но съ удивленіемъ спросилъ меня: „Но, отчего же онъ во фракѣ? Онъ земледѣлецъ, крестьянинъ?“ — Я объяснилъ, что гмина его граничитъ съ Пруссіей, онъ колонистъ, землепашецъ, нравы нѣмецкіе. Другой гминный войтъ прошелъ незамѣтно. Государь еще разъ поблагодарилъ гминныхъ войтовъ, поручилъ имъ передать его поклонъ населенію ихъ гминъ и протянулъ имъ руку, которую они конечно благоговѣнно поцѣловали. Когда Государь обошелъ

всѣ группы гминныхъ войтовъ, онъ поручилъ Соловьеву попросить предсѣдателей комитетовъ подойти къ нему. Мы конечно поспѣшили приблизиться къ Государю. Онъ сказалъ, примѣрно, слѣдующее:

— Я знаю, господа, какой трудъ вы и комиссары исполнили, цѣню его и радъ возможности лично высказать вамъ это. Въ Парижѣ я видѣлъ ближайшаго вашего руководителя, Николая Алексѣевича Милютина. Я посѣтилъ его, чтобы утѣшить его и лично убѣдиться въ положеніи его здоровья. Къ сожалѣнію, долженъ сказать вамъ, что на поправленіе его и возвращеніе къ дѣятельности нѣтъ никакой надежды. Онъ очень слабъ, почти не владѣетъ своими членами, говоритъ съ трудомъ, параличъ во всей силѣ; но голова свѣжа! Просилъ меня передать вамъ его поклонъ. При этомъ Государь наклонилъ голову свою. „Я очень огорченъ этою потерей. Я лично, вся Россія, много теряемъ въ этомъ человѣкѣ“.

Затѣмъ онъ вполголоса передалъ Соловьеву какія-то подробности о Милютинѣ, сказалъ намъ прощальное привѣтствіе и удалился во дворецъ. Это представленіе Русскому Государю произвело на крестьянъ очень благотворное, сильное впечатлѣніе. Государь вызвалъ къ себѣ ихъ несчастныхъ, униженныхъ панами хлоповъ. Государь лично говорилъ съ ними, они цѣловали его руку. Подъемъ духа былъ громадный, обезпечивалъ надолго невозможность какого-либо революціоннаго движенія со стороны шляхты.

Русское общество въ Варшавѣ просило Государя пожаловать къ нему въ Русское Собраніе на балъ. Государь Императоръ принялъ эту просьбу. Закипѣла работа! Громадное помещеніе Собранія въ недавно конфискованномъ домѣ графа Замойскаго, подаренное Государемъ Русскому Собранію, было изыщно убрано, освѣщено. Русскіе люди съѣхались сюда ко дню бала со всѣхъ концовъ Польши; поляки отсутствовали. Не помню—приглашали ли ихъ; кажется, приглашали кого-то. На балу я видѣлъ только одного поляка маркиза Велепольскаго, который явился однако на балъ въ форменномъ вицъ-мундирномъ фракѣ, а не въ черномъ бальномъ фракѣ. Всѣ замѣтили это желаніе его показать, что онъ исполняетъ служебный долгъ, а не радостно встрѣчаетъ своего Государя. Говорятъ, что русскіе люди не постѣснялись высказать это; говорили, что онъ пассивно выслушалъ это и молча отошелъ на другой конецъ зала. Страсти въ эти минуты были очень взволнованы; за нѣсколько дней передъ тѣмъ, полякъ Березовскій сдѣлалъ

въ Парижѣ покушеніе на жизнь русскаго Императора. Пожалуй, что Велепольскому лучше было отмалчиваться, а польскимъ аристократамъ приличіе было не явиться въ Русское Собраніе. Дамъ въ Собраніи было однако очень много; все жены, сестры, дочери русскихъ служащихъ въ Польшѣ.

Государь пробылъ на балу около часу, все время разговаривалъ съ разными лицами, былъ милостивъ, веселъ.

Все лѣто 1868 года шла дѣятельная работа въ крестьянскихъ комиссіяхъ: спѣшили оканчивать повѣрку ликвидаціонныхъ табелей. Къ зимѣ осталось дѣйствительно очень немного непровѣренныхъ. Можно было съ увѣренностью сказать, что лѣтомъ 1869 года повѣрка ликвидаціонныхъ табелей будетъ совершенно окончена безъ особыхъ усилій. За то, въ центральной комиссіи и въ мѣстныхъ крестьянскихъ комиссіяхъ собралась такая масса непрсмотрѣнныхъ ликвидаціонныхъ табелей, что теперь надо было увеличить личный составъ крестьянскихъ комиссій. Въ Калишской комиссіи я усилилъ рабочія силы комиссіи, вызвавъ туда двухъ опытныхъ комиссаровъ, а участки ихъ я поручилъ двумъ добавочнымъ комиссарамъ, комиссары эти просматривали находящіяся въ комиссіи ликвидаціонныя табели и докладывали замѣченное двумъ моимъ товарищамъ, какъ я нѣкогда докладывалъ Горлову въ центральной комиссіи, у насъ бывали ежедневныя засѣданія и дѣло подвигалось быстро.

Какъ это бываетъ и дѣлается всегда, вездѣ, участковые комиссары выбирали, всѣ прошлые годы, для повѣрки болѣе легкія ликвидаціонныя табели; тѣ, гдѣ встрѣчались сложные вопросы, требовавшіе большей опытности и труда, откладывались. Теперь очередь дошла до этихъ трудныхъ табелей, комиссарамъ и крестьянскимъ комиссіямъ пришлось призадуматься надъ многими вновь выступившими сложными вопросами мѣстной жизни. Такихъ затруднительныхъ вопросовъ накопилось такъ много, что, послѣ Рождества, я поѣхалъ въ Варшаву, просить у центральной комиссіи указаній по этимъ дѣламъ. Цѣлый вечеръ мы толковали о нихъ съ Горловымъ. Онъ рѣшилъ: въ ближайшее засѣданіе доложить центральной комиссіи о встрѣченныхъ мною затрудненіяхъ. Горловъ рассказалъ мнѣ, что центральная комиссія также затруднилась надъ разрѣшеніемъ кое-чего въ ликвидаціонныхъ табеляхъ и уже представленныхъ ей изъ Калишской комиссіи. Въ засѣданіи центральной комиссіи я доложилъ все затрудняющее меня; разъ-

яснилъ, что въ числѣ ликвидаціонныхъ табелей, еще лежащихъ неразсмотрѣнными въ Калишской комиссіи, есть нѣсколько новыхъ сложныхъ дѣлъ, что они не были рассмотрѣны комиссіею ранѣе, потому что происходятъ отъ сложныхъ юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, живущихъ на границѣ Пруссіи, и крестьяне заявили о нихъ только теперь.

Центральная комиссія рѣшила: въ виду большого числа вопросовъ, которые надо обсудить и обслѣдовать на мѣстѣ, командировалъ М. П. Горлова въ Калишъ и просить его: разрѣшить все это на мѣстѣ, совмѣстно съ членами Калишской крестьянской комиссіи.

Не прошло и недѣли послѣ этого, какъ Горловъ прибылъ въ Калишъ. Его сопровождали два чиновника, подготовлявшіе ликвидаціонныя табели для рассмотрѣнія доклада ихъ Горловымъ въ центральной комиссіи, какъ нѣкогда дѣлалъ это я. Съ прїѣздомъ Горлова установился такой порядокъ: три раза въ недѣлю бывали, по заведенному мною порядку, засѣданія Калишской крестьянской комиссіи; просмотрѣнные нами ликвидаціонныя табели докладывались въ остальные три дня недѣли Горлову; и въ общемъ нашемъ засѣданіи разрѣшались окончательно всѣ затруднительные вопросы. Кромѣ того въ этихъ засѣданіяхъ разрѣшались вопросы по ликвидаціоннымъ табелямъ, которыя Горловъ привезъ изъ Варшавы. Въ засѣданіяхъ нашихъ участвовали я, два мои товарища и мѣстный комиссаръ, табели котораго разсматривались. Товарищъ мой и мѣстный комиссаръ, разбиравшіе сложные дѣла на мѣстѣ, докладывали ихъ теперь и давали объясненія. По нѣкоторымъ табелямъ пришлось дѣлать новое, дополнительное разслѣдованіе на мѣстахъ. По окончательномъ разборѣ всего, ликвидаціонныя табели съ подробными протоколами посылались въ центральную комиссію, гдѣ обыкновенно безспорно онѣ утверждались. Горловъ пробылъ въ Калишѣ полтора мѣсяца; за это время мы пересмотрѣли не только все, что было затруднительнаго, а всѣ рѣшительно провѣренныя комиссарами ликвидаціонныя табели. По Калишской губерніи повѣрка ликвидаціонныхъ табелей была окончена не только комиссарами на мѣстахъ, но и Калишской крестьянской комиссіею и центральной комиссіею. Осталось табелей пятьдесятъ, которыя должны были быть провѣрены въ первую половину лѣта 1869 года.

Еще въ Варшавѣ, ознакомившись въ 1866 году съ Михаиломъ Павловичемъ Горловымъ, я оцѣнилъ его высоко. Теперь, проведя съ нимъ 6 недѣль въ ежедневныхъ сношеніяхъ, за

тяжелюю работою, я полюбилъ еще больше этого человека. Меня особенно поражали въ немъ ясность ума, необыкновенное терпѣніе, снисходительность къ другимъ, твердая настойчивость въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Не только я, всѣ члены комиссіи уважали его въ высшей степени и дружески разстались съ нимъ.

Лѣтомъ 1869 года задача Калишской крестьянской комиссіи была исполнена; всѣ ликвидаціонныя таблицы составлены, проверены; крестьянское самоуправленіе введено и поставлено на твердую почву. Осенью, въ одинъ изъ прїѣздовъ моихъ въ Варшаву, Яковъ Александровичъ Соловьевъ сказалъ мнѣ въ разговорѣ, что предполагается 1 января 1870 года передать крестьянскія комиссіи въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Крестьянскія комиссіи будутъ преобразованы въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія: веденіе ихъ будетъ поручено губернаторамъ; въ губернское присутствіе назначенъ будетъ *непреклонный членъ*, которому поручено будетъ ближайшее наблюденіе за крестьянскимъ дѣломъ въ губерніи и канцелярская часть. Предсѣдатели комиссій и ихъ товарищи будутъ оставлены за штатомъ съ сохраненіемъ содержанія и правъ службы на два года. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ мнѣ слѣдующее: члену учредительнаго комитета Маркусу поручено открыть во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго казенныя палаты. Озабоченный присканіемъ въ управляющіе казенными палатами русскихъ людей, знакомыхъ съ Царствомъ Польскимъ, Маркусъ просилъ Якова Александровича передать предсѣдателямъ крестьянскихъ комиссій принять мѣста управляющихъ казенными палатами. Соловьевъ совѣтовалъ мнѣ: переговорить съ Маркусомъ и принять эту должность, какъ самостоятельную и почетную. Черезъ короткое время я получилъ отъ Маркуса официальное письменное предложеніе принять должность управляющаго вновь открываемою въ Калишѣ казенною палатою.

Я нѣсколько дней обсуждалъ въ умѣ своемъ: принять это предложеніе, или отказаться отъ него? Мнѣ было 35 лѣтъ; занять въ эти годы такое опредѣленное, постоянное служебное положеніе, конечно, было выгодно и лестно. Обыкновенно чиновники добиваются такого поста къ годамъ пятидесяти. Съ другой стороны—это обязывало на много лѣтъ еще остаться въ Польшѣ, гдѣ мнѣ все было чуждо, враждебно. А дома, въ Смоленскѣ, Петербургѣ, у меня были родные, друзья, товарищи; меня манила служба общественная—въ земствѣ, по дворянскимъ

выборамъ, съ которой я ознакомился близко въ 1863—1864 г. Я былъ холостъ: чины, ордена не прельщали меня; средствъ на жизнь мнѣ давало достаточно имѣніе мое; сверхъ того, оставаясь за штатомъ, я обезпеченъ былъ на два года содержаніемъ по 4.000 рублей въ годъ. Я рѣшилъ: возвратиться въ Россію, въ свое имѣніе, заняться имъ. А если современное направленіе земства, дворянства будетъ мнѣ по душѣ, принять участіе въ ихъ дѣятельности. Я полагалъ, что, прослуживъ шесть лѣтъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ, я исполнилъ долгъ самоотверженія въ отношеніи Россіи.

Когда я объявилъ мое рѣшеніе Якову Александровичу, онъ не одобрилъ его, покачалъ головою и сказалъ:

— Вы увлекаетесь! Пожалѣйте современемъ.

Послѣднее полугодіе 1869 года Калишская комиссія занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ обжалованій рѣшеній гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ; ихъ оказывалось очень много. Канцелярія комиссіи приводила въ порядокъ дѣла, для передачи въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Соловьевъ просилъ меня помочь ему въ выборѣ непремѣннаго члена для Калишскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Я указалъ ему на князя Голицына и на Ѳедора Павловича Берхольца. Предубѣжденіе Соловьева противъ князя Голицына продолжалось; онъ выбралъ Берхольца.

Ѳедоръ Павловичъ былъ молодой человекъ, нѣмецъ только по фамиліи, уроженецъ Москвы, если не ошибаюсь. Не помню, гдѣ онъ учился, но это былъ образованный человекъ. Онъ былъ комиссаромъ въ Конинѣ съ первыхъ дней учрежденія крестьянской комиссіи, пользовался уваженіемъ своихъ товарищей.

Въ половинѣ декабря я получилъ форменное извѣщеніе о передачѣ дѣлъ Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ вновь учреждаемому Калишскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и о закрытіи комиссіи съ 1 января 1870 года. Порученіе это я исполнилъ, и 1 января 1870 года служба моя въ Царствѣ Польскомъ была окончена.

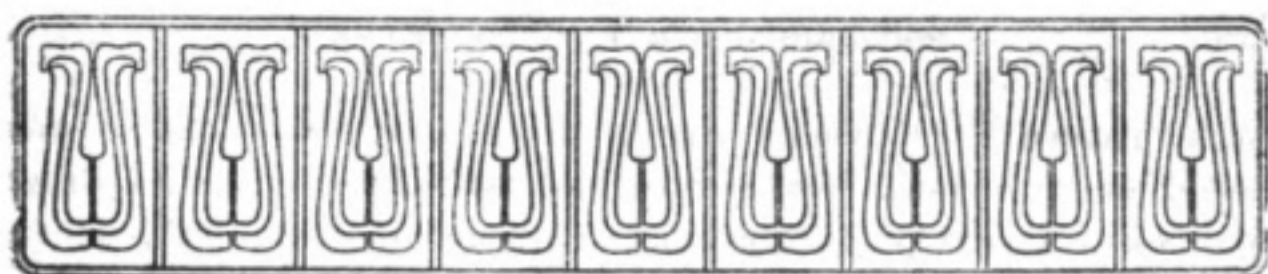
Я уважалъ изъ Царства Польскаго съ добрыми воспоминаніями, съ любовью къ дѣлу, которымъ я занимался 4 года, съ уваженіемъ, признательностью къ людямъ, съ которыми работалъ, жилъ. Я увозилъ сознаніе, что я лично, всѣ мы, добросовѣстно исполнили свой долгъ, довели порученное намъ дѣло

до намѣченнаго конца. Когда я пріѣхалъ въ Польшу, она еще волновалась, кое-гдѣ бродили еще шайки повстанцевъ. Крестьяне недовѣрчиво приглядывались: чѣмъ кончатся обѣщанныя имъ свобода, надѣленіе землею? Теперь многомилліонная толпа крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ получила все обѣщанное; вполнѣ, навѣки, образовала общество, независимое отъ шляхты, душою и тѣломъ преданное русскому правительству. Шляхетство поняло, что навѣки лишилось возможности обирать крестьянъ, силою заставляя ихъ возставать противъ Россіи. У русскаго правительства образовалась громадная, несокрушимая опора въ лицѣ крестьянъ, которые сознаютъ, что получили отъ Россіи свободу, права, землю, все, все! Утѣшительно было сознавать, что это сдѣлано нами, умственнымъ трудомъ, силою воли, образованіемъ, а не кулакомъ, не палкою.

Очень многіе первостепенные дѣятели, создатели этой преобразованной Польши уже удалились изъ нея: Милютинъ, Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ. Въ скоромъ времени предстояло закрытіе учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ; тогда и остальные главари, создатели преобразования уйдутъ отсюда. Польша исчезнетъ, будутъ только 10 русскихъ губерній на западной окраинѣ Россіи. Имена тѣхъ, кто измыслилъ это преобразование, руководилъ его, будутъ вспоминаться, они принадлежатъ исторіи Россіи. Мы, члены крестьянскихъ комиссій, комиссары, второстепенные дѣятели, не попадемъ въ исторію, именъ нашихъ не будутъ знать, но сдѣлали мы историческое дѣло. Исторія будетъ вспоминать крестьянскія комиссіи, будетъ рассказывать о ихъ трудахъ, борьбѣ, и общее ихъ имя *комиссія по крестьянскимъ дѣламъ* всегда будетъ вспоминаться въ исторіи.

Николай Полевой.

Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своихъ „Путешествіяхъ по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю“ (изд. 1896 г.) А. И. Макшеевъ описываетъ между прочимъ экспедицію для изслѣдованія Аральскаго моря, въ которой принималъ участіе вмѣстѣ съ лейтенантомъ Бутаковымъ въ 1848 году.

Среди рядовыхъ экспедиціи находился ссыльный Т. Г. Шевченко, прикомандированный въ качествѣ художника для снятія береговыхъ видовъ. Къ сожалѣнію, зарисованный имъ альбомъ съ видами оказался утеряннымъ.

А. И. Макшеевъ вспоминаетъ какъ въ походѣ онъ раздѣлялъ кибитку, а въ плаваніи—каюту съ Т. Г. Шевченко, который хорошо себя чувствовалъ на степномъ и водномъ просторѣ послѣ стѣсненій солдатской жизни въ Орской крѣпости. Тамъ онъ долженъ былъ переносить подневольное положеніе рядового, здѣсь вращался въ интеллигентномъ обществѣ офицеровъ, цѣнившихъ въ немъ талантливаго поэта.

Въ 4-мъ путешествіи А. И. Макшеева, еще не появлявшемся въ печати, приводится воспоминаніе о товарищеско й жизни автора съ Т. Г. Шевченко, которое и предлагается вниманію читателей. У А. И. остался на память портретъ работы художника-поэта.

Н. М.

Къ началу 1848 года въ Оренбургъ прибылъ лейтенантъ Бутаковъ, для производства описи Аральскаго моря. Желая облегчить и, если удастся, улучшить участь Шевченко, онъ про-

силъ генерала Обручева отпустить его съ нимъ, для снятія береговыхъ видовъ невѣдомаго доселѣ моря и хотя по Высочайшему повелѣнію Шевченкѣ запрещено было брать карандашъ въ руки, Обручевъ согласился на эту просьбу.

Во время похода на Сыръ-Дарью и описи Аральскаго моря я прожилъ съ Шевченко не разлучаясь 4^{1/2} мѣсяца и во все это время видѣлъ его постоянно бодрымъ и веселымъ. Ко всѣмъ неудобствамъ походной обстановки онъ приноравливался легко и велъ жизнь совершенно трезвую, хотя склонность къ водкѣ, сильно развившаяся въ немъ впоследствии въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, проявлялась и въ это время. Передъ отходомъ шкуны изъ Райма я купилъ у единственнаго бывшаго тамъ торговца 6 послѣднихъ бутылокъ скверной наливки, настоянной на сушеныхъ вишняхъ, и рассчитывалъ, что ихъ хватитъ на все время плаванія по морю и даже до возвращенія въ Оренбургъ; но вышло иначе. Въ началѣ нашего плаванія, когда я былъ все время на палубѣ, Т. Г. попросилъ у меня позволенія пріютиться на моей койкѣ, и съ книгою въ рукахъ пролежалъ на ней день или два, а потомъ, когда я сталъ вытаскивать бутылки изъ-за койки, оказалось, что всѣ онѣ были пусты.

Описная экспедиція была окончена осенью 1849 года. Шевченко прибылъ съ Косъ-Арала въ Оренбургъ и по приглашенію генеральнаго штаба штабсъ-капитана Карла Ивановича Герна, имѣвшаго собственный домъ въ Слободѣ, помѣстился у него на жительство. Бутаковъ представилъ въ числѣ работъ описной экспедиціи альбомъ видовъ Аральскаго моря, Шевченки, и официально ходатайствовалъ о производствѣ его въ унтеръ-офицеры, что составляло въ то время первый и самый важный шагъ для разжалованнаго. Обручевъ, весьма довольный альбомомъ, наглядно дополнявшимъ опись Аральскаго моря, сдѣлалъ въ свою очередь представленіе о Шевченкѣ, но изъ С.-Петербурга ему выразили неудовольствіе, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ допустилъ Шевченко рисовать. Впоследствии я узналъ, что за представленіе Шевченко Бутаковъ подвергался тайному наблюденію 3-го отдѣленія, продолжавшемуся еще во время его командировки въ Швецію для заказа пароходовъ. Между тѣмъ альбомъ былъ возвращенъ Шевченко, и онъ подарилъ его К. И. Герну, въ благодарность за гостепримство. Желая извлечь альбомъ изъ забвенія и издать его, я обращался къ женѣ покойнаго Герна съ просьбою объ отысканіи его и доставленіи ко мнѣ, но, къ сожалѣнію,

она не могла найти среди вещей своего деревенскаго дома ни одного рисунка изъ разрозненнаго альбома.

Хотя генераль Обручевъ имѣлъ непріятность изъ за Шевченки, но не принялъ противъ него никакихъ стѣснительныхъ мѣръ; тѣмъ не менѣе положеніе послѣдняго вскорѣ измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса. Доносъ заключался въ томъ, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, Шевченко снимаетъ портреты даже съ официальныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, напримѣръ, съ коменданта и прочее. По общему мнѣнію авторомъ этого доноса было лицо, негодовавшее на Шевченко за то, что тотъ мѣшалъ ему въ одной любовной интригѣ. Послѣ доноса генераль Обручевъ получилъ вторично непріятную бумагу изъ Петербурга и долженъ былъ отправить Шевченко въ отдаленное Новоостровское укрѣпленіе, на восточномъ берегу Каспійскаго моря (нынѣ Александровскій фортъ), съ приказаніемъ коменданту строго наблюдать, чтобы онъ ничего не рисовалъ.

Шевченко безвыѣздно оставался въ Новопетровскомъ укрѣпленіи до прощенія и отъ нечего дѣлать сталъ, говорятъ, сильно пить. Попытки вырвать его изъ этой труппы не имѣли успѣха. Такъ вскорѣ послѣ смѣны Обручева генераль-адъютантомъ В. А. Перовскимъ, на кабинетный столъ послѣдняго положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ степныхъ рисунковъ Шевченко, въ надеждѣ, что Перовскій обратитъ на него вниманіе, спроситъ, кто его дѣлалъ, и такимъ образомъ, дастъ возможность походатайствовать о несчастномъ художникѣ, но Перовскій, лишь только увидалъ рисунокъ, догадался, чей онъ, бросилъ на полъ и грозно сказалъ окружающимъ, „чтобы не смѣли напоминать ему объ этомъ негодяѣ!“

Въ Петербургѣ рассказывали, что какъ только въ Новопетровскомъ укрѣпленіи было получено извѣстіе о прощеніи Шевченка, комендантъ укрѣпленія, не дождавшись приказа по корпусу, отпустилъ его съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Шевченко отправился прямо въ Петербургъ, но въ Казани былъ задержанъ по распоряженію оренбургскаго начальства, требовавшаго, чтобы онъ былъ препровожденъ въ Оренбургъ за полученіемъ бумагъ объ отставкѣ. Слѣдовало отправить его, какъ нижняго чина, пѣшкомъ по этапу, но казанскій губернаторъ сжалился надъ несчастнымъ, вытребовалъ бумаги изъ Оренбурга и отпустилъ наконецъ его на свободу.

Въ Петербургѣ Шевченко чуть не носили на рукахъ, онъ сдѣлался знаменитостью, но я съ нимъ не видѣлся. Онъ не

нашелъ нужнымъ навѣститъ стараго товарища, съ которымъ въ трудную эпоху своей жизни дѣлилъ хлѣбъ и соль и не имѣлъ никогда ни малѣйшей непріятности, а я не счелъ возможнымъ ѣхать на поклонъ къ знаменитости, въ которой желалъ видѣть прежде всего человѣка. Только разъ мы встрѣтились издали на какомъ-то представленіи въ огромномъ залѣ Руадве, и Шевченко послалъ мнѣ глазами и рукою дружеское привѣтствіе, на которое я отвѣтилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ онъ скончался.

Сообщ. Н. Маншеева.

Матеріалы по изслѣдованію войны 1812 г.

Отзывъ генераль-лейтенанта Тормасова князю Багратіону съ приложеніемъ письма (неизвѣстнаго) изъ Бреславля.

(Изъ собраній документовъ *П. Я. Дашкова*)¹⁾.

Милостивый государь, князь Петръ Ивановичъ!

Доставленную ко мнѣ выписку письма изъ Бреславля для свѣдѣнія вашего, какъ вещь довольно любопытную, при семъ сообщаю.

Съ отличнѣйшимъ почтеніемъ и таковой же преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Александръ Тормасовъ.

Юня 10-го дня, 1812 г.

№ 70.

По собственной канцеляріи

Приложеніе.

Главнокомандующаго.

Письмо изъ Бреславля.

(Выписка письма изъ Бреславля).

(Переводъ съ французскаго).

Здѣсь существуетъ „Общество Черныхъ Рыцарей“. Принцъ Августъ Пруссій, который находится здѣсь, такъ какъ не пожелалъ оставаться въ Берлинѣ съ иностранцами,—одинъ изъ главныхъ членовъ этого общества, а генераль Блюхеръ, кото-

¹⁾ Документы по 1812 г. изъ собранія П. Я. Дашкова, любезно представленные братьями покойнаго Андреемъ и Димитріемъ Яковлевичами Имп. Русс. воен. ист. Обществу, предполагается обществомъ этимъ выпустить отдѣльнымъ томомъ трудовъ Общества.

Б. К.

рый тоже состоитъ членомъ, подалъ въ отставку, не желая служить при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Слишкомъ долго было бы вамъ рассказать о происхожденіи этого общества, любовь къ родинѣ положена ему въ основаніе, а также безграничная преданность истиннымъ интересамъ страны; теперь всѣ принципы, которые легли въ основаніе общества, должны быть отложены на время; одному только поклялись—ненависти къ французамъ. Недавно здѣсь былъ одинъ русскій, велъ себя весьма таинственно; по всему было видно, что онъ обладаетъ хорошими средствами, но нигдѣ не бывалъ, но лишь только принцъ Августъ и Блюхеръ пріѣхали, онъ сейчасъ же къ нимъ отправился; черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ, на свое счастье, такъ какъ изъ Берлина пришло приказаніе его арестовать, но оно его уже не застало. Комендантъ и губернаторъ также получили приказаніе строго слѣдить за „Черными Рыцарями“, но когда губернаторъ явился къ принцу Августу, чтобы его предупредить, принцъ съ величайшимъ самообладаніемъ отвѣтилъ, что не понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь; это извѣстіе вполнѣ достовѣрно.

Бѣдныхъ силезцевъ подвергаютъ такимъ сильнымъ притѣсненіямъ, что, несмотря на свои личные несчастія, находишь еще возможность сочувствовать и ихъ несчастіямъ: монастыри закрыты, духовенство разорено, капитулы орденовъ захвачены для короля; каноникамъ каѳедральныхъ церквей и капитуламъ орденовъ обѣщаны пенсіи, но до сихъ поръ еще не назначены. Дома разрушаютъ; владѣльцевъ мельницъ и домовъ обложили чудовищными повинностями, какъ домовладѣльцы, такъ и квартиранты, должны платить налоги; городъ заставили дать королю въ долгъ 400.000 талеровъ (écus). Вышелъ указъ, по которому каждый владѣлецъ обязанъ въ теченіе двухъ мѣсячнаго срока выплатить сумму, составляющую 3⁰/₀ съ его капитала; обложенію подлежатъ, какъ капиталы, такъ и земельныя владѣнія cadaго и имѣнія, покрытыя долгами, не освобождены отъ обложенія; каждый обязанъ платить согласно оцѣнкѣ земли; говорятъ, что дворянство хочетъ ослушаться этого приказанія, такъ какъ оно не въ состояніи его выполнить.

Несомнѣнно, что если бы на свѣтѣ нашелся монархъ, царствованіе котораго предвѣщало бы болѣе гуманный образъ правленія—всѣ бы перешли подъ его владычество.

Вчера здѣсь проѣхалъ французскій предатъ; сообщая полиціи, согласно требованіямъ, свое имя и званіе, онъ написалъ: „Монсеньоръ графъ Праде, архіепископъ города Малина, пер-

вый духовникъ императора, посланникъ въ Варшавѣ“. Никто не можетъ понять, что означаетъ послѣдній титулъ, но предполагаютъ, что въ скоромъ времени будетъ объявленъ новый польскій король.

Раззореніе Варшавскаго герцогства достигло своего апогея; мы не можемъ ничего получить, такъ какъ тѣ, которые ближе къ столицѣ, терпятъ еще большія притѣсненія; мы покорились своей участи, но убытки нашихъ крестьянъ непоправимы и разрываютъ сердце.

Изъ Варшавы пишутъ, что солдаты всѣхъ націй ведутъ себя ужасно и только войска итальянскаго вице-короля не дѣлаютъ зла, хвалятъ также и самого вице-короля.

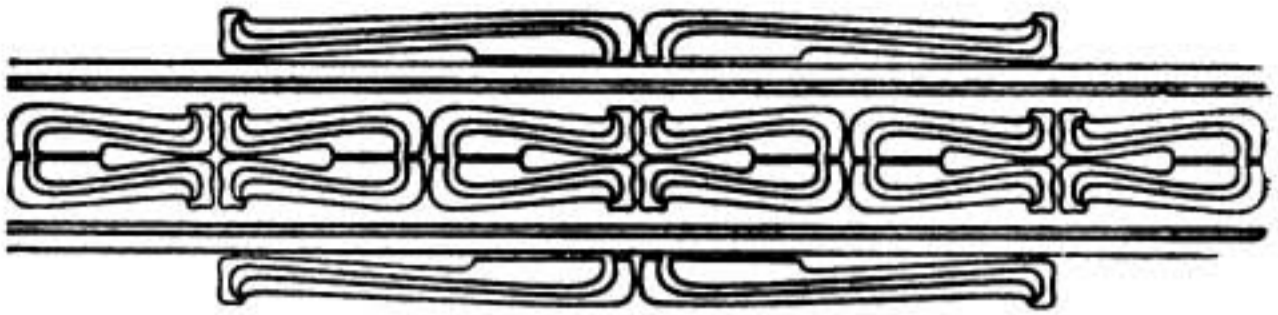
Дрожу за свою несчастную родину, когда въ нее войдутъ неаполитанцы, которые уже находятся въ пути; я знаю этотъ народъ—тогда безпрестанно будутъ происходить убійства; всѣ войска идутъ по принужденію, но каждый солдатъ увѣряетъ, что идетъ только на поляковъ, и это убѣжденіе, при всей его несправедливости, можетъ только усугубить наши несчастья.

Говорятъ, что въ Силезіи перемѣнится властелинъ, Вестфалія будетъ принадлежать прусскому королю; несчастную Силезію разрѣшено давить въ тискахъ, а потомъ ее отдадутъ,— неизвѣстно кому.

(подписи не имѣется).

Сообщ. Б. Колюбакинъ.

За 38 лѣтъ¹⁾.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева.

Перепечатка воспрещена.
(Законъ 20 марта 1911 г.).

Часть вторая²⁾.

Вышеприведенное письмо Балакирева произвело на меня своими словами о Торквемадѣ странное впечатлѣніе. Когда я была молоденькой дѣвушкой, Милій Алексѣевичъ высоко ставилъ того, кого онъ называлъ теперь Торквемадой. Онъ пропагандировалъ его сочиненія, считалъ его славянофиломъ, складывалъ въ памяти своей все, что слышалъ объ его политическомъ Credo, и потомъ, при случаѣ, рассказывалъ о слышанномъ съ восторгомъ, съ упованіемъ: что вотъ есть у насъ великій государственный мужъ, настоящій политическій дѣятель...

¹⁾ См. „Русская Старина“. Январь 1914 г.

²⁾ Я получила письмо, въ которомъ мой корреспондентъ указываетъ на нѣкоторыя неточности въ моемъ описаніи обстановки квартиры М. А. Балакирева. Охотно исправляю эти неточности: лампа въ столовой была не висячая, а стояла на столѣ. Въ гостиной не висѣлъ фонарикъ, а стѣнная лампа съ синимъ колпачкомъ. Балакиревъ, по словамъ моего корреспондента, не выносилъ освѣщенія съ потолка и говорилъ, что ему при этомъ „всегда хочется надѣть шляпу или раскрыть зонтикъ“. Портретъ Н. Рубинштейна былъ не небольшой, какъ сказано у меня, а большой, висѣвшій симметрично съ портретомъ Гензельта.

Кн. М. В. Волконскан.

Въ царствованіе Александра II онъ скорбѣлъ, что дѣятель этотъ не у дѣлъ, что силами его пренебрегаютъ, не умѣютъ или не желаютъ воспользоваться на благо родинѣ.

...Одно время лѣтомъ того же года мнѣ было какъ-то особенно тяжело на душѣ. Съ Балакиревымъ я никогда откровенно ни о чемъ не говорила. Онъ былъ внѣ жизни, выше ея и не понималъ того, что мнѣ было больно. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, и я избѣгала говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было личномъ. Разъ, утромъ, я ѣхала съ младшей дочерью изъ Гатчины въ Петербургъ и дожидалась поѣзда на дебаркадерѣ. Вдругъ, сзади, ко мнѣ подошелъ Милій Алексѣевичъ. Онъ тоже ѣхалъ въ городъ и, узнавъ, что я ѣду туда же, будто чему-то обрадовался.

— Вы въ какомъ классѣ ѣдете?—спросилъ онъ и, узнавъ, добавилъ: ну-съ все равно-съ. Я къ вамъ сяду. (Онъ вопросительно поглядѣлъ на меня).—Поѣдемте вмѣстѣ, съ улыбкой закончилъ онъ, очевидно читая согласіе на моемъ лицѣ.

Мы сѣли въ отдѣльное купэ, которое открылъ намъ кондукторъ, и на какія-то мои слова, Балакиревъ, понявъ, что мнѣ тяжело, почувствовавъ, что нужно не простое утѣшеніе перемелется, мука будетъ,—а что нужно что-нибудь бѣльшее что-нибудь глубокое,—просто и убѣдительно сталъ говорить о Богѣ.—„И хвала его непритворна была“!..

Сначала онъ говорилъ только о Немъ, потомъ сталъ говорить о себѣ, какъ ему трудно было въ жизни, какъ онъ молодой, здоровый, полный силъ,—не слабая женщина-съ, а работоспособный мужчина—долженъ былъ брать у знакомыхъ, долженъ былъ пользоваться ихъ помощью! — „И бралъ-съ, и думалъ, и считалъ, что Самъ Спаситель помогаетъ мнѣ ихъ руками“.

Онъ долго говорилъ, а я слушала его съ волненіемъ, изрѣдка поглядывая на мою маленькую дочь, тоже не спускавшую съ него глазъ, и радуясь, что наконецъ-то она видитъ его не такимъ, какъ она видѣла его всегда, согбеннымъ, такъ сказать, жизнью и старостью, а выпрямившимся, помолодѣвшимъ отъ дыханія Духа, такимъ, какъ я его знавала въ дни юности моей, и о какомъ я рассказывала имъ, т. е. ей и ея сестрамъ.

Успокоенная, тронутая и умиротворенная пріѣхала я въ Петербургъ...

Милій Алексѣевичъ вдунулъ въ сердце мое увѣренность, что то, что происходитъ въ рукахъ Божіихъ, что такъ, значитъ, надо...

Моя маленькая дочь, которую я спросила: что скажетъ она теперь о Балакиревѣ? къ моей радости, тоже иначе чѣмъ всегда отнеслась къ нему и тоже о чемъ-то какъ будто задумалась и съ чѣмъ-то примирилась...

Въ эту же осень у нея съ Миліемъ Алексѣевичемъ завязались краткія, но все же свои личныя отношенія. Произошло это изъ-за птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда, котораго моей дочери принесъ въ подарокъ сынъ кого-то изъ дворцовыхъ служащихъ.

Птенецъ оказался дроздомъ.—Его посадили въ клѣтку, дали ему корма того самаго, котораго даютъ канарейкамъ, дали коноплянаго сѣмени, взятаго взаймы у моего старика-попугая, дали булки сухой, намоченной въ водѣ, въ молоко, дали мухъ...

Дроздъ ничего изъ предлагаемаго не желалъ ѣсть, кромѣ мухъ, которыхъ онъ глоталъ усердно, жадно и замѣчательно быстро, требуя еще и еще. Черезъ нѣсколько часовъ онъ намъ, старшимъ, страшно надоѣлъ, а черезъ сутки или двое я положительно не знала, что сдѣлать, чтобы отъ него избавиться. Его вынесли въ проходную комнату, въ родѣ передней, гдѣ стояли сундуки, и черезъ которую надо было проходить въ дѣтскую, но онъ и тамъ мѣшалъ, такъ какъ былъ, страшно, противно нечистоплотенъ.

Моя маленькая дочь, между тѣмъ, не хотѣла съ нимъ разстаться. И вдругъ пришелъ Балакиревъ. Я рассказала ему о моемъ замѣшательствѣ, о любви моей дочери ко всѣмъ животнымъ, о невозможности оставить у насъ дрозда и о горѣ моей дѣвочки, вызываемомъ моимъ желаніемъ вернуть птицу сыну слугителя.

Милій Алексѣевичъ сталъ на сторону моей дочери и выразилъ желаніе помочь ей горю, т. е. узнать, чѣмъ надо кормить дроздовъ.

— Онъ оттого и нечистоплотенъ-съ,—серьезно говорилъ Балакиревъ про птицу,—что вы его не такъ-съ кормите... Да! Да! А это прекрасно-съ, когда дѣти любятъ животныхъ, прекрасно-съ!

Милій Алексѣевичъ ушелъ, а на слѣдующій день, 19-го августа, я получила отъ него письмо, изъ котораго яено было видно, какъ близко къ сердцу принялъ онъ происшествіе съ дроздомъ.

„Вчера прямо отъ Васъ я отправился къ Фриде и узналъ слѣдующее: дрозда слѣдуетъ пока кормить мякишемъ бѣлаго хлѣба, смоченнымъ молокомъ или водою.—Дня черезъ два M-elle Фриде обѣщала мнѣ дать болѣе точныя свѣдѣнія касательно кормленія дрозда, которыя она добудетъ, справившись у своего знакомаго птицевода.

Она вспоминала Васъ и просить меня передать Вамъ поклонъ.

Совершенно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

P. S. Хорошо также кормить дрозда и мухами, но только этотъ способъ я не рекомендую, какъ приучающій дѣтей къ жестокости“...

На другой день, т. е. 20 августа пришло второе письмо по тому же вопросу.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

M-me Фриде сейчасъ прислала мнѣ длинный списокъ родовъ пищи, употребляемой дроздами различныхъ видовъ. Изъ этого списка видно, что всѣ они питаются насѣкомыми, улитками и тому подобными невкусными яствами, но это не исключаетъ возможности питать Вашего птенца мякишомъ бѣлаго хлѣба, смоченнаго водою или молокомъ. — M-elle Фриде именно этимъ способомъ вскармливала своихъ птенцовъ.

Душевно желаю, чтобы Вашъ младенецъ укрѣплялся тѣломъ и духомъ и радовалъ бы Васъ своимъ чириканьемъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, дававшіяся письмами, были крайне недостаточны для выращиванія дрозда. Онъ, очевидно, любилъ „живность“,—какъ люди любятъ мясо, не могъ обходиться безъ нея и, за неимѣніемъ ея, сталъ самъ чистить за собой клѣтку... Исхудалъ страшно, перья его слиплись, во всей передней явился отвратительный запахъ, и наконецъ сама моя дѣвочка поняла, что дальше держать дрозда невозможно.

Въ сентябрѣ всѣ мы вернулись въ Петербургъ, и снова началась зимняя жизнь... и слова, между другими удовольствіями, домашніе концерты Балакирева.

V.

Въ 1899 году Милію Алексѣевичу снова пришлось испытать маленькую неудачу, или точнѣе маленькую непріятность, которую ему тяжело было снести. Онъ написалъ небольшой хоръ на слова: „Боже, Царя храни“. Этотъ хоръ ему не позволили напечатать съ заглавіемъ русскаго національнаго гимна.

Рыдзевскій, несмотря на всѣ просьбы и доводы, стоялъ на своемъ, что этого нельзя, и наконецъ Балакиревъ въ декабрѣ написалъ мнѣ записочку, въ которой сквозитъ усталость его души.

„Дорогая Марія Васильевна.

Сегодня я имѣлъ объясненіе съ Рыдзевскимъ, который упорно стоялъ на своемъ и предложилъ мнѣ назвать мой хорикъ вмѣсто „Боже, Царя храни“, — „Гимнъ русскому Царю“, на что я долженъ былъ согласиться, чтобы избавить себя и моихъ друзей отъ хлопотъ, которыя едва-ли привели бы къ успѣху. Худой миръ вѣдь лучше доброй ссоры.

Сообщаю Вамъ объ этомъ, такъ какъ этотъ вопросъ Васъ интересовалъ“...

Первый концертъ по переѣздѣ въ городъ Балакиревъ далъ намъ 20-го октября снова, по обыкновенію, приславъ мнѣ отъ Циммермана (т. е. изъ его магазина) чудный рояль Баютнера. Предполагалъ и предлагалъ онъ играть раньше (разъ въ „подарокъ“ мнѣ игралъ вечеромъ для меня одной, не считая моихъ дѣвочекъ и ихъ гувернантки послѣ всеобщей, наканунѣ 1-го октября, дня моего рожденія, на моемъ старомъ Steinway), но раньше 20-го концертъ не могъ состояться, такъ какъ то ему было неудобно, то никто изъ моихъ друзей не былъ свободенъ, и концертъ все переносился съ 5-го на 11, съ 11-го на 15-е, при чемъ мѣнялась и программа. Наконецъ 15-го я получила слѣдующее письмо:

„Изъ сообщеннаго Вами перечня удобныхъ дней я избираю среду 20-го числа.—Въ этотъ печальный день вполнѣ умѣстно будетъ чествовать 50-ти-лѣтіе со дня кончины Шопена и исполнить его похоронную сонату.

Видѣлся я также съ докторомъ Логиновымъ, изъявившимъ мнѣ полную готовность служить дѣлу Вашего выздоровленія, въ благопріятномъ исходѣ коего я почти увѣренъ.

Онъ будетъ ожидать Вашего зова.—Сообщаю Вамъ его адресъ: Слоновая улица, 23, Г. М. Логиновъ.

И такъ до пріятнаго свиданія въ среду вечеромъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Черезъ четыре дня пришло еще письмо:

„Сегодня я сдѣлалъ распоряженіе о роялѣ, который завтра къ Вамъ принесутъ. — Постарайтесь устроить, чтобы Вашъ старый рояль былъ заблаговременно вынесенъ въ другую комнату.

Согласно Вашему желанію я включилъ въ программу (которую при семъ препровождаю), — Polonaise C. moll, но что касается до другого Полонеза Cis moll, то прошу Вашего позволенія сыграть Вамъ его *въ другой разъ*. Въ данномъ случаѣ онъ не будетъ умѣстенъ. За то *при первомъ* случаѣ я Вамъ его обещаю сыграть.

Конечно я буду къ 8-ми часамъ. Я самъ не люблю позднихъ вечеровъ, и назначенный Вами часъ совершенно совпадаетъ съ моими привычками. И такъ до свиданія.

Искренно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Я очень хворала въ это время, чѣмъ и объясняется его предложеніе доктора Логинова, но совѣтчиковъ кромѣ Балакирева у меня.—какъ всегда бываетъ у всѣхъ больныхъ,—нашлось много, и я, такъ какъ Логиновъ былъ совершенно неизвѣстенъ никому изъ моихъ близкихъ, выбрала другого врача. Этому долго не могъ простить мнѣ Милій Алексѣевичъ и, между прочимъ, въ отвѣтъ на поздравленіе, которое я послала ему ко дню его именинъ, отвѣтилъ мнѣ слѣдующей язвительной запиской:

„Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна

Премного благодаренъ Вамъ за Вашу память о моихъ именинахъ. Сожалѣю, что Вы поскупились на извѣстія о Вашемъ здоровьѣ. Желательно бы знать, началось ли Ваше лѣченье у доктора, рекомендованнаго княгиней **, и *когда* онъ предлагаетъ Вамъ возможность подниматься по лѣстницамъ, а (слѣдовательно) мнѣ возможность имѣть удовольствіе видѣть Васъ своей дорогой гостьей.

Совершенно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Затѣмъ, придя ко мнѣ вечеромъ, Милій Алексѣевичъ не стѣсняясь присутствіемъ брата этой дамы, вдобавокъ челоуѣка, котораго онъ глубоко цѣнилъ и уважалъ—обратился ко мнѣ со словами:

— Какъ можете-съ вы слушать *.*.—Онъ сверкнулъ глазами и гнѣвно продолжалъ:—Вѣдь у нея-съ куриные мозги-съ...— и картиннымъ жестомъ, быстро разжимая, сжимая кулаки и ударяя то тѣмъ, то другимъ, по противоположной ладони, онъ показалъ, какіе у дамы мозги.

— Милій Алексѣевичъ, это сестра вотъ... — прервала я, страшно смущенная, и жестомъ показала на присутствовавшего господина.

— Ну такъ что же-съ, что сестра-съ?—не унялся Балакиревъ—Я вамъ рекомендую-съ врача, въ которомъ увѣренъ, что онъ вамъ поможетъ,—я убѣдился въ этомъ на опытѣ съ другими больными (я вамъ вѣдь рассказывалъ),—а вы слушаетесь свѣтскую даму-съ...

Я стала что-то отвѣчать, чтобы затушевать рѣзкія выраженія моего стараго друга, и разговоръ на скользкую тему прервался. Но надо отдать справедливость добрѣйшему и великодушному NN. Онъ въ ту же минуту совершенно забылъ и простилъ Милію Алексѣевичу его выходку и съ годами сталъ все больше цѣнить и любить Балакирева.

...Въ эту осень по поводу сильно распространявшагося въ обществѣ католицизма у насъ съ нимъ снова начали происходить богословскіе разговоры. Въ декабрѣ же онъ прислалъ мнѣ въ подарокъ книгу Прокоповича: „Письма православнаго отца къ сыну съ милѣйшимъ письмомъ“, которое я вклеила въ книгу Прокоповича, а въ отвѣтъ на мою благодарность слѣдующія строки: (сначала въ открытомъ письмѣ отъ 21 декабря, а потомъ и въ закрытомъ).

— „На стр. 101 присланной Вамъ книжки, найдете неоспоримое подтвержденіе православности папы Дамаза, предсѣдателя 2-го вселенскаго Собора, на которомъ Символь вполнѣ законченъ исповѣданіемъ Св. Духа.

М. Б.“

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Весьма радъ, что Вы довольны присланной Вамъ книжкой Прокоповича. Хотя я не могъ отыскать въ моемъ изданіи постановленій Вселенскихъ соборовъ анаемы на посягающихъ

на символъ вѣры, за то указанная мною на стр. 101 энциклика папы Дамаса равносильна тому, что я Вамъ говорилъ. Знаменательно, что въ подтвержденіе 2-го вселенскаго собора Папа собралъ мѣстный соборъ въ Римѣ, которымъ провозглашена *анагема на тѣхъ, кто не исповѣдовалъ бы, что Св. Духъ имѣетъ бытіе отъ Бога Отца, какъ и Сынъ Божій и есть истинный Богъ.* — Нынѣшніе католики окончательно посрамлены и отлучены отъ церкви этой энцикликкой.

Вы интересовались знать о времени введенія опрѣсноковъ въ Римской Церкви. Въ концѣ стр. 225 вы найдете достовѣрное свидѣтельство о томъ, что еще въ IX-мъ вѣкѣ опрѣсноковъ не было въ употребленіи въ Римской Церкви. Это свидѣтельство подтверждается и далѣе, и на стр. 239 вы найдете изложеніе окончательнаго раздѣленія церковей, совершавшагося при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ.

Надѣюсь, что эта книжка Васъ вполне удовлетворитъ.— Недостатокъ ея—это излишнее распространеніе о томъ, что уже сказано и безъ того ясно и убѣдительно.

Пишу къ Вамъ съ тѣмъ, чтобы Вы не отрывались отъ Вашихъ спѣшныхъ работъ и отнюдь не отвѣчали бы мнѣ теперь, когда Вы такъ заняты.

Искренно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Приблизительно въ это же время, я первый разъ въ жизни дала ему прочесть нѣсколько моихъ маленькихъ разсказовъ.

Беллетристики онъ обыкновенно не читалъ, о чемъ я отъ него самого слышала еще въ молодости, не читалъ даже Толстого, „не интересуясь имъ“—какъ онъ выражался. Тѣмъ съ большей опаской дала я ему мои произведенія, выбравъ такія, гдѣ не было ничего романическаго.

Къ удивленію моему, онъ прочелъ ихъ быстро и также, какъ всегда теперь, тотчасъ написалъ мнѣ нѣсколько строкъ.

— „Съ благодарностью возвращаю Вамъ при семъ Вашу книжку, которую прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и съ большимъ интересомъ. По поводу ея поговоримъ при свиданіи“...

Разказы мои были слѣдующіе: „Отрывки изъ Неизданныхъ Воспоминаній“ (Первая Любовь Тургенева), „Одинъ изъ Малыхъ сихъ“ и еще какой-то.

При первомъ же свиданіи, которое произошло у него на дому, въ вечеръ концерта, онъ очень просто и благосклонно отнесся къ этимъ рассказамъ, назвалъ ихъ „таланливыми повѣстухами“, узналъ дѣйствующихъ лицъ въ первомъ рассказѣ, сказалъ, что они вылитые, что на него такъ и пахнуло прошлымъ. Второй рассказъ онъ назвалъ прелестнымъ—и сказалъ, что ему особенно понравилась реальность, напр. то, что я назвала мальчика Антипой, — т. е. что дала имя, которое дѣйствительно можетъ приходиться въ субботу страстной седмицы, и что я вѣрно подмѣтила нелюбовь русскаго духовенства къ слову „попъ“.

— Да-съ. они, дѣйствительно, теперь велятъ называть себя священниками, — сказалъ онъ, блестя глазами, — забывъ, не зная, что „попъ“ слово древнее, благочестивое, означающее отецъ, папа... А что такое „священникъ“? Въ каждой языческой религіи есть священнослужители, т. е. священники. Отцовъ же, или батюшекъ, или поповъ — вы найдете только въ христіанствѣ. Но они этого не понимаютъ-съ, и не вина народа, что слово отецъ, попъ стало браннымъ. Вина всецѣло самихъ ихъ...

Съ этой минуты онъ сталъ интересоваться моими работами. По его желанію я дала ему мою повѣсть: „Пѣсни спѣты“. Эта книжка уже не была такая маленькая, тоненькая, какъ первая. (Вдобавокъ въ ней есть „любовь“). Онъ взялъ ее съ какой-то неловкостью, напомнившей мнѣ мою юность, когда онъ разъ, въ Петергофѣ, лѣтомъ принесъ мнѣ изъ дому въ садъ мою большую, соломенную шляпу, — взялъ книжку и... не прочелъ ее, а далъ прочесть какой-то своей знакомой, послѣ чего у него пропала охота читать эту повѣсть.

Когда, послѣ довольно большо перерыва, я наконецъ спросила его: почему онъ ничего не говоритъ мнѣ о „Пѣсняхъ спѣтыхъ“ онъ рѣзко-стремительно отвѣтилъ:

— Я самъ ихъ не читалъ-съ. — Нѣтъ! Мнѣ моя знакомая, которой я далъ книги, рассказала, что тамъ у васъ артистка-съ въ первой же сценѣ перебиваетъ игру другого артиста... Развѣ это дѣлается-съ?.. — (онъ суровыми глазами посмотрѣлъ на меня). — Какая же она артистка-съ?! — (Онъ постучалъ рукой по столу) — Ну, вотъ, узнавъ это-съ, я и не сталъ читать.

Съ улыбкой и, разумѣется, смущеніемъ слушала я его, и мнѣ приходило въ голову: — что хоть это и вѣрно подмѣченная психологически „невѣрность“ въ моей повѣсти (которую я и

сама не очень любила; она написана на англійскій ладъ, для молодыхъ дѣвушекъ), всеже не вся же повѣсть заключается именно въ этой неудачной сценѣ, и что надо же было ему дать читать повѣсть такому недоброжелательному критику, какъ его да-а-а-ма!!!

Въ 1900 году кромѣ дѣлъ капеллы и С. М. Ляпунова, Балакиревъ сталъ хлопотать о какомъ-то мальчикѣ Ш—мъ, дворянинѣ по отцу, котораго мать, вдова, по бѣдности, никуда не могла опредѣлить, и котораго задумали отдать въ ученіе къ цирюльнику.

Это рѣшеніе глубоко возмутило и опечалило Балакирева. Онъ принялъ мальчика подъ свое особое покровительство, сталъ хлопотать о немъ вездѣ, гдѣ только могъ, у всѣхъ, кого только зналъ, между прочимъ, у Григорія Григорьевича Даниловича и Озеровыхъ и неотступно напоминалъ о немъ, молилъ за него.

Не получая однако быстрого, благопріятнаго отвѣта на свои мольбы, онъ не вытерпѣлъ и написалъ мнѣ письмо, которое я привожу въ сокращенномъ видѣ.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Посылаю Вамъ только-что полученное письмо Дворянки (по мужѣ) Анны Павловны Ш., изъ коего Вы увидите, что нужно поспѣшить устройствомъ куда-либо сына ея Георгія, о чемъ я передъ праздниками просилъ NN. Мнѣ казалось, что для нея не представитъ затрудненія, благодаря близкому родству съ ** пристроить мальчика въ какое-либо заведеніе, но самъ я не рѣшаюсь повторить эту мою просьбу.

Озеровы такъ сердечно отнеслись къ положенію капеллы и такъ много уже сдѣлали изъ того, что могли сдѣлать, что беспокоить ихъ еще какой-либо просьбой я не могу рѣшиться, а потому обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой или напомнить NN о мальчикѣ Георгіи Ш—мъ, или, если напоминаніе Вы найдете неумѣстнымъ, возвратите мнѣ письмо Ш—ой, и тогда я буду выискивать другіе пути для устройства ея симпатичнаго мальчика.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Увы, на этотъ разъ мои друзья не могли быть ему полезны. Всѣмъ всегда кажется, что человѣку легко пристроить помѣ-

ститъ мальчика или дѣвочку въ какое-нибудь учебное заведеніе или пріютъ и т. д.—разъ человѣкъ этотъ болѣе или менѣе у власти. На самомъ дѣлѣ и людямъ у власти очень трудно бываетъ это сдѣлать, и въ этомъ случаѣ такъ это и оказалось для моихъ друзей, но зато Г. Г. Даниловичъ помогъ Балакиреву, и черезъ нѣкоторое время, я получила отъ моего дорогого стараго друга письмо, въ припискѣ къ которому онъ говорилъ: „Г. Г. Даниловичъ выхлопоталъ моему protégé—стипендію“.

Черезъ годъ или полтора, по случаю того, что мнѣ самой представилась возможность помѣститъ какого-нибудь мальчика въ одно изъ лучшихъ учебныхъ правительственныхъ заведеній, въ отвѣтъ на мое предложеніе, Балакиревъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ съ восторгомъ говорилъ, что этого Ш. уже не нужно, что protégé его уже давно хорошо устроенъ въ Москвѣ, въ Ремесленномъ училищѣ.

Въ этомъ же 1900 году Милій Алексѣевичъ сталъ присылать мнѣ записочки и письма своихъ иностранныхъ корреспондентовъ (особенно англичанъ и американцевъ) для перевода на русскій языкъ, и для разбора неразборчиво написанныхъ словъ, французовъ.

Такъ разъ онъ прислалъ мнѣ тщательно скопированную имъ самимъ фразу изъ письма къ нему профессора Парижской консерваторіи Бурго Дюкюдрэ и написалъ мнѣ, что выписываетъ всю фразу для того, чтобы я по смыслу могла догадаться, какія слова написаны въ письмѣ.

Въ это время онъ былъ опять боленъ, или вѣрнѣе, сердечная болѣзнь его въ это время обострилась (почему ему былъ прописанъ его любимымъ докторомъ Бородулинымъ, зятемъ покойнаго профессора С. П. Боткина, продолжительный курсъ молочнаго лѣченья), и самъ лично онъ у меня не могъ часто бывать.

Не помню, отвѣтила ли я, т. е. успѣла ли отвѣтить ему на это письмо или нѣтъ (слова не представляли затрудненія для разбора), но на слѣдующее утро я получила вновь записку:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

„Мнѣ очень совѣстно, что я Васъ по пустякамъ беспокоила вчерашнимъ письмомъ.—Пришелъ Ляпуновъ и помогъ мнѣ разобрать слова въ письмѣ Бурго Дюкюдрэ, которыя я не могъ

понять.—Кромѣ того, онъ мнѣ сообщилъ важное извѣстіе: въ газетахъ было, что въ понедѣльникъ Рыдзевскій представлялся Ея Величеству въ Аничковомъ Дворцѣ“...

Дальше, къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ опубликовать это письмо.

Въ тотъ же день вечеромъ я получила еще письмо съ повтореніемъ извиненій за то, что онъ изъ-за вздора оторвалъ меня отъ серіозной работы. Письмо было съ нужной мнѣ для работы справкой. Справка эта касалась величанья Воскресенью, и онъ писалъ мнѣ слѣдующее:

— „Вамъ нуженъ текстъ величанія Воскресенью, вотъ онъ: „Величаемъ Тя Живодавче Христе насъ ради во адъ сшедшаго и вся съ Собою воскресившаго“.

Я не имѣю книги, въ которой это величаніе было бы означено, и пишу Вамъ его на память съ увѣренностію, что я не ошибся ни въ чемъ.

Дорогимъ Вашимъ искренній мой поклонъ.

Преданный Вамъ М. Балакиревъ“.

Въ концѣ перваго письма отъ 3-го марта, въ припискѣ онъ сообщалъ мнѣ, я забыла сказать, что въ состояніи его здоровья послѣдовало небольшое улучшеніе.

Затѣмъ 5-го марта, въ отвѣтъ на мой вопросъ: въ какой исторіи можно прочесть подробныя свѣдѣнія о Чехіи? онъ написалъ мнѣ слѣдующее:

„Интересующія Васъ свѣдѣнія о Чехіи Вы прочтете въ полномъ собраніи сочиненій Гильфердинга, состоящемъ, сколько помню, изъ двухъ только томовъ, которые, въ настоящее время, составляютъ библиографическую рѣдкость. Къ сожалѣнію, я не имѣю ихъ, иначе охотно ссудилъ бы ими Васъ.

Попробуйте справиться о возможности ихъ добыть въ конторѣ Славянскаго общества, помѣщающагося въ угольномъ домѣ (на площади Александринскаго театра), примыкающемъ къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ“...

Въ апрѣлѣ же, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ начала молочнаго леченія, въ здоровьѣ его произошло такое улучшеніе, онъ почувствовалъ себя настолько лучше, настолько молодцомъ, что со своей всегдашней готовностію и желаніемъ сдѣлать пріятное друзьямъ, написалъ мнѣ слѣдующія строки:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Очень желаю знать, въ какомъ положеніи Ваше драгоценное здоровье. Я собираюсь въ началѣ мая переѣхать въ Гатчину и мнѣ хотѣлось бы имѣть удовольствіе передъ отъѣздомъ Васъ всѣхъ видѣть у себя.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

24 апр. 1900 г.

Затѣмъ 8-го мая новое письмо, въ которомъ, на третьей страницѣ, онъ присоединилъ программу своего концерта.

Концерты его я съ семьей и мои ближайшіе друзья Д. А. и Е. П. Озеровы очень любили, испытывая то рѣдкое счастье, которое доставляетъ истинно прекрасная музыка. Но въ эти первые годы моего вторичнаго сближенія съ Миліемъ Алексѣевичемъ, мнѣ казалось, что ему не можетъ доставлять удовольствіе играть мнѣ одной въ маленькомъ кругу моихъ близкихъ, и я, съ моими друзьями, мысленно отыскивала: кого можно было бы еще пригласить послушать игру Балакирева, кому доставило бы это искреннее наслажденіе?

Увы, какъ ни искали мы мысленно такихъ людей, — ихъ было не много. Помню, какъ разъ я пригласила на такой концертъ дорогую и знакомую мнѣ съ моего дѣтства женщину изъ педагогическаго міра. Насталъ вечеръ, пріѣхали другіе приглашенные, а она нѣтъ. Мы ждали ее до 9-ти часовъ (съ 8-ми). Смущенно просила я Милія Алексѣевича, который проносилъ свои гм-гм, повременить еще пять минутъ, еще... Минуты проходили за минутами, ее ждали, а она все не пріѣзжала.

Наконецъ концертъ начался и прошелъ безъ нея. А послѣ концерта Балакиревъ, со свойственнымъ ему серьезнымъ сарказмомъ, обратился ко мнѣ, смущенной, недоумѣвавшей, почему ее не было?—со словами:

— Вы думаете, что она, дѣйствительно, хотѣла быть? Ошибаетесь! Въмѣсто концерта она предпочла, конечно, извлекать у себя дома ко-оорни-съ! Да! Да!.. Вѣдь она математичка? Не такъ ли-съ? Ну вотъ-съ, она и извлекала корни...

... Въ другой разъ на концертъ Милія Алексѣевича я пригласила довольно много свѣтскихъ людей. Между ними была и милѣйшая А. І. В—ва, вдова извѣстнаго меломана генерала В., знакомаго также и Балакирева. Шведка по происхожденію,

дама эта приняла православіе, „обожала“ память своего мужа и сама по себѣ принадлежала къ породѣ людей съ „артистическими наклонностями“. Она и немного пѣла, и немного рисовала, и играла на фортепіано, и занималась мелодекламаціей, тогда только еще входившей въ моду. Последней она очень интересовала знакомыхъ, такъ какъ мелодекламировала по-шведски, всегда что-нибудь крайне трагичное, переводила лишь вкратцѣ сюжетъ передъ началомъ по-французски, и сама блѣднѣла до зелени во время исполненія, переживая душой всѣ передаваемые ею ужасы скандинавскихъ мрачныхъ сагъ, легендъ, стихотвореній и пр.

Балакиревъ священнодѣйствовалъ на концертахъ и молчаливо требовалъ, чтобы священнодѣйствовали и всѣ присутствующіе. Никто изъ запоздавшихъ не впускался въ гостиную, никто не смѣлъ выйти изъ нея. Лакеи не смѣли открыть двери. Словомъ это былъ настоящій концертъ, не свѣтское увеселеніе, когда „вѣжливо“ разрѣшается всѣмъ перешептываться, пересмѣиваться, заниматься flirt'омъ и пр., т. е. иными, Пушкинскими словами, переведенными на прозу, разрѣшается „плевать на тотъ алтарь, гдѣ горитъ огонь и въ дѣтской рѣзвости колебать оракульскій треножникъ“...

Этого плеванія и колебанія Балакиревъ не выносилъ, и всѣмъ приглашаемымъ на концерты это ставилось на видъ.

Всѣ всегда, разумѣется, и вели себя крайне корректно, молодые, боясь даже двинуться.

Также корректно держала себя и М-ше В., восторженная по природѣ, но по окончаніи концерта, когда всѣ встали, чтобы перейти пить чай,—она, раньше никогда не слыхавшая игру Милія Алексѣевича, вдругъ, громко обратилась ко мнѣ со словами:

— *Princesse, mais où demeure donc cet ange?*

Окружавшіе насъ засмѣялись, Балакиревъ, стоявшій еще у рояля и бесѣдовавшій съ кѣмъ-то, поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня, а я, улыбаясь ему, повторила слова М-ше В.

— Милій Алексѣевичъ, М-ше В. спрашиваетъ про васъ: гдѣ живетъ этотъ ангелъ?

Въ первую секунду Балакиревъ, не разслышавъ слова: „про васъ“, не понялъ, о комъ шелъ вопросъ, но когда Е. А.^{***} и еще другіе сказали ему: — „про васъ, про васъ М-ше В. это спрашиваетъ“, — онъ даже весь вздрогнулъ, потомъ по лицу

его побѣжали какія-то свѣто-тѣни и, поднявъ отъ крышки рояля немного руки, онъ произнесъ съ укоромъ:

— Ахъ, Бо-о-оже мой! — потомъ смущенно, открывая старческій, беззубый ротъ, засмѣялся.

Тѣмъ дѣло бы и кончилось, если бы М-ше В., съ которой благодушно сталъ бесѣдовать Балакиревъ, узнавъ отъ него его адресъ и то, что онъ почти всегда живетъ и жилъ въ Петербургѣ и пр., не обратилась къ нему съ вопросомъ: — знакомъ ли онъ съ „Crescendo Lassong'a“?

Въ одинъ мигъ все благодушное выраженіе исчезло съ лица Милія Алексѣевича, сбѣжало, какъ съ перьевъ вода.

(Вѣрно такъ посматрѣлъ на говорившихъ соловей въ баснѣ Крылова).

— Нѣтъ-съ, не знакомъ! — отрѣзалъ онъ, и глаза его, встрѣтившіе мой взглядъ, метнули насмѣшливыя искры, а М-ше В., между тѣмъ, восторженно закатывая глаза, продолжала:

— Ахъ, неужели вы незнакомы? Вамъ слѣдовало бы его играть!.. Именно вамъ. Lassong... онъ умеръ въ чахоткѣ. Онъ только это Crescendo и написалъ и... умеръ... Вотъ фрейлина О—ни тоже не знала Crescendo, но когда я сыграла ей его, она пришла въ такой восторгъ... въ такой!..

Балакиревъ давно издавалъ свои гм-гм, давно съ ехидно-язвительнымъ и вмѣстѣ наивнымъ видомъ, прищурившись, повторялъ: Лассонъ, Лассонъ! Никогда имени его не слыхалъ-съ, — и обводилъ присутствовавшихъ глазами, а я стояла и не знала, какъ прекратить совершенно излишнія изліянія нашей бѣдной свѣтской знакомой.

Долго потомъ, и въ этотъ вечеръ, когда всѣ развѣхались, и послѣ, приходя ко мнѣ, вспоминалъ Балакиревъ объ этомъ разговорѣ и смѣшилъ меня, рассказывая, какъ Lassong написалъ сначала Crescendo, а потомъ Diminuendo, послѣ котораго... н-да,—да, и умеръ!..

Послѣ концертовъ за чаемъ и легкимъ ужиномъ Милій Алексѣевичъ, зная, что людей надо занимать, чувствуя, что этого отъ него ждутъ, что иначе временами будетъ наступать молчаніе,—портящее вечеръ, какъ портятъ ткань не затканныя, голыя, съ просвѣчивающей основой мѣста, всегда переходилъ на близко знакомую ему жизнь двухъ сановниковъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже нашимъ другомъ, прохаживался на ихъ

счетъ, рассказывалъ безобидные анекдоты, острилъ и смѣшилъ всѣхъ.

Серіозно, т. е. на серіозныя, близкія его душѣ темы онъ въ эти вечера никогда не говорилъ. Помню, какъ разъ онъ насмѣшилъ всѣхъ до слезъ, рассказавъ о томъ, какъ какой-то французъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для изученія русской свѣтской жизни, чтобы написать потомъ романъ изъ этой жизни, обратился къ кому-то съ просьбой-вопросомъ:

— Скажите мнѣ, есть у русскихъ особыя, національныя имена? — Есть. — Назовите, пожалуйста, какое-нибудь женское имя.

— Ну... Телятина.

— На слѣдующее утро новая глава была написана французомъ, изучающимъ русскую жизнь,—продолжалъ Балакиревъ:— и начиналась такъ; это про молодую дѣвушку, героиню: — „Télatine était seule dans sa chambre...“

Балакиревъ картавилъ, т. е. отъ рожденія произносилъ р какъ французы, и потому короткія французскія фразы (хорошо французскаго языка онъ не зналъ) выходили всегда у него съ чисто парижскимъ акцентомъ.

Забавно рассказывалъ онъ также про покойнаго петербургскаго митрополита Исидора.

Нѣкоторые анекдоты, впрочемъ, не представляется возможнымъ передать. Они касаются дѣятелей, живущихъ понынѣ; другіе же, такъ сказать, уже безобидны, такъ какъ затрагиваютъ лицъ „сраму не имущихъ“.

Изъ послѣдней категоріи уморителенъ былъ его рассказъ про покойную игуменью Новодѣвичьяго монастыря Валентину, пріѣхавшую по дѣлу утромъ къ Владыкѣ.

— Она выпивала-съ,—рассказывалъ серіозно Балакиревъ.— Вы не слыхали? Какъ же-съ. И вотъ пріѣзжаетъ она разъ къ Исидору. А ему уже донесли на нее. Н-да-да!.. Здороваается, дѣлаетъ метаніе, начинаетъ говорить. А Исидоръ ей...—(Балакиревъ мѣняетъ тонъ и голосъ на очень тонкій). — Ближе! Валентина дѣлаетъ шагъ впередъ и опять говоритъ, а онъ ей опять: (Голосъ Балакирева еще тоньше)—ближе! ближе!.. (Интонаціи Балакирева непередаваемы по юмору). Наконецъ Валентина совсѣмъ у кресла Владыки. — Нѣгнись... нѣгнись! — говоритъ старчески тихо Исидоръ на ђ... Іещѡ... Іещѡ!... Не слышу... Къ уху нѣгнись... — Она какъ нагнулась... (Балакиревъ говоритъ своимъ собственнымъ голосомъ). Онъ потянулъ носомъ,

почувствовалъ запахъ водки и закачалъ головой. (Опять подражаніе жиденькому тенорку Исидора)—И это ты такъ съ утра!!..

Другой анекдотъ, который запомнился мнѣ и относился также къ тому же митрополиту, касался его и пріѣзжихъ откуда-то изъ провинціи монахинь. Онѣ пріѣхали къ митрополиту и вошли въ пріемный залъ. Митрополитъ вышелъ къ нимъ, благословилъ ихъ, потомъ ихъ напоили чаемъ, накормили, затѣмъ владыка вторично вышелъ къ нимъ, сталъ разглядывать ихъ, разговаривать съ ними и вдругъ поднялъ руки и говорить: матери мои, гляжу я на васъ, да какія же вы всѣ рожи!!..

Въ этихъ и подобныхъ разсказахъ, весело проходило время послѣ концерта, и всѣ развѣзжались, смѣясь и съ удовольствіемъ поминая остроуміе Милія Алексѣевича.

Впрочемъ, нѣкоторые оставались и этимъ недовольны и говорили, что „предпочитають“ игру Балакирева его всегда вызывавшимъ смѣхъ, но „злымъ“ разсказамъ!!

Письмо отъ 3-го мая было слѣдующее:

Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна.

Распоряженія касательно рояля сдѣланы. Онъ будетъ доставленъ къ Вамъ въ четвергъ. На оборотѣ письма Вы увидите программу піесъ, которыми я намѣренъ Васъ угостить. Желательно, чтобы она была переписана въ нѣсколькихъ экземплярахъ для Вашихъ гостей. Въ этомъ могли бы помочь Ваши милыя дѣти, а можетъ быть и добрѣйшая Екатерина Петровна не откажется написать машинкой нѣсколько экземпляровъ.

И такъ до четверга.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

Liszt.	Nocturne № 1.
„	Consolation № 9.
„	Sonnetto di Petrarca № 1.
„	„Il Penseroso“ (написано подъ вдохновеніемъ статуи Микель-Анджело надъ гробницей Medici во Флоренціи).
„	Polonaise (C-moll).
Schumann.	Romance (Fis-dur).
„	Novelette № 3.
„	Vogel als Prophet.
„	Novelette № 2.

Chopin. Mazurka (A-moll).

" Nocturne (Des-dur).

Балакиревъ. Фантазія на темы изъ оперы „Жизнь за Царя“.

...Надо сказать, что другъ мой, Екатерина Петровна Озерова, часто переписывала для редакцій мои литературныя работы и для того взяла взаймы у князя А. В. Б. маленькую печатную машинку Diamond. Про это и вспомнилъ теперь Милій Алексѣвичъ.

Не помню только, была ли переписана программа на машинкѣ или нѣтъ, но помню то неизгладимое впечатлѣніе, которое оставило его исполненіе „Il Penseroso“ („Задумавшійся“ рыцарь, одиноко смотрящій на входящія въ гробницу одно за другимъ поколѣнія людей).

Это было что-то непередаваемое по глубинѣ и философски-религіозному величію. Думы Il Penseroso о каждомъ поколѣніи въ звукахъ рождались, росли, крѣпли... Поколѣніе надѣялось, любило, строилось, укрѣплялось и вдругъ... умирало, уничтожалось, падало въ одинъ мигъ, сокрушеннымъ!.. И снова являлись новыя думы, новое поколѣніе, которое также росло, также переживало всю положенную ему эволюцію и также разрушалось безъ остатка, уступая мѣсто слѣдующимъ и слѣдующимъ думамъ и слѣдующимъ живущимъ.. и все исчезало, рушилось.. оставалось одно: вопросъ... и вѣчность.

Это гениальное симфоническое произведеніе великаго симфониста Листа, я думаю, никогда еще не находило такого подходящаго для себя исполнителя, какъ Балакиревъ. Изъ-подъ пальцевъ его, какъ изваянныя на мраморномъ челѣ думы, выходили звуки, увеличивающіеся до громадъ, и затѣмъ сокрушались, какъ гранитныя глыбы... Холодокъ точно морозилъ щеки, и душа слушающихъ вмѣстѣ съ исполнителемъ переживала восторгъ...

Съ этого вечера „Il Penseroso“ сталъ одной изъ нашихъ самыхъ любимыхъ пьесъ, и Балакиревъ нѣсколько разъ въ годъ, пока былъ въ силахъ, исполнялъ ее.

Послѣ этого концерта въ началѣ мая онъ скоро переѣхалъ въ Гатчину, и оттуда, 20-го того же мѣсяца, я получила оригинальное и вмѣстѣ трогательное по своей какой-то милой наивности письмо. Привожу его почти цѣликомъ, такъ какъ, по-моему, оно освѣщаетъ ту сторону души Милія Алексѣвича, которая какъ бы говорить: homo sum et humani nihil a me alienum puto.

Гатчина. Новая улица 4. 20 мая 1900 г.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Давно собирался написать вамъ и спросить васъ о вашихъ дѣлахъ и о душевномъ вашемъ настроеніи. Объ этомъ трудно бесѣдовать письменно, но до нѣкоторой степени возможно.

Сегодня пишу къ вамъ подъ впечатлѣніемъ сна. — Этой ночью я видѣлъ во снѣ вашего отца, который былъ веселъ, доволенъ, улыбался и радовался тому, что разбогатѣлъ, при чемъ я подумалъ: *надомо ли?* — Онъ мнѣ подарилъ что-то много денегъ, и я слышалъ внутри себя какой-то нехорошій голосъ, говорящій мнѣ: „не будь щепетилень и бери, коли дадутъ. Тебѣ же деньги вѣдь очень нужны“.

Я дѣйствительно взялъ отъ него въ подарокъ деньги и такъ радовался обладанію значительной суммой, что едва повѣрилъ проснувшись, что это было *во снѣ*.

Я всегда замѣчалъ, что если во снѣ я получаю деньги, то на яву мнѣ приходилось очень расходоваться не по средствамъ и къ тому же совсѣмъ неожиданно. — Такъ и теперь я жду какой-нибудь непріятности денежной и неожиданной.

Во снѣ я такъ былъ тронутъ добрымъ ко мнѣ чувствомъ вашего отца, что не переставалъ его обнимать и *крестить*, при чемъ я сталъ замѣчать, что лицо его какъ-то незамѣтно измѣнилось.

Сообщите о вашемъ здоровьѣ...

Буду ждать отъ васъ извѣстій.

Душевно вамъ преданный М. Балакиревъ“.

На это письмо я отвѣтила ему откровенно, и у насъ завязалась переписка, которую онъ называлъ полемикой, и которая представляетъ изъ себя не мало интереса, для выясненія его глубокой вѣры, но которая, въ настоящее время, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ опубликована.

Впоследствии, по поводу его письма о моемъ отцѣ, я нѣсколько разъ спрашивала его: не оправдалось ли его предчувствіе денежныхъ непріятностей? Но, къ счастью, оказалось, — нѣтъ, не оправдалось!

Въ этомъ же году я съ удивленіемъ узнала еще черту Милія Алексѣевича. Онъ, такъ тонко понимавшій все неосвязаемо высокое, прекрасное, если позволено будетъ такъ выразиться, — музыку, поэзію, религію, вѣру — онъ оставался совершенно чуждымъ тому, что принято называть эстетикой. Онъ не признавалъ красоты внѣшняго устройства жизни, оставался глухъ и слѣпъ къ ней.

Разъ онъ поразилъ меня въ разговорѣ, серьезно заявивъ, что не видитъ разницы между чудной, старинной работы, стоявшей тутъ же громадной бронзовой, лампой-вазой, и голубымъ рыночнымъ фонарикомъ (точнѣе лампой съ синимъ колпакомъ), висѣвшимъ у него въ гостиной.

На мое возраженіе: что этого не можетъ быть! (онъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной) онъ остановился передо мной и нѣсколько разъ серьезно, глядя мнѣ въ глаза, повторилъ:

— Не вижу-съ! Какая же въ этой лампѣ особая красота? Какая разница? Не вижу-съ... Не вижу разницы-съ... и этимъ навсегда прекратилъ у меня охоту доказывать ему что-нибудь, спорить съ нимъ о чемъ-нибудь, касающемся эстетики. Впрочемъ, совершенно не знаю, былъ ли онъ, до рѣзкости искренній и правдивый вообще,—искрененъ въ этомъ случаѣ или была это просто то, что французы называютъ *une boutade*, камешекъ въ мой огородъ, такъ какъ я преклоняюсь до сихъ поръ и всю жизнь преклонялась передъ всѣмъ прекраснымъ въ мірѣ, т. е. даже передъ любыми красивыми предметами любого прикладного искусства.

Лѣто 1900 года мы проводили въ Гапсаль, но въ концѣ іюля, вслѣдствіе кончины дорогого Александра Петровича Озерова, отца Давида Александровича и нашего большого друга, спѣшно должны были вернуться въ Петербургъ, къ его похоронамъ. Послѣ похоронъ въ Гапсаль мы уже не вернулись, а осень снова провели въ Гатчинѣ, въ помѣщеніи, данномъ Е. П. и Д. А. Озеровымъ въ императорскомъ дворцѣ.

Балакиревъ обрадовался нашему переѣзду въ его любимую Гатчину и по-прежнему сталъ бывать у насъ.

Разъ какъ-то я, предупредивъ его письмомъ о моемъ посѣщеніи, зашла къ нему, но онъ спалъ и я, не велѣвъ будить его, ушла. На слѣдующее утро я получила письмо:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Въ воскресенье посѣщеніе ваше было совсѣмъ неожиданнымъ для меня, и я очень сожалѣю, что вы не позволили меня разбудить. — Вечеромъ въ тотъ же день я заходилъ къ вамъ, чтобы сказать, что я никакого письма отъ васъ не получалъ. Изъ словъ вашихъ дѣтей я узналъ, что и вы не получали моего письма. Что бы это значило!?

На этой недѣлѣ у меня пятница, суббота и воскресенье не свободны. Остальные же дни я свободенъ, и отъ васъ зависитъ

выбрать удобный для васъ день нашего свиданія, которое можетъ произойти у васъ или у меня.

Я предпочелъ бы сдѣлать наше собраніе у меня, такъ какъ у меня имѣется недурной рояль, и я могъ бы угостить моихъ дорогихъ гостей музыкой.

Пишу вамъ *заказнымъ*, и потому надѣюсь, что это письмо не пропадетъ.

Душевно вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

23-го августа 1900 г.

Новая улица 4.

„Отвѣтъ вашъ отправьте *заказнымъ*, или пришлите съ нарочнымъ, чтобы онъ не пропалъ, подобно вашему письму“.

Когда мы свидѣлись съ нимъ, у насъ произошелъ слѣдующій комическій разговоръ о почтовыхъ порядкахъ.

Милій Алексѣевичъ почему-то былъ увѣремъ, что особенно много теряется писемъ, опущенныхъ въ почтовые ящики, помѣщающіеся въ стѣнахъ дворцовъ.

Какъ ни разубѣждала я его въ противномъ,—онъ стоялъ на своемъ и бранилъ наши почтовые порядки вообще.

— Вы знаете ли-съ, что у насъ дѣлается?—по привычкѣ откашливаясь, говорилъ онъ.—Нѣтъ, не знаете-съ! Представьте себѣ, разъ мнѣ спѣшно нужно было послать телеграмму...

(Тутъ, для точности, я должна оговориться, что навѣрное не помню, въ Царское ли, въ Павловскъ, или въ Петергофъ нужно ему было, по его словамъ, изъ Гатчины послать депешу).

— Пишу, — продолжалъ Балакиревъ, — отношу самъ и думаю,—телеграмма будетъ на мѣстѣ черезъ нѣсколько минутъ, а черезъ часъ или два придетъ ко мнѣ отвѣтъ. Спрашиваю на телеграфѣ: какъ скоро будетъ моя телеграмма доставлена адресату? Это, говорятъ, неизвѣстно. Мы ее сейчасъ отправимъ а когда она изъ Петербурга пойдетъ, этого мы сказать не можемъ.—Изъ Петербурга? Зачѣмъ же-съ вы ее отправите въ Петербургъ?..—спрашиваю. И что же-съ оказалось?.. Нда, да!.. Всѣ телеграммы изъ Гатчины-съ идутъ не прямымъ путемъ, а кружнымъ, черезъ главный столичный почтамтъ! Видите-съ!.. Гені-а-аальное-съ распоряженіе!.. — проговорилъ громко Милій Алексѣевичъ.—Я и говорю на телеграфѣ чиновникамъ: а что снята форма головы вашего почтъ-директора? Его черепъ измѣрить бы надо для вразумленія потомства. Нда... нда!..

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Г. А. Де-Воллана.

Послѣ нѣкотораго размышленія я рѣшилъ поступить въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Тамъ занимались политикою, которая была моею всегдашнею слабостью.— Я буду знать пружины, по которымъ движется все, говорилъ я себѣ.—Первый приступъ былъ неудачный. Товарищъ министра Вестманъ поразилъ меня своимъ самодовольнымъ и своимъ высокомернымъ видомъ. Онъ долго объяснялъ мнѣ, что все занято. Только благодаря Гамбургеру и Стремоухову я попалъ въ Азіатскій Департаментъ.— Незнаніе жизни и нѣкоторая замкнутость въ себѣ не понравилась сначала товарищамъ. Они сказали про меня *il se prend au sérieux*. Но это было только вначалѣ. Потомъ большинство меня полюбило, выгораживало передъ начальствомъ и восхваляло мои способности. Такими друзьями моими сдѣлались бар. Розенъ, бар. Стюартъ, Персіани, Шимановскій и проч. Были и чернорабочіе, которые не были приняты въ наше общество. Такимъ былъ Суровцевъ.— Несчастный умеръ въ чахоткѣ въ Швейцаріи.— Я сначала не ходилъ къ Стремоуховымъ, но потомъ сдѣлалъ ему визитъ.— Серьезнѣе всѣхъ понималъ свои обязанности самъ Стремоуховъ, весьма талантливая личность. Лицо у него было бритое (*à lame de couteau*), острое, какъ лезвіе ножа. Онъ былъ чрезвычайно ловокъ, вкрадчивъ и имѣлъ большое вліяніе на канцлера. Ко мнѣ онъ благоволилъ, и я остался ему за это очень благодаренъ, и не отказался отъ него тогда, когда онъ палъ. Онъ работалъ чрезвычайно легко, зналъ великолепно Востокъ. Ему поручалось самое важное въ министерствѣ. Главнымъ достоинствомъ его было то, что онъ былъ русскій въ полномъ смыслѣ

этого слова. Русскіе интересы стояли у него на первомъ планѣ, не такъ, какъ у нѣмцевъ министерства (Вестмана и друг.). Обращеніе его съ подчиненными было безукоризненное. Никогда не слышался начальнической тонъ, напротивъ, онъ былъ всегда вѣжливъ, любезенъ и если былъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, то онъ никогда не позволялъ себѣ ни одного обиднаго слова.

Изъ бумагъ, бывшихъ въ моихъ рукахъ, я узналъ о разговорѣ Стремоухова съ Тьеромъ, а потомъ съ Бисмаркомъ. Последнее тѣмъ меня поразило, что Желѣзный Князь предлагалъ по-просту подѣлить Австрію. Отчего не согласились наши великіе мужи, или они боялись, что Германія захватитъ себѣ львиную часть? — Кончилось тѣмъ, что Бисмаркъ заключилъ союзъ съ Австріей противъ насъ. Стремоуховъ умѣлъ отличать способныхъ людей, но онъ не особенно приближалъ ихъ къ себѣ. Ионинъ, Стюартъ послѣ долгихъ лѣтъ получили выдающіеся посты. — Онъ выдвигалъ такихъ, которые придерживались пословицъ: „кадиломъ рыла не разобьешь“. Такими были: Мельниковъ — бездарная и надутая личность. Правда, онъ работалъ какъ волъ. Находясь даже въ качествѣ вице-директора, онъ былъ на побѣгушкахъ у Стремоухова. А когда Стремоуховъ лишился своей власти вязать и рѣшать, онъ повернулъ ему спину и прилѣпился къ Жюмини. — „Не смѣть свое сужденіе имѣть“ было Мельникова лозунгомъ; а когда онъ начиналъ говорить, то мякалъ (мя... мя) по выраженію Стюарта.

Когда я поступилъ въ Азіатскій Департаментъ, то вице-директоромъ былъ баронъ Остенъ-Сакенъ, начальникомъ отдѣленія баронъ Дмитрій Ѳедоровичъ Стюартъ и дѣлопроизводителемъ VIII к. или столоначальникомъ былъ баронъ Романъ Романовичъ Розенъ... Экзаменъ дипломатическій не трудно было сдать. На первыхъ порахъ я поспорилъ съ своимъ начальствомъ, которое требовало, чтобы я писалъ Азіатскій съ я, а не съ а, какъ это принято въ литературѣ. Я сошелся и съ моимъ начальствомъ и съ товарищами. Барона Остенъ-Сакена многіе знаютъ по Географическому Обществу. — Онъ былъ тогда недоступенъ для насъ, молодежи. Прежде всего потому, что у вице-директора особый кабинетъ и туда пойдешь только по дѣлу. — Онъ зналъ очень хорошо покойнаго Гильфердинга. Баронъ Остенъ-Сакенъ представлялъ собою типъ основательнаго германца. Немного педантъ, но человекъ въ высшей степени порядочный, знающій свое дѣло и любящій Востокъ.

Его Стремоуховъ не долюбивалъ и постарался сбыть его куда-нибудь. Онъ былъ переведенъ директоромъ внутреннихъ сношеній, — хорошее назначеніе для спеціалиста по Востоку. Баронъ Дмитрій Ѳедоровичъ Стюартъ былъ душою общества. Остроумный даже съ излишествомъ, потому что изъ-за краснаго словца не жалѣлъ ни матери, ни отца, онъ маленькими шажками перебѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, сыпалъ остротами. Онъ подсмѣивался рѣшительно надъ всѣми, но на него никто не обижался. Хотя онъ казался легкомысленнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ добросовѣстный работникъ, любящій свое дѣло. Онъ хвалился тѣмъ, что у него былъ священный огонь. Я близко сошелся съ нимъ и со всею его семьей, съ женою и съ двумя мальчиками, съ которыми я возился, игралъ. Съ Стюартомъ мы спорили напропалую и вели нескончаемые русскіе разговоры. Потомъ мы выпили на брудершафтъ и вообще, я считалъ его однимъ изъ своихъ лучшихъ друзей. Въ то время, когда я его встрѣтилъ, онъ былъ не очень красивъ, обликъ британскій: бритое лицо съ баками, подслѣновать, въ очкахъ и съ лысиной во всю голову. — Его друзья иногда въ шутку цѣловали его лысину и вообще прохаживались на его счетъ. Больше всего ему доставалось отъ его товарища по Лицею Персіани, котораго мы окрестили Протестъ (вмѣсто Виктора) Ивановичъ. — Онъ всегда шумѣлъ, даже кричалъ, былъ вхожъ къ Стремоухову, который мирился съ его крикливой и протестующей манерой. Персіани былъ единственный человѣкъ съ характеромъ. — Онъ былъ крикунъ, это правда, но въ немъ было много благородныхъ чертъ.

Съ барономъ Розеномъ мы скоро сошлись на ты, и онъ былъ скорѣе моимъ товарищемъ, чѣмъ моимъ начальникомъ. Онъ не былъ такой ретивый работникъ, какъ Стюартъ, не напрашивался на работу (какъ я дѣлалъ сначала по неопытности), но отъ дѣла не бѣгалъ и исполнялъ его очень хорошо. Онъ былъ свой у Стремоухова, какъ и его другъ Григорій Вилламовъ, недоучившійся гимназистъ, какъ о немъ выразился баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ департаментѣ былъ Ronchéne (Велецкій), mandarin Gros (Броссе). Всѣ эти клички были даны Стюартомъ. Я бывалъ у Стремоуховыхъ только съ визитомъ и довольно рѣдко. У Стремоуховыхъ, какъ мнѣ говорили, шла большая игра и мнѣ тамъ нечего было дѣлать... При немъ Азіатскій департаментъ сдѣлался осью нашей внѣшней политики. Онъ пользовался благосклонностью канцлера, который

прочилъ его въ товарищи министра... Я забѣгу немного впередъ, чтобы познакомить съ Стремоуховымъ. Но дѣло не выгорѣло, и Петръ Николаевичъ Стремоуховъ подалъ въ отставку, когда на мѣсто товарища министра назначили Гирса. (Я поступилъ еще при Вестманѣ, который потомъ умеръ). Горчаковъ, хотя и выставялъ кандидатуру Стремоухова, былъ доволенъ назначеніемъ Гирса, который женатъ былъ на племянницѣ канцлера княжнѣ Кантакузиной. Гирса назначили вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющимъ Азіатскимъ департаментомъ. Канцлеръ, котораго я никогда не видѣлъ (теперь не знаю почему), послѣ назначенія Гирса, какъ-то пригласилъ кого-то къ обѣду и сказалъ при этомъ: „у меня за обѣдомъ будетъ каша...“ Подаютъ супъ, а каши никакой нѣтъ. Потомъ канцлеръ спрашиваетъ Гирса: ну, что, какъ дѣла... Гирсъ, хватаясь за голову, говоритъ: „ахъ, у меня такая каша въ головѣ“. Канцлеръ только взглянулъ на гостя... Это было обычное изреченіе Гирса ¹⁾, и онъ мнѣ говорилъ это не разъ... Пока отъ него ожидали богатая милости, у него на пріемахъ была толчея. У него были, конечно, враги, но ихъ не было видно. Но когда стало извѣстно, что онъ уѣзжаетъ въ свою деревню, то кругъ друзей его порѣдѣлъ. Даже не нашлось людей, чтобы дать ему обѣдъ. И онъ, предвидя все это, скоропалительно собрался, и тѣмъ, которые хотѣли почтить уходившаго начальника, осталось только пригласить его на трапезу передъ самымъ уходомъ поѣзда, къ Палкину. Я не буду говорить, кто не былъ на этомъ обѣдѣ... Былъ, конечно, Стуртъ, Персіани, только-что поступившій въ Азіатскій департаментъ князь Сергій Шаховской (впослѣдствіи губернаторъ въ Балтійскомъ краѣ) и еще два-три человѣка... Обѣдъ былъ невеселый. Я никогда не забуду, какъ мадамъ Стремоухова, сидя за закусочнымъ столомъ, роняла крупныя слезы въ свою тарелку. Петръ Николаевичъ держался бодро, но и онъ, произнося прощальный спичъ, прослезился. Онъ все думалъ, что фортуна улыбнется ему, но онъ такъ и остался въ своемъ чудномъ имѣніи (я его посѣтилъ потомъ) въ Курской губерніи.

¹⁾ Мнѣ пришлось ему не разъ докладывать о дѣлахъ. Такъ какъ Мельниковъ (вице-директоръ) и Базилевскій, начальникъ отдѣленія, они оба Александры Александровичи, то Гирсъ спросилъ меня: и вы, можетъ быть, тоже Александръ Александровичъ; ну слава Богу—вы Григорій Александровичъ.

Въ то время я взялъ роскошный номеръ въ гостиницѣ „Демуть“. Жилось мнѣ въ Петербургѣ очень весело. Я тогда говорилъ про себя В. Е. (*jeune, beau, riche* и слѣдовало прибавить „*stipide*“). Въ тѣ времена Патти, Лукка, Нильсонъ, производили по очереди фуроръ. Патти я встрѣчалъ въ обществѣ у Лидіи Михайловны Жербиной, которая давала балы, вечера. Я очень любилъ бывать у брата ея Саввы Михайловича Яковлева и у жены его Зои Юрьевны, которая потомъ написала нѣсколько повѣстей и даже пьесу. Насъ шуткой называли „наши посѣтители“... Она читала свои романы, я свои... Бывалъ также у сенатора Сергѣя Ивановича Заруднаго, очень интереснаго человѣка, автора книги о Беккари. У него была многочисленная семья. Жена его Зоя Александровна постоянно ссорилась съ мужемъ, и семейныя сцены происходили даже при чужихъ. Зарудный, насколько я его понималъ, не любилъ заискивать въ людяхъ. Когда Побѣдоносцевъ, съ которымъ онъ былъ хорошо прежде знакомъ, оказался въ силѣ, онъ не навязывался къ нему и даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, а Зоя Александровна, напротивъ, искала укрѣпить такого рода связи, и отъ этого происходили стычки между мужемъ и женою.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ департаментѣ Стюартъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: я слышу, что ты ужасно интересуешься славянствомъ. Хочешь поѣхать секретаремъ консульства въ Сараево?.. Я сказалъ, что я поѣду съ удовольствіемъ. Многіе не понимали, какъ человѣкъ обеспеченный ѣдетъ въ такую глушь. „Да тамъ сопьешься“, говорили мнѣ. Я уже ожидалъ своего назначенія, какъ меня позвали въ кабинетъ Стремоухова...—Я слышу, сказалъ онъ, что вы хотите ѣхать за границу, въ славянскія земли. Есть ли у васъ средства? Я сказалъ, что да и очень достаточныя.—Въ такомъ случаѣ, вотъ что — Ладыженскій, секретарь генеральнаго консульства въ Будапештѣ, жалуется, что онъ не можетъ жить тамъ за недостаткомъ средствъ. Хотите ѣхать туда?.. И тамъ вы познакомитесь съ славянствомъ, во всякомъ случаѣ, это большой городъ, а не какая-нибудь глушь. Я, конечно, согласился и былъ вскорѣ назначенъ въ Будапештъ, а Ладыженскаго перевели въ Бѣлградъ.

Стюартъ озлился на это назначеніе. Розенъ отговаривалъ меня ѣхать, находя, что я сдѣлаю лучшую карьеру въ Петербургѣ.—И что вы тамъ потеряли? Онъ меня, дѣйствительно, любилъ и желалъ мнѣ добра.

Въ Будапештѣ я попалъ еще неопытнымъ дипломатомъ. Я былъ слишкомъ молодъ; наличность матерьяльныхъ средствъ дала мнѣ слишкомъ большую независимость. У молодыхъ людей, попадающихъ на такіе отвѣтственные посты, невольно закружится голова.

Подумайте только: въ Петербургѣ я только по наслышкѣ зналъ, что существуютъ государственные люди, и если съ ними встрѣчался, то они меня, какъ молодого человѣка, не удоставали своими разговорами... Въ Пештѣ же, благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ, я сразу очутился лицомъ къ лицу не только съ видными лицами Пештскаго общества, но и съ самимъ Андраши и другими министрами.

Первое мое знакомство въ Вѣнѣ—посланникъ нашъ Новиковъ. Я говорилъ ему о сочувствіи къ славянамъ, но это его, какъ мнѣ показалось, очень мало тронуло. Онъ мнѣ сказалъ, что Блюмеру (генеральному консулу въ Пештѣ) жизнь тамъ не нравится. Трудно сойтись тамъ съ мадьярами. Они считаютъ его ни во что.

Вообще, мнѣ показалось, что Новикову все равно, существуютъ ли славяне въ Австріи, а скорѣе онъ думалъ о томъ, какое содержаніе получить онъ изъ министерства. Въ головѣ его сидѣла мысль сдѣлаться посломъ и получить 14 т. добавочнаго содержанія... Славяне къ нему относились враждебно, потому-то онъ не только не принималъ ихъ, но и не хотѣлъ видѣться съ оппозиціонными депутатами, какъ, на примѣръ, съ гр. Гогенвартомъ ¹⁾. То же говорили и о Блюмерѣ. — Блюмеръ очень хорошій, кажется, семьянинъ, джентльменъ, но Россіи не видѣлъ уже 15 лѣтъ и потому судить ее такъ, какъ иностранцы... Педантъ, большой руки. Славянъ онъ просто не знаетъ. На примѣръ, онъ не зналъ, что сербы и хорваты одинъ народъ, толковалъ о томъ, что хорошо бы было ввести латинскій шрифтъ въ Россіи. Кажется, онъ былъ прежде секретаремъ въ Дрезденѣ, и въ Дрезденѣ осталась жить его семья (впрочемъ изъ видовъ экономіи). Онъ жилъ въ Пештѣ поневолѣ въ гостиницѣ и только и думалъ, какъ бы уѣхать въ Дрезденъ. Когда я пріѣхалъ, онъ познакомилъ меня съ руководителемъ венгерской политики, записалъ въ клубы и уѣхалъ въ Дрезденъ. Мнѣ это очень не понравилось. Не боги горшки обжигаютъ, сказалъ я. Я зналъ, что Блюмеръ, когда писалъ

¹⁾ Теперь я нахожу, что Новиковъ былъ совершенно правъ..

донесенія, то матеріалъ извлекалъ изъ мѣстныхъ газетъ. Я сразу сталъ управляющимъ генеральнаго консульства, сносился съ венгерскими властями, знакомился и съ золотою молодежью, тратилъ свободно деньги и былъ всюду принятъ. Со мною бесѣдовали сѣдовласые старцы, такія личности, какъ лордъ Лофтусъ (англійскій посолъ), вскакивалъ съ мѣста и привѣтствовалъ меня. Все это льстило моему тщеславію и самолюбію, и я вообразилъ себя персоною.

На первыхъ порахъ мнѣ повезло, и я очень хорошо справлялся съ своей обязанностью. (Конечно, эти „частые отпуска“ Блюмера были неизвѣстны въ Петербургѣ). Какъ-то я прочиталъ въ газетѣ, что Великая Княгиня Александра Іосифовна пріѣзжаетъ въ тотъ же день въ Пешть и на пароходѣ поѣдетъ по Дунаю. Я бѣгу къ Блюмеру узнать, что нужно дѣлать.— Блюмеру очень не хотѣлось отложить своей поѣздки, и онъ сказалъ мнѣ: „Вамъ нужно ѣхать на пароходъ представиться Великой Княгинѣ. Она, вѣроятно, васъ не приметъ... Ну и все“... Я такъ и сдѣлалъ. Великая Княгиня очень мило приняла меня и, узнавъ въ разговорѣ, что у меня дача въ Крыму, очень заинтересовалась этимъ обстоятельствомъ, спрашивалась, гдѣ дача и т. д. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, она подала свою руку, которую я поцѣловалъ и потомъ я ушелъ... На пароходѣ я сталъ искать, чтобы проститься, церемоній-мейстера барона Рамзая, но въ это время кто-то тоже искалъ его. Я слышалъ слова: „Великая Княгиня требуетъ барона Рамзая“. Послѣдній, не обращая на меня никакого вниманія, побѣжалъ къ Великой Княгинѣ. Но онъ сейчасъ же вернулся и передалъ мнѣ приглашеніе Великой Княгини пріѣхать вечеромъ пить чай... Вечеръ былъ чудесный, и Великая Княгиня съ другими дамами пила чай на палубѣ. Великая Княгиня была въ духѣ, рассказывала очень много о своей дочери Королевѣ Греческой, иногда спрашивала меня про Пешть и т. д. Вообще разговоръ былъ оживленный, говорили о литературѣ, однимъ словомъ, затрагивались разные предметы. Затѣмъ, когда я уже сталъ прощаться, то Великая Княгиня пожелала мнѣ много успѣха въ моей карьерѣ и т. д.

И съ мадьярами мнѣ сначала повезло, если вспомнить, какъ они обращались съ иностранными консулами и даже съ моимъ начальникомъ Блюмеромъ. Нѣкоторые по цѣлымъ недѣлямъ сидѣли съ нимъ рядомъ и не думали о томъ, что имъ нужно представиться ему.

Я познакомился съ молодежью и былъ представленъ министру графу Андраши, Бала Венкхеимъ. Самъ Блюмеръ, вернувшись изъ Дрездена, изумился моимъ успѣхамъ въ венгерскомъ обществѣ. Разсчитывая каждую копейку и живя на два дома, онъ, конечно, не тратилъ такъ много, какъ его секретарь. Увидѣвъ, что дѣло не страдаетъ, что я пишу донесенія, даже одобряемая въ Петербургѣ, онъ опять укатилъ въ Дрезденъ.

Изъ мадьяръ мнѣ больше всего пришлось разсуждать съ гр. Чаки (Czaky). Это былъ спокойный мадьяръ, аристократъ, говорящій по-нѣмецки безъ шовинизма и очень начитанный. Старого гр. Пальфа мадьяры не любили за отступничество отъ мадьяризма, считали австрійцемъ. Типъ стараго аристократа, утонченность, любезность обращенія, говорилъ замѣчательно хорошо по-французски и скептически относился къ новымъ порядкамъ... Былъ также въ это время Батіани, красивый брюнетъ, молодецъ собою, любитель скачекъ, но относительно умственнаго немного слабъ. Вообще молодежь отличалась невѣжествомъ (не то, что старики). Они, послѣдніе, представляли собою аристократію въ полномъ смыслѣ слова на представленіяхъ при дворѣ, на охотахъ, въ которыхъ принимали участіе король и королева.

Въ толпѣ этихъ блестящихъ, красивыхъ и здоровенныхъ рыцарей какъ-то смиренно выглядывалъ король въ своемъ штатскомъ платьѣ, или когда они являлись ко двору въ своихъ атитла (накидка) и небрежною походкою проходили залы дворца, считая себя какъ дома. Въ нихъ заискивалъ вѣнскій дворъ, и они это очень хорошо понимали. Прежде всего Андраши, который былъ приговоренъ къ смертной казни послѣ венгерской революціи, былъ теперь имперскимъ канцлеромъ и *persona gratissima*.

То и дѣло Императорская семья была въ Геделле (Венгрія). Я самъ видѣлъ императрицу на охотѣ, венгерскіе молодые люди держались тогда, по моему мнѣнію, слишкомъ свободно съ своей королевой (въ Пештѣ она была венгерская королева), но такъ было принято въ Вѣнѣ. Въ Гофбургѣ царилъ строгій этикетъ, а въ Венгріи—свобода. Хотя въ Пештѣ были только генеральные консулы, но венгерцы, желавшіе всячески имѣть свой особый дипломатическій корпусъ, старались повысить значеніе консуловъ, за которыми признавали дипломатическій характеръ. Всякій магнатъ могъ явиться ко двору, для этого ему не нужно было камеръ-юнкерскаго или камергерскаго званія. Король былъ

первымъ среди равныхъ. Они титуловали его *королевскимъ* величествомъ. Передо мною была аристократія, но въ этомъ сословіи уже вывѣтрились хорошія основы. Всѣ они, даже графъ Эстергази были въ долгу, какъ въ шелку. Занятія—охота или *steerlechase*, или карты. Оттого дѣла страны переходятъ въ руки „новыхъ людей“, которые изъ евреевъ превращаются въ самыхъ ярыхъ мадьяръ и вносятъ въ эту мертвенную, разлагающуюся среду свою энергію, свою пронырливость, свой талантъ. Я познакомился съ цѣлымъ выводкомъ гр. Зичи; говорятъ, что первоначальное происхожденіе ихъ было еврейское. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ типъ сохранился. Одинъ изъ приближенныхъ министра Зичи, тоже чистокровный еврей, ео ірсо ярый мадьяръ и руссофобъ. — Больше всего мнѣ понравился отецъ министра гр. Зичи (теперь посолъ въ Константинополѣ). — Онъ съ удовольствіемъ заговорилъ о Россіи, о Паскевичѣ. Его тоже не любятъ, потому что съ другими мадьярскими магнатами въ 1849 г. ѣздилъ предлагать королевство Венгерское великому князю Константину Николаевичу. Его обходятъ, но онъ за то сердится на мадьяроманство, говоритъ, что въ странѣ не свобода, а распущенность, что ничего изъ этого путнаго не выйдетъ. — Со мною онъ былъ замѣчательно утонченно вѣжливъ.

Видѣлъ я и принца *Ганноверскаго* (тогда лишеннаго владѣній), котораго титуловали королевскимъ высочествомъ. — Мадьяры ненавидятъ пруссаковъ и вообще нѣмцевъ, но насъ они считаютъ опаснѣе, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ. Вездѣ они видятъ интриги русскихъ соглядатаевъ. Каждый вопросъ, сдѣланный изъ любознательности, они считаютъ за подсматриванье съ предосудительною цѣлью.

Одинъ изъ младшихъ Зичи высказалъ мнѣ ¹⁾, что теперь Бисмаркъ будетъ Россіи препятствовать и не позволитъ ей занять Венгрію и возбуждать панславизмъ... — Тоже сказалъ онъ мнѣ: „Мы не боимся словаковъ — но съ сербами нужна кровавая баня (*wir müssen ein Blutbad haben*). Другая же сторона, т.-е. старики и даже молодой Чаки говорилъ, что при австрійцахъ было больше порядка, что теперь подкупы и общественная безнравственность дошли до колоссальныхъ размѣровъ.

Главный интересъ сосредоточивается въ этомъ собраніи (т. е. въ Казино) на гр. Андраши. — Мой учитель фехтованія

¹⁾ Въ то время у насъ процвѣталъ союзъ трехъ императоровъ.

(онъ училъ его также раньше) говорилъ про него „Er ist ein halber Slovack“. Дѣйствительно, семейство Андраши де Красногорке, вѣроятно славянскаго происхожденія. Андраши, имѣя русское помѣстье Требимевъ (Terebes), самъ говоритъ по-русски.—Онъ также искалъ спасенія въ Россіи отъ захватывающаго вліянія Германіи и ухватился съ жаромъ за поѣздку въ Петербургъ.—Изъ разговора, который онъ имѣлъ со Стремоуховымъ (я самъ читалъ эту записку), онъ не хотѣлъ усиленія славянскихъ элементовъ въ Венгріи и даже захватъ славянской территоріи не прельщалъ этого государственнаго чело-вѣка. Онъ очень ловко обошелъ Стремоухова и другихъ, которымъ наговорилъ массу комплиментовъ. — Онъ очень хорошо понялъ, что у Австро-Венгріи руки связаны, когда другіе мадьяры требовали войны за Францію въ 1870 г. Его нѣсколько цыганское лицо кажется полное страсти; но при этомъ спокойный сосредоточенный взглядъ. По всему его наружному виду (черные глаза, курчавые черные волосы, характерныя черты лица) можно предположить страстность движеній, жеста. Напротивъ, онъ говоритъ медленно, спокойно, не повышая тона, не перемѣняя наклона головы, какъ бы всматривается въ своего собесѣдника. Я часто видѣлъ такія лица у нашихъ хохловъ... Да, этотъ полу-мадьяръ, также какъ и Кошуть (словакъ) много дали мадьяризму. Много въ Австріи славянъ, перемѣнившихъ свою національность и оказавшихъ неоцѣнную услугу мадьярскому государству. Безъ этихъ славянскихъ людей въ мадьярскомъ платѣвѣ давно бы погибло все царство. Мы кажемся имъ страшнѣе, умнѣе, предусмотрительнѣе, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ существуетъ. Гдѣ наши агенты? Имѣемъ ли мы сношенія съ славянами? Ведемъ ли мы интригу противъ мадьяризма? Скажу, нѣтъ и нѣтъ. Ни агентовъ, ни охоты у насъ нѣтъ. А нѣмцы (т. е. пруссаки) давно вошли въ сношенія со всѣми силами страны. Ихъ не терпятъ; но у нихъ есть друзья. А мы и дружбою не можемъ и не умѣемъ воспользоваться. У каждаго славянина болитъ сердце, когда онъ видитъ равнодушіе русскихъ.

Одно мнѣ нравится въ мадьярахъ, — это безграничный патриотизмъ, инстинктъ, который чувствуетъ въ Россіи Немезиду. Извѣстная прямота, искренность въ томъ, что они любятъ и что ненавидятъ. Они любятъ англичанъ и терпѣть не могутъ насъ и нѣмцевъ, и они это высказываютъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Это съ извѣстной стороны рыцарская черта.

Какъ я сказалъ раньше, я поставилъ себя хорошо. Но все испортило славянство. Мадыяры, даже жуирующая золотая молодежь очень скоро расчухала (извините за тривіальное выраженіе), что я не просто всѣмъ интересуюсь, даже учусь венгерскому языку. Надо сказать, что въ Пештѣ и Австріи шпионство доведено до совершенства — за мной слѣдили и потомъ говорили, съ какимъ это славяниномъ вы говорили... куда вы ходили вечеромъ вчера и т. д.

Какъ я ни прятался отъ нихъ, но мои сношенія съ славянами стали извѣстны. И это привело къ враждебнымъ отношеніямъ.

Будь я, какъ князь Святополкъ-Четвертинскій, лихой наѣздникъ, охотникъ, конькобѣжецъ, не прочь выпить, несмѣтно богатый и притомъ щеголяющій своимъ пренебреженіемъ къ Россіи, — я бы могъ еще продержаться. Но для меня и тогда выше всего была книга, а жизнь была на второмъ планѣ, и какъ-то сразу почувствовать перемену температуры... Во мнѣ узнали скрытаго панслависта. Можетъ быть и донесенія попались кое-кому въ руки, а въ донесеніи я писалъ о борьбѣ славянъ съ мадыяризмомъ... Вышла глупая исторія. Войдя какъ-то въ клубъ, я спросилъ графа Сапари о чемъ-то, онъ едва отвѣтилъ мнѣ и я, обидѣвшись, вызвалъ его на дуэль. Моими секундантами должны были быть венгерцы же—графъ Чаки и Сентъ Кирали (если мнѣ не измѣнила память). Поводъ былъ, конечно, пустячный, и венгерцы старались уладить дѣло. Я бралъ урокъ венгерскаго языка (дуэль была назначена на слѣдующій день), и вдругъ ко мнѣ входятъ мои секунданы и секунданы графа Сапари. Секунданы признавали, что нѣтъ даже причины для настоящей дуэли, хотѣли помирить насъ. Я былъ не прочь мириться, но требовалъ извиненія со стороны гр. Сапари или, по крайней мѣрѣ, объясненія. Секунданы удалились и достигли цѣли. Мы сошлись въ клубъ, и графъ Сапари въ присутствіи свидѣтелей высказалъ, что если онъ не обратилъ должнаго вниманія на мои слова, то эта небрежность была безъ всякаго намѣренія меня оскорбить. Наши руки соединили, а потомъ даже мы выпили...

Но эта исторія имѣла громадныя послѣдствія. Я прослылъ бреттеромъ, благо и въ Петербургѣ у меня тоже чуть не разыгралась дуэль, а также и въ Крыму. Стюартъ потомъ говорилъ: я боюсь сказать: Де-Волланъ меня вызоветъ на дуэль... Татищевъ рассказывалъ про меня въ департаментѣ, что я высказалъ претензію, отчего Андраши не говоритъ по-русски.

Это, конечно, была остроумная выдумка на мой счет. Мои коллеги ¹⁾ неоднократно обижались, что мадьяры, молодое поколѣніе, при иностранцахъ говорили всегда по-мадьярски, и это, конечно, не совсѣмъ вѣжливо. Старое поколѣніе мадьяръ говорили, по крайней мѣрѣ, по-нѣмецки и, кажется, охотнѣе говорили по-нѣмецки, чѣмъ по-мадьярски. Можетъ быть и меня коробило это невниманіе мадьяръ, но, какъ я говорилъ, въ началѣ они были очень внимательны и любезны. И я учился по-мадьярски и навѣрное выучился бы этому языку, если бы оставался дольше въ Венгріи. Интересно то, что гр. Андраши де-Красногорка владѣлъ имѣніями въ Угорской Руси и, конечно, зналъ по-русски (Ruthenish). Долженъ прибавить здѣсь, что всѣ эти магнаты знали мѣстный языкъ и меня тогда увѣряли, что я навѣрно не пойму рутеновъ, такъ какъ это не русскій языкъ...

Прошло нѣкоторое время послѣ исторіи съ Сапари, и я пошелъ въ клубъ. Мы тамъ обѣдали, завтракали, проводили почти цѣлый день. И вдругъ я узнаю, что меня забаллотировали. Я былъ очень изумленъ, такъ какъ думалъ, что мое избраніе въ клубъ состоялось (я платилъ деньги).—Переполохъ вышелъ ужасный среди консульскаго корпуса... Пошли переговоры. Думали сначала, что они всѣ выйдутъ изъ клуба, но потомъ всѣ остались—и что страннѣе всего, остался Блюмеръ. Я не придавалъ этому значенія.—Встрѣчаясь со своими клубными знакомыми, я пристально смотрѣлъ на нихъ и кланялся имъ, и онъ всегда отвѣчалъ на поклонъ.

Скажу теперь о другомъ кружкѣ—это загнанные, забитые славяне... Дѣйствительно, я былъ славянофиломъ уже въ Петербургѣ, но я не зналъ славянъ, а узнавши ихъ, я перестрадалъ съ ними ихъ страданія, возненавидѣлъ ихъ поработителей.

Ихъ держать въ черномъ тѣлѣ. Самый интеллигентный изъ нихъ, если онъ остается славяниномъ, не найдетъ доступа въ кружокъ джентльменовъ. Мадьяры говорятъ: словакъ не человекъ, говорятъ они (Iolh nem embes). Пережилъ съ Рубіемъ, Ханатоли, съ разными студентами, техниками, медиками всѣ тяжелые моменты ихъ политическаго рабства. Они входили ко мнѣ, точно дѣлали что-то запретное и, прійдя ко мнѣ, говорили отъ полноты наболѣвшей души. Выходя съ русской книгой

¹⁾ Моими неразлучными пріятелями были тогда французъ Грамотъ и итальянецъ Венаиси (тоже секретари), и я тогда шутя говорилъ, что важна лишь политическая система—союзъ Россіи, Франціи и Италиіи.

онъ бережно заворачивалъ ее или пряталъ, боясь неприятностей отъ своихъ же товарищей.

Если между ними являлись энергичные характеры ¹⁾, то ихъ старались сломить или даже просто уничтожить (попытка убить Добрянскаго). Сербы въ Пештѣ не стѣснялись высказывать громко свои мнѣнія передъ мадьярами, но это совсѣмъ особенный народъ. Они присылали мнѣ билеты на свои музыкальные вечера, на которыхъ я не могъ быть, потому что возбуждалъ бы цѣлую бурю въ пештскомъ обществѣ. Интересно, что мадьяры называютъ то насѣкомое русскимъ, которое у насъ приносятъ изъ кухни (у насъ называютъ пруссаками). Очень часто слышишь по улицѣ Russ и они за ними гоняются. Придаться къ нимъ нельзя, потому что скажутъ что-нибудь пошлое въ оправданіе. Также бранятся они: ахъ, ты словакъ, ахъ, ты Рацъ (т. е. сербъ).—А умственный горизонтъ этихъ повелителей Венгріи не высокъ. Что же грѣха таить, я старался вести пропаганду на свой собственный страхъ, зная очень хорошо, что если меня обвинять въ министерствѣ, я всегда могу подать въ отставку,—а дѣло все-таки сдѣлано.

Я поддерживалъ на собственные средства журналъ Карпатъ, выходящій въ Угорской Руси, журналы словацкіе, посылалъ деньги въ Славянскую матицу, выписывалъ цѣлую массу книгъ и раздаривалъ ихъ славянскимъ и русскимъ студентамъ. Потомъ снабдилъ Муковчевскую и Ужгородскую библіотеку новыми книгами, которыя читались тайкомъ. Задумалъ я составить сборникъ объ Угорской Руси, собиралъ угорскія русскія пѣсни, составилъ этнографическую карту Венгріи и т. д. Но собирать эти вещи сущее наказаніе. Всѣ боялись даже работать для васъ и потому для каждаго заказа надо искать оказіи вѣрнаго человѣка. Ну и не влюбились меня господа мадьяры... Славяне сѣтовали на равнодушіе Россіи, на то, что Россія уже въ 1849 г. не овладѣла Венгріей, когда всѣ съ энтузіазмомъ принимали русское воинство. Мечта славянъ была увидѣть государство, гдѣ бы свободно раздавалась славянская рѣчь, гдѣ пѣли, играли бы на этомъ языкѣ, гдѣ не только мужики, но и образованные говорятъ по-русски.—Вечера проходили въ разговорахъ о Россіи, потомъ они рассказывали мнѣ о своихъ дѣлахъ. Всѣхъ писателей славянофиловъ они знали очень хорошо.—Пріѣхалъ въ

¹⁾ Словакъ патеръ въ Вышеградѣ, когда мы посѣтили его съ Будловичемъ, поднялъ русскій флагъ.

Пештъ проф. Будиловичъ. Онъ посѣтилъ всѣ общественныя собранія славянъ, посѣтилъ и Фенепци, Вамбери, Гунфальви. Конечно, они его приняли за соглядатая и даже высказали ему это. Ламанскій былъ заарестованъ и никто не вступился за него. Больше всего я смѣялся, когда узналъ, что бар. Остенъ-Сакенъ тоже арестованъ. Что же, вы думаете, кто-нибудь за нихъ заступился.—Это не въ нашихъ правилахъ.—Я пророчилъ Будиловичу, который приходилъ ко мнѣ заниматься полемикою, ту же участь. Онъ ѣхалъ въ Загребъ. Туда я послалъ тоже книги и даже музыкальныя и драматическія произведенія въ Хорватскій театръ. Жизнь русскаго не могла быть особенно пріятна въ Пештѣ. Ему нужно было отказаться отъ самого себя, чтобы потрафить мадьярамъ, и тогда они не довѣрились бы ему вполнѣ.—Потому я рѣшился прожить въ странѣ настолько, насколько нужно будетъ для изученія края. Для изученія края надо было видѣть, познакомиться съ администраціею, съ депутатами, съ мадьярскимъ народомъ, а затѣмъ поѣхать въ окранны страны.

Деморализація страны дошла, говорилъ я, до колоссальныхъ размѣровъ.—Депутаты, затрачивая на избраніе свое до 20.000 гульденовъ, старались наверстать это, пріѣхавъ въ столицу и получая директорскія мѣста въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Желѣзныя дороги строились просто въ угоду многимъ высокимъ лицамъ, напр. Требишевъ находится въ треугольникѣ желѣзныхъ дорогъ. Потому онѣ не даютъ почти никакого дивиденда.—Помощникъ министра Зичи удивлялся, что у насъ есть дороги (какъ Моск.-Рязанск.), которыя даютъ 25%.—Этого у насъ нѣтъ, замѣтилъ онъ. Если посмотрѣть на карту, то увидите зигзаги (т. е. подчинено разнымъ соображеніямъ), не говоря о безумной расточительности для украшенія Пешта и острова Маргариты. Мадьяры, несмотря на свой патріотизмъ, это признавали и на это жаловались. Потомъ прошелъ законъ, который не позволялъ депутатамъ занимать должности въ акціонерныхъ обществахъ. Лучше всего я сошелся съ русско-мадьярскимъ кружкомъ.—Нѣсколько ученыхъ въ Венгріи, не увлекаясь шовинизмомъ, посвятили свое время на изученіе русскаго языка. Мотивы къ этому были изученіе средне-азіатскихъ странъ, въ которыхъ мадьяры ищутъ своихъ родичей. Другіе же стали разыскивать мадьяризмъ въ вогулахъ, остякахъ и получили чрезвычайно интересныя результаты. На этомъ поприщѣ въ Россіи сдѣлали чрезвычайно много, и это заставило людей подобно Буденцу, Сентъ-Кирали, и т. д. изучать русскій языкъ.

Когда эти господа со мной познакомились, я сталъ знакомить ихъ съ нашею литературою и нашими научными изслѣдованіями. Сентъ-Кирали такъ восхитился Гоголемъ, что перевелъ его „Ревизора“ на мадьярскій языкъ. Черезъ годъ онъ былъ поставленъ на мадьярской сценѣ. Онъ восхищался „Войною и Миръ“ Толстого. Съ Буденцемъ мы дѣлали экскурсіи въ области археологій, сравнительнаго языкознанія. Онъ знакомилъ меня съ послѣдними результатами своихъ изслѣдованій въ области угро-финскихъ языковъ... Такъ проводили мы цѣлые вечера вмѣстѣ, находя тожество точекъ соприкосновенія, и доказывали, что для людей, любящихъ истину выше всего, злобы дня не существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ взаимно понимать другъ друга.—Нельзя привести все то, что мы переговорили въ это время, но эти господа встрѣчались у меня съ славянами, съ русскими и кажется полюбили Россію. Сентъ-Кирали даже хотѣлъ ее посѣтить... ¹⁾

Въ это время сестра, проѣздомъ изъ Италіи, захотѣла проѣхать въ Пештъ. Мы съ ней, съ Вильгельминой Егоровной и Анной Ивановною Кенигъ поѣхали вмѣстѣ внизъ по Дунаю до Бараша. Тамъ пути наши раздѣлились. Я рѣшился посѣтить Новый Садъ, Карловцы, часть Славоніи и Бѣлградъ.—Мы, дѣйствительно, ужасно мало знаемъ нашихъ родичей. Напр., я былъ въ Италіи 3 раза, зналъ Германію великолѣпно, воспитывался въ Германіи и потомъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, въ Лейпцигѣ, былъ во Франціи, Голландіи, Бельгіи, въ Греціи, Константинополѣ, и вотъ моя первая поѣздка въ Славянскія земли.—Конечно, я приготовился слушать, изучать (конечно бѣгло, потому что времени у меня было мало). Какъ только узнали, что я русскій и даже секретарь генеральнаго консула, то все вниманіе было устремлено на меня. Я попалъ въ Новый Садъ въ то время, какъ избирали сербскаго патріарха. Въ Новомъ Саду я познакомился съ Костичемъ (депутатомъ сербскимъ въ Пештѣ), который поразилъ меня хорошимъ знаніемъ русскаго языка. Затѣмъ былъ у Милетича, который негодовалъ на русскихъ за ихъ равнодушіе къ сербскому дѣлу. Мнѣ приходилось говорить имъ, что Россія не можетъ зря броситься въ борьбу за славянъ, что, погибая, она скомпрометтируетъ и славянское дѣло.—Былъ въ Матицѣ (литературное общество) и тамъ нашелъ русскія книги, но только 30-хъ и 40-хъ годовъ. Новыхъ сочиненій они не знали. Надо сознаться, что мы весьма мало знакомили на-

¹⁾ У меня много писемъ отъ Буденца, написанныхъ по-русски...

шихъ братьевъ съ тѣмъ, что у насъ дѣлается. Поневолѣ они обращаются за образованіемъ въ Германію. Русскихъ книгъ вы не найдете нигдѣ за границею (кромѣ запрещенныхъ), и вотъ почему славяне, при всемъ желаніи, не могутъ воспользоваться нашими трудами. Говорилъ я съ цѣлою массою людей и вездѣ высказывалось самое искреннее сочувствіе къ Россіи, интересовались ея войскомъ, народомъ, реформами. Да, вы подвинулись, заключилъ онъ разговоръ. Милетичъ постоянно взываетъ въ своихъ пѣсняхъ къ русскому царю. Мое прибытіе въ Новый Садъ было событіе. Всѣ шли со мной знакомиться, такъ что у меня было много разговоровъ, мнѣній въ головѣ. Отправился я въ Фрушку гору, Крушедолъ и Раваницы (три монастыря около Карловца). Ко мнѣ присоединился сербъ (не шпионъ ли, думаю я, тѣмъ лучше, покажѣсть это избавить меня отъ всякихъ непріятностей). Пріѣхалъ въ монастырь и сталъ ожидать въ пріемной. Вдругъ входитъ Груичъ (епископъ) и комиссаръ Губеръ. Онъ обратился къ сербу. Тотъ сказалъ ему свое имя, а я сказалъ, —такой-то русскій секретарь Генеральнаго Русскаго Консульства въ Пештѣ. Когда они услышали слово русскій, у нихъ земля точно разверзлась передъ ногами. Они отскочили, потомъ быстрыми шагами приблизились ко мнѣ. Начались разспросы, разговоры по-сербски, по-нѣмецки, воспоминанія о Гильфердингѣ. Но я никогда не забуду этого комическаго испуга, который выразился на обонхъ лицахъ. Вотъ и тутъ въ самый важный моментъ, русскій эмиссаръ, да и кто же —русскій генеральный консулъ. Въ монастырѣ насъ накормили и за ужиномъ рассказали, какъ они всѣ сговорились и въ пику мадыарскому правительству выбрали епископа Стойковича патріархомъ. Тутъ были и депутаты изъ Далмаціи, изъ Кроаціи. Показывали мнѣ портретъ кн. Михаила Сербскаго и рассказали о его кончинѣ. Кто-то хотѣлъ показать мнѣ портретъ Франца Іосифа; но другіе нетерпѣливо провели меня впередъ, произнеся: ну, это швабъ. Тутъ былъ портретъ Петра Великаго. Вездѣ этотъ великій Государь предрѣшалъ будущіе пути нашей политики. Пришлось проститься съ Бѣлградомъ и со всѣмъ сербскимъ міромъ и уѣхать въ Пештѣ. Блюмеръ былъ въ отчаяніи отъ моей поѣздки...

Я васъ отпустилъ погулять, сказалъ Блюмеръ, а вы тутъ поднимаете цѣлую газетную бурю... По этому поводу мнѣ даже пришлось объясняться съ самимъ посломъ Новиковымъ, который сказалъ мнѣ, что хорошій дипломатъ тотъ, о которомъ не говорятъ. Про него ходили разные анекдоты о его нерѣши-

тельности. Онъ двадцать разъ передѣлывалъ донесенія, и иногда случалось, что надо распаковывать всю экспедицію, потому что онъ вспомнить о какомъ-нибудь lapsus linguae,—неловкомъ оборотѣ. Обыкновенно посольство держалъ себя недоступно съ такою мелкою сошкою и принимать меня пришлось Татищеву, про котораго ходили самыя странныя исторіи. Говорили, что онъ заложилъ брилліанты г-жи Новиковой, что онъ осѣдлалъ самого Новикова. Хотя онъ былъ только второй секретарь посольства, но онъ значилъ болѣе совѣтника посольства и говорилъ, что Андраши съ нимъ ведутъ переговоры.

Самъ Татищевъ давалъ поводъ этимъ сплетнямъ. Съ мелкою сошкою онъ обращался съ снисходительною граціей и нѣкоторымъ высокомеріемъ. Такимъ лицамъ, какъ Карцевъ (генеральный консулъ въ Бѣлградѣ) онъ сказалъ по-французски: приходите завтра въ ложу Андраши, и мы тамъ потолкуемъ.— Карцевъ на это отвѣтилъ: я не привыкъ заходить съ задняго крыльца. Попробую, насколько это возможно, припомнить мои разныя встрѣчи съ Сергѣемъ Спиридоновичемъ Татищевымъ. Я говорилъ, что видѣлъ я его на вершинѣ если не власти, то вліянія, я тогда его мало зналъ. Въ немъ и тогда мнѣ бросилась въ глаза черта, которая интересуется меня во многихъ русскихъ „хлестаковщина съ примѣсю Кречинскаго“...

Эти люди любятъ бахвалиться своимъ вліяніемъ.

Что случилось, не знаю, но у Татищева сорвалось—онъ долженъ былъ отказаться отъ грандеровъ, вышелъ въ отставку и какъ разъ въ это время подошла наша война съ Турціею и онъ поступилъ волонтеромъ. Онъ страстно, какъ говорилъ одинъ его пріятель, желалъ быть раненымъ, но въ мягкія части... Получивъ Георгій, онъ думалъ вернуться на службу, но не тутъ-то было... Императоръ Александръ III (или Гирсъ) не хотѣлъ принимать его на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ...

Въ эти моменты неудачнаго исканія мѣста, я часто встрѣчался съ Татищевымъ у Стюарта. — Онъ тогда даже откровенничалъ. Стюарта онъ осѣдлалъ по части разныхъ припасовъ, забиралъ у него деньги, рубашки, кормился у него, когда не могъ найти обѣда у кого-нибудь другого. Стюартъ говорилъ мнѣ: шельма, но талантливъ... И затѣмъ читалъ ему свои литературныя произведенія и Стюартъ разыгрывалъ роль Мольеровской кухарки. Онъ тогда написалъ трагедію о паденіи Царьграда, пьесу Данишевы... Спрашивалъ моего мнѣнія. —

Татищевъ былъ тогда уже женатъ на актрисѣ вѣнкѣ и мѣсто-пробываніе его постоянное было Тейфессанъ около Вѣны. Мой Ферней, говорилъ онъ мнѣ о своемъ домѣ ¹⁾. Не слишкомъ ли рано... сравниваете его съ Вольтеромъ — спрашивалъ я.

Но его литературные опыты окончились неудачно и какъ Стюартъ говорилъ un petit rom, deux petits rom, (одна неудача, двѣ неудачи).

Потомъ ему удалось осѣдлать Каткова, но Катковъ воспользовался имъ, чтобы насолить Мин. Ин. Дѣлъ.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ начались его статьи о нашей политикѣ при Николаѣ I. Недостатокъ этой и другихъ историческихъ работъ Татищева былъ въ томъ, что онѣ были написаны съ цѣлью посчитаться со своими врагами. Показавъ промахи М. И. Д., что было встрѣчено съ сочувствіемъ нашей публикою, Татищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: „вотъ какого человѣка вы потеряли“, это было достоинствомъ въ полемическомъ сочиненіи, но историкъ долженъ быть безпристрастенъ и во всякомъ случаѣ забыть о своей персонѣ. Всякій разъ, когда я встрѣчалъ Татищева послѣ появленія его статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ, онъ непременно спрашивалъ меня: прочли ли статью... прочтите... прочтите... Я удивлялся, чѣмъ живетъ Татищевъ. Онъ жилъ, конечно, игрою ума, на его жизнь не хватало, конечно, гонорара, получаемого отъ Каткова и потомъ Суворина.

Затѣмъ когда посѣлъ Лорисъ-Меликова у кормы правленія выступилъ гр. Игнатъевъ, то послѣдній воспользовался Татищевымъ, который изучалъ нашу подпольную литературу и т. д. А вашу книгу (Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи, изд. въ Берлинѣ) мы выписали въ десяти экземплярахъ—и безусловно запретили се—сообщилъ онъ мнѣ конфиденціально.—Потомъ уже его приютилъ, кажется, Витте и далъ ему финансоваго агента въ Лондонѣ, и Татищевъ опять сталъ жить хорошо. Но ему не это нужно было. — Развѣ Вы не думаете, что я не могъ бы быть хорошимъ генеральнымъ консуломъ? Развѣ я хуже такого-то... Когда я ему откровенно высказалъ, въ чемъ его обвиняли—онъ сказалъ французскую пословицу: чтобы покончить съ собакой, говорятъ, что она бѣшеная.

¹⁾ Кажется, купленъ на деньги жены.

Весь трагизмъ его существованія состоялъ въ томъ, что онъ считалъ себя способнымъ достигнуть самыхъ высшихъ ступеней іерархіи и вдругъ, какія-то сплетни, и онъ долженъ пробиваться мелкою работою, быть какимъ-то второстепеннымъ агентомъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ или по Министерству Финансовъ... Только въ одномъ онъ достигъ извѣстной высоты—это въ его историческихъ трудахъ. Объ ихъ недостаткахъ я уже сказалъ. И они будутъ интересны публикѣ больше по обнародованнымъ въ нихъ историческимъ документамъ, чѣмъ выводами пристрастнаго не въ мѣру автора... Какъ-то разъ я похвалилъ его за предисловіе и за обработку одного тома Историческаго Общества. — Что же вы думаете — я кое-чему выучился, кое-что знаю, замѣтилъ онъ. Со мной онъ обращался какъ равный съ равнымъ, безъ снисходительнаго высокомерія, иногда даже не допытывался моего мнѣнія. — Съ Стуртомъ, съ Штендманомъ, черезъ которыхъ онъ пролѣзъ въ Историческое Общество, онъ поступалъ по-амикошонски, эксплуатировалъ ихъ напропалую и ни въ грошъ не ставилъ ихъ, остря надъ ними... О руководителѣ нашей политики онъ выражался съ пренебреженіемъ. Какъ-то заговорили о политикѣ Зиновьева. Какая это политика — это политичка Зиновьева, сказалъ онъ по-французски, то есть, личная. Потомъ я потерялъ его изъ виду, когда я уѣхалъ на Дальній Востокъ и послѣ отъ Стурта слышалъ о его подвигахъ въ той или другой сферѣ.

Послѣ этого отступленія о Татищевѣ, вернемся въ Пештъ.

Жизнь моя проходила безъ особенныхъ тревоженій. Неожиданное знакомство круто измѣнило мою жизнь. Я очень хорошо сошелся съ одною венгерскою барынею изъ очень хорошей фамиліи. Она была очень богата и въ разводѣ съ мужемъ. И мы рѣшились, мой коллега Гранмонъ, она и я посѣтить Балатонское озеро. Тутъ мы были въ настоящемъ мадьярскомъ государствѣ (*madyar orizas*). Благодаря ея любезному содѣйствію я ближе познакомился съ будничною обстановкою этого народа, который недалеко подвинулся впередъ въ томъ, что касается удобствъ. Нѣсколько мѣсяцевъ я жилъ такою прелестною жизнью, которая не годится въ дневникъ, а скорѣе можетъ попасть въ романъ. Когда мы не видѣлись, она писала мнѣ письма. Венгерцы были очень злы за это увлеченіе ихъ соотечественницы. Какъ бываетъ съ женщинами, она забывала всѣ предосторожности и только думала о своей любви. Не проходило и безъ бурныхъ сценъ. Она очень ревновала меня.

Мы предприняли вмѣстѣ поѣздку въ страну словаковъ. Дорога шла по красивымъ склонамъ Карпатъ, и что за прелестные виды. Суровая красота этихъ мѣстъ смѣнялась очаровательнымъ сочетаніемъ земли, воды, горъ. Мы посѣтили Шемницъ (Чавнице), и я счелъ долгомъ спуститься въ подземное царство. Моя спутница не рѣшилась пройти туда, а я видѣлъ шахты, откуда добывалось золото и т. д. Скромный нѣмецкій городокъ, скверная гостиница, славянскіе поселяне, все это разнообразило впечатлѣніе. Въ тихую лунную ночь мы проѣхали сотню верстъ въ хорошей коляскѣ по самымъ забытымъ мѣстамъ. Были и въ Сліагѣ, гдѣ собирается весь мадыарскій бомондъ на воды. Оттуда черезъ горы въ Шмексъ на ужасную высоту. Великолѣпныя формы и прозрачная вода (достопримѣчательность Шмекса), при этомъ полное уединеніе среди вѣковыхъ сосновыхъ лѣсовъ. Мы поднимались на каждую высоту. Дорогою мы видѣли только славянъ, и я чувствовалъ себя какъ дома въ этой странѣ. Моя спутница могла убѣдиться, что и въ родной странѣ съ мадыарскимъ языкомъ далеко не уѣдешь. Вернувшись послѣ десятидневнаго отсутствія въ Пешть, мы зажили опять старою жизнью. Наше путешествіе вдвоемъ такъ понравилось, что мы рѣшились повторить его, и теперь мы отправились въ другой конецъ Венгріи „въ Угорскую Русь“. Отправились по Кашау-Одербергской дорогѣ. Были въ русскіхъ Кашицахъ (Кашау). Были въ Мухагевѣ, гдѣ я посѣтилъ достопримѣчательности, а главное могъ говорить по-русски съ каждымъ поселяниномъ. Уже городъ поразилъ меня своимъ прекраснымъ видомъ. Въ монастырѣ намъ показывали разныя рѣдкости, но главное, монахъ высказался передъ М-мъ Х. за яраго ненавистника мадыаръ. Вели мы оживленную бесѣду на русско-нѣмецкомъ языкахъ. Мадыары насъ притѣсняютъ, сказалъ онъ ей, и мы ихъ не любимъ. Они не позволяютъ намъ писать на своемъ языкѣ, дѣлаютъ намъ всякія придирки. Отсюда отправились черезъ горы и доли уже на простой повозкѣ (экипажъ не особенно удобный для барыни, привычной къ роскоши и удовольствіямъ). Насъ чуть не опрокинуло. Потомъ пріѣхали въ громадную деревню, и кучеръ нашъ русинъ безъ церемоніи ввезъ насъ въ темный сарай съ сѣноваломъ. Мы остолбенѣли отъ удивленія. Я объяснился съ нимъ, и онъ указалъ мнѣ на корчму, гдѣ имѣлась грязная комната въ нѣсколько аршинъ длины. Въ первый разъ своей жизни Х. должна была сказать „дайте вода“ и т. д. Потому что кромѣ русскаго ничего не знали. Желая найти болѣе удоб-

ное помѣщеніе, мнѣ пришла блестящая мысль отыскать мѣстнаго священника. Онъ навѣрное дастъ мнѣ какъ русскому почлегъ. Радостно шелъ я по селенію, гдѣ отовсюду раздавался веселый малороссійскій говоръ. Тамъ проходили косцы, напѣвая стройную хоровую пѣсню. Но оказалось, я ошибся дорогою и попалъ къ католическому попу, который принялъ меня не очень радушно. Пришлось возвращаться домой, но уже настала темнота, и я не зналъ, въ какой корчмѣ мы остановились... я спрашивалъ дорогу, мнѣ смѣялись въ слѣдъ: якая корчма,—ихъ много. Темно, грязно, и никого не видно на улицѣ. Идетъ молодница. Укажи дорогу... Она боится, но когда я подалъ ей *zwanziges*, она успокоилась и довела наконецъ до цѣли. Не менѣе интересна была поѣздка въ Маршарошъ Сигетъ, гдѣ каменная соль. Прибыли мы въ праздникъ. Вездѣ съ пѣснями, цвѣтами попадались намъ навстрѣчу румынки и малороссіянки. Я потерялъ свою палку; вдругъ слышу позади возгласъ „пань, не ваша ли палка“. Кто вы, мы русскіе; изъ какой деревни? Назвали. А вы откуда?—Я изъ Россіи. Удивленію ихъ не было конца. Тамъ царь нашъ. Рассказываютъ про поселянъ престранные анекдоты. Входитъ хохоль въ присутствіе и кланяется, приговаривая: „Вашему нѣмецкому царю и *нашему русскому царю*“. Мнѣ не хотѣли показать рудниковъ, но какъ только начальникъ (онъ оказался потомъ славяниномъ) узналъ, что я русскій, то не только все показалъ, но и сдѣлалъ мнѣ подарокъ. Пошли разспросы, разсужденія, пускай только пріѣдутъ русскіе, мы усыплемъ ихъ путь цвѣтами. И это не онъ одинъ говорилъ, это говорили многіе, начиная отъ образованныхъ до самыхъ простыхъ работниковъ. Поразила меня оставленная и затопленная водою шахта. Проводнику стоило только ударить весломъ по водѣ, и раздавался громъ подъ нами. Когда онъ бралъ ноту, то слышалось гармоническое пѣніе. Долго я вспоминалъ это чудное пѣніе въ затопленной шахтѣ и такъ хотѣлось опять и опять услышать эту музыку природы.

Можетъ быть уже создалась легенда объ чудной пѣснѣ Бога земли, и набожный русинъ осѣняетъ себя крестомъ, спускаясь въ это таинственное царство.

Меня потянуло назадъ въ Россію. Да и дѣла по имѣнію требовали моего присутствія. Блюмеръ, по обыкновенію, былъ въ Дрезденѣ. Я черезъ посла выпросилъ себѣ отпускъ. Блюмеръ пріѣзжаетъ — и рветъ и мечетъ. Я вамъ не могу дать отпуска. А я поѣду. Ну я тогда обращусь съ вами, какъ съ

дезертирующимъ свой постъ... Кончилось тѣмъ, что мы не видѣлись и я не ходилъ къ нему. Наконецъ дѣло уладилось. Жена съ дочерью пріѣхали къ Блюмеру, и онъ отпустилъ меня. Венгерцы, чтобы показать, что они ничего не имѣютъ противъ Россіи, приняли жену и дочь Блюмера съ распростертыми объятіями. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балы, вечера... Однимъ словомъ, мой промахъ послужилъ въ пользу семейства Блюмера.

Мнѣ хотѣлось еще видѣть Карпаты, еще разъ мелькомъ услышать русскую рѣчь и затѣмъ проститься съ Венгріей. Въ Межѣ Лаборца останавливается поѣздъ на цѣлую ночь, и тутъ я разговорился съ гр. А., родственникомъ Андраши. Какъ мѣстный житель, онъ сообщилъ мнѣ о средствахъ здѣшнихъ помѣщиковъ, о вліяніи поповъ (православныхъ) на крестьянство, о Добрянскомъ, который пользуется громаднымъ авторитетомъ среди мѣстнаго населенія. Они, т. е. крестьяне, сказалъ онъ мнѣ, очень хорошо поютъ, и я часто съ ними пою въ хорѣ. Вотъ настоящая ваша роль, господа мадьяры — это пѣть въ унисонъ съ русскими, подумалъ я.

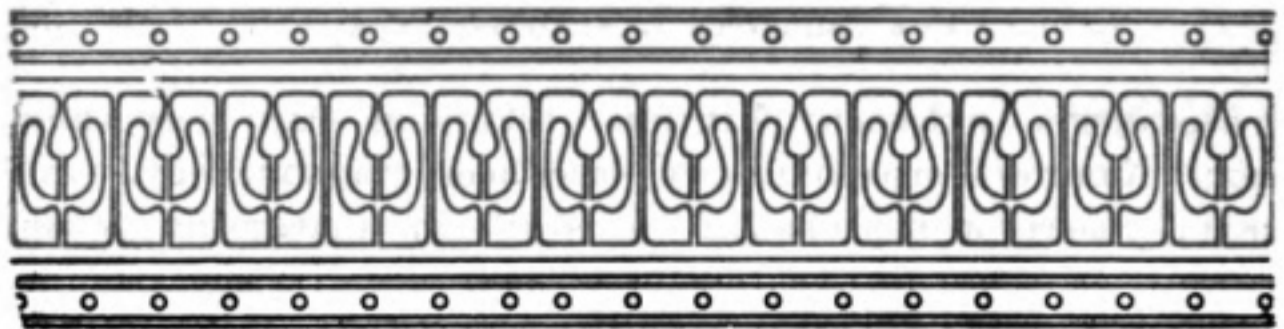
Мысль о паденіи чужеяднаго мадьярско-нѣмецкаго государства была для меня такъ ясна, что я чрезвычайно удивился по возвращеніи въ Россію, что я встрѣтилъ тамъ такое полное незнаніе славянства. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я думалъ найти сочувствіе къ этимъ несчастнымъ, но, увы, ошибся. Ихъ не знали совсѣмъ. Нѣкоторыя лица даже совѣтовали мнѣ: „Бросьте вы этихъ славянъ. *Ce n'est pas comme il faut*“. Общій тонъ — полное равнодушіе, незнаніе и даже какая-то брезгливость къ славянамъ, которые являлись за пособіемъ въ министерство. Точь въ точь пріѣздъ бѣдныхъ родственниковъ къ знатному барину. Славяне, которые утратили обезпеченное, общественное положеніе на родинѣ, съ горечью отзывались, что они разочарованы въ русскомъ обществѣ. Имъ казалось, что ихъ примутъ съ открытыми объятіями; на дѣлѣ выходило, что они встрѣчали ласковый пріемъ лишь у нѣкоторыхъ членовъ славянскихъ комитетовъ; они охали съ ними и отпускали ихъ, въ тайнѣ думая: когда же отвяжется отъ меня этотъ бѣдный родственникъ. Люди съ наболѣвшимъ сердцемъ по неволѣ односторонни. Потомъ, нѣкоторые изъ славянскихъ дѣятелей, игравшіе на родинѣ видную политическую роль, оказались въ Россіи ни при чемъ. Славянскій комитетъ не пользовался тогда значеніемъ среди нашихъ литературныхъ кружковъ. Дѣлалъ онъ чрезвычайно мало. Это былъ какой-то офиціозный

департаментъ внѣшней политики; засѣданія были мертвенны, вялы. Комитетъ ограничивался разсылкою старыхъ ненужныхъ книгъ, иконъ и церковныхъ облаченій въ славянскія земли. Дѣятельность его въ Австріи была ничтожна. Нужно ли было поддержать какое-нибудь общество, какую-нибудь славянскую газету въ Австріи, всегда этому былъ одинъ отвѣтъ: „нѣтъ денегъ“. Мои сообщенія Стремоуховъ нашелъ интересными, но сказалъ: вы преувеличиваете... Хвалилъ тактъ и умъ Андраши. Потомъ въ министерствѣ смѣялись и говорили, что я открылъ Угорскую Русь.

Несмотря на это, товарищи приняли меня съ распростертыми объятіями, и когда Розень былъ назначенъ секретаремъ въ Японію, я получилъ мѣсто дѣлопроизводителя Азіатскаго департамента.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ.

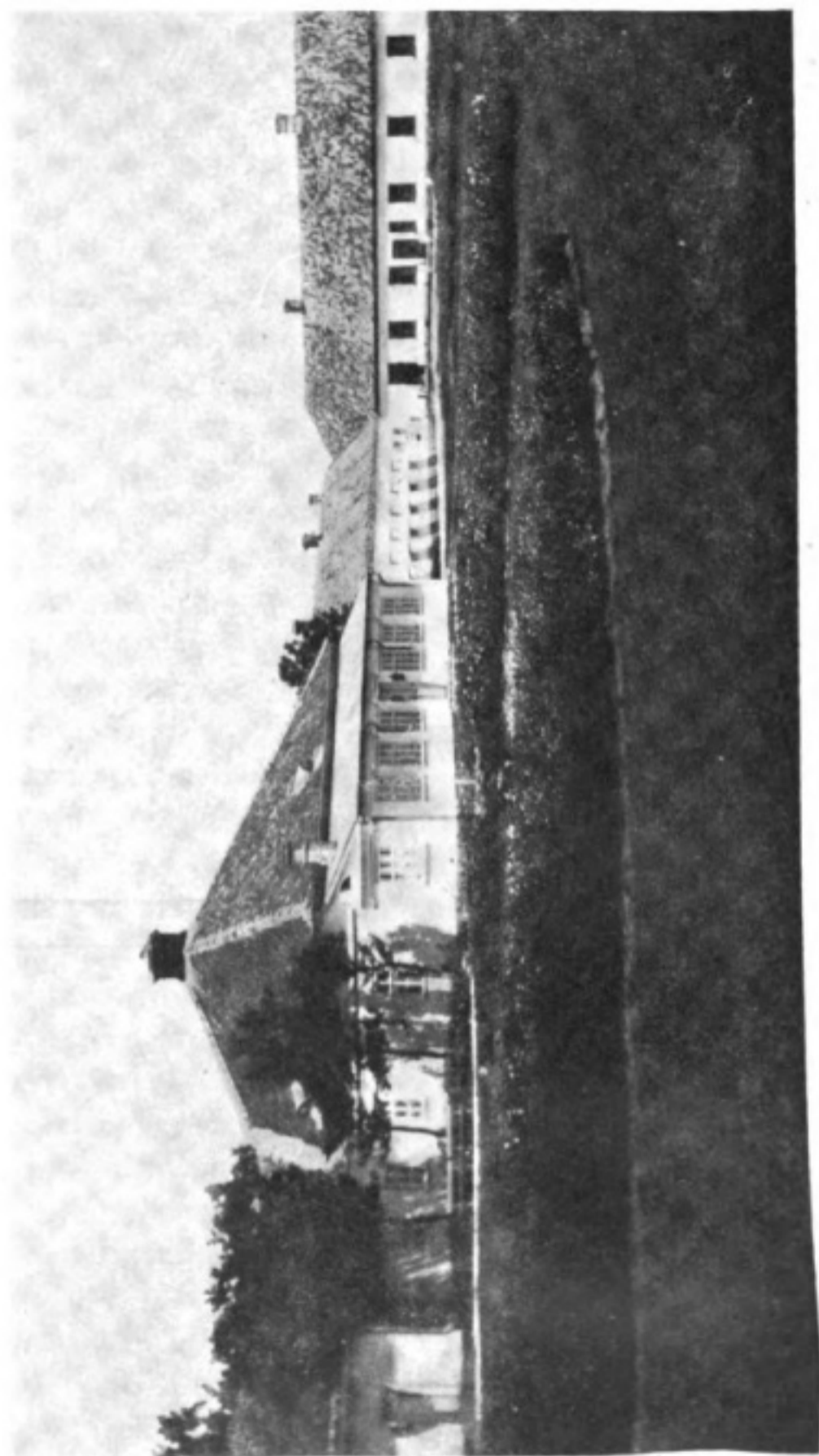
Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи ¹⁾.

Овцеводство на западѣ.—Стремленіе Ангальтъ-Кетена въ южно-русскія степи.—Перевиска съ петербургскимъ правительствомъ.—Пріѣздъ въ Россію ангальтскихъ чиновниковъ Альберта и фонъ-Бера.—Осмотръ Таврическихъ степей и выборъ участка...—Условія, на которыхъ Ангальтъ-Кетенъ основывалъ колонію.—Общая характеристика природы Асканія-Нова.—Первые годы хозяйства.—Три транспорта испанскихъ мериносовъ.—Возведеніе жилыхъ построекъ.—Смерть герцога Фердинанда и упадокъ колоніи.—Ревизіи...—Новый управляющій добивается уступокъ правительства.—Раскрытіе вторичнаго злоупотребленія, запутанность казны и продажа Асканія-Нова землевладѣльцу Фейну.

По окончаніи испанской войны за престолонаслѣдіе и отмѣнѣ запрещенія вывоза испанскихъ мериносовъ, во всей Европѣ, въ особенности въ Германіи, стало сильно развиваться овцеводство. Саксонія первая начала ввозить къ себѣ мериносовъ съ 1765 года; ея примѣру скоро послѣдовали всѣ сосѣднія государства, и такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія по всему западу успѣшно процвѣтало овцеводство...

Въ Ангальтѣ также съ большимъ усердіемъ стали заниматься улучшеніемъ породъ овецъ. Въ однихъ герцогскихъ имѣніяхъ держали свыше ста тысячъ головъ мериносовъ, какъ

¹⁾ Основаніемъ для этой статьи послужили цѣнные матеріалы, любезно предоставленные въ наше распоряженіе современнымъ владѣльцемъ Асканія-Нова, Ф. Э. Фальцъ-Фейномъ, устроителемъ въ своемъ имѣніи извѣстнаго зоопарка.

Домъ Ф. Э. Фальцъ-Фейна. Асканія-Нова, Центральная часть—построенная
Ангалтъ-Кетенской администраціей.

негретской, такъ и эскориальной породъ, и Англія, самая производительная страна, получала шерсть главнымъ образомъ изъ Ангальта. Чтобы получить еще большую выгоду отъ овцеводства, Ангальту нужно было найти новые рынки сбыта продуктовъ мериносовъ. При этомъ главное вниманіе было обращено на Россію, съ ея огромными степями, въ высшей степени подходящими для разведенія овецъ. Вспоминались родственныя связи между царствующими домами, а слѣдовательно, представлялось нѣкоторое благоволеніе со стороны Россіи.

Русское правительство уже давно обратило вниманіе на разведеніе овецъ въ большихъ степныхъ пространствахъ страны. Оно стремилось главнымъ образомъ къ разведенію благородныхъ породъ, съ тонкимъ руномъ, дающимъ хорошій ходъ. При этомъ, какъ всегда, Россія принуждена была обратиться къ иностранцамъ, въ частности къ германцамъ, къ Дрезденскому правительству, съ просьбой вывезти изъ Саксоніи въ южныя степи мериносовъ для улучшенія собственнаго овцеводства.

Какъ только въ Ангальтѣ стало извѣстно объ этомъ намѣреніи Россіи, тотчасъ же рѣшено было опередить Саксонію и самимъ вступить въ переговоры съ Россіей, относительно доставки улучшенныхъ породъ овецъ. Съ этимъ былъ связанъ дальнѣйшій планъ—имѣть Россію выгоднымъ рынкомъ для постоянной поставки овецъ. Съ этою цѣлью Ангальтъ желалъ основать въ Россіи свою собственную колонію, въ которой занимались бы преимущественно овцеводствомъ, въ связи съ развитіемъ и другихъ выгодныхъ промысловъ. Населенная ангальтскими подданными колонія, подъ руководствомъ опытнаго агронома, могла бы быстро развиться и приносить большіе доходы. Къ финансовымъ соображеніямъ присоединялись и политическія: Ангальтъ надѣялся посредствомъ основанія колоніи войти въ болѣе близкія дружественныя сношенія съ русскимъ Царствующимъ Домомъ и въ случаѣ надобности получить поддержку со стороны могущественнаго русскаго государства.

Въ 1826 году, главный управляющій имѣніями герцога Ангальтъ-Кетенскаго, г-нъ Альбертъ, обратился къ русскому агенту въ Лейпцигѣ, статскому совѣтнику фонъ-Фрейгангу съ письмомъ, въ которомъ подробно изложилъ свою идею относительно основанія ангальтской колоніи въ южной Россіи. Указавъ на то, какъ образцово поставлено овцеводство въ Ангальтъ-Кетенѣ, г-нъ Альбертъ объяснилъ русскому агенту всю пользу, которую Русское государство можетъ получить отъ

разведенія племянныхъ овецъ, и просилъ его внести этотъ проектъ на обсужденіе русскаго правительства. Заручившись черезъ посредство Фрейганга сочувствіемъ министра финансовъ Канкринна, лица очень вліятельнаго въ Россіи, герцогъ Ангальтъ - Кетенскій рѣшился въ 1827-омъ году послать письмо Императору Николаю I, въ которомъ обращался съ просьбой обратить его планъ... „...de faire à Votre Majesté la proposition formelle, d'établir dans le midi de Votre empire une petite colonie de mes sujets, dont le soin principal serait la dite culture des moutons de race pure et leur propagation dans les vastes états de Votre Majesté...“¹⁾.

Императоръ отвѣтилъ чрезвычайно благосклонно, что планъ возбудилъ въ немъ живой интересъ, и что онъ поручилъ министру финансовъ детально рассмотреть его.

Когда наконецъ вопросъ при Русскомъ Дворѣ окончательно вырѣшился въ пользу предложенія герцога, оба правительства стали вести переговоры о необходимости назначить особую комиссію, которая могла бы выбрать подходящую для основанія колоніи мѣстность, и затѣмъ отправиться въ Петербургъ для окончанія дѣла.

Спустя нѣкоторое время, герцогъ Ангальтскій получилъ извѣщеніе, что Императоръ послалъ въ Брестъ-Литовскъ г-на фонъ-Юнга, который, въ качествѣ русскаго эмиссара, долженъ былъ ожидать въ означенномъ городѣ герцогскихъ уполномоченныхъ, чтобы затѣмъ показать имъ казенныя земли, пригодныя для разведенія овецъ.

Найти подходящую для будущей колоніи землю и затѣмъ приобрести таковую на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, было главной задачей предпріятія, и все зависѣло, какъ отъ сельскохозяйственныхъ, такъ и отъ политическихъ способностей и ловкости комиссаровъ. Потому герцогъ и ввѣрилъ эту миссію главному управляющему своихъ имѣній—Альберту, и фонъ-Беру—знатоку финансоваго дѣла и извѣстному дипломату.

Въ сентябрѣ 1827-го года вышеназванные уполномоченные прибыли въ Россію, и, въ сопровожденіи русскаго эмиссара, прослѣдовали черезъ Брестъ-Литовскъ въ Житомиръ, откуда совершили нѣсколько поѣздокъ по южнымъ окраинамъ Россіи. Посѣтивъ между прочимъ Одессу, которая тогда была главнымъ рынкомъ для сбыта шерсти и имѣла постоянныя сноше-

¹⁾ „...Формально предложить Вашему Величеству основать на югѣ Вашего государства маленькую колонію моихъ подданныхъ, главная забота которой будетъ культура чистокровныхъ овецъ и ихъ распространіе“.

нія съ Херсонью, Крымомъ и всей Тавридой, комиссары тотчасъ уяснили себѣ значеніе этого города, какъ портоваго центра, и увидѣли необходимость обосноваться гдѣ-нибудь поблизости, въ имѣніи, располагающемъ наиболѣе удобными путями сообщенія съ Одессой. Послѣ долгихъ колебаній, выборъ ихъ наконецъ палъ на мѣстность, которая значилась на картѣ генеральнаго межеванія подъ именемъ „Степь № 71“; она во всѣхъ межеваніяхъ соотвѣтствовала ихъ требованіямъ и желаніямъ... Вблизи находился Перекопъ, обѣщавшій дешево доставлять камни, немного дальше—Раковка на Диѣпрѣ, также сулившая дешевый лѣсъ.

Комиссары скоро и окончательно высказались за эту мѣстность; смущалъ ихъ лишь размѣръ участка, такъ какъ онъ значительно превосходилъ таковой, имѣвшійся въ виду русскимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе они надѣялись придти къ соглашенію въ Петербургѣ, объявивъ эту мѣстность единственно подходящей для своихъ цѣлей.

Послѣ посѣщенія сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ на Молочной рѣкѣ комиссары отправились въ дальнѣйшее путешествіе черезъ Харьковскую, Орловскую и Тульскую губернію, и черезъ Москву, и въ концѣ октября пріѣхали въ Петербургъ, сдѣлавъ свыше четырехъ тысячъ верстъ пути...

Посланниковъ герцога Ангальтскаго вездѣ встрѣчали самымъ любезнымъ образомъ. „Весь Петербургъ говоритъ уже о нашей миссіи, которой придаютъ большое значеніе и которую считаютъ болѣе интересной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности“, писалъ въ это время Беръ. Вліятельные люди, какъ графъ Нессельроде и князь Голицынъ, быстро заинтересовались всѣмъ этимъ дѣломъ.

Между тѣмъ время бѣжало; цѣлый мѣсяць прошелъ въ многочисленныхъ конференціяхъ для разработки отдѣльных пунктовъ плана, который долженъ былъ быть доложенъ Императору, но ни къ какому окончательному результату члены конференціи не пришли. Комиссары не знали, какъ быть: герцогъ Ангальтскій присылалъ повелѣніе за повелѣніемъ—скорѣе добиться намѣченной цѣли, Петербургъ же тянулъ и медлилъ рѣшеніемъ... Казалось, дѣло дошло до мертвой точки. Тогда хитрый Беръ, на свой личный страхъ и рискъ, измѣнилъ первоначальную редакцію инструкціи и составленный имъ, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ, контрактъ, былъ доложенъ Императору. Въ день русскаго новаго года, 13-го января, состоялось окончательное рѣшеніе этого дѣла. „Вѣроятно, ми-

нистръ финансовъ вамъ уже сказалъ, что я одобряю ваше дѣло. Я его считаю законченнымъ“, — таковы были первыя слова, сказанныя Императоромъ въ аудіенціи ангальтинцу.

Формальное окончаніе предпринятыхъ переговоровъ было теперь лишь вопросомъ времени, хотя подписаніе договора еще затянулось изъ-за продолжительной болѣзни министра финансовъ. Третьяго марта былъ изданъ указъ относительно молодой колоніи, а двадцать второго — Беръ уже сообщилъ домой о полномъ окончаніи своей миссіи по пунктамъ:

1) Императоръ Всероссійскій даетъ разрѣшеніе на устройство колоніи въ Таврической губерніи, которую герцогъ Ангальтскій предлагаетъ учредить изъ своихъ подданныхъ.

2) Подъ сіе поселеніе назначаются въ Таврической губерніи избранные герцогскими депутатами свободные участки земли:

а) участокъ № 71, въ 42.345 десятинъ удобной и неудобной земли...

б) по уваженію сухого качества сего участка отрѣзать до 6.000 десятинъ изъ участка № 47, на берегу Чернаго моря...

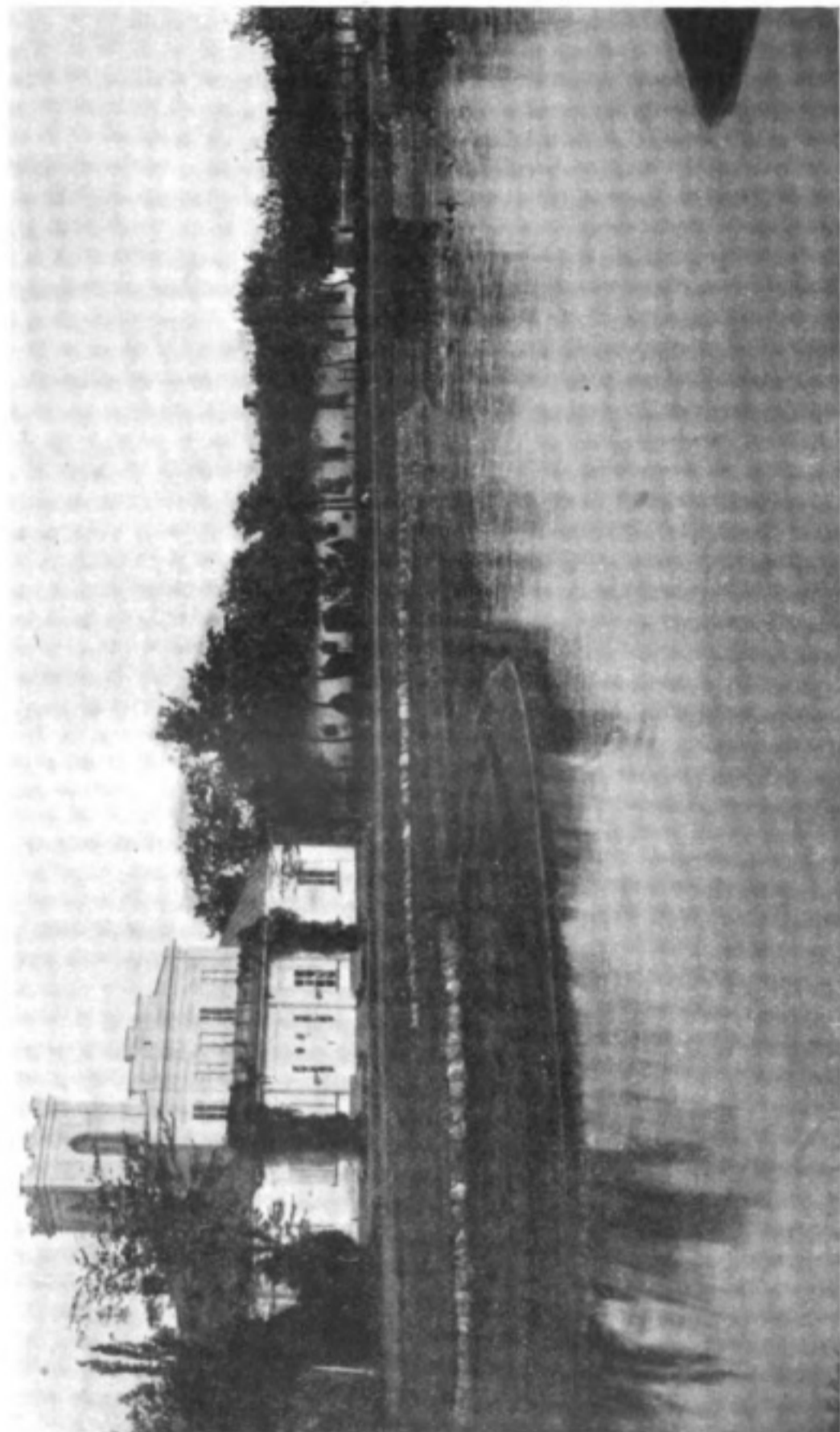
3) Оба сіи участка земли отдаются герцогу Ангальт-Кетенскому въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ правомъ пользованія всѣмъ тѣмъ, что находится на поверхности сей земли и въ нѣдрахъ оной, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

а) на сихъ участкахъ земли не могутъ быть поселены крѣпостные крестьяне, также не могутъ быть куплены, по причинѣ владѣнія симъ поселеніемъ, другія населенныя имѣнія; но покупка земли для присоединенія къ колоніи, на общемъ основаніи, дозволяется; для работъ же въ поселеніи могутъ быть употреблены вольнонаемные люди.

б) поселеніе сіе можетъ переходить по наслѣдству, завѣщанію, купчей, или инымъ законнымъ способомъ, безъ раздробленія; но кромѣ фамиліи герцога, оно можетъ переходить только къ такимъ лицамъ, кои имѣютъ право владѣть имѣніями въ Россіи, съ сохраненіемъ права поселенцевъ.

в) поселеніе сіе возвращается въ собственность казны, если въ ономъ, по истеченіи десяти лѣтъ, не будетъ находиться по меньшей мѣрѣ двадцать тысячъ овецъ улучшенной породы, съ потребнымъ количествомъ семействъ для содержанія сихъ животныхъ.

4) По истеченіи десяти льготныхъ лѣтъ, начиная оныя съ перваго января 1830 года, платитъ казнѣ ежегодной повинности за каждую десятину, съ 42,345, по 8 коп. сере-

Аксаіія-Нова. Домъ гдѣ жилъ инспекторъ администраціи Ангальтъ-Кетенской колоніи.

бромъ, а съ 6.000 десятинь приморской земли по 15 коп. серебромъ.

5) Колонисты освобождены отъ рекрутской повинности и т. п.

6) Церкви и школы должны быть устроены на счетъ герцога, который опредѣляетъ и служащихъ при нихъ.

7) Выкурка и варка пива свободно могутъ быть производимы.

8) Торговля и фабрики поселенцевъ не подлежатъ гильдейскимъ повинностямъ.

9) Внутренняя полиція въ поселеніи представляется чиновникомъ герцога.

10) Относительно уголовныхъ дѣлъ, общей безопасности и починки дорогъ, поселеніе подчиняется земской полиціи, которая однако дѣйствуетъ черезъ чиновниковъ поселенія.

11) Герцогу предоставляется казенное имѣніе Каменецъ-Подольской губерніи, въ Гайсинскомъ повѣтѣ, называемое Староство Гайсинское, на 24 года, съ платежомъ по 2.000 рублей серебромъ въ годъ, начиная срокъ владѣнія съ 1829 года.

12) Подлежащимъ пограничнымъ таможнямъ будетъ предписано о безошлинномъ пропускѣ отправленныхъ изъ Ангальта поселенцевъ, съ ихъ имуществомъ, скотомъ, орудіями, сѣменами и проч., за исключеніемъ однако товаровъ.

На пасхальной недѣлѣ, 8-го апрѣля, Беръ пріѣхалъ въ Кетенъ. Единственно, благодаря энергіи и разсудительности обоихъ герцогскихъ комиссаровъ, переговоры закончились для Ангальта весьма удовлетворительнымъ образомъ. Герцогъ Фердинандъ сумѣлъ оцѣнить это, назначивъ Беру и Альберту почетныя награды и денежные подарки, а Императоръ Россіи, съ своей стороны, пожаловалъ герцогскимъ комиссарамъ по перстню съ своей буквой; одновременно съ этимъ онъ утвердилъ фонъ-Кюстера ангальтскимъ агентомъ при русскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Приобрѣтенное герцогомъ Фердинандомъ Ангальтскимъ имѣніе находится на югѣ Россіи, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга степей, изъ которыхъ большая, называвшаяся раньше русскими „Чапли“, съ момента приобрѣтенія ангальтскимъ домомъ, стала называться „Асканія-Нова“ (въ Россіи она называлась также Ангальтъ-Кетеномъ или Ново-Кетеномъ), мень-

шая же, расположенная у моря, сохранила первоначальное русское или татарское названіе „Дофино“. Степи расположены на разстояніи 65 верстъ другъ отъ друга и соединены межъ собою почти совершенно прямою дорогою, идущею, между прочимъ, черезъ казенныя степи Чаплинка и Каланчакъ.

Земледѣліемъ можно заниматься лишь въ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ все владѣніе—сплошная степь, въ которой почти не встрѣчается ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни прудовъ. На этихъ обширныхъ пастбищахъ имѣются такъ называемыя „балки“, т. е. долины—низины, сохраняющія больше всего сырости и дающія даже въ самые бѣдные сѣномъ годы кормъ скоту. Большею частью онѣ очень мелки, и лишь „большая балка“, имѣющая діаметръ въ три версты, въ самой низкой своей части только на три фута ниже окружающаго ее берега. Въ степяхъ встрѣчаются также маленькія возвышенности или курганы, по всей вѣроятности, прежнія татарскія могилы или мѣста для караульныхъ...

Лѣсовъ не имѣется, лишь изрѣдка встрѣчаются отдѣльныя деревья. Изъ-за глинистаго грунта, не пропускающаго сырость, нечего и думать объ облѣсеніи края въ большихъ размѣрахъ...

Изъ травъ чаще всего встрѣчается „тирса“—ковыль двухъ родовъ,—майскій и поздній. Вся растительность вообще скудная.

Климатъ степей крайне переменчивый. Послѣ продолжающейся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль знойной жары, цѣлыми недѣлями длятся суровые холода. Наибольшая жара наблюдалась до 1842 года въ Асканія-Нова $40,25^{\circ}$ R, сильнѣйшій морозъ — $24,25^{\circ}$ R. Полгода въ среднемъ 190 дней, въ степяхъ дуютъ восточный и сѣверо-восточный вѣтры, дѣлающіе жару болѣе выносимой, но увеличивающіе засуху. Вообще въ этихъ мѣстахъ влаги выпадаетъ въ три раза меньше, чѣмъ въ Берлинѣ или въ Петербургѣ; бывали годы, какъ, на примѣръ, въ 1832 и 1833 гг., въ которые не замѣчалось ни снѣга, ни дождя.

Согласно постановленію герцога Фердинанда, отъ 28 апрѣля 1838 года, вновь приобрѣтенное на югѣ Россіи имѣніе должно было управляться совершенно автономно. Для этой цѣли была образована въ Кетепѣ особая „администрація надъ таврическими владѣніями“, въ которой участвовали финансраты фонъ-Беръ и Альбертъ. Оба были совершенно независимы отъ дру-

гихъ присутственныхъ мѣстъ и лишь подвѣдомственны непосредственно самому герцогу. Мѣстное управленіе было названо „администрація таврическихъ владѣній“.

Нужно было еще образоватъ вспомогательный фондъ, для первоначальнаго основанія и обзаведенія колоніи. Для этой цѣли на таврическія владѣнія былъ переведенъ и внесенъ въ нихъ дебетъ тотъ пассивный капиталъ, въ суммѣ 54.500 талеровъ, который послѣ смерти княгини Ангальтъ - Цербстской долженъ былъ быть выплаченъ Россіи, но процентами съ котораго въ то время пользовалась княгиня фонъ-Вальдекъ. Кромѣ того для пополненія этого фонда, были предназначены доходы съ ангальтъ-кетенскихъ имѣній Гейтцъ и Росслау, которыхъ по расчету должно было хватить для комплектованія и отправленія транспортовъ овецъ. Казалось, финансовая сторона предпріятія была достаточно обезпечена на первое время.

Послѣ окончанія цѣлаго ряда судебныхъ формальностей, 27 іюля 1828 года, въ присутствіи симферопольскаго губернатора, состоялась въ Чаплинскихъ казармахъ торжественная передача степей.

Одной изъ главныхъ заботъ ангальтскаго правительства былъ вывозъ въ ближайшемъ будущемъ достаточно большого количества овецъ въ новыя владѣнія. Въ Кетенѣ совершенно вѣрно признали, его предпріятіе лишь тогда разовьется какъ слѣдуетъ, и дастъ желанный доходъ, когда въ степяхъ имѣнія будетъ находиться въ достаточномъ количествѣ хорошее племя овечьихъ породъ, что можетъ обезпечить скорое размноженіе овечьихъ стадъ.

Тогда же было рѣшено отправлять въ таврическое владѣніе, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, ежегодно, по одному транспорту племенныхъ овецъ, въ сопровожденіи колонистовъ, которые тамъ поселятся.

На приготовленія къ переселенію тратилось много времени. Лишь въ концѣ лѣта первый транспортъ отправился въ путь изъ Кетена. „Ангальтъ-Кетенская“ газета пишетъ: „11 августа с. г. мы видѣли рѣдкое для мѣстныхъ жителей зрѣлище; первый главный караванъ, состоящій изъ 3.000 овецъ, отправился въ новыя владѣнія его свѣтлости герцога Ангальтскаго въ южной Россіи. Многочисленная толпа собралась по этому поводу, присутствовали также ихъ свѣтлости герцогъ и герцогиня. Въ виду того, что такіе транспорты овецъ будутъ уходить ежегодно, страна наша можетъ разсчитывать на значительную прибыль...“

Вторая экспедиція выступила въ послѣдней половинѣ іюля 1829 года.

Третій и послѣдній основной транспортъ вышелъ изъ Кетена тринадцатаго іюля 1830 года, подъ предводительствомъ агрономнаго комиссара Пихта. Между прочимъ ангальтское правительство послало съ этимъ транспортомъ сортировщика шерсти, который долженъ былъ тщательно разсортировать стада въ Гайсингѣ и въ степи, и въ каждомъ мѣстѣ составить племенные стада. Транспортъ по прошлогоднему пути прибылъ въ степь тридцатаго сентября безъ значительныхъ потерь.

Такимъ образомъ въ концѣ 1830 года имѣлось въ степи около восьми тысячъ головъ племенныхъ овецъ. Задача администраціи состояла въ разведеніи изъ этого основного племени большихъ стадъ, а также въ правильномъ направленіи культуры всей колоніи.

Въ 1828 году въ южно-русской степи, недавно приобрѣтенной Ангальтъ-Кетенскимъ домомъ, не было еще никакого населенія; единственными обитателями ея являлись нѣсколько стражниковъ, жившихъ въ такъ называемой казенной квартирѣ...

Администраторъ Брауманъ, прибывшій въ нарождавшуюся колонію въ іюлѣ того же года, тотчасъ началъ работы по воздѣлыванію полей и по постройкѣ помѣщеній для людей и скота. Первое время строенія возводились съ глинобитными стѣнами и изъ глины, но потомъ этому матеріалу стали предпочитать фахверкъ, въ соединеніи съ известью и камнями.

Пастбище въ Асканія-Нова само по себѣ было очень хорошее, но въ виду того, что, согласно условію, нельзя было держать крѣпостныхъ,—приходилось въ большомъ количествѣ нанимать чужихъ рабочихъ, на содержаніе которыхъ тратилось довольно много денегъ, и такимъ образомъ сѣно все-таки обходилось очень дорого.

Большую частью зимы бывали умѣренныя, такъ что стада кормились сѣномъ всего въ теченіе нѣсколькихъ дней, но бывали годы, когда овецъ загоняли въ хлѣва и на болѣе продолжительное время, дней на 27 и даже на 45. Въ общемъ овцеводство постепенно развивалось и крѣпло. Овцы были разсортированы по тонкости шерсти и подѣлены на классы. Для того, чтобы выгоднѣе сбывать шерсть, въ которой, кромѣ тонкости, цѣнилась еще и чистота, приходилось какъ-нибудь мыть овецъ. Въ степной мѣстности воды было мало, и стада гоняли ку-

паться къ Днѣпру, который протекалъ въ 100 миляхъ отъ Асканіи-Нова.

Шерсть сбывали, главнымъ образомъ, въ Москву и Одессу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—также на нѣмецкіе и англійскіе рынки.

23 августа 1830 года умеръ герцогъ Фердинандъ—основатель и покровитель молодой колоніи. На престолъ вступилъ его братъ, Генрихъ, принявъ на себя также и заботу о таврическомъ владѣніи. Для завѣдыванія этимъ имѣніемъ, онъ образовалъ особое учрежденіе, въ которомъ между прочими засѣдали, съ правомъ голоса, и тайные финансраты—фонъ-Беръ и фонъ-Альбертъ.

Герцогъ обѣщалъ навѣститъ колонію въ будущемъ, 1831 г.

Между тѣмъ дѣла въ Асканіи-Нова были далеко не въ блестящемъ состояніи. Съ одной стороны господствовалъ полный беспорядокъ, обусловленный постоянной враждой старшихъ чиновниковъ и неповиновеніемъ младшихъ, съ другой—колонія требовала большихъ затратъ и не давала никакихъ доходовъ. Тогда рѣшено было отправить лѣтомъ 1831 года ревизію для подробнаго разслѣдованія положенія вещей въ Кетенскихъ владѣніяхъ. Ревизія эта однако принуждена была вернуться, не достигнувъ цѣли, такъ какъ въ Россіи въ то время свирѣпствовала холера, и переходъ черезъ границу былъ запрещенъ.

Лѣто 1832 года выдалось очень сухое, вслѣдствіе чего урожай хлѣба былъ неудачный; вообще, нужно сказать, что климатическія и геологическія условія молодой колоніи были настолько неблагоприятны, что не могло быть и рѣчи объ успѣшномъ развитіи земледѣлія.

Весною 1832 года ревизія вторично отправилась въ Таврическую губернію. Первое впечатлѣніе отъ деревни, съ ея правильными строеніями и плодовыми садами было хорошее. Стада размножались въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшему процвѣтанію колоніи мѣшали, повидимому, больше всего раздоры чиновниковъ. Результатомъ разслѣдованія явилась смѣна управляющаго, которымъ теперь былъ назначенъ Тетцманъ.

До сихъ поръ Кетенскія владѣнія въ южной Россіи не имѣли еще оффиціального наименованія, и только теперь, согласно данному приказу, ревизоръ Беръ назвалъ главное селеніе—*Ascania Nova* (Новая Асканія). „Такъ какъ это владѣніе, по волѣ пріобрѣтателя должно вѣчно оставаться за Ангальтскимъ Домомъ,—писалъ домой начальникъ ревизіи,—то мнѣ

кажется умѣстнымъ напомнить о правахъ на потерянный вслѣдствіе насилія чудный участокъ земли, вмѣсто котораго остался лишь пустой титулъ ¹⁾, который едва-ли когда-либо пріобрѣтетъ реальное значеніе... Остальные участки земли (подъ ними подразумѣвались нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ) будутъ достойнымъ образомъ названы, получивъ имена царствующей герцогской четы, которой колонія обязана своимъ процвѣтаніемъ и существованіемъ, а также умершихъ герцога и герцогини, основателей колоній⁴. Онъ ихъ назвалъ: Фердинандовкой, Юліановкой, Генриково и Августово.

Въ срединѣ іюня, послѣ приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ, Беръ отправился въ Петербургъ для веденія переговоровъ съ Русскимъ Дворомъ относительно уступки Ангальтъ-Кетену, для дальнѣйшаго усовершенствованія колоніи, аллодіальнаго капитала въ 360.500 талеровъ, который Россія должна была получить отъ Ангальскаго герцогства, какъ наследственную часть Екатерины II. Когда переговоры приняли благоприятный для герцога оборотъ, Беръ отправился моремъ домой, и въ срединѣ сентября прибылъ въ Кетенъ.

Новому управляющему умѣніемъ Тетцману было передано при его вступленіи въ должность—15.004 головъ овецъ, 48 головъ рогатаго скота и 82 лошади. Уже вскорѣ послѣ его назначенія, всѣ отрасли хозяйства колоніи стали замѣтно подниматься. Обративъ особенное вниманіе на винодѣліе, приносящее въ Крыму большіе доходы, Тетцманъ исходилъ болѣе 5.000 виноградныхъ лозъ, обѣщавшихъ дать хорошіе результаты (какъ выяснилось впослѣдствіи, виноградъ даже не созрѣлъ).

При первомъ же своемъ близкомъ знакомствѣ съ овцеводствомъ, управляющій высказалъ мысль о необходимости сдѣлать животнымъ прививку оспы; этотъ проектъ однако не встрѣтилъ сочувствія въ Кетенѣ, и только послѣ 1833 г., когда появилась сильная эпидемія оспы, стали прибѣгать къ прививкѣ, благодаря которой удалось спасти большую часть животныхъ.

Несмотря на сильную засуху и полный неурожай хлѣбовъ, колонія въ концѣ 1833 года производила самое благоприятное впечатлѣніе. Были построены приличныя жилища для тридцати нѣмецкихъ семействъ, залъ для богослуженій, школа, водо-

¹⁾ Въ 1830 году ангальтскіе князья приняли титулъ „графы Асканіи“.

подъемная машина, снабжавшая всю деревню водою изъ колодца, глубиною въ 10 сажень, большой кирпичеобжигательный заводъ и еще много различныхъ болѣе мелкихъ сооруженийъ.

Наконецъ, въ 1834 году, первый разъ за все время существованія колоніи, былъ высланъ въ Кетенъ чистый доходъ, въ размѣрѣ 10.000 талеровъ, полученный почти исключительно съ овцеводства. Теперь овецъ было уже около 24.000 головъ, которыхъ Тетцманъ подраздѣлялъ по качеству шерсти на пять классовъ; это давало поводъ думать, что выгода отъ продажи шерсти съ каждымъ годомъ будетъ повышаться.

Однако надежды на дальнѣйшее блестящее развитіе хозяйства не осуществились. До 1840 года колонія аккуратно высылала на родину нѣкоторый капиталъ, но онъ далеко не соответствовалъ тѣмъ затратамъ, которыхъ требовало имѣніе. Тетцманъ въ это время писалъ: „Если такъ будетъ продолжаться, то имѣніе не оправдываетъ затраченныхъ на него денегъ; я сокращу расходы, насколько возможно“...

Въ 1835 году русскій Императоръ постановилъ вернуть Ангальтъ-Кетену наслѣдственный капиталъ въ 163.500 талеровъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ былъ использованъ на нужды колоніи.

Императоръ писалъ: „Я дѣйствительно желалъ, чтобы аллодіальный капиталъ Ангальтъ-Цербста былъ употребленъ согласно желанію вашей свѣтлости, и я былъ радъ доказать вашей свѣтлости, какъ я цѣню полезную дѣятельность этой колоніи на югѣ Россіи, и попеченіе, которое вы о ней имѣете“.

Это письмо очень обрадовало герцога, и онъ сталъ снова надѣяться на улучшеніе финансоваго положенія Асканіи-Нова.

Между тѣмъ, отчеты Тетцмана становились все запутаннѣе и неблагопріятнѣе; наконецъ лѣтомъ 1842 года прибыла въ Асканію-Нова ревизія, которая обнаружила большія злоупотребленія со стороны управляющаго: число овецъ значительно уменьшилось и между ними не было ни одного взрослога барана, такъ какъ Тетцманъ все продавалъ.. Покупатели конечно всегда выбирали лучшихъ первоклассныхъ овецъ, а для разведенія оставались лишь плохія. Земледѣліе было запущено, конноводство велось безъ всякаго знанія дѣла. Отчетность кассы находилась въ невѣроятномъ безпорядкѣ.

Всѣ сосѣди единодушно выражали свое порицаніе управленію имѣніемъ, говоря: „Дурная слава всего хозяйства Асканіи-Нова составляетъ предметъ всеобщей насмѣшки, такъ какъ

степь всегда управлялась самымъ ужаснымъ образомъ“. Всѣ были того мнѣнія, что герцогъ Ангальтскій долженъ обладать несмѣтными богатствами, если оставляетъ безъ вниманія эту запущенность хозяйства имѣнія. Вскорѣ стали ходить слухи о продажѣ колоніи.

Въ 1845 году началось разведеніе чундукскихъ овецъ, которыя выносливѣе испанскихъ, и даютъ больше чистой прибыли. Но и этотъ опытъ не увѣнчался успѣхомъ. Въ октябрѣ 1846 года главные чиновники Асканіи-Нова посѣтили первую выставку сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Симферополѣ. Образцы шерсти, выставленные колоніей, вслѣдствіе своей выровненности, тонкости и хорошаго свойства, получили похвалу.

Герцогскому имѣнію была присуждена большая серебряная медаль.

Двадцать третьяго ноября 1847 года умеръ герцогъ Генрихъ; съ его смертью прекратился родъ герцоговъ Ангальтъ-Кетенскихъ, который такъ интересовался основанной имъ колоніей и всячески поддерживалъ ее. Было ясно, что теперь дальнѣйшее существованіе Асканіи-Нова будетъ лишь вопросомъ времени.

Согласно завѣщанію покойнаго герцога Фердинанда, колонія перешла въ собственность герцога Ангальтъ-Дессаускаго. Ангальтъ-Бернбургскому дому должна была быть выплачена наличными деньгами половина стоимости земли колоніи.

Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій съ большой неохотой вступилъ во владѣніе Асканіей-Нова и, ознакомившись ближе съ ея хозяйствомъ, которое въ то время было ниже всякой критики, въ 1849 году началъ вести переговоры о продажѣ, съ помѣщикомъ и обладателемъ стадъ въ Елисаветполѣ—Фейномъ, прадедомъ нынѣшняго владѣльца Асканіи, Ф. Э. Фальцъ-Фейна. Эти переговоры велись съ перерывами (во время турецкой войны 1854 г.), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Наконецъ, 26 августа 1856 года купчая была подписана обѣими сторонами. Содержаніе ея, въ главныхъ пунктахъ было слѣдующее:

1. Герцогскія таврическія владѣнія продаются цѣликомъ за 525.000 талеровъ серебромъ, въ такомъ видѣ, какъ они перешли въ пользованіе герцога Фридриха Ангальтъ-Кетенскаго, согласно указу Его Величества Императора Николая I, отъ 3 марта 1828 года...

Встрѣча табуна лошадей прибывшаго съ нагайцами въ Дессау въ 1857 году прусскимъ королемъ
Вильгельмомъ I и герцогомъ Дессаускимъ.

2. Правительство обязуется, тотчасъ же послѣ высочайшаго соизволенія на продажу имѣнія, отдать администраціи Асканія-Нова распоряженіе, чтобы изъ имѣющагося инвентаря и изъ запасовъ ничего больше не продавалось...

3. Дѣйствительные герцогскіе чиновники, пастухи и служащіе не могутъ быть принуждаемы оставаться на службѣ у покупателя...

4. Изъ проданнаго Фейну табуна въ Асканіи-Нова двѣсти лошадей исключаются и предоставляются въ распоряженіе герцога Леопольда Фридриха.

О томъ, какъ этотъ табунъ лошадей шелъ изъ далекихъ южно-русскихъ степей въ герцогства Ангальтское, и какъ наконецъ прибылъ въ Дессау, очень интересно рассказываетъ г-нъ Böhm, которому была поручена доставка животныхъ.

Онъ говоритъ слѣдующее: „Въ октябрѣ 1857 года, по всѣмъ городамъ и селамъ — отъ Weichsel до Эльбы господствовало чрезвычайное оживленіе. Растянувшись длинной нитью, шелъ по дорогѣ большой табунъ лошадей, охраняемый дикими на видъ всадниками, верхомъ на быстрыхъ коняхъ. Люди отовсюду сбѣгались большими толпами, чтобы посмотрѣть на это странное зрѣлище; старики набожно крестились, старухи крѣпко прижимали къ себѣ внучатъ, какъ бы желая защитить ихъ отъ опасности. Въ памяти народа еще слишкомъ свѣжи были впечатлѣнія войны, когда во всей странѣ властвовали французы, и гнались за ослабѣвшими войсками, съ оружіемъ въ рукахъ... Но на этотъ разъ мирные поселяне ошиблись: по дорогѣ тихо подвигалось самое безобидное шествіе; незнакомцы ѣхали изъ далекаго Крыма Таврической губ., ѣхали для того, чтобы передать герцогу Ангальтскому послѣдній даръ его бывшей колоніи... Табунъ, состоявшій изъ жеребцовъ и кобылицъ, выступилъ изъ селенія Марьяновки, въ августѣ 1857 года, въ сопровожденіи пяти верховыхъ ногойцевъ и подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Всѣ вещи были отправлены впередъ, въ шести русскихъ телѣгахъ. Транспортъ, кромѣ двухсотъ лошадей табуна, заключалъ въ себѣ еще пятнадцать жеребятъ, двѣнадцать верховыхъ лошадей и пятнадцать упряжныхъ.

Дорога шла черезъ Бреславль (на Днѣпрѣ), Вознесенскъ и Бердичевъ — на Варшаву. Въ большихъ польскихъ лѣсахъ кони постоянно разбѣгались въ разныя стороны, пугаясь волковъ и непривычнаго, жуткаго лѣснаго шума. Иногда на лошадей напалъ такой паническій страхъ, что ихъ ничѣмъ нельзя было удержать — онѣ какъ обезумѣвшія мчались впередъ, стараясь

вырваться изъ обступившаго ихъ лѣса, куда-нибудь въ степь, на просторъ... По ночамъ приходилось особенно строго слѣдить за животными, и татары неустанно, по очереди, обвѣзжали табунъ, на сколько возможно оберегая чуткій сонъ запуганныхъ степныхъ дикарей. Въ результатѣ всѣ кони сильно исхудали, въ особенности несчастные жеребята, которыхъ мы, спустя нѣкоторое время, порѣшили съѣсть... Не говоря уже про ногайцевъ, даже мнѣ мясо молодыхъ лошадей показалось очень вкуснымъ...

Отъ Варшавы нашъ транспортъ направился прямо на Позенъ; начиная съ прусской границы, караванъ все время сопровождали два конныхъ жандарма, смѣнявшіеся два раза въ день.

Передъ самымъ Дессау, куда мы прибыли только въ концѣ ноября, насъ вышли встрѣчать—прусскій король Вильгельмъ I и герцогъ Дессаусскій, съ наслѣднымъ принцемъ и свитой.

На большой площади, въ зоологическомъ саду, огороженномъ высокимъ заборомъ, я и подчиненные мнѣ ногайцы показывали свое искусство въ ловлѣ коней арканами... Герцогъ тутъ же выбралъ себѣ лично тридцать лошадей, а всѣ остальные—даже верховыя и упряжныя были проданы въ декабрѣ. Торги были окончены въ одинъ день, при чемъ худшая лошадь, которая съ трудомъ волочила ноги, пошла за 75 талеровъ; среднихъ по качеству продали по 400 талеровъ, а лучшаго коня—за 800 тал. Самый дорогой сѣрый жеребецъ вырвался изъ рукъ, когда его уводили и, перепрыгнувъ высокое желѣзное загражденіе, повисъ на шеѣ, зацѣпившись за острый зубецъ. Чтобы спасти его, пришлось сдѣлать надрѣзъ кожи который къ счастью не принесъ особаго вреда.

Другая лошадь, вырвавшись, убѣжала и переплыла Эльбу; она долго пропадала, и только на четвертый день была ружена въ лѣсу и поймана мною съ помощью ласо.

За нѣсколько дней до нашего поѣзда, герцогъ, желая сдѣлать мнѣ и моимъ спутникамъ удовольствіе, отправилъ насъ въ театръ, гдѣ мои ногайцы очень скоро уснули и проспали все представленіе.

Богато одаренные герцогомъ за услугу, мы вскорѣ снарядились въ далекій путь и направились въ родныя кочевья.

Въѣздъ табуна въ Дессау былъ въ свое время запечатлѣнъ придворнымъ художникомъ профессоромъ Otto Seelman'омъ, на полотнѣ, которое сейчасъ хранится въ герцогскомъ замкѣ. Великолѣпный фотографическій снимокъ съ этой картины (см.

иллюстрацію) имѣется въ рукахъ у нынѣшняго владѣльца Асканіи-Нова—Ф. Э. Фальцъ-Фейна.

Но вернемся къ исторіи:—Извѣстіе о продажѣ колоніи произвело въ Асканіи-Нова потрясающее впечатлѣніе — многіе плакали, и вопли ихъ не прекращались долгое время. Никто не ожидалъ такой быстрой перемѣны.

Третьяго октября 1856 года состоялась передача колоніи Фейну. Онъ получилъ: 49.128 головъ овецъ, 297 ковъ, 640 лошадей и 549 головъ рогатаго скота. Герцогскіе служащіе, оставленные Фейномъ при имѣніи, частью пожелали вернуться къ себѣ въ Германію, частью остались въ той странѣ, которая сдѣлалась для нихъ второй родиной.

Итакъ Асканія-Нова перестала быть колоніей Ангальта...

П. Козловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Наполни чаши золотыя!
 Измѣнять скоро дни младые,
 Измѣнить скоро намъ любовь!
 Летящій мигъ лови украдкой,—
 И Гея, Вакхъ еще съ тобой!
 Еще полна, другъ милый мой,
 Предъ нами чаша жизни сладкой... (К—ву, 1819).

Повторяемъ, что такіе заимствованные мотивы встрѣчаются весьма нерѣдко у Боратынскаго, но весьма рѣдко выдерживаетъ онъ общее легкое настроеніе и, начавъ говорить о радостяхъ жизни, о Купидонахъ и Лилетахъ, повторяя общія мѣста—

Счастливъ, кто легкою рукою
 Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты,

неожиданно обрываетъ стихотвореніе грустнымъ видѣніемъ:

И гдѣ же домъ утѣхъ? гдѣ чашъ веселый стукъ?
 Забыть друзьями другъ заочной,
 Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
 Какъ блескъ зарницы полуночной.
 И я, цѣвецъ утѣхъ, теперь утрату ихъ
 Пою въ тоскѣ уединенной,
 И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
 И брегъ невидимъ отдаленный.

И такіе неожиданные переходы отъ условнаго и трафаретнаго къ личному и субъективно-лирическому окрашиваютъ въ особый тонъ стихотворенія Боратынскаго, придающій неизъяснимую прелесть и оригинальность и граціознымъ бездѣлушкамъ поэта.

Приблизительно то же самое можно сказать и о мадригальной поэзіи Боратынскаго, о его стихотвореніяхъ на случай, популярность которыхъ зафиксирована извѣстнымъ мѣстомъ въ „Евгенія Онѣгина“:

Но вы, разрозненные томы
 Изъ библіотеки чертей!
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ риемачей!
 Вы, украшенные проворно
 Толстова кистью чудотворной,
 Иль Боратынскаго перомъ,—
 Пускай сожжетъ васъ божій громъ!

Какъ эротическія стихотворенія Боратынскаго, такъ и альбомныя, мадригальныя непосредственно связаны съ французской поэзіей (а также и съ современной Боратынскому русской) и, подобно первымъ, имѣютъ склонность къ переходу въ элегическое настроеніе, въ элегію.

Элегіи составляютъ послѣдній и самый значительный отдѣлъ въ произведеніяхъ Боратынскаго; по элегіямъ можно судить объ его отношеніи къ предыдущей эпохѣ и къ современной жизни и литературѣ, и значительность этого отдѣла заключается не только въ томъ, что онъ самый многочисленный, но и въ томъ, что онъ является наиболѣе характернымъ для Боратынскаго 1819—1827 гг. Для всей читающей публики и критики Боратынскій являлся прежде всего элегикомъ, и самъ поэтъ склоненъ былъ считать себя призваннымъ къ элегіи. Насколько высоко ставились въ свое время элегіи Боратынскаго, насколько элегіи Боратынскаго были событіями въ литературной жизни 20-хъ годовъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма Пушкина къ А. А. Бестужеву (отъ 12 января 1824): „Баратынскій—прелестъ и чудо; Признаніе—совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клядся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣ“. Боратынскій обратилъ на себя вниманіе своими элегіями въ то время, когда элегія была однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ и распространенныхъ видовъ лирической поэзіи, когда элегія Жуковскаго увлекла за собою цѣлую толпу подражателей. И элегикъ-Боратынскій въ своемъ посланіи „Богдановичу“ (1824) такъ говоритъ о модной элегіи модныхъ писателей:

Въ печаль влюбилась мы. Новѣйшіе поэты
 Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
 И какъ-то въ мірѣ семъ все очень не по нихъ...
 И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
 Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
 Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
 Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
 И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
 Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
 Прости ему Господь!—Но что же? всѣ мараки
 Ударилась потомъ въ задумчивые враки,
 У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
 Душа увянула и сердце отцвѣло.

Элегія Боратынскаго не могла потеряться среди массы „злыхъ подражателей“ Жуковскаго, такъ какъ въ противоположность послѣднимъ, элегія Боратынскаго отличалась не общими трафаретными мѣстами объ увяданіи души и сердца, такъ какъ поэтъ пѣлъ не „нѣчто, и туманну даль, и романтическія розы“ и не „поблеклый жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“ въ туманныхъ стихахъ, а въ своихъ элегическихъ произведеніяхъ касался глубокихъ вопросовъ бытія, и каждая его элегія являлась какъ бы маленькой поэмой, раскрывавшей передъ читателемъ внутренній міръ скорбной души поэта. Этимъ качествомъ, а также глубокой искренностью и задушевностью, рядомъ съ художественной значительностью и печатью оригинальности, Боратынскій несомнѣнно выдѣлялся среди всѣхъ (и крупнымъ—въ томъ числѣ) элегиковъ 20-хъ годовъ и заслуживалъ тѣ лестные отзывы, какіе расточались въ его похвалу. Въ своей элегіи, въ элегическомъ тонѣ Боратынскій былъ вполне самостоятельнымъ и „не тащился по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія“, но справедливость требуетъ указать на то, что руководителями поэта и въ этомъ направленіи были тѣ же французскіе поэты (въ особенности, Лафаръ и Мильвуа) и Жуковскій, и что, прежде чѣмъ выйти на самостоятельную собственную дорогу, Боратынскій въ своихъ элегіяхъ удовлетворялся общими мѣстами и въ 19 лѣтъ говорилъ:

Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?

И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья?—

Все хладный опытъ истребилъ.

Узналъ-ли друга ты?—Болѣзни и печали

Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ... („Къ Креницыну“.

1819)!

Или:

Простите, милые досуги

Разгульной юности моей.

Любви и радости подруги,

Простяте! вяну въ утро дней! („Прощанье“, 1819).

Но еще болѣе, чѣмъ элегическая условность свидѣтельствуетъ о связи Боратынскаго съ господствовавшими направленіями и настроеніями его времени, свидѣтельствуетъ о томъ, какое вліяніе имѣло на Боратынскаго французская поэзія конца XVIII вѣка, то удивительное усвоеніе формы и духа фран-

цузской элегии, въ силу котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно отличить переводныхъ элегій Боратынскаго отъ оригинальныхъ. Понятно, что по мѣрѣ все болѣе широкаго развитія творческой думы Боратынскаго, онъ все болѣе и болѣе отходилъ отъ своихъ образцовъ, но отправными пунктами его творчества были литературные образцы и вѣянія времени, вслѣдствіе чего необходимо считается съ нѣкоторою условностью произведеній поэта, принадлежавшаго своими симпатіями и образованіемъ къ классической поэзіи, и потому нельзя за Лилетами, Темирами, Алименами и воспѣваніями легкихъ радостей и оплакиваніями легкихъ печалей видѣть не только факты біографическаго характера, но порой и показателей внутренняго душевнаго міра.

Замѣтимъ также, что аналитическій складъ ума Боратынскаго питался сентенціями французской поэзіи, что и отразилось довольно значительно въ первомъ періодѣ его лирики, когда онъ убѣждаетъ „сократить желаній пылкихъ нетерпѣнье“, потому что

Мы ими счастья вредимъ
И сокращаемъ наслажденье.

Значительный отпечатокъ положилъ классицизмъ XVII вѣка не только на строеніе строфы у Боратынскаго и на широкое пользованіе миеологическими именами, но также и на самый языкъ его произведеній, въ которыхъ мы находимъ очень большое количество галлицизмовъ, какъ напр.:

Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ, счастья, но счастье нужно мнѣ. („Родина“, 1821)
Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній жадной,
И сердцу и уму я пищу находилъ. („Н. И. Гнѣдичу“, 1822)
И я люблю, тебя внимая,
Жужжанье пухъ и звукъ мечей. („Лутковскому“, 1823) и т. д.

Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ расскажешь имена. („Родина“, 1819).

Большая часть стихотвореній перваго періода написана поэтомъ въ Финляндіи, угрюмо-живописная природа которой наложила особый отпечатокъ на все творчество Боратынскаго и выразилась очень ярко въ его поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ. Природа, картины природы и мысли, внушаемыя ими, является на первомъ планѣ въ очень многихъ произведеніяхъ Боратынскаго, такъ описывающаго свое общеніе съ природой:

міромъ, что, съ одной стороны, оживляютъ мрачный пейзажъ, съ другой стороны—подчеркиваютъ „безумье мрачныхъ думъ“ на фонѣ „мрачнаго вида нагой природы“. Этимъ приѣмомъ—передачей своихъ настроеній посредствомъ картинъ природы—Боратынскій пользовался очень широко, и онъ употребленъ особенно мастерски-замѣчательно въ „Осени“ (1837 года); но и въ первомъ періодѣ литературной дѣятельности Боратынскаго проявляется рѣзко эта манера письма, что придаетъ особый, личный характеръ многочисленнымъ отраженіямъ природы въ его поэзіи.

Пушкинъ, болѣе въ шутку, чѣмъ серьезно, назвалъ Боратынскаго Гамлетомъ, но это названіе нельзя не признать весьма удачнымъ, такъ какъ поэтическія раздумья Боратынскаго по существу Гамлетовскаго характера. Поэтъ вѣчно тоскуетъ о счастьи, которое такъ же недоступно человѣку, какъ влага алчущему Танталу:

О счасти съ младенчества тоскуя,
 Все счастьемъ бѣденъ я.
 Когда жъ и гдѣ я въ чемъ его найду я,
 О судьи бытія! („Истина“, 1823).

Желаніе счастья въ человѣка вдохнули боги, но вѣчно-блаженные и жестокіе боги не дѣлятся своимъ блаженствомъ съ земными дѣтьми Прометея и положили намъ тягостный жребій:

положенный срокъ
 Томится болѣзненной жизнью,
 Любить и лелѣять недугъ бытія
 И смерти отрадной страшиться.
 Нужды непреклонной слѣные рабы.
 Рабы самовластнаго рока!
 Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
 Случайная жизнь покоряетъ.
 Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
 Намъ памятно небо родное;
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Стремимся неяснымъ желаньемъ!..
 („Къ Делію“, 1821).

Такъ, уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Боратынскаго прозвучалъ тотъ мотивъ о детерминизмѣ сильныхъ рабовъ самовластнаго рока, которымъ Провидѣніе дало на выборъ двѣ

доли: „или надежду и волненіе, иль безнадежность и покой“. И поэтъ полетѣлъ за призракомъ, манящимъ издали и внушаемымъ надеждой. но усталъ отъ безцѣльнаго пустого волненья:

Что-жъ наши подвиги! — восклицаетъ онъ въ Финляндіи—что слава нашихъ дней,
 Что наше вѣтряное племя?
 О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ;
 Для всѣхъ одинъ законъ—законъ уничтоженья,
 Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
 Обѣтованнаго забвенья! („Финляндія“, 1820).

Но поэтъ еще любитъ жизнь для жизни, хотя и предчувствуетъ безцѣльность „пустого дѣйствія“, которому насъ покоряетъ „случайная жизнь“.

Неясное желаніе заставляетъ насъ вѣчно порываться къ родному небу, чувство жизни, любовь къ жизни заставляетъ насъ выбирать надежду и волненіе, надѣяться на кажущееся возможнымъ счастье, но острый аналитическій умъ оспариваетъ всѣ прелести бытія и разрушаетъ „замыслы блестящіе и сердца пламенные сны“. Мудрость говоритъ о безнадежности и покоѣ, и между поэтомъ, колеблющимся въ выборѣ доли, и Истиной, представшей ему, происходитъ слѣдующій разговоръ:

„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью“,
 Вѣщала—„захочу,
 „И страстнаго—отрадному безстрастью
 „Тебя я научу.
 „Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
 „Пускай, узнавъ людей,
 „Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
 „И ближнихъ и друзей.
 „Я бытія всѣ прелести разрушу.
 „Но умъ наставлю твой;
 Я оболую суровымъ хладомъ душу.
 „Но дамъ душѣ покой“.
 Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
 И горестно въ отвѣтъ
 Промолвилъ ей: о гостя неземная!
 Печаленъ твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
 Послѣднихъ благъ моихъ;
 Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
 И страшень для живыхъ!

Покинь меня, въ твоей наукѣ строгой
 И счастья не найду;
 Покинь меня; кой-какъ моею дорогой
 Одинъ я побреду.

Прости!.. иль нѣтъ: когда мое свѣтило
 Во звѣздной вышинѣ
 Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
 Забыть придется мнѣ...

Явись тогда, раскрой тогда мнѣ очи.
 Мой разумъ просвѣти,
 Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
 Безропотно сойти.

Драматическая коллизія въ душѣ поэта чувства и разума разрѣшилась (если это только можно назвать разрѣшеніемъ) мучительнымъ для поэта состояніемъ, колебаніями между истинами разума и непосредственностью чувства. въ душѣ поэта совершилось неполное разувѣренье. самое мучительное потому, что онъ не могъ отдаться власти чувства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ продолжало жить „слѣпое сожалѣніе о старинѣ“. Повидимому, въ связи съ фактами личной жизни, эта борьба чувства и разума пріобрѣтаетъ наиболее острый характеръ въ стихотвореніяхъ 1823 года, носящихъ на себѣ печать сосредоточенной мрачности. Счастья нѣтъ, или оно недоступно человѣку, жизнь предначертана, предопредѣлена Слѣпымъ рокомъ—Случаемъ, и отсюда вытекаетъ проповѣдь квиѣтизма: въ безплодныхъ поискахъ счастья поэтъ усталъ, и ему кажется, что онъ нашелъ окончаніе пути въ отдыхѣ, „похожемъ на счастье“, и онъ даетъ совѣты мудрымъ, испытавшимъ тщету утѣхъ и принявшимъ „себѣ на тягостную часть“ знанье бытія:

Гоните прочь ихъ рой прельстительный!
 (рой замысловъ и сновъ сердца)
 Такъ! доживайте жизнь въ тиши
 И берегите хладъ спасительный
 Своей бездѣйственной души.
 („Двѣ доли“. 1823).

Истинное безнадежное счастье заключается въ сердечной тишинѣ, которую нарушаютъ „ошибочныя страсти“, такъ какъ, вдавшись въ ихъ обманъ, мы просыпаемся „только для страданія, для боли тяжелой прежнихъ ранъ“, и этотъ пессимизмъ является основой многихъ элегій Боратынскаго, которому становятся чужды „всѣ обольщенья прежнихъ дней“. Но не только голосъ безстрастной Истины проповѣдуетъ квіэтизмъ,—проповѣдь квіэтизма вытекаетъ также изъ детерминизма: жизнь наша предначертана самовластнымъ рокомъ, и мы не въ силахъ измѣнить его предначертаній, и „удѣломъ нашимъ рѣшено, какъ наслаждаться намъ прилично“, а потому мы должны покориться велѣніямъ рока и воспитывать свой духъ „случайной долѣ сообразно“:

Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ. („Стансы“, 1824).

И слѣдствіемъ такой предначертанности является слѣдующій идеаль „мудреца прямого“:

О человѣчествѣ судить желая здраво,
Онъ страсти подавилъ, лишаящія насъ
И вѣрности ума и правильности глазъ.
Въ сообщество людей вступившій безусловно,
На ихъ дурачества онъ смотритъ хладнокровно.
Не мысля, чтобъ могли кудрявыя слова
Въ нихъ свойство измѣнить и силу естества.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Зачѣмъ же: будь умень—онъ вымолвить глупцу?
Покой, одинъ покой любезенъ мудрецу.
Не споря безъ толку съ чужимъ нелѣпымъ толкомъ,
Одинъ по-своему онъ мыслить тихомолкомъ...

(Г[иѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю
писать сатиры. 1823).

Таковъ безотрадный выводъ, который дѣлаетъ Боратынскій изъ своихъ исканій истины и счастья, но не перестаетъ искать и волноваться, и мрачный тонъ является господствующимъ, но не исключительнымъ въ творествѣ поэта 20-хъ годовъ.

И въ той же Финляндіи, въ которой поэтъ говоритъ о законѣ уничтоженія, онъ находитъ утѣшеніе въ жизни, въ

заблужденіяхъ жизни и, въ особенности въ искусствѣ, которое помогло ему не упасть душой передъ суровымъ рокомъ:

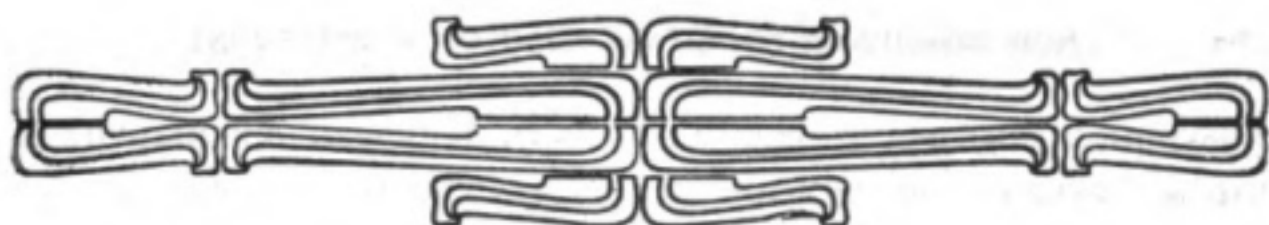
Но я, въ безвѣстности для жизни жизнь любя,
 Могу-ль себя томить гадательной тоскою?
 Пусть все разрушится, пусть все умретъ со мною:
 Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя.
 Златые призраки, златяя сновидѣнья,
 Желанья пылкія, слетитесь толпой!
 Пусть жадно буду пить обманутой душой
 Изъ чаши юности волшебства заблужденья.
 Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
 Я не для нихъ бречу незвонкими струнами:
 Я, невнимаемый, довольно награжденъ
 За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Грустной думой отмѣченъ весь первый періодъ лирики Боратынскаго, наиболѣе же безотрадныя ноты звучать въ стихотвореніяхъ 1823 года; послѣ 1823 года и, быть можетъ, въ связи съ событіями личной жизни поэта (жизнь въ Гельсінгфорсѣ, увлеченіе А. Ѳ. Закревской, надежда на выходъ изъ подневольнаго состоянія), муза поэта была настроена менѣе сосредоточенно-мрачно.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои отношенія къ штабу отдѣльнаго корпуса жан-дармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и извѣстному публицисту славянофилу г. Аксакову.

Въ 1871 году, когда я находился въ составѣ слушателей старшаго выпускнаго класса Военно-Юридической академіи, Николаемъ Андріановичемъ Неклюдовымъ¹⁾, состоящимъ преподавателемъ въ младшемъ классѣ этой академіи общаго уголовного права, было сдѣлано мнѣ предложеніе прочесть нѣсколько лекцій по общему уголовному праву и уголовному судопроизводству въ штабѣ корпуса жандармовъ офицерамъ, желающимъ перейти на службу въ упомянутый корпусъ. Предложеніе это меня крайне удивило, и я тогда же заявилъ Николаю Андріановичу Неклюдову, у котораго считался лучшимъ слушателемъ преподаваемаго имъ предмета, что едва-ли, будучи ученикомъ, я въ состояніи исполнить роль преподавателя. Выслушавъ меня, Н. А. Неклюдовъ замѣтилъ, что офицеры, которымъ я буду преподавать, не имѣютъ, по всей вѣроятности, даже понятія объ уголовномъ правѣ, да и моя задача будетъ состоять главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ознакомить слушателей съ нашими дѣйствующими криминальными законами и судопроизводствомъ въ предѣлахъ составленія дознанія, про-

¹⁾ Въ 1870 году Николай Андріановичъ Неклюдовъ былъ почетнымъ мировымъ судьей въ городѣ С.-Петербургѣ и въ то же время читалъ лекціи общаго уголовного права въ младшемъ курсѣ Военно-Юридической академіи. Въ 1871 году Н. А. Неклюдовъ былъ старшимъ юрисъ-консультомъ Министерства Юстиціи, а затѣмъ, какъ извѣстно, состоялъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, исполняя обязанность оберъ-прокурора Сената. Умеръ Н. А. Неклюдовъ уже въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

токоловъ и такъ далѣе. Надо, добавилъ Николай Андріановичъ, чтобы будущіе жандармскіе офицеры усвоили себѣ вполнѣ предѣлы своей власти. Если согласны, въ заключеніе сказалъ Н. А. Неклюдовъ, то возьмите мою карточку и отправляйтесь къ юрисъ-консульту третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи дѣйствительному статскому совѣтнику Баженову. На другой день, облекшись въ парадную форму, я отправился въ штабъ отдѣльнаго корпуса, жандармовъ, ибо въ зданіи, гдѣ помѣщался штабъ упомянутаго корпуса, находилось и третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, а также и проживалъ самъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, пользующійся въ то время правомъ министра, если не болѣе. Послѣ свиданія съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Баженовымъ и объясненій съ нимъ по отношенію характера и направленія моихъ лекцій, я по его указанію направился къ начальнику штаба корпуса жандармовъ генералъ-маіору Никифораки.

Генералъ-маіоръ Никифораки принялъ меня любезно, сообщилъ мнѣ, что въ тридцать лекцій въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ я долженъ буду познакомить слушателей съ нашими дѣйствующими законами, за каждую же лекцію буду получать по пяти рублей, что меня тогда обрадовало, такъ какъ сто пятьдесятъ рублей въ то время было для меня солидною суммою. Въ первой половинѣ мая я началъ преподаваніе и черезъ нѣсколько лекцій успѣлъ познакомиться съ моими слушателями въ количествѣ двадцати восьми офицеровъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ армейскихъ полковъ. Конечно, всѣ эти офицеры не столько заинтересованы были профессиональною обязанностью жандармеріи, сколько денежнымъ жалованіемъ, установленнымъ для офицеровъ въ корпусѣ жандармовъ въ размѣрахъ, значительно большихъ, чѣмъ въ дѣйствующихъ войскахъ. Вотъ почему изъ моихъ слушателей большинство мечтало занять мѣста при управленіи желѣзныхъ дорогъ, а не въ дополнительномъ штатѣ при начальникахъ губернскихъ жандармскихъ управленій.

Останавливаться на моихъ лекціяхъ я не буду, скажу только одно, что всѣ слушатели являлись аккуратно и, какъ мнѣ тогда казалось, были заинтересованы тѣми свѣдѣніями, которыя имъ сообщались. Практическія занятія также шли успѣшно, такъ что въ концѣ іюня мѣсяца я думалъ уже сообщить генералъ-маіору Никифораки объ окончаніи моихъ занятій. Случилось однако одно обстоятельство, вынудившее меня измѣнить

мое намѣреніе и именно: отъ начальника С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія полковника Полозова я узналъ, что въ штабѣ корпуса жандармовъ имѣются секретныя инструкціи, крайне характерныя, но требующія разъясненія, при чемъ инструкціи эти имѣютъ важное значеніе для офицеровъ, зачисленныхъ въ корпусъ жандармовъ, почему, пояснилъ мнѣ полковникъ Полозовъ, вамъ слѣдовало бы истребовать эти инструкціи и въ особенности послѣднюю, шефа графа Шувалова, чтобы разъяснить ихъ вашимъ слушателямъ.

Согласившись вполнѣ съ заявленіемъ полковника Полозова, я обратился къ генераль-маіору Никифораки съ просьбой о выдачѣ мнѣ секретныхъ инструкцій. Просьбу мою генераль-маіоръ Никифораки хотя и рѣшилъ исполнить, но какъ мнѣ тогда показалось нехотя, предупредивъ при этомъ меня, что выданную мнѣ инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова я обязываюсь никому не передавать и даже возвратитъ обратно по минованіи въ ней надобности. Получивъ въ тотъ же день инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова, на какой инструкціи сверху было напечатано „весьма секретно“, я отправился на свою квартиру, но на Морской встрѣтился съ г. Аксаковымъ, извѣстнымъ литераторомъ-славянофиломъ. Познакомился я съ Аксаковымъ въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ, состоя уже слушателемъ Военно-Юридической академіи, неоднократно встрѣчался съ нимъ на вечерахъ въ знакомомъ мнѣ семействѣ, гдѣ также бывали: Некрасовъ, Писаревъ, Салтыковъ-Шедринъ, Спасовичъ и многія другія лица, извѣстныя тогда въ Россіи по своей литературной дѣятельности.

„Откуда и куда „грядеши“?, спросилъ меня Аксаковъ. Когда же я ему сообщилъ, что иду изъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ къ себѣ домой, то Аксаковъ, какъ бы удивленный моимъ отвѣтомъ, сказалъ „какое же отношеніе Вы имѣете къ нашей жандармеріи“?, но послѣ моего подробнаго объясненія той роли, которую мнѣ пришлось выполнить въ штабѣ жандармовъ, Аксаковъ замѣтилъ: „труды Ваши бесполезны, такъ какъ въ средѣ нашей жандармеріи трудно привить основы правовыхъ понятій“. Узнавъ же отъ меня, что я получилъ отъ генераль-маіора Никифораки секретную инструкцію для жандармскихъ офицеровъ, Аксаковъ просилъ меня познакомить его съ этою инструкціею, для чего и предложилъ мнѣ зайти въ кафе-ресторанъ и тамъ позавтракать, на что я охотно согласился. Когда въ кафе-ресторанѣ въ пассажѣ на Невскомъ намъ подали кофе, то Аксаковъ получилъ отъ меня инструкцію

начать ее читать, что отняло времени не болѣе какъ четверть часа, ибо содержаніе инструкціи не отличалось многосложностью и заключало въ себѣ только шесть печатныхъ страницъ. Во время чтенія инструкціи Аксаковъ то улыбался, то хмурился, а передавая мнѣ обратно инструкцію, высказалъ—„эту замѣчательную инструкцію составлялъ, конечно, самъ шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, Баженовъ ее исправлялъ, а генераль-маіоръ Никифораки корректуру держалъ“. „Короче говоря“, добавилъ тогда Аксаковъ, „чтобы создать такую инструкцію, надо обладать не шуточною фантазіею и, отрѣшившись отъ міра дѣйствительности, допустить сверхъестественное, то-есть, что всѣ офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ имѣютъ болѣе чѣмъ солидное энциклопедическое образованіе въ сферѣ всѣхъ научныхъ знаній, не исключая даже торговаго дѣла“. „Ну да“, въ заключеніе пояснилъ Аксаковъ, „можно какую угодно грамотку написать, но кто же ее будетъ выполнять, когда нѣтъ для того пригодныхъ людей: поручить офицерамъ— это будетъ равносильно создавать преступленіе тамъ, гдѣ нѣтъ даже намека и на проступокъ“. Прощаясь со мною, Аксаковъ сказалъ „вчера я встрѣтился съ генераль-адъютантомъ Тимашевымъ¹⁾ и на его вопросъ, гдѣ по моему мнѣнію находятся вожакі революціоннаго броженія, шутя отвѣтилъ: въ третьемъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, а теперь, прочтя инструкцію, думаю, что моя шутка близка къ правдѣ“.

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, не теряя времени, прочелъ указанную инструкцію и тогда же вполнѣ согласился съ соображеніями г. Аксакова. Инструкція заключала въ себѣ двадцать пять пунктовъ или постановленій; изъ нихъ десять постановленій имѣли характеръ общій, а пятнадцать — деталь- ный, какъ бы разъясняющій общее положеніе. Инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова сохранилась у меня и по настоящее время. Подробно останавливаться на инструкціи считаю излишнимъ, такъ какъ признаю вполнѣ достаточнымъ въ общемъ обрисовать ея цѣль и направленіе. Весьма секретная инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова разрѣшала офицерамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ помимо присвоенной имъ формы носить обще-армейскую, а также и переодѣваться въ гражданское платье,

¹⁾ Генераль-адъютантъ Тимашевъ въ то время былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, ему, то-есть Тимашеву, въ обществѣ присваивалось тогда названіе „министръ Морской“, въ виду того, что каждый день его можно было встрѣтить гуляющимъ по Морской улицѣ.

когда это будетъ необходимо для успѣха розыска. Инструкція рекомендовала жандармскимъ офицерамъ лично собирать свѣдѣнія о дѣятельности нашихъ государственныхъ, административныхъ и судебныхъ учреждений, а также и учреждений общественныхъ, какъ-то: банковъ, биржъ и такъ далѣе, не игнорируя при этомъ и функционированіемъ учебныхъ заведеній отъ низшихъ до высшихъ. Собирая свѣдѣнія, жандармскій офицеръ долженъ дѣйствовать въ тайнѣ и отнюдь не обнаруживать своихъ стремленій. Главнымъ образомъ жандармскій офицеръ обязанъ разузнавать о зарожденіи въ средѣ общества вредныхъ идей соціально-революціоннаго характера и по всякому подозрѣнію секретно производить дознаніе, не придавая однако ему официальнаго характера. Если по наведеннымъ справкамъ обнаружались явные признаки политическаго или даже общаго преступленія, то объ этомъ жандармскій офицеръ долженъ довести до свѣдѣнія начальника губернскаго жандармскаго управленія, который, вторично провѣривъ основательность подозрѣнія, обязанъ немедленно сообщить обо всемъ секретно въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Кромѣ того инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова, подобно прежнимъ инструкціямъ графа Бенкендорфа и князя Орлова, требовала, чтобы жандармскіе офицеры не уклонялись отъ принятія всякаго рода жалобъ частныхъ лицъ на неправильныя дѣйствія государственныхъ, административныхъ, судебныхъ и общественныхъ учреждений, конечно въ предѣлахъ губерніи и области, при чемъ жалобы эти представлялись начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управленій, которые въ свою очередь, по провѣркѣ заявленій опять же путемъ не гласнымъ, обязывались представлять жалобы съ своими разъясненіями въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Такимъ образомъ офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ при шефѣ жандармовъ графѣ Шуваловѣ поставлены были въ положеніе лицъ, какъ бы контролирующаго функционированіе правительственныхъ и общественныхъ органовъ до губернатора включительно, но для этого, конечно, необходимо было имѣть солидное научное энциклопедическое образованіе, какового образованія жандармскіе офицеры, къ сожалѣнію, не имѣли. Послѣ разъясненія инструкціи шефа жандармовъ графа Шувалова моимъ слушателямъ я сообщилъ генераль-маіору Никифораки объ окончаніи моей работы и что мои слушатели по моему мнѣнію могутъ быть допущены къ экзамену; „весьма секретную“ инструкцію графа Шувалова съ разрѣшенія генераль-маіора Никифораки я удержалъ у себя.

Нельзя не замѣтить, что общество, по крайней мѣрѣ, въ С.-Петербургѣ въ 1870 и 1871 годахъ относилось къ синимъ жандармскимъ мундирамъ съ эксельбантами съ какою-то подозрительностью, соединяя съ этимъ мундиромъ много активныхъ дѣйствій, препятствующихъ къ свободному развитію общественныхъ воззрѣній, хотя жандармскихъ офицеровъ можно было встрѣтить въ клубахъ, но только въ общей армейской формѣ. Можетъ быть „секретная инструкція“ и приносила пользу по обнаруженію неправильныхъ дѣйствій административныхъ и государственныхъ лицъ и учрежденій, такъ какъ еще Императоръ Николай Павловичъ признавалъ, что отдѣльный корпусъ жандармовъ является Его платкомъ, утирающимъ слезы несчастныхъ, но такое положеніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ царствованіе Императора Александра Николаевича Царя Освободителя невольно измѣнилось въ силу послѣдовавшихъ прогрессивныхъ реформъ.

Въ іюлѣ того же 1871 года состоялся экзаменъ офицерамъ, моимъ слушателямъ въ количествѣ двадцати восьми лицъ. Въ экзаменаціонной комиссіи предѣдательствовалъ самъ шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ Шуваловъ и по всей вѣроятности потому, что организація лекцій для подготовленія къ исполненію обязанностей жандармскихъ офицеровъ была первою затѣею графа Шувалова. Въ составъ экзаменаціонной комиссіи, кромѣ меня, вошли: юрисъ-консулъ Баженовъ, юрисъ-консулъ министерства юстиціи Н. А. Неклюдовъ и генераль-маіоръ Никифораки. Отвѣты экзаменуемыхъ какъ словесные, такъ и письменные, на предложенныя мною темы настолько были вполне удовлетворительны, что всѣмъ двадцати восьми офицерамъ послѣ экзамена было объявлено самимъ шефомъ, что они будутъ переведены на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, а мнѣ лично высказалъ графъ Шуваловъ благодарность за мои труды. Не могу умолчать, что во время экзамена произошелъ случай, до нѣкоторой степени встревожившій меня. Послѣ довольно основательныхъ отвѣтовъ поручика гусарскаго полка Боровитинова въ предѣлахъ уголовнаго судопроизводства, ему былъ предложенъ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ вопросъ, какъ онъ, Боровитиновъ, понимаетъ секретную инструкцію въ смыслѣ обнаруженія зарожденія преступныхъ революціонныхъ идей? На вопросъ этотъ поручикъ Боровитиновъ смѣло отвѣчалъ: „только съ виѣшней стороны, Ваше Сіятельство, то-есть когда мною будетъ обнаружено явное сборище революціонеровъ, для совершенія какого-либо преступнаго дѣла, такъ какъ отдѣлить безвредное убѣжде-

ніе отъ преступныхъ, при отсутствіи внѣшней оболочки, я лишень всякой возможности по недостаточности моего соціально-научнаго образованія“, Отвѣтъ поручика Боровитинова какъ бы озадачилъ графа Шувалова, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія спросилъ меня: „мою секретную инструкцію Вы объясняли?“ на что я, конечно, далъ отвѣтъ утвердительный, при чемъ добавилъ, что высказанное поручикомъ Боровитиновымъ есть результатъ, однако, личнаго его убѣжденія.

Въ началѣ августа начался выпускной экзаменъ военно-юридической академіи, по окончаніи этого экзамена, я причисленъ былъ къ первому разряду окончившихъ курсъ военно-юридической академіи, а потому и подлежалъ къ зачисленію въ военно-судебное вѣдомство. Изъ двадцати четырехъ штатныхъ слушателей военно-юридической академіи въ 1871 годъ только окончило курсъ по первому разряду семнадцать лицъ, а остальные семь—по второму, почему эти послѣдніе, получивъ только право на ношеніе академическаго знака, должны были возвратиться снова въ строй.

Въ концѣ августа мною было получено письмо отъ генераль-маіора Никифораки съ предложеніемъ зайти въ штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ для личнаго съ нимъ объясненія. На другой день по полученіи письма я отправился къ генераль-маіору Никифораки, который, принявъ меня крайне любезно, заявилъ, что со мною желаетъ лично говорить самъ шефъ жандармовъ. Послѣ чего генераль-маіоръ Никифораки, поднявшись по винтовой лѣстницѣ, соединявшей непосредственно кабинетъ начальника штаба съ кабинетомъ самого шефа графа Шувалова, оставилъ меня на нѣсколько минутъ одного, но вскорѣ я былъ приглашенъ въ кабинетъ шефа. Шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, поздоровавшись со мною, пригласилъ меня сѣсть и занять мѣсто за письменнымъ столомъ противъ него, а недалеко отъ меня расположился также и генераль-маіоръ Никифораки; въ кабинетѣ кромѣ насъ троихъ никого не было. „Вы, капитанъ“,—обратился ко мнѣ шефъ жандармовъ, „слышали, конечно, отвѣтъ поручика Боровитинова, но мнѣ кажется, пояснилъ графъ Шуваловъ, что отвѣтъ поручика, замаскированный скромностью, опредѣляетъ его способность и полную развитость, а потому и прошу васъ указать мнѣ, кого вы изъ вашихъ слушателей офицеровъ признаете болѣе способными къ розыскамъ по преступленіямъ политическимъ“. На такой оригинальный вопросъ графа Шувалова я могъ, конечно, дать только одинъ отвѣтъ, что совершенно признаю для себя невозможнымъ опредѣлять способность слуша-

телей въ смыслъ розыска, но кромѣ поручика Боровитинова къ болѣе развитымъ офицерамъ я могу отнести еще десять лицъ, при чемъ и указалъ фамиліи офицеровъ. Затѣмъ графъ Шуваловъ спросилъ меня, какую я желаю награду: крестъ или годовой окладъ жалованья. Поднявшись съ мѣста и поблагодаривъ графа поклономъ, я высказалъ желаніе получить денежную награду. Наконецъ, графъ Шуваловъ предложилъ мнѣ самому перейти на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, обѣщая при этомъ, что не далѣе, какъ черезъ три года, я буду произведенъ въ чинъ подполковника, а далѣе, спустя нѣкоторое время, могу получить начальника губернскаго жандармскаго управленія и по всей вѣроятности въ С.-Петербургѣ, до полученія же упомянутаго назначенія, я долженъ буду читать по-прежнему лекціи офицерамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать участіе въ работѣ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Къ этому графъ Шуваловъ добавилъ, что до назначенія меня начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія, мнѣ будетъ опредѣленъ годовой окладъ жалованья въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей—содержаніе по времени довольно солидное. Несмотря однако на выгодное предложеніе, я рѣшился заявить графу Шувалову мой отказъ и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что намѣренъ служить въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, такъ какъ къ службѣ этой подготавливаюсь. Мой отрицательный отвѣтъ сверхъ моего ожиданія не взволновалъ графа, и онъ только замѣтилъ: „какъ хотите, но едва-ли вы будете получать въ военно-судебномъ вѣдомствѣ такое денежное содержаніе, какое я вамъ предлагаю, по если вы отказываетесь отъ моего предложенія, добавилъ графъ Шуваловъ, то не можете ли вы предложить кому-либо изъ вашихъ товарищей офицеровъ по академіи замѣнить васъ съ непремѣннымъ однако переходомъ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ“. Выполнить послѣднее предложеніе генераль-аэютанта графа Шувалова я съ охотою согласился, рассчитывая на лицъ, окончившихъ курсъ военно-юридической академіи по второму разряду.

Спустившись снова по лѣстницѣ въ кабинетъ начальника штаба, я намѣревался отправиться къ себѣ на квартиру, но былъ задержанъ генераль-маіоромъ Никифораки, который при прощаніи со мной высказалъ слѣдующее: „не служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ васъ вынудила, капитанъ, отказаться отъ предложенія графа, а несправедливое общественное предубѣжденіе противъ вообще жандармовъ, но дѣятельность отдѣльнаго корпуса жандармовъ довольно обширна и даже является

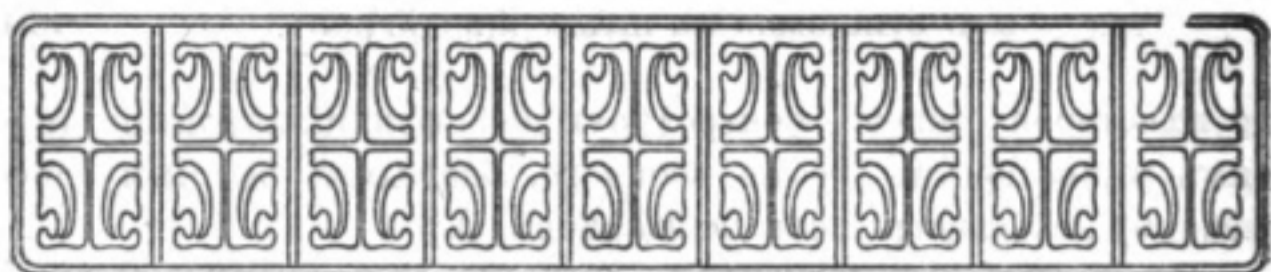
до нѣкоторой степени контролирующей функционированіе другихъ министерствъ кромѣ военнаго, благодаря высокому служебному положенію шефа жандармовъ ¹⁾).

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, переодѣвшись, немедленно отправился къ капитану Попову, хотя и окончившему курсъ по второму разряду, но человѣку вполне развитому и способному. Предложеніе мое крайне обрадовало Попова, и онъ, соглашаясь перейти на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, высказалъ по этому поводу свое удивленіе о моемъ отказѣ. Черезъ нѣсколько дней я вмѣстѣ съ капитаномъ Поповымъ отправились въ штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, при чемъ Поповъ захватилъ съ собою и аттестатъ, выданный ему объ окончаніи курса образованія въ военно-юридической академіи. Генераль-маіоръ Никифораки, просмотрѣвъ аттестатъ Попова и получивъ отъ послѣдняго согласіе о переходѣ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, предложилъ капитану Попову подать объ этомъ прошеніе, и съ этимъ послѣднимъ актомъ мои личныя отношенія къ названному штабу совершенно прекратились. Въ 1876 году, будучи уже подполковникомъ и помощникомъ военнаго прокурора кавказскаго военно-окружнаго суда, мнѣ пришлось побывать въ С.-Петербургѣ и зайти къ Попову, который тоже уже былъ подполковникомъ, но носилъ не жандармскую, а обще-армейскую форму. На мой вопросъ, доволенъ ли Поповъ службою, онъ высказалъ: работа не обременительная, читаю офицерамъ лекціи и принимаю участіе въ дѣятельности III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, хотя это участіе мнѣ не особенно нравится, такъ какъ приходится быть свидѣтелемъ иногда грустныхъ сценъ. При послѣднихъ словахъ Попова я невольно вспомнилъ слова г. Аксакова. Въ 1878 году подполковникъ Поповъ дѣйствительно получилъ мѣсто начальника губернскаго жандармскаго управленія, гдѣ-то въ провинціи, съ ежегоднымъ содержаніемъ пять тысячъ рублей, о чемъ онъ мнѣ сообщилъ письмомъ, которое мною однако утеряно.

Н. П. Хитрово.

¹⁾ Разговоръ мой съ генераль-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, генераль-маіоромъ Никифораки, а также и съ г. Аксаковымъ заимствованъ мною изъ моего дневника и отличается, конечно, полною достоверностью, а равно и всѣ данныя въ настоящей статьѣ.

Поѣздка въ Наблусъ (Сихемъ).

Дневникъ профессора В. А. Левисона.

Иерусалимъ 1860 г.

Въ маѣ 1912 г. сенаторъ Г. И. Шамшинъ передалъ миѣ найденную въ бумагахъ покойнаго отца его рукописную тетрадку, озаглавленную „Поѣздка въ Наблусъ. Дневникъ профессора В. А. Левисона“. Заинтересовавшись содержаніемъ этого дневника, миѣ до сего времени совершенно неизвѣстнаго, я сталъ собирать кое-какія свѣдѣнія и, по свѣдѣніямъ этимъ, за достовѣрность которыхъ я не отвѣчаю, упомянутое письмо-дневникъ писано профессоромъ Петербургской Духовной Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка Левисономъ и адресовано, какъ надобно думать, епископу Кириллу, настоятелю русской миссіи въ Иерусалимѣ.

Говорили миѣ, что сдѣланное Левисономъ открытіе возбудило, въ свое время, большой интересъ и о немъ былъ рядъ статей, какъ въ русскихъ духовныхъ журналахъ шестидесятыхъ годовъ, такъ и въ заграничныхъ изданіяхъ.

Что касается нашего пятикнижія, то въ подлинности его никакихъ сомнѣній высказано не было, считалось лишь недостаточно доказаннымъ, что осмотрѣнные Левисономъ манускрипты дѣйствительно писаны внукомъ Аарона, но вмѣстѣ съ этимъ установлено, что манускриптъ этотъ несомнѣнно глубокой древности.

Я думалъ и думаю, что если дѣйствительно это письмо-дневникъ достаточно извѣстенъ, то, конечно, нѣтъ никакой палоб-

ности оглашать его вновь, въ противномъ же случаѣ, т. е. если появленіе его въ печати желательно, — то настоящее мѣсто ему на страницахъ „Русской Старины“.

И. В. Мъщаниновъ.

Ваше Преосвященство!

Благословеніе Божіе, которымъ Вы меня напутствовали, не оставляло меня во все время моего пребыванія въ Наблусѣ. Какъ извѣстно Вашему Преосвященству, въ понедѣльникъ, 25 апрѣля, я отправился въ Сихемъ, называемый нынѣ Наблусомъ. Первую ночь я провелъ въ Эльбирѣ, близъ Рамаллы, а на другой день утромъ, очень рано, продолжалъ свой путь и прибылъ въ Бединъ, называемый въ Св. Писаніи Бетъ-авенъ, а потомъ, уже около 8 ч. утра я былъ въ области Сайлунъ, которая въ Св. Писаніи называется Сило, — гдѣ нѣкогда служилъ Первосвященникъ Илій и находилась скинія завѣта, какъ сказано въ книгѣ Царствъ (I гл.). Я отдохнулъ нѣсколько времени въ скалахъ Эйнхараміе и хотя и названіе этого мѣста, по переводу съ арабскаго, означаетъ источникъ разбойниковъ, но, слава Богу, я не видалъ ни одного изъ тѣхъ, въ честь которыхъ названо это мѣсто. Напротивъ, я очень дружелюбно раздѣлилъ свой завтракъ съ пришедшими ко мнѣ арабами, которые съ удивленіемъ смотрѣли на мой самоваръ и пили чай, вѣрно въ первый разъ въ свою жизнь и, можетъ быть, въ послѣдній. Они проводили меня, въ знакъ благодарности, до Турмусая, можетъ быть, „Ая“, упоминаемаго у Іисуса Навина (8, 9). Отсюда я продолжалъ свое путешествіе по весьма крутымъ горамъ до источника Любенъ. Невыносимый жаръ принудилъ меня остановиться на нѣсколько часовъ у этого источника. Невольно бросается въ глаза, что, съ приближеніемъ къ Сихему, растительная природа, мертвая около Іерусалима, постепенно начинаетъ оживляться и какъ будто хочетъ сказать этимъ каждому путешественнику, что въ Іерусалимѣ распяли Іисуса Христа, а въ Сихемѣ признали Его истиннымъ Мессіею и поэтому, какъ видно, проклятіе Божіе около Іерусалима, такъ точно видно благословеніе Божіе около Сихема. Наконецъ по весьма красивой долині я пріѣхалъ въ Араба—мѣсто, о которомъ упоминается въ 5-й книгѣ Моисея, гл. II, стихъ 30-й. Отсюда я увидѣлъ вдали Гаризинъ, при которомъ лежитъ Сихемъ, и при всемъ утомленіи послѣ труднаго пути, я почувствовалъ такую радость, что совершенно

забылъ о трудностяхъ 8-ми часовой верховой ѣзды. Не скрою, Ваше Преосвященство, что Сихемъ отданъ былъ колѣнномъ Ефремовымъ для жительства левитамъ, какъ объ этомъ ясно говорится въ книгѣ Іисуса Навина (21 гл. ст. 20, 21), и поэтому я, какъ потомокъ Левія, съ особенною радостью приближался къ этому городу, гдѣ нѣкогда жили мои праотцы. Недалеко отъ Наблуса находится гробница Елеазара—первосвященника, который, вмѣстѣ съ Іисусомъ Навиномъ, раздѣлилъ землю обѣтованную между колѣнами Израилевыми (Іс. Н. 124). Сюда выѣхали нѣкоторые члены Самаритянскаго общества, чтобы встрѣтить меня при гробницѣ этого Первосвященника, а другіе изъ нихъ встрѣтили меня при извѣстномъ колодцѣ Іакова. При въѣздѣ въ городъ всѣ старшины общества, съ своимъ священникомъ Амвраамомъ, сдѣлали мнѣ торжественную встрѣчу и послѣдній повелѣ меня въ свой домъ, гдѣ я и жилъ во все время своего пребыванія въ Наблусѣ. Я считаю себя въ правѣ назвать первосвященникомъ этого, извѣстнаго Вашему Преосвященству, человѣка, потому что онъ — единственный потомокъ Аарона, имѣющій письменное родословіе, копію котораго съ переводомъ честь имѣю представить при семъ (№ 1) Вашему Преосвященству¹⁾. Правда, въ настоящее время, есть между евреями люди, которые называются священниками, по своему происхожденію отъ Аарона, основанному на устномъ отцовскомъ преданіи, но между ними нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ настоящую родословную, подобно священнику у Самаритянъ. Вечеромъ того же дня собрались ко мнѣ всѣ члены этого общества — имена и число ихъ всѣхъ прилагаются при семъ подъ № 2.

27-го апрѣля. Утромъ я долженъ былъ заняться приведеніемъ въ порядокъ моихъ книгъ, которыя я бралъ съ собою, и устройствомъ для себя письменнаго стола. Священникъ мнѣ показалъ одинъ списокъ Пятокнижія Моисеева 11-го вѣка, очень хорошо сохранившійся и при этомъ далъ мнѣ еще весьма древнюю родословную самаритянскихъ священниковъ. Въ послѣдней замѣчательно то, что родословіе идетъ по линіи отъ Елеазара, а не отъ Неамара, отъ котораго произошелъ Иліѳ первосвященникъ. Въ линіи Елеазара находится Садокъ, который былъ первосвященникомъ при Давидѣ, и о которомъ говорится у пророка Іезекіиля (44 гл. ст. 15). Я выставляю это для того, чтобы показать вѣрность родословія самаритянъ, которые не

¹⁾ Приложеній этихъ при рукописи нѣтъ.

знають книгъ Пророческихъ, а между тѣмъ ихъ счисленіе первосвященниковъ вполне согласно съ счисленіемъ именъ, встрѣчающихся въ Св. Писаніи. Съ особенною радостью я видѣлъ, что всѣ древнія рукописи, разсмотрѣнныя мною въ этотъ день, согласны (исключая разностей ореографическихъ) съ моимъ спискомъ Пятокнижія, который я имѣю у себя подъ руками уже два года.

28-го апрѣля. Священникъ водилъ меня въ нѣкоторыя мѣста города и показалъ мнѣ разныя Самаритянскія надписи. Прежде всего онъ привелъ меня въ одинъ большой домъ, который нѣкогда былъ мѣстомъ молитвенныхъ собраній самаритянъ, а теперь силою отнятъ у нихъ и обращенъ въ мечеть, теперь уже брошенную. Затѣмъ въ башнѣ принадлежащей также магометанамъ, показалъ мнѣ камень, на которомъ изсѣчены 10 заповѣдей по тексту самаритянскому, который, какъ извѣстно Вашему Преосвященству, отличается въ этомъ случаѣ отъ текста еврейскаго. Но этотъ камень такъ вложенъ въ стѣну, что буквы обращены низомъ къ верху, видѣлъ я много и другихъ камней съ надписями какъ самаритянскими, такъ и греческими, которыя весьма трудно прочитатъ, частью потому, что сохранились, большею частью, только въ отрывкахъ, а частью потому, что находятся слишкомъ высоко отъ земли и буквы обращены верхомъ внизъ. Возвратившись домой, священникъ объявилъ мнѣ совершенно неожиданно, что молодые священники, его племянники, и нѣкоторые другіе самаритяне собрались въ молитвенномъ домѣ, чтобы переложить древній свой списокъ Пятокнижія Моисеева изъ стараго футляра въ новый. Что касается этого послѣдняго футляра, то вы его видѣли у меня. Бѣдное Самаритянское общество, передъ моимъ отъѣздомъ въ Наблусь, сдѣлало въ Иерусалимѣ серебряный футляръ, въ которомъ бы хранилась ихъ священная книга, вмѣсто стараго мѣднаго, уже изломаннаго. Опасаясь грабежа на дорогѣ, священникъ Амвраамъ просилъ меня взять съ собою этотъ футляръ, и привезти его въ Наблусь. Разумѣется, я уважилъ просьбу Амвраама. Здѣсь я долженъ сказать о различіи списковъ Св. Писанія, назначенныхъ для домашняго употребленія и для общественнаго (церковнаго). Первые суть обыкновенныя книги, писанныя, или печатныя, на пергаментѣ или на бумагѣ, съ точками и знаками препинанія, съ толкованіями и переводами, или безъ нихъ. Таковы списки закона Моисея для домашняго употребленія у іудеевъ; но у самаритянъ точки не употребляются, хотя Пятокнижіе, назначенное для домашняго

чтенія, часто бываетъ съ толкованіями и даже съ арабскимъ переводомъ. Списокъ же, назначенный для употребленія при Богослуженіи, какъ у евреевъ, такъ и у самаритянъ, называемый Сеферъ тора, можетъ быть написанъ только на кожѣ, безъ всякихъ знаковъ и точекъ, исключая точекъ послѣ каждого слова, двухъ точекъ послѣ каждого періода и трехъ точекъ послѣ каждой отдѣльной тирады въ Самаритянскомъ спискѣ. Такихъ списковъ у самаритянъ только три: первый тотъ знаменитый списокъ, о которомъ такъ много говорили, но котораго никто не разсмотрѣлъ, второй, написанный за 800 лѣтъ назадъ, третій около 600 лѣтъ. Всѣ эти списки теперь не употребляются для чтенія при Богослуженіи, потому что боятся, чтобы они, особенно первый, не пришли въ совершенную ветхость отъ частаго употребленія. Теперь священникъ всегда читаетъ наизусть положенныя въ тотъ или другой день мѣста изъ Пятокнижія Моисеева, держа впрочемъ свитокъ въ рукахъ.

Хотя и не ожидалъ такъ скоро приглашенія со стороны Амвраама посмотрѣть древнюю святую книгу, но чтобы не упустить такого прекраснаго случая, я долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ молитвенный домъ самаритянъ.

Передъ входомъ, по обычаю самаритянъ, всѣ должны отлагать всю свою обувь и только мнѣ дозволено было войти въ чулкахъ. При мнѣ вынуть былъ изъ своего стараго ковчега знаменитый списокъ, для переложенія въ новый серебряный футляръ. Чувства радости и страха наполнили мою душу: я сталъ на колѣна, по примѣру всѣхъ другихъ, и началъ читать, гдѣ было можно; потому что во многихъ мѣстахъ буквы уже изгладились. Прежде всего я остановился на 20-й главѣ второй книги Моисея, гдѣ изложены десять заповѣдей, и на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣзко бросается различіе между текстами еврейскимъ и самаритянскимъ. Ваше Преосвященство, если вы читали описаніе какой-нибудь битвы, въ которой пали тысячи людей, описаніе, гдѣ рисуются самыми яркими красками всѣ ужасы сраженія, подобное чтеніе не оставляетъ послѣ себя такихъ слѣдовъ ужаса, который бы мы почувствовали въ то время, когда бы насъ поставили на полѣ битвы и мы собственными глазами видѣли бы человѣческую кровь, льющуюся ручьями, собственными ушами слышали бы стоны и вопли изувѣченныхъ и умирающихъ воиновъ. Такъ и я, когда слышалъ, что въ Наблусѣ (древнемъ Сихемѣ) хранится въ продолженіе столькихъ вѣковъ и до настоящаго времени списокъ Пятокнижія Моисеева, написанный за 3300 лѣтъ, то и вѣрилъ этому и не вѣрилъ, ду-

малъ, что эта книга, быть можетъ, дѣйствительно очень древняя, но что ея древность преувеличена. Особенно одна мысль заронила въ мою душу сомнѣніе въ ея древности, именно: я не могъ рѣшить себѣ вопроса, какимъ образомъ можетъ быть написано въ ней имя писавшаго ее такъ, чтобы не оставалось повода сомнѣваться, что оно написано позднѣйшею рукою. Еще если писавшій написалъ, положимъ, въ началѣ, серединѣ или коннѣ книги свое имя, то это уже будетъ прибавленіе къ закону, что строго запрещается самимъ закономъ и никогда не было въ обычаѣ ни у евреевъ, ни у самаритянъ. Но эти сомнѣнія, въ настоящую пору, разсѣялись совершенно при видѣ самой книги. Здѣсь ученые міра сего не могутъ возразить, что во время Моисея писали на папирусѣ, а не на кожѣ: потому, что у пророковъ законъ Моисея всегда называется свиткомъ; онъ былъ всегда на кожѣ и никогда на папирусѣ. Священные писатели не ожидали, когда будетъ изобрѣтенъ пергаментъ, они никогда не могли писать иначе, какъ на кожѣ годового овна, принесеннаго въ жертву мирную и теперь, такъ какъ самаритяне приносятъ только пасхальныя жертвы, то и лишены возможности написать свитокъ подобный первому. Здѣсь я былъ на полѣ битвы; я видѣлъ при этомъ законъ 3300 убитыхъ лѣтъ, видѣлъ милліоны евреевъ, умершихъ за этотъ законъ, котораго языкъ сохранился у нихъ, но не въ томъ самомъ первоначальномъ шрифтѣ; видѣлъ самаритянъ, которые измерли всѣ, кромѣ горсти, назначенной быть хранителями этой святыни; видѣлъ милліоны христіанъ, которые умерли за вѣру въ Іисуса Христа, обѣтованнаго въ этомъ законѣ, и несравненно яснѣе, нежели въ еврейскомъ текстѣ, потому что здѣсь онъ уже назначенъ на горѣ Синаѣ. видѣлъ, какъ Господь Богъ, который отмщаетъ до третьяго и до четвертаго рода ненавидящихъ Его, распространяетъ Свою милость на 1000 поколѣній (хотя теперь, со времени написанія этой книги едва-ли прошло 100 поколѣній), который сохранилъ свой законъ между тѣми двумя горами, Гаризинъ и Геваль, гдѣ были произнесены, столько лѣтъ назадъ, благословеніе на хранящихъ законъ и проклятіе на разрушителей его. Я стоялъ между этими горами и читалъ этотъ законъ, читанный тогда левитами, отъ которыхъ имѣю счастье происходить. Это былъ для меня третій великій день моей духовной жизни: первымъ я считаю 21 октября 1839 г., когда надо мною совершилъ таинство крещенія членъ Св. Синода, Василій Ивановичъ Кутневичъ; второй важный день моей жизни 11-е февраля 1868 г., когда имѣлъ счастье поклониться гробу

Господню въ Іерусалимѣ; третій день—28-е апрѣля нынѣшняго 1860 г., когда я видѣлъ пять книгъ Моисея въ первобытномъ шрифтѣ, написанныя 20 лѣтъ спустя послѣ смерти законодателя. его внукомъ, сыномъ Финеаса, сына Елеазарова, первобытный, единственный оригиналъ, который сохранился до нынѣ... Возвратившись домой, я не могъ ничего другого дѣлать, какъ только плакать отъ радости и благодарить Бога за Его величайшую милость ко мнѣ недостойному.

29-е апрѣля. Это былъ седьмой и вмѣстѣ послѣдній день Пасхи у самаритянъ, которые имѣютъ свой календарь и не празднуютъ Пасхи вмѣстѣ съ евреями. Торжество этого дня увеличилось отъ того еще, что въ этотъ день самаритяне праздновали переложение своей книги изъ стараго ковчега въ новый. Я пошелъ въ ихъ молитвенный домъ; мнѣ предложили стулъ, но я отказался; у нихъ въ обычаѣ стоять во время чтенія закона, и на колѣнахъ во время молитвы, или оставаться лицомъ, простертымъ ницъ. Сколько я могъ замѣтить, молитва ихъ была весьма усердна; чтеніе закона совершается всѣми въ одинъ разъ и такъ громко, что напоминаетъ то время, когда законъ былъ произнесенъ передъ всѣмъ народомъ, на горѣ Гаризинъ. Сначала мнѣ было трудно понимать ихъ чтеніе, потому что они произносятъ иначе, нежели еврей; но потомъ, когда узналъ мѣсто, которое они читали, разумѣется, понялъ все. Когда было кончено чтеніе и священная книга была положена на свое мѣсто, всѣ приблизились къ покрову, лежащему на законѣ, и цѣловали его. Тѣмъ кончилось ихъ Богослуженіе. Послѣ почти всѣ пришли ко мнѣ съ привѣтствіемъ, на которое я отвѣчалъ имъ своимъ. Вообще должно сказать, что самаритянское Богослуженіе отличается отъ еврейскаго во всѣхъ отношеніяхъ; ихъ молитвы совершенно другого содержанія, псалмовъ они вовсе не знаютъ. Послѣ обѣда я оплатилъ визиты старѣйшинамъ общества, былъ въ 6—7 домахъ и въ каждомъ домѣ видѣлъ древній списокъ Пятокнижія Моисеева; нѣкоторые изъ этихъ списковъ писаны въ Каирѣ, другіе въ Гасѣ, иные въ Дамаскѣ; но одинъ списокъ меня поразилъ: онъ написанъ на кожѣ за 600 лѣтъ и до сихъ поръ еще остается непереpletеннымъ. Когда я спросилъ ихъ о причинѣ, то они отвѣчали, что книга въ такомъ видѣ лучше сохраняется, и шнурки, необходимо употребляемые при переплетѣ, портятъ листы книги. Другой списокъ очень рѣдкій, уже существовалъ во время Эздры; вообще нужно сказать, что какъ Господь сохранилъ эту горсть народа, среди всѣхъ гоненій и бурь, какъ показываетъ ихъ исторія,

такъ точно сохранилъ при нихъ такіе древніе списки Своего закона.

30-е апрѣля. Я весь день пробылъ дома, занимаясь сличеніемъ моего списка съ тѣмъ, который существовалъ уже во время Эздры. При этомъ замѣтилъ, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакихъ разностей; только шрифтъ крупнѣе въ первомъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Видѣлъ нѣсколько манускриптовъ, касающихся исторіи самаритянъ. Въ этотъ день посѣтилъ меня игумень греческаго монастыря въ Наблусь и пригласилъ меня въ свою церковь. Вечеромъ ходилъ осматривать окрестности Сихема, которыя, какъ извѣстно, однѣ изъ лучшихъ во всей Палестинѣ.

1-е мая. Утромъ ходилъ въ греческую церковь. Игумень зналъ причину моего путешествія въ Наблусь и потому показалъ мнѣ одно старое греческое евангеліе, печатанное въ городѣ Монастырѣ (въ славянскихъ земляхъ) въ 1545 году, старымъ греческимъ шрифтомъ. Я читалъ въ немъ дневное евангеліе Іоанна, 4 главу. Едва я кончилъ свое чтеніе, какъ пришелъ священникъ Амвраамъ, онъ прямо хотѣлъ идти въ алтарь, но игумень не дозволилъ ему этого. Тогда онъ сказалъ мнѣ: странно, что христіане не уважаютъ нашего ветхозавѣтнаго священства. Я, какъ священникъ, хочу идти въ алтарь. Я ему объяснилъ, что игумень не можетъ впустить въ алтарь человѣка не крещеннаго, и, такимъ образомъ, примирилъ ихъ. Не могу не замѣтить, что здѣсь я имѣлъ передъ собою представителей Ветхаго и Новаго Завѣта: священника Амвраама, имѣющаго родословіе отъ Аарона и списокъ Пятокнижія, писанный за 3300 лѣтъ, и игумена греческаго, имѣющаго евангеліе, напечатанное 315 лѣтъ. Я при этомъ думалъ, что Господь Богъ вѣченъ, вѣчно Его слово; день единъ передъ Нимъ, яко тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, яко единъ день. Онъ всегда единъ и той же въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ и во вся вѣки. Вечеромъ этого дня, когда воспоминается бесѣда Спасителя съ самарянкою, я пошелъ къ тому колодцу, гдѣ происходила эта бесѣда. Колодезь довольно глубокъ; священникъ Амвраамъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ измѣрялъ этотъ колодезь и нашелъ его глубину въ 20 аршинъ. Слышно, что греки теперь купили этотъ колодезь, при которомъ была нѣкогда церковь: мраморные столбы и тесанные камни видны и доселѣ. Не больше, какъ въ разстояніи ста шаговъ отсюда, находится гробница патріарха Іосифа; здѣсь я сказалъ священнику, что такъ какъ самаритяне происходятъ отъ Іосифа, то весьма естественно, что Богъ оставилъ ихъ въ этомъ мѣстѣ

хранить гробъ своего праотца. подобно тому, какъ въ Хевронѣ всегда были хранителями гробовъ Авраама, Исаака и Иакова ихъ потомки, именно: прежде въ Хевронѣ жили евреи—сыны Иакова, потомъ идумеане—сыны Исава и нынѣ арабы—сыны Измаила, сына Авраамова. Эти слова, сказанныя мною случайно, произвели весьма хорошее впечатлѣніе на ефремитовъ и манаситовъ, такъ называемыхъ самаритянъ.

2-е мая. Съ особеннымъ интересомъ разсматривалъ одинъ экземпляръ Пятокнижія Моисеева, писанный въ 657 году по Р. Х., который предложилъ мнѣ священникъ. Я пересмотрѣлъ всю эту книгу: это конечно экземпляръ старой книги и, значить, какъ манускриптъ, безотносительной важности не имѣеть; но важно то, что изъ этого списка видно, какъ скоро приняли самаритяне магометанское лѣтосчисленіе потому, что въ книгѣ время написанія означено 35 годомъ эджирь, по магометанскому лѣтосчисленію. Это мнѣ показалось настолько интереснымъ, что я, выписавъ оттуда все это мѣсто, съ совершенною точностью, черезъ прозрачную автографическую бумагу, отпечаталъ и одинъ экземпляръ прилагаю при этой запискѣ (№ 3) ¹⁾.

3-е мая. Мы встали очень рано, еще до восхода солнца (въ 3 часа) и отправились на гору Гаризинъ. Священникъ Амвраамъ былъ нашимъ провожатымъ. Мы прошли черезъ долину, которая очень богата водою, и называется Пардасъ. Вода, идущая изъ Гаризина, чиста какъ кристалъ но чень холодна. Разными ручьями отводится она въ сады. У самаритянъ есть два названія для садовъ: если садъ орошается ручьемъ или каналомъ, то онъ называется Пардасъ (рай), а если въ саду нѣтъ воды, то тогда онъ носитъ имя (кэремъ) виноградникъ. Солнце начинало всходить, когда мы, перешедши долину, стали взбираться на гору. Дорога изъ Сихема на Гаризинъ идетъ въ юго-восточномъ направленіи. Самаритяне имѣютъ три станціи для отдыха, когда всходятъ на гору во время 3-хъ Израильскихъ праздниковъ, предписанныхъ въ законѣ Моисеевомъ. Въ эти праздники они читаютъ въ своемъ молитвенномъ домѣ всѣ четыре книги Моисея и изъ 5-й книги Моисеевой до 12-го стиха 10-й главы: и нынѣ Израилю... Вышедши изъ молитвеннаго дома, они въ дорогѣ читаютъ съ этого мѣста дальше до 1-й станціи, называемой отдыхъ самаритянъ и находящейся при подошвѣ горы. Здѣсь они отдыхаютъ около полу-часа и потомъ, поднимаясь дальше въ гору, читаютъ отъ 20-й

¹⁾ Приложенія при запискѣ нѣтъ.

до 28-й главы пятой книги Моисеевой. Отдохнувъ еще разъ на срединѣ горы, они читаютъ отъ 28-й главы до конца книги. Достигнувъ, такимъ образомъ, вершины горы, самаритяне идутъ съ молитвою къ ихъ священному мѣсту. Въ этотъ разъ мы отдохнули съ священникомъ на всѣхъ мѣстахъ положеннаго самаритянами отдыха и потомъ отправились на то мѣсто, гдѣ они закаляютъ пасхальнаго агнца, чего (какъ извѣстно всякому знакомому съ еврейскими обрядами) нигдѣ и никогда не бывало у евреевъ со времени разрушенія Іерусалима. Нынѣшній годъ самаритяне закалили пять агнцевъ. Агнецъ долженъ быть одного году отъ роду, безъ всякаго недостатка. Во время праздника раскидываютъ здѣсь свои палатки и живутъ въ нихъ три дня. Женщины, которымъ по закону не дозволяется быть въ священномъ мѣстѣ религиозныхъ собраній, живутъ въ особенныхъ палаткахъ. Нынѣшній годъ было 14 палатокъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ дальше отъ мѣста закланія агнцевъ, они жарятъ ихъ и ѣдятъ, а потомъ сжигаютъ на огнѣ всѣ остатки безъ исключенія.

Съ этого мѣста мы продолжали нашъ путь до самой вершины горы. Здѣсь, отдохнувъ немного, мы вооружились зрительными трубами и стали разсматривать окрестности. Удивительный видъ открылся моимъ глазамъ, видъ, какого я во всю жизнь не встрѣчалъ. Обратясь къ западу, я могъ видѣть передъ собою всю Израильскую землю. Я могъ видѣть даже простыми глазами Яффу на ея зеленомъ, усаженномъ густо апельсиновыми и лимонными деревьями холмѣ и весь берегъ моря до Кармила.

Въ это самое время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Яффы, мы замѣтили два парохода, изъ которыхъ одинъ шелъ по направленію къ сѣверу, вѣроятно въ Бейрутъ, а другой по направленію къ югу, вѣрно въ Яффу или Александрію. Взявши трубы, мы увидѣли все довольно ясно. Полюбовавшись этимъ прекраснымъ видомъ, мы отправились дальше по площадкѣ, на вершинѣ горы. Теперь священникъ попросилъ меня снять обувь, по его примѣру, и мы продолжали путь, но признаюсь съ большимъ трудомъ, по мелкимъ, острымъ камешкамъ, иногда перемѣшаннымъ съ колючими растеніями.

Мы подошли къ колодцу, спустившись къ водѣ по камнямъ. спутникъ мой, г. Краузе, нашелъ воду очень чистою и холодною. Потомъ, обратясь къ сѣверу, мы увидѣли Ермонъ съ его бѣлымъ вѣчно коронованнымъ снѣгомъ челомъ. По ту сторону Іордана тянулись горы Абаримъ съ юга на сѣверъ. Изъ этой

ряды горъ Моавитскихъ одна значительно поднимается выше другихъ: это вѣроятно гора Нобо съ ея высочайшею вершиною фисга, или по произношенію самаритянскаго священника фасга. Увидѣвъ ее, я понялъ нагляднымъ образомъ, что съ этой высокой горы Моисей дѣйствительно могъ видѣть всю землю обѣтованную, съ юга до сѣвера; особенно, если припомнить, что онъ, несмотря на свои сто двадцать лѣтъ, обладалъ прекраснымъ зрѣніемъ (Втор., 44, 8). Подвигаясь мало-по-малу съ величайшимъ трудомъ и чувствомъ боли въ ногахъ, мы дошли до священнаго мѣста, гдѣ стояла 270 лѣтъ скинія завѣта. Священникъ показалъ мѣсто Святая Святыхъ, но самъ не дерзнулъ ступить на него ногою, и разумѣется, и я. Не вдалекѣ отсюда видны 12 неотесанныхъ камней, и священникъ на мой вопросъ, касательно ихъ значенія, сказалъ весьма серьезно, что ими означены и подъ ними находятся тѣ двѣнадцать камней, принесенныхъ израильтянами съ Іордана, о которыхъ говорится въ книгѣ Іисуса Навина (Іис. Нав. 4 главы 20 стихъ) (Галгалы, мѣсто упоминаемое здѣсь, находится противъ Гаризина (5 книг. Моис. 11 гл., 29, 30 ст.). Обратясь потомъ къ юго-востоку, мы увидѣли мѣсто Испо, гдѣ нѣкогда стояла скинія завѣта; къ западу видна гора Ноби-Самуэль, въ недалекомъ разстояніи отъ Іерусалима, а еще дальше мы могли замѣтить холмъ, на которомъ расположено селеніе Абу-гошъ, находящееся близъ Іерусалима на Яффской дорогѣ.

На горѣ Гаризинъ стояла 270 лѣтъ скинія свидѣнія и вообще всѣ святыни, сооруженныя Моисеемъ въ пустыни до тѣхъ поръ, пока Господь скрылъ все это отъ народа своего, начинавшаго уже склоняться къ идолопоклонству. Это было во время Самсона, при Узіи первосвященникѣ, седьмомъ отъ Аарона. Прошедши еще нѣсколько, священникъ, къ крайнему моему удовольствію, надѣлъ свою обувь, и я въ ту же минуту послѣдовалъ его примѣру. Внизу передъ нами раскидывалась прекраснѣйшая долина Араба. Въ это время подошли къ намъ оба племянника Амвраама, молодые священники — Іаковъ и Финеасъ, и въ сопровожденіи ихъ мы отправились въ одинъ необитаемый и никому непринадлежащій домъ, на восточномъ склонѣ горы Гаризинъ. Слава Богу мы были уже обутые.

Здѣсь священникъ угостилъ насъ очень простымъ или, какъ онъ выразился, пастушескимъ завтракомъ, состоявшимъ изъ огурцовъ, яицъ и хлѣба. Но я замѣтилъ ему, что такъ какъ мы находились теперь въ землѣ святыхъ пастырей, то

намъ этотъ завтракъ очень пріятенъ. Странно, — не знаю почему, спутнику моему, г. Краузе, вдругъ пришла мысль, выказанная имъ, что здѣсь, на Гаризинѣ, было Преображеніе Господне. Я ему отвѣтилъ, что я давно былъ убѣжденъ, что Өаворъ не былъ мѣстомъ Преображенія Господня: потому что Іосифъ Флавій, рассказывая исторію іудейской войны, говоритъ, что на Өаворѣ, въ разстояніи 30 римскихъ стадій отъ Тиверіады, былъ большой городъ, окруженный толстыми стѣнами, который вѣрно не могъ быть построенъ въ малый промежутокъ времени, протекшій между двумя событіями. Можно думать, что городъ этотъ существовалъ гораздо раньше (I Парал. 6 г. 77 ст.). На этотъ разъ мы рѣшили рассмотреть исторію Преображенія подробнѣе дома изъ сличенія сказаній евангелистовъ. Священникъ захотѣлъ узнать о предметѣ нашего разговора. Я объяснилъ ему, что мы сейчасъ говорили объ одномъ событіи изъ жизни Спасителя. Онъ сказалъ, что Іисусъ Христосъ хорошо отзывался о самаритянахъ, но однако же запретилъ ученикамъ своимъ входить въ самаритянскіе города. На это я замѣтилъ священнику, что это, вѣроятно, сказано было о городахъ, населенныхъ самарянами-язычниками, но что самъ онъ былъ въ Сихемѣ и пробылъ здѣсь два дня. Священникъ, повидимому согласился съ этимъ и рассказалъ евангельскую притчу о милосердномъ самарянинѣ, что мнѣ было очень пріятно слышать.

Послѣ завтрака мы осмотрѣли огромныя развалины, имѣющія видъ крѣпости, судя по толщинѣ стѣнъ и круглымъ башнямъ. Вѣроятно, это и есть крѣпость, построенная въ 5-мъ вѣкѣ, тяжелой памяти для самаритянъ, императоромъ Юстиніаномъ. Въ это время пришелъ сюда пастухъ съ своимъ стадомъ козъ на водопой. Между тѣмъ становилось очень жарко, и мы понемногу стали спускаться съ горы и воротились домой съ радостью и благодаря Бога за все, видѣнное въ этотъ день.

Вечеромъ я остался наединѣ съ священникомъ и рѣшился потребовать отъ него исполненія обѣщанія, даннаго мнѣ въ Іерусалимѣ. Это была главная и единственная цѣль моего путешествія — видѣть и разобрать подробно ту священную книгу, о которой много и много говорили, но которой еще не читалъ никто изъ евреевъ, ни изъ христіанъ. Это тотъ священный экземпляръ манускриптъ, писанный Абишуа.

Священникъ отвѣчалъ мнѣ (и я замѣтилъ, что голосъ его дрожалъ): „я съ удовольствіемъ исполню данное слово, но тре-

петъ и ужасъ обнимаетъ меня, когда я подумаю о послѣдствіяхъ“.

— Почему это? спросилъ я.

— Вы увидите нашу святыню и убѣдитесь, что это первобытный оригиналь, писанный во время Іисуса Навина и при жизни Элеазара, сына Ааронова. Вы поѣдете въ Іерусалимъ и скажите объ этомъ вашему архіерею, онъ, конечно, напишетъ объ этомъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ это дойдетъ до свѣдѣнія Русскаго Императора, а ему стоитъ сказать только одно слово султану, и онъ пошлетъ силою взять у насъ нашу книгу. Конечно, мы лучше умремъ, нежели выдадимъ нашу святыню, но я одинъ буду виновникомъ своей смерти и смерти маленькой горсти нашего племени.

Я всталъ въ испугѣ, услышавъ это и, поднявъ руку, сказалъ: Клянусь вамъ Господомъ Богомъ Израиля, что если бы у меня было хотя малѣйшее опасеніе съ этой стороны,—я вѣрно не пріѣхалъ бы сюда. Русскій Императоръ хорошій христіанинъ и уважаетъ законъ Моисея, какъ слово Божіе, и, кромѣ того, человѣкъ высокаго благородства, а потому онъ никогда не захочетъ лишить беззащитныхъ самаритянъ ихъ заветной святыни. Напротивъ, я увѣряю васъ, что онъ приметъ въ васъ участіе хоть потому только, что нѣкогда здѣсь пріняли его и моего Спасителя и впервые признали обѣщаннымъ Мессіею.

Священникъ былъ глубоко тронутъ этими словами. Мы обняли другъ друга, и онъ обѣщалъ мнѣ показать подробно священную книгу на другой день. Потомъ онъ завелъ рѣчь объ евреяхъ, о ихъ произвольныхъ толкованіяхъ закона и не точномъ исполненіи его, и въ заключеніе сказалъ, что завтра утромъ мы всѣ отправимся въ баню.

4-е мая. Мы всѣ пошли въ баню: священникъ, оба его племянника, шестилѣтній сынъ его и я. Священникъ и его семейство мужскаго пола, какъ всѣ вообще восточные народы, носятъ на головѣ тюрбанъ. Когда они начали раздѣваться въ банѣ, я замѣтилъ, что всѣ они носятъ длинные волосы, чего я прежде не замѣтилъ и не предполагалъ. Правда, я прежде видѣлъ у его шестилѣтняго сына длинные заплетенные въ косу волосы, но подумалъ, что это не больше, какъ для украшенія. Признаюсь, мнѣ было очень пріятно, что священникъ, прямой потомокъ Аарона, напомнилъ мнѣ русскаго священника. Я еще разъ взглянулъ на длинные волосы священника. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ: васъ удивляютъ мои длинные волосы, и вы

не знаете причины? Я скажу вамъ ее: всѣ самаритянскіе священники и ихъ семейства мужскаго пола, со дня рожденія, никогда не стригутъ волосъ, потому что священникъ, по самому рожденію своему, есть уже Назорей.

По выходѣ изъ бани, около десяти часовъ мы собрались всѣ вмѣстѣ, священникъ съ своими племянниками пришелъ ко мнѣ затѣмъ, чтобы пригласить меня въ ихъ молитвенный домъ. Это была для меня торжественная минута. Между тѣмъ я спросилъ случайно молодого священника: сколько ему лѣтъ? Онъ отвѣчалъ, что двадцать.

— Да, сказалъ старый священникъ, его дядя, — онъ еще можетъ дожить до пришествія Мессіи, но намъ съ вами уже по пятидесяти лѣтъ: мы не доживемъ.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ я. Священникъ такъ твердо, съ такою увѣренностью сказалъ свое мнѣніе, что я захотѣлъ узнать основаніе его.

— Я знаю, вѣрно, что черезъ сорокъ пять лѣтъ придетъ Мессія и скинія, какъ въ древности, будетъ стоять опять на горѣ Гаривинъ.

— Извините, сказалъ я ему, и позвольте не раздѣлять вашего мнѣнія: мой Мессія Іисусъ Христосъ, который давно уже пришелъ. Между мною и вами существуетъ такое же различіе, какое было между Моисеемъ и народомъ Израильскимъ. Когда Господь, изъ пылающей купины, сказалъ Моисею, что онъ избавитъ его народъ изъ рабства, въ глазахъ Моисея, въ его сердечной вѣрѣ, онъ былъ уже избавленъ, но народъ еще не вѣрилъ этому избавленію изъ устъ Моисея и, слѣдовательно, самому Богу. Евреи не хотѣли даже и слышать объ этомъ. Такъ точно мой Моисей пришелъ для меня въ ту минуту, когда я принялъ таинство крещенія, и я, слава Богу, избавленъ. А вы находитесь въ положеніи тѣхъ израильтянъ, которые не хотѣли вѣрить Моисею: вы не признаете Іисуса Христа за Мессію и ждете Мессію.

Священникъ нисколько не обидѣлся этими словами, напротивъ, онъ сказалъ: можетъ быть, ваша правда. Съ этими словами мы пошли въ ихъ молельню, находящуюся въ этомъ же домѣ, разумѣется, безъ обуви. Священникъ открылъ кивотъ и вынулъ священную книгу, переложенную въ привезенный мною новый футляръ.

Мы начали читать съ 10 главы 3-й книги Моисеевой. — мѣсто, которое читали въ молельнѣ въ прошедшій праздникъ. Такъ какъ мнѣ хорошо извѣстны варианты самаритянской библіи съ

еврейскаго, потому что уже два года занимался сличеніемъ этихъ двухъ текстовъ по списку, имѣющемуся у меня, то я повѣрилъ всѣ мѣста, гдѣ есть различіе до 4-й книги. Я мысленно молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ спокойствіе духа. Мнѣ нужно было, главнымъ образомъ, рассмотреть то знаменитое мѣсто, отъ котораго все зависитъ.

Я дошелъ до этого мѣста. Въ 5-й книгѣ Моис. въ 5-й главѣ съ 6 стиха (гдѣ начинаются 10 заповѣдей во второзаконіи) начинается впись имени писавшаго книгу, время и мѣсто ея написанія. Большой столбецъ разливовывается вдоль двумя параллельными, съ маленькимъ между ними промежуткомъ, линиями. Писецъ, продолжая писать священный текстъ во всю ширину столбца, ожидаетъ въ немъ буквы, которая ему нужна, такъ чтобы она пришлась, безъ видимой натяжки, въ промежутокъ. Дождавшись ее, онъ помѣщаетъ букву въ строку, въ маленькій промежутокъ между двумя линиями, за нею и передъ нею по этой же строкѣ идутъ всѣ тѣ буквы, какія есть въ священномъ текстѣ. Потомъ, продолжая писать книгу, писецъ ожидаетъ второй буквы, какая нужна для его цѣли, третьей и т. д. Иногда нужная буква приходится скоро, но иногда нужно ожидать ее нѣсколько строкъ, даже цѣлый столбецъ, и оттого эта впись имени тянется нѣсколько столбцовъ. Когда онъ нашелъ и вынесъ въ промежутокъ двухъ линій, составляющихъ средину столбца, всѣ буквы, нужныя ему, впись кончена и столбцы идутъ по-прежнему подрядъ, безъ двухъ линій съ промежуткомъ.

Такимъ образомъ ни прибавляя, ни убавляя и не переставлявая ни іоты въ священномъ текстѣ, означается имя писавшаго, мѣсто и время написанія книги, если прочитать сверху внизъ вынесенныя въ промежутокъ двухъ линій буквы. Если же будете читать столбецъ во всю ширину его, какъ обыкновенно, одну строку за другою, то вы не замѣтите ничего.

Такимъ образомъ, дошедши до столбца съ промежуткомъ въ срединѣ и читая вынесенныя въ него буквы сверху внизъ, я прочелъ слѣдующее (что, повторяю опять, не составляетъ никакой прибавки къ тексту, а составляетъ его буквы):

„Я Авша, сынъ Финеса, сына Емазара, сына Аарона священника (имъ благословеніе Божіе и слава Его) писалъ святую книгу при двери скинии свидѣнія, на горѣ Гаризинъ въ тринадцатый годъ младнія сыновъ Израилевыхъ землю Ханаанскою и предъловъ ея окрестъ и благодарю Господа“. Соблюдая все возможное спокой-

ствіе духа, я прочиталъ самымъ внимательнымъ образомъ и по складамъ два раза эту впись,—но потомъ меня обнялъ страхъ, что Богъ удостоилъ меня видѣть и читать это. Я собрался опять съ духомъ, представивъ себѣ всю важность находящихся минутъ и необходимость воспользоваться ими и потомъ продолжалъ читать до конца книги, обращая вниманіе на всѣ главныя разницы и несогласія между текстами еврейскимъ и самаритянскимъ. Прошу васъ, Ваше Преосвященство, представить себѣ, что бы было съ вами, если бы вамъ случилось увидѣть и читать въ оригиналѣ рукопись одного изъ Святыхъ Евангелистовъ? и судите теперь о моихъ чувствахъ при чтеніи древней Самаритянской библии. И это первобытный полный оригиналъ Пятокнижія, въ которомъ въ первый разъ говорится о смерти Моисея: онъ писанъ еще при жизни Іисуса Навина и Елеазара.

Что я прочувствовалъ, Боже мой, что я прочувствовалъ въ эти минуты: и радость и страхъ... но нѣтъ, этого нельзя выразить словами и нужно отказаться отъ передачи этихъ чувствъ: это можетъ быть понято только глубокою полнотою тепло вѣрующаго сердца христіанина и еврея...

Ясно, сжато и вдругъ, какъ озаренная мгновеннымъ свѣтомъ молніи, пронеслась въ моемъ воображеніи вся судьба народа Израильскаго съ своими свѣтлыми и темными сторонами отъ времени написанія этой книги до сего времени, и пришли мнѣ на умъ слова Пророка Осіи (3 гл. 4 и 5 ст.).

„Дни многи сядутъ сынове Израилевы, ни суцу царю, ни суцу князю, ни суцей жертвѣ, ни суцу жертвеннику, ни жречеству, ниже явленіямъ. И по семъ обратятъ сынове Израилевы и възшутъ Господа Бога своего, и Давида Царя своего и почудятъ о Господѣ и о благостяхъ Его въ послѣдняя дни“... На душѣ у меня было такъ хорошо, какъ хорошо бываетъ у человѣка на душѣ послѣ причастія.

Священникъ сказалъ мнѣ, увѣряя своимъ священническимъ словомъ, что этой книги такъ подробно никто и никогда еще не видѣлъ, какъ я. И дѣйствительно, о томъ, что я говорю здѣсь, не писалъ еще никто.

„Весь Израиль, и старцы ихъ, и судіи ихъ, и книгочія ихъ, подходяху сюду и сюду предъ кивотомъ, и жрецы и левиты воздвизаша кивоть завѣта Господня, пришелецъ же и туземець: иже быша половина ихъ близъ горы Гаризинъ, и половина ихъ близъ горы Геваль, якоже заповѣда Моисей рабъ Господень благословити людей Израилевыхъ въ первыхъ.

И по сихъ тако прочте Иисусъ вся словеса закона сего, благословенія и клятвы, по всему написанному въ законѣ. Не бѣше словесе отъ всѣхъ, яже заповѣда Моисей Иисусу, его же не прочте Иисусъ во уши всего сонма сыновъ Израилевыхъ, мужемъ, и женамъ и дѣтямъ, и пришельцемъ, приходящимъ къ Израилю“ (Ис. Нав. 8, 33).

И черезъ три тысячи триста лѣтъ на томъ же самомъ мѣстѣ, почти въ томъ же оригиналѣ, я читалъ тотъ же законъ.

Теперь я считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ этой древнѣйшей, единственной въ мірѣ книги. Кожа, на которой она писана, приготовлена была изъ однолѣтнихъ барашковъ, принесенныхъ въ жертву мирную, единственная, которая могла оставаться послѣ жертвоприношенія: потому, что при всѣхъ другихъ жертвоприношеніяхъ кожа должна быть сожжена.

Всѣхъ кожъ, употребленныхъ на книгу, писанныхъ только съ одной стороны и пришитыхъ одна къ другой, такъ что онѣ составляютъ длинный свитокъ, всѣхъ кожъ двадцать двѣ. Само собою разумѣется, что въ настоящее время эта кожа очень ветха, во многихъ мѣстахъ истерта, разорвана и подклеена. На каждой кожѣ иногда четыре, иногда пять такихъ столбцовъ, какіе можно видѣть на прилагаемомъ при этомъ, точно сдѣланномъ мною снимкѣ (№ 4) ¹⁾. Многія мѣста трудно разобрать: въ иныхъ мѣстахъ чернила очень поблѣли, въ другихъ они прошли глубоко въ кожу; отчего буквы, при мелкости шрифта слились. Поля очень малы,—не шире пальца. Знаковъ препинанія, равно какъ и нумераціи главъ и стиховъ — вовсе не существуетъ. Однако же можно отдѣлать одно слово отъ другого, равно какъ и цѣлыя стихи другъ отъ друга: потому что послѣ каждого слова одна точка, послѣ каждой отдѣльной мысли двѣ точки и послѣ каждой большой тирады — двѣ точки съ черточкой, а послѣ каждой изъ пяти книгъ—пробѣлъ въ пять строкъ.

Разсматривая болѣе двадцати экземпляровъ Пятокнижія, хранящихся у самаритянъ, изъ которыхъ одинъ временъ Эздры. и сличая ихъ, я нашелъ, что ни одинъ изъ нихъ по красотѣ, тонкости, мелкости и отчетливости шрифта не только не можетъ сравниться съ древнѣйшимъ святымъ оригиналомъ, но не можетъ даже сколько-нибудь приблизиться къ нему: такого прекраснаго шрифта я никогда не видалъ. Я думалъ, догады-

¹⁾ Приложенія нѣтъ.

вался и не могъ себѣ представить, какимъ перомъ написана эта книга. Тростью такъ хорошо писать невозможно; желѣзомъ, котораго употребленіе запрещено закономъ при построеніи жертвенника, святой писатель не могъ писать; вороньимъ перомъ, какъ перомъ нечистаго животнаго—тоже; остается предположить, что онъ употреблялъ золотое перо.

Прилагаемый при семъ снимокъ священнаго оригинала (№ 4) ¹⁾ сдѣланъ такимъ образомъ. Я слегка попросилъ священника позволить мнѣ выписать изъ этой книги только азбуку. Священникъ былъ такъ братски добръ ко мнѣ, что сдѣлалъ больше, нежели я ожидалъ. Онъ тихо сказалъ мнѣ, что онъ отдастъ въ мое распоряженіе своего племянника, съ которымъ мы, запершись въ модельнѣ, чтобы никто изъ общества не зналъ этого, сдѣлаемъ копию съ цѣлаго столбца, какой мнѣ будетъ угодно выбрать. Пересмотрѣвъ еще разъ цѣлую книгу, я выбралъ прилагаемый при этомъ столбецъ, какъ сохранившійся лучше другихъ. Положивъ транспарантную автографическую бумагу, молодой священникъ точно скопировалъ столбецъ литографическими чернилами, а я потомъ отпечаталъ на моемъ литографическомъ станкѣ. Содержаніе этого столбца изъ 5-й книги Моисея съ 8-го ст. 19 главы до 14 ст. 26 гл.

Кромѣ этого, священникъ показалъ мнѣ всѣ свои древности, всѣ свои святыни, но я не буду теперь писать объ этомъ, послѣ описанія самаго главнаго, составляющаго цѣль моей повѣдки. Одно только я считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія Вашего Преосвященства, именно то, что священникъ, отъ имени общества, пригласилъ меня въ Наблусь для жительства и печатанія самаритянской библіи по ихъ древнимъ оригиналамъ.

Я рѣшился на это, но прибавилъ, что не могу еще дать ему слова безъ согласія на это и благословенія Вашего Преосвященства и разрѣшенія высшаго начальства въ Петербургѣ.

Смѣю надѣяться на согласіе и содѣйствіе Вашего Преосвященства въ этомъ святомъ дѣлѣ. 1860 года, 15 мая, Іерусалимъ.

Василій Левисовъ.

¹⁾ Приложенія нѣтъ.

Шейхъ-Мансуръ Анапскій.

(Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа).

Шейхъ — въ искаженіи шихъ, означаетъ по убѣжденію мусульманъ, человѣка праведнаго, высокой нравственной жизни, почти угодника. Полученіе званія шейха было сопряжено съ большими затрудненіями и не иначе, какъ при наличности широкой популярности въ народѣ.

Въ первой половинѣ XIX вѣка среди кавказскихъ горцевъ секта шиховъ имѣла большое распространеніе, хотя послѣдователи ея и не могли быть истинными шихами въ полномъ смыслѣ этого слова. Основатель секты, первый имамъ Дагестана, Кази-Мулла, главнымъ условіемъ достиженія этого почетнѣйшаго званія ставилъ отреченіе отъ всѣхъ мірскихъ благъ, безусловное слѣдованіе завѣтамъ Корана и распространеніе завѣтовъ послѣдняго, въ случаѣ надобности, вооруженной рукой. Естественно, что свободолюбивому и независимому горцу трудно было отказаться отъ всего мірскаго, а тѣмъ болѣе подчинить свою волю — волѣ другого. Поэтому истинныхъ шиховъ было очень немного, но зато явилось въ изобиліи много послѣдователей и подражателей.

Одинъ изъ предшественниковъ ученія Кази-Муллы, чеченецъ Ушурма, впоследствии получившій наименованіе шейхъ-Мансура, вызвалъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія возстаніе горцевъ почти по всему черноморскому побережью, направленное противъ русскихъ, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и закончившееся плѣненіемъ популярнаго шейха.

Будущій вождь и пророкъ родился въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ небольшой чеченской деревушкѣ Алды; какъ

всѣ горды, онъ по достиженіи юношескихъ лѣтъ пасъ стада и тѣмъ поддерживалъ благосостояніе семьи. Неграмотный, знавшій наизусть только пять повседневныхъ молитвъ, обязательныхъ для каждаго правовѣрнаго, Мансуръ, находясь постоянно подъ обаяніемъ роскошной южной природы, видя вокругъ себя великолѣпную красоту Кавказа, сдѣлался мечтателемъ и невольно выдѣлился изъ среды односельчанъ. Присматриваясь къ окружающему, онъ открылъ, что большинство его соотечичей, какъ простые люди, такъ и люди ученые, даже почитаемое народомъ духовенство, отступили отъ предначертаній Корана и впали въ различные пороки. Сдѣлавъ это открытіе, впечатлительный юноша далъ себѣ твердый зарокъ: стараться всю жизнь не слѣдовать худымъ примѣрамъ, жить набожно и честно и никогда не отставать отъ поста и молитвы.

Постоянство, съ какимъ Мансуръ сталъ исполнять свой обѣтъ, скоро обратило на себя вниманіе и привлекло къ нему толпы почитателей. Не только жители его родной деревни, но почти все населеніе обширной Чечни стекалось слушать его поученія.

Вмѣстѣ со славой, увеличивалось и благосостояніе его семьи. Приношенія лились рѣкою: всевозможные подарки, деньги, овцы, быки, лошади и плоды, все въ изобиліи несло къ любимому шейху.

Его страстная проповѣдь какъ бы гипнотизировала, очаровывала слушателей. Это былъ своего рода мусульманскій Саванарола: сильно и властно проповѣдывалъ онъ о вредѣ раздоровъ среди правовѣрныхъ, бичевалъ роскошь, которой окружали себя гордые мюриды, и требовалъ, чтобы всѣ относились съ любовью другъ къ другу, не исключая и иновѣрцевъ.

Какъ велико было нравственное вліяніе этого человѣка, можно судить изъ того, что всегда воинственные чеченцы, непримиримые враги русскихъ, измѣнили свои отношенія, и проявленіе дружбы къ русскимъ не было рѣдкимъ исключеніемъ.

Все время, пока туземцы находились подъ вліяніемъ шейха-Мансура, эти дружественныя отношенія не нарушались. Ни набѣговъ, ни столь обычнаго у черкесовъ воровства скота не было. Отдѣльныя попытки на грабежъ, если и бывали, то большей частью онѣ совершались безъ вѣдома Мансура. Одинъ изъ такихъ случаевъ косвенно послужилъ поводомъ къ разрыву съ русскими и рѣзко перемѣнилъ возрѣнія самого шейха.

Виновникомъ этого былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ

представителей сельской молодежи, чеченецъ Бурсанъ. Подговорявъ нѣсколько кунаковъ, онъ въ одну темную ночь, подкравшись къ селенію русскихъ, увелъ изъ табуна семь лошадей и взялъ въ плѣнъ караульщика. Вернувшись въ Алды, онъ не могъ скрыть результатовъ удачной баранты, и вѣсть о набѣгѣ дошла до шейха. Мансуръ немедленно созвалъ старѣйшинъ изъ мюридовъ, убѣдилъ ихъ, что поступокъ Бурсана можетъ навлечь гнѣвъ русскихъ властей и повести къ нарушенію мира. Мюриды постановили отобрать у Бурсана лошадей и вернуть ихъ вмѣстѣ съ плѣнникомъ. Съ своей стороны Мансуръ изготовилъ къ русскимъ письмо, въ которомъ заявлялъ о желаніи чеченцевъ хранить съ ними дружбу. Но этого добраго намѣренія ему не удалось осуществить. Помѣшала, какъ это часто бываетъ, человѣческая зависть. Уже давно въ аулѣ одному человѣку не нравилось все болѣе и болѣе усиливающееся вліяніе и власть Мансура. Чеченецъ Алаши-Батешъ, ослѣпленный злобой, рѣшился на крайнее средство: онъ отправился къ начальнику ближайшаго русскаго отряда и донесъ ему, что шейхъ-Мансуръ возбуждаетъ чеченцевъ къ войнѣ противъ Россіи и что поступокъ Бурсана былъ вызовомъ для разрыва сношеній. Доносъ подѣйствовалъ, такъ какъ командующій русскими войсками по Моздокской линіи уже давно относился недовѣрчиво къ популярному пророку. Было сдѣлано распоряженіе о послыжкѣ карательной экспедиціи подъ начальствомъ полковника Піери. Въ составъ отряда вошелъ Астраханскій пѣхотный полкъ, батальонъ Кабардинскаго егерскаго полка, двѣ гренадерскія роты Томскаго полка и сотня Терскихъ казаковъ.

4 іюля 1785 года, отрядъ полковника Піери выступилъ въ походъ и къ 10 часамъ утра 6 іюля достигъ селенія Алды. Въ то самое время, когда Мансуръ сочинялъ свое письмо и готовился вернуть похищенное Бурсаномъ, — его родной аулъ, подоженный съ четырехъ сторонъ, былъ взятъ и разграбленъ русскими солдатами. Не ожидавшіе нападенія жители бѣжали въ горы. Мансуръ лишился всего: его сакля была сравнена съ землей, самъ онъ и его семья едва успѣли спастись. Все дружественное отношеніе къ русскимъ пропало, и шейхъ повялся отомстить именемъ пророка. Между тѣмъ русскій отрядъ предавалъ все встрѣчающееся ему на пути огню и мечу. Вся Чечня заволновалась, узнавъ о несчастьѣ, постигшемъ шейха. Мансуръ сталъ во главѣ горцевъ и объявилъ священную войну — газавать. По ночамъ на неприступныхъ кручахъ горъ зажига-

лись костры—сигналы. Все, что умѣло и могло носить оружіе, стекалось подъ священное знамя пророка.

Тѣмъ временемъ отрядъ полковника Піери, разрушивъ еще нѣсколько селеній, предпринялъ обратный походъ, не подозрѣвая, что воины шейха зорко слѣдятъ за его движеніемъ. Въ почти дѣвственныхъ за-Сунженскихъ лѣсахъ, втянувшись въ узкое горное ущелье, отрядъ былъ внезапно окруженъ чеченцами. Произошла жаркая битва: обѣ стороны боролись отчаянно. Озлобленные горцы, руководимые любимымъ вождемъ, одержали побѣду. Полковникъ Піери и всѣ офицеры были убиты. Оставшіеся въ живыхъ 140 человекъ солдатъ и двѣ пушки остались трофеями въ рукахъ непріятеля.

Это тяжкое пораженіе русскихъ сильно повысило авторитетъ Мансура въ глазахъ горцевъ. Священный кличъ газавата распространился на Кубань и Кабарду, и возстаніе охватило значительное пространство. Опьяненные побѣдой, чеченцы потребовали отъ него продолженія военныхъ дѣйствій, но осторожный шейхъ, зная превосходство русскихъ, противился этому требованію и медлилъ. Нѣкоторые изъ горскихъ князей предложили напасть на ингушей, племя, къ которому чеченцы относились съ ненавистью и называли ихъ невѣрными. Мансуръ еще менѣе чѣмъ съ русскими желалъ войны съ единоплеменниками, но ему было почти приказано слѣдовать въ походъ. Случай выручилъ его изъ этого положенія. Одинъ изъ узденей, нѣкій Гатши, убѣдилъ горцевъ не трогать ингушей, а идти на Кизляръ, бывший, по его словамъ, безъ всякаго гарнизона и поэтому обѣщавшій богатую добычу. Самонадѣянные и пылкіе мюриды ухватились за эту мысль и, не войдя даже въ соглашеніе съ разбросанными по всей Кубани черкесскими отрядами, предприняли набѣгъ на Кизляръ, на этотъ разъ окончившійся неудачей. Навстрѣчу чеченцамъ былъ высланъ значительный русскій отрядъ подъ командой полковника Нагеля и горцы были разбиты наголову.

Мансору съ небольшою кучкою приверженцевъ удалось скрыться въ горахъ. Удрученный пораженіемъ, онъ рѣшилъ не принимать болѣе участія въ военныхъ дѣлахъ и задумалъ совершить путешествіе въ Мекку. Съ четырьмя, постоянно сопровождавшими его мюридами, онъ отправился въ Анапу, чтобы оттуда отплыть въ Константинополь. Въ это время началась наша вторая война съ Турціей. Комендантомъ Анапы былъ трехбунчужный Баталь-паша. Узнавъ о прибытіи Мансура, дѣятельность котораго ему была извѣстна, онъ призвалъ

его къ себѣ и объявилъ, что теперь, когда идетъ война съ русскими, не время ѣхать въ Мекку.—Подвигъ за истинную вѣру противъ иновѣрныхъ,—сказалъ паша,—не менѣе угоденъ Аллаху, чѣмъ поклоненіе святымъ мѣстамъ.

Нуждаясь въ подкрѣпленіяхъ, паша уговорилъ Мансура употребить все свое вліяніе на горцевъ въ пользу войны съ русскими и отправилъ шейха обратно въ горы, чтобы уговорить чеченскихъ князей оказать помощь турецкой арміи. Мансуръ, вернувшись въ аулы, передалъ желаніе Баталь-паши, не подкрѣпивъ его, однако, своимъ совѣтомъ. Его уклончивость была замѣчена, и вслѣдствіе этого къ пашѣ былъ отправленъ гонецъ съ извѣщеніемъ объ отказѣ чеченцевъ вступить въ союзъ.

Баталь-паша, получивъ это извѣстіе, сумѣлъ скрыть свое неудовольствіе. Онъ спокойно выслушалъ посланнаго съ отказомъ, выразилъ свое сожалѣніе и просилъ передать шейху Мансуру, что онъ хотѣлъ бы видѣть его при себѣ. Проницательный турокъ зналъ, что присутствіе шейха подниметъ его военный престижъ и воодушевитъ его войска. Вскорѣ пашѣ удалось заключить союзъ съ Кабардинскими князьями и, не дожидаясь приближенія русскихъ, онъ двинулъ свою армію въ Кабарду, но на пути былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ генерала Германа, потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ. Остатки турецкой арміи вернулись въ Анапу подъ предводительствомъ сына Баталь-паши—Мустафы.

Когда вѣсть о разбитіи турецкихъ войскъ достигла Кабардинскихъ селеній, то собранные тамъ и совершенно готовые къ выступленію отряды, были распущены. Бывшій тамъ же Мансуръ, не желая оставаться среди растерявшихся горцевъ, рѣшилъ снова отправиться въ Анапу, чтобы осуществить свою мечту о путешествіи въ Мекку. Послѣ долгаго и опаснаго пути, онъ вмѣстѣ съ пятью спутниками достигъ города, но увидѣлъ его осажденнымъ русскими войсками. Одному ему извѣстнымъ путемъ, Мансуръ пробрался въ городъ и поселился одинъ, не предпринимая никакихъ дѣйствій и проводя время въ молитвѣ.

Между тѣмъ русскія войска подъ начальствомъ графа Гудовича желѣзнымъ кольцомъ стягивали Анапу. Привозъ провизіи съ горъ сталъ невозможенъ, почти непрерывный обстрѣлъ города и частые штурмы утомили его защитниковъ, и крѣпостной гарнизонъ сталъ роптать. Мустафа-паша обратился къ Мансуру съ призывомъ выступить на защиту ислама и пади-

шаха. Шейху пришлось прекратить бездѣйствіе и стать въ ряды борцовъ, но на этотъ разъ и его присутствіе не могло поддержать осажденныхъ. Послѣ долгой и тяжелой осады войска графа Гудовича 22 іюня 1791 года кровопролитнымъ штурмомъ взяли Анапу. 130 знаменъ, 95 пушекъ и около 14.000 человѣкъ плѣнныхъ было наградой побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ были: Мустафа-паша и шейхъ-Мансуръ.

Графъ Гудовичъ обласкалъ плѣнныхъ: онъ торжественно обѣщалъ имъ свободу по окончаніи войны, а Мансуру, кромѣ того, пристойное, подобающее его званію, содержаніе въ Петербургѣ, куда онъ долженъ быть посланъ для представленія Императрицѣ. Само собою разумѣется, что эти почетныя условія были приняты. Задача графа Гудовича по умиротворенію кавказскихъ горцевъ была закончена: со взятіемъ Анапы вся Кубань была въ рукахъ русскихъ, а плѣненіе популярнаго пророка и шейха смирило горскія племена, и возстаніе можно было считать подавленнымъ.

Съ чрезвычайными предосторожностями и подъ усиленнымъ конвоемъ шейхъ - Мансуръ былъ доставленъ въ Петербургъ. Въмѣсто обѣщаннаго ему почетнаго содержанія, онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости. Екатерининское правительство смотрѣло на него, какъ на опаснаго политическаго агитатора, и подозрѣвало въ немъ турецкаго агента. 28 іюня 1791 года, шейхъ былъ допрошенъ въ тайной экспедиціи самимъ Шешковскимъ. Въ показаніяхъ своихъ Мансуръ упорно отрицалъ обвиненіе его въ недоброжелательствѣ къ русскимъ и утверждалъ, что онъ проповѣдывалъ среди своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ терпимость и любовь не только между собою, но и по отношенію къ русскимъ. На вопросъ, какъ онъ могъ поучать народъ, когда самъ былъ неграмотенъ, Мансуръ отвѣтилъ, что проповѣди его были понятны, коротки и просты и заключались въ слѣдующихъ правилахъ, соблюдать которыя долженъ былъ каждый правовѣрный: 1) исповѣдывать Бога единого; 2) исповѣдывать, что Магометъ посланникъ Божій, 3) вѣрить воскресенію мертвыхъ и страшному суду Божію, на которомъ каждому воздано будетъ по дѣламъ его, и для того исполнять предписанныя закономъ должности, коихъ пять: 1) постъ, 2) молитва, 3) посѣщеніе Мекки и Медины, 4) подавленіе милостыни и 5) исповѣданіе вѣра въ единого Бога.

Среди бумагъ шейха были найдены тексты четырехъ молитвъ, которыя онъ распространялъ среди своихъ послѣдова-

телей ¹⁾. Воинственныхъ же воззваній или какихъ либо обращеній къ городскимъ племенамъ, найдено не было.

По снятіи допроса, Мансуръ былъ снова заключенъ въ крѣпость. Въ тайной экспедиціи не вѣрили въ его исключительно проповѣдническую дѣятельность по его молодости (по его показанію ему было только 30 лѣтъ отъ роду), и Шешковскій медлилъ съ докладомъ Императрицѣ. Между тѣмъ шейхъ-Мансуръ велъ себя въ крѣпости неспокойно: онъ просилъ и требовалъ исполненія обѣщаній графа Гудовича объ освобожденіи его какъ военно-плѣннаго, но просьбы оставались безъ вниманія. Его пылкая южная натура не могла мириться съ суровыми требованіями крѣпостного режима, приводившаго его въ ярость, и въ одинъ день, въ припадкѣ гнѣва, Мансуръ ударомъ ножа убилъ караульнаго солдата.

Немедленно было доведено до свѣдѣнія Государыни и наряжено особое слѣдствіе. По высочайшему новелѣнію шейхъ за

¹⁾ Тексты этой выписки изъ Корана былъ и такого содержанія: 1) Слава Богу Господу обоимъ міровъ, т. е. сего и будущаго, Милосердному, Милостивому, властителю суда страшнаго. Тебя молимъ и Твоей пощады просимъ, направи насъ на путь правый, на путь, его же ради благотворишь ходящимъ по немъ, не прогнѣвись на нихъ и не отпадутъ въ заблужденіе

2) Богъ вашъ есть Богъ единый и нѣтъ Бога кромѣ Его Милостиваго и Милосерднаго; Ему же нѣтъ владыки, ни сообщника, нѣтъ соучастника, во владычествѣ Его. Хвалите Его и благодарите утро и вечеръ, нѣтъ крѣпости и силы не отъ Бога, Величайшаго и Высочайшаго. Уповающій на Бога не постыдится, помогаетъ ему всемогущій Богъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Во истину Господь вашъ есть Богъ, Который сотворилъ небо и землю въ шесть дней, потомъ сѣлъ на престолъ, покрывая день ночью; сотворилъ Онъ солнце, луну и звѣзды и теченіе ихъ покорилъ своей власти. Благословенъ будь Господь Богъ общихъ мировъ. Богъ, кромѣ Котораго, нѣтъ иного Бога, Онъ есть живой, всегда существующій, Ему же не прикасается дреманіе и сонъ, Его все, что на небесахъ и на землѣ. Кто посмѣетъ ходатайствовать у Него, не по Его изволенію. Онъ вѣдаетъ бывшее и что имѣетъ быть, никакая вещь не можетъ объять свѣдѣній Его, кромѣ того, что Онъ открытъ захочетъ. Пространство престола Его—небо и земля и не обременяетъ Его тягость храненія ихъ; Онъ высокъ и великъ.

3) Прибѣгаю къ Господу и Царю рода человѣческаго, да сохранитъ меня отъ дьявольскаго искушенія и козней человѣческихъ; милостивый къ рабамъ своимъ Господь Богъ щедритъ и даритъ, кому хочетъ безъ числа.

4) Господь нашъ, не истязуй насъ, если мы что запомнили и если въ чемъ согрѣшили и не наложи на насъ тягости такой, какой отягощены предшествовавшіе намъ роды. Не возложи на насъ, что понести не можемъ, прости насъ Господи и помилуй насъ, ты Владыко нашъ и дай намъ помощь Свою на невѣрующихъ въ тебя.

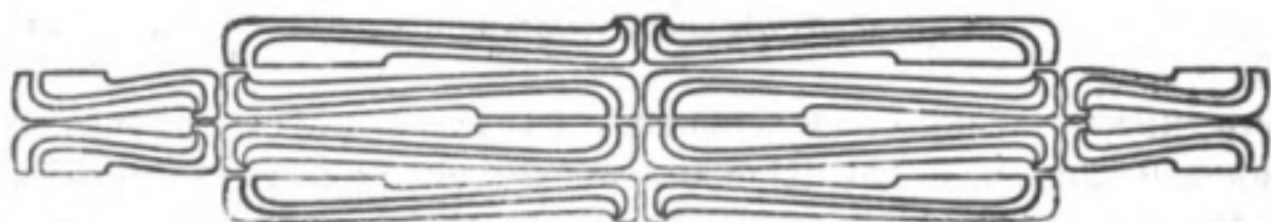
это преступленіе былъ закованъ въ кандалы и осужденъ на вѣчное заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. 15 октября 1791 года ¹⁾ Мансуръ былъ переданъ въ распоряженіе коменданта, и непривѣтливья стѣны страшной крѣпости скрыли въ себя сводолюбиваго горца.

Шейхъ пробылъ въ тяжеломъ заключеніи до весны 1794 года. Гнетъ неволи и тоска по родинѣ развили въ немъ чахотку, и 13 апрѣля того же года Мансура не стало. Тѣло его секретно, ночью, было зарыто на Преображенской горѣ безъ всякаго обряда. Такъ окончилъ свою жизнь популярный вождь и пророкъ чеченскихъ племенъ шейхъ-Мансуръ Анапскій, — предшественникъ Шамиля.

М. Я. Корольковъ,

¹⁾ Донесеніе Шлиссельбургскаго коменданта. Гос. Арх. т. VII № 2777.

Виленскія воспоминанія.

Вильна издавна славится красотой своихъ окрестностей. Нынче, съ вырубкою лѣсовъ, прелесть окрестностей уменьшилась; но прежде не надо было употребить много времени, чтобы перейти изъ городского шума въ лѣсную глушь. Любимое мѣсто гуляній—желѣзная хатка находилась въ густомъ лѣсу, а ведущее туда желѣзнодорожное полотно представляло аллею, съ которой были видны красивые пейзажи. Самый городъ, окруженный высотами и расположенный при двухъ рѣкахъ, со множествомъ костеловъ и церквей, также имѣетъ красивый видъ. Въ концѣ 1865 года, когда я поселился въ Вильнѣ, около Замковой горы былъ земляной валъ со рвомъ. Такой валъ сохранился по настоящее время, на правомъ берегу рѣки Вилии. Сообщение между этими фортификаціонными постройками производилось посредствомъ деревяннаго парома, двигающагося по канату, протянутому черезъ рѣку. Остатки фортификаціонныхъ сооруженій можно найти и нынѣ на Крестовой горѣ. Тамъ, наверху горы, былъ прорытъ небольшой деревянный туннель, открытый съ обоихъ концовъ. Такъ какъ въ позднѣйшее время туннель сталъ служить убѣжищемъ для разнаго сброда, то его засыпали. Вблизи укрѣпленій, на Ботанической улицѣ, стояла большая каменная мукомольная мельница, приводимая въ движеніе водою рѣки Вилейки. Для сей цѣли былъ проложенъ особый каналъ, который отходилъ отъ мельницы къ земляному валу: здѣсь вода текла во рву и уходила въ рѣку Вилейку; такимъ образомъ, крѣпостной ровъ съ водою отдѣлялъ Ботаническій садъ отъ фортификаціонной постройки. Тутъ былъ построенъ подъемный мостъ на цѣпяхъ, котораго я не засталъ; но высокіе каменные устои сохранились донныѣ. Долгое время сохранялись также три высокіхъ деревянныхъ креста на Кре-

стовой горѣ; когда одинъ обрушился отъ ветхости, то и остальные два были убраны. Городъ имѣлъ уже газовое освѣщеніе, но оставалось много узкихъ и кривыхъ переулковъ, дурно освѣщаемыхъ. На Большой улицѣ, противъ маленькой Пятницкой церкви стоялъ большой каменный домъ, заслонявшій церковь. Домъ этотъ былъ купленъ казною и снесенъ. Во время моего прибытія въ Вильну были еще остатки суроваго режима: по вечерамъ люди ходили съ фонарями, а въ царскіе дни во всѣхъ уличныхъ окнахъ зажигались свѣчи. Рассказывали, какъ во время уличныхъ демонстрацій выводили изъ казармъ вооруженныя войска, которыя однако оружіемъ не дѣйствовали. Пользуясь такимъ послабленіемъ, нѣкоторые горячіе патріоты наносили солдатамъ оскорбленія, остававшіяся безнаказанными. Одна почтенная старушка рассказывала мнѣ, какъ сильно было тогда увлечено польское общество мыслью о вмѣшательствѣ Западной Европы въ польское возстаніе. Какъ хозяйка дома, гдѣ происходилъ политическій разговоръ, ни оспаривала своихъ гостей, какъ ни объясняла имъ несбыточность подобной идеи, ничего не помогало.—Панъ такой-то, говорила она мнѣ,—такъ былъ увѣренъ въ помощи французовъ и англичанъ, какъ будто англійскій флотъ стоялъ уже въ Трокахъ. Известно, что въ Трокскомъ уѣздѣ лежатъ обширныя озера. Та же старушка сообщила мнѣ про ничтожный случай, ее напугавшій. Къ ней въ домъ былъ поставленъ на жительство казачій офицеръ. Хозяйка отвела ему комнату въ своей собственной квартирѣ. Однажды вечеромъ она пригласила офицера къ себѣ на чай. Въ то время у нея находился какой-то панъ. Во время разговора гость этотъ неожиданно сказалъ хозяйкѣ: „зачѣмъ эти бродяги пришли къ намъ сюда въ Вильну“.—Я,—говорила хозяйка,—сiju ни жива, ни мертва.—Къ счастью, разговоръ шелъ на польскомъ языкѣ, и офицеръ не понялъ сдѣланнаго вопроса.

Въ молодости я имѣлъ обширный кругъ знакомства и бывалъ въ польскихъ домахъ. Тамъ существовала такая тактика въ отношеніи русскихъ. Если гость былъ офицеръ, то бранили русскихъ чиновниковъ, намекая на ихъ взяточничество, бранили учителей, обвиняя ихъ въ грубомъ обращеніи къ учащимся и намекая на другіе недостатки. Если русскій гость былъ чиновникъ, то бранили педагоговъ и офицеровъ, указывая на необразованность военнаго сословія. Если русскій гость былъ педагогъ, то ограничивались жалобой на чиновниковъ и офицеровъ. Такимъ образомъ, выходило, что нѣтъ ничего хорошаго у русскихъ.

Извѣстно, что послѣ польскаго возстанія 1831 года, въ Литвѣ много овдовѣвшихъ полекъ повыходили замужъ за молодыхъ русскихъ офицеровъ. Такого явленія послѣ возстанія 1863 года въ Вильнѣ не было; напротивъ, оставались безъ замужества много польскихъ барышень молодыхъ и красивыхъ. Тогда существовало запрещеніе служащимъ православнымъ вступать въ бракъ съ католичками. Если и возникали свадьбы, то обыкновенно невѣста принимала православную вѣру. Такой запретъ отражался вредно и на русской молодежи: стали являться внѣбрачныя сожитія. Я зналъ такой характерный случай. Молодой человѣкъ состоялъ въ конкубинатѣ съ женщиной двусмысленнаго поведенія. Родные этого мужчины были крайне опечалены такою связью. Чтобы порвать эту связь, родные устроили переводъ въ Петербургъ своего родственника! Казалось, все хорошо было сдѣлано. Молодой человѣкъ расстался со своею возлюбленною, далъ ей на прощаніе 300 рублей и уѣхалъ въ столицу. Спустя нѣсколько дней, покинутая особа захотѣла увидѣть своего возлюбленнаго и съ этою цѣлью вздумала поѣхать въ Петербургъ. Въ то время въ Вильнѣ существовало военное положеніе и для того, чтобы выѣхать въ столицу, надо было имѣть полицейское разрѣшеніе. Виленскій полицеймейстеръ, вѣроятно, предупрежденный о подобномъ намѣреніи, отказалъ въ выдачѣ нужнаго свидѣтельства. Огорченная особа телеграфировала своему другу, что она окружена врагами и что ее не выпускаютъ изъ Вильны. Возмущенный такимъ стѣсненіемъ, молодой человѣкъ пріѣхалъ обратно въ Вильну и, чтобы защитить свою подругу, рѣшилъ съ нею обвѣнчаться. Бракъ былъ совершенъ въ Никольской церкви, и молодые супруги уѣхали въ Петербургъ.

При началѣ польскаго возстанія многіе изъ русской молодежи сочувствовали полякамъ, которые боролись за свободу и обѣщали добыть свободу и русскимъ. Передъ началомъ возстанія я встрѣтился въ Петербургскомъ университетѣ со студентомъ-полякомъ, окончившимъ уже 4 курса математическаго факультета и собиравшимся ѣхать въ провинцію. Это былъ бѣдный человѣкъ, весьма серьезный. Зная изъ газетъ, что уже формируются шайки мятежниковъ въ Польшѣ и Литвѣ, я, въ разговорѣ съ этимъ студентомъ, по-дружески спросилъ его, не собирается ли и онъ отправиться въ банду. На это студентъ мнѣ отвѣтилъ: „что они за дураки, задумали сдѣлать такую глупость“. Подобный отвѣтъ меня очень удивилъ, потому что я впервые услышалъ изъ устъ поляка порицаніе начинающемуся мятежу.

Пріѣхавъ въ новую для меня страну и знакомясь съ мѣстностью и съ жителями, я какъ-то обратился къ еврею ремесленнику съ категорическимъ вопросомъ: чью сторону держали евреи во время бывшаго возстанія, русскихъ или поляковъ. На это послѣдовалъ очень умный отвѣтъ.—„Для насъ, евреевъ“,—сказалъ спрошенный,—„Россія—это отецъ, Польша—это мать. Когда отецъ съ матерью ссорятся, тогда дѣтямъ нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эту ссору.“

Во время моего прибытія въ Вильну, видное положеніе въ русскомъ обществѣ занималъ артиллерійскій офицеръ Гогель. Это былъ богатый человѣкъ, занимавшій большую квартиру и державшій собственный экипажъ. Только у генералъ-губернатора были такіе отличные рысаки, какіе были у Гогеля. Названный офицеръ былъ членомъ слѣдственной комиссіи, разбившей политическія дѣла. Комиссія эта помѣщалась въ казенномъ домѣ у Замковой горы, противъ кафедральнаго костела. Арестованныхъ водили въ комиссію изъ военной тюрьмы, по аллеѣ, идущей около горы, и эта аллея называлась тогда аллеєю вздоховъ. Пользуясь матеріаломъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, Гогель написалъ книгу подъ заглавіемъ „Іосифъ Огрызко“, въ коей изобразилъ польскую интригу въ дѣлѣ возстанія и нарисовалъ типъ поляка на русской службѣ. Извѣстно, что Огрызко служилъ въ Министерствѣ Финансовъ и занималъ должность вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ. При означенномъ сочиненіи былъ приложенъ переводъ польскаго катехизиса, и Гогель увѣряетъ, что этотъ политическій катехизисъ поляки признавали равносильнымъ религіозному катехизису римско-католическому. Какъ извѣстно, Огрызко былъ судимъ, признанъ виновнымъ и былъ сосланъ въ каторжныя работы. Гогель недолго пользовался своимъ богатствомъ. Онъ заболѣлъ, продолжительное время лѣчился и умеръ. Со смертью его, богатство какъ-то растаяло, и оставшаяся вдова съ дѣтьми оказалась въ бѣдности. Съ изданіемъ названной политической брошюры объ Огрызкѣ администрація поступила какъ-то странно. Сперва книга была разрѣшена, потомъ запрещена, затѣмъ опять разрѣшена. Помню, что второе изданіе книги Гогеля лежало долгое время конфискованнымъ въ Губернскомъ Правленіи. Между тѣмъ, вдова издателя крайне нуждалась въ деньгахъ. Удалось ли ей продать второе изданіе, не знаю; но въ скоромъ времени вдова покинула Вильну и, какъ говорили, уѣхала въ Сибирь гувернанткою.

Одновременно съ Гогелемъ издалъ свое сочиненіе о мятежѣ

генераль Ратчъ подь заглавіемъ „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1868 года въ Сѣверо - Западной Россіи“. Свое повѣствованіе авторъ началъ съ XI вѣка, пояснилъ происхожденіе литовскаго племени и дошелъ до 1863 года. Передъ этимъ годомъ происходили волненія въ Петербургскомъ университетѣ. Ратчъ обвинялъ поляковъ въ означенномъ волненіи, а Герцена, извѣстнаго литератора и политическаго дѣятеля, причисляетъ къ сообщникамъ поляковъ. Извѣстно, что престижъ Герцена сильно упалъ у русскихъ, какъ только обнаружилось сочувствіе его къ революціонной дѣятельности поляковъ.

Хотя жители города Вильны знаютъ русскій языкъ, но уклонялись въ то время на немъ говорить, а употребляли польскій языкъ. Шляхетство дѣлало это изъ патріотизма; евреи изъ желанія расположить къ себѣ помѣщиковъ. Доходило до того, что иногородніе православные священники, пріѣзжавшіе въ Вильну, говорили по-польски съ прислугою въ гостиницахъ. Вообще когда пріѣзжій русскій вступалъ въ разговоръ съ мѣстнымъ жителемъ, то всегда получалъ отвѣтъ на польскомъ языкѣ. Только тогда, когда туземецъ убѣждался, что пріѣзжій не знаетъ польскаго языка, виленецъ начиналъ говорить по-русски. Мой товарищъ по школѣ, полякъ, приглашая меня къ себѣ на свадьбу шаферомъ, предупредилъ меня, что его невѣста не говоритъ по-русски, тогда какъ оказалось, что невѣста прекрасно знаетъ русскій языкъ. Другое подобное же сообщеніе я слышалъ отъ нѣмки, братъ которой женился въ Прибалтійскомъ краѣ на молодой дѣвушкѣ православнаго исповѣданія. Нѣмка увѣряла меня, что невѣста не говоритъ по-русски. Въ то время издавалась въ Вильнѣ единственная русская газета „Виленскій Вѣстникъ“, которая представляла мало интереса, вслѣдствіе цензурныхъ условій. Долгое время редакторомъ этой газеты былъ отставной капитанъ-лейтенантъ Поль. Это былъ заслуженный человекъ, твердыхъ убѣжденій, защитникъ Севастополя, съ Георгіевскимъ крестомъ. Какъ строга была цензура, доказываетъ слѣдующій случай. Одинъ мой знакомый составилъ курсъ ариѳметики, который, пройдя черезъ цензуру, былъ напечатанъ. Авторъ, рассматривая печатные листы, замѣтилъ нѣсколько ошибокъ и распорядился ихъ исправить на особомъ листкѣ. Листокъ былъ приложенъ къ книгѣ. Когда цензоръ увидалъ въ книгѣ одну страницу, непрошедшую черезъ цензуру, то арестовалъ все изданіе. Арестъ продолжался три дня; послѣ чего книга была допущена къ обращенію въ публикѣ. Такъ вотъ, съ такою-то цензурою приходилось ладить редактору газеты. Но кромѣ цензора,

надо было угодить попечителю учебнаго округа, дабы не появлялись статьи, противныя духу тогдашняго воспитанія. Иногда виленскій губернаторъ выражалъ неудовольствіе на содержаніе газеты. Наконецъ, надо было знать, какъ смотритъ начальникъ края на направленіе газеты и не зарождается ли у названной особы гнѣвнаго настроенія. Поль лавировалъ между опасностями и велъ газету долгое время. Будучи человѣкомъ разностороннимъ, Поль тогда проектировалъ особый приборъ для писанія; но проектъ его осуществленія не получилъ.

Я помню пріѣздъ въ Вильну братьевъ славянъ, ѣхавшихъ въ Москву на этнографическую выставку, въ 1868 году. Они у насъ были приняты съ большимъ радушіемъ. Особая депутація встрѣтила ихъ на вокзалѣ; для всѣхъ были приготовлены особыя помѣщенія; въ дворянскомъ клубѣ состоялся роскошный обѣдъ, за которымъ говорили рѣчи на разныхъ языкахъ. Во главѣ прибывшихъ были извѣстные ученые: Ригеръ и Палацкій. Въ маленькомъ кружкѣ разговаривающихъ гостей и хозяевъ случился курьезъ. Русскій докторъ, выражая пріѣзжимъ свои братственныя чувства, сдѣлалъ ошибку въ перечисленіи разныхъ славянскихъ народностей, упомянувъ между ними венгровъ. При этомъ словѣ слушающіе только переглянулись. Гости пробыли здѣсь короткое время, но успѣли кое-что осмотрѣть. Два священника, пріѣхавшіе на Антоколь, вошли въ Петропавловскій костелъ. Увидавъ прекрасныя лѣпныя украшенія въ храмѣ, посѣтители сказали: „вотъ іезуитское произведеніе“. Одинъ изъ пріѣзжихъ, галичанинъ Главацкій перешелъ въ русское подданство, поступилъ на коронную службу и поселился въ Вильнѣ.—Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ не было въ Вильнѣ кредитныхъ учрежденій, кромѣ отдѣленія государственнаго банка. Не помню, въ которомъ году былъ основанъ земельный банкъ, организаторомъ котораго былъ чиновникъ Васильевъ, служившій въ отдѣленія государственнаго банка. Одновременно съ земельнымъ банкомъ былъ основанъ коммерческій, имѣющій тѣсную связь съ первымъ. На земельный банкъ возлагалось тогда много надеждъ, которыя однако не сбылись; ссуды выдавались при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что послужили къ разоренію разныхъ лицъ. Даже сами поляки, въ интересахъ которыхъ было основано это кредитное учрежденіе, жалуются на земельный банкъ.

Не помню, когда было учреждено общество взаимнаго кредита (первое). Это общество организовалъ пріѣзжій русскій—очень способный человѣкъ, участвовавшій въ разныхъ коммер-

ческихъ предпріятіяхъ. Интересуясь новымъ обществомъ, я записался въ члены, сдѣлалъ условный взносъ, но никакихъ денегъ въ заемъ не бралъ. Былъ я на одномъ общемъ собраніи и удивился, съ какимъ согласіемъ подавали свои голоса евреи. Надо было выбрать кандидата на какую-то должность. На общемъ собраніи, насъ, христіанъ, было человекъ 20; евреевъ—вчетверо больше. Мы, христіане, подавали голоса за разныхъ лицъ, чуть не за 10 человекъ; евреи же, поголовно, какъ по командѣ, подали свои голоса за одно лицо. Такое соглашеніе меня очень удивило; тогда я еще не зналъ, какъ велика дисциплина у евреевъ. Первое виленское общество взаимнаго кредита потерпѣло крахъ, вслѣдствіе злоупотребленій. Привлечены были къ суду три директора и бухгалтеръ. Одинъ директоръ и бухгалтеръ понесли наказаніе, а 2 директора какимъ-то образомъ спаслись отъ судебной отвѣтственности и скрыли свое имущество. Крахъ былъ для всѣхъ такъ неожиданъ, что одинъ генералъ, за нѣсколько дней до катастрофы, внесъ въ общество что-то тысячъ двадцать. Разумѣется, большую часть взноса доврчивый человекъ потерялъ.

Наше правительство обращало особое вниманіе на состояніе русскаго театра въ Вильнѣ и отпускало на сей предметъ значительную сумму. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ нашъ театръ процвѣталъ: на сценѣ были выдающіеся таланты; зрителей всегда было довольно, хотя польское общество сторонилось русскаго театра. Между артистами занималъ въ то время выдающееся положеніе полякъ Домбровский. Русская публика всегда привѣтливо встрѣчала выходъ этого артиста. Въ январѣ 1871 г., когда справляли бенифисъ Домбровскаго, вниманіе публики не ограничилось поднесеніемъ обычнаго подарка, но и были написаны по сему случаю стихи, получившіе общую извѣстность въ то время. Вотъ текстъ этихъ стиховъ.

Прими сей скромный даръ не по
цѣнѣ—по чувству,
Съ которымъ онъ тебѣ предложенъ
отъ души;
То чувство: дань любви къ таланту
и искусству.
Ты съ гордостью его на сердцѣ запиши.
Ты многіе года стоишь главою сцены,
Какъ вѣрный жрецъ, храня любимый
храмъ;

Предъ нами каждый годъ мелькаютъ перемѣны.
Но ты неизмѣнимъ—на утѣшенъе
намъ.

Не измѣни и впредь привѣтливому кругу,
Какъ былъ ты будешь здѣсь любимцемъ
завсегда.

И публикѣ скажи, какъ искреннему другу
Да.

Изъ числа моихъ знакомыхъ, бывшихъ педагоговъ, особенно симпатичны были два преподавателя: Пермскій и Полозовъ. Оба они сердечно относились къ учащейся молодежи; были любимы ею, много трудились и не ограничивались одною классною дѣятельностью, и временами читали публичныя бесплатныя лекціи. Пермскій жилъ одно время въ казенномъ домѣ и самую большую комнату занялъ своимъ кабинетомъ, въ коемъ производилъ химическія изслѣдованія. Огромный столъ былъ весь заставленъ банками, склянками, ретортами и другими предметами; словомъ, кабинетъ его представлялъ цѣлую лабораторію.

Пермскій занимался также въ музеѣ и составилъ его описаніе. Впослѣдствіи Пермскій переѣхалъ въ Петербургъ. О его трудахъ въ столицѣ я ничего не знаю; но я твердо увѣренъ, что и тамъ онъ продолжалъ учебныя занятія и былъ любимъ учениками. Большіе труды, при слабомъ здоровьѣ, свели его въ могилу. На Митрофаньевскомъ кладбищѣ красуется изящный бѣлый памятникъ на могилѣ Пермскаго, со знаменательною надписью: „Незабвенному учителю отъ друзей, товарищей и учениковъ“. Не много людей, не имѣющихъ богатства и чины, заслужать послѣ смерти такую сердечную память отъ чужихъ лицъ. Что касается Полозова, то бывшіе ученики и почитатели его трудовъ собрали денежный капиталъ, на который учредили стипендію въ Виленскомъ реальномъ училищѣ въ память дорогого педагога.

Въ Вильнѣ, какъ въ центрѣ гражданскаго и военнаго управленія, служитъ много чиновниковъ, большинство коихъ получаетъ скудное содержаніе. Неудивительно, что многіе прибѣгаютъ къ денежнымъ займамъ. Помню, мой пріятель, молодой человекъ, нуждаясь въ деньгахъ, обратился къ еврейкѣ дать ему на короткое время 50 руб. Та согласилась и принесла ему на квартиру деньги. Случилось мнѣ быть въ это время у моего пріятели. Пришедшая женщина держала въ рукахъ 100 руб.—

кредитный билетъ и вексельный бланкъ. Оказалось, что 50 руб. она дать не согласна, а предлагала взять 100 руб., но на этотъ разъ заемъ не состоялся. Не такъ легко отдѣлался отъ займа другой мой пріятель, педагогъ. Онъ имѣлъ неосторожность занять подъ вексель деньги и не могъ въ срокъ уплатить. Произошло горячее объясненіе, и учитель нанесъ оскорбленіе кредитору, должно быть, его ударилъ. Пострадавшій жаловался, и судъ приговорилъ учителя къ аресту. Идти подъ арестъ показалось моему знакомому унизительнымъ, и онъ помирился съ обиженнымъ, заплативъ деньги за оскорбленіе. Прошло нѣкоторое время, опять учитель вгорячахъ побилъ еврея и опять былъ приговоренъ къ аресту. На этотъ разъ приняли участіе въ горячемъ человѣкъ его друзья и уговорили его сѣсть подъ арестъ, но не платить снова деньги за обиду. Было лѣто, классныхъ занятій нигдѣ не было, такъ что отбыть арестъ было легко. Помню, что въ то время, по случаю ремонта, войсковою караулъ помѣщался въ пустой казармѣ. Вотъ въ эту-то казарму и сѣлъ мой пріятель. Узнавъ объ этомъ приключеніи, я пришелъ въ казарму навѣстить арестованнаго. Когда мы сидѣли и бесѣдовали, неожиданно появился въ комнатѣ еврей-кредиторъ, и льстивымъ и униженнымъ голосомъ началъ высказывать свое сожалѣніе о случившемся. Учитель вскипѣлъ негодованіемъ и чуть было снова не поколотилъ вошедшаго. Не получая долга, еврей представилъ векселя ко взысканію. Начался вычетъ изъ жалованія. Жить на уменьшенное жалованье, и при томъ женатому человѣку, не представлялось возможнымъ. Учитель вышелъ въ отставку. Продали его движимое имущество, но долга не покрыли. Тогда мой пріятель взялъ мѣсто въ глуши, въ Пермской губерніи, куда потихоньку и уѣхалъ. Въ Вильнѣ осталась его жена, которая черезъ нѣкоторое время уѣхала къ мужу. Какъ ни скрывали, какъ ни хитрили мои знакомые, однако кредиторъ узналъ мѣсто ихъ пребыванія и направилъ туда свое взысканіе. Чѣмъ дѣло кончилось, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Другой солидный чиновникъ признался мнѣ, что одинъ бойкій еврей, имѣвшій постоянныя дѣла въ ихъ вѣдомствѣ, предложилъ ему сдѣлать въ служебной бумагѣ подлогъ за вознагражденіе въ 800 рублей. Чиновникъ пришелъ въ ужасъ отъ подобнаго предложенія и указалъ еврею, что за подобное преступленіе ссылаютъ въ Сибирь. Еврей возразилъ, что подлогъ можно скрыть и никто не узнаетъ про фальшь. Такъ они и разошлись. Впослѣдствіи этотъ честный служака окончилъ жизнь самоубійствомъ. Такія искутанія

трудно переносить молодымъ неопытнымъ людямъ. Былъ подобный другой случай. Пріѣхалъ въ городъ на службу молодой архитекторъ. Извѣстно, какъ мало казенное содержаніе. Привилегированный подрядчикъ вѣдомства, куда поступилъ молодой человекъ, познакомился со вновь пріѣзжимъ и въ разговорѣ сдѣлалъ наглое предложеніе: получать другое жалованье отъ него, подрядчика. Подобная дерзкая выходка, обидѣвшая архитектора, была конечно отвергнута. Должно быть предстоящія занятія не понравились вновь пріѣзжему, и онъ перешелъ на службу въ контрольную палату, куда охотно принимали образованныхъ людей. Тамъ онъ и оставался до конца жизни.

Лица, служащія въ канцеляріи генераль-губернатора, пользуются особою привилегією. Въ вѣдѣніи этихъ лицъ находится дворцовое имущество, состоящее изъ домовъ и земель. Вѣроятно, изъ доходовъ этого имущества идутъ наградныя деньги служащимъ. Случилось мнѣ однажды встрѣтиться съ чиновникомъ. Этотъ господинъ рассказывалъ про обнаруженную имъ передачу содержанія секретной бумаги и что онъ подвергнулъ аресту причастное къ этому дѣлу постороннее лицо. Тогда были уже введены новыя судебныя уставы, почему я и спросилъ чиновника: развѣ можно лишать свободы человека, безъ суда и слѣдствія. Вопрошаемый мнѣ возразилъ, что не всѣ поступки могутъ быть преслѣдуемы закономъ, что встрѣчаются такія дѣла, которыя не поддаются карѣ закона, и что въ такихъ случаяхъ достаточно нравственнаго убѣжденія въ виновности, дабы посадить подозрѣваемаго въ тюрьму. Тогда я подумалъ, что бы ты заговорилъ, если бы тебя самого посадили въ тюрьму по нравственному убѣжденію.

Не всѣ чиновники ограничиваютъ свою дѣятельность писаніемъ бумагъ, веденіемъ разныхъ книгъ и составленіемъ вѣдомостей. Встрѣчаются лица, коихъ труды имѣютъ ученый характеръ. Одинъ изъ нихъ, иѣкто Г., усердно занимался порученнымъ ему дѣломъ и былъ оцѣненъ своимъ начальствомъ, по представленію котораго онъ получилъ орденъ Св. Станислава въ петлицу. Не гоняясь за наградой, Г. не пошелъ благодарить начальника за это украшеніе. Вскорѣ послѣ того, этому труженику пришлось быть съ личнымъ докладомъ у своего начальника. Тотъ послѣдній, не видя ордена на подчиненномъ, сказалъ ему: „вы, кажется, получили какой-то орденъ“? Спрошенный вспомнилъ о наградѣ, зналъ, что пожалованный орденъ носилъ какое-то польское имя, отвѣчалъ: да, Ваше Превосхо-

дительство, имѣю орденъ .Св. Сигизмунда. Подобный отвѣтъ былъ очень непріятенъ начальнику, большому формалисту. Прошло не много времени, какъ Г. оставилъ Вильну и перешелъ на службу въ Петербургъ.

Служба чиновниковъ въ Западномъ краѣ поощрялась награжденіемъ конфискованными имѣніями, которыя чиновники могли покупать по дешевой цѣнѣ съ разсрочкою уплаты денегъ на 20 и болѣе лѣтъ. Подобная привилегія не касалась лицъ, служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ. Кромѣ конфискованныхъ имѣній, поступали въ продажу имѣнія польскихъ помѣщиковъ, коихъ правительство обязано продавать земли русскимъ людямъ. Впослѣдствіи означенный суровый законъ былъ отмѣненъ. Для покупки имѣнія надо было имѣть разрѣшеніе отъ генераль-губернатора. Выдачею подобныхъ разрѣшеній завѣдывалъ важный чиновникъ. Въ то время можно было купить землю, не имѣя вовсе денегъ, если въ имѣніи былъ лѣсъ. Для такой операціи надо было войти въ соглашеніе съ евреемъ, занимавшимся лѣсною торговлею. Заручившись нужнымъ документомъ, еврей давалъ заимообразно деньги для первыхъ уплатъ. Когда купчая на землю была совершена, тогда новый помѣщикъ продавалъ лѣсъ на срубъ и такимъ образомъ освобождался отъ долга. Конечно, съ потерей лѣса, имѣніе обезцѣнивалось. Что еврей вообще зорко слѣдилъ за продажей лѣса, я убѣдился изъ случайнаго знакомства. Мнѣ пришлось какъ-то ѣхать въ одномъ вагонѣ съ лѣсопромышленникомъ, старикомъ лѣтъ семидесяти. Спутникъ увѣрялъ меня, что одно время онъ имѣлъ на каждой станціи своего агента по продажѣ лѣса и что онъ зналъ о всякой лѣсной продажѣ въ цѣлой губерніи. Этотъ промышленникъ имѣлъ при жизни многочисленное потомство и считалъ у себя 12 взрослыхъ внуковъ. Желая провѣрить слова еврея, я спросилъ его о продажѣ въ одномъ уѣздѣ извѣстнаго мнѣ земельного участка. Оказалось, что мой собесѣдникъ зналъ объ этой операціи.—Поощренія чиновниковъ продажей имъ земель иногда оказывались очень щедрыми. Одинъ жандармскій офицеръ купилъ за 5 тысячъ конфискованное имѣніе съ разсрочкою уплаты лѣтъ на 20. Годы черезъ два, этотъ офицеръ продалъ въ казну часть пріобрѣтенной земли за 30 тысячъ рублей. Служба этого офицера была хорошо вознаграждена! Покупка имѣнія русскими людьми, безъ пособія правительства, была сопряжена съ большими неудобствами. Одинъ мой знакомый, проживавшій въ Вильнѣ и имѣвшій небольшой свободный капиталъ, задумалъ купить

имѣніе, которое могъ бы оставить своимъ дѣтямъ. Скоро былъ найденъ факторъ, выразившій готовность устроить покупку, при соблюденіи строгой тайны. Мой знакомый согласился и скрывалъ отъ всѣхъ затѣянное дѣло. Имѣніе было указано въ Могилевской губерніи, значительно запущенное, но имѣвшее хорошій барскій домъ. Покупщикъ осмотрѣлъ землю, купилъ за условную сумму и переселился туда со своею семьею. Года два спустя, мнѣ случилось быть въ этомъ имѣніи. Хозяйка мнѣ призналась, что дѣло вести очень трудно и что она едва сводитъ концы съ концами. При отъѣздѣ моемъ въ Вильну, новый помѣщикъ просилъ меня навести какую-то справку у названнаго фактора. Когда я отыскалъ въ Вильнѣ этого еврея, то съ первыхъ словъ я услышалъ изъ устъ плутоватаго фактора слова сожалѣнія о сдѣланной покупкѣ и о тяжеломъ положеніи, въ которомъ оказался покупатель. Я не подавалъ вида, что знаю виновника втянувшаго русскаго человѣка въ невыгодную сдѣлку. Черезъ нѣсколько лѣтъ новый помѣщикъ вынужденъ былъ продать часть земли мѣстнымъ крестьянамъ, чтобы поправить свое хозяйство.

Скажу нѣсколько словъ про врачей. Медицинская наука весьма обширна, и обладатели ея приносятъ огромную пользу человечеству: каждый докторъ, врачуя человѣческое тѣло, можетъ сдѣлать добро, неоцѣнимое на деньги. И наоборотъ, каждый врачъ можетъ причинить вредъ, который нельзя исправить деньгами. Поэтому нравственныя качества врача имѣютъ особо важное значеніе въ жизни. Есть врачи, не занимающіеся практикой и не стремящіеся нажить себѣ капитала, такіе люди трудятся на общественное благо и приносятъ огромную пользу населенію. У меня былъ большой кругъ знакомства среди докторовъ, и я узналъ бытъ медицинскаго міра. Въ средѣ практическихъ врачей соперничество развито весьма сильно и порою доходитъ до вражды. Одинъ докторъ говорилъ мнѣ про своего врага, который, прибывъ къ его паціенту, тотчасъ же отбрасывалъ всѣ имѣющія лѣкарства и прописывалъ особня. Конечно, эти новыя средства, по существу, оставались тѣми же самыми, но имѣли другой видъ. Называли одного врача, который, прописывая лѣкарства, всегда указывалъ аптеку, откуда надо ихъ брать. Однажды, войдя къ своему паціенту, этотъ врачъ замѣтилъ лѣкарства изъ другой аптеки. Не обнаруживая своей примѣты, онъ обратился къ больному и изслѣдовалъ его организмъ. Не признавая нужнаго улучшенія, врачъ выразилъ удивленіе въ бездѣйствіи лѣкарства. Затѣмъ взявъ

сигнатурку и прочитавъ названіе аптеки, онъ торжественно заявлялъ, что лѣкарство потому худо дѣйствовало, что заготовлено не въ указанной аптекѣ. А часто лѣкарства бывають очень дорогія: одинъ докторъ мнѣ называлъ своего пациента, которому онъ прописывалъ пилюли изъ золота вмѣсто пилюль меркуріальныхъ. Различіе въ воззрѣніяхъ врачей на способы лѣченія происходитъ отъ несовершенства медицинской науки, и тутъ врачей винить нельзя. Одинъ мой знакомый собирался ѣхать лѣчиться на минеральныя воды. Здѣшніе врачи выступили противъ этой поѣздки и высказали грозную филиппику противъ врачей минеральныхъ водъ. А когда больной пріѣхалъ на воды, тамошніе доктора жестоко бранили нашихъ докторовъ, утверждая, что эти послѣдніе не имѣють понятія о тамошнихъ средствахъ и объ условіяхъ лѣченія на минеральныхъ водахъ.

Для пріобрѣтенія званія врача каждый молодой человекъ проходитъ огромный курсъ наукъ. Хотя съ годами пріобрѣтается опытъ, но за то теряются теоретическія познанія. До какой степени доходитъ эта потеря, могутъ показать сужденія одного кавказскаго врача. Шла рѣчь объ условіяхъ сохраненія здоровья солдата во время похода. Возникъ вопросъ: какъ снабжать солдата чистымъ бѣльемъ, гдѣ сушить выстиранное бѣлье. На этотъ вопросъ названный врачъ отвѣтилъ: мокроо бѣлье солдатъ долженъ сушить на своемъ тѣлѣ. Такой неожиданный отвѣтъ меня очень удивилъ. тѣмъ болѣе, что врачъ занималъ высокое положеніе въ медицинскомъ мірѣ. Вѣроятно, подобныя сужденія появлялись только на Кавказѣ, гдѣ доктора находили же возможнымъ прививать сифилисъ здоровымъ солдатамъ съ научною цѣлію. По моему мнѣнію, подобныя прививки граничатъ съ преступленіемъ.

Вспоминая знакомыхъ врачей, я долженъ назвать Бравчинскаго и Соколова, какъ прекрасныхъ людей, обладавшихъ высокими нравственными качествами. Эти дѣятели были чужды наживѣ и оказывали медицинскую помощь по чувству гуманности. Какъ жаль, что оба они покинули земную жизнь раньше времени.

Въ общественной жизни иногда встрѣчаются непримиримыя противорѣчія, особенно часто они бывають, когда рѣшаются вопросы медицинскіе или техническіе. Расскажу про два случая. Помню, какъ городская санитарная комиссія, подъ предѣдательствомъ доктора Радушкевича, выбирала лучшее мѣсто для купанія въ рѣкѣ и указала правый берегъ р. Вилин, у перевоза.

Этотъ берегъ принадлежитъ казнѣ, и здѣсь постоянно устанавливались общественныя купальни, конми и пользовались городскіе жители. Прошли годы. Въ настоящее время мнѣніе той же санитарной комиссіи по сему предмету измѣнилось, и то мѣсто, которое прежде было ею указано какъ наилучшее, теперь признано было вреднымъ и было запрещено устанавливать купальни у казеннаго берега. Такое противорѣчіе въ сужденіи не объяснимо, такъ какъ въ рѣкѣ Вилии никакихъ перемѣнъ не произошло.

Подобная же перемѣна произошла въ сужденіяхъ о прочности бывшаго на рѣкѣ Вилии деревяннаго моста, называвшагося Зеленымъ. Надо сказать, что этотъ мостъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе начальства каждый разъ, когда ожидался пріѣздъ Государя въ Вильну. Въ каждый пріѣздъ царь дѣлалъ смотръ войскамъ, расположеннымъ въ лагерь, а потому Государю приходилось переѣзжать по Зеленому мосту. Въ какой-то годъ, не помню, инженеры и архитекторы осматривали мостъ и признали его совершенно негоднымъ, потому рѣшили къ царскому пріѣзду выстроить другой мостъ, плавучій. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе: построили плавучій мостъ изъ бревенъ, а проѣздъ экипажей по существующему деревянному мосту закрыли. Къ концу лѣта прибылъ въ Вильну новый инженеръ, который не согласился съ мнѣніемъ комиссіи о чрезвычайной опасности Зеленаго моста и нашелъ возможнымъ ремонтировать это старое сооруженіе. Поставивъ подъ мостъ разныя балки и брусья, сдѣлавъ другую настилку досокъ, новый инженеръ открылъ для движенія экипажей старый мостъ. Вотъ какія бываютъ разногласія во мнѣніяхъ присяжныхъ техниковъ! Съ возобновленіемъ стараго моста плавучій мостъ оказался лишнимъ, а какъ наступало зимнее время, то эту плавучую постройку надо было разобрать. Но изъ экономіи нужной разборки не сдѣлали, и новый мостъ разбило и разнесло текучею водою.

Возвращаясь къ Зеленому мосту, надо сказать, что этотъ мостъ, построенный изъ дерева, причинялъ много хлопотъ инженерамъ. Мостъ ветшаетъ и нужно его возобновить: требуется отпускъ денегъ. По закону, на каждую строительную работу необходимо предварительно составить смѣту. Чтобы удовлетворить это требованіе, надо подробно осмотрѣть скрытыя части возобновляемаго сооруженія, чего нельзя исполнить безъ разборки моста. А по мосту постоянно идетъ движеніе. Обращались къ губернатору Стеблинъ-Каменскому съ просьбою разрѣшить начать ремонтировать мостъ безъ предварительной смѣты, то получили отказъ, въ виду имѣющагося закона. Тогда архи-

текторъ составилъ смѣту на разборку и постройку вновь одной половины моста. Губернаторъ далъ разрѣшеніе; и мостъ былъ перестроенъ. По окончаніи работы, послѣдовалъ доносъ на злоупотребленія, при чемъ доносители были плотники, участвовавшіе въ перестройкѣ моста. Но обнаружить злоупотребленія было весьма трудно, потому что смѣта была составлена приблизительно и при выполненіи дѣла были сдѣланы значительныя перемѣны, однѣ части моста, предназначенныя къ замѣнѣ новыми и оказавшіяся хорошими, остались на своихъ мѣстахъ, другія же части, вовсе не вошедшія въ смѣту и оказавшіяся при разборкѣ гнилыми, были замѣнены новыми. Такимъ образомъ полное и точное описаніе исполненныхъ работъ могло значиться въ техническомъ отчетѣ. А этотъ отчетъ не былъ еще составленъ. Очевидно, что плотники не могли доказать сдѣланныхъ злоупотребленій. Поэтому назначенная генераль-губернаторомъ комиссія для разборки сего дѣла никакихъ злоупотребленій не открыла.

Другая рѣка Вилейка причинила городу гораздо больше хлопотъ, чѣмъ Вилія: въ нижней части Зарѣчья, въ Сафьяникахъ, Вилейка производила ежегодныя наводненія, такъ что значительное число семействъ было выселено изъ Сафьяникъ. Подобно горнымъ рѣкамъ, Вилейка отличается непостоянствомъ дна, вызываетъ засореніе русла, обрываетъ берега, дѣлаетъ ледяные зажоры. Часть праваго берега этой рѣки у лѣтняго помѣщенія дворянскаго клуба была укрѣплена каменною стѣною, еще въ 1865 году, и эта стѣна стояла лѣтъ десять, а затѣмъ была подмыта водою. Для устраненія періодическихъ наводненій, уширили почти вдвое русло рѣки противъ Пречистенскаго собора въ 1881 году и построили гранитную набережную на лѣвомъ берегу. При обсужденіи проекта этой набережной, православное духовенство высказывало опасеніе за цѣлость собора отъ потрясеній грунта, при забивкѣ свай тяжелыми бабами. Однако подобныя опасенія оказались напрасными: на стѣны собора никакого вліянія не оказали тяжелые удары нѣсколькихъ копровъ. Помню я, какъ пробовали укрѣплять правый берегъ Вилейки, противъ Бернардинскаго сада, особыми выступающими въ рѣку ивовыми загражденіями, но таковыя держались не долго и были смыты водою, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда.

Инженеры и архитекторы, состоящіе на казенной службѣ, получали вообще малое жалованье, что и побуждало ихъ принимать на себя веденіе частныхъ работъ. При большихъ заня-

тіяхъ, они не успѣвали имѣть вездѣ должный надзоръ. Былъ такой случай. На Большой улицѣ перестраивался домъ вблизи собора. Работы велъ какой-то нѣмецъ, каменщикъ. При возведеніи новой лѣстницы, мастеровые повели сводъ безъ должной предосторожности: сводъ обрушился и задавилъ человѣка. Стали искать виновнаго. Мастеръ каменнаго дѣла, виновный въ недосмотрѣ, бѣжалъ, какъ говорятъ, за границу. Другихъ виновныхъ не нашлось, и подобное упущеніе осталось безнаказаннымъ. Другой случай. Въ казенномъ зданіи устраивали домашнюю церковь. Возвели уже потолокъ, очень красивый, какъ замѣтили, что потолочныя балки прогибаются и грозятъ обрушеніемъ. Составили комиссію, которая обнаружила, что балки были положены тонкія, а не толстыя, какъ значилось въ смѣтѣ. Пришлось измѣнить проектъ и поставить дополнительные подпоры. Конечно, послѣ сдѣланныхъ добавленій, церковь уже не стала такою красивою, какъ предполагалось первоначально. Помню еще случай обрушенія въ казенной обозной мастерской на Антоколѣ большого деревяннаго сарая, только что возведеннаго. Подулъ сильный вѣтеръ, и сарай повалило на землю. Къ счастью, никто изъ людей при этомъ не пострадалъ. Оказалось, что деревянные столбы вовсе не были врыты въ землю. Съ постройкою Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, центральное управленіе коихъ было помѣщено въ Вильнѣ, въ нашемъ городѣ увеличилось число инженеровъ. А какъ въ технику вообще и въ строительномъ дѣлѣ въ частности появилось много разныхъ нововведеній и изобрѣтеній, то обнаружилась потребность въ обмѣнѣ сужденій по разнымъ предметамъ. Для удовлетворенія этой потребности образовался кружокъ изъ инженеровъ и архитекторовъ. Собранія кружка были разъ въ недѣлю по вечерамъ. Тамъ разсматривались чертежи разныхъ сооружений, исполненныхъ и проектируемыхъ. Помню интересное сообщеніе о выстроенной въ Минскѣ пекарнѣ и мукомольнѣ, гдѣ были установлены паровые котлы новой системы. Такъ какъ въ то время нефть получила обширное примѣненіе на югѣ Россіи къ отопленію пароходовъ и паровозовъ, то въ кружкѣ былъ сдѣланъ докладъ о нефтяномъ и керосиновомъ производствѣ. Этотъ докладъ былъ своевременно напечатанъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ. Возникшій въ городскомъ управленіи вопросъ объ употребленіи высушеннаго торфа при очисткѣ отхожихъ мѣсть служилъ предметомъ обсужденія въ кружкѣ и вызвалъ продолжительныя пренія. Такъ какъ употребленіе новаго средства возбуждало сомнѣніе въ его безвредности, то

были приглашены врачи къ участию въ дебатахъ. Одинъ инженеръ написалъ даже письмо въ Берлинъ къ доктору Коху съ вопросомъ по сему предмету. Знаменитый нѣмецкій ученый отвѣтилъ, что торфъ не можетъ служить дезинфицирующимъ средствомъ. Нѣсколько вечеровъ въ кружкѣ было посвящено обсужденію употребленія торфа при очисткѣ, много было высказано мнѣній въ пользу и противъ этого нововведенія, и вопросъ остался нерѣшеннымъ. Обширный протоколъ по сему предмету былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ газетѣ Военно-Санитарное Дѣло. Организаторомъ означенныхъ бесѣдъ былъ инженеръ Бѣльцовъ, съ выбытіемъ котораго изъ Вильны кружокъ прекратилъ свое существованіе. Бѣльцовъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ людей, высокой честности, обладавшій добрымъ сердцемъ.

Въ половинѣ 60-хъ годовъ было установлено въ Россіи единство кассы и были введены новыя правила расходванія казенныхъ денежныхъ суммъ. На первыхъ порахъ произошло столкновеніе генерала-губернатора Кауфмана съ контрольною палатою. По кассовымъ правиламъ, чиновникъ, получившій авансомъ деньги, можетъ получить второй разъ деньги на ту же потребность не ранѣе, какъ по представленіи отчета въ израсходованіи перваго аванса. Генераль-губернаторъ командировалъ куда-то чиновника; для сей поѣздки чиновнику были отпущены авансомъ деньги. Затѣмъ тотъ же чиновникъ получилъ вторичную командировку, почему и потребовалъ себѣ другія деньги на эту новую поѣздку. Такъ какъ отчетъ въ израсходованіи перваго аванса не былъ представленъ, то контрольная палата отказала въ выдачѣ вторыхъ денегъ. Дошло дѣло до генераль-губернатора. Кауфманъ приказывалъ выдать деньги. Гюббенетъ, управляющій палатою, отказалъ въ выдачѣ, ссылаясь на законъ. Генераль-губернаторъ разсердился, вызвалъ къ себѣ управляющаго и грозилъ ему высылкою изъ края. Какъ окончилось это столкновеніе, не знаю; но Гюббенетъ остался на своемъ мѣстѣ. Впослѣдствіи Гюббенетъ былъ министромъ путей сообщенія.

Алексѣй Гене.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6-го по 27-е марта 1914 г.

Афанасьевъ, А. Н. Русскія народныя сказки. Т. IV и V. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ картинами П. М. Орлова и А. Комарова (въ 5-ти томахъ. М. 1914. Тип. Т-ва Н. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 8° (19 × 27). 288 + II + 276 стр. съ рис. по 1 р. 25 к. Въсь 2 ф. 23 л. по 5.000 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи. Вып. II-й. Спб. 1914. Изд. издат. Шиповникъ. Тип. Сириусъ (Рыночная, 10), 4° (24 × 30). 96 стр. съ рис. Въсь 1 ф. 13 л. 7.300 экз.

Биографическій очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852). Спб. 1914. Тип. А. Ф. Штольценбурга (Моховая, 37), 8° (17 × 26). 136 стр. съ рис. Въсь 1 ф. 350 экз.

Бородкинъ, М. Вѣнчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17 × 25). 116 стр. Въсь 10 л. 400 экз.

Бѣлинскій. Письма. Томъ III. (1873—1848). Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914. Изд. Огни (Фонтанка, 38). Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 5 л., 28). 8° (16 × 24). 476 стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 15 л. 3.500 экз.

Верещагинъ, В. А. Русская и иностранная книга. XV—XIX вѣка. Спб. 1914. Изд. Кружка Любителей изящныхъ изданій. Тип. Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17 × 24). 129 стр. съ рис. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 13 л. 600 экз.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ V-й. Подъ ред. Б. А. Лезина I. Теорія творчества. II. Мифотворчество. Харьковъ. 1913 Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17 × 25). 566 + XVI стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 30 л. 5.000 экз.

Воронежская старина. Выпускъ 12-й. Воронежъ, 1914. Изд. Воронеж. Церковнаго Историко-Археолог. Комитета. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К° (Б. Двор. д. Сомова). 8° (17 × 26). 582 + 4 нен. стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 28 л. 800 экз.

Врангель, Г. В. Бар. Балтійскіе офицеры въ походѣ 1812 года. Ревель. 1913. Изд. Ф. Клауге. Тип. Ревельскій Наблюдатель. 8° (14 × 21). 70 стр. Въсь 8 л. 1.000 экз.

Глинка (Библиографія. Харьковъ. 1914). Тип. М. Дрейшпуль и с-вей (Шетневскій пер., 14). 8° (12 × 25). 8 стр. Съ портр. Въсь 1 л. 2.000 экз.

Годуновъ, В. И. Памятка Енисейца (94-го пѣх. Енисейскаго полка). Къ 100-лѣтнему юбилею. Ревель. 1913. Тип. Миквиць. 8° (17 × 24) 48 стр. Съ рис. портр. + 7 лист. портр. Въсь 10 л. 2.800 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія русскаго искусства. Вып. 21 и 22 Спб. 1914. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 313—534 стр. Съ рис. Вѣсь 3 ф. 4 л. по 15.000 экз.

Грабарь, Игорь. Русскіе художники. Собрание иллюстрированныхъ монографій. Вып. 3. Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, жизнь и творчество. Спб. 1914. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×32). 299 стр. Съ рис. Вѣсь 5 ф. 16 л. 18.000 экз.

Дульскій, П. М. Памятники Казанской старины. Казань. 1914. Изд. С. В. Соломина (Проломная, с. д.) Тип. Центральная (Домбровская). 8° (15×23). 231 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 31 л. 1.040 экз.

Дунаевъ, Б. П. Сѣверно-русское Гражданское и Церковное Зодчество. Городъ Вологда (Отд. от. изъ Трудовъ по сохран. древн. памятниковъ. Т. V). М. 1914. Тип. В. П. Воронова (Моховая, д. кв. Гагарина). 3° (26×34). 33 стр. + IX—XVIII лист. рис. Вѣсь 26 л. 500 экз.

Идея католичества въ произведеніяхъ Ф. М. Достоевскаго. Религіозно-философская бібліотека. Вып. XXXV. М. Сергіевъ посадъ. 1914. Тип. П. Иванова. 16° (12×18). 45 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 4 л. 2.400 экз.

Каталогъ бібліотеки покойнаго редактора „Новаго Времени“ Ф. П. Булгакова, состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ: Беллетристика; Исторія; Литература; Общая Исторія; Русская Литература; Искусство и Театръ; Справочныя изданія и проч. Спб. 1914. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерингофскій, 87). 8° (16×23). 72 стр. Вѣсь 9 л. 1.000 экз.

Кранихфельдъ, Вл. Т. Г. Шевченко пѣвецъ Украйны. Критико-біографическій очеркъ. Библіотека нашихъ читателей. Спб. 1914. Изд. Книгоизд. Жизнь и знаніе (Фонтанка, 38), 3-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (12×19). 104 + 32 стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 12 л. 6.200 экз.

Охотинъ, П. К. Краткій очеркъ дѣятельности Каргопольскаго уѣзнаго земства за время существованія 1867—1913 г. г. Вологда 1914. Тип. Н-въ Гудкова-Бѣлякова. 8° (17×25). 103 стр. Вѣсь 10 л. 1.000 экз.

Павловскій, П. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина (1802—1808 г. г.). (По архивнымъ даннымъ). Полтава. 1913. Изд. Полтав. Ученой Архивной Комиссiи. Тип. Т-ва Печатнаго Дѣла. 8° (17×25). 8 + 131 стр. Съ рис. Вѣсь 19 л. 1.100 экз.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1914 годъ. Съ приложеніемъ адресъ-календаря губерніи. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Губерн. Статистическ. Комитета. Тип. Губ. Правленія (Соф. пл., зд. Присутст. мѣстъ). 8° (15×23). 96 + XXI + 296 + 295 + 74 + 13 нец. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 27 л. 2.000 экз.

Петровскій, Д. Врачебная старина и бытъ врачей временъ перваго государя изъ дома Романовыхъ царя Михаила Θεодоровича. Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (17×25). XXIX + 82 стр. Вѣсь 12 л. 200 экз.

Потебня, Ал. Аф. I. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія съ дополненіемъ изъ черновыхъ рукописей „О Задонщинѣ“ Харьковъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17×25). 238 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 26 л. 200 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Общій курсъ русской литературы. Листы: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15. Высшіе женскіе курсы. Спб.

1914. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7). 4° (19 × 30). 222 стр. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 200 экз.

150 лѣтъ. Никольско-Бахметевскаго хрустальнаго завода князи А. Д. Оболенскаго. Описаніе исторіи завода и краткій очеркъ о развитіи стекольнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1914. Изд. Постояннаго бюро съѣздовъ стекольных заводчиковъ. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (24 × 30). ЛП + 258 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 ф. 15 л. 1.000 экз.

Твердохлябовъ, А. Д. Ахтырскій уѣздъ наканунѣ XIX вѣка. (Матеріалы для исторіи Ахтырщины). Харьковъ. 1913. Тип. Печатное дѣло (Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 25). 35 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. проф. О. К. Волкова, М. С. Грушевскаго, М. М. Ковалевскаго, О. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, М. П. Туганъ-Барановскаго и А. А. Шахматова. Томъ I. Спб. 1914. Изд. М. А. Славинскаго (Моховая, 37). Тип. Общ. Польза (Б. Подъячская, 39). 8° (19 × 23). 360 стр. съ рис. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 3.500 экз.

Филипповъ, Гурій. Мордва—христиане. Изъ жизни села „Мордовскіе Каратаи“ и деревни „Менситово“ Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи. (Историко-этнографическій очеркъ). Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 10 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Чуковскій, К. Книга о современныхъ писателяхъ. Исправленное изданіе „Критическихъ разсказовъ“. Спб. 1914. Изд. Издат. Шиповникъ (Николаевская, 31). Тип. бр. В. и Н. Линникъ (Гончарная, 7). 8° (16 × 22). 236 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 1.600 экз.

Шалыгинъ, А. Дополнительный курсъ теоріи словесности. Очерки и разборы произведеній всемірной литературы. Спб. 1914. Изд. 2-е. Тип. А. Э. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8° (16 × 24). IV + 392 стр. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Авраменко, П. Историческій очеркъ Золотоношскаго Красногорскаго Богословскаго женскаго монастыря Полтавской епархіи. Полтава. 1914. Тип. Г. И. Маркевича. 8° (17 × 25). 172 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 20 л. 1.000 экз.

Автономовъ, Н. Страничка изъ исторіи бібліотеки Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища и института кн. Безбородко. Нѣжинъ. 1913. Тип. Наслѣдн. В. К. Меленевскаго. 8°. (18 × 27). 25 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Блиновъ, Н. Н. Земство за цовѣка. 1864—1914 г. Сарауль. 1914 Тип. Н. Я. Улыбина. 8° (15 × 22). 27 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Бурцевъ, А. Е. Мой журналъ для немногихъ. Вып. 9. А. Ф. Афанасьевъ и его художественное творчество. Спб. 1914. Тип. Р. Вейерманъ и К° (Благовѣщенская пл., 3), 4° (23 × 25). 43 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 125 экз.

Временникъ Пушкинскаго Дома. Спб. 1914. Тип. А. Дресслера (Б. Подъячская 8° 22). (18 × 26). XVII + 77 стр. Съ рис. Вѣсъ 23 л. 650 экз.

Григоровичъ, А. Историческій очеркъ Финляндскаго драгунскаго полка 1806—1860 гг. Спб. 1914. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (27 × 37). VIII + 69 + III. стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 150 экз.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. 23. Вып. 2-й. Подъ ред. В. К. Трутовскаго. М. 1914.

Тип. В. П. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (28×36). IV+450 стр съ рис.+1 листъ рис. Вѣсь 2 ф. 29 л. 625 экз.

Древняя русская словесность. Лекціи. Кіевъ. 1914. Изд. Слуш. Кіевск Высш. Женск. Курс. Тип. Трудъ М. В. Ельника (Караваяевская, 4). 8° (18×28). 176 стр. Вѣсь 29 л. 300 экз.

Записки классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ VIII. Спб. 1914. Изд. Имп. Русск. Археол. Общ. Тип. В. Θ. Киршбаума (Новосаажіевская, 20). 4° (20×28). VII+II+363 стр. Ц. 4 р. Вѣсь 1 ф. 31 л. 525 экз.

Ильинскій, В. П. Адмиралъ Θ. Θ. Ушаковъ въ Средиземномъ морѣ (1799 г.). Изд. Ком. по завѣдыв. капиталомъ имени гр. С. А. Строганова. Тип. т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (18×26). 63 стр. Съ рис. Вѣсь 19 л. 3.000 экз.

Карамзинъ, Н. М. Записка о древней и новой Россіи. Редакція проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1914. Изд. гр. М. Н. Толстой. Тип. А. Р. Дресслера (Б. Подъячская, 22). 8° (16×21) XIV+133 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 17 л. 1.500 экз.

Кіево-Печерскій Патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой. Кіевъ. 1914. Тип. Кіево-Печерской Успенской Лавры. 8° (15×22). 154+XV стр. Вѣсь 14 л. 1.500 экз.

Князевъ, А. Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ первый русскій естествоиспытатель. Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×23). 110 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсь 13 л. 1.200 экз.

Котовичъ, А. Къ судьбѣ проекта духовно-судебной реформы въ 70-е годы. Спб. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (17×24). 17 стр. Вѣсь 3 л. 50 экз.

Кубаловъ, Б. Систематическій курсъ русской исторіи. Часть I. Иркутскъ. 1914. Тип. Макушина и Посохина. 8° (16×24). 169 стр. Ц. 85 к. Вѣсь 18 л. 1.000 экз.

Методологія исторіи. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Высшихъ Жен. Курсовъ. Тип. Трудъ, М. В. Ельника (Караваяевская, 4). 8° (19×29). 118 стр. Вѣсь 21 л. 150 экз.

Миנדальевъ, П. Моленіе Давида Заточника и связанныя съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Казань. 1914. Тип. Университета. 8° (17×25). 346+XXX стр. Вѣсь 30 л. 500 экз.

Общій курсъ русской литературы. Листы: 16—32. Спб. 1914. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7). 4° (18×30). 239—510 стр. Вѣсь 1 ф. 15 л. 200 экз.

Общій курсъ русской литературы. Листы: 34—57. Спб. 1914. Тип. Богданова (Эртелевъ пер., 7). 4° (19×30). 527—900 стр. Вѣсь 1 ф. 29 л. 200 экз.

Остроуховъ, П. А. Англо-русскій торговый договоръ 1734 г. Очеркъ по исторіи русской торговой политики (на основаніи архивныхъ источниковъ). Съ предисловіемъ П. Б. Струве. Труды студентовъ экономическаго отдѣленія Спб. Политехническаго Института Императора Петра Великаго. № 13. Спб. 1914. Изд. Спб. Полит. Инст. Имп. Петра Вел. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8° (16×24). X+204 стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсь 21 л. 400 экз.

Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ 1870—1894. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Толстовскій Музей. Т. II. Спб. 1914. Изд. Об-ва Толстовскаго Музея. Тип. В. М. Вольфа (Невскій пр., 126). 8° (17+26). 478 стр. и 2 портр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Изъ лекцій по исторіи древне-русской литературы. Часть I. Древнѣйшій періодъ (XI—XIII в.в.). По лекціямъ проф. составилъ студ. Ал. Б. Кіевъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Трудъ М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (18×27). 326 + 2 нен. стр. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 250 экз.

Прохоровъ, Ф. Ф. и Николаевъ, А. С. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Спб. Городского Управленія и города С.-Петербурга въ эпоху Отечественной войны. Матеріалы изъ архивовъ: Спб. Городского, Спб. Купеческой Управы и Общаго Архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, собранные и изданные подъ ред. К. А. Военскаго. Томъ I. Спб. 1914. Изд. Городской Думы. Тип. Городская (Садовая, 55). 8° (19×28). LVI + 573 стр. Вѣсъ 4 ф. 12 л. 1.140 экз.

Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга 18. Спб. 1914. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×28). 62+64+2+160—237+II+188—281+100+2 стр. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 1.000 экз.

Бродскій, Н. Л. Мендельсонъ, Н. М. и Сидоровъ, Н. II. Историко-литературная хрестоматія. Ч. I. Устная народная словесность съ историческими и этнографическими комментаріями. М. 1914. Изд. В. Думнова (Мисницкая, д. Обидиной). Тип. Г. Лесснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (17×25). IV+288 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.100 экз.

Георгій, епископъ. Первый прѣздъ въ Россію восточнаго патріарха. Калуга. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (15×22). 12 стр. Вѣсъ 4 л. 65 экз.

Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко (Шименовская, с. д.). 8° (15×22). IV+120 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 2.050 экз.

Делекторскій, Ѳ. Христіанскій лейтъ-мотивъ русской литературы эпохи крѣпостного права. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко (Караваевская, 5). 7° (17×25). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Томъ I и II. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8° (16×23). XVI+407+XVIII+507 стр. Ц. 3 р. за оба тома. Вѣсъ 2 ф. 17 л. По 3.000 экз.

Исторія нашего времени (Современная культура и ея проблема). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 20-й. Спб. 1914. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и Ко. Тип. Мин. Путей Сообщенія. 8° (19×28). 81—160 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.200 экз.

Исторія русской арміи и флота. Т. XV. М. 1913. Изд. Книг. изд. т-ва „Образованіе“. Тип. Русск. Товар. (Чист. пр., Мыльн. пер., с. д.). 8° (18×27). 154 стр. Съ 7 рис.+1 карта. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 4.000 экз.

Исторія Феодоровскаго Городскаго монастыря (Нижегородской губ.) и построеніе въ Спб. храма въ память 300-лѣтнаго юбилея царствованія Императорскаго Дома Романовыхъ. Спб. 1914. Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (12×18). 148 стр. Съ рис. Вѣсъ 16 л. 50.000 экз.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ Императора Александра I. Спб. 1914. Тип. А. Суворина (Ортелевъ, 13). 8° (17×25). 22 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Описаніе русско-турецкой войны 1877--78 г.г. На Балканскомъ полуостровѣ. Томъ IX. Дѣйствіе съ 1-го января 1878 г. до окончанія войны. Дѣйствія въ тыловыхъ районахъ театра войны. Часть II. Подъ ред.

Геруа I. Сиб. 1913. Тип. Имп. уч. глухонѣмыхъ (Мойка, 54). 8° (19×28). XVIII + 346 + 183 стр. Вѣсъ 3 ф. 18 л. 2.010 экз.

П. М. Воспоминаніе о пребываніи Аѳонской чудотворной иконы Богоматери въ Слободскомъ женскомъ монастырѣ въ 1863 г. Слободской 1914. Тип. Мясникова. 8° (13×19). 120 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1914 годъ. Вятка. 1913. Изд. Губ. Статистическаго Комитета. Тип. Губернская. 8° (16×24). VII + 21 + XVIII + 206 + 347 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 900 экз.

Полонская, Н. Д. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. III. Кіевъ. 1914. Изд. и тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (27×36). 54 + IV стр. + XXXVIII табл. рис. Складъ: у автора (Московская, 30). Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 3.000 экз.

I. 50-лѣтіе села Старыхъ Зятцевъ, Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ. 14-го іюля 1913 г. II. 50-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ протоіерея села Старыхъ Зятцевъ, Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ. М. I. Шерстеникова. Вятка. Тип. Шкляевой. 8° (15×23). 19 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Селихановичъ, А. Религіозная проблема у Достоевскаго. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Каравасевская, 5). 8° (17×25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 55.000 экз.

Слово. Сборникъ второй къ десятилѣтію смерти А. П. Чехова. Неиздан. драм. и беллетр. произведенія, отрывки, замѣтки, публицист. статьи А. П. Чехова. Письма къ нему Д. В. Григоровича, Н. А. Михайловскаго, А. П. Плещеева и др. Подъ ред. М. П. Чеховой. Съ портретомъ А. П. Чехова. М. 1914. Изд. Книгоизд. писателей въ Москвѣ (Никитск. б., 30). Тип. А. Левенсонъ (Трехпруд. п., с. д.). 8° (16×22). 289 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 10.000 экз.

Соболевъ, Алексѣй, свящ. Въ чемъ были погребены наши предки-христіане. (Отд. от. изъ XV кн. „Труды Владим. Учен. Арх. Ком.“. Владиміръ. 1914. Тип. Губ. прав. 8° (17×25). 35 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Тельбергъ, Георгій, проф. Правительствующій Сенатъ и Самодержавная Власть въ началѣ XIX вѣка (Очеркъ изъ исторіи консервативныхъ политическихъ идей въ Россіи на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ). Изъ записокъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II. М. 1914. Тип. А. П. Снѣгиревой. 8° (18×27). 80 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 15 л. 300 экз.

Толстовскій ежегодникъ 1913 года. Спб. 1914. Изд. Общ. Толстовскаго музея въ Спб. Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (17×26). VIII + 152 + 79 + 79 + 104 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 4.200 экз.

Толь-фонъ, В. Г. 145-й пѣхотный Новочеркасскій Императора Александра III полкъ 1796 - 1863 - 1912 г. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Тип. Сѣверная (В. О., 13 л., 2). 8° (17×25). 101 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 19 л. 2.000 экз.

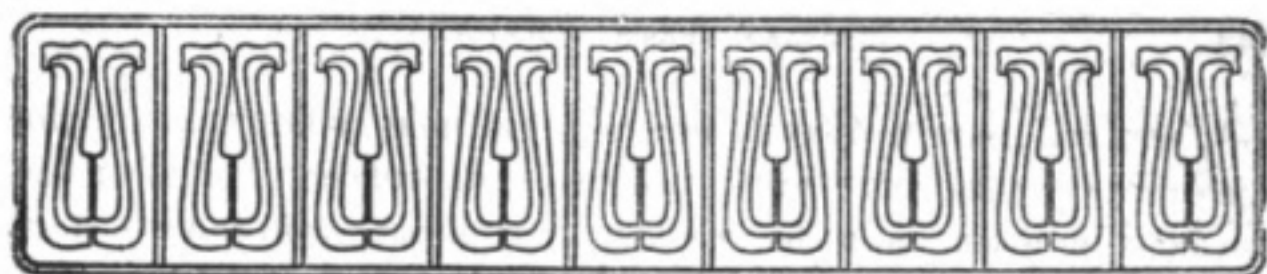
Шамуринъ, Юрій. Подмосковныя. Книга вторая. Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ девятый. М. 1914. Изд. Т-ва Образованіе. Тип. Русскаго Товар-ства (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 72 + 4 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 4.000.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Н. Н. ОБРУЧЕВЪ.

Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.¹⁾

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Въ день моего пріѣзда въ Парижъ я встрѣтилъ маркизу Салисбюри, которая сошла въ бытность нашу въ Константинополь съ моей женой и очень сочувствовала моимъ взглядамъ. Она осталась въ Парижѣ на сутки, чтобы провести это время съ нами, и съ первыхъ же словъ стала упрекать насъ, что мы не пріѣхали въ Гатфильдъ, какъ обѣщали, если будемъ во Франціи. Мы обѣдали съ нею въ ресторанѣ вмѣстѣ съ Деказомъ, Шадорди и Гаркуромъ и провели вмѣстѣ весь вечеръ. Миѣ удалось подробно познакомить маркизу съ положеніемъ дѣлъ, и я просилъ ея супругу всѣ нужныя разъясненія. Въ Парижѣ я бесѣдовалъ также нѣсколько разъ съ англійскимъ посланникомъ, которому подробно изложилъ точку зрѣнія моего правительства, и миѣ видимо удалось убѣдить лорда Лайонса въ томъ, что не слѣдовало необдуманно портить дѣла, начатаго конференціей, и терять единственный возможный случай предотвратить русско-турецкую войну. „Разъясните лорду Биконсфильду и лорду Дерби, говорилъ я, что они одни будутъ отвѣтственны за неудачу нашихъ попытокъ сохранить миръ и за паденіе Турціи, которое можетъ быть ближайшимъ послѣдствіемъ этого“!

И лордъ Лайонсъ и маркиза Салисбюри горячо упрекали насъ за то, что мы не хотѣли ѣхать въ Лондонъ, и увѣряли, что моя поѣздка не могла создать маркизу никакихъ затрудне-

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1914 г.

ній, что въ Англіи будутъ очень рады меня видѣть и что мое присутствіе даже облегчитъ принятіе протокола. Маркиза Салисбюри напомнила мнѣ, что она и ея мужъ приглашали насъ пріѣхать по окончаніи конференціи въ Гатфильдъ и настаивали на томъ, чтобы ея друзья посѣтили ее въ Англіи передъ отъѣздомъ въ Россію. Положеніе мое было щекотливое; я не хотѣлъ повредить своему коллегѣ въ Англіи, признавъ, что затрудненія были созданы имъ и что онъ даже воспользовался именемъ маркиза Салисбюри, чтобы дать понять, что возникшія препятствія не были его личнымъ дѣломъ ¹⁾. Я ограничился поэтому замѣчаніемъ, что, коль скоро явилась мысль, что моя поѣздка въ Лондонъ представляетъ неудобства съ политической точки зрѣнія, личное достоинство и патриотизмъ не позволяютъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ безъ формальнаго приглашенія со стороны министерства, если только маркизъ Салисбюри не подтвердитъ мнѣ приглашеніе посѣтить Гатфильдъ, сдѣланное имъ еще въ Константинополѣ. Иначе, несмотря на удовольствіе, съ какимъ я воспользовался бы любезнымъ приглашеніемъ маркизы, я не видѣлъ возможности измѣнить своего маршрута и рассчитывалъ дней черезъ шесть уѣхать въ Вѣну. Маркиза на другой же день уѣхала въ Лондонъ. Хотя путешествіе въ Англію казалось мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ необходимымъ и всѣми одобрялось, но, повинувшись приказанію императора, я рѣшилъ отказаться отъ этой поѣздки, хотя чувствовалъ, что это будетъ фальшивой нотой, которая нарушитъ гармонію возложенной на меня миссіи. Я даже воздерживался передавать канцлеру свѣдѣнія и указанія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, изъ Берлина, изъ Парижа и даже изъ Лондона, которыя показывали, до какой степени все, что утверждалъ гр. Шуваловъ, мало вязалось съ дѣйствительностью. Я не хотѣлъ даже для вида стать на почву личнаго соперничества и интригъ, столь не согласныхъ съ патриотической и самоотверженной цѣлью, для которой я работалъ и отъ которой никогда не отступалъ.

Затѣмъ я послалъ гр. Шувалову слѣдующую телеграмму: „Имѣете ли вы что-нибудь сказать мнѣ, я уѣзжаю въ четвергъ“. Это была послѣдняя попытка обратиться къ добросовѣстности

¹⁾ Во время нашего разговора маркиза ясно намекнула на то, что всѣ эти затрудненія выдуманы Шуваловымъ единственно съ цѣлью не допустить меня въ Лондонъ; она самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицала возможность того, что присутствіе бывшего коллеги ея мужа по Константинопольской конференціи могло бы его стѣснить.

Прим. авт.

нашего посла въ Лондонѣ съ цѣлью дать ему возможность измѣнить его отношеніе ко мнѣ, дать понять ему, что въ противномъ случаѣ я уѣду въ Вѣну и не приму на себя отвѣтственности за послѣдствія.

Вещи мои уже были уложены, и я уже извѣстилъ австрійскаго посланника о томъ, что я уѣзжаю черезъ донь, 2 марта, утромъ, какъ вдругъ я получилъ отъ маркиза Салисбюри письмо слѣдующаго содержанія: „Любезный генералъ, надѣюсь, что еще до прочтенія этихъ строкъ ¹⁾, вамъ будетъ извѣстно, что дѣла идутъ здѣсь хорошо и что согласіе нарушено не будетъ. Увѣряю васъ, что я неохотно телеграфировалъ вамъ, совѣтуя поременить въ Парижѣ ²⁾, такъ какъ я очень желалъ побесѣдовать съ вами обо всемъ.

„Но общественное мнѣніе здѣсь—нашъ владыка; приходится считаться даже съ его слабостями, въ особенности въ такую критическую минуту. Оно имѣетъ иногда слабость воображать, что ему стараются навязать опредѣленную политику, и пріѣздъ человека столь извѣстнаго какъ вы со спеціальной миссіей (*до того какъ здѣсь было принято какое-либо рѣшеніе*) могъ озлобить общество и раздражить его щепетильность на этотъ счетъ. Въ настоящее время кризисъ, надѣюсь, миновалъ. Не знаю, имѣете ли вы еще время ³⁾, но если бы вы могли подарить намъ нѣсколько дней и пріѣхать въ Гатфильдъ съ вашей супругой, если она согласна сопровождать васъ, вы доставили бы намъ этимъ величайшее удовольствіе. Не думайте, что я сколько-нибудь измѣнилъ свое мнѣніе въ отношеніи главнаго вопроса или что я отношусь менѣе горячо къ участи христіанъ и къ европейскому согласію; въ особенности будьте увѣрены въ моей совершенной преданности. Салисбюри“.

На другой день, 3/15 марта, какъ бы для того, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе съ моей стороны и доказать мнѣ, что англійскій кабинетъ отрѣшился отъ предубѣжденія, которое было внушено ему, и желалъ видѣть меня въ Лондонѣ, маркизъ Салисбюри телеграфировалъ мнѣ слѣдующее:

¹⁾ Эти строки были написаны наканунѣ засѣданія кабинета, на которомъ принципиально рѣшено принять протоколъ.

²⁾ Въ отвѣтъ на настоятельное приглашеніе маркизы, я сказалъ ей, что я окончательно рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Лондонъ потому, что мнѣ телеграфировали, будто Салисбюри самъ измѣнилъ свой взглядъ и предпочиталъ, чтобы я остался въ Парижѣ. *Прим. авт.*

³⁾ Я говорилъ маркизѣ, что я не могу отложить поѣздку въ Вѣну далѣе какъ до четверга 3/15 марта. *Прим. авт.*

„Генералу Игнатьеву, отель du Rhin, Парижъ. Графъ и графиня Дерби просятъ генерала и г-жу Игнатьеву отобѣдать у въ Foreign-office (министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), въ субботу вечеромъ. Уѣхать въ Гатфильдъ, если пожелаете, можно будетъ въ тотъ же день, въ двѣнадцать часовъ ночи“.

И такъ, въ Англіи все было готово къ моему пріѣзду и все-таки я не счелъ себя въ правѣ принять приглашеніе, не сообщивъ о томъ телеграммою въ Петербургъ и не получивъ приказаній Императора. Отвѣтъ не замедлилъ: я получилъ черезъ князя Горчакова позволеніе Его Величества принять приглашеніе Салисбюри. Очень странно во всемъ этомъ дѣлѣ, то, что графъ Шуваловъ, дружескія отношенія котораго къ графу и графинѣ Дерби не составляли ни для кого тайны, видимо не подозрѣвалъ происшедшей перемѣны и даже отрицалъ самый фактъ полученнаго мною приглашенія, изображая такимъ образомъ въ своихъ донесеніяхъ канцлеру мою поѣздку въ Англію въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Какъ только я отвѣтилъ Салисбюри, что я принимаю съ удовольствіемъ его приглашеніе и приглашеніе графа и графини Дерби, въ тотъ же день (8/15 марта, вечеромъ) я получилъ отъ лорда Лайонса записку, написанную какъ будто съ цѣлью не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно характера моей поѣздки въ Англію; онъ спрашивалъ меня, когда и какимъ путемъ я предполагаю ѣхать въ Лондонъ; оказывается, посланникъ получилъ объ этомъ вопросъ по телеграфу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ просьбою отвѣтить телеграммой, дабы таможня и желѣзнодорожное общество могли быть предупреждены своевременно.

„Любезный генералъ, будьте добры увѣдомить меня, по какой желѣзной дорогѣ вы поѣдете изъ Дувра въ Лондонъ. Изъ предлагаемой при семъ телеграммы вы увидите, почему я объ этомъ спрашиваю. Они хотятъ знать, съ какой станціи вы пріѣдете, чтобы предупредить таможню. Конечная станція юго-восточной дороги—Charing Cross, а Лондонъ—Чатамской и Дуврской—Victoria station.

Пожелавъ вамъ всего наилучшаго, остаюсь вашъ искренній другъ и старый коллега Лайонсъ“.

Чтобы не откладывать слишкомъ надолго поѣздку въ Вѣну, гдѣ меня уже ожидали, и не задѣть щепетильности императора Франца Іосифа, я поспѣшилъ отвѣтить лорду Лайонсу и выѣхалъ въ Лондонъ на Кале и Дувръ нѣсколько часовъ спустя, послѣ полученія мною разрѣшенія отъ Императора и моего отвѣта Салисбюри съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ.

Въ Англіи мнѣ былъ оказанъ самый дружественный пріемъ, не оставившій желать ничего лучшаго. Въ Дуврѣ, въ мое распоряженіе былъ предоставленъ спеціальный вагонъ, и вопреки опасеніямъ, выраженнымъ русскимъ посланникомъ, на станціи какъ въ Дуврѣ, такъ и въ Лондонѣ публика привѣтствовала меня весьма почтительно. Пріѣхавъ въ Лондонъ въ пятницу 4/16 марта, мы съ женою отобѣдали у гр. Шувалова, у котораго встрѣтили маркизу Салисбюри, ея дочь и нѣсколько посланниковъ. На другой день я былъ вмѣстѣ съ гр. Шуваловымъ съ визитомъ у гр. Дерби, у лорда Биконсфильда и у чиновъ дипломатическаго корпуса, былъ на обѣдѣ и на раутѣ у гр. Дерби, гдѣ познакомился съ самыми видными представителями правительства и англійскаго общества. Съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Лондона въ полночь, мы отправились въ замокъ Салисбюри, Гатфильдъ, гдѣ четыре дня пользовались самымъ широкимъ и дружескимъ его гостепрѣимствомъ. Хозяева дома сдѣлали все возможное, чтобы пребываніе у нихъ было для меня пріятно и интересно; приглашая по очереди самыхъ разнообразныхъ лицъ, они доставили мнѣ случай бесѣдовать съ людьми, которые могли интересоваться мною и принадлежали не только къ правительственной партіи, но и къ оппозиціи, каковы Гардингтонъ, Форстеръ, Гошенъ.

Уѣхавъ изъ Гатфильда въ слѣдующій четвергъ, я остановился на два дня въ Claridge-Hotel, и отобѣдавъ у лорда Биконсфильда и повидавшись съ лордомъ Дерби и съ видными представителями обѣихъ партій, уѣхалъ въ пятницу вечеромъ изъ Лондона съ намѣреніемъ провести сутки въ Парижѣ и оттуда немедленно выѣхать въ Вѣну.

Мои отношенія къ гр. Шувалову во время моего пребыванія въ Англіи не предвѣщали успѣшнаго окончанія того дипломатическаго дѣла, которое мы должны были провести вмѣстѣ, и не могли облегчить моего положенія. Напротивъ, поведеніе русскаго посла въ Лондонѣ отличалось крайней недоброжелательностью по отношенію ко мнѣ, его бывшему коллегѣ. Такъ, въ самый день моего пріѣзда, задержавъ меня у себя послѣ обѣда часа на два, онъ даже не предупредилъ меня о томъ, что онъ собрался въ ту же ночь послать князю Горчакову курьера (вмѣсто того чтобы задержать его дня на два и предоставить въ мое распоряженіе) съ отчетомъ о своихъ переговорахъ съ Дерби; онъ не потрудился даже познакомить меня съ содержаніемъ своихъ донесеній и писемъ, такъ что я узналъ объ отъѣздѣ курьера на другой день случайно отъ се-

кретаря посольства, и мнѣ такъ и не пришлось познакомиться съ содержаніемъ депешъ, касавшихся по большей части меня лично ¹⁾).

Боясь вызвать какія-нибудь недоразумѣнія и не зная сущности переговоровъ, которые велись гр. Шуваловымъ съ большою развязностью на моихъ глазахъ, и отъ которыхъ онъ старался устранить меня, такъ какъ я не хотѣлъ содѣйствовать принятію англійскихъ предложсній, я рѣшилъ не навязываться, и рѣшительно ничего не писалъ и не телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона, полагая, что въ Петербургѣ поймутъ причину этого.

Тѣмъ временемъ, князь Горчаковъ сообщилъ мнѣ, черезъ посредство русскаго посланника въ Парижѣ, нижеслѣдующую инструкцію, данную имъ Шувалову. „Сообщите Игнатьеву. Я телеграфирую Шувалову: Принятіе какого-нибудь протокола въ принципѣ не удовлетворитъ насъ. Намъ нужны главнымъ образомъ гарантія въ томъ, что будутъ приняты главные пункты, положенные въ основу нашего протокола. Измѣненія, сдѣланныя Дерби, очень существенны. Мы можемъ высказаться не иначе, какъ имѣя передъ глазами текстъ его проекта. Если онъ заупрямится, вы пришлете его намъ, принявъ его *ad referendum*“.

Въ то время какъ канцлеръ старался еще, по возможности, отстоять текстъ, сообщенный нами берлинскому и прочимъ кабинетамъ, гр. Шуваловъ уже пожертвовалъ имъ и выработалъ съ лордомъ Дерби совсѣмъ иной проектъ, который онъ взялся представить по телеграфу на одобреніе канцлера. Когда Шуваловъ сообщилъ мнѣ этотъ проектъ, я понялъ, что измѣненія въ нашемъ первоначальномъ текстѣ были сдѣланы подъ вліяніемъ проекта, показаннаго мнѣ герцогомъ Деказомъ, который я находилъ неубѣдительнымъ и безцвѣтнымъ.

Французскій министръ естественно хотѣлъ смягчить предложенный нами протоколъ съ той цѣлью, чтобы онъ могъ быть скорѣе принятъ англичанами. Я былъ въ высшей степени удивленъ, увидавъ эту новую редакцію проекта, и до известной

¹⁾ Въ этомъ отношеніи мы находились не въ равныхъ условіяхъ, и канцлеръ не старался уравнивать обонхъ пословъ, такъ какъ я не видѣлъ переписки гр. Шувалова, тогда какъ гр. Шувалову посылались копии всѣхъ телеграммъ и писемъ, посланныхъ мною съ дороги князю Горчакову, и онъ комментировалъ ихъ самымъ недоброжелательнымъ образомъ, въ то время какъ я не имѣлъ возможности представить ни своихъ возраженій, ни объясненій.

Прим. авт.

степени обиженъ тѣмъ, что меня такъ безцеремонно устранили отъ переговоровъ, несмотря на инструкціи князя Горчакова, который то и дѣло повторялъ русскому послу въ Лондонѣ, что онъ долженъ былъ посоветоваться предварительно со своимъ константинопольскимъ коллегой. Къ великому неудовольствію Шувалова, я не только не присоединился къ его мнѣнію, но высказалъ ему откровенно, что новый проектъ значительно разнится отъ того, который былъ редактированъ въ Петербургѣ и сообщенъ Бисмарку, Деказу и Чіальдини. Въ новой редакціи было упущено все то, что связывало протоколъ съ конференціей; державы предлагали теперь Портъ только свои дружескія услуги для заключенія мира, не желая навязывать ей никакого окончательнаго рѣшенія; перечисленіе въ нашемъ проектѣ обѣщанныхъ турками реформъ, сдѣланное съ той цѣлью, чтобы онѣ могли быть торжественно приняты къ свѣдѣнію, было ослаблено и искажено упоминаніемъ о предстоящихъ конституціонныхъ реформахъ. Однимъ словомъ, мнѣ казалось невѣроятно, чтобы проектъ Дерби—Шувалова могъ быть принятъ императорскимъ кабинетомъ. Графъ Дерби не хотѣлъ даже принять официально къ свѣдѣнію, какъ я настаивалъ, заявленій турецкаго посланника въ Лондонѣ относительно предполагаемыхъ проектовъ реорганизаціи турецкаго управленія, считая ихъ не болѣе какъ „конфиденціальными сообщеніями великаго визиря великобританскому правительству“ и признавая только официальную циркулярную ноту Савфеть-паши ¹⁾, редактированную *ad usum delphini* адвокатомъ Порты, г. Тариномъ. Такимъ образомъ, какъ я говорю въ своемъ нисъмѣ къ канцлеру изъ Вѣны, отъ 13/25 марта, въ торжественномъ актѣ, коимъ должна была завершиться дипломатическая кампанія европейскихъ державъ, обѣщанія, данныя Турціей на конференціи и тогда же неодобренныя Европой въ лицѣ ея уполномоченныхъ, которые признали ихъ призрачными и недостаточными, были еще болѣе уменьшены. „Подъ впечатлѣніемъ единодушныхъ и настоятельныхъ требованій представителей державъ, турецкіе уполномоченные заявили тогда, что

¹⁾ Савфеть-паша турецкій политическій дѣятель (1815—1883). Въ декабрѣ 1873 года былъ представителемъ Турціи въ константинопольской конференціи, въ іюль 1877 года вышелъ въ отставку вслѣдствіе разногласій съ великимъ визиремъ Эдхемомъ-пашей по вопросу о мирѣ съ Россіей. Въ началѣ 1878 г. назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, велъ переговоры съ русскими уполномоченными и подписалъ Санъ-Стефанскій договоръ. П. В.

они на все согласны въ принципъ, за исключеніемъ учрежденія контрольной комиссіи и назначенія вали съ согласія державъ“. Въ томъ же письмѣ я обращалъ вниманіе канцлера на то, что въ редакціи, выработанной Дерби и Шуваловымъ, было „три совершенно неприемлемыхъ параграфа: въ первомъ говорилось о правилахъ для жандармеріи, переданныхъ г. Пакеру (англійскому офицеру, состоящему на турецкой службѣ, весьма враждебно настроенному въ Россіи) для его ознакомленія; во второмъ о раздѣленіи коммунъ на кантоны (что представляетъ бессмыслицу, такъ какъ кантоны больше коммунъ), наконецъ, въ третьемъ идетъ рѣчь о мѣрахъ, изданныхъ съ соизволенія и съ одобренія нашего августѣйшаго монарха, при чемъ подъ этимъ подразумѣвается султанъ“.

Гр. Шуваловъ призналъ эти замѣчанія основательными и согласился, при свиданіи съ гр. Дерби на другой день (въ субботу) въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ потребовать, чтобы изъ измѣненнаго имъ проекта протокола было исключено все, относящееся до турецкой конституціи, а равно и вышеупомянутые три удивительные параграфа предложивъ замѣнить перечисленіе реформъ обѣщанныхъ Турціей, что придавало обязательствамъ Порты болѣе ограничительный смыслъ, одной общей, туманной фразой.

„Я старался такимъ образомъ, какъ я и говорю въ вышеупомянутомъ письмѣ, „спасти“ насколько возможно значеніе „протокола, который постепенно былъ обезцѣненъ и оказался „гораздо ниже краткаго заключенія, представленнаго конференціи „представителями державъ, какъ ихъ послѣднее слово. Впрочемъ, мнѣ не было надобности входить съ гр. Дерби въ обсужденіе этого вопроса по существу, ибо, какъ замѣтилъ мой „коллега ¹⁾ „его рѣшеніе зависѣло всецѣло отъ вашего сѣятельства, и намъ надобно было только ожидать вашего отвѣта на „сообщенія графа Шувалова, посланныя въ Петербургъ“.

И дѣйствительно, не желая показать, что я не одобряю дѣйствій моего коллеги и что политика Императорскаго кабинета двойственна, я ограничился при свиданіи съ Дерби, на другой день, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, указаніемъ лишь на редакціонные промахи, особенно рѣзко бросавшіеся въ глаза, сдѣлавъ это какъ бы отъ себя лично, и настаивалъ только на безусловной необходимости замѣнить перечисленіе обѣщанныхъ

¹⁾ Какъ только онъ увидѣлъ, что я настаиваю на своихъ взглядахъ и не прихожу въ восторгъ отъ того, что было сдѣлано въ Лондонѣ.

Прим. авт.

турками жалкихъ реформъ общей фразой, въ духѣ постановленій конференціи и доказывалъ, что выраженія, употребленныя турками, могли породить въ будущемъ одни недоразумѣнія. Лордъ Дерби согласился на это, впрочемъ не безъ колебаній. Его манера вести переговоры чрезвычайно не правилась мнѣ. Англійскій министръ плохо зналъ французскій языкъ, не былъ въ курсѣ Восточныхъ дѣлъ и, будучи слабохарактеренъ, нерѣшителенъ и робокъ, заставлялъ переводить по-англійски всякую фразу, которую ему предлагали, и исправлялъ ее согласно съ замѣчаніями, сдѣланными его бюро, которымъ онъ сообщалъ всѣ дѣлаемые ему предложенія, а они возвращали ихъ съ замѣчаніями и иной разъ съ приложеніемъ документовъ, взятыхъ изъ дѣлъ. Измѣняя такимъ образомъ англійскую редакцію до тѣхъ поръ, пока она не соответствовала предвзятымъ мнѣніямъ бюро министерства иностранныхъ дѣлъ по Восточному вопросу, гр. Дерби говорилъ добродушно, что то или другое мѣсто очень хорошо именно такъ и что остается только перевести его дословно на французскій языкъ...

Выведенный изъ терпѣнія этимъ наборомъ неудобоваримыхъ французскихъ фразъ, я не выдержалъ и сказалъ, что это „не по-французски, это какая-то тарабарщина“ и предупредилъ своего коллегу, что я никогда не подпишу актъ „сфабрикованный такимъ образомъ“. „Между тѣмъ настроеніе англійскаго „министра иностранныхъ дѣлъ было довольно благопріятно „для насъ и, говорилось въ моемъ письмѣ отъ 18/25 марта, „была даже надежда что его удастся убѣдить мало-по-малу „подписать, хотя измѣненный, но болѣе приличный протоколъ, „какъ вдругъ наши переговоры наткнулись на подводный ка- „мень, коимъ оказалась демобилизація нашей арміи ¹⁾. У лорда „Дерби сложился повидимому съ самаго начала перегово- „ровъ съ нашимъ посланникомъ ошибочный взглядъ, будто мы „ставимъ демобилизацію въ зависимость отъ подписанія про- „токола ²⁾, коимъ закончились бы возникшія осложненія“.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ былъ поднятъ необдуманно и долго обсуждался гр. Шуваловымъ и лордомъ Дерби. Русскій посолъ въ Лондонѣ повидимому хотѣлъ, чтобы и я принялъ на себя долю отвѣтственности за это, и рассчитывалъ, застигнувъ меня врасплохъ, не встрѣтить съ моей стороны слишкомъ большого противодѣйствія къ тому, чтобы дать таковыя обѣщанія англійскому кабинету; поэтому во время нашего свиданія онъ самъ повелъ разговоръ о разоруженіи.

²⁾ Маркизь Салисбюри прямо сказалъ это во время нашей бесѣды въ Гатфизлдѣ, удивленный повидимому тѣмъ, что я не раздѣлялъ взгляда, который онъ считалъ взглядомъ петербургскаго кабинета. *Прим. авт.*

Между тѣмъ я считалъ весьма важнымъ „избѣжать всякихъ „недоразумѣній по этому поводу и предупредить обвиненія, подобныя тѣмъ, какія были выставлены противъ насъ Англiей послѣ взятія Хивы“¹⁾. Поэтому обсудивъ вопросъ довольно поверхностно въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ присутствіи моего коллеги, я воспользовался въ тотъ же день случаемъ на обѣдѣ и на вечерѣ у Дерби и повѣдкой съ нимъ въ вагонѣ въ Виндзоръ во вторникъ 8 числа, чтобы коснуться откровенно этого вопроса и постараться разсвѣять заблужденіе, будто протоколъ обязываетъ насъ „покончить съ Восточнымъ вопросомъ“²⁾.

„Для насъ, сказалъ я, онъ будетъ оконченъ лишь съ дѣйствительнымъ улучшеніемъ участи христіанъ. Но весьма мало вѣроятія, чтобы онъ существенно измѣнился съ подписаніемъ „протокола, который является для насъ не болѣе какъ логическимъ исходомъ конференціи, коль скоро не хотятъ прибѣгнуть къ немедленному коллективному выступленію. Я обрисовалъ лорду Дерби истинное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ: отсутствіе настоящихъ государственныхъ людей, слабость центральнаго правительства и невозможность рассчитывать при подобныхъ условіяхъ на серьезныя реформы. Кромѣ того, такъ какъ наша армія представляла могучую охрану христіанъ, то ее нельзя было отозвать съ границы до тѣхъ поръ, пока орды башибузуковъ будутъ вооружены, угрожая жизни и имуществу этихъ несчастныхъ народовъ. Одна надежда на нашу демобилизацію, если бы мы согласились на нее въ Лондонѣ, сильно увеличила бы хвастливость турокъ и повергла бы въ отчаяніе христіанъ, положеніе которыхъ сдѣлалось бы еще болѣе небезпечнымъ“³⁾. Англiя“, говорилъ я лорду Дерби, „имѣетъ

¹⁾ Англичане утверждаютъ, будто Шуваловъ обѣщалъ въ свое время что наши войска не вступятъ въ Хиву. Между тѣмъ онъ былъ уполномоченъ объявить одно — что мы не помышляемъ о завоеваніи города Хивы.

²⁾ Подобный взглядъ могъ возникнуть только въ умѣ людей, не имѣющихъ никакого понятія о дѣлахъ Востока вообще и судящихъ очень поверхностно объ историческихъ событіяхъ и объ интересахъ отдѣльных народовъ. Къ несчастью, гр. Шуваловъ также смотрѣлъ на Восточный вопросъ какъ на предметъ роскоши, очень скучный для тѣхъ которые имъ не увлекаются и который могъ бы не тревожить болѣе европейскія державы, если бы такіе страстные „поборники славянства“, какъ я, перестали имъ заниматься. Онъ не скрывалъ своего взгляда отъ англичанъ.

Прим. авт.

³⁾ Событія доказали, что я былъ правъ, такъ какъ Муссурусъ-паша успѣшилъ сообщить изъ Лондона, что Англiя хочетъ добиться отъ

„только два средства произвести на турокъ давленіе съ цѣлью
 „добиться, чтобы турки дѣйствительно приступили къ осущест-
 „вленію реформъ, и обезпечить безопасность христіанъ. Эти
 „средства суть: англійскій флотъ, къ содѣйствию котораго импе-
 „раторское правительство, съ полнымъ безкорыстіемъ, предла-
 „гало прибѣгнуть еще осенью, во время миссіи гр. Сумарокова-
 „Эльстона въ Вѣну. И русская армія, сосредоточенная на турец-
 „кой границѣ. Эта армія представляетъ значительный капи-
 „талъ, проценты съ коего Россія имѣетъ право требовать. Я
 „спросилъ, наконецъ, своего собесѣдника, какими гарантіями
 „онъ рассчитываетъ замѣнить русскія войска, если бы они,
 „какъ ему хотѣлось, возвратились къ своимъ очагамъ; и заявилъ,
 „что, не касаясь вопроса о нашемъ достоинствѣ, которымъ мы
 „не можемъ поступиться, нелогично было бы измѣнить роли
 „и потребовать гарантій отъ насъ прежде, нежели отъ Турціи.
 „Кромѣ того, такъ какъ миръ съ Черногоріей еще не подпи-
 „санъ, то намъ приходится по неволѣ стоять подъ ружьемъ,
 „соотвѣтственно съ деклараціей, сдѣланной на конференціи съ
 „согласія маркиза Салисбюри. Мы не могли приступить къ
 „демобилизаціи, не имѣя достаточнаго повода для столь важ-
 „наго шага, который вѣдѣмъ уже не могъ бы быть измѣненъ.
 „Наконецъ, что касается общественнаго мнѣнія и требованій
 „парламентарнаго строя, на которыя всегда ссылаются въ Англій,
 „желая доказать намъ крайнюю необходимость для англійскаго
 „кабинета одержать дипломатическій успѣхъ, хотя бы на нашъ
 „счетъ, то и у насъ, въ Россіи, надобно считаться съ обще-
 „ственнымъ мнѣніемъ, которое въ данный моментъ очень воз-
 „буждено и хотя высказывается не такъ шумно, но требуетъ,
 „чтобы съ нимъ считались. Въ Россіи никогда не поймутъ,
 „чтобы войска могли быть распущены въ силу обязательства, при-
 „нятаго по отношенію къ иностранной державѣ, и увидятъ въ
 „этомъ вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Наконецъ, я
 „высказалъ графу Дерби надежду, что онъ найдетъ удовлетво-
 „рительными тѣ искреннія и исчерпывающія объясненія, кото-
 „рыя я ему далъ съ цѣлью установить между нами полнос-
 „согласіе, безъ всякихъ недоразумѣній и безъ той подозри-

Россіи демобилизаціи ея арміи и находить справедливымъ сохранить въ этомъ дѣлѣ полное равенство; это поощрило Эдхемъ-пашу и Порту упорствовать въ своемъ сопротивленіи волѣ державъ и даже отвергнуть протоколъ, что и было подтверждено мнѣ во время переговоровъ въ Санъ-Стефано нѣсколькими турецкими сановниками.

Прим. авт.

„тельности, съ какою къ намъ отнеслись въ среднеазиатскихъ дѣлахъ. Мои доводы и все мною сказанное видимо произвелъ впечатлѣніе на лорда Дерби, признавшаго полную откровенность и лояльность моихъ словъ“.

„Онъ готовъ былъ даже признать справедливость большей части сдѣланныхъ мною замѣчаній, но сослался на то, что английскому министру было бы невозможно оправдать передъ парламентомъ принятіе протокола, который обязывалъ турокъ разоружиться, если бы это не имѣло послѣдствіемъ немедленной демобилизаціи русской арміи. Чтобы отвѣтить что-нибудь на это возраженіе, я предложилъ ему, оговорившись, что это было мое личное мнѣніе, исключить изъ протокола то мѣсто, гдѣ говорилось о разоруженіи Турціи; при этомъ я замѣтилъ, что мы будемъ вынуждены уладить вопросъ о разоруженіи непосредственно съ самой Портой, съ глаза на глазъ, что, быть можетъ, покажется не совсѣмъ удобнымъ съ точки зрѣнія западныхъ державъ“.

„Къ сожалѣнію, робкій и нерѣшительный лордъ Дерби не могъ дѣйствовать твердо и энергично, какъ подсказывалъ ему его ясный умъ, и онъ подчинился вліянію министерскихъ бюро, проникнутыхъ руссофобскими тенденціями.“

„Довольно продолжительная бесѣда, которую я имѣлъ въ Гатфильдѣ, у маркиза Салисбюри, съ лордомъ Тендертономъ, вторымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на дѣла, показала мнѣ какъ нельзя лучше, какія почти непреодолимыя трудности приходилось побѣдить английскому министру съ характеромъ лорда Дерби, чтобы подписать протоколъ въ духѣ нашихъ идей. Надобно было только удивляться упорству, съ какимъ лордъ Тендертонъ настаивалъ на томъ, что Англія не можетъ подписать протокола до того, какъ мы обязуемся демобилизовать армію. Онъ настаивалъ на томъ, что великобританскій кабинетъ согласился, съ самаго начала, обсуждать этотъ актъ лишь при условіи: 1-е, что державы будутъ дѣйствовать согласно, 2-е, если этотъ дипломатическій актъ не потребуетъ немедленнаго принятія понудительныхъ мѣръ противъ турокъ и 3-е, если Россія согласится разоружиться. Напрасно старался я доказать моему собесѣднику, что эти вопросы не находятся ни въ какой зависимости между собой ¹⁾. Признавая всю силу моихъ доводовъ

¹⁾ Это недоразумѣніе показываетъ, что вопросъ съ самаго начала былъ поставленъ въ Лондонѣ неправильно, и что гр. Шуваловъ, выкнувъ издавна относиться почтительно къ мнѣнію англичанъ и ино-

„съ русской точки зрѣнія, лордъ Тендертонъ заявилъ, что въ „основъ англійской политики отнюдь не лежатъ требованія простой „логики, а исключительно интересы Англии и требованія парла- „ментарнаго строя. Желаніе оказать помощь христіанамъ также „не могло повліять на рѣшенія англійскаго кабинета. По его „словамъ, англійская политика столь же мало заботится о „пустомъ вопросѣ объ ея достоинствѣ, какъ и о дипломатиче- „скихъ успѣхахъ подобныхъ подписанію Лондонскаго прото- „кола“¹⁾.

„Почти то же самое, хотя въ нѣсколько болѣе приличной „и любезной формѣ, я услышалъ изъ устъ лорда Дерби, когда „я пріѣхалъ къ нему съ гр. Шуваловымъ, чтобы сообщить объ „измѣненіяхъ, сдѣланныхъ вашимъ сіятельствомъ въ предпола- „гаемомъ текстѣ протокола, присланномъ изъ Лондона. Заранѣе „предвидя большую часть этихъ поправокъ, я уже и самъ „пытался сдѣлать ихъ, но гр. Дерби уклонился отъ подробнаго „обсужденія редакціи протокола, отговариваясь тѣмъ, что на „засѣданіи совѣта министровъ, состоявшемся въ то утро, было „рѣшено, что соглашеніе о демобилизаціи должно *предшество-* „*вать* подписанію протокола“.

Это вызвало довольно оживленную бесѣду, въ которой при- нялъ горячее участіе гр. Шуваловъ; ему повидимому было очень досадно, что дѣло приняло оборотъ, который онъ старался скрыть какъ отъ императорскаго кабинета, такъ и отъ своего константинопольскаго коллеги, очевидно съ цѣлью облегчить соглашеніе съ англійскимъ министерствомъ. Я рѣшительно отка- зался отъ обсужденія вопроса о русской демобилизаціи и за- явилъ какъ гр. Дерби, такъ и гр. Шувалову, что я уѣзжаю въ Вѣну, такъ какъ при этихъ условіяхъ мнѣ нечего дѣлать въ Лондонѣ и что я никогда не подпишу протокола, измѣненнаго

странцевъ вообще, и совершенно не уважать мнѣній Россіи, не выска- залъ опредѣленно нашей точки зрѣнія и не поддерживалъ ее, точно также какъ онъ поступалъ во время переговоровъ о Хивѣ и въ періодъ, про- текшій между заключеніемъ Санъ-Стефанскаго мира и Берлинскимъ конгрессомъ.

Прим. авт.

¹⁾ Я попытался тронуть англійскихъ дипломатовъ тѣмъ, что достоин- ство державъ и въ особенности Англии, по почину которой была созвана конференція, не позволяетъ примириться съ отказомъ Порты послѣ тор- жественнаго заявленія, сдѣланнаго на послѣднемъ засѣданіи конференціи, и что торійское министерство могло бы гордиться тѣмъ, что оно пере- несло центръ тяжести переговоровъ въ Лондонъ и завершило ихъ под- писаніемъ протокола.

Прим. авт.

столь страннымъ образомъ. Я вынесъ изъ этой бесѣды впечатлѣніе, что „протоколъ не будетъ подписанъ статсъ-секретаремъ, „если не будетъ найдена такая редакція, которая удовлетворила „бы до извѣстной степени требованія гр. Дерби относительно „демобилизаціи“. Сообщая объ этомъ канцлеру изъ Вѣны, я „присовокупилъ: „Вашъ отвѣтъ могъ бы быть переданъ по „телеграфу нашему посланнику въ Лондонъ, который сообщилъ „бы его министру иностранныхъ дѣлъ. Послѣдній, со своей „стороны, могъ бы дать обязательство предъявить это сообщеніе „палатамъ только тогда, когда демобилизація совершится въ „срокъ, назначенный нашимъ августѣйшимъ монархомъ, сооб- „разно съ его собственными видами“. Это была мысль гр. Шувалова, которая мнѣ не нравилась, но которую я передалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ канцлеру, исполняя просьбу гр. Шувалова, на которой онъ очень настаивалъ, захвативъ въ Claridge Hôtel во второмъ часу ночи проститься со мною передъ моимъ отъѣздомъ въ Парижъ; онъ просилъ меня остаться въ Лондонъ еще нѣсколько дней, чтобы помочь ему въ переговорахъ съ англійскими министрами.

Я былъ увѣренъ въ томъ, что было бы гораздо лучше познакомить англійское правительство нѣсколько раньше, — какъ это было рѣшено въ Петербургѣ, когда на меня возложили извѣстную миссію — съ нашимъ первоначальнымъ проектомъ, когда онъ еще не былъ искаженъ поправками, которыя были сдѣланы въ немъ, чтобы облегчить соглашеніе съ Англіей и категорически устранить съ самаго начала всякія пренія по вопросу о демобилизаціи, какъ это было въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Сдѣланные нами шаги привели бы въ такомъ случаѣ къ болѣе удовлетворительному результату, и мысль о двухъ противорѣчивыхъ деклараціяхъ не могла бы возникнуть.

Бесѣдуя съ видными англійскими дѣятелями, съ которыми я встрѣчался въ Гатфильдѣ и въ Лондонѣ, всякій разъ какъ заходила рѣчь о Восточномъ вопросѣ и о протоколѣ, я говорилъ съ ними въ томъ же духѣ, какъ съ лордомъ Дерби и съ маркизомъ Салисбюри. Разумѣется, этотъ тонъ и эти аргументы не могли нравиться людямъ, стоящимъ у власти, которые предпочитали покладистый космополитизмъ Шувалова, тѣмъ болѣе, что онъ отнюдь не скрывалъ своего отвращенія къ Восточнымъ дѣламъ вообще и къ болгарамъ, сербамъ и черногорцамъ въ особенности. Гр. Шуваловъ хотѣлъ, чтобы я былъ одного мнѣнія съ нимъ, и былъ очень разсерженъ, читая мои

письма, коварно посланныя ему княземъ Горчаковымъ ¹⁾, которыя, невольно для ихъ автора, заключали косвенно самую жестокую критику его взглядовъ, его образа мыслей и его руководства нашими дѣлами въ Англии.

Гр. Шуваловъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы заставить меня быть солидарнымъ съ нимъ въ переговорахъ съ англійскими министрами, дабы исторгнуть у императора уступки, что дало бы ему возможность подписать международный актъ, и объявить себя впоследствии спасителемъ европейскаго мира, который „генералъ Игнатъевъ едва не погубилъ своимъ панславянскимъ усердіемъ“ и „отсутствіемъ европейскаго такта“. Для доказательства этого достаточно будетъ привести ниже слѣдующую телеграмму, посланную гр. Шуваловымъ канцлеру 6 марта, въ то время какъ я былъ въ Гатфильдѣ ²⁾, въ отвѣтъ на вопросъ канцлера, который колебался и хотѣлъ имѣть характеристику бывшаго русскаго посланника въ Константинополь:

„Мой коллега вернется изъ Гатфильда завтра утромъ; передамъ ему телеграмму, на которую онъ отвѣтитъ лично. Изъ нашихъ бесѣдъ заключаю, что онъ раздѣляетъ мое мнѣніе. (Шифровано). Вчера мы, втроемъ съ Дерби, вновь обсуждали протоколъ. Игнатъевъ возражалъ энергично только противъ перечисленія реформъ, ибо это уничтожило бы въ глазахъ турокъ обязательный характеръ другихъ обѣщаній, данныхъ ими на конференціи. Игнатъевъ видимо убѣжденъ, что здѣсь нельзя добиться ничего больше. (Конецъ шифра). Мой курьеръ будетъ у васъ въ субботу вечеромъ“ ³⁾.

Въ виду такихъ поступковъ моего коллеги, я рѣшилъ ничего не писать канцлеру изъ Англии. Впрочемъ, я не имѣлъ даже къ тому и физической возможности; мнѣ приходилось дѣлать и принимать множество визитовъ, а остальное время я проводилъ въ обществѣ супруговъ Салисбюри. Но, поставленный въ затруднительное положеніе безцеремонностью Шувалова и боясь, что кн. Горчаковъ съ восторгомъ пойметъ телеграмму посла

¹⁾ Начиная съ 1876 г. канцлеръ держался такой тактики: онъ возбуждалъ насъ съ гр. Шуваловымъ другъ противъ друга, поддерживая между нами соперничество, потому, что онъ считалъ насъ обоихъ кандидатами на свой постъ и старался насъ унижить. Точно также онъ дѣйствовалъ въ отношеніи гр. Киселева, бар. Брунова и бар. Будберга. Словомъ, онъ хотѣлъ устранить отъ дѣлъ и парализовать всѣхъ посланниковъ, имѣвшихъ опредѣленную фізіономію и отличающихся независимымъ характеромъ.

²⁾ Гр. Шуваловъ старательно избѣгалъ бывать въ Гатфильдѣ въ то время, какъ я жилъ тамъ, боясь скомпрометтировать себя въ глазахъ англичанъ или своихъ соотечественниковъ.

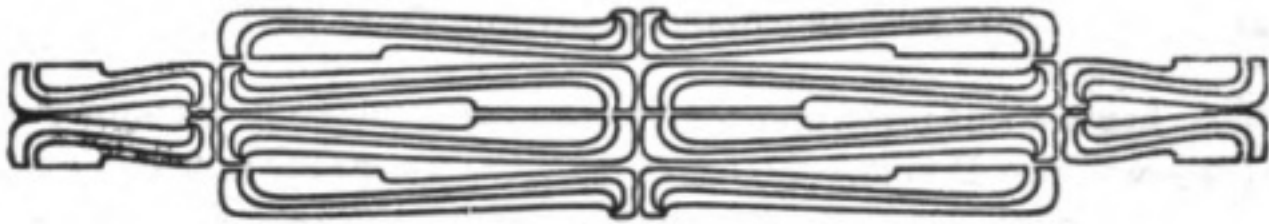
³⁾ Курьеръ, котораго онъ послалъ, такъ сказать, украдкой отъ своего коллеги, не ознакомивъ его съ посланными имъ донесеніями. *Прим. автора.*

буквально и не потрудится обсудить дѣло по существу, я послалъ ему слѣдующую телеграмму, какъ только узналъ о депешѣ, отправленной Шуваловымъ (т. е. черезъ день послѣ ея послыки): „8/20 марта, Лондонъ. Ознакомившись съ отвѣтомъ моего коллеги на Вашу телеграмму, (шифромъ) я считаю „необходимымъ, въ текстѣ протокола, „послѣ фразы: „реформы „въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи“, прибавить: „которыя „были намѣчены конференціей“, чтобы этимъ хоть *нѣсколько* „возстановить текстъ протокола и указать на его связь съ „конференціей“. Изъ моихъ бесѣдъ съ людьми разныхъ партій „вытекаетъ, что есть основаніе опасаться, какъ бы Англія „послѣ подписанія протокола не сочла всякое осложненіе „на Востокѣ результатомъ коварства съ нашей стороны. „Зная, что протоколъ нѣсколько не измѣнитъ положеніе дѣлъ „въ Турціи, я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, что нашъ отвѣтъ „*требуетъ зрѣлаго обсужденія*. Такъ какъ мы не допускаемъ „мысли о какихъ-либо формальныхъ обязательствахъ относи- „тельно демобилизаціи, въ особенности до тѣхъ поръ, пока не „будетъ обезпеченъ миръ съ Черногоріей и пока не будетъ „гарантирована безопасность христіанъ, пожалуй лучше было бы „совершенно исключить изъ протокола параграфъ, касающійся де- „мобилизаціи турецкой арміи. (Конецъ шифра). „Тѣду въ Вѣну, въ „четвергъ рассчитываю вернуться (въ Петербургъ) черезъ „недѣлю“.

Этой телеграммой я какъ бы опровергалъ, въ приличной формѣ, солидарность, которую гр. Шуваловъ старался установить въ глазахъ императорскаго кабинета между его взглядами и моими, и давалъ понять канцлеру, что протоколъ потерялъ всякое значеніе и могъ сдѣлаться для христіанъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ; не затрогивая его честолюбія и обидчивости, я какъ бы совѣтовалъ ему *зрѣло обдумать* вопросъ прежде, нежели согласиться на лондонскія предложенія, тѣмъ болѣе, что время терпѣло и, вернувшись черезъ недѣлю, я могъ бы изложить ему свои впечатлѣнія лично, т. е. набросать картину настроеній, господствующихъ при различныхъ дворахъ, которыя слѣдовало тщательно изучить прежде, нежели сдѣлать рѣшительный шагъ, который могъ насъ компрометтировать. Но это ни къ чему не повело. Канцлеръ принялъ предложенія гр. Шувалова до моего возвращенія, не дожидаясь объясненій, которыя я могъ ему представить.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей.

I.

Со временъ знаменательныхъ историческихъ поѣздокъ великаго преобразователя Московскаго государства въ европейскія страны, путешествіе державныхъ повелителей Россійской имперіи за предѣлы отечества, съ цѣлью личнаго ознакомленія съ порядками иноземныхъ государствъ и поддержанія дружественныхъ отношеній съ ихъ коронованными правителями, вошло очень скоро въ обычай, ставшій затѣмъ какъ-бы обязательнымъ для вѣнценосныхъ главъ величайшей славянской монархіи. Исключеніе дѣлали только четыре императрицы, царствовавшія въ XVIII-томъ столѣтіи, и императоръ *Павелъ I*, но послѣдній не успѣлъ по восшествіи на престолъ завершить начатое имъ еще наслѣдникомъ путешествіе по Европѣ посѣщеніемъ вновь всѣхъ иностранныхъ государствъ, но уже въ качествѣ самодержца Россіи.

Ничего удивительнаго или непонятнаго въ этомъ проявляемомъ впослѣдствіи пристрастіи русскихъ императоровъ къ заграничнымъ поѣздкамъ не было. Они имѣли не мало вѣскихъ и побудительныхъ причинъ, изъ коихъ географическое положеніе Россіи и ея столицы играли первенствующую роль. Петербургъ, Москва, какъ и вся наша имперія, находились далеко въ сторонѣ отъ обычныхъ и стародавнихъ путей, по которымъ шло съ незапамятныхъ временъ сообщеніе между народами. Громадныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ Европы и большинства культурныхъ ея центровъ, отражались крайне неблагоприятно на многихъ государственныхъ дѣлахъ. Если при-

мѣрно важное политическое извѣстіе, посланное спеціальнымъ курьеромъ изъ Парижа доходило до Лондона въ 3 дня, до Берлина въ 6 дней и до Вѣны 7 дней,—то для доставленія того же извѣстія въ Петербургъ требовалось болѣе двухъ недѣль, другими словами, въ Лондонъ, Берлинъ, Вѣну, Римъ и Мадридъ всѣ парижскія свѣдѣнія приходили на 10—14 дней раньше, нежели въ Петербургъ.

Чтобы быть—какъ французы говорятъ—болѣе „ad congnant“ относительно важнѣйшихъ политическихъ событій и конъюнктуръ, русскіе самодержцы вынуждены были чаще другихъ государей посѣщать чужія страны, дабы посредствомъ личныхъ наблюденій и сношеній удостовѣриться въ безошибочности донесеній, получаемыхъ ими отъ спеціальныхъ уполномоченныхъ и пословъ.

Насколько положеніе русскихъ царей, обусловленное главнымъ образомъ дальностью разстояній, разнилось отъ положенія другихъ монарховъ въ смыслѣ необходимости періодическаго посѣщенія иностранныхъ дворовъ, видно изъ сопоставленія многочисленныхъ поѣздокъ русскихъ государей за истекшее столѣтіе съ тѣми рѣдчайшими посѣщеніями петербургскаго двора иностранными монархами, которыя отмѣчены въ хроникѣ политическихъ событій.

Императоръ *Александръ I* былъ за все время своего царствованія разъ 7 въ Берлинѣ, раза 4 въ Вѣнѣ, 2 раза въ Парижѣ и 1 разъ въ Лондонѣ. Изъ всѣхъ 4-хъ чужестранныхъ монарховъ, принимавшихъ русскаго императора въ стѣнахъ своей столицы одинъ только прусскій король *Фридрихъ Вильгельмъ III* посѣтилъ *Александра I* въ 1809 году въ Петербургѣ и то только послѣ перенесенныхъ имъ въ Тиль-итѣ и Эрфуртѣ неслыханныхъ униженій.

Особенную страсть къ заграничнымъ путешествіямъ проявилъ императоръ Николай I. Несмотря на неудобства и томи-тельно долгое время, съ которыми связано было въ ту пору странствованіе не только по Россіи, но и по Европѣ, русскій государь любилъ самоличное испытаніе впечатлѣній, происшедшихъ отъ перемѣны мѣста жительства, климата и прочихъ условій повседнежнаго быта. Не въ примѣръ всѣмъ царствовавшимъ одновременно съ нимъ европейскимъ монархамъ, императоръ *Николай I* былъ, судя по отзывамъ весьма компетентныхъ въ своихъ сужденіяхъ иностранцевъ, очень любознательнымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. Лица, имѣвшія за

границей случай войти въ непосредственное сношеніе съ *Николаемъ Павловичемъ* и удостоиться чести бесѣдовать съ нимъ, приходили въ неописуемый восторгъ отъ обаятельной личности русскаго императора. Онъ поражалъ всѣхъ быстротой соображеній и мѣткостью своихъ критическихъ сужденій, соблюдая однако чисто рыцарскую вѣжливость и деликатность при разногласіи съ чужимъ мнѣніемъ.

Начиная съ 1814 г. вплоть до начала севастопольской кампаніи, т. е. въ продолженіе 40 лѣтъ гегемонія въ Европѣ принадлежала неоспоримо Россіи. Принимая въ соображеніе абсолютно-самодержавный, ультра-монархическій строй русскаго государства и выдающіяся интеллектуальныя качества императора *Николая I*, послѣдній могъ съ гораздо большей логической убѣдительностью и юридической послѣдовательностью, нежели *Людовикъ XIV*, сказать про себя: „L'état c'est moi“, между тѣмъ *Николай Павловичъ* никогда и нигдѣ за границей не подчеркивалъ своего исключительно высокаго положенія и грозную мощь русскаго государства. Всюду, гдѣ онъ появлялся неофициально, или полу-инкогнито, въ его манерахъ сквозило, при всей ихъ простотѣ и непринужденности, изысканное, врожденное благородство, съ отбѣнкомъ царскаго величія.

Еще въ царствованіе *Екатерины II* русскимъ посланникамъ вмѣнялось въ обязанность касаться въ своихъ донесеніяхъ не однихъ только политическихъ событій, но и сообщать о всѣхъ новыхъ явленіяхъ въ области литературы, науки и искусства. Императоръ *Николай I*, живо интересовавшійся всѣми произведеніями на художественномъ поприщѣ, напомнилъ при случаѣ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи и сталъ получать періодическія извѣщенія о современномъ положеніи наиболѣе интересовавшихся его отраслей европейскаго искусства.

Благодаря, должно-быть, донесенію русскаго посланника при королевскомъ саксонскомъ дворѣ, императоръ *Николай Павловичъ* возымѣлъ желаніе побывать въ Дрезденѣ, гдѣ находилась одна изъ лучшихъ и богатѣйшихъ картинныхъ галлерей въ Европѣ и гдѣ недавно отстроены были новый великолѣпный придворный театръ, о художественной красотѣ котораго въ нѣмецкихъ газетахъ отзывались съ восторженной похвалой. Имя архитектора *Готфрида Семпера* стало сразу знаменитымъ во всей средней Европѣ. Пріѣздъ императора *Николая I* состоялся лѣтомъ 1845 года. Въ своемъ предварительномъ извѣщеніи русскій царь просилъ саксонскаго короля, симпатичнѣйшаго изъ всѣхъ когда-

либо царствовавшихъ въ Германіи королей, *Фридрихъ Августъ II*¹⁾ не устраивать никакихъ парадныхъ и торжественныхъ встрѣчъ. *Императору Николаю* хотѣлось побывать запросто и безъ всякихъ официальныхъ стѣсненій въ Дрезденѣ. Условились, что русскій государь пріѣдетъ въ Пильницъ (лѣтнюю резиденцію саксонскаго двора, находящуюся въ разстояніи двухчасовой ѣзды отъ Дрездена на правомъ берегу Эльбы). Тамъ состоится официальный пріемъ, и оттуда знатный русскій гость будетъ навѣщать саксонскую столицу, для обозрѣнія музеевъ, картинной галлерей и прочихъ достопримѣчательностей.

II.

О прибытіи русскаго императора въ Пильницъ жители Дрездена не были извѣщены. Газетамъ приказано было хранить до поры до времени молчаніе. Саксонское правительство было сильно озабочено появленіемъ *Николая I* въ Дрезденѣ и его окрестностяхъ.

Въ Германіи жило не мало русскихъ эмигрантовъ, родственниковъ декабристовъ. Въ самомъ Дрезденѣ находились кружки польскихъ революціонеровъ, поселившихся тамъ послѣ подавленія кроваваго возстанія 1831 года и мечтавшихъ лишь о скоромъ возмездіи и возрожденіи Польши. Не удивительно, если дрезденская полиція, стараясь незамѣтно принять всевозможныя предосторожности для охраны и личной безопасности русскаго государя, проявляла порою излишнюю нервность и чрезмѣрное усердіе въ преслѣдованіи своей благой цѣли. Тайные агенты стали ходить по пятамъ императора, возбуждая столь примитивнымъ способомъ охраны сильное неудовольствіе въ немъ. Тогда мѣра эта была тотчасъ же отмѣнена и агентамъ было строго на строго запрещено показываться на глазахъ царя.

Въ 1876 году авторъ этого очерка познакомился съ знаменитымъ художникомъ-скульпторомъ и профессоромъ дрезденской академіи художествъ Генелемъ (Hänel), создавшимъ из-

¹⁾ Трагическая кончина этого любезнѣйшаго и добрѣйшаго монарха опечалила въ 1854 году всю Германію. Страстный любитель природы, въ особенности, ботаники, король *Фридрихъ Августъ II* путешествовалъ лѣтомъ 1854 года въ Тиролю. Отправляясь изъ Боццена въ сопровожденіи адъютанта въ почтовой каретѣ въ окрестности, лошади, испугавшіяся упавшей съ горы каменной глыбы, понесли; король, желая выпрыгнуть изъ экипажа, упалъ, при чемъ лошадь ударила его копытомъ въ високъ, отъ чего послѣдовала моментальная смерть. М. С.

вѣстныя четыре аллегорическія группы, „Утро“, „День“, „Вечеръ“ и „Ночь“, украшающія лѣстницу, ведущую на Брюльскую террасу. Профессоръ *Гемель*, пользовавшійся уже въ 1845 году славой выдающагося скульптора, рассказалъ мнѣ слѣдующее про его случайную встрѣчу и знакомство съ императоромъ Николаемъ I въ Дрезденѣ: „Это было въ первой половинѣ іюня мѣсяца 1845 года“ началъ *Гемель* свой рассказъ.— „Около одиннадцати часовъ утра я выхожу изъ главнаго почтамта, куда зашелъ для отправки писемъ, и становлюсь въ нерѣшительности, куда мнѣ идти, у самаго угла почтамтской площади и Вальштрассе. Говоря откровенно, меня тянуло въ винный погребокъ, находившійся въ ста шагахъ отъ меня, куда я изрѣдка захаживалъ, чтобы позавтракать и выпить стаканчикъ хорошаго рейнвейну. Но съ другой стороны мнѣ необходимо было зайти по дѣламъ въ академію художествъ. Наконецъ „лукавый“ побѣдилъ, и я свернулъ въ Вальштрассе по направленію къ винному погребку. Не прошелъ я еще и 20 шаговъ, какъ вижу идущаго мнѣ навстрѣчу необычайно рослаго господина съ поразительно характерными чертами лица, большимъ прямымъ носомъ и громадными голубыми глазами, смотрѣвшими какъ-то спокойно величественно на все окружающее. Пораженный появленіемъ столь импозантной, мужественной фигуры, я сталъ разсматривать незнакомца, въ которомъ сразу можно было узнать знатнаго чужестранца. Безъ всякаго признака тучности шедшій господинъ былъ тѣмъ не менѣе атлетическаго сложенія, легкая походка свидѣтельствовала о громадномъ запасѣ жизненныхъ силъ, хотя по лицу можно было незнакомцу дать лѣтъ подъ 50. Одѣтъ былъ господинъ съ изысканной эlegantностью, но безъ малѣйшаго намека на франтовство. На немъ былъ синій, открытый спереди, короткій сюртукъ, темно-коричневый шелковый жилетъ съ вышитыми на немъ цвѣточками и сѣрыя брюки; на головѣ имѣлъ онъ цилиндръ, что увеличивало и безъ того высокій его ростъ. Въ правой рукѣ держалъ незнакомецъ тоненькую тросточку съ серебряной ручкой, а лѣвая, одѣтая въ перчатку, сжимала снятую съ правой руки. Поровнявшись съ незнакомцемъ, я только тутъ убѣдился, какъ высокъ былъ онъ ростомъ, я человекъ въ всякомъ случаѣ не маленькій, доходилъ ему какъ разъ только до ушей. Проходя мимо меня, господинъ этотъ взглянулъ пристально мнѣ въ лицо, точно всматриваясь своими большими выразительными глазами въ мои черты. Остановившись какъ-то невольно, я сталъ смотрѣть удалявшемуся незнакомцу въ слѣдъ, мнѣ казалось, что я это лицо

гдѣ-то уже видѣлъ, но не могъ припомнить, вѣдь тогда еще не было фотографій.

Тутъ я только замѣтилъ, что былъ не единственнымъ лицомъ, наблюдавшимъ съ любопытнымъ недоумѣніемъ за величественной фигурой незнакомца. Ко мнѣ подошло нѣсколько мужчинъ, знавшихъ меня очевидно по моей специальности съ вопросомъ: „профессоръ, скажите пожалуйста, кто этотъ господинъ?“ Я могъ только отвѣтить пожатіемъ плечъ, при чемъ рѣшился узнать во что бы то ни стало настоящую фамилію и званіе загадочной личности. Меня подзадоривалъ къ этому еще и художественный инстинктъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать набросъ фигуры и лица незнакомаго господина, ибо такихъ типичныхъ во всѣхъ отношеніяхъ личностей встрѣчаешь очень рѣдко въ своей жизни, нужно пользоваться случаемъ.

Съ этими мыслями я пошелъ за удалившимся незнакомцемъ.

Стараясь не попадать ему вновь на глаза, я плелся незамѣтно по другой сторонѣ улицы. Особое удовлетвореніе испытывалъ я, когда видѣлъ, какъ прохожіе останавливались и съ нескрываемымъ удивленіемъ провожали глазами громаднаго господина. Такъ дошли мы до Брюльской террасы. Незнакомецъ вошелъ быстрыми эластичными шагами на лѣстницу и, только добравшись до верхней ступеньки, снялъ шляпу, вытеръ шелковымъ платкомъ лобъ и перевелъ духъ. Погода стояла чудесная, было тепло, но не томительно жарко, какъ бываетъ въ концѣ іюля и въ августѣ. Оглянувшись немного, господинъ направился прямо къ кондитерской и кофейной Торніаменти, существовавшей уже въ ту пору около 100 лѣтъ. Небольшіе столики, разставленные подъ каштановыми деревьями, были совершенно еще пусты, у одного изъ нихъ и усѣлся незнакомецъ. Кондитерская Торніаменти прилегала одной стороной къ выставочному зданію академіи художествъ, я немедленно забѣжалъ туда и пробрался черными ходами въ самый домикъ кондитерской и расположился какъ разъ у окна, изъ котораго мнѣ хорошо были видны столикъ и вся фигура незнакомца. Только-что я вынулъ записную мою книжку и карандашъ, чтобы начать рисовать, какъ изъ-за буфета вышелъ въ сопровожденіи самого хозяина, мнѣ хорошо извѣстный инспекторъ тайной полиціи, криминальный совѣтникъ *Беме*, свѣшій противъ меня у другого окна и внимательно слѣдившій за господиномъ у столика. Тутъ меня сразу осѣнила мысль, что въ лицѣ незнакомца скрывается кто-нибудь изъ коронованныхъ особъ. Я сталъ быстро перебирать въ своей памяти

всѣхъ монарховъ и остановился наконецъ на императорѣ Николаѣ I. Конечно, говорилъ я самъ себѣ, это никто иной, какъ русскій царь.

Придя къ этому заключенію, я всталъ, подошелъ къ инспектору Беме и спросилъ шепотомъ: это императоръ Николай?— Испуганный начальникъ тайной полиціи приложилъ только съ умоляющимъ выраженіемъ лица палецъ къ губамъ, произнося лишь протяжное междометіе ш...ть. Тѣмъ временемъ *Николай Павловичъ* заказалъ себѣ у пожилого кельнера холодный завтракъ изъ разныхъ сортовъ жаркого и полъ-бутылки краснаго вина. Въ ожиданіи заказаннаго онъ попросилъ принести ему нѣмецкихъ и французскихъ газетъ и углубился въ ихъ чтеніе. Этимъ моментомъ я воспользовался и набросалъ въ своей книжкѣ портретъ его. Когда старый кельнеръ входилъ въ зданіе кондитерской и получалъ у буфета требуемыя гостемъ яства, инспекторъ *Беме* шепнулъ ему, чтобы онъ слѣдилъ какъ можно внимательнѣе за господиномъ. До святости глупый и наивный кельнеръ понялъ предостереженіе хорошо знакомаго ему начальника тайной полиціи по-своему и когда императоръ *Николай Павловичъ* вынулъ русскій полуимперіаль — весь завтракъ стоитъ около двухъ талеровъ — и бросилъ его на столъ съ намѣреніемъ удалиться, кельнеръ запротестовалъ вдругъ словами: „Nee gutester Herr Spielmarken als Bezahlung nehmen wir nicht an“. (Нѣтъ, милѣйшій господинъ, игральныя марки мы въ уплату не принимаемъ). Императоръ разсмѣялся и замѣтилъ, что у него другихъ денегъ нѣтъ. На это кельнеръ отвѣтилъ сухо: Na da muss ich den Herrn Polizeinspector holen“ (ну, тогда я долженъ позвать господина полицейскаго инспектора) и направился къ зданію кондитерской; войдя въ него, онъ обратился къ совѣтнику *Беме* съ просьбой заставить гостя платить настоящими деньгами, а не игральными марками, показавъ при этомъ полуимперіаль. Услыхавъ подобную ахиною, несчастный инспекторъ, схватившись за голову, прошипѣлъ только озадаченному кельнеру: Halten sie ihr ungewaschenes Maul, sie Esel“ (заткните вашу не мытую глотку, оселъ!) и убѣжалъ стремглавъ черезъ задній ходъ изъ кондитерской. При такихъ обстоятельствахъ я счелъ нужнымъ подойти къ императору (хозяинъ кондитерской куда-то ушелъ), такъ какъ онъ все еще чего-то ждалъ, стоя у столика, и объяснить ему, что недоразумѣніе съ полуимперіаломъ улажено. Пристально взглядываясь въ меня, государь спросилъ, кто я таковой; когда я назвалъ свою фамилію и званіе, черты лица его

замѣтно прояснились, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „очень радъ познакомиться съ вами, дорогой профессоръ, я давно уже слышалъ про васъ; ну теперь я понимаю, почему вы меня сидя тамъ за окномъ срисовывали“. При послѣднемъ замѣчаніи императора я чувствовалъ, какъ разлилась краска стыда по моему лицу. „Простите, Ваше Величество, промолвилъ я, профессиональное званіе художника подзадорило меня“. — Да не беспокойтесь пожалуйста, я ни малѣйшей претензіи не заявляю, а прошу только дозволенія взглянуть на свой портретъ. Скопфуженно вынулъ я свою книжку и показалъ набросокъ императору. Внимательно разсмотрѣвъ его, держа книжку на разныхъ отъ себя разстояніяхъ, онъ отдалъ мнѣ ее со словами: „да, вы крупный талантъ, вы владѣете безукоризненно техникой рисованія“. Взглянувъ на часы, императоръ спросилъ меня, не согласенъ ли я сопровождать его при посѣщеніи картинной галлерей.

На мой поклонъ и замѣчаніе, что я къ услугамъ его величества, онъ какъ-то бѣззавидно окликнулся и сказалъ въ полголоса: не называйте меня величествомъ, я здѣсь инкогнито и не желаю бы, чтобы меня публика узнала. Сегодня утромъ отпросился у милѣйшаго короля Фридриха Августа на полдня „со двора“, прибавилъ онъ съ очаровательной улыбкой; къ 6-ти часамъ я долженъ вернуться къ обѣду въ Пильницъ и этимъ временемъ хочу воспользоваться для осмотра картинной галлерей. Въ 4 часа меня ждетъ у Брюльской террасы специальный пароходъ, чтобы черезъ 2 часа доставить въ Пильницъ“. Такъ какъ оказался платный день, то въ картинной галлерей было очень мало публики, и императоръ чувствовалъ себя безъ всякаго стѣсненія. Я былъ удивленъ мѣткими замѣчаніями, сдѣланными русскимъ государемъ по поводу стиля, колорита и самаго сюжета многихъ первоклассныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Между прочимъ онъ относился очень скептически къ исторической живописи, находя ее въ большинствѣ случаевъ декоративной, ходульной, вымышленной или подкрашенной на подобіе продажной женщины. Дойдя подъ конецъ къ знаменитой Сикстинской мадоннѣ Рафаэля, онъ, глядя восторженно на картину, произнесъ послѣ минутнаго молчанія: „Это единственная картина, возбуждающая во мнѣ чувство зависти относительно ее обладанія“. Находившійся, во время посѣщенія галлерей публикой, неотлучно около картины сторожъ, не подозрѣвая, кто передъ нимъ, обратился къ императору Николаю съ словами: Im Jahre 1813 wollten die Russen die Madonna mausen, wir haben

sie aber so gut versteckt, dass die Kosaken sie nicht haben finden Können". (Въ 1813 году русскіе хотѣли Мадону *стибритъ*, но мы ее такъ хорошо спрятали, что казаки не могли ее найти). Я готовъ былъ провалиться сквозь землю, услыхавъ эту дикую чепуху, но императоръ, не удостоивъ сторожа отвѣта, обратился ко мнѣ со словами: „скажите пожалуйста этому служителю, чтобы онъ заученную имъ наизусть глупѣйшую выдумку не подносилъ посѣтителямъ въ качествѣ исторической правды; если русскіе хотѣли въ 1813 году взять этотъ бессмертный шедевръ Рафаэля, то они могли сдѣлать это открыто на основаніи права побѣдителей, какъ на примѣръ французы брали произведенія искусства изъ покоренныхъ ими областей, слѣдовательно, никакая хитрость или уловка не могли спасти отъ казаковъ Сикстинскую Мадонну, если бъ Императоръ Александръ I желалъ взять ее, какъ военную добычу“. Выходя изъ галереи, императоръ, видимо разстроенный безтактной выходкой глупаго сторожа, промолвилъ: „я кому какая выгода отъ подобныхъ пошлыхъ выдумокъ“. Проводивъ государя до парохода, стоявшаго наготовѣ у Брюльской террасы, я откланялся его величеству, при чемъ получилъ приглашеніе явиться черезъ два дня во дворецъ для частной аудіенціи“.

III.

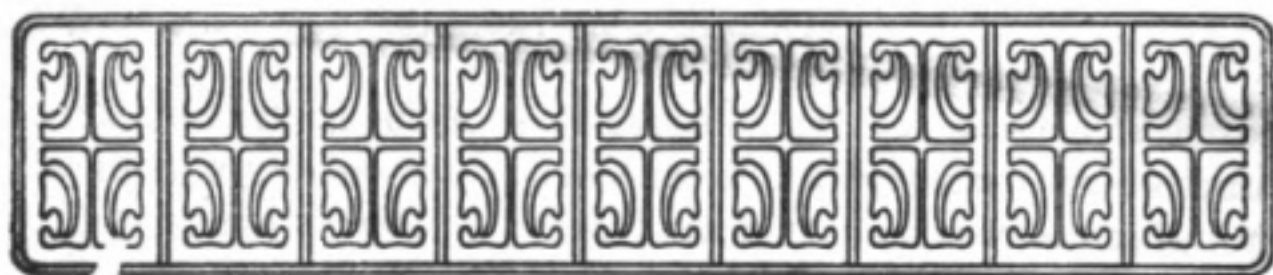
Передавая вышеизложенное со словъ профессора *Генеля* о его личной встрѣчѣ съ Императоромъ *Николаемъ I*, я долженъ прибавить кое-что изъ воспоминаній другихъ очевидцевъ пребыванія русскаго государя въ Дрезденѣ въ 1845 году. На другой день послѣ эпизодовъ въ кондитерской у Торніаменти и въ картинной галлерей, Императоръ Николай Павловичъ и саксонскій король Фридрихъ Августъ II прибыли на богато разукрашенномъ пароходѣ официально и въ сопровожденіи большой свиты въ Дрезденъ. Послѣ обѣда во дворцѣ весь дворъ съ августѣйшимъ царскимъ гостемъ отправились въ королевскую оперу слушать „*Фенеллу*“ Обера съ знаменитымъ тенеромъ *Иосифомъ Тихачекомъ* въ роли *Массаниелло*. Интересно отмѣтить, что оперой дирижировалъ недавно приглашенный (всего за 1½ года до этого) новый молодой капельмейстеръ, *Рихардъ Вагнеръ*, начавшій въ ту пору дѣлать свою блестящую карьеру. Императоръ *Николай* выражалъ, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, свой восторгъ по поводу всего видѣннаго и слышаннаго; онъ откровенно признался королю, что ничего подобнаго не ожидалъ встрѣтить въ небольшой резиденціи крошечнаго саксонскаго государства. Зданіе театра, фойе, и въ особенности зрительный залъ,

съ великолѣпно разрисованнымъ парижскимъ художникомъ *Десплашеномъ* занавѣсомъ произвели на государя неизгладимое впечатлѣніе. Обращаясь послѣ окончанія спектакля къ королю и выражая ему благодарность за доставленное высоко-эстетическое наслажденіе, императоръ прибавилъ; „много я бы заплатилъ, если бы въ Петербургѣ мнѣ удалось построить такой же театръ и завести столь образцовую оперу“. Въ этой похвалѣ государя не было ничего преувеличеннаго; дрезденская опера славилась въ ту пору во всей Европѣ. Пѣвицы *Зонтагъ*, *Шредеръ-Девриенъ*, теноръ *Тихачекъ* составляли гордость ея. Что же касалось оркестра придворной оперы, то онъ не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ мірѣ. Профессоръ *Генель*, бывшій, конечно, на этомъ парадномъ спектаклѣ, передаетъ еще маленькую деталь, замѣченную немногими посѣтителями. Въ 3-емъ дѣйствіи „Фенеллы“, когда сцена изображаетъ скромную хижину рыбака *Массаниелло*, король *Фридрихъ Августъ*, послѣ восхитительно спѣтаго *Тихачекомъ* *berceuse a (Schlummerlied)*, нагнулся къ уху императора и сталъ что-то нашептывать ему. Государь, слушая внимательно, что-то переспросилъ, улыбнулся и кивнулъ слегка головой. Скоро профессоръ *Генель* догадался, о чемъ бесѣдовали оба монарха. Когда *Массаниелло—Тихачекъ* въ речитативѣ, обращенномъ къ принцу Альфонсу, произнесъ фразу: *und besser als dein Schwert, schützt dich das Gastrecht hier* (и лучше твоего меча служить защитой тебѣ гостепріимство), *Николай Павловичъ* прыснулъ незамѣтно со смѣху въ платокъ. Дѣло заключалось въ томъ, что *Тихачекъ*, какъ кровный чехъ, выговаривалъ нѣмецкій текстъ съ сильнымъ акцентомъ; изъ слова *Schwert* (мечъ), имѣющаго только одинъ слогъ, онъ ухитрился дѣлать ровно пять и пѣлъ: „E-sche-we-re-te“. Но помимо этого *Тихачекъ* былъ пѣвецъ съ феноменально-красивымъ, могучимъ голосомъ, съ безукоризненной вокальной техникой, однимъ словомъ художникъ—артистъ съ головы до ногъ. Императоръ *Николай Павловичъ* приглашалъ его лично на рядъ гастролей въ петербургскую итальянскую оперу съ условіемъ пѣть по-итальянски. Но знаменитый оперный пѣвецъ, будучи не въ примѣръ другимъ тенорамъ, человѣкомъ далеко не глупымъ, но весьма остроумнымъ, отвѣтилъ уклончиво, ибо не надѣялся переучить наилучшія партіи своего репертуара по-итальянски. Отвѣсивъ низкій поклонъ государю и поблагодаривъ его за лестное приглашеніе, *Тихачекъ* сказалъ: „Ваше величество слышали *Тихачека*, поющаго на плохомъ, но все же привычномъ ему нѣмецкомъ діалектѣ, я боюсь, что, когда вы

услышите поющаго его на невозможно-скверномъ итальянскомъ языкѣ, то разочаруетесь“. Послѣ такой аргументаціи Императоръ *Николай* уже не настаивалъ болѣе на своемъ приглашеніи. Прослушавъ спустя нѣсколько дней еще Вагнеровскаго „Ріенци“, который, какъ и слѣдовало ожидать, совсѣмъ не понравился государю, хотя дивное исполеніе заглавной роли *Тихачекомъ* вызвало искреннее удивленіе *Николая Павловича*, царь покинулъ Дрезденъ, о которомъ, какъ увѣрялъ онъ при прощаніи съ королемъ Фридрихомъ Августомъ II, останутся у него навсегда самыя лучшія, пріятныя и неизгладимыя воспоминанія. Остается еще добавить, что въ частной аудіенціи, которой удостоился профессоръ *Генель*, государь вспомнилъ о злополучномъ глупомъ кельнерѣ у *Торніаменти* и просилъ *Генеля*, въ случаѣ надобности, позаботиться, чтобы бѣдный труженикъ не подвергался бы взысканіямъ со стороны хозяина или властей. Вручивъ профессору *Генелю* орденъ Станислава второй степени, Императоръ милостиво распростился съ осчастливленнымъ художникомъ. *Иосифъ Тихачекъ* получилъ изъ кабинета его величества великолѣпную булавку, украшенную чуднымъ изумрудомъ и крупными брилліантами. Въ 1881 году мнѣ доводилось неоднократно встрѣчаться и бесѣдовать съ *Тихачекомъ*, мирно доживавшимъ на хорошей пенсіи свой вѣкъ въ Дрезденѣ. Престарѣлый артистъ—ему шелъ уже 75-тый годъ—иначе какъ со слезами на глазахъ не вспоминалъ о времени пребыванія Императора *Николая I* въ саксонской столицѣ. Сидя въ кругу хорошихъ друзей и знакомыхъ за стаканомъ вина, въ ресторанѣ гостиницы „Stadt Gotha“, *Тихачекъ*, отличавшійся рѣдкимъ добродушіемъ и чисто-славянскою сердечностью, показывалъ зачастую подарокъ русскаго самодержца, говоря при этомъ: „много разъ приходилось мнѣ закладывать всѣ мои цѣнныя вещи, но съ этой булавкой я никогда не разставался, такъ какъ боялся потерять ее“. На разспросы о личности Императора *Николая I* онъ отвѣчалъ обыкновенно фразой: „могу сказать вамъ, господа, только одно—это былъ настоящій Императоръ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова или, какъ говоритъ Шекспиръ, царь съ юловы до пятокъ, такого мы никогда больше не увидимъ“!

М. В. Станиславскій.

Подонки родины.

(Б ы л ь).

I.

Три русских крейсера тихо входили въ Нагасакскую бухту.

Передъ глазами моряковъ впервые послѣ войны зеленѣли куполообразные острова, скалистые обрывистые берега южной стороны залива и сравнительно пологіе сѣверные. Тамъ и сямъ бѣлѣли извилистыми лентами дороги, а по склонамъ прилегающихъ горъ правильными террасами пестрѣли цвѣтушія поля. Кой-гдѣ въ листвѣ микановыхъ деревьевъ мелькали маленькіе, точно игрушечные, японскіе домики. Въ глубинѣ бухты виднѣлись строенія города, когда-то желаннаго.

И теперь, казалось бы, послѣ мрачнаго Сахалина съ унылымъ Александровскимъ Постомъ, послѣ всегда пустыннаго залива де-Кастри, этотъ веселый городъ долженъ былъ бы радовать глазъ моряковъ, но... это былъ японскій портъ.

Причина, казалось бы, неумѣстнаго захода русскихъ военныхъ судовъ въ портъ недавняго врага, лежала въ томъ, что крейсерскій отрядъ былъ неожиданно посланъ изъ Владивостока въ Александровскъ, чтобы доставить туда лицъ администраціи и баталіонъ пѣхоты.

Въ де-Кастри же адмираломъ было получено приказаніе слѣдовать, не заходя во Владивостокъ, въ Европейскую Россію: въ нашей Дальневосточной крѣпости были только-что подавлены беспорядки, грозившіе вспыхнуть вновь, и неувѣренность въ судовыхъ командахъ, среди которыхъ существовало броженіе, заставила высшее начальство принять такое рѣшеніе.

Неожиданно отозванный отрядъ не успѣлъ принять въ един-

ственномъ русскомъ порту полныхъ запасовъ угля и иныхъ матеріаловъ и дабы онъ не оказался въ затруднительномъ положеніи, адмиралу было приказано зайти въ Нагасаки, издавна привыкшій къ посѣщенію русскихъ судовъ и, какъ портъ, наиболѣе отвѣчавшій предъявляемымъ въ данномъ случаѣ требованіямъ.

Но ни яркая зелень, ни лазуревое небо, ни оживленіе на рейдѣ не радовали офицеровъ и большинство команды: на душѣ каждаго бойца лежало тяжелое чувство обиды и съ болью думалось, какъ будутъ смотрѣть на нихъ тѣ японцы, которые недавно въ долгіе дни мира такъ униженно, такъ заискивающе относились къ русскимъ морякамъ.

Правда, Владивостокскій отрядъ причинилъ много вреда Японіи, но не чувство личной досады, а чувство оскорбленной любви къ родинѣ невольно топило эти маленькіе лучи удачъ въ морѣ горестей арміи и флота.

Однако это чувство, хотя и не прошло совсѣмъ, но почти изгладилось, когда отрядъ простоялъ три дня на рейдѣ: съ каждымъ днемъ всѣ невольно убѣждались, что Нагасаки это не тотъ „японскій“ городъ, какими казались „японскіе“ офицеры, матросы и солдаты, а все тотъ же, какимъ онъ считался въ былое время увлекательныхъ заграничныхъ плаваній—городомъ скорѣе международнымъ.

Дѣйствительно, едва были закончены официальные посѣщенія отряда портовыми врачами и полиціей, едва японскій катеръ, передавъ портовые правила, пошелъ къ берегу, отъ набережной къ трапамъ русскихъ судовъ помчались фунѣжки, длинныя, въ видѣ венеціанскихъ гондолъ, мѣстныя лодки.

На нихъ, улыбаясь и кланяясь, весело покрикивая порусски, старые знакомцы портные, сапожники, прачки и торговцы. Всѣ они издали махали аттестатами съ традиціонными судовыми печатями. Въ первый день ихъ не пустили, но уже на второй день пребыванія владѣтели этихъ порыжѣвшихъ отъ грязи документовъ сюсюкали и присѣдали на палубахъ крейсеровъ.

Офицеры, отправившіеся по дѣламъ на берегъ, съ удивленіемъ рассказали, что отношеніе со стороны нагасакцевъ они встрѣтили самое радушное, гораздо лучшее, чѣмъ передъ войной, и все это вмѣстѣ и облегчило тяжесть гнета, который лежалъ на сердцахъ, когда отрядъ входилъ въ японскія воды.

А причина такой добродушной встрѣчи заключалась въ томъ, что населеніе Нагасаки представляетъ какъ бы особое племя.

Само японское правительство весьма скептически относилось къ подданнымъ микадо, живущимъ въ этой области: во время войны, несмотря на то, что изъ-за большихъ потерь на поляхъ сраженій, въ армію шли юноши и даже старики, изъ Нагасаки и прилежащихъ мѣстечекъ было взято исключительно мало запасныхъ. Но не въ отсутствіи патриотизма можно было упрекнуть нагасакцевъ: и грандіозными манифестаціями при объявленіи войны, и крупными пожертвованіями прогремѣлъ этотъ городъ на всю Японию—правительство просто знало, что не могло быть у нагасакцевъ ни той ненависти къ русскимъ, ни той выносливости для боя, какія вырабатывались постепенно въ горныхъ округахъ и мѣстностяхъ близъ портовъ, закрытыхъ для иностранной торговли.

Когда-то XVI вѣкѣ, колыбель христіанства въ Японіи, съ тѣхъ поръ Нагасаки постоянно принималъ участіе въ международномъ товаро-обмѣнѣ; понемногу проникали въ него и корни европейской культуры, но также незамѣтно вѣками подтачивались и нѣкоторые устои строгой японской семьи: воинственность, дисциплина, нетребовательность и самопожертвованіе во имя принципа.

Однако правительство все-же использовало пріобрѣтенное нагасакцами умѣніе приспособливаться и знаніе большинствомъ изъ нихъ иностранныхъ языковъ — нагасакцы подъ видомъ мелкихъ ремесленниковъ густой сѣтью добровольныхъ шпионовъ оплели сосѣднія съ Японіей государства.

По заключенію Портсмутскаго договора, когда въ душѣ девяти-десятихъ японскаго населенія еще не остыла ненависть къ Россіи, еще не утихла печаль по убитымъ родичамъ и не прошла досада на недостаточно выгодный миръ, коренной житель Нагасаки быстро сдѣлался прежнимъ юркимъ коммерсантомъ, интересы котораго будто постолько удовлетворены, поскольку часто его родной портъ будутъ посѣщать иностранцы, а тароватые русскіе въ особенности.

II.

Былъ часъ отдыха. На верхней палубѣ большаго изъ крейсеровъ во всю длину ея расположились торговцы. Семь лѣтъ проплававшая за границей команда успѣла накопить „деньженокъ для дома“, но прельщенная шелковыми матеріями, цыбиками чая, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что хотѣлось бы привести, какъ „гостинецъ“, почти и не пользовалась часами отдыха, а бродила отъ одного торговца къ другому, пощупывая добротность

матерій и прицѣпиваясь. Въ офицерскихъ каютахъ примѣривалось штатское, а у каютъ вѣстовые ругались съ прачками изъ-за плохо выстираннаго бѣлья.

Только-что вступившій вахтенный лейтенантъ, удостовѣрившись, что извѣе нечего ожидать какихъ-либо случаевъ, нарушающихъ мирную жизнь корабля, также началъ прохаживаться по рядамъ торговцевъ. И ему захотѣлось привезти что-нибудь роднымъ и, колеблясь, купить ли дорогую шелковую ширму или дешевый бумажный зонтикъ, онъ остановился въ самой оживленной части палубы.

— Ваше Высокоблагородіе, дозвольте доложить!—вывелъ его изъ задумчивости басистый голосъ, и онъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ приземистый, бородатый матросъ. Сосредоточенное лицо, серьезный, нѣсколько исподлобья, взглядъ, сразу дали понять лейтенанту, что ему хотятъ сказать что-то важное, и онъ быстро отвѣтилъ:—Говори, что нужно?

— Дозвольте, Ваше Высокоблагородіе, въ сторонку—пониживъ голосъ, въ которомъ слышалась нотка настойчивой просьбы, продолжалъ матросъ.

Удивленный лейтенантъ хотѣлъ было сказать:—какіе тамъ секреты!—но потомъ, зная матроса, какъ хорошаго служаку, раздумалъ и прошелъ съ нимъ въ штурманскую рубку.

— Такъ что, Ваше Высокоблагородіе, наши у японцевъ воруютъ—прерывающимся отъ волненія голосомъ доложилъ матросъ, когда оказался съ офицеромъ глазъ на глазъ.

Краска гнѣва бросилась въ лицо лейтенанта и первымъ движеніемъ его было выйти на палубу, чтобы прекратить вопіющее безобразіе, но матросъ торопливо проговорилъ:—„Ваше Высокоблагородіе, дозвольте накрыть ихъ съ поличнымъ, они сейчасъ опять налаживаются“.

Зная по опыту, какъ трудно доказать кражу на кораблѣ, полною укромными уголками и механизмами, за которыми обыкновенно прячется на первыхъ порахъ краденое, лейтенантъ рѣшилъ, что жалѣть подобныхъ „типовъ“ нечего и будетъ полезно поймать ихъ на мѣстѣ преступленія.

— Ты одинъ видѣлъ?—спросилъ онъ и получивъ отвѣтъ:—никакъ нѣтъ, двое еще за ними смотрятъ!—сказалъ:—ну съ Богомъ, только безъ особеннаго скандала, да позови ко мнѣ вахтеннаго!

Явившемуся квартирмейстеру были даны надлежащія инструкции, и не прошло и двухъ минутъ, какъ передъ офицеромъ

съ понивнувшими головами стояло два уличенныхъ въ кражѣ матроса.

Лейтенантъ прямо оторопѣлъ отъ смѣшаннаго съ негодова-ніемъ удивленія, когда на одномъ изъ воровъ, державшемъ въ рукѣ альбомъ съ черепаховой крышкой, замѣтилъ унтеръ-офицерскія нашивки.

— Ты укралъ этотъ альбомъ?—вшившись въ унтеръ-офицера пытливымъ взглядомъ, почти крикнулъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, это напраслина, и только примѣрялся купить — заискивающимъ тономъ началъ оправдываться тотъ, но одинъ изъ стоявшихъ свади свидѣтелей не вытерпѣлъ этой наглости и заявилъ:— Вы спросите его, Ваше Высокоблагородіе, а шкатулочку, что за вентиляторной трубой „схоронена“, онъ тоже купилъ?!

Лейтенантъ потребовалъ фельдфебеля, и черезъ нѣсколько минутъ на столѣ каюты лежало нѣсколько вещественныхъ доказательствъ.

— Тогда я спрошу у японцевъ, покупалъ ли ты эти вещи?— проговорилъ лейтенантъ и направился было къ выходу, но его остановилъ взглядъ другого уличеннаго.

— Не спрашивайте, Ваше Высокоблагородіе, мы украли!

Вещи подъ благовиднымъ предлогомъ были возвращены владельцу, молодому неопытному японцу, повидимому замѣтившему пропажу, такъ какъ онъ проявлялъ уже явные признаки безпокойства, а получивъ альбомъ, началъ усиленно благодарить.

Вполнѣ ясно, насколько было бы тяжело, если бы японецъ заявилъ о кражѣ, раньше ея обнаруженія: обыскать девятьсотъ человѣкъ, да заглянуть во всѣ уголки стальной громады было дѣломъ нелегкимъ и въ лучшемъ случаѣ были бы найдены только вещи, а не виновники.

Дознаніе выяснило наличіе третьяго участника, проносившаго вещи въ укромныя мѣста, пока двое дѣлали видъ, что прицѣниваются. Судъ примѣнилъ высшее наказаніе, и тюремное заключеніе они должны были отбывать въ Россіи.

Какъ бы ни былъ позоренъ этотъ случай, однако и онъ имѣлъ свою хорошую сторону, которая состояла въ слѣдующемъ.

Послѣ боя перваго августа вмѣсто убитыхъ и тяжело раненыхъ, которыхъ было свыше двухсотъ, на крейсеръ были назначены изъ береговыхъ командъ молодые матросы, въ сильной степени развращенные революціонной пропагандой. Когда же миръ былъ заключенъ, то уволили въ запасъ еще человѣкъ двѣсти изъ старой команды и вмѣсто этихъ, привыкшихъ и

любившихъ крейсеръ людей, назначили матросовъ призыва 1905 года, т. е. людей, взятыхъ на службу въ разгаръ политическихъ и аграрныхъ беспорядковъ.

Къ приходу въ Японію образовались двѣ группы команды, державшихся особнякомъ: одна старослужащихъ, бывшихъ въ бою и смѣлыхъ походахъ къ неприятельскимъ берегамъ, и другая—молодыхъ матросовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ боевымъ, да и просто морскимъ дѣломъ, но уже воспитанныхъ на утопическихъ идеяхъ подпольныхъ изданій.

Между ними чувствовался нѣкоторый антагонизмъ, но „молочныя рѣки и кисельные берега, воля и земля“, рисуемые яркими красками особенно замѣтными краснобаями, имѣли свое дѣйствіе и на старую команду, и она, хотя и говорила про вновь прибывшихъ съ презрѣніемъ: „говорить мастеръ, а выблиночнаго узла связать не съумѣетъ“, все же прислушивалась къ рѣчамъ наиболѣе опасныхъ краснобаевъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ изъ уличенныхъ.

Въ описанномъ случаѣ трое слѣдившихъ были старослужащіе, а трое участниковъ кражи изъ молодой команды, и оскорбленные за доброе имя крейсера, стяжавшаго почетную боевую славу, за своихъ товарищей, погибшихъ въ бою, они довели свой добровольный сыскъ до конца.

Естественно тотчасъ же подорвалось довѣріе и къ другимъ, говорившимъ, какъ по-писанному о землѣ, волѣ, республикѣ, и несмотря на повышенное по тому времени въ судовыхъ командахъ настроеніе, старослужащіе остались надежнымъ элементомъ, на который можно было смѣло опереться.

Не безынтересна судьба двухъ изъ уличенныхъ; очутившись въ арестныхъ камерахъ въ Кронштадтѣ, они, какъ бывшіе во Владивостокѣ и за границей, явились какъ бы вожаками подобныхъ имъ матросовъ, и силой освобожденные во время беспорядковъ 1906 года въ Кронштадтѣ, участвовали въ нихъ и впоследствии были приговорены за свои дѣянія къ смертной казни. Судьба третьяго, признавашагося доподлинно неизвѣстна.

II. Владиславлевъ.

Памяти Николая Николаевича Обручева.

Со время Петра Великаго не было по организаціи военных силъ Россіи человѣка, который бы такъ много сдѣлалъ въ этомъ направленіи для родины, какъ Николай Николаевичъ Обручевъ.

Къ дню десятилѣтія (25 іюня 1914) со дня кончины этого необыкновеннаго человѣка помѣщаемъ въ память его три прилагаемыя статьи.

Николай Николаевичъ Обручевъ ¹⁾.

Есть имена, которыя, выдѣляясь изъ общей массы, ярко выступаютъ на первый планъ, оставляютъ по себѣ глубокой слѣдъ, составляютъ эпоху въ жизни цѣлаго учрежденія. Такимъ является для насъ имя Николая Николаевича Обручева въ исторіи русскаго генеральнаго штаба.

Какъ профессоръ онъ создалъ цѣлую школу, подготовилъ много талантливыхъ офицеровъ, которые всѣ гордились тѣмъ, что они ученики Обручева. Какъ администраторъ, онъ работалъ надъ реорганизаціей нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ началахъ: развитіе системы резервовъ и государственнаго ополченія, устройство военно-конской повинности, мобилизація арміи, проведеніе стратегическихъ путей, возведеніе крѣпостей, сосредоточеніе войскъ, подготовка вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій и вообще всѣ вопросы, обнимающіе систему обороны государства, разработаны у насъ Обручевымъ. Какъ

¹⁾ Статья эта уже была воспроизведена въ январьской кн. Военнаго Сборника за 1911 г., но въ виду ея особаго значенія къ памяти почившаго, воспроизводимъ ее для и нашихъ читателей. *Ред.*

государственный дѣятель онъ принималъ непосредственное участіе въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ первостепенной важности какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ государства; имъ, между прочимъ, подготовлены главныя основанія франко-русскаго союза. Наконецъ, какъ боевой генералъ, онъ принялъ видное участіе въ войнѣ 1877—78 гг. въ Азіатской Турціи: по его плану, армія наша одержала блестящую побѣду подъ Авліаромъ, приведшую къ уничтоженію арміи Мухтара-пашы, паденію Карса и къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи. Таковъ, въ общихъ чертахъ, эскизный набросокъ этого большого человѣка. Только теперь, когда его уже нѣтъ, но память о немъ еще жива среди насъ, мы можемъ, отойдя на разстояніе, составить себѣ ясное представленіе объ истинной величинѣ Обручева, какъ выдающагося дѣятеля.

Николай Николаевичъ Обручевъ родился 21-го ноября 1830 г.; отецъ его, Николай Аванасьевичъ, былъ въ то время капитаномъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, квартировавшаго въ Варшавѣ; мать его, Марія Лукьянишна, рожденная Колотова. Дѣдъ, Аванасій Ѳедоровичъ, служилъ въ инженерныхъ войскахъ; прадѣдъ началъ службу въ артиллеріи. Такимъ образомъ всѣ Обручевы, изъ поколѣнія въ поколѣніе, были на военной службѣ. Въ 1838 году отецъ Николая Николаевича, уже командовавшій тогда въ чинѣ полковника Самогитскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Бронницахъ, недалеко отъ Новгорода, внезапно умеръ, оставивъ вдову съ семью малолѣтними дѣтьми (два сына и пять дочерей) почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Добрые люди приняли участіе въ положеніи вдовы; по ходатайству Пуцина и Ростовцева передъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, по Высочайшему повелѣнію ей была назначена пенсія въ 428 руб. (что по тогдашнему времени составляло 1.500 руб. ассигнаціями), и два ея сына, Аванасій и Николай, приняты были въ Александровскій сиротскій корпусъ. Это благотѣльное въ свое время учрежденіе имѣло цѣлью дать воспитаніе малолѣтнимъ сиротамъ неимущихъ офицеровъ арміи и флота, убитыхъ или умершихъ на военной службѣ. Надзоръ за дѣтьми былъ ввѣренъ класснымъ дамамъ, также вдовамъ или дочерямъ военныхъ. Корпусъ помѣщался въ Царскомъ Селѣ, противъ парка, въ домѣ, занятомъ нынѣ д.-гв. 4-мъ стрѣлковымъ Императорской фамиліи полкомъ. Императоръ Николай I и Императрица часто посѣщали Александровскій малолѣтній корпусъ, близко интересуясь участію дѣтей; по достиженіи опредѣленнаго возраста, сироты опредѣля-

лись на казенный счетъ въ одинъ изъ сухопутныхъ или морской—кадетскіе корпуса. Марія Лукинишна Обручева сама свезла мальчиковъ въ Царское Село и сдала ихъ въ корпусъ въ августъ 1838 года; дочери же ея были опредѣлены въ Смольный институтъ. Сама Марія Лукинишна поселилась въ Петербургъ и вся отдалась воспитанію дѣтей, обучая и обшивая всю свою семью. Черезъ два года, въ 1840 году, по достиженіи десятилѣтняго возраста, Николай Николаевичъ Обручевъ былъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Съ этого времени десятилѣтній сирота, безъ средствъ, безъ связей, безъ поддержки, одинъ пробиваетъ себѣ дорогу. Богато одаренный отъ природы, онъ быстро сталъ расти и крѣпнуть. Соединяя блестящія способности съ неутомимымъ трудомъ, онъ сразу выдвинулся, пошелъ впередъ и такъ продолжалъ, съ неутомимой энергіей, съ неослабленными силами, все время идти во главѣ всѣхъ. Дитя арміи, принадлежа ей почти съ колыбели, воспитанный на счетъ правительства, Н. Н. Обручевъ не остался въ долгу и сторицей вернулъ все на него потраченное, отдавъ горячо любимой родинѣ и арміи всю свою жизнь, всѣ лучшія свои силы, весь свой умъ, всю свою душу.

Первымъ окончивъ курсъ, 13-го іюня 1848 года, Н. Н. Обручевъ былъ произведенъ въ прапорщики л.-гв. Измайловскаго полка, и имя его занесено на мраморную доску 1-го кадетскаго корпуса. Сойдя со школьной скамьи, онъ тотчасъ принялся за работу и уже въ 1850 году, будучи еще подпоручикомъ, представилъ первый ученый трудъ: „Опытъ исторіи военной литературы въ Россіи“, который былъ поднесенъ Его Величеству въ день 50-ти-лѣтняго юбилея со времени назначенія Государя Императора Николая I шефомъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ это же время три сестры Н. Н. Обручева послѣдовательно оканчивали Смольный институтъ, также первыми ученицами съ шифромъ. Такіе блестящіе результаты даннаго дѣтямъ воспитанія обратили вниманіе на Марію Лукинишну Обручеву, и въ 1851 году она была назначена инспектриссой Смольнаго института, гдѣ двѣ младшія ея дочери тогда еще оканчивали курсъ; съ этого времени дальнѣйшая участь ея уже была вполне обеспечена.

Прослуживъ четыре года въ полку и совершивъ съ полкомъ походъ въ 1849 году въ составѣ гвардіи, двинутой къ западнымъ предѣламъ имперіи, Николай Николаевичъ Обручевъ, въ чинѣ поручика, въ 1852 году поступилъ въ Императорскую военную академію и въ 1854 году первымъ, съ медалью, окон-

чилъ въ ней курсъ, съ производствомъ за отличіе въ штабсъ-капитаны, при чемъ имя его вторично занесено на мраморную доску. Въ томъ же году появилось первое капитальное сочиненіе Обручева: „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ“, положившее основаніе дальнѣйшимъ архивнымъ изслѣдованіямъ и изученію отечественной военной исторіи по подлиннымъ документамъ. По выпускѣ изъ академіи штабсъ-капитанъ Обручевъ былъ причисленъ къ генеральскому штабу, съ назначеніемъ на службу въ штабъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Переведенный на слѣдующій годъ въ гвардейскій генеральный штабъ, Николай Николаевичъ былъ назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской резервной пѣхотной дивизіи. Въ 1857 году, въ чинѣ капитана, назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1859 году произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; должность эту занималъ четыре года, послѣ чего, покинувъ строевую службу при гвардейскихъ войскахъ, онъ въ 1863 году былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ и членомъ совѣщательнаго комитета Главнаго управленія генеральнаго штаба.

Черезъ два года по выпускѣ изъ академіи, Н. Н. Обручевъ уже занялъ кафедру Дмитрія Алексѣевича Милюткина и вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся профессоровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, занимая эту должность въ теченіе 20-ти лѣтъ. Весною 1856 года профессоръ военной статистики, Д. А. Милютинъ, покинулъ академію, а осенью того же года на кафедру этого предмета были назначены генеральнаго штаба капитаны Макшеевъ и Обручевъ. Въ виду значительнаго расширенія программы военной статистики, оказалось необходимымъ распределить курсъ на два самостоятельныхъ отдѣла: 1) обзоръ Россіи, и 2) обзоръ иностранныхъ государствъ, которымъ предшествовалъ особый, какъ бы вступительный отдѣлъ. Вотъ этотъ вступительный отдѣлъ, въ которомъ излагалась литература предмета, значеніе статистики какъ науки и какъ необходимаго пособія для административной практики, а затѣмъ военно-статистическій обзоръ европейскихъ государствъ Австріи, Пруссіи, Швеціи, Великобританіи и Турціи, разрабатывался Н. Н. Обручевымъ и талантливо излагался имъ въ блестящихъ лекціяхъ. Имъ же были установлены практическія занятія по военной статистикѣ, включавшіяся въ составленіи

статистических картъ и таблицъ съ объясненіями и выводами. Кромѣ назначенныхъ по расписанію лекцій, Обручевъ, въ началѣ своей профессуры, установилъ въ академіи вечернія сообщенія по субботамъ для желающихъ, и эти увлекательныя субботнія чтенія посѣщались почти всѣми слушателями обоихъ курсовъ академіи. Въ свое время онъ обратилъ на себя вниманіе блестящимъ разборомъ книги Д. А. Милютина и А. И. Михайловскаго-Данилевскаго: „Исторія войны между Россією и Франціей“, появившимся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1852 и 1853 годахъ.

Въ 1858 году Н. Н. Обручевъ основалъ первый ежемѣсячный военный журналъ „Военный Сборникъ“ и состоялъ его редакторомъ. Въ своихъ лекціяхъ и въ издаваемомъ подъ его редакціей журналѣ, Обручевъ проводилъ свои взгляды, вліялъ на нашъ генеральный штабъ и способствовалъ научной разработкѣ многихъ военныхъ вопросовъ. Въ „Военномъ Сборникѣ“ появился за это время цѣлый рядъ статей, написанныхъ Обручевымъ:

„О вооруженной силѣ и ея устройствѣ“ (1858 г.).

„Изнанка Крымской войны“ (1858 г.).

„Записки о снаряженіи пѣхоты пяти первостепенныхъ европейскихъ армій: русской, французской, англійской, австрійской и прусской“ (1862 г.).

„Измѣдованіе причинъ смертности населенія и опыта составленія санитарной карты“ (1863 г.).

„Сеть русскихъ жемъзныхъ дорогъ. Участіе въ нихъ земства и войскъ“ (1864 г.).

„Обзоръ дѣятельности военнаго министерства въ послѣднее пятилѣтіе, финансовыхъ его средствъ и нуждъ арміи“ (1865 г.).

Въ томъ же году при „Военномъ Сборникѣ“ была издана генеральная карта Кавказскаго края.

Въ 1860 году, профессоръ военной статистики, полковникъ Обручевъ, былъ командированъ за границу на 1½ года, съ научной цѣлью, примѣняясь къ потребностямъ академическаго курса. Эта первая поѣздка за границу имѣла большое вліяніе на всю послѣдующую жизнь Николая Николаевича. Проводя зиму въ Парижѣ для своихъ научныхъ работъ, онъ познакомился тамъ съ прелестной молодой дѣвушкой,—M-lle Marie Millet, въ почтенной семьѣ коей онъ жилъ. Лѣто они обыкновенно проводили въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи, въ замкѣ Жоръ, на югѣ Франціи, въ Дордонѣ, недалеко отъ Бордо. Николай Николаевичъ, по окончаніи своей командировки, послѣдовалъ за ними, и тамъ, въ Жорѣ, сдѣлалъ свое предло-

женіе. Свадьба же состоялась только на слѣдующій годъ 30-го августа въ Парижѣ, послѣ чего, 26-го сентября 1862 года, Николай Николаевичъ вернулся въ Петербургъ съ своей молодой женой, Маріей Николаевной Обручевой. Съ этого времени и до конца жизни, онъ почти ежегодно, осенью проводилъ одинъ или два мѣсяца въ Жорѣ въ имѣніи жены на югѣ Франціи; здѣсь онъ пользовался полнымъ отдыхомъ, занимаясь садоводствомъ и винодѣліемъ. Во время частыхъ посѣщеній Парижа, Н. Н. Обручевъ познакомился съ лучшими въ то время представителями французской арміи и немало способствовалъ франко-русскому сближенію и установленію дружескихъ отношеній между арміями двухъ союзныхъ государствъ.

Въ 1866 году Н. Н. Обручевъ произведенъ былъ въ генераль-майоры, а черезъ годъ, въ 1867 году, назначенъ членомъ и управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Оставаясь на этомъ мѣстѣ 14 лѣтъ, до 1881 г., онъ все свое время могъ посвятить научнымъ трудамъ, а также разработкѣ многихъ вопросовъ военно-административнаго и политическаго характера. Въ это время, съ 1867 по 68-ой годъ, подъ редакціей Обручева, появились первые три выпуска „Военно-Статистическаго Сборника“—обширнаго труда, обнявшаго съ большею или меньшею полнотою всѣ государства западной Европы, Турцію, сопредѣльныя съ нами страны Азіи и въ короткомъ очеркѣ—государства Америки ¹⁾. Черезъ три года, съ 1871 году, появился послѣдній 4-й выпускъ, посвященный Россіи. Этотъ капитальный трудъ, въ 72 печатныхъ листа съ атласомъ, состоящій изъ 2-хъ отдѣловъ, имѣлъ цѣлью дать возможно цѣльное систематическое представленіе о нашемъ отечествѣ. Отдѣлъ 1-й заключаетъ слѣдующія статьи: 1) государственное устройство Имперіи; 2) территория и народонаселеніе; 3) землевладѣніе; 4) сельское хозяйство; 5) горный промыселъ; 6) мануфактурная промышленность; 7) пути сообщенія; 8) торговля; 9) финансы и кредитъ; 10) народное образованіе; 11) нравственность. Отдѣлъ II—вооруженныя силы: 1) комплектованіе; 2) составъ, численность и организація арміи; 3) уст-

¹⁾ *Выпускъ 1-й.* Великобританія, Франція, Австрія, Пруссія и пр. государства Германіи 1867 г. *Выпускъ 2-й.* Италія, Испанія, Португалія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Данія, Швеція, Норвегія, Греція, Турція и Восточныя владѣнія (1868 г.). *Выпускъ 3-й.* Персія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Среднеазиатскія влад. Китай, Японія, Сѣв.-Американск. Соед. Штаты. Мексика, Бразилія и республики Средней и Южной Америки (1868 г.).

ройство военныхъ управленій; 4) содержаніе арміи; 5) крѣпости и 6) флотъ ¹⁾. Въ предисловіи къ этой книгѣ Н. Н. Обручевъ говоритъ: „статистическій трудъ старится болѣе тамъ, гдѣ жизнь государства идетъ быстрѣе, менѣе—тамъ, гдѣ жизнь его вмѣсто развитія представляетъ застой, и поѣтому глубоко желаю, чтобы трудъ нашъ о Россіи быстро состарился, чтобы онъ былъ своевременъ только для нѣсколькихъ настоящихъ минутъ...“ Сборникъ этотъ въ свое время служилъ главнымъ источникомъ, изъ котораго черпались всѣ необходимыя о Россіи свѣдѣнія. Всѣ эти ученые труды обратили на себя вниманіе Государя Императора, и въ 1871 году генераль-маіоръ Обручевъ былъ назначенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Пользуясь особымъ довѣріемъ Военнаго Министра, Д. А. Милютина, и начальника Главнаго Штаба гр. Гейдена, Н. Н. Обручевъ, уплывая дѣлами военно-ученаго комитета, въ то же время былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ важнѣйшихъ реформъ царствованія Императора Александра II. Обще-обязательная воинская повинность и организація нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ основаніяхъ, равно какъ и основныя начала для подготовки вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій были разработаны при ближайшемъ содѣйствіи Н. Н. Обручева.

Въ 1873 г. Свиты Его Величества генераль-маіоръ Обручевъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и командированъ въ Турцію, Германію и Австрію для собиранія свѣдѣній по составу и организаціи ихъ военныхъ силъ. Съ 1874 года онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководилъ комиссіею изъ офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ инженеровъ и артиллеристовъ, по проектированію укрѣпленій Варшавы, Новогеоргіевска и Зегржа и нѣсколько разъ, во главѣ полевой поѣздки, ѣздилъ для осмотра этихъ пунктовъ на мѣстѣ. Въ 1876 году генераль-лейтенантъ Обручевъ былъ назначенъ членомъ международнаго конгресса въ Брюсселѣ и представителемъ русскаго отдѣла на международной выставкѣ. Въ концѣ того же года, незадолго до войны, командированъ съ особымъ секретнымъ порученіемъ за границу, для заключенія конвенціи съ Румыніей и съ Австріей. Но не одними только учеными и кабинетными работами исчерпывается выдающаяся дѣятельность Н. Н. Об-

¹⁾ Въ оставленіи сборника принимали участіе офицеры генеральнаго штаба: Де-Ливронъ, баронъ Вревскій, Мосоловъ Фельдманъ, Лобко, Гельмерсенъ, Быховецъ, Бобриковъ и Боголюбовъ.

ручева; не менѣе блистательно проявилась она и во время войны.

Въ апрѣлѣ 1877 г. послѣдовалъ разрывъ съ Турціей. Военныя дѣйствія начались тотчасъ въ Азіатской Турціи и нѣсколько поздыѣ на Дунаѣ. Н. Н. Обручевъ не получилъ назначенія въ Дѣйствующую армію, равно какъ и Тотлебенъ, и оставался въ Петербургѣ. Однажды, когда Тотлебенъ встрѣтилъ Обручева въ Лѣтнемъ саду, онъ сказалъ ему: „Николай Николаевичъ, а насъ забыли, насъ оставили здѣсь!“ Такова вначалѣ была участь двухъ лицъ, которыя вскорѣ стали главными дѣятелями войны, одинъ въ Азіатской Турціи, другой на Дунаѣ, подѣ Плевной, куда они были вызваны почти одновременно. Блистательно начавшіяся военныя дѣйствія стали принимать неблагопріятный для насъ оборотъ. На Дунаѣ неожиданно выросла Плевна; въ Азіатской Турціи послѣ неудачнаго дѣла подѣ Зевинымъ, войска наши отступили, и кампанія на этомъ театрѣ войны казалась проигранной. Тогда по распоряженію военнаго министра на Кавказъ отправлены были двѣ дивизіи пѣхоты и по Высочайшему повелѣнію 25-го іюля въ распоряженіе Великаго Князя Михаила Николаевича командированъ генераль-лейтенантъ Обручевъ съ особыми полномочіями. Прибывъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, Николай Николаевичъ и здѣсь, среди лучшихъ боевыхъ генераловъ доблестной Кавказской арміи, занялъ подобающее мѣсто и принялъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ высшаго команднаго персонала. Дальнѣйшій планъ дѣйствій былъ разработать Обручевымъ еще въ Петербургѣ въ кабинетѣ военно-ученаго комитета и приведенъ въ исполненіе на мѣстѣ. Послѣ 3-хъ-дневнаго боя (20—22-го сентября) при Большихъ и Малыхъ Ягнахъ, войска наши атаковали турокъ съ фронта, на Аладжинскихъ высотахъ у Авліара, а дивизія Лазарева въ обходъ праваго крыла съ тыла на Аладжи; въ результатѣ—армія Мухтара-Паши была разбита и разсѣяна. 3-го октября Великій Князь Михаилъ Николаевичъ телеграфировалъ:

„Счастливъ, что могу донести Вашему Императорскому Величеству о полномъ пораженіи арміи Мухтара-Паши“. Войска подѣ начальствомъ Лорисъ-Меликова, при обходномъ движеніи генерала Лазарева, окружили турецкую армію, которая сдалась почти безъ пролитія крови. За Аладжей слѣдовало паденіе Карса; планъ его осады также былъ разработанъ Обручевымъ, но при взятіи Карса онъ не присутствовалъ, такъ какъ былъ вызванъ въ Дѣйствующую армію на Балканскомъ полуостровѣ.

Бой на Аладжинскихъ высотахъ, приведшій къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи, одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ въ жизни Н. Н. Обручева. 30-го октября онъ прибылъ въ Императорскую главную квартиру въ Порадимѣ, гдѣ Государь самъ возложилъ на него орденъ Св. Георгія 3-й степени. Такимъ образомъ, имя Н. Н. Обручева въ третій разъ было занесено на мраморную доску. Въ главной квартирѣ въ Порадимѣ, Обручевъ оставался до 3-го декабря, принимая участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ военнымъ и политическимъ вопросамъ того времени. Вскорѣ послѣ паденія Плевны, 28-го ноября, Государь Императоръ, въ сопровожденіи своей свиты и Н. Н. Обручева, вернулся въ Петербургъ, 10-го декабря. Тотчасъ послѣ войны, Н. Н. снова былъ командированъ за границу съ особымъ порученіемъ Государя къ султану и прокламаціями Его Величества къ болгарскому народу.

Въ воздаяніе особыхъ услугъ, оказанныхъ генералъ-лейтенантомъ Обручевымъ во время турецкой войны, Государь Императоръ Александръ II, въ день своего рожденія, 17-го апрѣля 1878 года, возвелъ его въ званіе генералъ-адъютанта. 8-го іюня того же года по Высочайшему повелѣнію, Н. Н. Обручевъ былъ назначенъ въ распоряженіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, на должность начальника полевого штаба предполагавшейся къ сформированію юго-западной арміи и вслѣдствіе этого отчисленъ отъ должности профессора, съ назначеніемъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи Генеральнаго Штаба и съ оставленіемъ во всѣхъ остальныхъ должностяхъ и званіяхъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра III, постъ Военнаго Министра занялъ генералъ-адъютантъ Ванновскій, бывший во время войны начальникомъ штаба Наслѣдника Цесаревича въ Руцукскомъ отрядѣ. Въ томъ же 1881 году, по представленію П. С. Ванновскаго, Н. Н. Обручевъ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба и исполнялъ эти обязанности 16 лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени, состоя во главѣ самаго обширнаго и сложнаго отдѣла управленія Военнаго Министерства, Н. Н. Обручевъ съ неослабной энергіей принималъ ближайшее и ревностное участіе въ разработкѣ всѣхъ государственныхъ вопросовъ первостепенной важности, относящихся до развитія нашей вооруженной силы.

Ежедневно, съ ранняго утра и до позняго вечера, онъ работалъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ, окруженный картами, бумагами, секретными дѣлами. Всѣ близко къ нему стоявшіе,

за время управленія имъ Главнымъ Штабомъ, могутъ засвидѣтельствовать, что онъ не только лучше, но и больше всѣхъ работалъ и при этомъ всегда съ полнымъ вниманіемъ и сердечнымъ участіемъ относился къ своимъ подчиненнымъ. Ежегодно, въ декабрѣ начальники окружныхъ штабовъ вызывались въ Главный Штабъ, гдѣ въ особыхъ совѣщаніяхъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ и по указаніямъ Н. Н. Обручева, разрабатывались вопросы мобилизаціи и сосредоточенія нашей арміи на разныхъ театрахъ дѣйствій и при различныхъ военныхъ и политическихъ комбинаціяхъ. Сообразно этому рѣшались вопросы дислокаціи, расквартированія нашей арміи, проведеніе стратегическихъ путей, укрѣпленіе извѣстныхъ пунктовъ и вообще все относящееся до обороны государства. На основаніи этихъ данныхъ начальники штабовъ, по возвращеніи къ себѣ, на мѣстѣ, въ своихъ округахъ, составляли подробные планы военныхъ дѣйствій, которые каждый годъ повѣрялись и исправлялись въ Главномъ Штабѣ. Вся эта обширная работа, которая исполняется и понынѣ, въ свое время была создана Обручевымъ. Послѣ этихъ засѣданій въ Главномъ Штабѣ, пріѣзжіе начальники штабовъ, высшіе войсковые начальники въ округахъ и многіе изъ чиновъ Главнаго Штаба часто приглашались на обѣдъ къ Николаю Николаевичу Обручеву, который являлся у себя дома самымъ гостепріимнымъ и радушнымъ хозяиномъ.

Когда Н. Н. Обручевъ состоялъ во главѣ Главнаго Штаба, всѣ важнѣйшія военныя реформы проводились по его инициативѣ и по его указаніямъ. За это время у насъ вновь сформировано было 3 армейскихъ корпуса и сведены въ корпуса Кавказскія и Туркестанскія войска. Введена новая обширная система резервныхъ войскъ, для чего были сформированы пѣхотныя резервныя бригады, которыя въ военное время развертывались въ дивизіи первой и второй очереди; при этихъ частяхъ хранились всѣ запасы обмундированія, снаряженія и вооруженія по штатамъ военнаго времени, что давало возможность, при малыхъ кадрахъ мирнаго времени, съ объявленіемъ мобилизаціи быстро развертывать пѣхотныя резервныя бригады въ армейскіе корпуса. Соотвѣтственно этой организаціи сформированы были резервныя артиллерійскія бригады и резервные саперные баталіоны. Пѣхотныя резервныя бригады введены были также и въ Туркестанѣ и въ трехъ Сибирскихъ округахъ, гдѣ впослѣдствіи онѣ были переформированы въ стрѣлковыя бригады и дивизіи. Кавалерія усилена сформированіемъ новыхъ

драгунскихъ полковъ, при чемъ всѣмъ полкамъ армейской кавалеріи дано однообразное обмундированіе и вооруженіе по драгунскому образцу. Въ полевой артиллеріи сформированы стрѣлковыя артиллерійскіе дивизіоны и мортирные полки; въ инженерныхъ войскахъ — желѣзно-дорожныя, телеграфныя и воздухоплавательныя баталіоны и роты, и введены крѣпостныя инженерныя части. Въ Петербургскомъ, Виленскомъ, Варшавскомъ, Одесскомъ, Казанскомъ и Приамурскомъ военныхъ округахъ сформированы крѣпостныя полки и баталіоны; введены обозныя войска.

Съ 1881 по 1898 годъ, т. е. за время пребыванія въ должности начальника Главнаго Штаба генералъ-адъютанта Обручева, благодаря его усиліямъ, армія наша увеличилась:

По мирному составу ¹⁾.

По военному составу.

1) Пѣхота на 151 баталіонъ	на 395 баталіоновъ.
Кавалерія на 96 эскадроновъ	на 164 эскадрона.
2) Артиллерія на 149 батарей (343 орудія) на 169 батарей (1822 орудія).	
Парки на 21	на 92.
3) Инженерныя войска на 10 сап. и 3 жел.	
д. роты	на 15 ротъ.
Казачьи войска на 19 конныхъ и 13 пѣш.	
частей	на 79 конныхъ и 23 пѣш. ч.

Рядомъ съ увеличеніемъ боевой силы постепенно сокращались всѣ небоевые элементы арміи: мѣстныя баталіоны совсѣмъ упразднены, а мѣстныя команды съ 595 доведены до 158, т. е. сокращены на 437 командъ.

За указанный выше періодъ, армія наша, по штатамъ мирнаго времени, увеличилась почти на 6.000 офицеровъ и на 150.000 нижнихъ чиновъ, а по военному времени, — на 10.000 офицеровъ и на 500.000 нижнихъ чиновъ; вся же вооруженная сила наша возросла въ мирное время до милліона, а въ военное — почти до трехъ милліоновъ людей. Но такъ какъ не одной числительностью и матеріальною силою, а духомъ крѣпка армія, то для возстановленія боевыхъ традицій славнаго боевого прошлаго нашей арміи и для воспитанія молодыхъ поколѣній въ

¹⁾ 1) Въ томъ числѣ сформировано 30 крѣпостныхъ полковъ и 14 второочередныхъ резервныхъ дивизій. 2) Въ томъ числѣ 7 мортирныхъ полковъ въ 24 батареи и 14 горныхъ батарей. 3) Въ томъ числѣ крѣпостныя инженерныя части, — саперныя, минныя, телеграфныя, рѣчныя роты и воздухоплавательное отдѣленіе.

любви къ своей войсковой части и въ гордомъ сознаниі ея силы, многимъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ полкамъ даны имена доблестныхъ начальниковъ, связавшихъ свое имя съ боевымъ прошлымъ той или другой войсковой части. Такимъ образомъ, по мысли Обручева, и съ Высочайшаго Государя Императора одобренія, названіемъ полковъ, по именамъ славныхъ защитниковъ отечества, восстановлена боевая лѣтопись русской вооруженной силы. Какъ горячій патріотъ, какъ истинно русскій человѣкъ и большой знатокъ русской старины, Николай Николаевичъ Обручевъ настоялъ также на замѣнѣ искаженныхъ нѣмецкихъ именъ нѣкоторыхъ городовъ на нашей западной окраинѣ ихъ настоящими изстари русскими именами.

Одновременно съ увеличеніемъ арміи и съ перемѣною ея дислокаціи, при сосредоточеніи большихъ силъ на западной границѣ, особыми войсковыми комиссіями на мѣстѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Главной Казарменной Комиссіи, образованной при Военномъ Совѣтѣ и созданной также по идеѣ Обручева, построены были казармы съ офицерскими флигелями для 170 войсковыхъ частей и проложены стратегическія шоссе на протяженіи 1.650 верстъ. Наконецъ усплены укрѣпленія и вооруженія Кронштадта, Ковно, Варшавы, Новогеоргіевска, Брестъ-Литовска, Зегржа, Осовца и Владивостока.

При такой обширной и разнообразной дѣятельности, при массѣ текущихъ дѣлъ и разныхъ служебныхъ обязанностей, Н. Н. Обручевъ находилъ еще время для самостоятельной разработки многихъ военно-политическихъ, стратегическихъ и административныхъ вопросовъ, изложенныхъ въ цѣломъ рядѣ секретныхъ записокъ, представленныхъ Военному Министру и Государю Императору. Многія изъ этихъ записокъ и по нынѣ еще не устарѣли и находятся въ разныхъ отдѣлахъ Главнаго и Генеральнаго Штаба, гдѣ ими пользуются какъ руководящими указаніями при разработкѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ.

Вспоминая теперь мощную фигуру Николая Николаевича Обручева и проявленную имъ творческую силу, нельзя не замѣтить много общаго между нимъ и его знаменитымъ современникомъ, начальникомъ Прусскаго Генеральнаго Штаба, графомъ Мольтке. Молчаливые, суровые на видъ, неутомимые труженики, до фанатизма преданные своему дѣлу,—оба руководили работами высшихъ войсковыхъ штабовъ, создали, каждый въ своей странѣ, цѣлую школу талантливыхъ офицеровъ,

ихъ послѣдователей, и еще долго въ обѣихъ сосѣднихъ арміяхъ будетъ жива память объ этихъ двухъ выдающихся представителяхъ современнаго генеральнаго штаба. Даже въ ихъ интимной, внѣ-служебной жизни, находимъ мы общія черты. По свидѣтельству одного изъ нашихъ офицеровъ, состоявшихъ при Прусской главной квартирѣ во время Франко-Прусской войны 1870—71 гг., Мольтке, съ приближенными ему чинами штаба, каждый вечеръ игралъ въ вистъ, по очень маленькому кушу и съ очень сложнымъ расчетомъ. За этой игрой все успокаивались, и мысль, весь день напряженно работавшая все въ одномъ и томъ же направленіи, отдыхала. Даже наканунѣ и въ самый день такого крупнаго историческаго событія, какъ Седанъ, великій молчальникъ сыгралъ свои обычные три робера въ вистъ. Также и для Николая Николаевича Обручева единственнымъ и любимымъ развлеченіемъ была партія въ винтъ въ средѣ близкихъ ему людей; тутъ онъ дѣйствительно отдыхалъ послѣ тяжелыхъ трудовъ, но какъ человекъ долга, онъ не жертвовалъ для своего удовольствія ни однимъ часомъ работы.

Богато одаренный отъ природы и всесторонне образованный, Николай Николаевичъ Обручевъ всѣмъ интересовался, ничто ему не было чуждо. Онъ не замуравилъ себя въ узкихъ рамкахъ своей спеціальности, не ходилъ въ шорахъ, а широко смотрѣлъ по сторонамъ, внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ области науки и искусства. Особенно любилъ онъ живопись, ваяніе и водчество и часто поражалъ знатоковъ своей критикой и тонкостью своихъ наблюденій. Онъ не пропускалъ ни одной большой выставки и ежегодно посѣщалъ обычныя выставки академистовъ и передвижниковъ. Изъ современныхъ художниковъ онъ предпочиталъ Полѣнова и его картины изъ жизни Христа; когда появилась его большая картина „Грѣшница“, которая теперь въ музеѣ Императора Александра III, Николай Николаевичъ особенно ею восхищался и часто любилъ о ней говорить.

По мысли Н. Н. Обручева, и подъ непосредственнымъ его руководствомъ, въ зданіи Главнаго Штаба исполненъ цѣлый рядъ художественныхъ работъ. Начались онѣ съ обновленія церкви Главнаго Штаба. Церковь эта, во имя св. великомученика и побѣдоносца Георгія, основана при Императорѣ Александрѣ I, въ началѣ 1820-хъ годовъ, заботами и попеченіями князя Волконскаго, бывшаго тогда начальникомъ Главнаго Штаба Его Величества, а впослѣдствіи фельдмаршаломъ. Со-

стоя во главѣ квартирмейстерской части, имъ созданной, князь Волконскій избралъ для церкви мѣсто въ томъ домѣ, который былъ занятъ квартирмейстерскою частью или генеральнымъ штабомъ. Простоявъ затѣмъ почти 70 лѣтъ, церковь стала требовать значительнаго ремонта и обновленія. Но прежде чѣмъ приступить къ работамъ, свершилось чудесное событіе 17 октября 1888 г. Тогда чины Главнаго Штаба, съ генераль-адъютантомъ Обручевымъ во главѣ, желая увѣковѣчить въ памяти своихъ преемниковъ чудесное спасеніе Царя и Августѣйшей Семьи, остановились на мысли украсить достойнымъ образомъ свою церковь. Средства для осуществленія этой благой мысли не замедлили явиться. Работы по возобновленію церкви начались въ маѣ 1889 г. и окончились въ февралѣ 1890 года. Проектъ былъ составленъ академикомъ архитектуры М. Л. Ивановымъ, но общее руководство работами исходило отъ Н. Н. Обручева, который входилъ во всѣ мельчайшія подробности художественнаго убранства церкви. Особенный интересъ въ этомъ храмѣ представляетъ: большой парусный сводъ надъ кораблемъ церкви, замѣняющій собой куполь, съ изображеніемъ части неба, покрытаго звѣздами изъ граненаго хрусталя различныхъ величинъ, при чемъ на сводѣ астрономически точно изображена та часть неба, которая усматривалась со станціи Борокъ въ 12 часовъ 14 минутъ 17 октября 1888 года, когда, въ моментъ крушенія, остановились часы въ вагонѣ-столовой Императорскаго поѣзда. На южной стѣнѣ храма, противъ входныхъ дверей, большая картина-образъ, съ изображеніемъ „Проповѣдывающаго Христа“, окруженнаго народомъ; всѣ дѣйствующія лица—портреты Царской Семьи. Картина эта принадлежитъ кисти извѣстнаго по духовной живописи академика И. К. Макарова, вдохновившагося этимъ событіемъ. На противоположной сѣверной стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ двери, укрѣплены, въ два ряда, доски бѣлаго мрамора, съ черной мраморной же каймой. На этихъ доскахъ начертаны имена офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса военныхъ топографовъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ за время съ 1807 года.

Вслѣдъ за обновленіемъ церкви приступлено было къ отдѣлкѣ парадной лѣстницы Главнаго Штаба, строго выдержанной въ стилѣ Имперіи. Внизу, въ круглой прихожей, очищены отъ многолѣтней штукатурки и окраски чудныя колонны изъ итальянскаго розоваго мрамора. На средней площадкѣ, въ особой нишѣ, поставлена большая бронзовая статуя Петра, работы

известнаго академика скульптуры Антокольскаго. Эта лучшая у насъ статуя Петра была заказана Императоромъ Александромъ III-мъ Антокольскому для Петергофа, и, съ разрѣшенія Его Величества, копія съ нея, исполненная тѣмъ же художникомъ, поставлена на лѣстницѣ Главнаго Штаба. Подъ статуей, на мраморной доскѣ заключительныя слова приказа, отданнаго Петромъ передъ Полтавскимъ боемъ:

„А о Петръ въдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россія въ славу и благоденствіи“.

На балюстрадѣ лѣстницы поставлены четыре бронзовыхъ бюста противъ статуи Петра, — его фельдмаршалы, — Шереметевъ и Меншиковъ; надъ ними, Екатерининскіе фельдмаршалы: Румянцевъ и Потемкинъ. На верхней площадкѣ, по обѣимъ сторонамъ входной двери, въ особыхъ нишахъ, двѣ бронзовыя статуи: Суворова и Кутузова — подъ статуей Суворова надпись — *„Измаилъ у ногъ Вашего Величества“*; подъ статуей Кутузова: *„Теперь ни шагу даме“*. Статуи и бюсты эти художественно исполнены академикомъ скульптуры И. Н. Шредеромъ по особому заказу Обручева для Главнаго Штаба, при чемъ Николай Николаевичъ часто ѣздилъ въ мастерскую Шредера, въ академію художествъ, и лично руководилъ его работами.

Наконецъ, ротонда средняго этажа Главнаго Штаба, передъ входомъ въ церковь, обращена въ Георгіевскій залъ; на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, вдѣланныхъ въ стѣны, начертаны имена офицеровъ-колонновожатыхъ, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части и Генеральнаго Штаба, награжденных орденомъ св. Георгія. Устройствомъ этихъ досокъ, въ церкви и въ Георгіевскомъ залѣ Главнаго Штаба, осуществилось давнишнее желаніе офицеровъ Генеральнаго Штаба и получилась какъ бы боевая лѣтопись этого корпуса офицеровъ.

Въ 1887 году Н. Н. Обручевъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1888 году назначенъ почетнымъ членомъ Императорской академіи наукъ.

Въ 1893-мъ году послѣдовало назначеніе генераль-адъютанта Обручева членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ должности начальника Главнаго Штаба. Въ 1896 г. онъ былъ удостоенъ награжденія орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Эта высокая награда сопровождалась Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ Государемъ Императоромъ были начертаны слѣдующія знаменательныя выраженія.

„... Во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, когда Миѣ приходилось имѣть личныя къ вамъ отношенія,

какъ при научныхъ занятіяхъ въ годы моей юности, такъ и при обсужденіи дѣлъ государственныхъ, Я неизмѣнно выносилъ убѣжденіе въ вашемъ умѣ, отличномъ знаніи дѣла, прямомъ и откровенномъ характерѣ и неизмѣнной преданности Государю и Отечеству. Выражая вамъ сегодня искреннюю Мою признательность за ваши многолѣтніе неутомимые труды, Я, въ изъявленіе особаго Моего благоволенія, жалуя васъ кавалеромъ ордена Святого Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный и благодарный“.

„НИКОЛАЙ“.

Въ 1897 году бывшій Военный Министръ, генералъ-адъютантъ Ванновскій покинулъ свой постъ; одновременно съ нимъ удалился отъ дѣлъ и Н. Н. Обручевъ. Высочайшимъ приказомъ 31 декабря 1897 года генералъ-адъютантъ Обручевъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности начальника Главнаго Штаба, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ званіи генералъ-адъютанта и въ генеральномъ штабѣ; при этомъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Николая Николаевича Обручева, въ заключеніи было сказано:

„... Оставляя васъ въ званіи и при обязанностяхъ члена Государственнаго Совѣта, Я вполне увѣренъ, что ваше широкое образованіе, патріотическія ваши убѣжденія и испытанныя способности къ дѣламъ Государственнаго Управленія принесутъ несомнѣнную пользу при обсужденіи вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію сего высшаго государственнаго установленія“.

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Глубокоуважающій васъ и сердечно вамъ благодарный“

„НИКОЛАЙ“.

1897-мъ годомъ кончается самостоятельная служебная дѣятельность Н. Н. Обручева, посвятившаго всю жизнь, всѣ помыслы ревностному, безкорыстному, неуклонному и чистому служенію на благо горячо любимой имъ родины.

Оставленіе Обручевымъ должности начальника Главнаго Штаба почти совпало съ полувѣковой его службой. 13-го іюня 1898 года исполнилось 50 лѣтъ службы его въ офицерскихъ чинахъ. Въ ознаменованіе этого, среди почитателей военной, административной и ученой дѣятельности Н. Н. Обручева на пользу Русской арміи, возникло предположеніе собрать нѣко-

торую сумму, дабы связать его имя съ благотворительною цѣлью. По представленіи объ этомъ Военнаго Министра, 21-го октября 1897 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе открыть добровольную подписку среди чиновъ, служащихъ въ Главномъ Штабѣ, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ военно-топографическомъ училищѣ и въ фельдъегерскомъ корпусѣ, а также состоящихъ или состоявшихъ въ генеральномъ штабѣ и въ корпусѣ военныхъ топографовъ. 13-го іюня 1898 года юбиляру была поднесена сумма свыше 12.000 рублей, часть которой предназначалась для выдачи пособій наиболѣе нуждающимся чинамъ Главнаго Штаба, другая часть въ видѣ научной преміи имени Николая Николаевича Обручева въ Академіи Генеральнаго Штаба. Въ это же время послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе помѣстить портретъ Н. Н. Обручева въ одной изъ залъ Главнаго Штаба. Портретъ этотъ, прекрасно исполненный извѣстнымъ художникомъ Ярошенко, изображаетъ Николая Николаевича въ его служебномъ кабинетѣ Главнаго Штаба такъ, какъ мы привыкли ежедневно видѣть его за работой. Поразительный по сходству портретъ и мастерски написанная картина эта—одно изъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго художника. Наконецъ въ тотъ же день, 13-го іюня 1898 года, въ приказѣ по военному вѣдомству за № 149 было объявлено, что Государь Императоръ во вниманіе къ обширной и плодотворной дѣятельности бывшаго начальника Главнаго Штаба по организаціи обороны Государства вообще и обороны морскихъ подступовъ къ столицѣ Имперіи въ особенности, приказалъ одинъ изъ фортовъ крѣпости Кронштадта наименовать фортомъ „Генераль-Адъютанта Обручева“.

Покинувъ Главный Штабъ, Н. Н. Обручевъ не порвалъ съ нимъ связь; бывшіе подчиненные и сослуживцы часто его навѣщали, и онъ продолжалъ по-прежнему близко принимать къ сердцу и живо интересоваться всѣмъ, что дѣлалось въ военномъ мірѣ. Еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ дѣятельно занимался дѣлами Государственнаго Совѣта и, при обсужденіи наиболѣе важныхъ вопросовъ, съ прежней силой и талантомъ высказывалъ свое мнѣніе. Но усиленные работы подточили его крѣпкую натуру, онъ замѣтно сталъ хилѣть и въ послѣдніе годы часто похварывалъ. Особенно удручающе подѣйствовали на него наши первыя неудачи въ войнѣ съ Японіей, которую онъ не пережилъ.

25-го іюня 1904 года телеграфъ принесъ извѣстіе, что на югѣ Франціи, въ своемъ имѣніи Жоръ, скончался членъ Госу-

дарственного Совѣта, почетный членъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и Императорской Академіи Наукъ, числящійся по генеральному штабу генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи Николай Николаевичъ Обручевъ ¹⁾).

Тѣло его было перевезено въ Петербургъ 9-го іюля 1904 г. и было предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ чинами Главнаго и Генеральнаго Штаба на могилѣ его воздвигнуть памятникъ-часовня, а однимъ изъ близкихъ его друзей и товарищей пожертвованъ капиталъ на неугасимую лампаду въ часовнѣ. При входѣ же въ церковь Главнаго и Генеральнаго Штаба помѣщена икона Св. Николая Чудотворца, со оруженная сослуживцами Николая Николаевича Обручева и окруженная вѣнками, возложенными на его могилу. Подъ иконой на особой доскѣ надпись:

*„Обновителю Св. Храма
Генераль-Адъютанту Николаю Николаевичу Обручеву.
Вѣчная память.
Ревность дому Твоею смѣде меня“.*

Современники три раза занесли имя Николая Николаевича Обручева на мраморныя доски въ числѣ наиболѣе отличившихся. Грядущее поколѣніе, вѣроятно, еще болѣе оцѣнитъ это имя и занесетъ его на страницы отечественной исторіи на-ряду съ наиболѣе выдающимися русскими дѣятелями нашего времени.

А. Бильдерлингъ.

**Адресъ, поднесенный г.-ад. Обручеву въ день
50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.**

Копія.

Ваше Высокопревосходительство

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

Его Высокопревосходительству

Н. Н. Обручеву.

Гордость Русской арміи, Вы почти съ колыбели принадлежите ей. Сиротой по смерти отца Васъ опредѣлили въ бывшій

¹⁾ Наши союзники и наши противники учитывали военные таланты Н. Н. Обручева такимъ образомъ: когда онъ пріѣзжалъ во Францію, то его тамъ встрѣчали самымъ сердечнымъ образомъ и во французскомъ генеральномъ штабѣ не было для него никакихъ тайнъ, а когда въ Берлинѣ и Вѣнѣ было получено извѣстіе о смерти Н. Н., то тамъ, въ извѣстныхъ сферахъ, происходило ликование. *Ред.*

Александровскій малолѣтній корпусъ, въ Царскомъ Селѣ; оттуда перевели въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ, по окончаніи курса, 50 лѣтъ тому назадъ, 13-го іюня 1848 года, Вы были произведены въ прапорщики лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Пройдя затѣмъ послѣдовательно всю служебную лѣстницу до самыхъ высокихъ ея ступеней, Вы заняли почетное мѣсто въ высшемъ правительственномъ учрежденіи — членомъ Государственнаго Совѣта. За это время имя Ваше стало извѣстно во всей Россіи и пользуется достойною извѣстностью и за границей.

Воспитанный на счетъ правительства, Вы не остались въ долгу и сторицей вернули все на Васъ потраченное, отдавъ горячо любимой родинѣ всю Вашу жизнь, все лучшія Ваши силы, весь Вашъ умъ, всю Вашу душу. И только теперь, на разстояніи 50 лѣтъ, мы можемъ составить себѣ ясное представленіе объ истинной величинѣ Вашей, какъ выдающагося дѣятеля.

Богато одаренные отъ природы, Вы быстро стали расти и крѣпнуть, пустили глубокіе корни, широко раскинули свою дѣятельность. Соединяя блестящія способности съ неутомимымъ трудомъ, Вы сразу выдвинулись, пошли впередъ и такъ продолжали, съ неутомимой энергіей, съ неослабными силами, все время идти во главѣ всѣхъ. Корпусъ Вы окончили первымъ, и въ 1848 году имя Ваше занесено было на мраморную доску 1-го кадетскаго корпуса. Сойдя со школьной скамьи, Вы тотчасъ принялись за работу и уже въ 1850 году, будучи еще подпоручикомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, представили первый ученый трудъ Вашъ: „Опытъ исторіи военной литературы въ Россіи“, который былъ поднесенъ Его Императорскому Величеству въ день 50-ти лѣтняго юбилея со времени назначенія Государя Императора Николая I-го Шефомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Шесть лѣтъ спустя, Вы первымъ, съ большой серебряной медалью, окончили Академію, и въ 1854 году имя Ваше вторично занесено на мраморную доску— Императорской Военной Академіи. Въ томъ же году появилось первое капитальное сочиненіе Ваше: „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ“, положившее основаніе дальнѣйшимъ архивнымъ изслѣдованіямъ и изученію отечественной военной исторіи по подлиннымъ документамъ. Черезъ два года, въ 1856 году, Вы заняли кафедру Дмитрія Алексѣевича Милютина и вскорѣ стали однимъ изъ самыхъ выдающихся профессоровъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

Какъ управляющій дѣлами Военно-ученаго Комитета и какъ

профессоръ Академіи, Вы въ теченіе 20 лѣтъ создали цѣлую школу, подготовили много талантливыхъ офицеровъ, которые всѣ гордились тѣмъ, что они „ученики Обручева“. За это время Вы основали первый ежемѣсячный военный журналъ — „Военный Сборникъ“; издали первый полный общій и военный статистическій обзоръ Россіи, имѣвшій въ свое время громадный успѣхъ и обширное примѣненіе. Подъ Вашей редакціей изданъ также цѣлый рядъ статистическихъ изслѣдованій иностранныхъ государствъ. Въ то же время Вы были однимъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ реформъ царствованія Императора Александра II. Обще-обязательная воинская повинность и организація нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ основаніяхъ, равно какъ и основныя начала для подготовки вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій были разработаны при Вашемъ ближайшемъ содѣйствіи подъ высшимъ руководствомъ Генераль-Адъютанта Графа Милютина.

Но не однѣми только учеными и кабинетными работами исчерпывается выдающаяся дѣятельность Ваша. Пользуясь особымъ довѣріемъ Государя Императора Александра II-го, Вы въ концѣ 1876 года, незадолго до войны, были командированы съ особымъ секретнымъ порученіемъ за границу, для заключенія конвенціи съ Румыніей и съ Австріей. Въ минувшую войну Вы по Высочайшему повелѣнію были отправлены на театръ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи. И здѣсь, среди лучшихъ боевыхъ генераловъ доблестной Кавказской арміи, Вы также заняли подобающее мѣсто. При непосредственномъ участіи Вашемъ, армія одержала блестящую, и столь богатую по своимъ послѣдствіямъ, побѣду подъ Авліаромъ, приведшую къ уничтоженію арміи Мухтара-Паши, паденію Карса и къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи. Изъ-подъ Карса Вы по Высочайшему повелѣнію отправились въ дѣйствующую армію на Дунаѣ и, состоя при Императорской Главной Квартирѣ въ Порадимѣ, принимали участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ военнымъ и политическимъ вопросамъ того времени. Тотчасъ послѣ войны Вы снова были командированы за границу съ особымъ порученіемъ Государя къ Султану и прокламаціями Его Величества къ Болгарскому народу.

За бой на Аладжинскихъ высотахъ Вы были награждены орденомъ Св. Георгія, и имя Ваше въ третій разъ занесено на мраморную доску—Георгіевскихъ кавалеровъ. Въ воздаяніе же особыхъ услугъ, оказанныхъ Вами русской арміи въ эпоху

минувшей войны, Государь Императоръ Александръ II-й, въ день Своего рожденія 17-го апрѣля 1878 года, возвелъ Васъ въ званіе Генераль-Адъютанта.

Въ 1881 году Вы были назначены Начальникомъ Главнаго Штаба и, исполняя эти обязанности 16-ть лѣтъ, стояли во главѣ всего корпуса офицеровъ Генеральнаго Штаба, составляя его гордость, его силу и его славу.

Въ теченіе этого времени Вы были ближайшимъ и ревностнымъ сотрудникомъ Военнаго Министра Генераль-Адъютанта Ванновскаго въ разработкѣ государственныхъ вопросовъ перво-степенной важности, относящихся къ развитію системы резервовъ и государственнаго ополченія, къ устройству военно-конской повинности, къ мобилизаціи арміи, проведенію стратегическихъ путей, возведенію крѣпостей, сосредоточенію войскъ на случай войны и вообще во всѣхъ вопросахъ, обнимающихъ систему обороны государства.

Управляя одной изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ отраслей Военнаго Министерства, Вы во всѣхъ дѣлахъ являлись первымъ мастеромъ, первымъ работникомъ, служа всѣмъ примѣромъ самаго честнаго и добросовѣстнаго исполненія долга. Всѣ близко къ Вамъ стоявшіе, за все время Вашего управленія, могутъ засвидѣтельствовать, что Вы не только лучше, но и больше всѣхъ работали и при этомъ всегда съ полнымъ вниманіемъ и съ сердечнымъ участіемъ относились къ Вашимъ подчиненнымъ. Извѣстно, что для правителей нужны два условія: первое—умѣніе выбирать людей и второе,—не менѣе важное условіе, — умѣніе съ ними обращаться. Этому-то второму условію въ особенности удовлетворяли Вы какъ начальникъ и потому всегда пользовались не только заслуженнымъ уваженіемъ, но и общею любовью всѣхъ Вашихъ подчиненныхъ.

Современники три раза занесли имя Николая Николаевича Обручева на мраморныя доски въ числѣ наиболѣе отличившихся. Грядущее поколѣніе вѣроятно еще болѣе оцѣнитъ это имя и занесетъ его на страницы отечественной исторіи на-ряду съ наиболѣе выдающимися русскими дѣятелями нашего времени.

Въ ознаменованіе 50-ти-лѣтней службы Вашей въ офицерскихъ чинахъ, среди почитателей Вашей военной, административной и ученой дѣятельности на пользу Русской арміи, возникло предположеніе собрать нѣкоторую сумму, дабы связать имя Ваше съ благотворительною цѣлью по ближайшему Вашему усмотрѣнію.

По представленію бывшаго Военнаго Министра, Генераль-

Адъютанта Ванновскаго, въ 21-й день октября 1897 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе открыть добровольную подписку среди чиновъ, служащихъ въ Главномъ Штабѣ, въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, въ Военно-Топографическомъ училищѣ и въ Фельдъегерскомъ Корпусѣ, а также состоящихъ или состоявшихъ въ Корпусахъ Генеральнаго Штаба и Военныхъ Топографовъ.

Нынѣ названные чины, собравъ свыше 12.000 рублей, просятъ Васъ принять ихъ на учрежденіе благотворительнаго капитала Вашего имени, съ горячими пожеланіями и задушевными поздравленіями по поводу исполнившагося 18-го сего іюня 50-ти-лѣтія службы Вашей въ офицерскихъ чинахъ.

Генераль-Лейтенантъ Куропаткинъ.

Генераль-отъ-Инфантеріи Павловъ.

Генераль-отъ-Инфантеріи Дандевиль.

Генераль-отъ-Инфантеріи Анненковъ.

Генераль-Адъютантъ Графъ Пратасовъ-Бахметевъ.

Генераль-отъ-Инфантеріи Величко.

Генераль-отъ-Инфантеріи Лееръ.

Генераль-Лейтенантъ Сахаровъ.

Генераль-Лейтенантъ Зайцовъ.

Генераль-Лейтенантъ Лобко.

Генераль-Лейтенантъ Дубровинъ.

Генераль-Лейтенантъ Зыковъ.

Генераль-Лейтенантъ Штубендорфъ.

Генераль-Лейтенантъ Фельдманъ.

Генераль-Лейтенантъ Ореусъ.

Генераль-Лейтенантъ Стрѣльбицкій.

Генераль-Лейтенантъ Жилинскій.

Генераль-Лейтенантъ Глуховской.

Генераль-Лейтенантъ А. Проценко.

Генераль-Лейтенантъ Бильдерлинъ.

Генераль-Лейтенантъ Лобко 2-й.

Генераль-Лейтенантъ А. Боголюбовъ.

Генераль-Лейтенантъ Беневскій.

Генераль-Лейтенантъ Лачиновъ.

Генераль-Лейтенантъ Головинъ.

Генераль-Лейтенантъ Артамоновъ.

Генераль-Лейтенантъ Цингеръ.

Генераль-Лейтенантъ Шарниорстъ.

Генераль-Лейтенантъ Щербовъ-Нефедовичъ.

Генералъ-Лейтенантъ Соллоубъ.
 Генералъ-Маіоръ Петровъ.
 Генералъ-Маіоръ Кублицкій.
 Генералъ-Маіоръ Уссаковскій.
 Генералъ-Маіоръ Редигеръ.
 Генералъ-Маіоръ Фроловъ.
 Генералъ-Маіоръ Афанасьевъ.
 Генералъ-Маіоръ Фонъ-Виттъ.
 Генералъ-Маіоръ Путята.
 Протоіерей Григорій Словцовъ.
 Полковникъ Михневичъ.
 Полковникъ Макшеевъ.
 Полковникъ Золотаревъ.
 Статскій Совѣтникъ Перетерскій.

13 Іюня 1898 года.
 С.-Петербургъ.

Письмо графа Д. А. Милютина Н. Н. Обручеву.

Сименсъ. 20 іюня 1881 года.

Съ истиннымъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ газетахъ назначеніе Ваше на должность Начальника Главнаго Штаба, достойнѣйшій и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ.

Меня радуеть, что это важное мѣсто ¹⁾ будетъ занято человекомъ вполне достойнымъ и способнымъ, который доказалъ на дѣлѣ, что ставитъ интересы службы выше всякихъ личныхъ интересовъ.

Радъ сердечно, что Вамъ отдали должную справедливость, вопреки очевидной противъ Васъ подпольной работы. Отъ всей души желаю Вамъ и впредь успѣховъ какъ въ служебной дѣятельности, такъ и въ жизни.

Если могутъ Васъ интересовать свѣдѣнія о моемъ житьѣ-бытьѣ,—то могу Вамъ сказать, что я вполне наслаждаюсь своимъ настоящимъ положеніемъ.

Послѣ довольно утомительнаго путешествія съ большой семьей, съ груднымъ ребенкомъ ²⁾ и нѣсколькими собаками,

¹⁾ Тогда еще не было раздѣленія Генеральнаго Штаба и Главнаго Штаба, и начальникъ Главнаго Штаба вѣдалъ обонми Штабами.

Ред.

²⁾ Д. А. Милютинъ былъ дѣдушкой.

Ред.

мы добрались 15-го числа до своего тихаго пріюта и теперь благоденствуемъ въ полной мѣрѣ. Погода пока не важная, повремениамъ перепадають дожди, а потому растительность роскошная, невольно вспоминаю съ состраданіемъ о тѣхъ близкихъ сердцу людяхъ, которые лишены возможности пользоваться такой прелестной погодой и такимъ душевнымъ спокойствіемъ. Пока мы все еще заняты первоначальными работами по водворенію, что продлится еще долго, въ ожиданіи прибытія отправленнаго изъ Петербурга разными путями имущества. Съ прибытіемъ транспортовъ начнется новая усиленная работа по домашнему устройству. Такимъ образомъ о какихъ-нибудь умственныхъ занятіяхъ не можетъ быть и рѣчи; даже на чтеніе остается мало времени. При многочисленномъ и разнородномъ составѣ семьи и не рѣдкихъ посѣтителяхъ — день проходитъ незамѣтно. Мы часто вспоминаемъ о радушныхъ проводахъ нашихъ петербургскихъ друзей и сердечно благодарны имъ за высказанное ими сочувствіе. Жена моя и дочери, узнавъ, что я пишу Вамъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, поручаютъ мнѣ передать Вамъ ихъ искренній, дружескій привѣтъ. При встрѣчѣ другихъ нашихъ воскресныхъ посѣтителей, пожалуйста, передайте также имъ нашу общую, сердечную благодарность за всѣ ихъ любезности и вниманіе.

Очень обявали бы насъ, еслибъ когда-нибудь улучили свободную минуту, чтобъ сообщить намъ извѣстіе о себѣ и другихъ общихъ нашихъ пріятеляхъ, хотя знаю вполне, какъ трудно Вамъ найти такую свободную минуту. Новое назначеніе Ваше не будетъ ли препятствіемъ къ необходимому для Васъ отдохновенію за границей?

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ препроводить къ Вамъ на усмотрѣніе и распоряженіе полученное мною здѣсь письмо полковника Генеральнаго Штаба Маціевскаго. Генераль Махотинъ ¹⁾ доложитъ Вамъ подробности его дѣла. Сколько мнѣ помнится, мы съ графомъ Федоромъ Логгиновичемъ ²⁾ дѣйствительно считали возможнымъ возстановить пошатнувшуюся репутацію этого офицера, предоставленіемъ ему снова должности

¹⁾ Главный Начальникъ Военно-учебныхъ заведеній.

Ред.

²⁾ Гр. Фед. Лог. Гейденъ былъ Начальникомъ Главнаго Штаба.

Ред.

полковаго командира ¹⁾. Рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ Вашего взгляда на обстоятельства его дѣла.

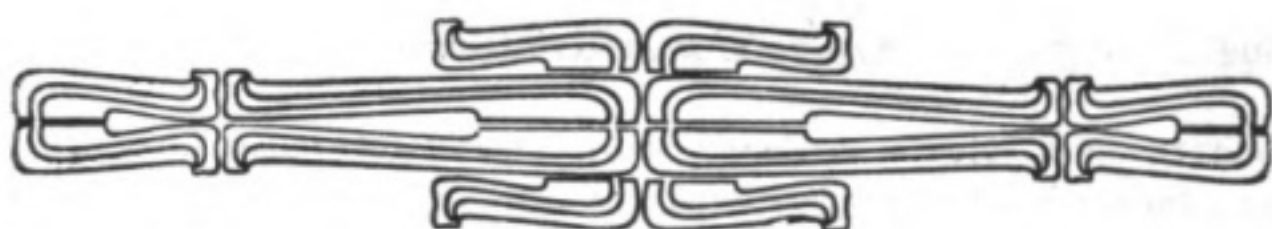
Будьте здоровы и счастливы, дорогой Николай Николаевичъ, сохраните навсегда ваше дружеское расположеніе и вѣрьте неизмѣннымъ чувствамъ душевно Вамъ преданнаго

Д. Милютіна.

¹⁾ Полковникъ Маціевскій, будучи въ штабѣ 9-го корпуса и исправляя по временамъ должность начальника штаба корпуса, сильно неладилъ съ командиромъ корпуса Генераломъ барономъ Криднеромъ. Впослѣдствіи полковникъ Маціевскій былъ назначенъ командиромъ Самогитскаго полка и закончилъ свою службу помощникомъ команд. войска туркестан. воен. окр.

Ред.

Лирика Е. А. Боратынского ¹⁾.

Второй периодъ дѣятельности Боратынскаго-лирика тѣсно связанъ съ первымъ не только общностью нѣкоторыхъ основныхъ мотивовъ и преемственностью, но и тѣмъ, что второй циклъ творчества охватываетъ собою и первый, подвергая его переработкѣ въ отношеніи какъ формы, такъ и содержанія. Сравнительно небольшое количество стихотвореній, относящихся къ периоду 1827—1835 гг., далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ поэтической работы Боратынскаго, очень продуктивной въ это время: поэтъ замыкался въ себя и творилъ для немногочисленнаго кружка людей. „какъ онъ уединенныхъ въ свѣтѣ“, и многое изъ написаннаго имъ въ этотъ периодъ осталось для насъ неизвѣстнымъ и, повидимому, безслѣдно пропало; еще большая часть поэтической работы уходила на исправленіе старыхъ стихотвореній, и это исправленіе указываетъ на характерныя особенности Боратынскаго во второмъ периодѣ его литературной дѣятельности. Указанныя особенности второго періода значительно осложняютъ задачу изслѣдователя, создавая трудности въ опредѣленіи объема поэтической мысли и ея выраженій въ 1827—1835 гг., но облегчаютъ работу въ выясненіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ лирикѣ Боратынскаго за данный периодъ.

Въ 30-хъ годахъ Боратынскому казалось, что „время индивидуальной поэзіи прошло, другой еще не созрѣло“, но въ дѣйствительности индивидуальная поэзія только-только вступала въ настоящую фазу своего развитія, и однимъ изъ наиболѣе яркихъ поэтовъ-индивидуалистовъ является именно въ это время (а также и въ третій периодъ—въ 1835—1842 гг.) самъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1914 г.

Боратынскій. Поэтъ особенно часто задумывается о поэзи, ея назначеніи и средствахъ выраженія, и приходитъ къ выводу, что „на свѣтѣ нѣтъ ничего дѣльнѣе поэзи“; въ разрѣзъ съ этимъ положеніемъ шло слагавшееся въ немъ убѣжденіе объ индивидуальной поэзи, время которой прошло, и онъ порой готовъ былъ отказаться отъ своей поэзи и говорилъ:

Все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ:
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Но не переставалъ поэтъ искать созвучныхъ словъ и новыхъ формъ, и въ это время, въ началѣ 30-хъ годовъ, его муза окончательно принимаетъ черты „необщаго выраженья“, отказываясь и освобождаясь отъ всѣхъ условностей, подъ вліяніемъ которыхъ образовался поэтический обликъ Боратынскаго въ 20-хъ годахъ.

Поэтическія условности способствовали развитію техники и учили поэтическимъ формамъ Боратынскаго, но въ то же время сковывали поэта застывшими рамками и стѣсняли выраженіе и развитіе индивидуальной, своей особенной лирической мысли. Въ 30-хъ годахъ работа Боратынскаго надъ старыми стихотвореніями идетъ въ новомъ направленіи: въ отрѣшеніи отъ условностей, въ исключеніи цѣлыхъ отдѣловъ съ слишкомъ „общимъ выраженьемъ“.

Въ связи съ новыми приѣмами и требованіями, предъявлявшимися имъ къ стихотвореніямъ, Боратынскій стилизуетъ также и форму, доводя ее въ лаконизмъ до послѣдней степени сжатости, порою даже въ ущербъ ясности.

Разъ, въ частномъ разговорѣ, на вопросъ: что такое поэзія,— Боратынскій, любившій выражаться афоризмами (какъ о томъ свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій), отвѣчалъ: поэзія есть полное ощущеніе данной минуты.

Такое опредѣленіе поэзи какъ нельзя болѣе подходитъ къ стихотвореніямъ Боратынскаго второго періода, сильнымъ лиризмомъ и какою-то особенной сосредоточенностью и выпуклостью изображенія. Трудно классифицировать лирическія произведенія 1827.—1835 гг., представляющія выраженія лирической мысли въ свободной формѣ; можно, пожалуй, выдѣлить особый видъ небольшихъ стихотвореній, извѣстныхъ подъ названіемъ антологическихъ (такъ называлъ ихъ самъ поэтъ), какъ особенно часто встрѣчающійся въ это время и наиболѣе

любимый поэтъ. Къ такимъ антологическимъ стихотвореніямъ относятся, на примѣръ, „Муза“, „Мой даръ убогъ, и глосъ мой не громокъ“, „Не подражай: своеобразенъ геній“, „Чудный градъ порой сольется“, „Небо Италиі, небо Торквата“ и т. д. Выписываемъ одно изъ такихъ стихотвореній, какъ образецъ выраженія въ сжатой формѣ глубокой и своеобразной мысли:

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
 Старательно людей мы наблюдаемъ
 И чудеса постигнуть уповаемъ:
 Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
 Что, наконецъ, подсмотреть очи зорки?
 Что, наконецъ, пойметъ надменный умъ
 На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ?
 Что?—точный смыслъ народной поговорки.

Въ антологическихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго афористическій стиль достигаетъ своего высшаго развитія и яркой выразительности: въ десяткѣ—другомъ стихотвореній заключено столько мыслей, выраженныхъ художественными афоризмами, что ими приобрѣтаетъ Боратынскій право на имя поэта-мыслителя, поэта мысли.

Постоянныя заботы о возможной сжатости, художественно-афористическій стиль являются одними изъ наиболѣе яркихъ особенностей „необщаго выраженія музыки поэта, выработавшаго свой особый, поразительно мѣткій языкъ, въ которомъ порой экономя словъ затемняетъ ясность смысла и заставляетъ разгадывать загадку, заданную поэтъ сжатою фразой съ неестественной разстановкой словъ“¹⁾.

На-ряду съ небольшими по размѣрамъ стихотвореніями—передачи полнаго ощущенія извѣстной минуты—мы находимъ во второмъ періодѣ и большія стихотворенія, въ которыхъ поэтъ развиваетъ свободно и широко свою мысль въ художественно-значительныхъ и законченныхъ картинахъ. Изъ такихъ стихотвореній обращаютъ на себя особенное вниманіе „Послѣдняя Смерть“, торжественный гимнъ своей родинѣ—„Мара“, ода къ

¹⁾ Валерій Брюсовъ справедливо, какъ намъ кажется, указалъ на причудливое расположеніе словъ, какъ на излюбленную Боратынскимъ особенность его стиля, и приводитъ примѣръ такого стиля: „Предразсудокъ—онъ обломокъ древней правды, храмъ упалъ, но руинъ его потомокъ языка не разгадалъ“. Такихъ примѣровъ съ запутанной разстановкой словъ изъ стихотвореній Боратынскаго можно привести какое угодно количество.

„Смерти“, ода „На смерть Гёте“ и элегія „Запустѣніе“ (такія стихотворенія, какъ „Смерть Багговута“, стоятъ настолько особнякомъ въ творчествѣ поэта, что возбуждаютъ сомнѣнія въ авторствѣ Боратынскаго). Всѣ указанныя стихотворенія отличаются, помимо глубины и значительности мысли, поразительной точностью и отчетливостью рисунка, богатствомъ красокъ, смѣлостью образовъ и необыкновенной энергіей стиха. Такова, на примѣръ, торжественно-мрачная картина въ „Послѣдней Смерти“:

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
 Явилася ужасная картина:
 Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
 Свершалася живущаго судьбина.
 Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылися въ гробахъ.
 Какъ древніе столпы на рубежахъ,
 Послѣднія семейства истлѣвали;
 Въ развалинахъ стояли города;
 По пажитямъ заглухнувшимъ блуждали
 Безъ пастырей безумныя стада;
 Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье,—
 Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.
 И тишина глубокая вослѣдъ
 Задумчиво повсюду воцарилась,
 И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
 Державная природа облачилась:
 Величественъ и грустенъ былъ позоръ
 Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
 По-прежнему животворя природу,
 На небосклонъ свѣтило дня взошло;
 Но на землѣ ничто его восходу
 Произнести привѣта не могло...
 Одинъ туманъ надъ ней, синѣя, вился
 И жертвою чистительной дымился.

(„Послѣдняя Смерть“, 1827).

Особенно художественно - символической значительности достигаетъ картинность Боратынскаго въ его одѣ „На смерть Гёте“ (1832). Отличительной особенностью, лично Боратынскому принадлежащей, является въ такихъ стихотвореніяхъ его, какъ на примѣръ, „На смерть Гёте“ или „Смерть“ (1828), художественная ясность, конкретность и яркость образовъ, которыми поэтъ передаетъ порой самыя отвлеченныя понятія. Этотъ

смѣлый символизмъ образовъ, посредствомъ конкретнаго передающій отвлеченное, проступаетъ вполне ясно въ самомъ началѣ второго періода, и въ 1828 году мы находимъ такой ясный, смѣлый образъ смерти:

Непонимаемая свѣтомъ,
Рисуешься въ его глазахъ
Ты отвратительнымъ скелетомъ
Съ косою уродливой въ рукахъ.

Ты дочь верховнаго Ээира,
Ты свѣтозарная краса:
Въ рукѣ твоей оливы мира,
А не губящая коса...

И ты летаешь надъ созданьемъ,
Забвенье бѣдъ вездѣ лія
И прохлаждающимъ дыханьемъ
Смиряя буйство бытія...

Ты предстаешь, святая дѣва!
И съ остывающихъ ланитъ
Бѣгутъ мгновенно пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

И краски жизни безпокойной,
Съ ихъ невоздержной пестротой,
Вдругъ замѣняются пристойной,
Однообразной бѣлизной.

Дружится кроткою тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье,
Условье смутныхъ нашихъ дней:
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Такою же пластичностью и конкретностью отличается и „непонятное“ божество—Камена Языкова, у которой:

Во взорахъ пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щекахъ,
Быль жаръ хмѣльной въ ея глазахъ

Или румянецъ вождельня...
 Она высоко рождена,
 Ей много славы подобаетъ:
 Лишь для любовника она
 Нарядъ Мэнады надѣваетъ...

(„Языкову“, 1831).

Въ числѣ особенностей техники Боратынскаго, характерныхъ для всего творчества, но, быть можетъ, наиболее ярко выразившихся во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности, отмѣтимъ частое смежное повтореніе, однихъ и тѣхъ же словъ или словъ съ одинаковыми корнями,—приемъ, которымъ поэтъ усиливаетъ, подчеркиваетъ какой-нибудь штрихъ въ образѣ и тѣмъ достигаетъ большей выразительности и особенной гармоніи, на примѣръ:

И кто не довѣрится
 Сіянью ихъ чистому,
 Эфирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знаменью?..

Одѣлася тьмой она,
 Вспылала причудою,
 Закралося въ сердце къ ней.
Лукавство лукаваю! („Лазурныя очи“, 1830).

Звучитъ *лирическая* младость
 Въ твоихъ *лирическихъ* грѣхахъ. („М. М. Языкову“
 1831).

На все отозвался онъ *сердцемъ* своимъ,
 Что проситъ у *сердца* отвѣта:

Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ *безпредѣльномъ* нашелъ ей *предѣлъ*...

И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
 Все *дольное дому* отдавшій... („На смерть Гете“,
 1832).

Что жъ? пусть *минувшее* *минуло* сномъ летучимъ!
 („Запустѣніе“, 1833—1834).

Въ первомъ періодѣ Боратынскій рѣдко пользуется разнообразными размѣрами, предпочитая столь распространенный четырехстопный ямбъ, изрѣдка соединяя его съ двухстопнымъ или трехстопнымъ; рѣдко вводитъ Боратынскій другіе размѣры (хорей и амфибрахій — больше какъ исключенія) и только для

посланій пользуется „извилистымъ, проворнымъ, длиннымъ, склизкимъ“ александрійскимъ стихомъ, который, встати сказать, звучитъ у поэта далеко непрворнымъ и отличается нѣкоторою тяжеловѣсностью.

Въ 1830 году Пушкину надоѣлъ четырехстопный ямбъ, и онъ находилъ, что его пора оставить „мальчикамъ въ забаву“; приблизительно въ это же время начищаетъ и Боратынскій разнообразить свою ритмическую рѣчь новыми размѣрами и новою сложною строфичностью, и даже александрійскій стихъ, пріобрѣтя живость, становится неузнаваемымъ. Слѣдуетъ отмѣтить довольно частое употребленіе пятистопнаго ямба, а также граціозное движеніе и живость короткихъ стиховъ, въ которыхъ Боратынскій какъ бы играетъ пѣонами.

Таковы, напримѣръ, ямбическіе пѣоны въ стихотвореніи „Гдѣ сладкій шопоть“, въ которомъ они способствуютъ передачѣ шопота лѣсовъ:

Гдѣ сладкій шопоть
 Моихъ лѣсовъ?
 Потокъ ропоть,
 Цвѣты луговъ?
 Деревья голы,
 Коверъ зимы
 Покрылъ холмы,
 Луга и доли...

Вспомнимъ также двухстопные амфибрахи въ „Лазурныхъ очахъ“ съ наклономъ къ пѣонамъ, что придаетъ особенную плавность стиху и отбѣняетъ мысль поэта:

Люблю я красавицу
 Съ очами лазурными:
 О, въ нихъ не обманчиво
 Душа ея свѣтится!
 И если прекрасная
 Съ любовію томною
 На миломъ покоитъ ихъ,
 Ояъ мирно блаженствуетъ;
 Вовѣкъ не смутитъ его
 Сомнѣнье мятежное.
 И кто не довѣрится
 Сіянью ихъ чистому,
 Эфирной ихъ прелести,

Небесной души ея
Небесному знамени?..

Силу, значительность ритма, какъ могучаго орудія поэта, Боратынскій прекрасно сознавалъ и въ этомъ отношеніи не переставалъ работать, совершенствуя музыкальную форму своихъ произведеній и доводя ритмическую выразительность до такой степени силы, какую она имѣетъ въ его „Послѣднемъ Поэтѣ“— въ чередованіи строфъ пятистопныхъ ямбовъ со строфами четырехстопныхъ хореевъ:

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнула при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи младенческіе сны,
И не о ней хлопчуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Языкъ и тонъ стихотвореній Боратынскаго значительно отличается отъ поэтическаго языка Пушкина и современной ему эпохи какъ употребленіемъ церковно-славянизмовъ, къ которымъ Боратынскій прибѣгаетъ довольно часто, такъ и нѣкоторой экзотичностью словъ и выраженій, экзотичностью, особенно нравившейся поэту.

И въ языкѣ Боратынскій мало слѣдовалъ „за свой вѣкъ увлекающимъ гениемъ“ и, какъ бы въ противовѣсъ ему, создалъ свой собственный, оригинальный своей изысканностью, но часто непонятный въ морфологическихъ и синтаксическихъ образованіяхъ. Особенно любилъ поэтъ малоупотребительныя слова въ римахъ, что придавало какъ будто особенный отбѣнокъ его римѣ неожиданымъ поворотомъ:

Имъ безсмертье я привѣчу...
И душѣ моей навстрѣчу („Своенравное прозванье“,
1833—1834).

Не въ дни веселыя живительнаго мая,
 Когда; зелеными вѣтвями помавая... („Запустѣніе“,
 1833--1834) и т. д.

На измѣнчивой землѣ...
 Одинакія крилѣ.

На -ряду съ церковно-славянизмами, Боратынскій такъ же широко пользуется и архаизмами, или же неологизмами, болѣе похожими на архаизмы по своему образованію. И этотъ изысканный, своеобразный языкъ, имѣющій дѣйствительно „необщее выраженіе“, поэтъ выработывалъ сознательно и дорожилъ имъ, какъ своею собственностью: такъ сильна была у Боратынскаго ненависть къ подражанію и къ подражателямъ, что и въ этомъ отношеніи онъ сознательно шелъ своимъ независимымъ путемъ.

Идейное содержаніе стихотвореній Боратынскаго во второмъ періодѣ значительно расширяется, исходя изъ того круга, въ которомъ оно вращалось въ 20-хъ годахъ. Условное, заимствованное отпадаетъ, но остаются въ полной силѣ основныя мысли, и, быть можетъ, ни въ одномъ изъ произведеній Боратынскаго не высказалась такъ ярко и сосредоточенно пессимистическая проповѣдь детерминизма, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи 1834 года:

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
 Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
 Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
 Невластная сойти; небесныя свѣтила
 Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
 Влечетъ; бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
 Его летучему дыханью положенъ.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
 Мятенныя мечты смиримъ иль позабудемъ;
 Рабы разумныя, послушно согласимъ
 Свой желанія со жребіемъ своимъ,—
 И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
 Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
 Даруетъ страсти намъ?..
 О, тягостна для насъ...
 Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною
 И въ грани узкія втѣсненная судьбою.

И эта исповѣдь детерминизма принимаетъ въ второмъ періодѣ еще болѣе мрачный характеръ трагическаго разлада разума,

внушающаго „разумнымъ рабамъ“ покорно согласить „свои желанія со жребіемъ своимъ“, и чувства, не могущаго примириться съ узкими гранями, въ которыя судьба втѣснила могучія волны жизни. Въ связи съ такой мрачной теоріей о подчиненности человѣка міру явленій и слѣпому несправедливому року, Боратынскій привѣтствуетъ „разрѣшеніе всѣхъ загадокъ и цѣпей“—освободительницу смерть, замѣняющую невоздержную пестроту красокъ безпокойной жизни „однообразной бѣлизной“, и называетъ смерть „дочерью верховнаго Эѳира“ и „свѣтозарною красой“.

Снова поэтъ устремляется за истиной и счастьемъ — и снова не находитъ счастья, а голосъ истины кажется ему тѣмъ могильнымъ голосомъ, который произнесъ бы черепъ, если бы стократно-благой законъ не запечатлѣлъ ему уста молчаньемъ. Въ 30-хъ годахъ Боратынскому иногда казалось, что онъ нашелъ истинное въ прекрасномъ („прекрасное—истинно“—говорилъ поэтъ) и, подобно тому, какъ въ первомъ періодѣ онъ находилъ успокоеніе въ области свободнаго творчества,—развивая эти мысли въ второмъ періодѣ, онъ думаетъ найти и истинное счастье въ области творчества, какъ въ единственной свободной области, не подверженной законамъ слѣпорока. И поэтъ уходитъ въ этотъ свѣтлый, прекрасный, истинный и свободный міръ и говоритъ:

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье,
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупить заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей. (1833—1834).

И въ стихотвореніи, обращенномъ къ „А. А. Ф...ой“, поэтъ рисуетъ свободный міръ творчества:

Сей міръ свободнаго мечтанья,
Въ который входитъ лишь поэтъ,
Гдѣ исполненія находятъ все желанья,
Гдѣ сладки самыя страданья,
И идѣ обмановъ сердцу нить. (1833—1834).

Освобожденный отъ порывовъ страстей, поэтъ узрѣлъ огромный очеркъ поэтического міра

И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ. („Въ дни безграничныхъ
увлеченій“, 1831).

Вслѣдствіе того, что поэтъ нашелъ міръ, въ которомъ „обмановъ сердцу нѣтъ“, мрачные и скорбные напѣвы его музы являются не исключительными въ это время. Въ міръ явленій царить „свобода глупости и зла“, но онъ спасается отъ этого міра на чудесномъ коврикѣ-самолетѣ

И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной Царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель. („Бѣсенокъ“, 1828).

Но слишкомъ всевластна „посторонняя суета“, и, врываясь въ поэтическій міръ, суета разрушаетъ его:

Чудный градъ порой сольется
Изъ румяныхъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты. (1829).

И снова грусть охватываетъ поэта, вызывая сомнѣнія въ мгновенныхъ созданіяхъ поэтической мечты, и прекрасное, казавшееся ему истиннымъ, свободное творчество въ искусствѣ представляется ему всего на всего „игрой златой“, и поэтъ почти отказывается отъ творчества, говоря:

Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ—
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ. („Бывало,
отрокъ звонкимъ кликомъ“, 1831).

Этотъ мотивъ о значеніи искусства въ жизни, о назначеніи искусства и свободнаго міра „свободнаго мечтанья“ поэта про-

ходить черезъ все творчество Боратынскаго, начинаясь въ первыхъ его лирическихъ произведеніяхъ и пріобрѣтая наибольшую яркость и остроту въ послѣднемъ періодѣ творчества.

Отмѣтимъ во второмъ періодѣ творчества Боратынскаго также нѣкоторые мотивы, только намѣчающіеся, но не получившіе настоящаго, полнаго выраженія.

Къ такимъ мотивамъ относится „омраченіе болѣзненной души“ поэта, тщетно порывающагося къ разрѣшенію отъ опутавшихъ его сѣтей:

Когда сей демонъ, наводящій
 На умъ мой сонъ его мертвящій.
 Отыдетъ, чадный, отъ меня,
 И я увижу лучъ блестящій
 Всеозаряющаго дня?...
 Вотще! Я чувствую: могила
 Меня живого приняла,
 И, легкой даръ мой удушая,
 На грудь мнѣ дума роковая
 Гробовой насыпью легла. („Когда исчезнетъ
 омраченіе“, 1833—1834).

Быть можетъ, въ связи съ этой „роковой думой“ находится обращеніе поэта къ дѣтскимъ годамъ („Есть милая страна, есть уголь на землѣ“, элегія Запустѣніе), къ тому времени, когда онъ не былъ „омраченъ виномъ“ и не приходилось убѣгать отъ „противнаго лица незаконнаго наперсника“. Видимо, какая-то „роковая дума“ тревожитъ поэта, и въ неясной, но живо ощущаемой тревогѣ духа заключается, быть можетъ, причина его обращенія къ религіи. Въ „омраченной душѣ“ нѣтъ покоя, и чадный демонъ своимъ мертвящимъ сномъ разрушаетъ царство истиннаго и прекраснаго:

Вотще-ль мольбы? напрасны-ль пени?
 Увижу-ль снова ваши сѣни,
 Сады поэзіи святой?
 Увижу-ль васъ, ея свѣтила?
 Вотще!.. („Когда исчезнетъ омраченіе“, 1833—
 1834).

И поэту начинаетъ брежжить новый путь—путь смиренія передъ оправданнымъ Промысломъ, и въ начатой поэмѣ „Вѣра я Невѣріе“ (1830) онъ говоритъ, что „въ смиренія сердца надо вѣрить и терпѣливо ждать конца“, и что

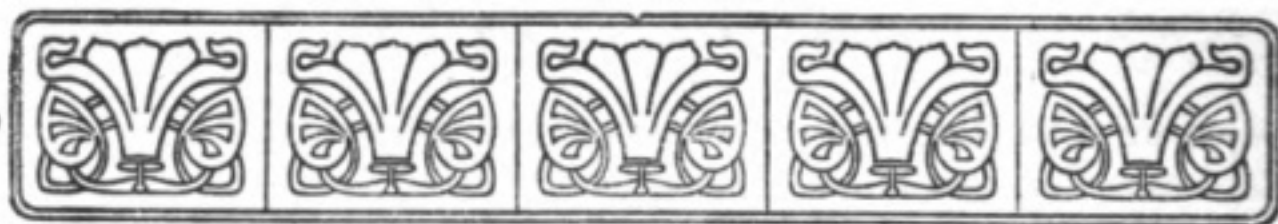
Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Эта тревога въ „исслѣдованіи премудрости вышняго Творца“, эта мѣра и оцѣнка земной жизни только намѣчается во второмъ періодѣ: „роковымъ думамъ“ поэта суждено было выразиться наиболѣе законченно въ третьемъ періодѣ, въ періодѣ „Сумерекъ“.

М. Гофманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава VIII ¹⁾.

Трудно, говоритъ Стэдъ, отдѣлить воспоминанія Ольги Алексѣевны Новиковой отъ моихъ собственныхъ, такъ какъ мы единодушно стремились удалить всѣ недоразумѣнія, мѣшавшія дружескому соглашенію между русскими и англичанами. Это особенно ярко замѣчается въ 1888 году, когда по приглашенію г-жи Новиковой, я пріѣхалъ въ Россію, былъ лично представленъ Государю и государственнымъ дѣятелямъ, политики которыхъ я много лѣтъ былъ адвокатомъ *motto proproria* въ англійской прессѣ. Стэдъ говоритъ: объ этомъ посѣщеніи Россіи у меня съ нею было не мало разговоровъ.

„Со времени подписанія Берлинскаго трактата, я сталъ издавать *Цэлъ Мелъ Газетъ*, говоритъ Стэдъ и въ особенности послѣ 1885 г., необходимость знакомства съ вершителями русской политики стала мнѣ очевидна. Никто мнѣ не давалъ никакихъ свѣдѣній о Россіи, кромѣ г-жи Новиковой.

„Въ 1885 г. Императорскій домъ сталъ подписываться на *Цэлъ Мелъ Газету*, но до 1888 г. я не имѣлъ счастья говорить, съ глазу на глазъ, съ моимъ Царственнымъ подписчикомъ. И подпиской и представленіемъ Ею Величеству обязанъ былъ я опять таки г-жѣ Новиковой. Можно себѣ представить ея негодованіе, когда, по пріѣздѣ въ Берлинъ, она увидѣла въ рекомендованной ею газетѣ, что я, съ 6 іюля, печатаю серію статей, названныхъ мною

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

„Дань Новому Вавилону“, которыя подъ именемъ „*Les Scandales de Londres*“ произвели большую сенсацію въ старомъ и новомъ свѣтѣ. Г-жа Новикова ничего не знала объ этихъ публикаціяхъ и пришла въ ужасъ при мысли о впечатлѣніи, которое произведутъ, въ Царскомъ Селѣ, первые номера Пэлъ Мелъ Газеты. Къ счастью, Русская Императорская фамилія согласилась съ королевой Викторіей въ признаніи необходимости изобличать порокъ, и вмѣсто вреда мнѣ эти статьи послужили на пользу.

„Но серіозные переговоры о посѣщеніи Россіи начались только въ 1887 г., говоритъ Стэдъ. Въ это время трудно было сказать, гдѣ будетъ находиться Государь. Существовало, вдобавокъ, общее недоумѣніе, можетъ ли согласиться Монархъ принять журналиста?“ Г-жа Новикова сначала не встрѣчала ободряющихъ отвѣтовъ, именно со стороны англійскаго посла.

„Въ 1888 г. положеніе Европы стало болѣе угрожающимъ. Появился генераль Буланже, и распространилось мнѣніе, что годъ не кончится безъ общей войны; неопредѣленнымъ дѣяте-лемъ была личность русскаго Императора. Трудно повѣрить теперь, но дѣйствительно общее мнѣніе тогда было, что Александръ III представляетъ величайшую опасность для европейскаго мира. Наша печать изливалась въ клеветѣ, продолжаетъ Стэдъ.

„Я писалъ г-жѣ Новиковой, что теперь именно я долженъ бы видѣть Государя, составить мнѣніе о его характерѣ и политикѣ. Но сдѣлать это было не легко. Дѣйствительно: Императоръ никогда не принималъ журналистовъ, и время въ Россіи было не спокойное.

10-го іюня 1887 г. г-жа Новикова мнѣ писала:

„Невъроятно трудно, особенно теперь, устроить какое бы то ни было свиданіе для васъ съ Государемъ. Планы путешествій Императора составляютъ государственную тайну; предполагаются нѣсколько поѣздокъ, но если вы спросите Гирса когда и куда они направятся, онъ корчитъ самую уморительную фигуру; когда я говорю о васъ, указывая на вашу всегдашнюю поддержку Россіи, мнѣ отвѣчаютъ: „*Ah oui, c'est très vrai, il a été très courageux et très impartial*“¹⁾.

Однако г-жа Новикова взялась за невозможное и съ помощью своего брата, генерала Кирѣева, адъютанта В. К. Константина Николаевича, Побѣдоносцева и Рихтера, она добилась разрѣшенія Государя, къ удивленію англійскаго посла, который

¹⁾ „Ахъ, да, это правда. Онъ былъ очень смѣлъ и безпристрастенъ“

вообразилъ, что всякое представленіе непременно должно идти дипломатическимъ путемъ.

„Къ чему его вмѣшательство? спрашивалъ удивленный Стэдъ, вовсе не знакомый съ придворнымъ этикетомъ; я помощи у него не просилъ. Почему не дать г-жѣ Новиковой сдѣлать это для меня? Я не знаю, что происходило между Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ и Петербургскимъ посольствомъ, но дня черезъ два я получилъ пріятное извѣстіе, что препятствія устранены и что Государь меня милостиво приметъ. Прежде чѣмъ уѣхать изъ Лондона, я видѣлъ Гладстона и большую часть нашихъ вліятельныхъ государственныхъ людей. Въ Парижѣ интервьюировалъ Буланже, Клемансо, Флоке, Гобле. Въ Бельгійи провелъ день съ Лавелей, въ Берлинѣ Бисмаркъ отказался меня принять, извиняясь передъ своимъ пріятелемъ, давшимъ мнѣ рекомендательное письмо, тѣмъ предлогомъ, что я очень опасный человѣкъ. Я видѣлъ доктора сэра Морель Макензи въ комнатѣ смежной съ той, въ которой умиралъ Императоръ Фридрихъ, и въ Берлинскомъ Русскомъ посольствѣ видѣлъ посланника Муравьева, котораго я встрѣтилъ, черезъ десять лѣтъ, Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Я пріѣхалъ въ Петербургъ наканунѣ Пасхи и присутствовалъ на ночномъ богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ.

„По пріѣздѣ въ Европейскую гостиницу, я узналъ о вмѣшательствѣ посла въ мои хлопоты о представленіи Государю. Я никогда не видѣлъ сэра Роберта Моріе до этого, но онъ зналъ Пэля Мелъ Газету и даже писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ 1886 г. слѣд.:

„Очень благодаренъ за Пэля Мелъ, я самъ ее получаю какъ необходимый ежедневный показатель температуры сумасшедшаго дома, въ какой обращено мое отечество“.

„Сэръ Робертъ Моріе былъ человѣкъ сильнаго, пылкаго характера, онъ ненавидѣлъ home rule больше даже, чѣмъ ненавидѣлъ Бисмарка.

„Извѣстіе, что издатель органа „Home rule“ будетъ принятъ Императоромъ, было для сэра Роберта Моріе настоящимъ ударомъ.

„Это представленіе не состоится“, восклицалъ самъ Стэдъ. Согласно этикету посолъ не имѣетъ права представить иностранному монарху кого бы то ни было, кто не былъ представленъ своему Государю. Я никогда не былъ при дворѣ и не имѣлъ намѣренія пользоваться услугами сэра Роберта Моріе. Чувствуя, что онъ намѣренъ испортить свиданіе, которому я

придавалъ такое огромное значеніе, я не поѣхалъ къ нему, а только послалъ ему брошюру, которую Лавелей просилъ ему передать. Къ великому моему удивленію, сэръ Робертъ Моріе пригласилъ меня обѣдать у него, и послѣ свиданія всегда я пользовался дружескимъ отношеніемъ ко мнѣ одного изъ способнѣйшихъ, если не величайшаго дипломата Англій“.

„Генералъ Кирѣевъ представилъ меня Гирсу, тогдашнему министру Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Г-жа Новикова представила Побѣдоносцеву, генералу Игнатьеву и многимъ другимъ. Было извѣстно, что я буду представленъ Государю, но о днѣ и о часѣ никто ничего сказать не могъ. Моріе, сначала враждебно относившійся къ представленію, сталъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждать, чтобы оно состоялось. О приѣмѣ или неприѣмѣ меня разсуждали такъ живо, какъ будто онъ имѣлъ дипломатическую важность. „Нѣтъ ни одного посла въ Петербургѣ, который не писалъ бы своему Министерству, на этой недѣлѣ, о возможности или невозможности приѣма“, говорилъ Моріе.

„Но я былъ принятъ Императоромъ, и онъ разсуждалъ со мной объ иностранной политикѣ Россіи, отъ Японіи до Берлина. Я очень былъ гордъ, слыша завистливыя восклицанія:

„Виданное ли это дѣло? Это все г-жа Новикова. О, эти дамы, чего только онѣ не могутъ сдѣлать?“ говорили разные дипломаты.

„Свиданіе было въ Гатчинскомъ дворцѣ.

„Генералъ Рихтеръ, представивъ меня, удалился, я остался лицомъ къ лицу съ Императоромъ.

„Началъ я говорить съ полной искренностью, что вмѣсто того, чтобы сидѣть въ присутствіи Его Величества, мнѣ слѣдовало бы пасть къ его ногамъ и униженно выразить свой стыдъ и огорченіе, по поводу несчастій, причиненныхъ Англіей Россіи, въ правленіе Биконсфильда. Мнѣ кажется, что пылкая искренность моихъ словъ тронула Александра III. Онъ сталъ говорить, нѣсколько медленно, но такъ чтобы дать мнѣ возможность отвѣчать, чѣмъ я не замедлилъ воспользоваться. Онъ говорилъ о г-жѣ Новиковой, хвалилъ ея прекрасныя статьи въ *Съверномъ Эхо* и позднѣе въ *Цалъ Мелъ Газетѣ* и отнесся съ большимъ благоволеніемъ къ моему участию въ ея дѣятельности. Я отвѣтилъ, что былъ счастливъ заглядить, насколько было это въ силахъ одного человѣка, зло, сдѣланное Биконсфильдомъ Россіи. Я сказалъ, что благодаря моей горячей защитѣ Россіи, на меня стали смотрѣть, какъ на неофіціального ея представителя

Я имъ не былъ, но такое общественное мнѣніе можетъ мнѣ сдѣлать большой вредъ въ будущемъ. „Какъ?“—спросилъ Государь. „Такимъ образомъ“, отвѣтилъ я. Предположимъ, что возникъ споръ, грозящій добрымъ отношеніямъ двухъ имперій, я думаю, что Англія должна бы сдѣлать нѣкоторыя уступки, которыя удовлетворили бы Россію.

„Императоръ улыбнулся и спросилъ: „Что бы Вы желали знать“?

„Я бы желалъ знать, ежели Ваше Величество *позволить мнѣ высказаться, какая политика намѣчена Вами, во вѣсь въ вопросахъ, касающихся возможнаго столкновенія между Россіей и Англійей?*

„Безъ всякаго колебанія Императоръ отвѣтилъ:

„Спрашивайте, что именно вамъ нужно знать, и я отвѣчу“.

„Я началъ съ Дальняго Востока. Каковы отношенія Россіи съ Японіей и Китаемъ?—Государь *отвѣтилъ просто, безъ фразъ и категорически.*

„Затѣмъ я коснулся *Средней Азій, Афганиста, Персіи и потомъ Ближняго Востока, во вѣхъ его видахъ. Я спрашивалъ особенно о будущности Константинополя и о политическихъ видахъ Болгаріи. На вѣсь мои вопросы я получилъ ясныя отвѣты, безъ колебанія. Онъ какъ будто затруднился при моемъ вопросѣ, согласилась ли бы Россія, въ случаѣ если возникли бы извѣстныя обстоятельства, на занятіе Гампоми Англичанами? Зачѣмъ разсуждать о такой далекой случайности, сказалъ онъ.*

„Потому“, отвѣтилъ я, что случайность можетъ явиться, когда я не буду въ состояніи спросить у Васъ, чего Вы желаете, а теперь, по крайней мѣрѣ, Вы можете мнѣ сказать, что по Вашему возможно, и что очевидно невозможно. Императоръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Потомъ говорили о Кобургахъ, о принцѣ Фердинандѣ и о положеніи на Балканахъ.

„Окончивъ вопросы, я смутился, вспомнивъ о часѣ Царскаго завтрака. Я посмотрѣлъ на часы.

„Разговоръ продолжался около трехъ четвертей часа. Я поблагодарилъ Императора за его милостивое вниманіе и сказалъ что не смѣю долѣше отнимать у него время. Улыбка и нѣкоторое удивленіе на лицѣ Государя, въ то время, какъ онъ поднялся съ своего мѣста, *дали мнѣ почувствовать, какой я оселъ. Не мнѣ было прекращать аудіенцію, а самому Монарху. Продолжай я говорить, я бы могъ воспользоваться еще получасомъ; теперь было поздно. Государь подошелъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, чтобы я просилъ Гирса давать мнѣ свѣдѣнія въ*

будущемъ. Глядя на мужественныя добрыя черты Александра III, я не удержался ему сказать:

„Когда я вспоминаю все навѣты и дерзости нашей печати, я не могу не чувствовать, что было бы естественно, если бы Ваше Величество потеряли терпѣніе. А если бы Ваше Величество его потеряли, полмилліона людей было бы въ кровавой могилѣ.

„Не бойтесь, отвѣчалъ онъ серьезно, я не потеряю терпѣнія. Войны не будетъ. Я ручаюсь за миръ. Если Англія, Россія и Германія будутъ единокорны, миръ всего свѣта обезпеченъ“.

„Я никогда больше не видѣлъ Александра III, но каждое его слово, сказанное мнѣ, при этомъ памятномъ случаѣ, оправдалось на дѣлѣ во все время его царствованія.

„Послѣ моего одинокаго завтрака, генераль Рихтеръ привезъ меня обратно въ Петербургъ; это былъ самый вѣжливый и любезный компаніонъ; онъ удивлялся необычайной продолжительности пріема, но когда я ему сказалъ случайно, что я разсуждалъ съ Государемъ о Константинополѣ и проливахъ, удивленію его не было конца.

„Тотчасъ по пріѣздѣ къ себѣ въ гостиницу я поѣхалъ къ г-жѣ Новиковой, которая была, конечно, довольна такимъ успѣхомъ. Отъ нея я поспѣшилъ въ Англійское посольство, гдѣ я засталъ сэръ Роберта Моріе, ожидавшаго съ нетерпѣніемъ сообщенія всехъ подробностей разговора.

„Сэръ Робертъ Моріе былъ вполнѣ государственный человѣкъ, а не лишь чиновникомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Когда я кончилъ свой рассказъ, онъ сказалъ:

„Вы касались всего міра, за исключеніемъ Египта.

„Я не хотѣлъ касаться этого вопроса, наше положеніе въ Египтѣ должно, я думаю, считаться совершившимся фактомъ.

„Спустя нѣсколько дней сэръ Робертъ Моріе прислалъ за мною. Онъ сказалъ мнѣ, что послалъ въ Министерство полный отчетъ о свиданіи, но желалъ прочесть частное письмо свое королевѣ Викторіи; она любила, чтобы ей сообщали подробно все выдающіяся событія. Онъ прочиталъ мнѣ блестящее описаніе свиданія и точный перечень всего сказаннаго Государемъ. Въ началѣ письма онъ говоритъ, что съ памятнаго свиданія Императора Николая I съ сэромъ Хамильтономъ Сеймуръ, ни одинъ русскій Императоръ не говорилъ такъ откровенно съ англичаниномъ.

„По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, говоритъ Стэдъ, я

написалъ книгу, подъ заглавіемъ „Правда о Россіи“, она имѣла несчастье возбудить неудовольствіе г-жи Новиковой.

Три четверти книги ей нравилось, но часть, въ которой порицалась система религіознаго преслѣдованія Побѣдоносцева, навлекла на меня ея бурное негодованіе. Слѣдующее письмо генерала Александра Кирѣева ясно доказываетъ невозможность согласованія взглядовъ англійскаго нонконформиста, какъ я, съ православнымъ русскимъ. Генералъ Кирѣевъ писалъ своей сестрѣ:

„Скажи Стѣду, что хотя бы онъ предалъ анаѣмъ Россію за ея недостатокъ вѣротерпимости, все же я требую, чтобы онъ оказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нашими чувствами руководятъ два соображенія: 1-ое, наше отечество органически связано со своею церковью, отсюда названіе „Святая Русь“, все, что противъ церкви, противится самой сути народной; и 2-ое, вполне убѣжденные въ обладаніи истины, мы не можемъ терпѣть какое бы то ни было на нее посягательство“.

Г-жа Новикова прибавляла.

Только равнодушіе могло бы допустить антиправославную пропаганду. Если бы двѣнадцать апостоловъ явились, мы бы приняли ихъ съ распростертыми объятіями потому, что они не пошатнули бы нашу вѣру, а только утвердили бы насъ въ ней. Г-жа Новикова глубоко негодовала, она писала:

„Десять лѣтъ вы старались удалять враждебность между Россіей и Англійей. Теперь вы точно желаете заключить въ тюрьму каждаго русскаго, чувствовавшаго симпатію къ вамъ или къ вашей работѣ. Когда вы клеветаете на насъ, было бы лучше выразить при этомъ нѣкоторое колебаніе, нѣкоторую неувѣренность и заявить хотя бы небольшое желаніе узнать истину. Въ предисловіи ваша обязанность, просто какъ честнаго человека, была сказать: г-жа Новикова просила меня выбросить три четверти этой книги, такъ какъ въ нихъ заключается одна клевета на Россію.“

Три четверти книги, надѣюсь, преувеличеніе. Лесаръ читалъ эту книгу и находилъ, что приблизительно восемьдесятъ страницъ, въ которыхъ говорится о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, не будутъ пропущены цензурой.

Какъ и слѣдовало ожидать, вся книга была запрещена въ Россіи. Тогда случилась странная вещь, Императоръ Александръ III, какъ мнѣ сказали, приказалъ отмѣнить запрещеніе и „Правда о Россіи“ стала свободно распространяться по всей Россійской имперіи. Я помню удивленіе Лесара, когда я ска-

валъ ему, что запрещеніе снято. „Это невозможно“, воскликнулъ онъ, но это было такъ.

Стэдъ упомянулъ въ Пэль Мель о пріемномъ днѣ г-жи Новиковой. Она пишетъ ему:

„На Васъ и на Ваши ошибки трудно долго сердиться. Право, Вы невмѣняемый человѣкъ. Зачѣмъ, напримѣръ, Вы несноснѣйшій изъ смертныхъ объявляете въ Вашей газетѣ о моихъ пріемахъ? У меня и безъ того больше гостей, чѣмъ я могу ихъ размѣстить. Но теперь Вы сами должны ко мнѣ пріѣхать, хотите или нѣтъ: у меня до Васъ спѣшное дѣло.

Негодующая О. К.

„Я не бывалъ на пріемахъ г-жи Новиковой, говоритъ Стэдъ, но той же причинѣ, на которую Гладстонъ намекаетъ въ одномъ изъ его писемъ къ ней:

„Надѣюсь заѣхать къ Вамъ, съ женою или одинъ, завтра въ 6 ч. или немного позднѣе; но не встрѣчу ли я опять у Васъ громадное общество, которое помѣшаетъ съ Вами переговорить толкомъ?“

Часто такъ бывало. Она писала Стэду объ одномъ ея пріемномъ днѣ:

„У меня перебивало около двадцати восьми человѣкъ, если не больше. Гладстонъ пріѣхалъ рано, въ три;—потомъ Фрудъ, потомъ Леки съ женою, князь и княгиня Гика (румынскій посланникъ съ женою), затѣмъ жена бразильскаго посланника, потомъ португальскаго и сэръ Генри Камибеллъ Баннерманъ съ женою.

Гладстону иногда удавалось не быть въ толпѣ. Г-жа Новикова такъ описываетъ одинъ его пріѣздъ.

„Гладстонъ былъ и былъ особенно интересенъ. Онъ опять повторилъ, что Вы были очень полезны во время восточнаго кризиса и были настоящимъ другомъ мнѣ, на что я отвѣтила, что никогда не забываю оказанныхъ мнѣ одолженій.

„Гладстонъ скоро уѣзжаетъ въ Неаполь. У него очень здоровый видъ и какъ онъ замѣчательно добръ. Онъ писалъ Гирсу поздравленіе съ юбилеемъ и конечно получилъ благодарный отвѣтъ.

Иногда у г-жи Новиковой проявляются довольно ѣдкіе сарказмы, которые она старательно скрываетъ. Такъ, напримѣръ, она пишетъ:

„Иностранцевъ очень забавляетъ, что англійскія дамы, съ

лэди Салсбери во главѣ, подносятъ женѣ американскаго посла великолѣпный брилліантовый браслетъ. Это, несомнѣнно, знакъ большого смиренія въ виду американской анти-британской демонстраціи.

„Не поднесутъ ли онѣ хлысть съ брилліантовой ручкой и Герберту Бисмарку за его урокъ Англіи?“

Г-жа Новикова мало писала объ общественныхъ увеселеніяхъ. Одно изъ рѣдкихъ исключеній было слѣдующее описаніе живыхъ картинъ въ Михайловскомъ дворцѣ. Сама г-жа Новикова принимала участіе въ такихъ картинахъ, то появляясь какъ Евангелистъ Іоаннъ, то какъ голландская женщина въ картинѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Она писала Стѣду 5-го апрѣля 1888 года.

„Семь картинъ были даны въ театральномъ залѣ дворца. Въ первой картинѣ Великая Княгиня Елисавета была прелестна какъ Пери, Принцесса Елена Мекленбургская изображала первую часть седьмой картины „Слава Россіи“. Она какъ нельзя лучше изобразила царскій блескъ и достоинство... Принцесса Елена—прекрасная пѣвица, совершенная артистка. Она управляла женскимъ хоромъ во время тѣхъ картинъ, въ которыхъ она не принимала участія, и пѣла первое меццо-сопрано. Последняя картина, *Парнасъ*, была необыкновенно остроумна и хорошо поставлена: на одной изъ галлерей надъ лѣстницей противъ входа. Во время этой картины была исполнена часть девятой симфоніи Бетховена.

Музыкальная программа была исполнена въ такомъ совершенствѣ, что Рубинштейнъ выразилъ свое искреннее одобреніе, хотя обыкновенно онъ рѣдко бываетъ доволенъ музыкальными исполненіями дилеттантовъ.

Наши добрые Государь и Государыня казались довольны и были очаровательно милостивы ко всѣмъ. Правда, они достойны быть такъ любимы, какъ ихъ любить Россія.

Отношенія между Россіей и Англіей стали нормальными, такъ, что г-жѣ Новиковой не приходилось такъ пылко предаваться прежней дѣятельности, поэтому Стѣдъ опускаетъ 1889, 1890 и 1891 годы, отмѣчая только отрывки изъ ея писемъ и писемъ ея друзей.

Вотъ великокняжеское свѣдѣніе:

16-е марта 1889.

„Завтра будетъ блестящее исполненіе Реквіема Моцарта въ Мраморномъ дворцѣ. Молодой Великій Князь Константинъ —

прекрасный поэтъ и музыкантъ. Все, что должно быть исполнено на роялѣ, будетъ исполнено имъ, онъ все играетъ наизусть“. Все же событія въ Славянскомъ мірѣ всегда находили откликъ въ ея сердцѣ, а иногда ее сильно озабочивали.

Когда Миланъ Сербскій отказался отъ престола (мартъ 1889 г.) и развелся съ королевой Наталіей, онъ нашель, что митрополитъ Михаилъ ему неудобенъ, и послѣдній предпочель оставить свой постъ, чѣмъ содѣйствовать разводу, и король обратился къ митрополиту Θεодосію, г-жа Новикова написала статью въ защиту митрополита Михаила въ англійскихъ газетахъ. Впослѣдствіи она его встрѣтила въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 5 мая 1889 года она говоритъ:

„У меня былъ сегодня утромъ митрополитъ Михаилъ, пріѣхавшій сюда на короткое время. Я удивилась, увидя его; я ожидала высокаго, сильнаго, воинственнаго вида человѣка, въ дѣйствительности онъ небольшой, худой, спокойный и очень симпатичный человѣкъ. Взглядъ его полонъ жизни и ума, а улыбка полна доброты. Мы говорили о братѣ моемъ Николаѣ, о цвѣтахъ, посланныхъ мною на памятникъ добровольцамъ; должна признаться — это былъ очень трогательный разговоръ.

Королева Наталія, навѣрное, соединится съ сыномъ; откладывается это изъ предосторожности, но Вы увидите, если Миланъ возвратится съ тѣмъ, чтобы Австрія заняла Сербію, это очень будетъ грозить европейскому миру. Я спросила у митрополита, находить ли онъ дѣятельность г-жи Эрби (Miss Roline Erbe) въ Сараево очень благородной и полезной? Онъ отвѣчалъ: „Да благословить ее Богъ за ея самопожертваніе. Австрійская пропаганда очень сильна въ Босніи и Герцоговинѣ, и я увѣренъ, что лишь благодаря австрійскому вліянію все молодое поколѣніе въ Сербіи бросило кириллицу. Вы понимаете, что это значить?“

Въ 1890 году г-жа Новикова получила отъ Гирса слѣдующую записку, относящуюся къ ея поддержкѣ русской политики въ англійской печати;

9/21 апрѣля 1890.

„Je Vous suis bien reconnaissant pour l'envoi de Votre intéressant article, servant de réponse à la presse anglaise qui délecte

tant de calomnies sur notre compte. Il faut espérer qu'il produira l'effet désiré en Angleterre¹⁾.

Краткое, но заслуженное признаніе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ неутомимыхъ услугъ, оказываемыхъ г-жей Новиковой, какъ даръ любви ея къ Россіи.

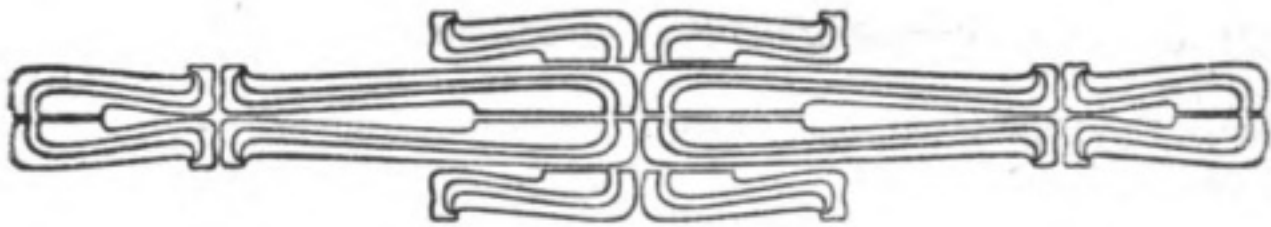
По такому же поводу Ольга Алексѣевна получала письма отъ князя Лобанова.

Сообщ. Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Я очень благодаренъ Вамъ за присланную интересную статью Вашу, въ отвѣтъ англійской печати, которая такъ наслаждается клеветой на нашъ счетъ. Надо надѣяться, что Ваше разъясненіе произведетъ желанное дѣйствіе въ Англии.

Не дошедшее по адресу письмо.

(Изъ архивныхъ связокъ).

Императрица Екатерина Великая пожаловала въ 1796 г. персидскому владѣльцу, Муртазѣ Кулихану, бриллиантовые перо и перстень.

Перо, какъ видно изъ произведенной описи, заключало въ себѣ 659 бриллиантовъ и розъ, разной величины, отъ камня въ 6 каратовъ до самыхъ мелкихъ, всего вѣсомъ 120 каратовъ, стоимостью въ 8.125 рублей.

Перстень былъ оцѣненъ въ 6.000 р. и заключалъ въ себѣ одинъ бриллиантъ *первой воды*, вѣсомъ, примѣрно, 17 каратовъ, стоимостью въ 352 р. 94¹/₈ к. карать.

Перо Муртаза Кулиханъ заложилъ 1 февраля 1800 г. въ астраханскомъ коммерческомъ банкѣ, подъ вексель, за 6.000 р., срокомъ на годъ, а перстень въ сентябрѣ того же года, срокомъ на 4 мѣсяца 20 дней, за 3.000 р.

Вскорѣ послѣ того Муртаза Кулиханъ умеръ и векселя его были банкомъ протестованы.

Въ 1801 г., на основаніи Высочайшихъ указовъ, послѣдовавшихъ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, государственнаго казначея, главнаго медицинской коллегіи директора и кавалера, барона Алексѣя Ивановича Васильева ¹⁾, означенные перо и перстень были выкуплены за счетъ государственныхъ доходовъ и отправлены въ кабинетъ.

Муртазѣ Кулихану наслѣдовали братъ его, Мустафа Ханъ, и сынъ, Меграли Ханъ, съ семействами. Повѣренный послѣдняго, Керимъ-бекъ, въ 1805 г. обратился къ главноуправляю-

¹⁾ Впослѣдствіи министръ финансовъ и графъ.

щему Грузіей и въ то же время Астраханскому и Кавказскому военному губернатору, князю Циціанову, съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ выкупу пера и перстня, для доставленія ихъ Мустафѣ Хану съ семействомъ *въ знакъ достопамятства всевысочайшаго благоволенія.*

Князь Циціановъ, не освѣдомленный своевременно о судьбѣ означенныхъ вещей, непосредственнаго отвѣта Керимъ-беку не далъ, а переслалъ его Астраханскому гражданскому губернатору, князю Тенишеву, съ предложеніемъ ни подъ какимъ видомъ не позволять выкупа изъ коммерческаго банка просимыхъ пера и перстня по причинамъ, изложеннымъ въ отвѣтѣ на имя Керимъ-бека, что же касается до заложенныхъ вещей, то ихъ онъ предполагалъ выкупить для казны, иди снестись по этому поводу съ кабинетомъ.

Присланное на имя Керимъ-бека письмо, написанное по-русски, съ персидскимъ переводомъ, слѣдующаго содержанія:

„Почтенный Керимъ-бекъ!

„Получивъ письмо ваше, коимъ просите, чтобы я позволилъ вамъ выкупить изъ коммерческаго банку брилліантовое перо и перстень, Всемилостивѣйше пожалованные покойному Муртазѣ Кулихану, имъ заложенные въ банкъ и которые сынъ его, а вашъ господинъ, Меграли Ханъ, желаетъ имѣть въ домѣ своемъ потомственнымъ знакомъ Высокомонаршаго благоволенія къ Муртазѣ Кулихану,—имѣю сказать вамъ, что ни для персидскаго хана, ни для армянина и ни для кого россійскій законъ не можетъ быть перемѣненъ, и когда уже время закладу просрочено, то по законамъ Россійскимъ выкупить его не можно и оный долженъ оставаться въ банкѣ. Сверхъ того высокостепенный господинъ вашъ, будучи племянникъ Бабахану Сардарю, непріятелю Россіи, при немъ находится и съ нимъ вмѣстѣ ведетъ войну противу высокостепенныхъ россійскихъ войскъ; то совсѣмъ не свойственно, чтобы непріятелю Россіи отдать тѣ знаки, кои за дознанную въ Муртазѣ Кулиханѣ преданность къ всероссійскому престолу были ему Высочайше пожалованы въ знакъ Высокомонаршаго благоволенія. А потому и отказываю вамъ въ семъ совершенно. Высокостепенный же Меграли Ханъ долженъ удивляться и тому, сколько правосудно и милостиво россійское правленіе, что, не взирая на непріятельскіе его поступки, оно не отказало ему въ выдачѣ и протчаго имѣнія, принадлежащаго отцу его Муртазѣ Кулихану. Въ протчемъ есмь доброжелательный.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Государя моего генералъ-отъ-инфантеріи, кавказской инспекціи по инфантеріи инспекторъ, главноуправляющій Грузією, Астраханскій и Кавказскій военный губернаторъ, управляющій гражданскою частью и пограничными сего края дѣлами, командующій военною Каспійскою флотилією, и орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра большаго Креста первой степени и Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-го класса кавалеръ *К. Циціановъ*“.

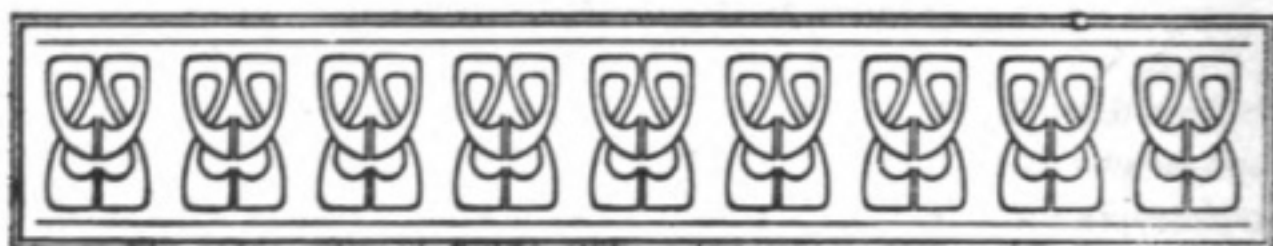
Елисаветполь
іюня 17 д. 1806 года.

Увѣдомляя князя Циціанова о послѣдовавшихъ еще въ 1801 г. выкупѣ вещей и отсылкѣ ихъ въ кабинетъ, князь Тенишевъ сообщилъ, что объ этомъ былъ извѣщенъ обращавшійся и къ нему съ просьбой о разрѣшеніи выкупа пера и перстня Керимъ-бекъ; послѣ того послѣдній выѣхалъ изъ Астрахани къ князю Циціанову, почему присланный на имя Керимъ-бека пакетъ остался неотданнымъ, при дѣлахъ губернатора.

При этихъ дѣлахъ пакетъ находится и теперь, уже второе столѣтіе.

Сообщ. Н. Максимовъ.

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

(Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда).

30-го іюня. Съ утра пріѣхалъ Ал. Ив. Миллеръ и объяснилъ дѣло въ Уторгощахъ, откуда, по настоянію г. Пантелѣва, три крестьянина чрезъ исправника отправляемы въ исправительное заведеніе въ СПБ., что натурально огорчило Ал. Ив., какъ мѣстнаго посредника. Успокоивъ его, какъ могъ, я предварилъ, что прочту на мировомъ съѣздѣ свое заключеніе, на основаніи котораго, вѣроятно, потребуютъ отъ него мѣншія, и тогда мы эти дѣла еще разъ пересмотримъ вмѣстѣ, съ тѣмъ мы разстались.

Пятый мировой съѣздъ былъ условленъ въ 5-ть часовъ, но начался едва въ 6^{1/2} часовъ. Всѣ журналы прошедшаго засѣданія были прочитаны. На мое предложеніе о смѣнѣ опекуни въ имѣніи г.г. Ренни, Пантелѣевъ и Лазаревъ старались возражать, но большинство было на моей сторонѣ. По окончаніи чтенія г. Марковичъ предложилъ составить списокъ праздниковъ. Наконецъ я прочиталъ бумагу слѣдующаго содержанія:

„На журналѣ Губернскаго присутствія подъ № 26 написано: *обратить особенное вниманіе на № 3*, въ которомъ подъ заглавіемъ „Общее распоряженіе“ изложенъ циркуляръ г. Управляющаго Министерства Внутреннихъ дѣлъ отъ 24-го мая, № 31, гдѣ сказано: Управляющій Мин. Внутр. Дѣлъ просить г. Начальника губерніи обратить особое вниманіе на то, чтобы законныя требованія и постановленія мировыхъ посредни-

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

ковъ и сѣздовъ были исполнены *неукоснительно*, какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и чтобы земская полиція и вообще мѣстныя власти оказывали *ревностное* мировымъ учрежденіямъ содѣйствіе. Для избѣжанія дальнѣйшихъ уклоненій отъ закона, попытокъ неповиновенія и прискорбной необходимости возстановлять порядокъ путемъ болѣе или менѣе строгихъ наказаній, необходимо, чтобы убѣжденіе въ окончательной неизбѣжности рѣшеній мировыхъ инстанцій и приказаній земско-полицейскихъ начальствъ твердо закоренѣлось въ народѣ, и т. д.⁴.

Вслѣдъ затѣмъ въ журналѣ Губ. присутствія № 27 является слѣдующая статья № 1.

Слушали: Рапортъ Лужскаго земскаго исправника отъ 4-го іюля № 4617, коимъ доносить, что временно обязанные крестьяне, водворенные въ имѣніи ст. сов. Пантелѣва, дер. Б. Уторгощи, несмотря на убѣжденія Мир. Поср. 3 участка, полковника Миллера, и внушенія мѣстнаго станового пристава, отказались отъ исполненія смѣшанной повинности. А какъ по секретному дознанію пристава обнаружено, что изъ сказаннаго общества крестьянъ болѣе всѣхъ волнуютъ Степанъ Кондратьевъ, Егоръ Павловъ Масеинъ и Степанъ Поповъ, то въ предупрежденіе могущаго произойти большого безпорядка, какъ въ имѣніи Пантелѣва, такъ и прочихъ владѣльцевъ, исправникъ, заарестовавъ сихъ 3-хъ человекъ, проситъ разрѣшенія на отправленіе ихъ въ исправительное заведеніе.

Положили: Усматривая изъ рапорта Луж. зем. испр., что не взирая на внушенія г. Мир. Посредника и законныя требованія мѣстнаго станового пристава, крестьяне дер. Б. Уторгощи, помѣщика Пантелѣва, отказались отъ исполненія смѣшанной повинности по вліянію на нихъ одновогчянныхъ съ ними крестьянъ: Кондратьева, Масеина и Попова, зааресованныхъ исправникомъ, то въ предупрежденіе дальнѣйшаго распространенія безпорядка Губ. Пр. полагаетъ: просить г. предсѣдателя сдѣлать распоряженіе объ отправленіи означенныхъ крестьянъ въ исправительное заведеніе въ томъ уваженіи, что по свидѣтельству исправника этой мѣры будетъ достаточно для возстановленія порядка.

„Встрѣчая въ сихъ двухъ направленіяхъ нѣкоторое различіе, нельзя не припомнить, что записка статскаго совѣтника Пантелѣва о неуройствахъ въ с. Уторгощи была читана въ засѣданіи 2 часа и мировой сѣздъ единогласно положилъ: на основаніи 110-й и 120-й ст. Положенія передать на заключеніе мѣстнаго мирового посредника.

„Обращаясь къ дѣйствию г. исправника, должно замѣтить, что по духу и разуму закона въ дѣлахъ, касающихся мировыхъ учрежденій, онъ не могъ дѣлать представленій иначе, какъ настоящимъ случаѣ онъ дозволилъ себѣ судить о пользѣ внушеній г. посредника, не имѣя на то никакихъ основаній и представилъ о томъ въ Губ. присутствіе мимо мирового съѣзда, то едва-ли онъ можетъ остаться безъ законной отвѣтственности“.

„По званію мирового посредника, не считая долгомъ сообщить о томъ Мировому Съѣзду, полагалъ бы: предоставить мировому посреднику 6-го участка, на основаніи ст. 24-й и 2-й и ст. 91-й, сообразивъ это дѣло, войти съ своимъ заключеніемъ, которое, по обсужденіи въ Мировомъ Съѣздѣ, представить въ Губ. присутствіе для доведенія до свѣдѣнія г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, дабы на будущее время циркуляры Министерства, какъ акты высшаго правительства, были исполняемы въ точности всѣми мѣстами и лицами и настоящее отступленіе при началѣ столь важнаго преобразования въ ущербъ Мировыхъ Учрежденій, возбуждающихъ противодѣйствіе полиціи, въ примѣръ другимъ, не осталось безъ послѣдствій“.

Чтеніе этой бумаги было для нѣкоторыхъ г.г. посредниковъ не ново, но для предводителя было весьма непріятно. Что дѣлать, таково наше званіе,—въ частномъ видѣ оно источникъ постоянныхъ неудовольствій, за то въ общемъ высоко благотворно, если посредникъ, постигнувъ цѣль своего призванія, будетъ стараться дѣйствовать на массу миролюбиво, вѣдряя законъ повсемѣстно.

При собираніи голосовъ оказалось 8 на моей сторонѣ, а Пантелѣевъ и Лазаревъ-Станищевъ остались при особыхъ мнѣніяхъ.—Увидимъ, что будетъ далѣе.

Здѣсь же посредствомъ особаго совѣщанія 5-и посредниковъ рѣшено дѣло Г. Тарана по 2-мъ вопросамъ:

- 1) о повинностяхъ, которыя признаны необременительными и
- 2) объ управителѣ, котораго предположено смѣнить, давъ знать о томъ чрезъ предсѣдателя Г. Д. С. С. Тарану.—Съѣздъ кончился въ 11 1/2 часовъ.

Іюня 8-го. Явился сельскій староста изъ Торжковской волости съ рапортомъ старшины, при которомъ препровождается крестьянинъ Осипъ, осужденный волостнымъ судомъ къ работѣ и не пожелавшій исполнить рѣшенія. Убѣдясь изъ разговоровъ, что молодой парень ослушался по глупости, я приказалъ ему

три раза поклониться въ ноги старостѣ, прося прощенія, и когда тотъ его простилъ, и виноватый съ полнымъ раскаяніемъ взялся исполнить приговоръ, я спросилъ у старосты, „что труднѣе: сдѣлать изъ преступника—человѣка или изъ человѣка—преступника“? Онъ отвѣчалъ: „первое—труднѣе, а второе легче“.

— „А, вѣдь, ты рѣшился его привести для того, чтобы я приказалъ ему набить желѣза на ноги да отправить въ тюрьму?“

Онъ молчитъ, а виноватый, стоя на колѣняхъ, умоляетъ.

— „Видишь ли ты, что изъ него можетъ быть человѣкъ? что онъ не послушенъ отъ глупости, а обдумается и самъ не радъ?“

— „Вижу“.

— „Ну, такъ убирайтесь оба домой, Осипъ пусть отработаетъ, какъ рѣшено, а ты за то, что не сумѣлъ сладить, самъ заплати 1 р., а старшина—2 р. штрафу въ мірскую кассу, впередъ будете умнѣе.“

Изъ представленныхъ свѣдѣній о штрафахъ есть примѣчательныя. Напр. въ с. Лужа баба Авдотья явилась на сельскую сходку и начала кричать и браниться, за что оштрафована 45 коп.

Въ с. Валокѣ мальчикъ, Семень, укралъ гармонку цѣною въ 50 коп. Мать вносила истцу 70 коп., но онъ не взялъ, а предпочелъ позвать воришку къ суду, который рѣшилъ: заплатить родителямъ 50 коп. тому мальчику, у котораго украдена вещь, а 1 р. 50 коп. штрафу въ мірскую сумму. Въ Туровскомъ обществѣ мужикъ, Павелъ, похвалялся чужою женою, и хотя потомъ сознался во лжи и просилъ прощенія, но сельскій староста оштрафовалъ его рублемъ.

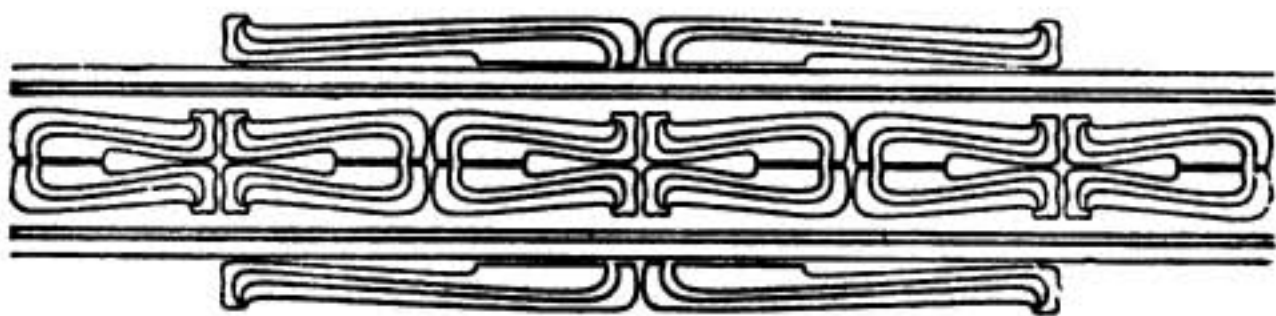
На бывшей 2-го числа ярмаркѣ въ с. Вычелобахъ повѣренный отъ откупа жаловался, что никогда такъ мало не было выпито вина; при томъ ни пьяныхъ, ни буйныхъ не было. Удивительная перемена, о которой старики не знаютъ, что и по думать: къ хорошему или къ худому.

У насъ къ саду ни одной ягоды не пропадаетъ, ни одной лошади въ протравѣ, чего въ 12 лѣтъ не бывало.

Сообщ. А. А. Половцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь П. С. Мещерскій ¹⁾).

26.

Сіятельный князь милостивый государь.

Подносителъ сего письма уездной татаринъ Ибраимъ: который по предстательству моему за оказанныя имъ знаки и опыты вѣрности въ бывшее замешательство удостоился получить высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе въ ознаменованіе его заслугъ и позволено ему имѣть торговой промыслъ о чемъ ваше Сіятельство изъ указа усмотрѣть соизволите, а я какъ свѣдомой человѣкъ сего дѣла препоручаю его въ милость и покровительство вашего Сіятельства. а равнымъ образомъ препоручая въ милость вашу и Казанской слободы татарина Исая получившаго въ знакъ благоволенія Монархини за полученные имъ раны золотую медаль: я весьма удостовѣренъ, что ваше Сіятельство по свойству справедливой души вашей истинну и заслуги отличить всегда соблаговолите.

Впрочемъ прошу продолжить ко мнѣ дражайшую дружбу и благосклонность вашу и вѣрить, что я отъ всего сердца имѣю честь быть

вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
покорнымъ слугою
Павель Потемкинъ.

21 іюня. Коломенское.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1913 г.

Графъ Петръ Александровичъ ¹⁾ будетъ въ началѣ будущаго мѣсяца. Встреча ему будетъ чрезвычайная и по мѣрѣ его великихъ дѣлъ. Праздники расписаны: но какъ еще не открыто въ публику, то и я не могу васъ увѣдомить но въ будущей разѣ опишу что и когда назначено.

27.

Москва. Іюля 23-го 1775-го г.

Изъ доходящихъ публичныхъ увѣдомленіи безъ сомнѣнія извѣстенъ уже ты, любезный мой другъ о моемъ сюда прибытіи, и о томъ милосердомъ образѣ пріятія котораго удостоился я отъ Ея Императорскаго величества ²⁾; почему и не утруждаю тебя съ моей стороны о томъ описаніемъ, а скажу только о себѣ, что здоровье мое самое не лутчее, такъ что я едва могу собраться съ послѣдними силами при всѣхъ почестяхъ мнѣ оказываемыхъ.

Графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ ³⁾ зная собственное тебѣ правосудіе и особенное ко мнѣ дружелюбіе желалъ чтобъ я посредствовалъ у тебя за него въ дѣлахъ его до управленія твоего простирающихся, которыя по самымъ несправеднымъ—какъ онъ объявляетъ обстоятельствамъ приводятъ его къ крайнему раззоренію. Я не могъ ему отказать въ семъ исканіи,

¹⁾ *Румянцевъ-Задунайскій*. Его ожидали въ это время въ Москву, гдѣ императрица Екатерина II намѣревалась устроить въ его честь рядъ торжествъ при празднованіи 10 іюля 1775 г. Кучукъ-Канарджійскаго мира.

²⁾ Считаемо лишнимъ привести списокъ важнѣйшихъ наградъ, полученныхъ гр. Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ: 1) наименованіе *Задунайскіаго* для прославленія чрезъ то опаснаго перехода его черезъ Дунай; 2) грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) за разумное полководство: алмазами украшенный фельдмаршалскій жезлъ; 4) за храбрый предпріятія: шпагу, алмазами обложенную; 5) за побѣды: лавровый вѣнокъ; 6) за заключеніе мира: масличную вѣтвь (украшенную брилліантами, равно какъ и лавровый вѣнокъ; 7) въ знакъ Монаршаго благоволенія крестъ и звѣзду ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, осыпанные алмазами; 8) въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства: медаль съ его изображеніемъ; 9) для увеселенія его: деревню въ пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи; 10) на построеніе дома: сто тысячъ рублей изъ Кабинета; 11) для стола: серебряный сервизъ и 12) на убранство дома: картины (*Вейдемейеръ*). Дворъ и замѣчат. люди въ Россіи во второй полов. XVIII ст. Спб. 1846 г., ч. 1-я стр. 180—181.

³⁾ Гр. Иванъ Ларіоновичъ *Воронцовъ* р. 1719†1786 г., генералъ-поручикъ. У него были имѣнія въ Казанскомъ намѣстничествѣ: за нимъ значилось 253 души.

нося съ одной стороны на себѣ обязательства въ разсужденіи особы Его, а съ другой бывъ увѣренъ въ склонности твоеи къ добротворенію вездѣ гдѣ оное только совмѣстно съ пользою государства и не обращается въ предосужденіе обществу и потому прошу тебя мой любезный другъ прилѣжно подать ему всевозможное пособіе въ новое мнѣ одолженіе.

Проѣзжая чрезъ Глуховъ и Малороссію имѣлъ я удовольствіе видѣть и слышать всемѣстно тебѣ похвалы, благодарности и сожалѣніе о твоёмъ отъ нихъ отдаленіи. Я желаю чтобъ настоящее служеніе твое приобрѣло и въ тѣхъ мѣстахъ толикую общую преданность и доброхотство. и свидѣтельствую мое искреннее почтеніе тебѣ и дражайшей твоеи супругѣ милости-вой государынѣ моеи княгинѣ Надеждѣ Александровнѣ. Есмь .
непрерменно

вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Румянцевъ ¹⁾.

28.

Нашему Казанскому Губернатору Князю Мещерскому.

Хотя изъ многихъ предъ симъ присылаемыхъ къ Нашему генералу прокурору отъ васъ экстрактовъ, о впадшихъ въ погрѣшеніи людяхъ по бывшему замѣшательству Мы видѣли, что съ тѣми людьми по вашей губерніи поступаемо было не согласно съ двумя нашими всемилостивѣйшими манифестами. Первымъ 1778-го ноября 29-го, а вторымъ сего года марта 17-го чисель, а имянно въ томъ, что безъ рѣшенія должнаго о нихъ многіе содержаны были подъ караулами, а другіе по силѣ послѣдняго уже манифеста привлекаемы были къ слѣдствіямъ; но Мы чтобъ не потерять въ перепискахъ времени, а желая всѣмъ тѣмъ людямъ въ сходственность Императорскаго Нашего общанія доставить въ винахъ ихъ всемилостивѣйшее прощеніе и совершенную свободу, при всѣхъ подъемлемыхъ Нами въ пользу отечества Нашего трудахъ, не оставляли безъ рѣшенія и о сихъ можно назвать злощастныхъ людяхъ, давали держась упомянутыхъ Нашихъ манифестовъ чрезъ Нашего генерала прокурора Наши повелѣніи, будучи въ той надеждѣ не сумнѣнно, что уже вы получая таковыя Наши повелѣніи, не оставитѣ и о подобныхъ тѣмъ людяхъ рѣшится на основаніи предписанныхъ манифестовъ Нашихъ, и прописанныхъ во упомя-

¹⁾ *Румянцевъ-Задунайскій*, графъ Петръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, р. 1725 † 8 дек. 1796 г.

нутыхъ отъ генерала прокурора Нашихъ повелѣней правилъ, ко удовольствію Нашему прощеніемъ и свободою изъ подъ карауловъ во всей вашей губерніи. Но сверхъ Нашего чаянія минувшаго ноября 29-го числа присланы отъ васъ къ Нашему генералу прокурору таковыя жъ какъ и выше сказано экстракты о священникахъ и другихъ людяхъ поимяномъ пятидесяти девяти человекъ, коихъ такъ же судьбы до сего времени еще не рѣшены, и изъ нихъ двое Аннинскаго завода служители, которыхъ хотя погрѣшеніе и было, но оныя какъ добровольно по первому Нашему 1773-го года манифесту явились и достойны были свободы, до нынѣ содержатся въ оковахъ, такъ какъ и каптенармусъ Истомино въ карауломъ, не бывъ ни на малое время прилепленнымъ къ злодѣямъ; касательно жъ до священниковъ города Пензы, кои уже Нашимъ генераломъ графомъ Панинымъ и прощены, но и оныя донныя однако жъ не воспользовались въ послѣднемъ манифестѣ Нашемъ прощеніемъ, коимъ точно повелѣно все прошедшее предать вѣчному забвенію и никакихъ притязаній не дѣлать. И сего ради симъ вамъ повелѣваемъ, какъ о сихъ людяхъ, о коихъ вы прислали нынѣ къ Нашему генералу прокурору экстракты рѣшится по силѣ упомянутыхъ Нашихъ манифестовъ, такъ и о другихъ подобныхъ имъ, буде гдѣ въ задержаніи находятся, какъ они ни къ какому до всемилостивѣйшаго манифеста наказанію приговорены не были, всемъ объявить Наше Монаршее и матернѣе въ погрѣшеніяхъ ихъ помилованіе и прощеніе, и учинить изъ подъ карауловъ свободными, ибо Наше желаніе стремится къ тому чтобъ все и каждый изъ Нашихъ подданныхъ былъ благонадеженъ во всякомъ случае на Наше Императорское слово, а тѣмъ самымъ утвердить вообще святость Нашихъ или данныхъ отъ правительства повелѣней, чего ради присланныя отъ васъ экстракты повелѣли отослать къ вамъ обратно

Екатерина.

Декабря 5 дня 1775 года
Москва.

29.

Князь Платонъ Степановичъ! Я не признаю надобнымъ городъ Казань по его внутри государства положенію ограждать укрѣпленіями по прожеку отъ васъ представленному; но въ разсужденіи отдѣленія города отъ предмѣстій указываю вамъ на планъ дѣланный въ особой комиссіи о строеніи онаго и мною подтвержденный, котораго точности вы имѣете послѣдо-

вать. Стѣну крѣпости тамошней по ея ветхости въ возможную привести починку сходно мнѣнію вашему, такъ какъ и домъ оберкомендантскій естьли нынѣшній къ житью вовсе неудобенъ, вновь исподоволь строить Я позволяю. А о провіантскомъ, ружейномъ и аммуничномъ магазинахъ надлежитъ вамъ прежде имѣть отъ военной коллегіи свѣдѣніе, полагаетъ ли она тамъ имъ быть и до какова количества. Что до строенія гостиннаго двора, то мѣсто для него назначено быть должно по соображенію лучшей выгоды и удобства къ покупкѣ и продажѣ въ ономъ всего потребнаго. Пребываю впрочемъ какъ и всегда вамъ доброжелательная.

Екатерина.

Генваря 18-го 1776 года
въ Санктпетербургѣ.

30.

С. П. Бургъ Марта 22-го дня 1777-го года.

Князь Платонъ Степановичъ!

Губерніи вамъ ввѣренной, пригорода Тагая¹⁾, мещанинъ Степанъ Егоровъ, явися здѣся просилъ меня, якобы онъ и некоторыя съ нимъ того же пригорода мещанѣ, самымъ несправедливымъ образомъ присвоены стали нѣкоторой княгинѣ Мещерской. Я не хочу оставить просьбу ево вотщѣ, прошу васъ сіе дело разсмотреть, и согласно съ справедливостію, званію и имени вашему свойственною, оное решить и меня увѣдомить; пребываю въ протчемъ къ вамъ благосклонный.

Павель.

31.

Изъ С-тъ Петербурга, февраля 23-го дня 1778.

Князь Платонъ Степановичъ.

Я получилъ письмо ваше отъ 2-го Генваря, и благодарю васъ весьма за изъявленныя въ ономъ поздравленія съ рожденіемъ моего сына²⁾ верте что знаки вашего усердія ко мнѣ всегда мнѣ пріятны, и что я пребываю вамъ благосклонный.

Павель.

¹⁾ Пригородъ *Тагай* въ настоящее время Симбирской губ.; въ 1777 г. Симбирская губернія входила въ составъ Казанской губерніи.

²⁾ Вел. кн. Александръ Павловичъ р. 12 декабря 1777 г. Императоръ Всероссійскій съ 12 марта 1801 г. † 19 ноября 1825 г.

32.

Господинъ Казанскій Губернаторъ Князь Мещерскій. Графу Петру Апраксину ¹⁾ въ Нижегородскія его деревни отлучиться и тамъ пребываніе имѣть я дозволяю равнымъ образомъ естлибы генераль-фельдмаршалъ графъ Разумовскій находясь въ деревняхъ своихъ пожелалъ имѣть тамъ при себѣ помянутаго графа Апраксина, то и въ томъ препятствовать не должно. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная.

Екатерина.

въ Санктпетербургѣ.
Генваря 17 дня 1779 года.

33.

Князь Платонъ Степановичъ. Двукратныя получили мы прошенія на почтѣ присланныя отъ татаръ Казанской губерніи съ жалобами на управляющаго ими по департаменту адмиралтейскому генерала-маіора Бешенцева, въ разныхъ якобы обидахъ, несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, которыхъ какъ они показываютъ не дознали они во все время управленія надъ ними бригадира Свѣчина; и хотя по симъ жалобамъ тѣмъ меньше возможно учинить точное рѣшеніе, коль въ нихъ ни каковы подробности и событія не объяснены, да и люди прямо обиженные наименованы; Мы, однакожъ разсудили за благо востребовать отъ васъ откровеннаго увѣдомленія о состояніи тѣхъ татаръ и объ образѣ которымъ они начальникомъ нынѣ надъ ними поставленнымъ управляются, да и доходили ли къ вамъ какіе жалобы, или основательныя извѣстія о причиняемыхъ имъ угнетеніяхъ. Весьма угодно намъ будетъ естли вы присовокуните тутъ объясненія о всеѣхъ обстоятельствахъ до сихъ людей касающихся, кои могли бы Намъ послужить къ лучшему устройенію жребія ихъ въ собственное ихъ облегченіе и на пользу государства, чего ожидая пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонна.

Екатерина.

въ Царскомъ Селѣ
Іюля 30 дня 1779 года.

34.

Князь Платонъ Степановичъ! Я съ удовольствіемъ получила донесеніе ваше чрезъ директора экономіи Чирикова объ откры-

¹⁾ *Гр. Апраксинъ*, Петръ Федоровичъ, ген.-лейтен. † 1813 г.; женатъ: 1, на гр. Аннѣ Павловнѣ *Дружинской* (во инокиняхъ: *Августа*), р. 12 іюля 1732 † 3 янв. 1801 г.; 2, на гр. Елизаветѣ Кирилловнѣ *Разумовской*.

тѣи Симбирскаго намѣстничества, воздавъ справедливость трудамъ вашимъ въ семъ случаѣ подъятымъ. Я поручаю вамъ объявить благоволеніе мое благородному обществу и всемъ тутъ участвовавшимъ, и пожелать отъ меня чтобъ они на дѣле самомъ скорѣе ощутили пользу новыхъ установленій, въ чемъ нѣтъ сомнѣній когда только прилежность и точность избранныхъ и опредѣленныхъ къ управленію особъ будутъ способствовать моимъ намѣреніямъ. Пребываю впротчемъ вамъ благосклонная

Екатерина.

въ Санктъ Петербургѣ
Генваря 9-го 1781 года.

35.

Господинъ Генераль-Порутчикъ князь Мещерскій. Возвращая съ симъ директора економіи Овцына присланнаго отъ васъ съ донесеніемъ объ открытіи Казанскаго намѣстничества я препоручаю вамъ объявить дворянству и всему обществу той губерніи что усердіе ими при семъ случаѣ оказанное и признаніе къ моимъ стараніямъ о благоденствіи, я приѣмлю съ особливимъ благоволеніемъ. Впрочемъ вѣдая ревность вашу къ службѣ, увѣрена я совершенно въ точномъ исполненіи учрежденій отъ меня изданныхъ, что каждый вамъ послѣдовать будетъ въ достохвальномъ наблюденіи должности на него возложенной. Пребываю впротчемъ вамъ благосклонная

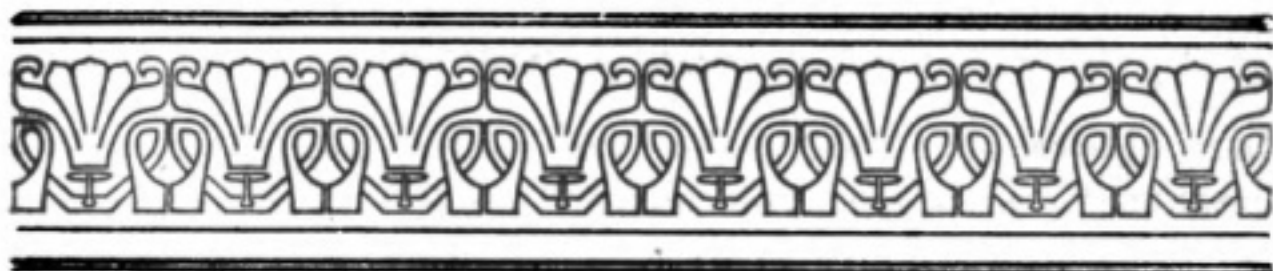
Екатерина.

въ С. п. бургѣ
Генваря 25-го 1782 г.

Сообщ. В. Корсакова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Донесенія датскаго посланника графа Гакетгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года.

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой.

Въ ряду историческихъ матеріаловъ о царствованіи императора Петра III и о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, доселѣ еще неизвѣстныхъ историкамъ, особенно выдаются по своему значенію донесенія своему двору датскаго посланника Гакетгаузена. Графъ Гакетгаузенъ, Георгъ-Христіанъ (р. 1732, † 1802 г.), явился къ русскому двору въ самомъ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, когда русскія войска завоевали уже значительную часть владѣній прусскаго короля Фридриха II, и Россія готовилась нанести послѣдній ударъ „скоропостижному и захватчивому“ своему противнику взятіемъ Кольберга въ сѣверной Помераніи. Отношенія Даніи къ Россіи были вполнѣ дружескія, но притязанія на Шлезвигъ наслѣдника русскаго престола, великаго князя Петра Ѳеодоровича, по его сану голштинскаго герцога, внушали Даніи живѣйшія опасенія за будущее. Въ это время здоровье императрицы Елисаветы ухудшилось, и можно было ожидать, что Петръ Ѳеодоровичъ, вступивъ на престолъ, поддержитъ свои права на Шлезвигъ всею силою военныхъ средствъ русской имперіи и заключитъ для этой цѣли союзъ съ Фридрихомъ II, къ которому великій князь питалъ чувства болѣзненной преданности. Понятно поэтому, съ какой тщательной заботливостью Гакетгаузенъ долженъ былъ слѣдить за событіями, совершавшимися при русскомъ дворѣ, чтобы датскій дворъ былъ постоянно въ курсѣ положенія дѣлъ. Оттого донесенія этого дипломата отличаются чрезвычайной подробностью. Освѣдомленность его

была велика. даръ изближенія, какъ видно изъ его донесеній, развитъ былъ въ немъ въ высокой степени. Жизнь русскаго двора, личности Петра III и Екатерины II, а также важнѣйшихъ ихъ сподвижниковъ, очерчены крупными и ясными чертами. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что въ своихъ мнѣніяхъ и отзывахъ Гакстгаузенъ, прежде всего, руководился пользами своего отечества. Далин.

В. Ш.

I.

Петербургъ, $\frac{27 \text{ возбѣра}}{8 \text{ декабря}}$ 1761 г.

Его Превосходительству г. барону де-Бернсдорфу.

(Шифромъ) Въ данное время я имѣю сообщить Вашему Превосходительству о болѣзни императрицы, которая вотъ уже восемь дней, какъ чувствуетъ себя очень плохо не только вслѣдствіе того, что ноги ея покрыты чиріями, такъ сильно распространившимися, что она совершенно не въ состояніи стоять на ногахъ, но также вслѣдствіе припадковъ эпилепсін, завершающихся обмороками и внушающихъ иногда серьезныя опасенія.

И не теряю надежды, но, имѣя въ виду, что императрица широко пользовалась жизнью и что она отличается мощнымъ и дороднымъ тѣлосложеніемъ, я сомнѣваюсь въ преуспѣваніи ея здоровья и опасаясь, что мы можемъ лишиться ея тогда, когда меньше всего будемъ къ этому готовы.

Особенно неприятна для насъ эта болѣзнь тѣмъ, что страхъ потерять императрицу значительно увеличилъ авторитетъ великаго князя и привелъ въ уныніе тѣхъ, кто могъ бы стоять за наше дѣло: возможность имѣть его вскорѣ своимъ господиномъ заставляеть всѣхъ искать его расположенія и потворствовать его страстямъ.

Такъ какъ гг. де-Мерси ¹⁾ и де-Бретейль ²⁾ не получали еще никакихъ распоряженій относительно нашего дѣла, то вы позволите мнѣ, Ваше Превосходительство, передать вамъ раз-

¹⁾ Гр. де-Мерси, Цесарскій посолъ. Его приѣмная аудіенція была 23 августа 1761 г.; отпуская 8 дек. 1763 г.

²⁾ Бар. Бретейль, французскій посланникъ. Его приѣмная аудіенція была 29 іюня 1760 г.; отпуская — 27 апр. 1763 г.

говоръ, который у меня былъ недавно съ г. Олсуфьевымъ ¹⁾ во время бала.

Министръ заговорилъ со мной на датскомъ языкѣ, который онъ очень хорошо знаетъ, съ чѣмъ я его и поздравилъ, прибавивъ, что я льщу себя надеждой, что онъ не только хорошо говоритъ на нашемъ языкѣ, но что у него и сердце датское и что поэтому его не можетъ не огорчать то критическое положеніе, въ которое ставитъ насъ отказъ его высочества великаго князя заключить съ нами миръ.

Онъ отвѣчалъ увѣреніями въ искренности своихъ чувствъ и говорилъ, что императрица всегда желала соглашенія съ нами, что всякій разумный русскій человѣкъ думаетъ также, но что мнѣніе императрицы ставится ни во что; онъ особенно порицалъ г. Брокдорфа, считая его виновникомъ упрямства великаго князя. На этомъ разговоръ нашъ закончился; оставая то, что г. Олсуфьевъ другъ всѣмъ и каждому и говоритъ то, что отъ него желаютъ услышать, я вообще не считалъ нужнымъ въ разговорѣ съ нимъ выходить изъ рамокъ общихъ положеній.

Также осторожно держалъ я себя съ М-ле Воронцовой ²⁾, фавориткой великаго князя, которая, бесѣдуя со мной въ тотъ же вечеръ, распространялась о любви е. в. великаго князя къ своему Килю.

Она говорила, что великій князь такъ же желалъ бы увидѣть свою страну, какъ его подданные своего возлюбленнаго господина, и что не проходило дня, чтобы онъ не говорилъ объ этомъ.

Это новое доказательство расположенія великаго князя къ своему Килю мало утѣшительно и подрываетъ послѣднюю слабую надежду на то, что великій князь подчинится доводамъ разума и послѣдуетъ своимъ истиннымъ интересамъ. Поэтому не эту надежду я имѣлъ въ виду, почтительнѣйше донося Вашему Превосходительству мой разговоръ съ г. Олсуфьевымъ, но желая убѣдить васъ въ томъ—съ какой точностью я выполняю всѣ пункты данныхъ мнѣ инструкцій, относительно лицъ, въ нихъ указанныхъ. Какъ Ваше Превосходительство могло замѣтить—единственное лицо, съ кѣмъ я не говорилъ о нашемъ

¹⁾ Адамъ Васильевъ Олсуфьевъ, кабинетъ-секретарь Им. Елисаветы Петр. р. 1721 † 1784. Былъ посвященъ въ тайную переписку Имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV (Vandal, 33d). Былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго С. В. Салтыкова.

²⁾ Графиня Елисавета Романовна, впоследствии вышедшая замужъ за камергера Полянскаго.

дѣлѣ, за неимѣніемъ удобнаго случая, это канцлеръ Шуваловъ. По моемъ пріѣздѣ сюда я старался и по отношенію къ нему исполнить данныя мнѣ указанія, но такъ какъ фаворитъ постоянно находится въ комнатахъ императрицы, то мнѣ и не удалось его видѣть, хотя я и являлся къ нему нѣсколько разъ съ визитомъ. Но такъ какъ обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ, благодаря высококомѣрному и непродуманному отвѣту великаго князя и полному разрыву соглашенія, то я находилъ самымъ лучшимъ оставить этотъ вопросъ открытымъ и спокойно ожидать дальнѣйшихъ повелѣній короля, чтобы не умалить значенія того шага, который мы сдѣлали, объявивъ соглашеніе прерваннымъ.

Привыкнувъ передавать Вашему Превосходительству всѣ самыя мелкія событія, я льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство останется довольнымъ моимъ донесеніемъ, и что король соблаговолитъ одобрить мое поведеніе и дастъ мнѣ указанія въ томъ случаѣ, если бы онъ пожелалъ, чтобы я иначе дѣйствовалъ по отношенію къ фавориту. (Шифръ).

Въ прошлую субботу, при дворѣ, былъ торжественно отпразднованъ день Св. Екатерины, именемъ которой наречена великая княгиня. Въ полдень ея высочество принимала въ своихъ покояхъ поздравленія отъ иностранныхъ министровъ и другихъ избранныхъ лицъ.

Вечеромъ состоялся при дворѣ балъ и ужинъ; городъ былъ, по обыкновенію, иллюминированъ. Ея величество и великій князь не выходили: послѣдній вслѣдствіе простуды, первая изъ-за небольшого флюса. То же обстоятельство помѣшало отпраздновать день восшествія на престолъ императрицы, и поэтому гвардейцы были лишены чести отобѣдать съ императрицей.

Здоровье графа Петра Шувалова по-прежнему очень плохо. Его супруга такъ близко къ сердцу приняла болѣзнь мужа, что за нѣсколько мѣсяцевъ до срока разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ и заплатила за это жизнью.

Это была княжна Одоевская, 19-ти лѣтъ, вышедшая замужъ въ февралѣ этого года. Вчера были ея торжественныя похороны.

Такъ какъ г. Сальдернъ съ нѣкоторыхъ поръ вслѣдствіе болѣзни не показывался въ обществѣ, то распространился слухъ, что онъ уѣхалъ, какъ я уже впрочемъ сообщалъ Вашему Превосходительству въ моей послѣдней почтительнѣйшей депешѣ.

Гакстгаузенъ.

II.

Петербургъ $\frac{30 \text{ ноября}}{11 \text{ декабря}}$ 1761 г.

(Шифромъ) Страхъ и смятеніе, вызванные послѣдней болѣзнию императрицы, благодаря Бога, стихаютъ, такъ какъ императрица чувствуетъ себя лучше. Ея истерическіе припадки не такъ часты и менѣе жестоки. Она ходитъ по комнатамъ, опираясь на палку. Но мнѣ не нравится то, что чиріи на ногахъ начали у нея закрываться; если только докторамъ не удастся этому воспрепятствовать, то это можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Между тѣмъ императрица испытываетъ отвращеніе ко всякаго рода лѣкарствамъ. Окруженная днемъ и ночью докторами, она имѣетъ обыкновеніе выслушивать ихъ совѣты, но не выполнять. Такимъ образомъ она борется съ болѣзнию только благодаря своему здоровому организму.

Великій князь излѣчился отъ своей болѣзни, вызванной кутежомъ, принявъ рвотнаго и чувствуетъ себя прекрасно.

Дѣло наше совершенно замяли и о немъ нѣтъ и рѣчи.

Къ г. Бретейлю прибылъ на-дняхъ курьеръ. По словамъ г. Бретейля, послѣдній прибылъ изъ Вѣны и ничего не привезъ изъ Версаля и ничего, что касается нашего дѣла. Если бы я могъ надѣяться, что новая наша попытка увѣнчается успѣхомъ, то такая медлительность способна была бы вывести меня изъ терпѣнія, но къ несчастію все разубѣждаетъ меня въ тщетности такой надежды. Что касается отозванія г. Бретейля, котораго требуетъ и на которомъ настаиваетъ русскій дворъ, то—останется ли онъ здѣсь или же Франція изъ угодливости исполнить желаніе Россіи—это не внесетъ существенной перемѣны въ наше дѣло. Если онъ останется здѣсь противъ желанія, то онъ будетъ болѣе бесполезенъ, если же обстоятельства заставятъ его уѣхать, то онъ будетъ болѣе озабоченъ своими дѣлами, чѣмъ нашими. Къ тому же ненавидимый императрицей еще до своего пріѣзда, онъ постарается сохранить расположеніе великаго князя, который, несмотря на свое нерасположеніе къ французамъ, къ г. Бретейлю относится лучше, чѣмъ къ его предшественнику, а также позаботится о томъ, чтобы сдѣлать и своего замѣстителя ненавистнымъ въ глазахъ императрицы. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мы какъ бы то ни было потеряемъ время, такъ какъ его замѣститель пріѣдетъ не раньше лѣта и не сразу сможетъ ознакомиться съ нашимъ дѣломъ и пріобрѣтетъ связи и знакомства, полезныя для нашей цѣли. Горячность и рѣзкость, съ которыми г. Бретейль позволилъ себѣ говорить

по поводу недоразумѣнія, возникшаго изъ-за цѣлованія руки, были предлогомъ для Россіи, чтобы требовать его отозванія, я говорю—предлогомъ, потому что намѣреніе было уже давно; даже уже было дано понять, что г. Лопиталь въ качествѣ его замѣстителя принять не будетъ и что онъ долго въ Россіи не останется. Вашему Превосходительству извѣстно изъ донесеній г. Остена, что императрица выразила желаніе, чтобы г. Лопиталь продолжалъ свое дѣло.

Насколько я могъ проникнуть въ намѣренія обоихъ министровъ союзныхъ съ нами дворовъ, то опредѣленнаго плана содѣйствовать нашему соглашенію у нихъ нѣтъ. Планъ, который они сами выработали, и который, вѣроятно, будетъ одобренъ ихъ правительствами, заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать возобновленію нашего трактата съ Россіей. Еще только вчера г. Бретейль старался убѣдить меня, что заключеніе трактата поведетъ къ благопріятнымъ для насъ результатамъ, но предоставляю вашей просвѣщенной проницательности судить—насколько это вѣрно. Не сомнѣваюсь, что Россія будетъ очень довольна связать намъ снова руки, но я не знаю, какъ мы должны относиться къ ея обѣщаніямъ послѣ того, какъ она такъ плохо выполнила обѣщанія, данныя ею въ трактатахъ 1746 и 1758 г.г.

Г. де-Сальдернъ ¹⁾, котораго я старался охарактеризовать Вашему Превосходительству въ моихъ предыдущихъ донесеніяхъ, хвастается всѣмъ и каждому письмомъ, которое написалъ ему, будучи въ Голштиніи, г. Десмерсьеръ, предлагая ему занять почетное мѣсто въ нашей странѣ. Онъ показывалъ это письмо многимъ лицамъ и увѣрилъ великаго князя, что съ его стороны большая заслуга не принять этого предложенія.

Нѣсколько недѣль тому назадъ настоятель богатой Троицко-Сергіевской лавры, расположенной близъ Москвы, пользовавшійся 80 тысячами годового дохода, произнося проповѣдь въ присутствіи императрицы, между другими смѣлыми истинами, сказалъ, что хотя у императрицы и сострадательное сердце, но что тѣмъ не менѣе народъ ея стонетъ подъ игомъ нищеты, что съ крестьянъ берутъ столько, что они едва могутъ прокормить свои несчастныя семьи, что многіе изъ нихъ принуждены были бросить свои дома, женъ и дѣтей и отправиться грабить на

¹⁾ Голштинецъ, пользовавшійся расположеніемъ Петра Ш, при Екатеринѣ русскій посланникъ въ Варшавѣ, прославившійся своими интригами противъ Екатерины.

большія дороги и что знатные люди и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о народномъ благѣ, только тучиѣють на счетъ его разворенія.

Во время проповѣди императрица пролиwała слезы, но затѣмъ краснорѣчивый проповѣдникъ получилъ назначеніе епископомъ въ Сибирь, гдѣ онъ будетъ получать только 6 т. рублей въ годъ.

Такъ какъ скоро вернется г. Берншьольдъ и потребуетъ отъ меня денегъ, то осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство освѣдомить меня—долженъ ли я продолжать ему платить и въ размѣрѣ какой суммы.

Прибывшая сегодня эстафета привезла новость, что одинъ изъ прусскихъ батальоновъ въ Помераніи былъ изрубленъ въ куски; событіе это еще не обнародовано.

Сегодня въ день праздника Андреевскаго ордена, по окончаніи богослуженія была стрѣльба изъ пушекъ, но никакого торжества не было, и императрица не обѣдала, по принятому обычаю, съ кавалерами этого ордена.

Здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ находится нѣкто полковникъ Энгель, покинувшій года два тому назадъ нашу службу; онъ ищетъ здѣсь мѣста.

Гакстгаузенъ.

III.

Петербургъ, $\frac{4 \text{ декабря}}{15 \text{ декабря}}$ 1761 года.

(Шифромъ). Съ императрицей, подававшей послѣдніе дни большія надежды на выздоровленіе, третьяго дня сдѣлался новый приступъ болѣзни и она снова слегла.

Повидимому, здоровье ея окончательно пошатнулось и хотя она и чувствуетъ себя временами лучше, но промежутки улучшенія кратковременны, и надо опасаться, что она долго не протянетъ, и быть готовыми къ тому, что мы можемъ лишиться ея во всякое время.

По повелѣнію двора генераль Бутурлинъ ¹⁾ покинулъ армию, но позднѣйшимъ рескриптомъ ему приказано было туда снова вернуться, что заставляетъ предполагать, что теперь онъ сохранить командованіе арміей, вопреки слухамъ объ его отозваніи. Кромѣ того, что затрудняются найти ему замѣстителя,

¹⁾ Фельдмаршалъ А. Б. Бутураинъ, командовавшій русскими войсками противъ пруссаковъ.

генераль пользуется сильной поддержкой, находясь въ родствѣ съ семьей Воронцовыхъ.

По словамъ заслуживающаго довѣрія лица, великому князю еще не удалось получить согласія императрицы на выдачу пенсіи голштинскому принцу Георгу, о чемъ старается г. Сальдернъ. Думаютъ, что императрица, уступивъ настояніямъ, дастъ свое согласіе.

Съ г. Лефортомъ, церемоніймейстеромъ двора, произошла недавно непріятная исторія, которая могла бы очень плохо для него кончиться, если бы ему не удалось счастливо изъ нея выпутаться. Г. Лефортъ завѣдуетъ казенной лотереей, и одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ обвинилъ его въ злоупотребленіяхъ, утверждая, что онъ присвоилъ и растратилъ взятые имъ изъ лотерейнаго фонда 100 тыс. руб. Дѣло это произвело много шума, и такъ какъ у самого г. Лефорта ничего нѣтъ, но живетъ онъ широко, то въ обществѣ стали относиться къ нему съ подозрѣніемъ и вѣрить обвиненію, тѣмъ болѣе, что г. Лефортъ, узнавъ, въ чемъ его обвиняютъ, сильно смутился и началъ запинаться. Какъ бы то ни было, но онъ сумѣлъ себя оправдать и, если ему не удалось подняться въ общественномъ мнѣніи, то, по крайней мѣрѣ, онъ избѣжалъ грозившей ему опасности. По мнѣнію всѣхъ его спасло имя (онъ приходится внучатымъ племянникомъ знаменитому Лефорту) и поддержка канцлера Шувалова. Чтобы добиться оправданія, онъ прибѣгнулъ, по совѣту своего друга, къ весьма своеобразному способу. Онъ явился въ Сенатъ съ документами, которыми онъ надѣялся объяснить — куда имъ были израсходованы недостающія въ кассѣ деньги, и потребовалъ или немедленнаго своего оправданія или же обвиненія. Сенаторы объяснили ему, что онъ можетъ передать свои документы, что мѣстожителство его извѣстно и его вызовутъ, когда это будетъ необходимо. Но онъ остался недоволенъ такимъ отвѣтомъ и заявилъ, что онъ не уйдетъ изъ Сената до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено его дѣло. Его убѣждали, что этого нельзя сдѣлать въ тотъ же день, и просили идти къ себѣ домой. Но съ рѣзкостью, съ его стороны нѣсколько удивительной, онъ заявилъ, что сдѣлаетъ по-своему и, приказавъ своимъ слугамъ подать себѣ ужинъ, расположился въ Сенатѣ ночевать. Сенаторъ Трубецкой, возмущенный его поведеніемъ, далъ ему понять, что Сенатъ учрежденіе настолько высокое, что нельзя обращать его ни въ тюрьму, ни въ гостиницу. Но, несмотря на это, г. Лефортъ и на слѣдующій день продолжалъ свое жи-

тельство въ Сенатѣ, пока наконецъ императрица не приказала г. Олсуфьеву въ тотъ же вечеръ собрать экстренное засѣданіе Сената и разобрать дѣло. Сенатъ исполнилъ приказаніе императрицы; г. Лефортъ былъ признанъ невиновнымъ съ правомъ отрѣшиться отъ должности своего доносчика и принять на его мѣсто кого онъ пожелаетъ; выборъ его будетъ утвержденъ Сенатомъ. Такъ закончилось это дѣло, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе и поколебавшее довѣріе къ государственной лотереѣ.

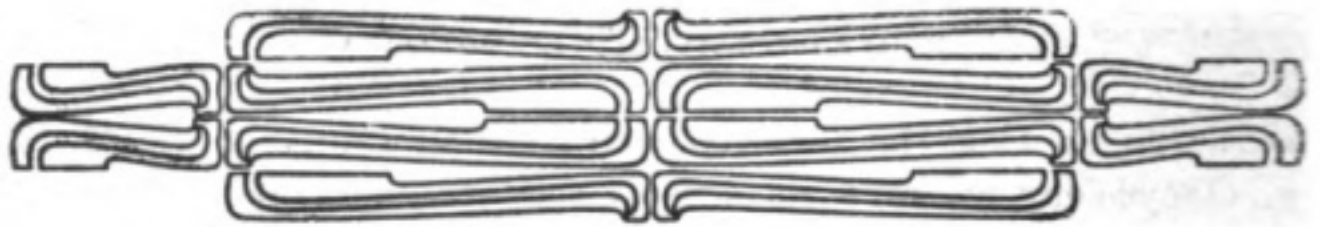
Здоровье графа Петра Шувалова по-прежнему въ опасности. Вельможа этотъ написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ указывалъ на г. Глѣбова, какъ на достойнаго своего замѣстителя, во время своей болѣзни, а также на случай его смерти, на посту начальника артиллеріи. Императрица приняла во вниманіе его указанія, и на г. Глѣбова возложено временно вышолненіе обязанностей начальника артиллеріи. Графъ Шуваловъ отправилъ двухъ курьеровъ, одного въ Вѣну къ знаменитому врачу Ванъ-Свитену, другого — къ не менѣ знаменитому Штоціусу въ Лейденъ, спрашивая ихъ совѣта относительно своего здоровья.

Гакстгаузенъ.

Сообщилъ **Е. С. Шумигорскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Въ Задонскихъ степяхъ“.

Ахъ ты, степь, моя степь. степь
широкая!

Кольцовъ.

I.

Хороши и привольны наши Задонскія степи!
Почти отъ лѣваго берега Дона начинается ихъ
вольная, широкая громада и идетъ до предѣловъ
Ставропольской губерніи. Я говорю „почти“, ибо отъ лѣваго
берега приходится еще проѣзжать по юртамъ станицъ—Богаев-
ской и Маныцкой—до балки Хомутецъ, границѣ земель ста-
ничныхъ и войсковыхъ-коннозаводческихъ.

Эта громадная терригорія—величиною съ Францію (900.000
десятинъ), разбита на такъ называемые „участки“ (2.400 де-
сятинъ), которые отданы въ пользованіе частнымъ лицамъ для
разведенія Донского частнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ, пользованіе здѣсь степью, или участ-
ками, безъ лошадей—немыслимо. На каждый участокъ прихо-
дится 200 головъ лошадей, считая съ приплодомъ, маленькими
жеребятами, и каждый коннозаводчикъ долженъ зорко слѣдить,
чтобы установленная норма, *по количеству*, всегда соотвѣтство-
вала участку, ибо всѣ они находятся подъ непосредственнымъ
контролемъ правительства, обращающаго также серьезное вни-
маніе и *на качество* лошадей; эти два условія, количества и
качества, были положены непремѣннымъ условіемъ жизни въ
степяхъ cadaго коннозаводчика и несоблюденіе поддержки
того и другого вело къ немедленному отобранію отъ него
участка и передачѣ его другому лицу.

Такъ жили и пользовались коннозаводчики всѣми благами
своего положенія, создавая конскіе заводы,—одни богатѣя, дру-
гіе умирая нищими, третьи вели заводъ кое-какъ, напрягая

всѣ силы, чтобы удержать за собой участки, и не лишиться на вѣки такой благодати.

У каждаго коннозаводчика все составляло его собственность, кромѣ земли, за которую платили войску со всѣми сборами,—окружными, мировыми,—что-то около $10\frac{1}{2}$ копѣекъ за десятину,—цѣну, какъ видите, можно сказать, ничтожную.

Вся земля нарѣзалась коннозаводчику на 24 года, и за этотъ срокъ какое поле представлялось честному человѣку приобрести себѣ богатство!

Такъ какъ земли было много, а лошадей на участокъ приходилось не Богъ знаетъ какое количество (200 головъ), то въ помощь коннозаводчику давалось право заниматься на участкѣ земледѣліемъ, скотоводствомъ и овцеводствомъ въ извѣстныхъ размѣрахъ. Все это, вмѣстѣ съ коннозаводствомъ, могло давать громадныя барыши хозяину. Оттого-то задонскія степи назывались на Дону стариками „золотымъ дномъ“.

Усадьба каждаго коннозаводчика, т. е. домъ, со всѣми надворными постройками и со всѣмъ живымъ хозяйствомъ, назывались „зимовникомъ“, или „зимникомъ“, какъ говорили простые люди и калмыки.

Иногда эти „зимовники“ находились близко другъ отъ друга (10—15 верстѣ), а иногда верстахъ въ 50 и болѣе. Это зависѣло отъ расположенія участковъ и общей ситуаціи громадной степной территоріи. Всѣхъ зимовниковъ въ Задонскихъ степяхъ было до 200.

Нашъ зимовникъ занималъ первое мѣсто, начиная отъ балки Хомутецъ, и состоялъ, благодаря заботливымъ хлопотамъ отца, изъ 5 участковъ, т. е. изъ 12.000 десятинъ земли.

Сначала шла узкая полоса земли, версты въ двѣ шириною, а затѣмъ далѣе къ югу, разворачивалась широкимъ квадратомъ, 7 верстѣ въ поперечникѣ.

Фигура нашихъ участковъ по плану представляла собою очертаніе топора. Это такъ называемая знаменитая Бурукчунская степь ¹⁾, гдѣ сѣяли хлѣбъ и производили главные запасы сѣна.

Разстояніе отъ крайней точки Бурукчуна до зимовника и рѣки Маныча равнялась 31 верстѣ.

Земля въ Задонскихъ степяхъ—глубокій черноземъ: жир-

¹⁾ Бурукчунъ—калмыцкое названіе.

ная и плодородная, настоящее золото, и не знала никакихъ удобреній.

Вся площадь земли, начиная отъ конца рукоятки топора къ головѣ, представляла собою ровную, куда глазъ хватить, степь, необъятную и широкую, покрытую ковылемъ и разными степными травами.

Вотъ въ этой-то степи я провелъ свое дѣтство и юношество.

II.

Воспоминанія моего ранняго дѣтства не простираются очень далеко. Меня 9-лѣтнимъ мальчикомъ привезли въ бричкѣ на зимовникъ и сказали: „любуйся“! Зимовникъ былъ новый, въ отличіе отъ стараго въ полуверстѣ разстоянія, гдѣ былъ только одинъ разрытый большой курганъ, бывшій конюшной коннозаводчика Янова. Такъ это старое урочище и осталось, имѣя только разрытый курганъ и нѣсколько старыхъ ямъ, поросшихъ лопухомъ и бурьяномъ, слѣды бывшихъ надворныхъ построекъ.

Удивительно жили прежде люди! раскопать большой курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню.

Но голь на выдумки хитра! Здѣсь нѣтъ лѣсовъ, значитъ, нѣтъ подъ руками необходимаго строительнаго матеріала, и вотъ, чтобы устроить хорошую теплую конюшню, нужно воспользоваться матеріаломъ самой природы, — разрыть курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню!

Новый зимникъ представлялъ изъ себя усадьбу, съ небольшимъ деревяннымъ домомъ, въ пять комнатъ, съ штукатуренными стѣнами, съ простою деревянною мебелью, съ некрашенными полами и окнами, съ деревяннымъ крыльцомъ, выходившимъ въ садикъ, и дверью внутрь комнатъ, и парадный и черный ходъ. Задняя сторона этого дома-флигеля была обращена къ степи, откуда отецъ изъ залы, въ окна, любилъ смотрѣть въ степь и наблюдать за рабочими въ подворную трубу, чѣмъ производилъ эффектъ, ибо рабочіе, не зная о существованіи этой трубы, были поражены, какъ „пань“ изъ окна дома могъ видѣть все, происходившее въ степи, на довольно большомъ разстояніи, верстъ на пять, и приписывали это, дѣйствительно, необыкновенному зрѣнію отца, подъ старость развившаго въ себѣ дальноворкость. Этому окошку впоследствии пришлось сыграть видную роль въ жизни отца. Когда, уже много лѣтъ спустя послѣ водворенія нашего на новомъ зимникѣ, къ намъ

въ степи пріѣхалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій смотрѣть табунъ, у отца на зимовникѣ, какъ первомъ по порядку и по положенію, былъ назначенъ сборный пунктъ окрестнымъ табунамъ, которымъ смотръ производился около двора. Послѣ завтрака пошелъ дождь и на травѣ было росисто. Великій Князь, замѣтивъ, что изъ окна можно было смотрѣть лошадей, сказалъ, обращаясь къ отцу: „и вотъ прекрасно, вели, полковникъ, подгонять лошадей къ окну, мы отсюда увидимъ все“.

Отецъ распорядился, но замѣтилъ: „Когда Ваше Высочество пріѣдете въ Петербургъ, будете всѣмъ рассказывать, что видѣли донское коннозаводство, только скроете, что дѣлали это изъ окна“.

Великій Князь тутъ же схватилъ свою фуражку и побѣжалъ въ степь по росѣ, а за нимъ и вся свита.

Кромѣ окна въ степь, другія окна флигеля выходили въ садъ и во дворъ. Садъ былъ посаженъ отцомъ молодой, со множествомъ вишневыхъ и яблочныхъ деревьевъ, и простирался далеко по балкѣ Хомутецъ.

Затѣмъ слѣдовали надворныя постройки: такъ называемая „бѣлая хата“, гдѣ была кухня для господскаго стола, напротивъ, еще маленькая кухня, за нею погребъ и ледникъ, далѣе четыре хлѣбныхъ амбара, а подъ угломъ къ нимъ, подъ одной крышей, каретный сарай, конюшня, сарай для разныхъ земледѣльческихъ орудій, и еще подъ угломъ плотничный сарай и еще людская.

Такимъ образомъ, надворныя постройки, вмѣстѣ съ флигелемъ составляли квадратъ, имѣвшій два прогала для воротъ: одинъ—между людской избой и „бѣлой хатой“, а другой—между амбарами.

Расположенную при зимовникѣ, со стороны сада, балку Хомутецъ отецъ использовалъ для пруда; весной, при таяніи снѣговъ, шумящая вода въ балкѣ задерживалась искусственной плотиною, длиною до ста саженой, и, такимъ образомъ, образовался прудъ, или ставъ, довольно большой въ длину, верстъ до двухъ, и глубиною до двухъ аршинъ.

Вода въ ставу, какъ снѣговая, была мутна и не годилась для питья, но прудъ въ этой безводной мѣстности былъ необходимъ для питья скотинѣ и поливки сада и огорода, и кромѣ того въ жаркіе дни, служилъ немалымъ украшеніемъ для заброшенной среди степи усадьбы зимовника.

Среди двора былъ колодезь съ такой странной на вкусъ

водой, что, мнѣ кажется, если бы подвергнуть ее надлежащему изслѣдованію, то она оказалась бы минеральной: ее можно было еще пить холодную, только-что вытасченную бадьею или цеберкой, но стоило ей только немного постоять и согрѣться,—она уже давала какой-то осадокъ на краяхъ стакана и была положительно противна.

Рабочіе и люди, а также и рогатый скотъ пили ее въ жару съ наслажденіемъ.

Намъ для стола и самовара возили воду въ бочки изда- лека, съ балки Терновки, о которой будетъ сказано впо- слѣдствіи.

Нашъ садъ оканчивался огородомъ, съ маленькою хаткою, гдѣ пеклись черные хлѣбы для рабочихъ, а далѣе внизъ къ Хомутцу, раскинулся большой лугъ, заросшій лопухами и рѣпьями, хмелемъ, бурьяномъ и какою-то непомѣрно высокою травой, мѣсто моихъ непрестанныхъ скитаній въ дѣтствѣ.

Лугъ прилегалъ еще къ одному старому саду, высокія вербы по краямъ котораго явственно видѣлись въ жаркіе дни и ма- нили подъ свою широкую тѣнь и человѣка, и все живое, зады- хающееся отъ палящаго зноя. Это былъ садъ старый, насажен- ный еще давно, какимъ-нибудь прежнимъ владѣльцемъ.

Изъ плодовыхъ деревьевъ уцѣлѣли только яблони, дававшія великолѣпныя яблоки. Помню одинъ сортъ некруглыхъ, а цилиндрическихъ яблокъ, цвѣта желтаго воска, съ легкимъ румянцемъ на поверхности, замѣчательно пріятнаго вкуса, на- поминавшаго лимонадъ; да еще яблоки съ яблонь „барыни“ и „пана“, отличающіяся необыкновенными размѣрами и тоже див- нымъ вкусомъ. Весь садъ этотъ обнесенъ былъ глубокой кана- вой и тихо дремалъ, доживая свои дни.

Спустя много лѣтъ, когда мы продавали зимовникъ, онъ изображалъ изъ себя настоящую руину, заглохшую и зацвѣт- шую, или вѣриѣ, отцвѣтшую.

За садомъ Хомутецъ представлялъ собою опять прудъ, но уже не нашъ, а расположеннаго по ту сторону сначала хохлац- каго, а потомъ казачьяго поселка, сплошь заросшій камышемъ и служившій любимымъ мѣстомъ пребыванія дикихъ утокъ, на которыхъ я устраивалъ нерѣдко охоту. Этотъ прудъ въ полу- верстѣ заканчивался тоже искусственной плотинной.

III.

Мой отецъ, служившій ранѣе, до покупки зимовника, въ гвардіи и арміи, былъ замѣчательнымъ коннозаводчикомъ. Выйдя

въ отставку съ чиномъ подполковника, онъ всецѣло занялся хозяйствомъ и приобрѣлъ 5 участковъ земли, гдѣ развелъ обширный табунъ лошадей, количествомъ 1.000 головъ, рогатаго скота 600 головъ и овецъ до 5.000 штукъ. Вся эта живая громада и составляла наше богатство на зимовникѣ.

Но, замѣчательно, что, имѣя такой роскошный по количеству и качеству заводъ лошадей, отецъ не имѣлъ ни порядочнаго выѣзда, ни хорошей лошади въ г. Новочеркасскѣ, гдѣ у насъ былъ свой домъ, и никогда даже не помышлялъ о томъ, что коннозаводчику нужно поддержать свое достоинство, напр., имѣть хорошихъ лошадей для выѣзда, смѣнить старую, изорванную сбрую и приобрести вполне приличный и удобный экипажъ для своихъ постоянныхъ поѣздокъ.

Нѣтъ, онъ съ видомъ любителя и знатока, ревниво любовался только издали на своихъ лошадей и находилъ въ этомъ любованіи и восторгѣ истинное наслажденіе.

Глядя на какую-нибудь пару великолѣпныхъ кобылъ, пробѣгающихъ мимо его глазъ, онъ съ наслажденіемъ пощелкивалъ языкомъ, повторяя про себя: „вотъ красота-то, вотъ въ пару, въ дышло“!

И кобылы бѣжали, какъ будто нарочно рядомъ, точно демонстрируя идеальный бѣгъ въ дышло передъ глазами восхищеннаго хозяина.

Или, смотря на какого-нибудь красавца-жеребца, онъ тоже говорилъ: „а этого подъ сѣдло, да какому-нибудь ловкому кавалергарду на Царскій смотръ, чтобы это было!“ и онъ точно задумывался, чтобы это было, еслибъ дать волю своей фантазіи и обратить ее въ дѣйствительность.

Наши смотры табуна и поѣздки въ табунъ были очень часты. Особенно доставалось мнѣ, младшему сыну, изъ всей семьи. Отецъ несомнѣнно любилъ меня и возлагалъ на меня всѣ свои надежды, рассчитывая, что онъ такими поѣздками меня приучитъ къ безмолвному любованію своимъ заводомъ, что я полюблю это дѣло и буду съ честью продолжать его. Но надежды эти не оправдались. Сколько я ни ѣздилъ и ни любовался и степью и заводомъ, судьба рѣшила иначе: по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ и продажѣ зимовника, я пошелъ по Вѣдомству Министерства Юстиціи въ одной изъ центральныхъ губерній, гдѣ, прослуживъ 23 года, дослужился до паралича...

Теперь я пишу свои воспоминанія, далекія отъ свѣта и

жизни, но вижу всѣ описанныя картины передъ глазами, точно не прошло съ тѣхъ поръ почти сорокъ лѣтъ!

Насъ было въ семь семь дѣтей. Самый старшій братъ мой неудачно началъ и кончилъ свою жизнь, проживая все время въ городѣ и умеръ сравнительно не старымъ человѣкомъ, а изъ пяти сестеръ только младшая, Маня, вмѣстѣ съ матерью раздѣляли мою жизнь на зимовникѣ.

По окончаніи университета я и подумывалъ было не вступать на службу, остаться на зимовникѣ, продавъ изъ пяти—три участка и оставивъ себѣ два, по разнымъ обстоятельства помѣшали этому. Къ тому же трудно предположить, чтобы 24 лѣтній молодой человѣкъ, едва окунувшійся въ жизнь, обладалъ бы такимъ знаніемъ этой жизни, такимъ опытомъ, чтобы могъ взять на свои плечи всю тяжесть подобнаго хозяйства.

Въ своихъ безчисленныхъ поѣздкахъ по степямъ и въ табунѣ, на тройкѣ старыхъ маштаковъ, въ оборванномъ и дребезжащемъ тарантасѣ, отецъ неизмѣнно толковалъ мнѣ о хозяйствѣ и показывалъ границы нашихъ участковъ.

Мы выѣзжали изъ дома рано, часовъ въ 6 утра, и сдѣлавъ въ оборотѣ версть 30, по отличнымъ степнымъ дорогамъ, возвращались домой къ обѣду.

Замѣчательно интересны и, по-своему, поучительны эти поѣздки!

Солнце уже высоко поднялось на небѣ, давно ночная прохлада смѣнилась тепломъ, когда къ подъѣзду нашего флигеля подавалась тройка разномастныхъ маштаковъ, заложенныхъ въ старый тарантасъ. На козлахъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ — калмыкъ, Максимка, или просто дворовый человѣкъ, бывшій садовникъ, а потомъ сдѣланный конюхомъ, котораго отецъ за невѣдомыя заслуги прозвалъ „морякомъ“; мы наскоро пили чай и садились въ тарантасъ, при чемъ я съ лѣвой стороны, а отецъ съ правой. Выбравъ предварительно Максимку или „моряка“ за какую-нибудь видимую или невидимую неисправность въ упряжкѣ, или ужъ за слишкомъ видимую неаккуратность въ чисткѣ упряжныхъ лошадей, отецъ окончательно садился на свое мѣсто и говорилъ „пошелъ“, и тарантасъ выѣзжалъ мимо „бѣлой хаты“ со двора въ степь. Пославъ еще нѣсколько ругательствъ кучеру, отецъ облакачивался на палку и на время умолкалъ.

Дорога была гладкая и ровная, какъ паркетъ, но меня порядкомъ встряхивало отъ толчковъ и общей старческой дряхлости тарантаса, или, можетъ быть, со сва; послѣ теплой по-

стели, непривыкшій къ такимъ путешествіямъ, я сидѣлъ въ углу тарантаса согнувшись и предавался своимъ мальчишескимъ думамъ. Мнѣ была видно только лѣвая пристяжная, громадный бѣлый конь, доставшійся намъ отъ барышника Подкопаева; я видѣлъ заднія, длинныя ноги коня, ритмически отбивающія рысь, или порою, съ перемѣнной аллюра, скачь; онъ высоко забиралъ передними ногами и неудержимой скачкой стремился впередъ, точно несъ на хребтѣ своемъ безстрашнаго всадника.

Коренникъ, обыкновенно изъ доморощенныхъ, сначала „Захарка“, а потомъ „Васька“, калмыцкой породы, приземистый и лѣнивый, бѣжалъ прижавши уши и мало обращая вниманія на хлесткіе удары со стороны недовольнаго чѣмъ-нибудь „моряка“. Третьей лошади я не помню.

За то отличался своей вѣрной, неизмѣнной службой нашъ коренникъ, пріобрѣтенный уже впоследствии, — такъ называемый „Буланчикъ“, прозванный такъ за свою буланую масть и бѣлую, почти желтую гриву; калмыцкой породы, плотный и коренастый, онъ былъ истиннымъ иноходцемъ. Съ его иноходью подчасъ табунныя, верховыя лошади мѣрялись только рысью, или короткимъ галопомъ. Ни одна пристяжная, сколько ихъ ни имѣлось, не могла выносить его, по истинѣ, замѣчательной иноходи! Была только одна лошадь во всемъ заводѣ съ замѣчательной иноходью, но о ней я скажу позже.

Тарантасъ тихо катился, встряхиваясь по ровной дорогѣ. Отецъ, въ тепломъ пальто и форменной казачьей фуражкѣ, былъ погруженъ въ свои думы, по временамъ вглядываясь вдаль, а я отъ нечего дѣлать смотрѣлъ по сторонамъ.

Въ четверти версты отъ дома пролегала большая солевозная дорога, трактъ, или шляхъ, ведшая отъ насъ на югъ, черезъ степь, въ станицу Великокняжескую, или Кара - Челлики, а на западъ, черезъ мостикъ на Хомутцѣ — въ Ростовъ Д.

Съ ранней весны по ней тянулись непрестанныя валки (обозы) чумаковъ съ соленой рыбой (таранью), хлѣбомъ и солью, везшіе всѣ эти товары съ береговъ Волги въ Ростовъ. Ихъ тяжелые, таврическіе волы требовали корма и водопоя, а гдѣ его взять, если и по близости воды нигдѣ нѣтъ? — Они знали, что у насъ есть прудъ, да и кормъ, не то, что на отвѣденной при дорогѣ полянѣ, совершенно выбитой проходящимъ скотомъ и выжженной солнцемъ.

„Стой“, раздалось изъ тарантаса; кучеръ остановился; отецъ замѣтилъ отдохавшую валку.

„А сколько головъ?“ — „Да безъ одного сотня валівъ“, разда-лось въ отвѣтъ; „ну, давайте 99 копѣекъ“, сказалъ отецъ.

Чумаки и рады такой цѣнѣ: они за рубль отлично здѣсь на-поютъ усталыхъ воловъ и двинутся далѣе въ дорогу.

„А попасти же можно“, — раздается далѣе.

„Пасите, тогда заплатите по двѣ копѣйки за голову“.

Хохоль лѣзетъ въ кошель и отдаетъ деньги.

„Пошелъ“, кричитъ вновь отецъ, и мы катимся далѣе.

Отецъ въ своихъ повѣдкахъ всегда ѣздилъ съ колоко-лами.

За солевозной дорогой начинается уже степь.

По бокамъ виднѣются старыя пашни и поля ржи и пше-ницы; далѣе овесъ, ячмень и гречиха.

Направо виднѣется хуторъ Харченко, съ вѣтряной мельни-цей на косогорѣ.

Мы еще долго ѣдемъ по узкому мѣсту нашего участка, по топорищу, и только черезъ 12 верстъ, переѣхавши двѣ балки (овраги) Куцюю и Сухую, приближаемся къ широкому мѣсту участка — балкѣ Терновой, — гдѣ расположены калмыцкія ки-битки, гдѣ водопой для лошадей, четыре колодезя въ самой глубинѣ балки, откуда возять намъ воду, и широкій прудъ для скота и овецъ. Этотъ прудъ устроенъ также искусственно, изъ снѣговой воды, но онъ имѣетъ также свои ключи, отчего вода въ немъ всегда свѣжая и холодная.

Отецъ приказываетъ остановиться, и мы выходимъ изъ та-рантаса.

Ужъ близко полдень; налить невыносимый зной.

Лошадей кусаютъ мухи, и онѣ отбиваются отъ нихъ голо-вою, ногами и хвостомъ; коренникъ трясеть головой, отчего колокола на дугѣ слегка позваниваютъ.

Мы идемъ навстрѣчу табуну, приближающемуся къ водо-пою. Теперь лошади уже подошли къ Терновкѣ и пускаются къ колодезямъ отдѣльными партіями, штукъ по 50, а остальные терпѣливо дожидаются своей очереди, сдерживаемыя однимъ коннымъ табунщикомъ.

Весело смотрѣть, какъ лошади, большія и жеребята, при-вычнымъ шагомъ идутъ пить хорошую и холодную воду.

Жеребята шалютъ, брыкаются и, напившись у корыта, под-нимаются на крутой, противоположный берегъ балки.

Къ концу обязательно подъѣзжаетъ старшій табунщикъ, Ман-ца, и, слѣзши съ лошади, безъ фуражки, докладываетъ отцу о всѣхъ новостяхъ въ табуны, о благополучіи, цѣлости лошадей,

о больныхъ и т. п., о всемъ касающемся табуна. Отецъ все выслушиваетъ, видимо довольный, и продолжаетъ смотрѣть все новыя и новыя партіи, идущія къ корыту.

Такъ мы стоимъ часа два. Манца уже уѣхалъ по своимъ дѣламъ и обязанностямъ, а мы все смотримъ, пока не напѣется послѣдняя лошадь; тогда мы вновь переходимъ къ табуна напоенныхъ лошадей и вновь смотримъ, пока Манцѣ не будетъ сказано все нужное и ненужное, и осмотръ, наконецъ, оканчивается. Передъ отъѣздомъ отецъ достаетъ изъ тарантаса два черныхъ хлѣба и передаетъ Манцѣ для младшихъ табунщиковъ, или „ребятъ“, какъ называлъ ихъ отецъ. Это для нихъ своего рода лакомство, ибо они своего хлѣба не пекутъ и питаются разными болтушками и прочимъ варевомъ, изготовленными имъ ихъ калмыками на таганѣ, въ кибиткѣ. Для этого каждый табунщикъ получаетъ изъ двора такъ называемое „мѣсячное“—пудъ ржаной муки, пудъ пшена, немного соли и два черныхъ хлѣба.

Конечно, этого запаса не хватаетъ на мѣсяцъ для пропитанія взрослога человѣка, его жены и семьи, и имъ предоставляется самимъ изобрѣтать для себя пищу.

Калмыки народъ грязный и невзыскательный на пищу, онъ ѣстъ все, не исключая даже павшей скотины, овцы и лошадей.

Младшихъ „ребятъ“ у насъ было 5 человѣкъ. Это очень ограниченное число сторожей для такого обширнаго табуна, какъ 1.000 головъ, объясняется тѣмъ, что лѣтомъ волковъ въ степи нѣтъ, похитителей тоже нѣтъ, а слѣдовательно, охрана табуна не представляетъ какихъ-либо затрудненій, а зимою табуны сгоняются ближе къ дому, въ густые камыши рѣки Маныча, или загоняются отъ бурановъ и мятелей въ особое помѣщеніе съ крышей по краямъ, называемое „базами“.

Удивительный народъ эти калмыки. Не слѣзая цѣлый годъ съ лошади, питаются кое-чѣмъ, напоить 1.000 головъ изъ колодезей, доставая оттуда своими руками цебрами, подчасъ въ невыносимый зной полуденнаго солнца, градусовъ въ 50 по Р. и при этомъ знать, что вся эта цѣнная громада лежитъ на его ответственности, получая за все 60 рублей въ годъ,—это уже выше силъ человѣка!

Найдите-ка для такой каторжной работы любого русскаго, или солдата, или казака, всегда все выносящихъ, да онъ пропадетъ въ первый мѣсяцъ!

Да калмыкъ неприхотливъ и въ своей частной жизни. Разумѣется, если взять простого, обыкновеннаго, бѣднаго кал-

мыка, какими были наши табунщики. Его кибитка—все и есть его имущество.

Вы входите въ кибитку, сдѣланную изъ полстей и войлока, и васъ прежде всего поражаетъ непріятный запахъ, ибо воздухъ здѣсь пропитанъ дымомъ; посреди кибитки стоитъ всегда таганъ съ огнемъ, мѣсто, у котораго калмыки всегда варятъ себѣ пищу. Вверху полсть немного пріоткрыта, и получается отверстіе для дыма. Топливомъ служатъ „кизеки“ — вырѣзанные лопатой квадраты изъ земли, мелкой соломы и лошадиного или коровьяго помета, мѣста зимнихъ стоянокъ калмыка. Дымъ отъ кизековъ противный и ѣстъ глаза. По стѣнамъ кибитки стоятъ кровати и сундуки, напиханные зимней и лѣтней одеждой калмыка и его семьи.

Въ кибиткѣ васъ встрѣчаетъ калмычка, молодая и толстая баба, въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, — синемъ сарафанѣ, съ красными тесемочками кругомъ и съ толстыми косами, заплетенными въ двѣ пряди и покоющимися на груди, въ черныхъ бархатныхъ чехлахъ и въ шапкѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ мужской.

Калмыки очень гостепріимны. Гость непременно садится около тлѣющаго костра, на корточкахъ.

Около кибитки, еще до входа въ нее, вы видите двухъ или болѣе ребятишекъ, прыгающими кругомъ голыми; нѣсколько поодаль стоитъ спутанная лошадь или корова, у кибитки стоитъ привязанный теленокъ.

Спустя немного, калмычка нацѣживаетъ въ деревянную миску изъ высокой кадучки „арьяна“ и подаетъ вамъ въ той же мискѣ. „Арьянъ“ — это питье изъ кобыльяго или коровьяго молока, очень остраго вкуса; въ лѣтніе дни отецъ и я всегда спрашивали этого арьяну, онъ пріятенъ на вкусъ и хорошо утоляетъ жажду.

Въ свои праздники калмыки готовятъ еще другой напитокъ „араку“ — очень крѣпкій, хмельный и непріятный на вкусъ, напоминающій смѣсь нашей водки съ теплою водою.

Калмыки же очень любятъ его и напиваются имъ до одуренія, но все же больше уважаютъ русскую водку и пьютъ ее стаканами, не разбирая что.

Религія калмыковъ—буддизмъ, съ примѣсью шаманства. „Гелюнъ“ — калмыцкій попъ — личность, встрѣчаемая нерѣдко и въ нашихъ Задонскихъ степяхъ,—неприкосновенная. Онъ пріѣзжаетъ сюда изъ „хорула“, — мѣстопробыванія высшихъ ду-

ховныхъ лицъ и архіерея—по духовнымъ своимъ требамъ; ходеть всегда въ ярко-аломъ халатъ и маленькой шапочкѣ, и отличается необыкновенною алчностью до денегъ: когда гелюнь прѣвзжаетъ, напр., къ больному и послѣдній умретъ при немъ, то, по обычаю половина его имущества, въ чемъ бы таковое ни заключалось, переходитъ обязательно къ гелюну.

Калмыки вообще народъ лѣнивый и легковѣрный, трусоватый и вороватый до невозможности. Въ мое время рѣдко кто не попадалъ въ тюрьму за кражу. Да и какъ было устоять, когда все имущество сдано на личную его отвѣтственность и добросовѣтность.

Мы опять въ тарантасѣ, и отецъ приказываетъ кучеру вернуться къ расположенному недалеко, въ этой же балкѣ Терновкѣ, пруду, гдѣ совершался водопой другого громаднаго стада рогатаго скота, 600 головъ.

Водопой уже кончился, осмотръ уже короткій, и, Шевалдыкъ, старшій гуртовщикъ, также сгѣшившись съ коня и снявъ свой картузь, какъ и Манца, докладывалъ про скотину и пр.

Отецъ также остался доволенъ и далъ ему также хлѣбъ.

Коровы и быки всѣ темно-красные, какъ божьи коровки, широко расплзлись по зеленой травѣ.

Солнце было уже въ полдень и сильно припекало. Я чувствовалъ уже голодъ и подумывалъ объ обѣдѣ, а домой возвращаться нужно было 12 верстъ.

Отецъ приказалъ повернуть тарантасъ налѣво, и мы проѣхали версты три, какъ раздалось „стой“.

Отецъ всталъ въ срединѣ тарантаса и, всматриваясь зоркимъ взглядомъ въ окрестность, наконецъ произнесъ: „а, вотъ, гдѣ они!“—„Поѣзжай прямо безъ дороги“,—и тройка повернула шагомъ прямо по ровной степи, покрытой невысокой травой, которую пристяжныя, нагибая головы, хватали зубами и тутъ же на ходу жевали, отбиваясь отъ мухъ.

Тарантасъ медленно покачивало при неровностяхъ почвы, гдѣ-то вверху заливался жаворонокъ; въ сажени отъ тарантаса откуда-то вылетѣла стрепетка и, хлопая крыльями, черезъ небольшое разстояніе, опять упала въ траву. Мы приблизились къ отарѣ овецъ.

Издали онѣ казались бѣлою кучкою на зеленомъ фонѣ травы!

Вблизи онѣ стояли, сбившись въ общую кучу, опустивъ головы и спасаясь отъ жары.

Старый Прохоръ, главный овчаръ, или чабанъ, подошелъ, къ намъ и снялъ фуражку, держа въ рукахъ длинную палку

или герлыгу, съ деревянной петлей на концѣ (приспособленіе для ловли овецъ за заднюю ногу) и дѣлалъ отцу свой докладъ.

Внѣшность Прохора была типична: средняго роста, но необыкновенно широкой мужчина, онъ неизмѣнно всегда былъ въ одномъ костюмѣ: широкіе штаны, заправленные въ сапоги, цвѣтная жилетка, на шеѣ обязательно какой-нибудь цвѣтной ситцевый платокъ, грязный отъ пота; у пояса на серебряной пряжкѣ виситъ рогъ съ дегтемъ и синимъ камнемъ, неизбѣжными принадлежностями чабана, и безчисленнымъ количествомъ деревянныхъ палочекъ и лопаточекъ для выковыриванія червей.

Тутъ же стояла чабанская арба (возъ), запряженная парой воловъ съ воткнутыми по угламъ палками съ пучкомъ ковыля, бѣлаго цвѣта, и привязаннымъ сзади корытомъ для корма собакъ.

Арба—это домъ для чабана; онъ складываетъ туда провизію, муку, пшено для каши и хлѣбы, тамъ же помѣщается его незатѣйливая одежда, разныя вещи и пр.

Для чего, именно, она украшается такими странными принадлежностями, какъ палки съ ковылемъ, — я не могъ добиться объясненія. Чабаны говорили, что это отъ волковъ, но врядъ ли, ибо волковъ въ степи лѣтомъ не видно, да они и не побоялись бы такого украшенія, а просто это—эмблема чабанской жизни, признанная необходимостью каждой чабанской арбы.

Когда мы проѣзжали мимо арбы, на насъ бросилась съ лаемъ большая, бѣлая собака, едва отогнанная чабаномъ отъ лошадей.

Чабаны водятъ собакъ и едва-ли не щеголяютъ этимъ.

Мы повернули къ зимовнику и черезъ два часа были уже дома.

IV.

Мы принадлежали къ приходу хутора Веселаго, находящагося въ 12 верстахъ, по лѣвую сторону Хомутца, по дорогѣ въ городъ.

Хуторъ, какъ и всѣ казачьи хутора, былъ небольшой. Съ краю стояла небольшая деревянная церковь и около нея дома двухъ священниковъ прихода о. Петра и о. Еремѣя.

О. Петръ былъ небольшого роста и страшно жирень, съ ухватками и голосомъ протодіакона, такъ какъ ранѣе, до посвященія, онъ занималъ должность протодіакона Новочеркаскаго кафедральнаго собора. Это былъ въ сущности добрый и ласковый

въ обращеніи священникъ, но, живя постоянно среди казаковъ и хохловъ, составляющихъ главную массу его прихода, опустился и запилъ, поглощая ежедневно чуть не ведро водки, и часто, въ особенности зимой, служилъ обѣдню въ явно нетрезвомъ видѣ.

Прихожане сначала возмущались этимъ, но потомъ, привыкнувъ къ его постоянному пьянству, не обращали ужъ на это никакого вниманія.

Другой о. Еремѣй,—былъ трезвый человекъ, потреблялъ водку во время и умеренно, за что и пользовался симпатіями трезвыхъ прихожанъ.

Помню, какъ-то они оба—и о. Петръ и о. Еремѣй были приглашены къ намъ въ домъ отслужить молебенъ, и про нихъ мои сестры сложили стихи:

Ахъ, ахъ, Петръ Романычъ
Прикатилъ ты къ намъ на Манычъ,
Чтобы покутить!
А отецъ Еремѣй,
Тотъ-то съ цѣлью поумнѣй
Чтобы погостить!

Мы рѣдко ѣздили въ церковь, и когда собирались, то закладывалась четверкою большая дорожная бричка и мы вчетверомъ—мама, нянька Анастасья, сестра Маня и я торжественно выѣзжали въ ней въ церковь, для чего нужно было встать часовъ въ 6 утра.

Изъ сосѣдей коннозаводчиковъ къ намъ рѣдко кто пріѣзжалъ въ гости.

Бывало изрѣдка заѣзжали къ намъ, да и то по дорогѣ въ городъ,—мои двоюродные братья, Саша и Вася Золотаревы. Ихъ желтая, соломенная найтачанка, запряженная парю лошадей, производила во мнѣ эффектъ, точно я видѣлъ людей изъ другого міра. Въ найтачанкѣ, сбоку, всегда лежало—предметъ моихъ вождѣвнѣй—центральное ружье,—съ которымъ Саша показывалъ мнѣ „фокусы“, стрѣлялъ коршуновъ и даже дикихъ утокъ.

Особенно памятенъ мнѣ милѣйшій сосѣдъ нашъ, Павелъ Никитичъ Сидоровъ. Высокій, съ огромною черною бородой и усами, онъ всегда пріѣзжалъ къ намъ верхомъ, съ длинною вуалью на соломенной шляпѣ. Онъ былъ какъ-то медлителенъ въ движеніяхъ, говорилъ низкимъ басомъ, прищуривая небольшие, каріе глаза, точно мечталъ о чемъ-то; былъ односло-

женъ въ разговорѣ, курилъ изъ камышеваго мундштука крученныя, самодѣльные папиросы и любилъ острить, въ особенности, когда разговаривалъ съ барышнями,—моими сестрами.

Когда, напр., старшій табунщикъ, Таза, говорилъ о примѣтахъ какой-нибудь пропавшей лошади, то первымъ дѣломъ нужно было назвать масть этой лошади. Таза, не зная хорошо русскаго языка, скороговоркой твердилъ: „звѣдочка, бѣлогубчикъ, подъ нимъ два нога“, и продолжалъ далѣе говорить, не упоминая о цвѣтѣ масти.— „А масти какой“, безстрастнымъ, груднымъ голосомъ спрашивалъ Павелъ Никитичъ, глубоко затягиваясь папирсой.— Такими, и подобными фразами Павелъ Никитичъ составилъ себѣ авторитетъ, а фраза „масти какой“ приобрѣла себѣ права гражданства.

Другимъ сосѣдомъ и благожелателемъ нашимъ былъ симпатичный старикъ, Семень Ильичъ Грузиновъ, толстый, на коротенькихъ ножкахъ; ходилъ онъ всегда въ широкомъ сюртукѣ изъ сѣрой парусины, курилъ также изъ камышины и имѣлъ небольшія баки.

Онъ очень любилъ меня и по моей просьбѣ подарилъ мнѣ съ своего зимовника небольшую лодку для плаванія по ставу.

У насъ не было лодки, а у меня ужъ давно возникъ планъ въ головѣ, какъ-нибудь да устроить себѣ „мореплаваніе“ на ставу; сдѣлать лодку было некому, а покупать готовую негдѣ и дорого, для этого нужно было посылать въ Ростовъ пару воловъ и человѣка, что не всегда было удобно.

Я собиралъ ненужныя доски и строилъ себѣ плотъ, изображая Робинзона Крузо, или просто таскалъ для этого отъ стараго недостроеннаго дома въ саду ставни отъ оконъ. Мнѣ въ одну душу хотѣлось устроить такой плотъ, чтобы онъ дымилъ, на подобіе парохода.

Я набралъ съ мальчишками во дворѣ кирпичей; устроилъ на плоту подобіе печи, и когда вся механика была готова, и изъ трубы повалилъ дымъ, я внѣ себя отъ радости, стоя на плоту, отпихнулъ его отъ берега длиннымъ шестомъ, и въ то же время плотъ, отъ тяжести нагруженныхъ на него кирпичей, сталъ медленно погружаться на дно, такъ что я вымокъ до пояса.

Или добывалъ себѣ большое бѣльевое корыто и съ успѣхомъ развѣзжалъ въ немъ по всему ставу, при чемъ весломъ служила обыкновенная лопата, которой сажали хлѣбы въ печь. Я даже каталъ какъ-то въ немъ по ставу гостившую у насъ

старую свою тетку, Александру Акимовну, съ опасностью для жизни насъ обоихъ.

Тетка часто потомъ вспоминала это катанье и много смѣялись надъ нимъ.

И много анекдотовъ ходило тогда о моемъ мореплаваніи.

И вотъ я какъ-то упросилъ сначала Ильича дать, а потомъ отца послать за лодкой; торжественно была заложена пара воловъ въ арбу, а старому дѣду Герасиму дано порученіе съѣздить къ Грузинову и привезти оттуда лодку. Что-то, кажется, на другой день къ обѣду вернулась пара воловъ и лодка была спущена на воду. Грузиновъ прислалъ лодку при слѣдующемъ письмѣ:

— „Что ты, Миша, плачешь?—

— „Лодочку хочу!

„Пошли, папа, къ Ильичу“ и т. д.

Лодка оказалась дырявою и страшно текла.

Я долженъ былъ при плаваніи на ней брать съ собой ковшъ, чтобы отливать воду, но тѣмъ не менѣе флоту тогда дано было основаніе.

Счастливое воспоминаніе счастливаго дѣтства!

Напротивъ зимовника, въ полуверстѣ разстоянія, черезъ балку Хомутецъ и прудъ, былъ расположенъ кабакъ хохла Павла Муштатова, котораго всѣ хохлы и рабочіе прозвали за что-то „Шнуркомъ“, и это прозвище навсегда осталось за нимъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы, по воскресеньямъ, у него всегда бывала ярмарка нанимающагося люда рабочихъ и косарей, русскихъ и хохловъ; собиралось до 3.000 народа.

Съ утра до насъ достигалъ шумъ и говоръ этой толпы, которая бранилась, рядилась и тутъ же запивала магарычи, нанявшись къ какому-нибудь коннозаводчику. Весь лугъ покрывали палатки, запряженныя лошади, телѣги и люди, ожидающіе найма.

Къ вечеру этотъ гамъ немного стихалъ, и люди отправлялись къ мѣсту назначенія. Водки выпивалось неизмѣримое количество къ удовольствію самого Шнурка, непременно являшагося къ намъ по окончаніи дня.

Откуда онъ былъ родомъ—неизвѣстно.

Его маленькая, юркая фізіономія, вѣчный хохлацкій говоръ и быстрыя движенія указывали, что это архи-плуть

и связываться съ нимъ было небезопасно. Недаромъ хохлы говорили про него, что онъ водку мѣшаетъ съ водой и продаетъ за чистую.

Не знаю, гдѣ и чѣмъ онъ теперь! Но въ то время все богатѣль и шель шибко въ гору...

У насъ на зимовникѣ было много рабочихъ и во дворѣ и въ полѣ.

Полевые рабочіе были и поденные, и работали отъ десятины; косили траву „отъ круга“, при чемъ хохлы изумляли своимъ счетомъ и знаніемъ геометріи простой, практической; народа въ полѣ было во время сѣнокоса человекъ 200—300.

Дворовые рабочіе нанимались обыкновенно въ два срока: отъ Троицы до Покрова и отъ Покрова до Троицы.

На Троицу пригоняли партію человекъ въ 40 и распределяли ихъ кого плотникомъ, кого конюхомъ, кого простымъ рабочимъ. Цѣны были—40, 50 рублей на срокъ. Дѣвки и бабы шли въ половину.

Среди рабочихъ былъ нѣчто въ родѣ приказчика, или старшины, Иванъ Михайловичъ Павлоцкій, мужчина высокій, среднихъ лѣтъ, блондинъ. Онъ жилъ у насъ лѣтъ 10, получая жалованья болѣе 100 рублей.

Главнымъ приказчикомъ былъ Иванъ Семеновичъ Мазница, хитрый хохоль, средняго роста, съ большой окладистой бородой, вздвигшій постоянно верхомъ и перепортившій не одну лошадь. Онъ получалъ жалованья 200 рублей въ годъ.

Не могу не помянуть еще объ одномъ замѣчательномъ типѣ, еще встающемъ въ моей памяти.

У насъ въ городѣ былъ домъ, съ широкимъ дворомъ и прелестнымъ абрикосовымъ садомъ.

Такъ какъ послѣдній былъ посаженъ и выхоженъ моимъ старшимъ братомъ, то охрана плодовъ въ лѣтніе мѣсяцы лежала единственно на немъ. Братъ былъ больной человекъ и постоянно жилъ въ городѣ.

Какъ-то лѣтомъ, въ особенно урожайное и воровливое на абрикосы время, брату удалось заполучить непосредственнаго сосѣда нашего, Ивана Александровича Данилова, мальчика лѣтъ 18, и онъ пригласилъ его караулить садъ.

Мальчикъ оказался смысленный, и отецъ, прїѣзжая въ городъ, обратилъ на него вниманіе, называя сначала его Лекомъ, ибо у Данилова была способность быстро отыскивать пропащую вещь,—а потомъ и Поль-де-Ковомъ. Отецъ не зналъ

французскаго языка, и у него всѣ французскія фамиліи шли подъ одно.

Спустя нѣкоторое время Данилова отецъ взялъ на зимовникъ, сначала конторщикомъ, затѣмъ приказчикомъ и, наконецъ, Даниловъ, все повышаясь, послѣ смерти отца, сдѣлался управляющимъ Кирсановскаго завода.

Великіе люди всегда начинаютъ свою карьеру съ маленькаго!

Но нужно отдать Данилову полную справедливость, онъ честно и преданно служилъ намъ и, хотя ушелъ отъ насъ по продажѣ зимовника, богатымъ человѣкомъ, съ большими деньгами, рогатой скотиной и земледѣльческими орудіями,—это только благодаря своимъ трудамъ и подаркамъ, щедро отсыпавшимъ ему мною и братомъ.

Иванъ Александровичъ былъ человѣкъ средняго роста, съ усами и безъ бороды; бороду онъ тщательно брилъ; говорилъ тихимъ голосомъ; лицо—чисто казачье, типичное, съ небольшими карими глазами.

Меня и брата онъ неизмѣнно называлъ „владѣлецъ“.

Помню страшную катастрофу, разразившуюся 15 мая 1876 г. Я только-что поступилъ въ гимназію и по слабости здоровья былъ оставленъ на второй годъ въ томъ же, 2-мъ классѣ. Экзаменовъ я не держалъ, а потому отецъ меня взялъ сейчасъ же послѣ Пасхи на зимовникъ.

Послѣ обѣда отецъ легъ отдохнуть, а мать была въ палисадникѣ, гдѣ развѣшивали бѣлье.

День былъ не жаркій, пасмурный, но въ воздухѣ чувствовалась какая-то тяжесть.

Я одѣлъ свое старенькое пальто и пошелъ по доскѣ черезъ палисадникъ, мимо матери, въ конюшню, гдѣ пробылъ минутъ 10, а оттуда въ рабочій сарай, гдѣ я постоянно бывалъ и гдѣ у меня были пріятель-плотники. Едва я вошелъ въ сарай, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и крышу сарая снесло въ одинъ моментъ. На моихъ глазахъ вся конюшня вдругъ упала въ сторону, противоположную отъ двора, и мы, т.-е. я и плотники, принуждены были укрыться въ близъ лежащей избѣ черезъ открытое окно.

Сначала пошелъ сильный дождь, потомъ градъ, да такой крупный, что, мнѣ казалось, градины были величиною съ куриное яйцо, я по крайней мѣрѣ потомъ ужъ не видѣлъ ничего подобнаго.

Шумъ и грохотъ отъ града, отъ бушующаго вѣтра былъ

невообразимый. Нашъ дворъ превратился во что-то ужасное; потоки воды и кучи града превратили его во что-то бѣлое, безконечное; я видѣлъ изъ окна избы, что уровень бушующей воды достигалъ аршина въ высоту.

Ужасный градъ и дождь продолжались не менѣе получаса, а затѣмъ градъ сталъ мельче, дождь тоже рѣже, — высокая масса воды сбѣжала со двора, и намъ представилась возможность выйти изъ своего убѣжища.

Шлепая по грязи въ штиблетахъ, я едва достигъ дома.

Мать была уже въ бѣлой кухнѣ, въ полуобморочномъ состояніи. Оказалось, что она, видя въ первый моментъ, какъ завалилась конюшня, и не замѣтивъ за минуту до того моего перехода изъ конюшни въ сарай, рѣшила, что меня придавило упавшею конюшней, и какъ была, бросилась туда, бредя по поясъ въ водѣ. Ее бабы, увидя бредущую, уволокли въ бѣлую кухню.

Отецъ проснулся отъ грохота града и сидѣлъ на постели видимо не зная всего происшедшаго.

Много хлопотъ и убытка дала намъ эта буря... Тяжелыя, воловьи арбы, что стояли около недостроеннаго дома, силою вѣтра вынесло далеко впередъ, и тѣ, которыя успѣли проскочить между амбаромъ и каретнымъ сараемъ, были далеко, нѣкоторыя даже на гумнѣ, въ полуверстѣ разстоянія; пастуху, мальчику, бывшему съ коровами за гумномъ, пробило голову; нѣсколько овецъ было убито въ полѣ. Къ счастью, никто изъ людей не убитъ; бывшіе въ конюшнѣ кучеръ и конюхъ спаслись тѣмъ, что сидѣли въ конюшнѣ около самыхъ открытыхъ дверей, и стѣна, падая, накрыла ихъ пустымъ пространствомъ. Лошади какимъ-то чудомъ уцѣлѣли въ конюшнѣ.

Но кому больше всего пришлось, — это дикой птицѣ на широкихъ лиманахъ рѣки Маныча.

Тутъ, очевидно, разразился центръ всего свѣтопреставленія. Довольно высокій и густой камышъ весь помолоченъ былъ какъ на посадѣ. Утки, гуси, гагары, кулики и большіе пеликаны буквально устилали собой неглубокую воду. Не говоря ужъ объ убитой, но и покалѣченной, — съ пробитою головою, съ переломанными крыльями и ногами птицы — оказалась масса. Я потомъ встрѣчалъ цѣлыя обозы, арбъ въ 5—6 хохловъ съ поселка и на вопросъ, куда ѣдете, мнѣ отвѣчали: „на Манычъ за птицей“!

Да, много бѣдъ сотворило и много памяти оставило это ледовое побоище 15 мая 1876 года!..

V.

Ранѣе я помянулъ, что за лодкой къ Грузинову былъ посланъ Герасимъ.

Этотъ Герасимъ былъ старикъ неопредѣленныхъ лѣтъ, маленькій, жиденькій, съ остатками бороды, брюнетъ съ довольно сильной просѣдью, съ маленькими черными глазами и съ плутоватымъ выраженіемъ лица.

Онъ былъ и плотникомъ, и птичникомъ, и садовникомъ, и, наконецъ, былъ водворенъ на лѣто въ старый садъ караульщикомъ.

Дружба съ Герасимомъ была у меня большая. Сидитъ онъ, бывало, себѣ подъ деревомъ и ничего не дѣлаетъ. Старая привычка къ топору у него все же осталась, и онъ по временамъ бралъ топоръ и мастерилъ разныя нужныя и ненужныя вещи: крышки для горшковъ съ молокомъ, какіе-то ящики и пр. У него были всевозможныя плотничьи инструменты.

Герасимъ все это умудрялся хранить въ маленькомъ деревянномъ ящикѣ, съ пробоемъ и замкомъ, гдѣ вмѣстѣ съ инструментами лежали также его двѣ или три рубашки и столько же шароваръ.

На деревѣ же неизмѣнно висѣло его ружье, длинная одностволка, съ перевязаннымъ веревкой ложемъ. Старикъ былъ большой охотникъ пострѣлять. Стрѣлялъ онъ рѣшительно все: начиная съ дикой утки, до которой ему ничего не стоило дойти два шага до пруда, и кукушки въ саду, да чужой собаки.

Убьетъ онъ, положимъ, кукушку, и если это въ постъ, Петровки или Спасовку, то не съѣстъ ее сейчасъ, завернетъ въ тряпочку и положитъ на дерево. До розговѣнья остается еще недѣли три, а кукушка лежитъ на деревѣ, о чемъ онъ таинственно мнѣ докладывалъ.

Мнѣнія о себѣ, или вѣрнѣе, о своихъ понятіяхъ и способностяхъ, онъ былъ высокаго.

Все сдѣланное не имъ, или безъ его указаній и руководства,—не годилось никуда.

Помню я, какъ-то къ одному богатому хохлу въ поселокъ черезъ прудъ привезли молотильную машину. Машину пустили въ ходъ, и къ намъ въ садъ доносился шумъ и гулъ отъ работы. „А онъ неправильно работаетъ“, сказалъ дѣдъ Герасимъ.

— „Почему неправильно, и кто онъ“?

— „Машинистъ неправильно машину поставилъ“ отвѣчалъ дѣдъ Герасимъ, дѣлая неопредѣленный жестъ рукой по направленію машины, „я по гулу слышу“.

Что я могъ ему возразить, самъ не видѣвшій никогда машины?!

Я оставилъ старика въ его мнѣніи и заблужденіи.

Но мнѣ часто пріѣзжалъ мой сосѣдъ, Костя Карасевъ, мой однолѣтникъ и одноклассникъ. Пріѣзжалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда, когда отецъ ложился отдыхать,—верхомъ, на великолѣпномъ ворономъ аргамакѣ и съ ружьемъ,—главная моя приманка; ружье было его отца, съ украшеніями, дорогое, съ блестящими курками и такимъ же замкомъ, шомпольная двухстволка.

Мы тотчасъ же отправлялись къ дѣду Герасиму стрѣлять по очереди коршуновъ и другую птицу.

Карасеву давали ружье, и вообще онъ охотился официально, я же считался малымъ и мнѣ было пока запрещено это удовольствие.

Пострѣлявши немного, мы шли къ дому.

Вдругъ надъ нами раздавался какой-то шумъ, я посмотрѣлъ вверхъ: три великолѣпныхъ журавля, широко распластавъ крылья, какимъ-то образомъ очутившись здѣсь, летѣли по направленію къ пруду.

Я свѣта не взвидѣлъ, и какъ очередь стрѣлять была моя, схватилъ ружье и, ничего не помня, прицѣлился въ средняго, журавль упалъ. Я схватилъ громадную птицу за ноги и съ восторгомъ бросился бѣжать далѣе, къ дому.

Отецъ уже проснулся и сидѣлъ на крыльцѣ; я подбѣжалъ къ крыльцу и торжественно, показывая птицу, сказалъ: „это я убилъ“!

Отецъ, видя мое восторженное лицо, добродушно ухмыльнулся и прибавилъ „молодецъ“ и тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что такому знаменитому охотнику нельзя оставаться подъ запретомъ и нужно ему купить ружье.

Вѣсть о моемъ знаменитомъ подвигѣ быстро облетѣла весь дворъ, и всѣ приходили смотрѣть журавля, убитаго „панычемъ“, уныло вытянувшаго ноги и взглядывавшаго на всѣхъ своимъ прострѣленнымъ глазомъ.

Изъ него вышли отличные щи, а мнѣ черезъ двѣ недѣли, когда отецъ поѣхалъ въ городъ, была куплена замѣчательная двухстволка, бельгійской работы, которая и сейчасъ у меня.

Такъ журавль рѣшилъ мою охотничью судьбу!

Съ этимъ ружьемъ я уже не расставался никогда. И до смерти отца и послѣ, я, уже взрослымъ человѣкомъ, охотился съ нимъ неизмѣнно.

У насъ въ степяхъ, при обилии всевозможной дичи, не требовалось устраивать такъ называемой „охоты“, съ компаніей, выпивкой и закусками; просто, часовъ въ 11 дня приказываешь заложить дрожки и ѣдешь въ степь на работы; ружье берешь съ собой.

Уже въ верстѣ отъ дома вспархиваетъ куропатка, или стрепеть, дальше—больше, и двѣ пары есть, и довольно на обѣдъ или ужинъ.

Я никогда больше и не бивалъ, хорошо сознавая, что это лишнее.

И такъ каждый день, все хоть что-нибудь привезешь домой.

Особенно мнѣ нравилось пройти немного по старымъ пашнямъ.

12 часовъ дня.—Жара невыносимая.

Вы осторожно пробираетесь по заросшимъ жнивьямъ старой пашни; изъ куста въ двухъ шагахъ отъ охотника, тяжело поднимается вдругъ дрофа, она уже ваша.

Или стрепеть поднимается, звеня крыльями, когда только не наступишь на него ногою.

Въ жару птица никогда не поднимается высоко, и саженой черезъ 15—20 опять упадетъ въ траву. Вотъ походишь полчаса по такой жарѣ, и пара уже готова.

Помню, я былъ какъ-то на пашнѣ. Полуденный воздухъ весь струился вдаль, и неподвижные предметы принимали издали какія-то неясныя, фантастическія очертанія. — Вотъ виднѣтся озеро (это въ нашей-то безводной степи), окруженное вербами, вѣтви которыхъ низко склонились къ водѣ, а за озеромъ разстилается селеніе или городъ; вотъ нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ стоятъ по берегамъ озера, и картина представляется—невиданная!...

А подойдешь ближе, оказывается, что это четыре или пять стоговъ сѣна, одиноко стоящіе въ степи...

Вся картина пропала... зато вдаль опять четыре стога сѣна рисуютъ тѣ же очертанія. Это миражъ—столь распространенное явленіе въ Задонскихъ степяхъ.

„А подывитця, панычу, гдѣсь занялось“, — говорилъ мнѣ хохоль-работникъ и указалъ вдаль столбъ чернаго дыма.

Столбъ разрастался и видимо приближался къ намъ. Черезъ

часть, два, огромные клубы дыма, закрывая солнце, распространились въ воздухѣ и казались свѣтло-оранжевыми.

Степные пожары у насъ не рѣдкость; начнется гдѣ - нибудь и пройдетъ громадное разстояніе, истребляя траву и скошенное сѣно въ стогахъ. Иногда степной пожаръ проходитъ 80 верстъ въ длину, достигая 2—4 верстъ въ ширину.

Единственная преграда ему—это дорога, которая или задерживаетъ его, или даетъ ему другое направленіе, или недостатокъ матеріала — сухой и пышной травы, — когда попадается такъ называемая „толока“.

Иногда пожаръ продолжается дня четыре и болѣе, затягивая всю степь дымомъ; и безъ того жара, а тутъ все же горячій воздухъ еще болѣе накалится, такъ что трудно бываетъ дышать.

Средства борьбы съ степными пожарами у насъ въ степяхъ довольно примитивны и ограничены; обыкновенно проводятъ плугомъ борозды 5—6 по границѣ участка, но это помогаетъ мало, особенно когда сильный вѣтеръ; жаръ отъ огромнаго пространства горячей степи бываетъ такъ силенъ, что трава по другую сторону запашки загорается уже не отъ пламени, а отъ жара; или опахиваютъ плугомъ стога сѣна, въ разстояніи саженой 4—5 отъ стога проводятъ плугомъ тѣ же 5—6 борозды.

Это болѣе надежное средство, потому что здѣсь ограждается каждый стогъ въ отдѣльности, и сила огня по скошенной травѣ, гдѣ стоятъ стога, уже не такъ велика; къ этому средству прибѣгаютъ къ сожалѣнію рѣдко, ибо, у кого много сѣна, стоговъ 100—200, извольте-ка опахать каждый стогъ въ отдѣльности вышеуказаннымъ образомъ, да еще въ іюльскую жару отрывать отъ работы паръ 6 воловъ, къ нимъ человекъ 10 народу, которые тутъ же варятъ себѣ обѣдъ или ужинъ; бывали случаи, сами же рабочіе пускаютъ пожаръ.

Отецъ по этимъ соображеніямъ никогда не опахивалъ стоговъ, и Богъ хранилъ насъ отъ пожара.

Я самъ, уже будучи чуть не 20 лѣтнимъ, пустилъ было пожаръ.

Какъ-то послѣ обѣда, въ жаркое время, приказчикъ нашъ, Павлоцкій, отправился на гумно „готовить токъ“, т. е. мѣсто для молотбы катками и для поставки новыхъ скирдъ съ хлѣбомъ.

Я тогда не преминулъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ.

На старомъ гумнѣ трава была большая и густая, уже достаточно подсохшая для огня.

Нужно было выполоть пространство саженой въ 20 по поперечнику. Павлоцкій зажегъ траву, но она почему-то горѣла вяло и скоро потухла. Я набралъ старой соломы и бросилъ ее въ горящую траву. Какъ на грѣхъ, тутъ попалась ложбинка и огонь быстро пошелъ по ней. Дулъ небольшой вѣтеръ съ запада, по направленію къ усадьбѣ сосѣда Карасева.

Я не успѣлъ оглянуться, прошло, вѣроятно, секундъ 5, не болѣе, какъ пламя поднялось уже высоко и распространилось широко, захватывая все новые и новые кусты.

Я взглянулъ на Павлоцкаго — его лицо было серьезно и выражало скрытый страхъ.

Я тотчасъ же бросился къ старому току, гдѣ у насъ росли высокія, аршина въ 2 слишкомъ, конопля, и набравши пучекъ такихъ коноплей, сталъ ими забивать пламя.

Павлоцкій также сдѣлалъ себѣ пучекъ, и люди, бывшіе на работѣ, на старомъ гумнѣ, тоже замѣтивъ неестественный дымъ, прибѣжали на помощь, и общими усиліями пожаръ удалось погасить. Выгорѣла, должно быть, цѣлая десятина, или около того.

VI.

Выше я упомянулъ о рѣкѣ Манычѣ, границѣ нашего участка съ сѣвера и сѣверо-востока. Отъ зимовника до рѣки Маныча версты 4, не болѣе. Съ юго-востока на сѣверо-западъ тянется балка Ямута, впадающая выше въ балку Терновку.

Ямута не велика, версть 6, 7.

Не знаю почему, но это мѣсто нашего участка привлекало мои наибольшія симпатіи. Потому ли это, что въ этомъ мѣстѣ была сосредоточена вся масса болотной и степной дичи (куропатки), или общая сравнительная красота мѣстности, близость дома, откуда можно было постоянно заглянуть туда, — только Маныцкая обстановка дѣйствовала на меня успокаивающимъ образомъ.

Балка Ямута была отъ зимовника верстахъ въ двухъ.

Куда ни взглянешь — степь кругомъ, ширь и просторъ необъятные!

Вдали чуть виднѣются крыши строеній нашего зимовника и хохлацкаго поселка, въ другую сторону, въ туманной дали, обрисовываются крыши Карасевскаго зимовника; передъ глазами — ничего, только Ямута шумитъ своими камышами по самой балкѣ; коршунъ, хорошо распластавъ крылья, паритъ высоко и точно высматриваетъ себѣ добычу; бѣлокрылая чайка

и мартышки, залетѣвъ сюда отъ рѣки Манычи, рѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ.

11 часовъ дня; солнце высоко стоитъ на небѣ и посылаетъ оттуда горячіе, нестерпимые лучи; высоко взвился жаворонокъ и поетъ свою неумолкаемую пѣсню!

Ямута шумитъ своими камышами!

Вотъ небольшой терновый кустикъ, и куропатка, спугнутая неосторожными шагами человѣка, испуганно вылетаетъ изъ куста и, остановленная раздавшимся въ тишинѣ выстрѣломъ, стремительно падаетъ въ траву.

Вотъ недалеко то мѣсто, гдѣ стоятъ отбитыя отъ табуна ремонтныя лошади, рослые, донскіе маштаки, ужъ привыкшіе къ одиночеству, сбившись отъ жары въ кучу и положивъ другъ на друга головы.

Вотъ вдали видѣется какое-то бѣлое пятно на зеленомъ фонѣ высокой травы—это бараны, отбитые на лѣто отъ матокъ и обреченные тянуть одиночество до 1 ноября; они отъ зноя сбились въ кучу, вытянувъ морды въ одномъ направленіи и показывая подошедшему свои широкіе, жирные зады.

Еще дальше виднѣются коричневымъ пятномъ дойныя коровы—матери, штукъ 40, напоенныя, лѣниво разбросавшись на зеленой травѣ, и нѣкоторыя, очевидно, думающія о томъ, гдѣ теперь ихъ телята.

Тамъ кучка бракованныхъ мереньевъ и кобылъ съ жеребятами уныло бродятъ, недоумѣвая, почему они очутились здѣсь, на Ямутѣ, когда весь табунъ теперь въ широкихъ степяхъ Терновки.

Какъ видите, степь не одинока, не пустынна и заселена множествомъ четвероногихъ тварей, и вездѣ люди, пасущіе и охраняющіе этихъ тварей!

Но ѣдемъ дальше. Черезъ двѣ версты густой и сочной травы показываются берега рѣки Маныча.

Собственно, подѣзжая, вы не видите ни самой рѣки, ни воды.

Манычъ рѣка очень капризная.

Притокъ рѣки Дона, она здѣсь только носитъ названіе рѣки.

Внѣ нашего участка, выше и ниже, она имѣетъ формы настоящей рѣки, узкой, съ берегами, покрытыми мѣстами вербой и тальникомъ, мѣстами даже красивой.

Въ нашемъ же участкѣ—это цѣпь громаднѣйшихъ лимановъ, до двухъ верстъ шириною, которыхъ перейти врядъ-ли

кому удавалось, частію заросшихъ совершенно камышами частію совершенно чистыхъ, представляющихъ собою огромное зеркало.

Эти лиманы являютъ изъ себя лѣтомъ средоточіе всевозможной болотной дичи, осенью и зимой—голодныхъ волковъ.

Общая линія береговъ на нашемъ участкѣ высока и обрывиста отъ весеннихъ разливовъ воды, такъ что приходится спускаться до первыхъ камышей, а дальше уже нужно идти пѣшкомъ въ высокихъ, непромокаемыхъ болотныхъ сапогахъ, ибо ступня ноги вся уходитъ въ почву.

Вода въ лиманахъ рѣки Маныча горькосолонаго вкуса.

Глубина воды четверть аршина и настолько же вязкаго ила. Помню я свои походы по Манычу.

Днемъ, въ жару, хотъ не ходи по камышамъ или чистой водѣ. Птица вся какъ-будто замерла и гдѣ-то прячется.

Зато самое раздолье охотнику на заряхъ, утренней и вечерней; птица тучами носится надъ камышемъ, и, бывало, бьешь ее всю; дикія утки всевозможныхъ породъ, гагары, болотные кулики и пр., а то попадаются и большіе пеликаны, снѣжно-бѣлаго цвѣта, съ длиннымъ, на подобіе ножа, носомъ.

Птица очень осторожна, и къ ней нужно умѣть подойти. При этомъ страшные, несосвѣтныя комары, отъ которыхъ только спасаешь глаза папиросой.

Но курить непрестанно невыносимо, поэтому я натиралъ лицо гвоздичнымъ масломъ.

У насъ на лиманахъ никому постороннему стрѣлять было нельзя, развѣ попадетъ какой-нибудь мужиченка изъ хохловъ, съ связаннымъ бичевкой ружьемъ, и на того махнешь рукой.

Одного такого охотника я чуть было не застрѣлилъ случайно: дойдя до конца камыша, у чистой воды, я подкарауливалъ двухъ утокъ, которыя у противоположной стороны, тоже у камыша, выплывали мнѣ на мушку.

Разстояніе было саженой 20; едва дождался удобнаго момента и грянулъ выстрѣлъ, какъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были утки, сзади нихъ, изъ-за камыша, подымается маленькая человѣческая фигурка, и слышенъ голосъ: „а я оздечки, мене трошки не вбили“.

Оказалось, онъ тоже караулилъ утокъ и не видѣлъ меня, какъ и я его.

Однажды, гуляя съ ружьемъ по камышамъ, я дошелъ до чистаго мѣста и задумалъ перейти вбродъ разстилавшуюся равнину воды; разстояніе казалось небольшое, не болѣе полуверсты. Я пошелъ, но попытка оказалась бесполезною: я прошелъ по

Ремонтъ—главная статья дохода и подь часъ краса завода, и отецъ обращалъ всегда особое вниманіе на нихъ; ремонтныя лошади были его любимымъ дѣтищемъ.

Ремонтъ состоялъ изъ 60—80 головъ.

Вотъ изъ такой партіи ремонтныхъ лошадей былъ выбранъ мой парадиръ—мой знаменитый „Лысый“.

Эта была замѣчательная лошадь.

Высокій и стройный, болѣе 2 вершковъ, что рѣдко бываетъ въ нашихъ заводахъ, гнѣдой масти, онъ казался неутомимымъ и обладалъ поистинѣ замѣчательною иноходью подь сѣдломъ: бывало, другія лошади скачутъ, или идутъ полной рысью, а Лысый, зная себѣ, жаритъ иноходью, слегка разваливаясь на ходу; покойность и увѣренность въ каждомъ его шагѣ была изумительная; сидя на немъ, можно было спокойно спать, или дремать, такъ что я, смѣясь, прозвалъ его вагономъ перваго класса; его рысь, а въ особенности скачь, не могла обогнать ни одна лошадь.

Когда нужно было попасть куда-нибудь, и въ особенности вернуться къ сроку, у меня брали Лысаго, и Лысый, точно чувствуя необходимость такой срочной поѣздки, шелъ увѣреннымъ и важнымъ шагомъ и всегда попадалъ къ сроку.

Разъ какъ-то представилась необходимость сбѣгать въ Ростовъ за деньгами рабочимъ; было это вечеромъ, а къ утру деньги необходимы были для расчета.

Не долго думая, нашъ Иванъ Александровичъ рѣшилъ самъ ѣхать и въ 5 часовъ вечера осѣдлалъ Лысаго, ибо другой лошади, способной на такое путешествіе, у насъ не было.

Я конечно далъ согласіе, и Лысый спокойно отправился съ своимъ всадникомъ по дѣламъ.

Къ 8 часамъ утра Иванъ Александровичъ былъ дома съ деньгами. А вѣдь разстояніе туда и обратно было 200 съ лишкомъ верстъ!

Бѣдный Лысый, досталось же ему въ эту поѣздку! Я помню, когда онъ вернулся, мыло кусками падало съ него!

У него отъ природы была еще одна отдушина: на носу, выше ноздрей, была небольшая дырочка, которою онъ дышалъ.

Когда продавали зимовникъ, я его также продалъ одному родственнику-офицеру за 150 рублей.

Миръ его праху! Теперь онъ несомнѣнно давно уже палъ...

Сбытъ ремонтныхъ лошадей производился обыкновенно или ремонтѣрамъ отъ кавалеріи, или простымъ барышникамъ. Но съ первыми отецъ рѣдко имѣлъ дѣло, ибо они предлагали

невозможныя условія: прїѣдетъ, посмотритъ ремонтъ, штукъ 70—80, и предлагаетъ взять на выборъ лошадей 18, при чемъ даетъ хорошую цѣну—100 рублей за голову.

А съ остальными куда дѣваться?...

Держать у себя и кормить, или разогнать по ярмаркамъ, въ надеждѣ, что продашь еще головъ 5, или болѣе, а тамъ опять дожидаться второй ярмарки?! и т. д.

Нѣтъ, съ барышниками лучше: они прямо взглянуть на ремонтъ и берутъ все, иногда десятый бракъ; но и цѣна значительно ниже—75 рублей, 80 за голову, и тутъ же берутъ лошадей, рѣдко оставляя ихъ на зимовку.

Иногда случается, что барышники, уже производя расчетъ, обращаютъ вниманіе хозяина и на оставшихся, бракованныхъ третьяковъ, и забираютъ и ихъ, цѣною по 20—25 рублей.

Все дѣлается аккуратно и скоро.

Также производилась продажа коровъ, быковъ и овецъ.

Не могу пройти молчаніемъ также обязанности каждаго коннозаводчика непремѣнно держать почту и отвозить каждаго проѣзжающаго человѣка на своемъ экипажѣ и лошадяхъ до слѣдующей станціи.

Эта повинность была очень отягчительна.

Мы возили до зимовника Янова, или Савостьянова, иногда дальше. Возили непремѣнно пять недѣль, по числу участковъ.

Это было бы еще ничего, если бы у насъ было достаточное количество упряжныхъ лошадей и людей, а то собираешься куда-нибудь, въ поле, или на охоту, вдругъ подвертывается какой-нибудь чиновникъ, котораго не ждешь, и приходится отдавать ему лошадей и экипажъ.

Вотъ что нехорошо!

VIII.

Мнѣ остается сказать еще два слова о путяхъ, которые ведутъ на нашъ зимовникъ изъ Новочеркасска.

Ихъ два: одинъ весенній, болѣе длинный, кругомъ черезъ станицу Аксайскую и переѣздъ черезъ рѣку Донъ на плашкотномъ мосту, верстъ 100; другой—лѣтній и осенній, болѣе излюбленный: короче, прямо черезъ станицу Дагаевскую и поймы Дона, — верстъ 70—75, при чемъ Донъ приходится переѣзжать на паромѣ.

Путь черезъ станицу Аксайскую болѣе интересенъ, потому что приходится ѣхать цѣлый день, иногда даже съ ночевкой въ станицѣ.

Онъ былъ болѣе интересенъ для меня, тогда еще мальчика, выхваченнаго только-что изъ удобствъ городской жизни и сразу окунувшася въ жизнь иную, сельскую, съ необходимой ночевкой на постояломъ дворѣ, съ кормежкой и отдыхомъ лошадей среди степи и прочими удовольствіями, которыя меня, какъ мальчика, занимали прежде всего и давали большой матеріалъ для наблюденій.

Часовъ въ 5, послѣ обѣда, къ черному крыльцу нашего дома подкатывали дорожную бричку, въ которую запрягалась четверка лошадей,—или простой тарантасъ, и начиналась укладка вещей.

Часовъ въ 6 лошади уже были готовы, и экипажъ медленно выѣзжалъ со двора.

Въ этой бричкѣ, или тарантасѣ, сидѣлъ я одинъ; рѣдко со мной ѣхала горничная или какая-нибудь прислуга, болѣею же частію моя нянька, Настя; мы проѣзжали весь городъ, направляясь въ станицу Аксайскую, гдѣ должны были ночевать и поджидать отца съ матерью, которые должны были пріѣхать вечеромъ—поѣздомъ.

Дорога отъ г. Новочеркасска до Аксая—вся въ горахъ: приходится то опускаться въ глубокую балку, для чего кучеръ каждый разъ слѣзаетъ съ козелъ и тормозитъ колеса, то подниматься въ высокую гору, и т. д. до конца.

Черезъ два часа показывается станица Аксайская.

Аксай расположенъ на берегу Дона; довольно грязная и захудалая станица; торгуетъ рыбой, лѣсомъ, который сплавляется по Дону; имѣетъ двѣ хорошія церкви, парходную пристань и тутъ же станцію желѣзной дороги.

Мы останавливаемся на постояломъ дворѣ нѣкоего Могила; нянюшка хлопочетъ подать мнѣ самоваръ и устроить постели на ночь.

Часовъ въ 10 пріѣзжаютъ отецъ съ матерью. Я немедленно засыпаю и, утромъ, чуть только солнышко покажется, меня будятъ, и, мы, напившись чаю, садимся въ уже готовую, запряженную бричку и ѣдемъ дальше.

Мостъ черезъ рѣку Донъ плашкотный и уровень его возвышается высоко надъ водою; ширина, я думаю, не менѣе $\frac{1}{4}$ версты

За мостомъ начинается „дамбы“,—высокое, искусственное сооруженіе, проходящее чрезъ всѣ луга и поймы рѣки Дона до станицы Ольгинской,—длиною 10 верстъ, и только кончивъ дамбу, мы спускаемся въ степь.

Хорошо и привольно вздохнуть свѣжимъ, утреннимъ, степнымъ воздухомъ!...

Лошади бѣгутъ шибко и ровно.

Колеса экипажа уже разстались съ камнями мостовой и ямами дамбы и катятся спокойно; передъ глазами лежитъ широкая и ровная, какъ паркетъ, дорога!

Солнце уже высоко, но обычная жара умѣряется нѣсколько близостью Дона и ароматною свѣжестью придонскихъ луговъ.

До хутора Подпольнаго мы проѣхали незамѣтно пять верстъ, и опять степь безъ конца!

Вотъ вдали показался какой-то высокій курганъ; около него строеніе,—не то хижина, не то питейное заведеніе—это Усмань,—мѣсто нашей остановки и кормежки лошадей.

Мы останавливаемся, и лошади брыкаются отъ мухъ, оводовъ, кучами осѣдающихъ на потныя мѣста.

Достается изъ экипажа завтракъ, состоящій изъ жареныхъ цыплятъ, домашнихъ пирожковъ и яицъ, сваренныхъ вкрутую.

И какъ все это кажется вкуснымъ на свѣжемъ, степномъ воздухѣ!

Часа черезъ три кучеръ напоить лошадей изъ колодца, и мы катимъ дальше.

До зимовника еще верстъ 30, но лошади словно почували родную конюшню, бѣгутъ теперь веселѣе.

Вотъ и хуторъ Веселый, съ его вѣчно пьянымъ о. Петромъ!

Вотъ и родной Хомутецъ!

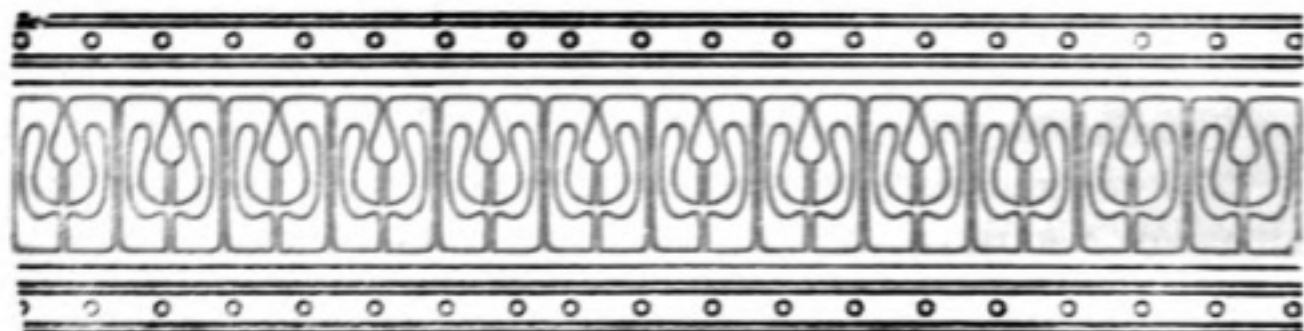
Конецъ далекому и утомительному пути!...

Путь черезъ Дагаевъ гораздо проще и легче: также подается къ крыльцу экипажъ для укладки вещей; мы садимся и, спустившись сейчасъ же съ горы и проѣзжая подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, ѣдемъ все время лугами - поймами рѣки Дона. Этотъ послѣдній переѣзжаемъ въ станицѣ Дагаевской на паромѣ; иногда заѣзжаемъ въ станицу, гдѣ жила моя тетка—сестра матери; иногда ѣдемъ дальше, безъ заѣзда, нуднаго и томительнаго, ибо вся семья у нея какая-то чудная и она сама жалкая старуха, постоянно плачущая и жалующаяся на жизнь.

Минуя Дагаевъ, ѣдемъ на хуторъ Елкинъ, Домабинку, хуторъ Веселый и Хомутецъ.

Я заканчиваю свои воспоминанія, и все описанное возстаетъ передъ моими глазами, какъ живое: далекій, но милый сердцу зимовникъ, съ его поднимающими радостями, съ его не глубокими горестями, съ его табунами и широкою степью, съ его лиманами и миражами,—возстаетъ все, умершее давно, и кажется, какъ живое....

М. Кирсановъ.

Виленскія воспоминанія ¹⁾).

Кауфманъ недолго оставался въ Вильнѣ и былъ смѣщенъ совершенно неожиданно, по проискамъ польской партіи. Въ то время польскую аристократію очень баловали при петербургскомъ дворѣ. Военный министръ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Кауфманомъ, видя грозившую опасность, телеграфировалъ ему, что надъ нимъ собираются тучи. Генераль-губернаторъ отвѣчалъ по телеграфу: „пріѣду и тучи разсѣю“. Прибывъ въ столицу, Кауфманъ отправился въ Зимній дворецъ, но уже не получилъ сразу доступа къ государю, а принужденъ былъ ожидать пріема въ общемъ залѣ. Черезъ нѣкоторое время государь вышелъ изъ кабинета и, проходя мимо виленскаго генераль-губернатора, сказалъ ему: „Кауфманъ, я нашелъ тебѣ преемника“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи генераль Кауфманъ былъ назначенъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ. Съ братомъ виленскаго генераль-губернатора М. П. Кауфманомъ былъ замѣчательный случай въ его молодости. Однажды онъ съ товарищами намѣревался играть въ карты, но какъ не доставало одного партнера, то Кауфманъ пошелъ его позвать. Разстояніе было небольшое. Кауфманъ не одѣлъ сабли. Случилась неудача. Едва онъ вышелъ на Невскій проспектъ, какъ наткнулся на великаго князя Михаила Павловича, который, увидавъ офицера безъ оружія, разсердился и наложилъ на него взысканіе. Кауфманъ былъ отчисленъ отъ Академіи и переведенъ на службу на Кавказъ. Тамъ, въ турецкую войну онъ имѣлъ случай отличиться и быстро двинулся впередъ по службѣ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, Май 1914 г.

не вставая съ колѣнъ, поползъ къ Горчакову. Такъ они оба, князь и чиновникъ, совѣщались о служебномъ дѣлѣ, стоя на колѣняхъ. Навидательная картина! ¹⁾)

Хотя Потаповъ былъ религіозный человекъ, но православное духовенство его не любило. Ему иногда случалось получать безъименныя ругательныя письма, какъ говорятъ, отъ недовольнаго духовенства. Кажется, при Потаповѣ, было учреждено „Общество ревнителей православія“. Инициатива учрежденія этого общества принадлежала чиновнику Спичагову. Новое общество не могло найти себѣ свободнаго поля дѣйствій, потому что съ тою же цѣлью существовало въ Вильнѣ Православное Свято-Духовское Братство. Поэтому общество ревнителей православія, послѣ непродолжительнаго дѣйствія, было закрыто. Въ то время, о которомъ ведется рассказъ, появилось въ свѣтъ оригинальное изданіе: небольшая брошюра, содержавшая въ себѣ рассказы на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ языкахъ. Кажется, даже былъ рассказъ и на латинскомъ языкѣ. Книжка была написана небольшимъ кружкомъ русскихъ женщинъ и носила названіе „Между нами“. Издана она была съ благотворительною цѣлью.

Мнѣ случилось познакомиться въ то время съ подполковникомъ Б., пріѣхавшимъ изъ Петербурга на службу въ интендантство. Этотъ хорошо воспитанный человекъ въ молодые годы охотился въ Петербургѣ на нигилистовъ и революціонеровъ, отыскивая этихъ подозрительныхъ лицъ въ разныхъ мѣстахъ столицы. Потаповъ, занимавшій тогда какую-то полицейскую должность, неоднократно обращался къ нему съ просьбою помочь полиціи въ ея поискахъ. Теперь, когда Б. пріѣхалъ въ Вильну и явился къ Потапову, какъ къ командиру войсками округа, поименованный генералъ совершенно его не узналъ и ни слова не упомянулъ о бывшемъ знакомствѣ. Такая забывчивость была обидна для интендантскаго офицера. Б. былъ откровенный человекъ и рассказывалъ мнѣ, какъ онъ ѣздилъ куда-то въ командировку открывать цѣны на какое-то интендантское довольствіе. На той станціи, гдѣ онъ вышелъ съ поѣзда, его ожидалъ уже повѣренный подрядчика съ готовымъ экипажемъ. Комната въ гостиницѣ была уже нанята. Прибывъ въ гостиницу, Б. нашелъ ожидавшій его кипящій самоваръ. Тутъ повѣренный подрядчикъ вручилъ пріѣхавшему цѣны, полученныя изъ город-

¹⁾ Этотъ рассказъ приписывается, извѣстному своею разсѣянностью кн. Горчакову, командовавшему войсками въ Крымскую кампанію. *Ред.*

ской управы, губернскаго управленія и изъ статистическаго комитета. Осталось немного сдѣлать командированному офицеру для исполненія даннаго порученія. Б. жилъ недолго и вскорѣ умеръ скоропостижно, отъ удара.

Потаповъ, соединяя въ своемъ лицѣ двѣ должности—генераль-губернатора и командующаго войсками округа, обратилъ вниманіе на обѣды, устраиваемыя въ дни полковыхъ праздниковъ, и на обременительность денежныхъ расходовъ, несомыхъ офицерами на эти обѣды; поэтому онъ сдѣлалъ распоряженіе объ ограниченіи подобныхъ обѣдовъ съ соблюденіемъ нужной простоты. Кажется, это распоряженіе не получило должнаго осуществленія.

У Потапова не было дѣтей; поэтому жена его занималась общественною благотворительницею въ большихъ размѣрахъ. Она учредила общество „Доброхотной Копѣйки“, существующее и нынѣ. Въ пользованіе новаго общества было передано большое зданіе упраздненнаго миссіонерскаго монастыря. Это зданіе потому оказалось свободнымъ, что военное вѣдомство отказалось принять его въ свое вѣдѣніе, по его ветхости и по неудобству внутренняго расположенія. Жена Потапова умерла лѣтомъ въ 1870 году на дачѣ, въ Звѣринцѣ. Въ скоромъ времени въ этомъ домѣ была устроена церковь. Въ память своей жены, называвшейся Екатериною, Потаповъ заказалъ написать три образа Святой Великомученицы Екатерины, на которыхъ лица святой представляли портретъ умершей генеральши. Эти большіе образа были пожертвованы въ три церкви. Новыя иконы, кажется, сохранились на своихъ мѣстахъ безъ измѣненія.

Смерть Потаповой напоминала мнѣ неожиданную кончину гусарскаго офицера, случившуюся около того же времени. Въ Вильнѣ проживало тогда княжеское семейство, въ коемъ было четыре прелестныя дочери. Эти барышни составляли лучшее украшеніе русскаго общества. Было холерное время. У князя собрались вечеромъ гости. Гостямъ подавали свѣжую землянику. Одинъ изъ гостей, гусарь, отказался кушать плоды, по причинѣ холернаго времени. Княжны обратили вниманіе на отказъ офицера и стали надъ нимъ подтрунивать. Молодой человѣкъ принялъ къ сердцу насмѣшки и, въ доказательство отсутствія трусости, взялъ тарелку и поѣлъ земляники. Послѣдствія такого угощенія не замедлили проявиться: на другой день гусарь заболѣлъ, дня черезъ три умеръ. Вотъ какъ опасно насиловать человѣческую натуру. На похоронахъ присутствовало княжеское семейство, и всѣ княжны шли за гробомъ.

Со времени Муравьева, замѣнившаго польскихъ чиновниковъ русскими, польское общество жаловалось на русскихъ чиновниковъ, находя ихъ грубыми, мало воспитанными. Генералъ Потаповъ, съ цѣлью оживить русское общество и устранить нареканія на чиновниковъ, выписалъ изъ Петербурга на службу въ Вильну молодыхъ правовѣдовъ. Это были прекрасные молодые люди съ хорошими манерами, искусные танцоры. Съ прибытіемъ этой молодежи, дворянскій клубъ оживился. До того времени, на вечерахъ клуба, постоянно ощущался недостатокъ въ танцующихъ кавалерахъ, потому что офицеры мѣстнаго гарнизона имѣли свой собственный клубъ и въ дворянскомъ мало бывали. Съ прибытіемъ петербургской молодежи, танцы въ клубъ пошли бойко. Я всегда удивлялся дѣятельности вновь прибывшихъ молодыхъ людей. Бывало, на танцевальномъ вечерѣ, слышишь изъ устъ ловкаго кавалера, что у него завтра предстоитъ къ докладу 12 дѣлъ. Эти дѣла не мѣшали докладчику накануне танцовать до 3 час. утра. Такое легкомысленное отношеніе къ исполненію служебной обязанности, состоящей въ удовлетвореніи требованія правосудія, должно было причинить ущербъ въ дѣятельности суда. Не потому ли нынѣ Китяковскій говоритъ ¹⁾, что нашъ гражданскій судъ стоитъ далеко не на высотѣ своихъ задачъ. Во времена Потапова русское общество въ Вильнѣ не могло объединиться, такъ какъ всякая частная инициатива строго преслѣдовалась. Появляющіеся идейные чиновники, заявлявшіе о патриотизмѣ и о своей самостоятельности, изгонялись; а мѣстному органу русской печати даже запрещалось касаться польскаго, еврейскаго и другихъ вопросовъ. Находясь подъ правительственной опекой и занятые исполненіемъ многочисленныхъ циркуляровъ и предписаній, русскіе люди и не замѣтили, какъ въ позднѣйшее время объединились и сплотились отдѣльныя народности. Даже небольшія, какъ литовскія и мусульманскія группы, заявили о своей самостоятельности въ ущербъ русскимъ интересамъ.

Въ Николаевскомъ соборѣ долгое время служилъ почтенный протоіерей Борзаковскій, который въ молодости жилъ внутри Россіи и видѣлъ походъ русской гвардіи въ Турцію, въ 1828 г. Тутъ, рассказывалъ онъ, гвардія шла въ большомъ числѣ, съ

¹⁾ „Вѣсы“, сборникъ статей о русской интеллигенціи. Москва 1900 г., изд. 2, стр. 152.

огромнымъ обозомъ, со множествомъ собакъ; назадъ же гвардія прошла какъ-то незамѣтно, тихо, въ маломъ числѣ, собакъ не было вовсе. Почтенный протоіерей, конечно, не зналъ о той громадной убыли людей, которую понесла русская армія въ этомъ походѣ: люди умирали не только отъ непріятеля, но и отъ чумы, свирѣпствовавшей тогда на Балканскомъ полуостровѣ. Надо замѣтить, что существовавшая тогда въ Россіи польская армія не принимала участія въ этомъ злополучномъ походѣ, вопреки желанію Императора Николая I. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ отстоялъ свою любимую армію и сберегъ ее дома.

По поводу кампаніи 1828 г. мнѣ припомпается удивленіе какого-то литератора, обратившаго вниманіе на отставного солдата, участника означеннаго похода. Когда солдатъ спорилъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ пріятелей, то обыкновенно дѣлалъ такое выраженіе: скажи, ты былъ въ Турчинѣ; ну, если не былъ, такъ и молчи, не спорь. Литераторъ никакъ не могъ понять, почему солдатъ придавалъ такое большое значеніе Турецкому походу. А для насъ оно понятно: война сопровождалась страшною смертноcтью. Извѣстно, что черезъ Дунай перешла 150-тысячная русская армія, а назадъ вернулось только 10 тысячъ; слѣдовательно, изъ каждаго 15 человекъ уцѣлѣлъ только одинъ. Что должна была перенести кучка уцѣлѣвшихъ отъ чумы людей. Сколько каждому пришлось перенести скорби и горя, при видѣ тысячъ страдающихъ и умирающихъ своихъ товарищей. Сколько пришлось перенести тревоги, преодолѣть опасностей, прежде чѣмъ русскіе солдаты достигли родной земли. Тяжелыя впечатлѣнія принесли они домой, и отставной солдатъ былъ правъ, ссылаясь на пережитое тяжелое время. Молодой русскій Императоръ, ведшій эту войну, былъ грозенъ не только Турціи, но и всей Европѣ; онъ держалъ въ Царствѣ Польскомъ большую армію, всегда готовую двинуться въ походъ.

Государь любилъ крѣпости; часто ихъ посѣщалъ и внимательно разсматривалъ составляемые проекты фортификаціонныхъ сооруженій. Въ крѣпостяхъ тогда работали арестанты: они возводили земляныя насыпи, выдѣлывали кирпичи на казенныхъ заводахъ и занимались различными мастерствами. При посѣщеніи одной крѣпости, покойному Императору понравился выдѣлываемый тамъ кирпичъ. Взявъ въ руки красивый кирпичъ, любовавшись арестантскимъ издѣліемъ, Импе-

раторъ Николай I приказалъ этотъ кирпичъ отвезти прусскому королю. Тотчасъ былъ потребованъ фельдъегерь, принявшій царскую посылку и поскакавшій въ Пруссію. Въ молодости мнѣ случилось однажды встрѣтить подобнаго фельдъегеря, бывшаго уже въ отставку. Это былъ человекъ высокаго роста, съ широкими плечами, богатырскаго тѣлосложенія. Онъ ѣзжалъ не только по Россіи, но бывалъ и за границей. Однажды, рассказывалъ онъ, пріѣхалъ я на почтовую станцію, а тамъ былъ начальникъ дивизіи, ведшій разговоръ со смотрителемъ станціи. Я сказалъ: ваше превосходительство, вы меня не задерживайте, а не то, я возьму васъ, посажу и увезу.

Возвращаясь къ крѣпостямъ, надо сказать, что постройка сухопутныхъ крѣпостей вообще обходилась не дорого, потому что въ обширномъ размѣрѣ примѣнялся арестантскій трудъ. Были устраиваемы особыя мастерскія, гдѣ работали люди съ кандалами на ногахъ. Надзоръ за работою лежалъ на инженерныхъ офицерахъ. Конечно, на лѣнивыхъ людей иногда налагался наказанія. Но былъ одинъ инженеръ, который виновныхъ не наказывалъ, а читалъ имъ нотации и дѣлалъ упреки провинившимся. Подобныя увѣщеванія разозлили одного каторжника, который и задумалъ убить мягкосердечнаго инженера. Съ этою цѣлью арестантъ приготовилъ большой ножъ, которымъ рѣшилъ ударить инженера, когда тотъ подойдетъ къ его станку для осмотра работы. Обыкновенно осмотръ работъ дѣлался въ 12 часу, передъ арестантскимъ обѣдомъ. По счастью, инженеръ опоздалъ на этотъ разъ къ обычному осмотру, будучи занятъ какимъ-то дѣломъ въ канцеляріи. Пробыло полдень; раздался звонокъ для прекращенія занятій и для сбора на обѣдъ. Каторжникъ, приготовившійся къ убійству, пришелъ въ злое настроеніе отъ неудачи и, въ припадкѣ гнѣва, ударилъ ножомъ своего товарища, находящагося по сосѣдству. Всѣ удивлялись такому поступку. Злодѣй объяснилъ, что онъ никакой злобы не имѣлъ къ пострадавшему, но ударилъ его единственно по досадѣ на неудавшійся замыселъ.

Изъ числа существовавшихъ крѣпостей наибольшую извѣстностью пользовалась въ аристократическомъ кругу крѣпость Динабургъ. Во время царствованія Императора Николая не было въ Россіи желѣзныхъ дорогъ и путешествія совершались на лошадяхъ. Заграничныя поѣздки, предпринимаемыя весною изъ Петербурга, направлялись обыкновенно на Динабургъ, гдѣ была переправа чрезъ р. Двину. Постояннаго моста тамъ не

было и переправа была сопряжена съ затрудненіями, вслѣдствіе весенняго ледохода. Высокимъ особамъ, ѣдущимъ за границу, приходилось, волей-неволей, прожить въ крѣпости 2—3 дня. Прибытіе въ крѣпость особъ царской фамиліи причиняло коменданту много хлопотъ. Надо было отвести удобныя квартиры для всей свиты, снабдить ихъ недостающею мебелью, назначить особыя комнаты для статсъ-дамъ и фрейлинь; указать помѣщенія для лакеевъ и горничныхъ, отыскать для пріѣзжихъ экипажи, назначить прислугу и проч.

Бывалые люди говорили, что за 2 недѣли до пріѣзда высокихъ особъ комендантское управленіе прекращало отправлять служебныя функціи и комендантъ съ адъютантами были заняты отведеніемъ квартиръ, установкою въ нихъ мебели и пр. Наконецъ, иногда надо было чѣмъ-нибудь и развлечь высокихъ путешественниковъ. Существуетъ разсказъ, свидѣтельствующій о степени занимательности крѣпостныхъ развлеченій. Великая княгиня Марья Николаевна съ дѣтьми ѣздила за границу и, по обыкновенію, пробыла нѣсколько дней въ крѣпости Динабургѣ. Посѣтивъ Германію, Италію, княгиня вернулась въ Петербургъ. Императоръ Николай, бесѣдуя съ дочерью, по ея возвращеніи, спросилъ у своего внука, гдѣ ему понравилось всего больше. Мальчикъ, не называя ни одного заграничнаго города, забывъ прекрасную Италію, прямо отвѣчалъ: „веселѣе всего было въ Динабургѣ“. Конечно, случайная близость къ царскому семейству помогала коменданту крѣпости проходить успѣшно служебное поприще.

Послѣ смерти Императора Николая, въ нашемъ государствѣ были произведены великія реформы, обновившія страну. Въ военномъ вѣдомствѣ одна изъ реформъ состояла въ раздѣленіи Россіи на военные округа, что способствовало уменьшенію централизаціи хозяйственныхъ дѣлъ и облегчало исполненіе разныхъ коммерческихъ операцій. Для сей цѣли въ Вильнѣ былъ учрежденъ въ 1864 году военно-окружный совѣтъ. Но все дѣло сначала велось съ затрудненіемъ, потому что большинству членовъ совѣта были чужды хозяйственныя операціи. Разные многочисленныя вопросы рѣшались въ совѣтѣ, согласно доклада дѣлопроизводителя. Однимъ изъ первыхъ дѣлопроизводителей былъ ловкій, умный чиновникъ, который забралъ дѣла въ свои руки и дѣлалъ что хотѣлъ. Конечно, при заключеніи разныхъ подрядовъ, чиновникъ соблюдалъ болѣе свои интересы, чѣмъ казенныя. Военный министръ, узнавъ о злоупотребленіяхъ дѣло-

производителя совѣта, предложилъ ему подать въ отставку. Чиновникъ былъ удивленъ неожиданнымъ распоряженіемъ и обратился къ членамъ совѣта съ просьбой о заступничествѣ. Тѣ приняли участіе въ этомъ челобѣтѣ. Для большаго успѣха въ ходатайствѣ, дѣлопроизводитель написалъ свидѣтельство о своей безкорыстной службѣ въ яркихъ краскахъ и просилъ членовъ совѣта подписать это свидѣтельство. Большинство членовъ совѣта исполнило эту просьбу безъ колебаній, но двое, интендантъ и начальникъ инженеровъ, отказались приложить свои подписи. При дальнѣйшемъ обсужденіи просьбы дѣлопроизводителя оба они пришли къ заключенію, что отсутствіе ихъ подписи можетъ натолкнуть на мысль, что оба эти генерала имѣютъ доходныя мѣста, а потому отказались свидѣтельствовать честную службу способнаго чиновника. Въ отклоненіе такого мнѣнія, интендантъ и начальникъ инженеровъ также приложили свои имена къ заготовленному свидѣтельству. Когда этотъ документъ былъ доложенъ министру, то Милютинъ справедливо упрекнулъ членовъ виленскаго совѣта въ томъ, что они не только не видятъ, что у нихъ дѣлается подъ носомъ, но даже противодѣйствуютъ ему въ искорененіи злоупотребленій. Несмотря на краснорѣчивое свидѣтельство, дѣлопроизводитель былъ уволенъ въ отставку. Одинъ разъ замѣна подряднаго способа была сдѣлана начальникомъ дивизіи въ болѣе позднѣйшее время. Генералъ, будучи недоволенъ мясомъ, поставляемымъ для солдатъ торговцами, задумалъ самъ покупать живой скотъ. Такъ какъ полки были расположены широко, мѣста для выгона скота было достаточно, то и былъ привезенъ скотъ съ юга Россіи. Въ дивизіи нашлись люди, знающіе убой скота. Получать мясо за плату начальникъ дивизіи дозволилъ и офицерамъ. Въ силу такого распоряженія, какъ только заколютъ животное, такъ тотчасъ вырѣзывали пудъ мяса для начальника дивизіи и полпуда для начальника дивизіоннаго штаба. Полковые командиры, а также офицеры не участвовали въ этомъ дѣлѣ. Разумѣется, для начальника куски изъ туши выдѣлялись наилучшіе и для солдатъ оставалось мясо болѣе худшее. Приготавливаемая для солдатъ щи выходила жидкія, безъ хорошаго навару. Полковые врачи были поставлены въ затрудненіе браковать приготавливаемую пищу. Такой способъ продовольствія солдатъ живымъ скотомъ продолжается недолго.

Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости произошла перемѣна и въ военномъ быту. Я былъ знакомъ съ

отставнымъ кавалерійскимъ офицеромъ, помѣщикомъ южныхъ губерній. Онъ пріѣхалъ въ Вильну съ намѣреніемъ поступить въ гражданскую службу, въ распоряженіе генераль-губернатора. Въ то время такихъ чиновниковъ было около сотни, изъ коихъ большинство служило безъ жалованья, ради полученія чиновъ и орденовъ. Однако желаемого мѣста мой знакомый не получилъ. Какъ-то нашъ разговоръ коснулся его прежней службы. „Я служилъ“, сказалъ онъ, — „въ знаменитомъ полку“. Не помню какъ онъ назвалъ полкъ. — „Чѣмъ же этотъ полкъ знаменитъ?“ — спросилъ я. — „Своими кутежами“, — отвѣчалъ онъ мнѣ. Признаюсь, такой отвѣтъ меня очень удивилъ. Разумѣется, подобныя явленія могли быть только при существованіи крѣпостнаго права.

Припоминаю рассказъ бывшаго губернскаго воинскаго начальника въ городѣ Архангельскѣ. Пріѣхалъ въ городъ для инспекторскаго смотра корпусный генералъ. Прибывшаго генерала сопровождалъ денщикъ. Тотчасъ же послѣ пріѣзда денщикъ пришелъ въ квартиру воинскаго начальника съ просьбою дать для генерала чаю и сахару. Жена полковника удовлетворила просьбу солдата. На другой день приходитъ тотъ же солдатъ и проситъ для генерала варенья двухъ сортовъ. И эта просьба была исполнена. Затѣмъ нѣсколько разъ приходилъ денщикъ съ просьбами о сѣстномъ для генерала. Такія частыя посѣщенія денщика показали, что солдатъ выпрашиваетъ припасы не для своего господина, который не могъ сѣсть такое большое количество пищи, и что тутъ есть плутовство. Тогда полковникъ рѣшился наказать денщика. Днемъ, когда генералъ осматривалъ одну роту, находящуюся въ особомъ домѣ, полковникъ приказалъ фельд-фебелю позвать прибывшаго денщика и отвести его въ другое помѣщеніе. Тамъ полковникъ высѣкъ денщика розгами и затѣмъ отпустилъ. Никакой жалобы солдатъ не принесъ; инспекторскій смотръ шелъ своимъ чередомъ и никакихъ разговоровъ съ генераломъ по сему предмету не было. Конечно, экзекуція надъ денщикомъ сдѣлалась извѣстною въ городѣ. Пребываніе генерала въ Архангельскѣ продолжалось довольно долго; необходимо было чѣмъ-нибудь развлечь высокую особу. Съ этою цѣлью губернской воинской начальникъ сдѣлалъ званый вечеръ, на который были приглашены мѣстныя чиновныя лица. Была составлена партія въ карты. Вотъ, во время этой игры, одинъ изъ штатскихъ гостей въ разговорѣ сказалъ: „видно, что нашъ полковникъ храбрый человекъ, недаромъ имѣетъ Георгіевскій

крестъ; не побоялся высѣчь денщика своего начальника“. Генералъ молча выслушалъ это сообщеніе, но потомъ спросилъ губернскаго начальника, какъ произошелъ этотъ эпизодъ. Полковникъ разсказалъ, какъ было дѣло. Генералъ отчислилъ отъ своей особы плутоватаго челоуѣка и взялъ къ себѣ въ услуженіе другого рядового. Тѣмъ дѣло и окончилось.

Послѣ франко-прусской войны, когда нѣмцы одержали большія побѣды надъ французами, стали вводить въ русской арміи порядки на прусскій образецъ. Началось съ формы одежды. Наши красивые двухъ-бортные мундиры были замѣнены однобортными, некрасивыми. Такъ какъ геніальный Мольтке довелъ мобилизацію прусской арміи до совершенства, то и у насъ стали заботиться о быстромъ приведеніи арміи на военное положеніе. Предстояло рѣшить вопросъ о времени, потребномъ для мобилизаціи. По военному округу былъ разосланъ циркуляръ, требовавшій представить подробныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ недостающихъ вещахъ, кои потребуются добавить въ каждую войсковую часть, при приведеніи ея на военное положеніе. Для исполненія его распоряженія, въ виду важнаго его значенія, былъ назначенъ короткій срокъ. При передачѣ означеннаго циркуляра по инстанціямъ, изъ верхней въ нижнюю, срокъ составленія вѣдомости сокращался, такъ что мой знакомый, батарейный командиръ, получивъ циркуляръ, имѣлъ сроку немного дней. — „Да мнѣ, — говорилъ онъ, — чтобы разобраться со всѣмъ имуществомъ, отличить годное отъ негоднаго, поименовать недостающія вещи, надо не менѣе мѣсяца времени“. — Пришлось приказать писарю проставить въ вѣдомости числа наугадъ и отправить по начальству. Въ окружномъ штабѣ скопилось громадное количество вѣдомостей по сему предмету. Сведеніе всѣхъ данныхъ въ одну общую вѣдомость по всему округу составило большой канцелярскій трудъ. Когда онъ былъ оконченъ, тогда былъ составленъ особый докладъ о мобилизаціи войскъ округа и былъ представленъ на Высочайшее воззрѣніе. Надо полагать, что въ Петербургѣ были довольны этимъ дѣломъ, потому что начальникъ штаба округа получилъ именную Высочайшую благодарность.

Одно время въ военномъ вѣдомствѣ господствовалъ авторитетъ Драгомирова. Этотъ генералъ имѣлъ смѣлость сказать, что число дѣлаемыхъ смотровъ обратно пропорціональному усилію обученія войскъ. Слѣдуя указаніямъ генерала, стали заботиться о возможно большемъ обученіи солдатъ въ теченіе лагернаго времени. Лѣтнія занятія были подробно расписаны на каждый

день. Но если ожидался въ Вильнѣ прїѣздъ Государа и. слѣдовательно, смотръ войскамъ, то начальникъ дивизіи уже не слѣдовалъ установленному расписанію, а выводилъ пѣхоту ежедневно на церемоніальный маршъ, придерживаясь, вѣроятно, пословицы: „своя рубаха ближе къ тѣлу“.

Такъ какъ при приведеніи войскъ на военный составъ происходило значительное увеличеніе числа людей, то интересно было увидать, во что обращаются тогда рота, батальонъ, полкъ. Одинъ командующій войсками захотѣлъ воочію видѣть пѣхотный баталіонъ военного состава. А какъ формированіе такого баталіона отвлекло бы людей отъ установленныхъ ученій, то смотръ баталіону былъ назначенъ въ праздникъ Вознесенія. Конечно, командующему войсками не много надо употребить времени, чтобы сѣсть въ коляску и прїѣхать на рысакахъ на лагерное поле, осмотрѣть баталіонъ и увъхать обратно; но не столько времени надо было употребить солдату, чтобы предстать предъ начальствомъ. Видно было, что высокопоставленные лица не знали цѣны солдатскаго отдыха.

Извѣстно, что въ казенныхъ мѣстахъ служебная переписка составляетъ главную обязанность чиновниковъ и занимаетъ много времени. Одинъ бывшій губернской воинской начальникъ, служившій на окраинѣ, получилъ важный служебный запросъ, съ которымъ не зналъ, какъ управиться и что отвѣтить. Вывелъ его изъ затрудненія близкій знакомый, указавшій на стараго писаря, который считался мастеромъ по подобнымъ дѣламъ. Полковникъ обратился къ этому писарю и заплатилъ ему впередъ 2 рубля за составленіе нужнаго отвѣта. Надо замѣтить, что въ то время контрольныхъ палатъ еще не было. Писарь засѣлъ за работу, сидѣлъ недѣли двѣ и составилъ отвѣтъ на нѣсколькихъ листахъ. Весь отвѣтъ былъ наполненъ ссылками на Сводъ Военныхъ Постановленій, указаніями на разныя статьи Гражданскихъ Законовъ, на циркуляры инспекторскаго департамента, на распоряженія корпуснаго командира, были приведены статьи изъ Уложенія о наказаніяхъ и Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Словомъ, статей было очень много, но связи между ними не было. Когда полковникъ началъ читать изготовленный отвѣтъ, то не могъ добиться въ немъ смысла, но чтобы не задерживать исполненіе распоряженія начальства, подписалъ изготовленную бумагу. Съ отосланіемъ отвѣта переписка по возбужденному вопросу прекратилась. Прошло нѣсколько дней. Встрѣчаетъ полковникъ чиновника, причастнаго къ сдѣланному вопросу. Тотъ поинтересовался узнать: кто въ

управленіи губернскаго воинскаго начальника сумѣлъ составить такой обстоятельный отвѣтъ, и при этомъ выразилъ удивленіе къ изумительной освѣдомленности и начитанности стараго писаря.

Я помню открытіе военно-окружнаго суда въ Вильнѣ. Это было событіе большой важности: новый порядокъ судопроизводства замѣнялъ старый, бумажный, отжившій судъ. На открытіе новаго суда прибылъ виленскій архіепископъ Макарій, бывшій впоследствии московскимъ митрополитомъ. Пастырь, знаменитый своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, сказалъ при открытіи замѣчательную рѣчь; даже иновѣрцы хвалили высказанную мысль. Передъ стоящими судьями, прокурорами и прочими чинами Макарій сказалъ: „вотъ вы готовитесь судить преступниковъ, будете наказывать виновныхъ и оправдывать невинныхъ: чѣмъ же вы будете руководствоваться въ приговорахъ. Законами. Но законы человѣческіе ограничены, а проявленіе людскихъ страстей безгранично; какъ же вы будете примѣнять законы, чему будете слѣдовать. Вы будете слѣдовать указаніямъ собственной совѣсти. Ну, а чѣмъ же вы сохраните совѣсть въ чистотѣ. Молитвою. Ну, такъ помолимся же Господу Богу и будемъ просить Его о сохраненіи всегда у насъ чистой совѣсти“. Послѣ этихъ словъ, архіепископъ началъ установленный молебенъ. Слова епископа произвели сильное впечатлѣніе на слушателей.

Въ семидесятихъ годахъ мнѣ довелось познакомиться съ бывшимъ профессоромъ Виленскаго университета Павломъ Кукольникомъ. Это былъ почтенный старикъ, словоохотливый, весьма набожный и религіозный. Онъ былъ родной братъ известнаго писателя Нестора Кукольника. Оба брата, по происхожденію, были словаки. Павелъ Кукольникъ былъ старшимъ братомъ и прожилъ въ Вильнѣ около 60-ти лѣтъ, почему можетъ быть названъ виленскимъ. Онъ началъ учиться русскому языку съ 10-тилѣтняго возраста, а 15-ти лѣтъ уже поступилъ на государственную службу, выдержавъ государственный экзаменъ изъ 13-ти предметовъ. Въ 1815 году Павелъ Кукольникъ написалъ диссертацию на латинскомъ языкѣ, которую защищалъ въ Полоцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Служебныя занятія не помѣшали Кукольнику заниматься литературой, чему способствовало общественное движеніе, бывшее послѣ 1812 года. Послѣ удаленія профессора Лелселя, Кукольникъ занялъ его мѣсто въ Виленскомъ университетѣ; а когда университетъ былъ закрытъ, въ 1832 году, Кукольникъ занимался въ двухъ акаде-

міяхъ: Медико-Хирургической и Римско-Католической Духовной. Обѣ эти академіи существовали не долго; и по закрытіи ихъ нашъ профессоръ преподавалъ отечественную исторію въ католической семинаріи и продолжалъ ученныя занятія въ качествѣ чиновника при генераль-губернаторѣ. Кромѣ того Кукольникъ былъ продолжительное время цензоромъ. Литературная дѣятельность его состояла изъ произведеній поэтическихъ и научныхъ. Дружба его съ виленскимъ поэтомъ Кондратовичемъ (Сырокомлею) способствовала поэтическому творчеству, и въ 1861 году былъ изданъ сборникъ его стихотвореній. Въ позднѣйшіе годы вышли въ свѣтъ стихотворенія: „Дѣдушкино видѣніе“ и „Послѣдніе звуки обветшалаго лиры“. Въ молодыхъ годахъ онъ перевелъ на русскій языкъ всеобщую исторію Сегюра. Но главная заслуга Кукольника заключалась въ статьяхъ научно-историческаго характера о сѣверо-западномъ краѣ Россіи, которыя составляютъ первые въ русской литературѣ труды по разработкѣ историческихъ вопросовъ нашего края. Его труды, въ видѣ монографій, помѣщены въ разныхъ изданіяхъ; но нѣкоторыя вышли отдѣльно, какъ, напримѣръ: „Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа“. Въ своихъ статьяхъ Кукольникъ поднималъ голосъ за угнетенную массу простого народа и указывалъ на насилія, какія терпѣла православная церковь въ Литвѣ. Будучи глубоко вѣрующимъ человекомъ, онъ былъ возмущенъ сочиненіемъ Ренана о Христѣ и написалъ возраженіе на эту книгу. Церковныя богослуженія Кукольникъ посѣщалъ часто, становился на видномъ мѣстѣ, а иногда читалъ въ церкви, вмѣсто псаломщика. Подъ конецъ жизни, онъ былъ ушибленъ извозчикомъ и долго болѣлъ, но отказался указать полиціи виновника этой катастрофы. Будучи полуслѣпшимъ, онъ давалъ бесплатныя уроки въ женской школѣ при Маріинскомъ монастырѣ.

Во время нашего короткаго знакомства, Кукольникъ старался парализировать во мнѣ либеральныя сужденія, которыя вообще присущи молодымъ людямъ. Почтенный старецъ умеръ въ сентябрѣ 1884 года, на 90 году отъ роду.

Дѣятелемъ другого рода въ Вильнѣ, въ позднѣйшее время, былъ чиновникъ Владиміровъ, пріѣхавшій сюда изъ Москвы, при генераль-губернаторѣ Кауфманѣ. Онъ былъ кѣмъ-то рекомендованъ генераль-губернатору, а потому былъ приглашенъ послѣднимъ къ обѣденному столу. Служилые люди, увидѣвъ почетный пріемъ, оказанный пріѣзжему, посыпались къ нему съ визитами. Жена Владимірова, англичанка, удивилась мно-

жеству новыхъ знакомыхъ и спрашивала у мужа: „что у тебя общаго съ этими людьми“—изъ которыхъ многіе носили военный мундиръ. Владиміровъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и сдѣлался англomanомъ. Я былъ съ нимъ знакомъ: это былъ человекъ недюжиннаго ума, патриотъ и критически относящійся къ общественнымъ явленіямъ. Происходя изъ духовнаго званія, онъ однако относился сурово къ дѣятельности православнаго духовенства и многого не одобрялъ въ нашей религіи. Также не сочувствовалъ бывшей тогда системѣ воспитанія. Владиміровъ поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и занимался въ какой-то комиссіи. Кромѣ того онъ преподавалъ русскій языкъ въ юнкерскомъ училищѣ. Имъ было написано и издано много разныхъ брошюръ по современнымъ вопросамъ. Такъ въ брошюрѣ „Классическіе языки въ современномъ образованіи“ онъ говоритъ, что истинный классикъ является какимъ-то недозрѣлымъ субъектомъ, индифферентно относящимся къ окружающей дѣйствительности и остающимся какою-то мумією, набальзамированною греко-латинскими спеціями. Имѣя дѣтей и интересуясь системою воспитанія, Владиміровъ ознакомился съ разными учебными руководствами и не одобрялъ издаваемыхъ тогда хрестоматій. Въ одной изъ нихъ онъ нашелъ слѣдующіе стихи:

Пьеть и воздухъ, и поля,
 Пьеть и горная земля,
 Море, солнце—всѣ вы пьете,
 Всѣхъ поить одна струя.

Въ этихъ словахъ, по его мнѣнію, прямой призывъ къ пьянству. Равнымъ образомъ порицалъ Владиміровъ извѣстныя стихотворенія: „Бѣсы“ и „Птичка Божія не знаетъ“. По мнѣнію критика, первое стихотвореніе вкореняетъ дѣтямъ вѣру въ бѣсовъ и располагаетъ ихъ къ суевѣрію; второе развиваетъ въ нихъ стремленіе къ лѣни, тунеядству, бродяжничеству и возбуждаетъ недовольство своей судьбой.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ на коронной службѣ, Владиміровъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. По тогдашнему времени, чиновники, покидавшіе службу, уѣзжали изъ Литвы; но Владиміровъ не послѣдовалъ такому примѣру и остался жить въ Вильнѣ. Здѣсь онъ слѣдилъ за общественною жизнью, ратовалъ за русское дѣло, печаталъ свои труды и составлялъ разныя брошюры по возникающимъ вопросамъ. Когда въ восьмидесятихъ годахъ возникъ слухъ объ учрежденіи въ Вильнѣ ду-

ховной академіи, мой знакомый возсталъ противъ такого проекта. Надо замѣтить, что кто-то изъ православнаго духовенства выразилъ мысль объ опасности учрежденія въ Вильнѣ университета. Тогда Владиміровъ напечаталъ разсужденіе подъ заглавіемъ: „Въ Вильнѣ университетъ, или духовная академія“, въ которомъ доказывалъ необходимость университета. Владиміровъ былъ вегетаріанцемъ и пропагандировалъ воздержаніе въ употребленіи пищи. Онъ напечаталъ нѣсколько разсужденій на эту тему. Въ брошюрѣ „За птицъ“ онъ совѣтуетъ прекратить ловлю и убійство всякой птицы, а въ брошюрѣ „Мясной вопросъ“ объясняетъ удобство употребленія растительной и рыбной пищи сравнительно съ мясною, рекомендуетъ запретить ловлю рыбы съ икрою и вообще продажу икры. Онъ выражаетъ сожалѣніе о замѣнѣ меда сахаромъ и отдаетъ предпочтеніе первому передъ вторымъ. Въ защиту своихъ убѣжденій по употребленію пищи, онъ приводитъ мнѣніе Адама Смига, Либиха, Молешота и другихъ ученыхъ. Въ настоящее время дознано, что употребленіе мясной пищи способствуетъ образованію склероза. Въ одномъ изъ своихъ изданій мой знакомый поясняетъ, какъ воздержанные люди могутъ ограничивать свои ежедневныя потребности въ пищѣ, и называетъ одного англійскаго милліонера, который, будучи въ дорогѣ, остановился гдѣ-то позавтракать. Этотъ богачъ удивилъ свою сопутницу невзыскательностью потребованной имъ пищи: путешественникъ удовольствовался завтракомъ, состоящимъ изъ простой овсянки.

Одна брошюра Владимірова носитъ интересное названіе: „Кухня, какъ путь эмансипаціи женщины“. Зная тутъ тяжелыя обязанности хозяйки дома, по наблюденію за готовящимся на плитѣ обѣдомъ, а иногда и саморучно готовящей кушанія въ кухонномъ чаду и дымѣ, авторъ указываетъ на путь эмансипаціи женщины упрощеніемъ обѣденнаго стола, при замѣнѣ мясной пищи растительною. Не ограничиваясь протестомъ противъ употребленія мясной пищи, Владиміровъ возставалъ противъ употребленія чая и въ особой брошюрѣ доказывалъ вредъ чая для здоровья и кромѣ того указывалъ на вредъ умственный и экономическій, приносимый этимъ напиткомъ. Экономическія послѣдствія онъ находилъ въ огромныхъ денежныхъ суммахъ, уплачиваемыхъ Китаю Русскимъ государствомъ.

Одинъ разъ мнѣ случилось имѣть столкновеніе съ этимъ почтеннымъ человекомъ, по поводу воспитанія дѣтей. Видя двухъ его сыновей непосѣщающими школы, я чувствовалъ къ нимъ сожалѣніе. Встрѣтясь однажды съ мальчиками, я спро-

силъ ихъ, желаютъ ли они поступить въ гимназію. Тѣ отвѣчали мнѣ утвердительно. „Въ такомъ случаѣ“ — сказалъ я, — „просите папу помѣстить васъ въ гимназію“. — Такой совѣтъ навлекъ на меня гнѣвъ отца. Въ особомъ письмѣ, онъ предлагаетъ мнѣ не вмѣшиваться въ его систему воспитанія, при этомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ дурно отозвался о тогдашней гимназій и прибавилъ, что не отдастъ туда учиться своихъ дѣтей. Подобный упрекъ въ то время часто раздавался въ обществѣ. При сравненіи кадетскихъ корпусовъ съ гражданскими гимназіями отдавали преимущество первымъ, въ коихъ существовала система воспитанія, болѣе лучшая, чѣмъ во вторыхъ. Указывали, что въ корпусахъ существуетъ безпристрастіе, справедливость, а въ гимназіяхъ нашего края нужной справедливости не было. Всѣмъ извѣстно, какъ много усилій приложило министерство народнаго просвѣщенія къ переустройству нашей средней школы. Размѣры этихъ заботъ можно оцѣнить, сравнивая билеты прежняго времени, выдававшіеся гимназистамъ, съ билетами нынѣшняго времени. Передо мною лежатъ два билета: одинъ старый, выданный 5-ю Петербургскою гимназіею на 1851—52 учебный годъ; другой современный, выданный Виленскою гимназіею въ 1908 году. Первый состоитъ изъ осьмушки бумаги, на коей написаны пять пунктовъ правилъ въ одиннадцати строкахъ. Второй состоитъ изъ карманной книжки, въ коей напечатано 46 параграфовъ. Разница большая!

Другой замѣчательный человѣкъ, причастный къ литературѣ, былъ Небольсинъ, занимавшійся изслѣдованіемъ бытовыхъ условій народа. Пріѣхавъ въ 1863 году въ Гродно на службу, онъ заинтересовался еврейскою народностью. Будучи одинокимъ человѣкомъ; не имѣя семьи, онъ прожилъ 6 лѣтъ въ домѣ одного еврея, семья котораго жила тутъ же и съ образомъ жизни котораго онъ хорошо ознакомился. Приобрѣтя многочисленное знакомство въ еврейской средѣ, Небольсинъ вникалъ въ оригинальную жизнь этого древнѣйшаго въ Европѣ народа. Строгость выполненія разныхъ обрядовъ, твердое слѣдованіе своему закону, особый взглядъ на женщину — всѣ эти качества поразили нашего чиновника. Между прочимъ, онъ заинтересовался причиною быстрого размноженія еврейскаго племени. Изъ устныхъ разспросовъ онъ догадался, что есть что-то особенное въ еврейскомъ быту, неизвѣстное христіанамъ. Когда Небольсинъ занялъ въ Вильнѣ мѣсто цензора, тогда онъ вошелъ въ болѣе близкое знакомство съ еврейскою интеллигенціею. Подъ начальствомъ Небольсина служили цен-

зора-евреин. Узнавъ, что въ уставѣ о Миквѣ содержатся важныя указанія для сохраненія женскаго здоровья, Небольсинъ поручилъ одному образованному еврею перевести этотъ уставъ на русскій языкъ. Надо сказать, что уставъ содержитъ развитіе правилъ, значащихся въ Библии, въ книгѣ Левитъ въ главѣ XV. Миква—это резервуаръ съ проточною водою; погруженіемъ въ этотъ резервуаръ люди не только обмываютъ тѣло, но и подвергаются какъ бы духовному очищенію. Сдѣланный русскій переводъ о Миквѣ вмѣстѣ со своими наблюденіями надъ еврейскою жизнью, Небольсинъ напечаталъ въ Запискахъ Географическаго Общества въ 1873 году. Получивъ отдѣльные оттиски своей статьи, Небольсинъ роздалъ ихъ своимъ знакомымъ, и такимъ образомъ русское общество ознакомилось съ интересною стороною еврейской жизни. Замѣтимъ, что текстъ устава весьма циниченъ и его нельзя читать при дамахъ. Распространеніе свѣдѣній о секретныхъ еврейскихъ обрядахъ произвело волненіе въ еврейскихъ обществахъ, такъ какъ были обнаружены ихъ тайны.

Другую статью о евреяхъ Небольсинъ напечаталъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Это установленіе о халицѣ или актѣ разуванія, въ которомъ излагается обязанность вдовы выйти замужъ за брата умершаго мужа, или получить *хамцу*, т.-е. свободу выйти замужъ за другого человѣка. Небольсинъ даже указалъ мѣсто, гдѣ совершается обрядъ халицы, въ Вильнѣ: это—комната при синагогѣ погребальнаго общества.

Вообще еврейскій народъ заслуживаетъ особаго вниманія по своей выдающейся жизнеспособности. Будучи самымъ старымъ въ Европѣ, онъ выработалъ себѣ крѣпкую, сплоченную организацію, позволившую ему вынести многочисленныя гоненія. Евреи не привлекаютъ къ себѣ иновѣрцевъ, не стремятся обратить ихъ въ свою религію, подобно христіанамъ и магометанамъ; напротивъ, они не смѣшиваются съ другими расами, потому что считаютъ себя народомъ Божиимъ, призванными на высокое назначеніе. Молятся они Богу очень усердно. У христіанъ болѣе набожны женщины; у евреевъ—наоборотъ, болѣе набожными мужчины. Евреи считаютъ женщину полуживотнымъ и не требуютъ отъ нея большихъ молитвъ. Всѣ мужчины ежедневно посѣщаютъ свою школу, т.-е. синагогу, которая бываетъ постоянно открыта для молящихся, даже ночью. Мнѣ неоднократно случалось замѣчать, какъ евреи мастеровые отказывались приходить рано утромъ на работу, потому что они

сперва должны побывать въ школѣ. Благотворительность у нихъ развита въ высокой степени, безъ всякихъ письменныхъ уставовъ, единственно по установившемуся обычаю. Существуетъ много братствъ съ различными цѣлями. Такъ, погребальное братство хоронитъ всѣхъ покойниковъ: бѣдныхъ и богатыхъ, при чемъ бѣдняковъ хоронитъ даромъ. Можно сказать, что каждый умершій становится собственностью братства; почему родные умершаго совершенно свободны отъ хлопотъ, связанныхъ съ погребеніемъ. Старинное еврейское общество, искупляющее плѣнныхъ, теперь оказываетъ помощь находящимся подъ стражею. Страннопріемное братство доставляетъ прибывающимъ евреямъ столъ и квартиру на нѣсколько дней. Существуютъ еще особыя братства, оказывающія помощь больнымъ, доставляющія бѣднымъ одежду и обувь, помогающія бѣднымъ невѣстамъ выходить замужъ, дающія въ долгъ деньги безъ процентовъ. Братства такъ распространены, что каждый еврей состоитъ членомъ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія. Къ хорошимъ качествамъ евреевъ надо отнести стремленіе ихъ къ просвѣщенію и къ охранѣ нравственности женщинъ. Небольшой свидѣтельствуеть, что всѣ евреи поголовно грамотны. Распространенію грамотности способствуетъ большое количество народныхъ школъ, коихъ въ Вильнѣ доходитъ до сотни. За поведеніемъ женщинъ внимательно смотритъ еврейское общество. Былъ такой случай. Молодой офицеръ зашелъ вечеромъ въ галантерейный магазинъ на Большой улицѣ. Тамъ были только женщины - торговки; мужчинъ не было. Стояла лѣтняя погода; двери были открыты настежь и магазинъ освѣщался лампами. Никого изъ покупателей не было. Офицеръ сталъ разсматривать вещи, прицѣнивался къ нимъ и выбиралъ себѣ нужное, при чемъ велъ разговоръ съ продавщицами. Служащія дѣвушки, не имѣя дѣла, собрались около офицера и слушали разговоръ. Совершенно неожиданно вошелъ въ магазинъ бѣдно одѣтый еврей, сталъ посрединѣ комнаты и молча слушалъ разговоръ. Вошедшій никакого товара себѣ не спрашивалъ; ни одна изъ торговокъ не обратилась къ нему съ вопросомъ. Постоявъ 2—3 минуты, еврей молча вышелъ изъ магазина. Офицеръ вынесъ убѣжденіе, что этотъ мужчина приходилъ съ единственною цѣлью наблюдать за поведеніемъ торговокъ. Вообще евреи относятся очень строго къ поведенію своихъ женщинъ. Если молодая женщина овдовѣтъ, то общество требуетъ отъ нея вторичнаго выхода замужъ, въ против-

номъ случаѣ, ее считаютъ порочною. Развратныхъ женщинъ евреи даже не хоронятъ на общемъ кладбищѣ. Дисциплина у евреевъ строгая: ей повинуются всѣ. Однажды мнѣ довелось видѣть примѣръ безпрекословнаго исполненія существующаго порядка, чего у христіанъ не встрѣтить. Были похороны богатаго еврея, который при жизни не слѣдовалъ еврейскому закону. Умершій былъ холостъ, состоялъ членомъ дворянскаго клуба, пилъ вино, игралъ въ карты и имѣлъ обширный кругъ знакомства въ христіанскомъ обществѣ. Не удивительно, что провожать покойнаго собралось много народу. Былъ и я въ числѣ провожатыхъ. Въ квартирѣ усопшаго трупъ покойника лежалъ на полу. Мнѣ объяснили, что такое положеніе придаютъ трупу съ цѣлью показать, что всѣ люди равны. На кладбище везутъ покойниковъ въ особомъ гробу, служащемъ для перевозки и другихъ умершихъ. По прибытіи на мѣсто, трупъ вынимаютъ изъ гроба, совершаютъ какой-то религіозный обрядъ и затѣмъ переносятъ къ могилѣ. При совершеніи обряда, на умершаго одѣваютъ одежду. При похоронахъ какого-нибудь извѣстнаго раввина, участвовать въ облаченіи одежды считается за честь, а за право участвовать въ облаченіи платятъ особыя деньги. Въ то время, про которое я говорю, еврейское кладбище не было такъ хорошо устроено, какъ нынѣ. Былъ большой деревянный сарай, куда и привезли покойника. И стоялъ въ концѣ сарая; а въ противоположномъ углу вынули трупъ и приступили къ совершенію обряда. Родная сестра покойника, увидѣвъ трупъ брата, наклонилась и хотѣла его поцѣловать. Въ то самое время, стоявшій вблизи меня какой-то грязный еврей издалъ пронзительный, рѣзкій крикъ. При этомъ звукѣ, наклонившаяся дама мгновенно выпрямилась и быстро отступила отъ трупа, какъ будто услышала громъ съ неба. Такое повиновеніе крику, изъ устъ грязнаго еврея, меня очень удивило.

Переходя къ выясненію причинъ быстрого размноженія еврейскаго народа, можно указать на слѣдующіе аргументы:

- 1) Каждый еврей долженъ быть женатъ и обязанъ имѣть дѣтей; иначе онъ отступникъ отъ закона. Если у еврея нѣтъ дѣтей, то онъ можетъ развестись съ женою и вступить въ новый бракъ.
- 2) Отвращеніе евреевъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ и отсутствіе въ еврейскомъ народѣ пьянства.
- 3) Еврейскій законъ регулируетъ супружескія отношенія.
- 4) Каждая женщина обязана соблюдать существующія пра-

вила чистоты и обязана посѣщать микву въ установленные дни. Для надзора за исполненіемъ этихъ правилъ назначаются особыя женщины.

Вышеизложенныя причины стали извѣстны русскому обществу изъ трудовъ Небольсина. Къ нимъ можно прибавить отвращеніе евреевъ отъ военнаго ремесла, уклоненіе ихъ отъ военной службы и воздержаніе въ употребленіи мясной пици. Извѣстно, что евреи не употребляютъ въ пицу свинины; а мясо прочихъ животныхъ ѣдятъ только тогда, когда при убоѣ присутствовалъ свѣдущій человекъ и призналъ скотину немѣющею сомнительныхъ вредныхъ признаковъ. По этой причинѣ еврейское мясо продается всегда дороже христіанскаго.

Что касается пребыванія молодыхъ людей въ войскахъ, то весьма понятно, что эта служба приноситъ ущербъ семейной жизни.

Въ 1876 году, мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время въ Бѣлградѣ, вскорѣ послѣ окончанія Сербско-Турецкой войны. Генераль Черняевъ выбылъ уже изъ Сербіи, но вездѣ въ городѣ упоминали его имя. Куда ни придеши, вездѣ слышишь „Михаило Григорьевичъ“. Въ городѣ было много русскихъ добровольцевъ. Слышны были разговоры о военныхъ неудачахъ, о непослушаніи Черняеву отдѣльныхъ начальниковъ. У меня нашелся въ Бѣлградѣ товарищъ по школѣ, сербъ, воспитывавшійся въ Петербургѣ и возвратившійся въ Сербію. Какъ-то я у него обѣдалъ. Кушанья были по обыкновенію съ паприкою. Употребленіе этой приправы возбуждаетъ жажду. А пить воду запрещено: можно было получить лихорадку; поэтому требовалось пить вино. Я однако отъ вина отказался, и лихорадка меня не коснулась. Посѣтилъ я митрополита Михаила, про котораго въ русской прессѣ печатали очень хорошіе отзывы. Поименованный пастырь,—воспитанникъ Кіевской духовной академіи, мнѣ не понравился.—„Россія давно не воевала; пора повоевать“,—вотъ его слова. Въ здѣшнемъ соборѣ, за обѣдней пѣли русскіе пѣвчіе, присланные изъ Москвы. Ихъ было немного, но пѣли они очень хорошо. Передъ возвращеніемъ въ Россію, всѣ пѣвчіе были награждены орденомъ „Такова“. Въ Бѣлградскихъ церквахъ соблюдается хорошей порядокъ въ размѣщеніи молящихся: женскій полъ отдѣленъ отъ мужскаго; впереди стояли мужчины, позади женщины. Подобный порядокъ раздѣленія половъ существовалъ въ Петербургѣ, въ Почтамтской церкви, гдѣ мужчины становились на правой сторонѣ, а

женщины на лѣвой. За соблюденіемъ этого порядка строго наблюдалось. Въ городѣ жилъ австрійскій консулъ, прекрасно говорившій по-русски. Сербы про него говорили: „это нашъ врагъ, хуже турка“. Передъ началомъ войны съ турками, сербы пытались поднять возстаніе у болгаръ: разсыпали воззванія, привозили тайкомъ оружіе; все напрасно—болгары рѣшительно отказывались возставать противъ турокъ. Тогда обнаружилась непріязнь между этими двумя славянскими народностями, перешедшая впоследствии, послѣ русско-турецкой кампаніи, въ открытую войну. Болгары, какъ евреи, питали отвращеніе къ оружію и только, когда русская армія перешла Дунай и вступила въ Болгарію, тогда болгары начали борьбу съ турками.

Во время моей бытности въ Бѣлградѣ, тамъ ходили по рукамъ добровольцевъ стихи о бывшихъ неудачахъ. Одна пѣсня начиналась такъ:

Было дѣло подъ Дьюнишемъ.
 Плохо дѣло, чортъ возьми.
 Мы дрались тогда съ Керимомъ
 И изъ шанцевъ утекли.
 Десять пушекъ побросали
 И Мораву вбродъ прошли,
 А понтоны еле сняли,
 Въ Делиградъ ихъ увезли...

Надо сказать, что сербскія войска не были организованы и мало дисциплинированы; поэтому неудивительно, что турки, превосходившіе численностью сербовъ, взяли надъ ними перевѣсъ.

Мнѣ довелось познакомиться съ замѣчательнымъ русскимъ добровольцемъ-Кузьминскимъ. Этотъ кавалерійскій офицеръ имѣлъ георгіевскій крестъ за военныя отличія въ Туркестанѣ. Будучи человѣкомъ богатымъ, онъ собралъ подъ свою команду полъ-сотни удалцевъ, между коими былъ одинъ баронъ, убившій на родинѣ человѣка и бѣжавшій въ Сербію. Про Кузьминскаго говорили, что онъ сдѣлалъ въ Варшавѣ какой-то проступокъ противъ дисциплины и потому бѣжалъ въ Сербію. Онъ былъ человѣкомъ разносторонне образованнымъ. Ему пришлось прожить въ Парижѣ во время осады этого города нѣмцами. Известно, что одно время Парижъ былъ совершенно изолированъ отъ окружающаго міра. У Кузьминскаго вышли тогда всѣ наличныя деньги; достать другихъ было негдѣ. Тогда онъ рѣшился

продать свои дорогіе карманные часы, только-что купленные передъ франко-германской войной. Пошелъ онъ въ тотъ магазинъ, гдѣ купилъ часы, и просилъ взять ихъ обратно за полцѣны. Купецъ отказался. Кузьминскій еще сбавилъ цѣны—все-таки не получилъ удовлетворенія въ своемъ предложеніи. Разсерженный жадностью мастера, русскій офицеръ ушелъ изъ магазина и продалъ новые часы въ другомъ мѣстѣ.—Этому Кузьминскому пришлось выдержать замѣчательный курсъ лѣченія и едва-ли гдѣ-либо встрѣчаемый. На моихъ глазахъ, онъ на скаку упалъ съ лошади, при чемъ расшибъ себѣ ногу и ушибъ голову о дерево. Тотчасъ былъ приглашенъ докторъ изъ русскаго санитарнаго отряда. Докторъ далъ медицинскія пособія и между прочимъ приложилъ ледъ къ ногѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Добровольцы, его сподвижники, захотѣли помочь своему начальнику и отыскали въ городѣ какую-то знахарку. Эта женщина также начала лѣчить больного, но только другимъ способомъ: она стала прикладывать къ больной ногѣ горячія припарки. Лѣченіе шло такимъ образомъ: утромъ, къ приходу доктора, ставился ледъ; вечеромъ клалась горячая припарка. Несмотря на такіа діаметрально противоположныя средства, больной выздоровѣлъ. Однако молодому человѣку не пришлось больше воевать съ турками: со вступленіемъ русской арміи въ Турцію, онъ, какъ сообщали газеты, окончилъ жизнь самоубійствомъ. Очень жаль этого отважнаго воина.

Передъ Рождествомъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ изъ Петербурга генералъ Никитинъ со штабомъ изъ 5-ти человѣкъ. Появленіе на улицѣ русскихъ офицеровъ въ формѣ произвело большое впечатлѣніе въ городѣ. Всѣ спрашивали причину этого пріѣзда, строили разныя предположенія, но ничего узнать не могли. Однако Никитинъ не прожилъ долго: вскорѣ онъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Очевидно, миссія его не удалась. По сообщенію достовѣрныхъ людей, дѣло было такъ: извѣстно, что въ сербской арміи проявлялась неурядица; военный министръ Николичъ велъ бумажную войну съ Черняевымъ. Это непріязненное отношеніе перешло къ сербскимъ офицерамъ. Позднѣе пріѣхалъ генералъ Новоселовъ, принявшій командованіе надъ особою арміею и относившійся также непріязненно къ Черняеву. Неудивительно, что турки, при ихъ многочисленности, одерживали побѣды надъ сербами. Вотъ генералу Никитину было поручено водворить порядокъ, организовать сербскую армію и оказать Сербіи денежную помощь. Говорятъ, что въ распоряженіи Никитина были большія суммы. Когда началась выдача

денегъ, сербы обнаружили жадность къ русскому золоту. Сербы мнѣ говорили, что съ начала сербско-турецкой войны было сбавлено жалованье всѣмъ высокостоящимъ лицамъ. Называли даже шахшум мѣсячнаго жалованья, которое получали министры. Сколько помнится—это было 120 или 100 рублей въ мѣсяць. Разумѣется, подобное ограниченіе показывало на патриотизмъ сербовъ. Когда же русскій генералъ началъ отпускать деньги, то требованія сербовъ возрасли до чрезвычайности. Я знаю одинъ случай. Нужно было командировать сербскаго офицера въ Венгрію по какому-то дѣлу. Зашелъ вопросъ: сколько дать суточныхъ денегъ этому лицу. Сербское правительство отвѣтило: по 5 рублей золотомъ въ сутки. Такое неимовѣрное требованіе удивило Никитина. Надо замѣтить, что офицеры императорской арміи, прибывшіе съ Никитинымъ, получали только по 3 рубля въ сутки. Такія безмѣрныя требованія показали Никитину, что сербы хотятъ эксплуатировать русскую казну. Не желая быть жертвой такого вымогательства, Никитинъ отказался отъ даннаго ему порученія и уѣхалъ въ Петербургъ. Такъ не состоялась русская миссія. А очень жаль. Если бы не случилось подобнаго разногласія, то, съ объявленіемъ войны, русская армія переправилась бы на правый берегъ Дуная въ Сербію, т. е. на дружественный берегъ и не было бы тѣхъ потерь, кои мы понесли подъ Систовомъ. Сформированная сербскія войска, добровольцы и русская дивизія съ казаками образовали бы большую армію, которая привлекла бы къ себѣ турецкія силы и не позволила бы Осману-пашѣ уйти въ Плевно; слѣдовательно, несчастныхъ атакъ Плевны не было бы и вся кампанія прошла бы иначе.

Проживая въ Бѣлградѣ, я съѣздила на другой берегъ Дуная въ маленькій венгерскій городокъ Панчію. Тамошніе сербы, узнавъ во мнѣ русскаго, приняли меня очень радушно. Одинъ адвокатъ мнѣ говорилъ: до австрійскаго дуализма, надъ нами господствовали нѣмцы, которые хотя и тѣснили насъ, но признавали сербскую народность. Съ введеніемъ дуализма, стали надъ нами господствовать венгры, которые сильнѣе притѣсняютъ насъ.—„Какіе вы сербы, вы венгры“,—говорятъ они и ввели венгерскій языкъ въ администрацію, въ судъ и въ школу. Для сербовъ учиться нѣмецкому языку было полезно, такъ какъ можно было ознакомиться съ наукой и литературой образованнаго народа. Ничего подобнаго не давалъ венгерскій языкъ. Въ Панчію мнѣ пришлось познакомиться съ княземъ Карагеоргиевичемъ, прекрасно образованнымъ молодымъ человѣкомъ,

окончившимъ Московскій университетъ. Онъ, конечно, хотѣлъ бы принять участіе въ войнѣ, вставъ въ ряды сербовъ, но фамиліи Карагеоргіевичей былъ запрещенъ въѣздъ въ Сербію.

Припоминаю эпизодъ изъ посѣщенія генераломъ Черняевымъ города Праги въ Чехіи, послѣ сербско-турецкой войны. Сербская молодежь, узнавъ о пріѣздѣ героя послѣдней войны, дѣлала большія оваціи русскому генералу. Подобныя оваціи были непріятны нѣмцамъ, и австрійская полиція разгнала толпы сербовъ, собиравшихся на площади передъ гостиницей, гдѣ остановился Черняевъ. Когда полиція оказалась безсильною, тогда вступило на площадь войско. Затѣмъ, администрація предложила Черняеву покинуть городъ, что и было имъ исполнено. Эпизодъ вмѣшательства войска въ разгонъ толпы описанъ русскимъ поэтомъ Минаевымъ, подъ заглавіемъ: „Славный бой при гостиницѣ Санъ-Стефано“.

Посѣщая рестораны въ Бѣлградѣ, я замѣтилъ демократическіе порядки, существовавшіе тамъ. Прислуга, подававшая кушанія во время обѣдовъ, была расторопна и почтительна; когда же обѣденный часъ кончался, въ томъ же помѣщеніи накрывали новый обѣденный столъ, исключительно для лакеевъ, которые и обѣдали тутъ съ должнымъ достоинствомъ.

Послѣ Потапова генераль-губернаторомъ былъ назначенъ генераль Альбединскій. Съ пріѣздомъ новаго начальника края, доступъ во дворецъ широко раскрылся; начались еженедѣльные приемы, устраивались танцевальныя вечера, давались балы. Атмосфера во дворцѣ перемѣнилась: чувствовался радушный пріемъ гостей. Альбединскій любилъ военное дѣло вообще, а кавалерійское дѣло— въ особенности. Слѣдующій случай пояснить сказанное. Однажды въ пріемной комнатѣ дворца собрались должностныя лица въ ожиданіи пріема генераль-губернаторомъ. Въ числѣ ихъ были начальникъ отдѣленія генераль-губернаторской канцеляріи и помощникъ начальника окружнаго штаба. Такъ какъ первый пришелъ во дворецъ раньше второго, то ему слѣдовало идти къ генераль-губернатору раньше ожидавшаго генерала. Поэтому сей послѣдній обратился къ чиновнику съ просьбою уступить ему свою очередь входа въ кабинетъ, такъ какъ у него незначительный докладъ по кавалеріи. Начальникъ отдѣленія согласился. Противъ ожиданіи помощникъ начальника штаба пробылъ въ кабинетѣ битый часъ и тѣмъ сильно огорчилъ ожидавшаго чиновника, имѣвшаго весьма серьезное и важное дѣло. Когда, наконецъ, генераль-губернаторъ принялъ ожидавшаго чиновника, то и слушать не сталъ устныхъ объ-

ясненій важнаго дѣла, а прямо подписалъ поданную ему бумагу. Такъ отличалъ начальникъ края штатское дѣло отъ военнаго.

Передъ русско - турецкой войной обращено было въ арміи большое вниманіе на рѣшенія офицерами тактическихъ задачъ. Заставляли рѣшать задачи не только оберъ - офицеровъ, но и штабъ-офицеровъ. Альбединскій принималъ большое участіе въ этихъ упражненіяхъ, исполняемыхъ на бумагѣ по лежащимъ планамъ и картамъ. Часто подобныя упражненія дѣлались въ военномъ клубѣ, по вечерамъ, гдѣ присутствовалъ командующій войсками округа. Говорятъ, что передъ русско-турецкой войной было уволено до 40 капитановъ за неумѣніе рѣшать тактическія задачи. Когда въ Петербургѣ узнали о такой ревностной дѣятельности генераль - губернатора, тогда Альбединскаго зачислили въ генеральный штабъ. Это назначеніе очень польстило награжденнаго, и онъ съ охотою смѣнилъ красивый гусарскій мундиръ на сюртукъ генеральнаго штаба. Тогда же онъ сдѣлалъ обѣдъ для офицеровъ генеральнаго штаба и снялся съ ними въ фотографіи, въ общей группѣ. Супруга генераль - губернатора обладала большимъ тактомъ: она принимала всѣхъ служащихъ очень привѣтливо, со всѣми обходилась ровно и не позволяла цѣловать своей руки. Рассказываютъ, что какой-то чиновникъ, получивъ пригласительный билетъ на балъ къ генераль - губернатору, пріѣхалъ туда, не представившись предварительно хозяину дома. Альбединская, узнавъ объ этомъ, взяла этого чиновника подъ руку, повела къ своему мужу и представила гостя хозяину дома. Нѣкоторые мѣстные учителя были приглашены въ генераль-губернатору давать уроки его дѣтямъ за денежную плату. Одинъ преподаватель очень успѣшно обучалъ дѣтей. Альбединская, желая отблагодарить учителя, поѣхала съ визитомъ къ его женѣ, которая до того времени никогда не бывала въ генераль - губернаторскомъ дворцѣ. Когда Альбединскій получилъ назначеніе въ Варшаву, тогда воинскіе чины поднесли ему альбомъ, богато отдѣланный. Помню, что на переплетѣ были сдѣланы художественной работы сцены изъ военной жизни округа, гдѣ нарисованы были дѣйствующія лица съ поразительнымъ сходствомъ. Въ расходахъ на заготовленіе альбома участвовали только генералы и начальники отдѣльных частей. Командиры полковъ внесли, если не ошибаюсь, по 50 руб. съ лица.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я былъ постояннымъ членомъ дворянскаго клуба. Въ молодые годы, я ежедневно приходилъ по вечерамъ въ клубъ для чтенія журналовъ и газетъ. Семейныхъ

вечеровъ клубъ дѣлалъ мало, потому что дамы любили очень наряжаться, черезъ что многіе воздерживались отъ частыхъ посѣщеній вечеровъ. Кромѣ того трудно было имѣть достаточное число танцоровъ. Только гораздо позднѣе клубные вечера стали болѣе оживленными. Одно время въ клубѣ дѣлались общіе обѣды каждая двѣ недѣли. Въ этихъ обѣдахъ было пріятно участвовать. Обѣдъ состоялъ изъ 6 блюдъ и стоилъ 1 р. 50 коп. безъ вина. Въ клубномъ хозяйствѣ было обращено особое вниманіе на заготовку вина, котораго поваръ не касался. Однако злоупотребленіе виномъ было большое, несмотря на особо нанятаго человѣка, который обязанъ былъ вести ежедневную запись вина. При одной ревизіи вспомнили про небольшую компанію—человѣкъ 7—8, которая провожала въ извѣстный день своего товарища, уѣзжавшаго изъ Вильны. Сидя за обѣдомъ, компанія молодыхъ людей поручила своему товарищу требовать вина на всѣхъ восьмерыхъ. Вина было выпито что-то рублей на 40. Ревизіонная комиссія захотѣла убѣдиться, на сколько рублей по имѣющимся записямъ этотъ членъ выпилъ вина въ извѣстный день. Оказалось на 8 руб. 50 к. Когда завѣдующему виномъ было указано, что запись слишкомъ мала, тотъ упорно отрицалъ фальшь. На счастье, участвовавшій въ обѣдѣ сохранилъ подлинный счетъ поданнымъ винамъ, и ревизіонная комиссія могла убѣдиться, что вина было вытребовано не на 3½ рубля, а на 38 рублей. Такъ было сильно развито плутовство. Въ дворянскомъ клубѣ давались прекрасные музыкальные вечера, устраиваемые сформировавшимся тогда музыкальнымъ обществомъ. Музыкальныхъ силъ было много; музыка была серьезная и можно было съ удовольствіемъ проводить вечеръ. Одинъ изъ участниковъ этого общества, именно Столыпинъ, началъ читать лекціи по исторіи музыки. Лекціи этого молодого человѣка были интересны, но вскорѣ прекратились. Закрылось и музыкальное общество. По какимъ причинамъ прекратилась эта музыкальная дѣятельность—не знаю; кажется, вслѣдствіе какихъ-то денежныхъ растратъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей журнальной комнаты, былъ почтенный еврей, докторъ, служившій въ царствованіе Николая I. Онъ рассказалъ намъ интересный эпизодъ изъ своей службы. Прибылъ въ Вильну министръ финансовъ Вронченко. Однажды вечеромъ, этотъ министръ пригласилъ къ себѣ означеннаго доктора для частной бесѣды. Разговаривая съ гостемъ, Вронченко спросилъ его: можетъ ли онъ получить откровенный правдивый отвѣтъ по важному вопросу, при чемъ министръ

успокоилъ его, увѣривъ, что никакой отвѣтственности за высказанную рѣчь онъ не подвергнется. Докторъ выразилъ готовность отвѣчать правдиво. Тогда министръ сказалъ:— „объясните мнѣ пожалуйста, что мѣшаетъ евреямъ принять русскую вѣру“. Неожиданнымъ вопросомъ докторъ былъ изумленъ и очутился въ затруднительномъ положеніи. Однако какое-то объясненіе министръ получилъ. Намъ приходится удивляться наивности вопроса, сдѣланнаго министромъ. Этотъ Вронченко былъ извѣстенъ какъ большой любитель женщинъ. Вхалъ онъ на почтовыхъ и остановился на Динабургской станціи для перемѣны лошадей. Тамъ онъ увидалъ очень красивую служанку, прошедшую, какъ говорится, огонь и воду. Министръ объявилъ себя заболѣвшимъ и остался ночевать на станціи. На другой день онъ продолжалъ путешествіе, но красивая служанка не осталась служить въ Динабургѣ, а переѣхала на жительство въ Петербургъ. Передъ русско-турецкой войной жилъ въ Вильнѣ отецъ молодого Столыпина, шталмейстеръ Столыпинъ. Это былъ человекъ разносторонне образованный, обширнаго ума, доступный въ обращеніи. Онъ рассказывалъ, какъ, пріѣхавъ въ Петербургъ изъ Крыма, онъ докладывалъ, Государю Николаю ходъ военныхъ дѣйствій, при чемъ, за неимѣніемъ чертежей, рисовалъ мѣстность мѣломъ на ломберномъ столѣ. Несмотря на свое высокое положеніе, Столыпинъ не чуждался общественной дѣятельности: онъ былъ гласнымъ въ городской думѣ, членомъ дворянскаго клуба и принималъ порученія по дѣламъ города и клуба. Незадолго до объявленія войны, въ дворянскомъ клубѣ была назначена ревизія хозяйства и въ ревизионную комиссію были выбраны три члена, въ томъ числѣ шталмейстеръ Столыпинъ. Этотъ аристократъ не отказался отъ новаго дѣла. Онъ вмѣстѣ съ комиссіею подробно осматривалъ клубное имущество, повѣрялъ хозяйство, ведущіяся книги и даже спустился въ винный погребъ. Одинъ изъ членовъ клуба, полякъ, имѣвшій придворное званіе, узнавъ, что Столыпинъ находится въ погребѣ, спустился также туда и выразилъ удивленіе, что русскій сановникъ принимаетъ участіе въ счетѣ бутылокъ. Ревизионная комиссія выполнила свое порученіе весьма хорошо, повѣрила все имущество, разсмотрѣла болѣе 20-ти книгъ и составила по сему предмету подробный докладъ, который былъ прочитанъ общему собранію членовъ. Можетъ быть, этотъ докладъ сохранился въ дворянскомъ клубѣ.

Столыпинъ жилъ въ собственномъ домѣ съ большимъ садомъ на Стефановской улицѣ. Эта улица не отличалась чи-

стотою, и Столыпинъ пожаловался однажды полицеймейстеру на существующую грязь. Тотъ отвѣчалъ: „я скажу въ городской управѣ, что Васъ собирается навѣстить генераль-губернаторъ; тогда городское управленіе очиститъ улицу“. Живя въ Вильнѣ и занимаясь музыкой, оба Столыпина, отецъ и сынъ, написали театральную пьесу патріотическаго содержанія, отвѣчавшую на злобу дня: ополченіе русскихъ. Эта пьеса шла нѣсколько разъ въ Виленскомъ театрѣ и имѣла успѣхъ. Особенно нравилось публикѣ пѣніе послѣднихъ словъ:

И Бѣлоруссія, Литва
Не будутъ Польшей никогда.

Съ объявленіемъ войны, Столыпинъ былъ переименованъ въ военный чинъ и уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій. Туда же отправился и его сынъ, поступившій рядовымъ въ полевую артиллерію.

Проживъ много лѣтъ на свѣтѣ, я замѣчаю перемѣну, происшедшую въ нашемъ обществѣ. Того, что было прежде, теперь не увидишь. Въ юности мнѣ пришлось встрѣчаться съ лейтенантомъ Черноморскаго флота С., участникомъ Синопскаго боя. Онъ много рассказывалъ про тамошній морской бытъ. Одинъ рассказъ сохранился у меня въ памяти. У нашего боцмана (фельдфебеля), повѣствовалъ С., была красивая жена. Вотъ я и прихожу къ боцману въ гости вечеркомъ. Боцманъ мнѣ говоритъ: „ваше благородіе, при себѣ не позволю“. Я вынимаю полтинникъ, даю ему и говорю: „убирайся въ кабакъ“. Мужъ уходитъ изъ дому, и я остаюсь наединѣ съ женою.

Въ шестидесятыхъ годахъ, одинъ помѣщикъ Могилевской или Витебской губерніи, не помню, мнѣ рассказывалъ про то доброе старое время, когда легко нанимались въ помѣстьяхъ деревенскіе рабочіе. Въ зимнее время, не стоило большого труда привлечь мужиковъ на работу въ барскій дворъ. Достаточно было ихъ накормить, дать по чаркѣ водки и больше ничего: люди уходили довольные; о денежной платѣ не было и помину. Полагаю, что такихъ рабочихъ въ настоящее время не найти. Помѣщикамъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ жилось вообще очень хорошо. Владѣя большимъ пространствомъ земли и разными угодьями, они представляютъ собою польскій край, вкоренившійся на Западѣ Россіи. Стремленіе сохранить здѣсь Польшу осталось и понынѣ прежнее. Гдѣ-нибудь въ уѣздахъ Виленской или Ковенской губерніи случайно кто-нибудь заговоритъ по-русски: тотчасъ раздается гнѣвный голосъ хозяйки:

„не смѣть говорить по-русски; здѣсь Польша, а не Россія“. По наружному виду, конечно, произошла перемѣна: прежняя панская гордость стихла.

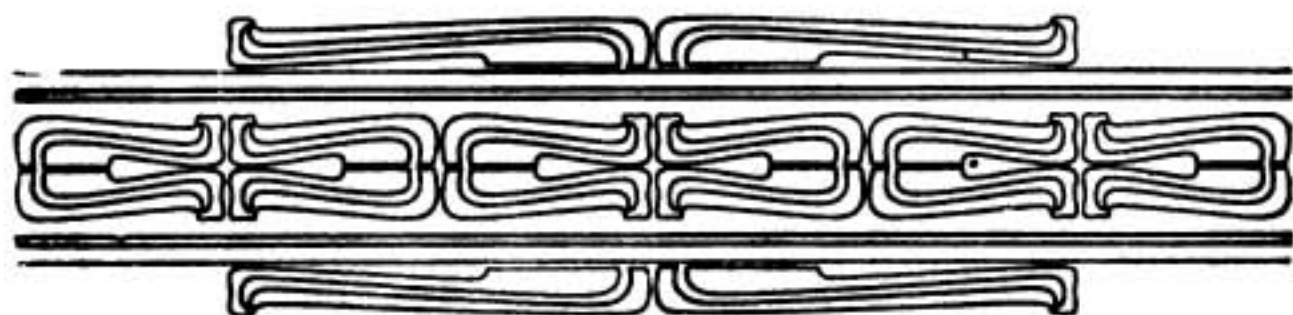
Въ семидесятыхъ годахъ у меня былъ знакомый полковникъ, богатый помѣщикъ здѣшнихъ губерній. Это былъ гордый человѣкъ. Вышедши въ отставку въ генеральскомъ чинѣ, онъ поселился въ своемъ имѣніи. Кто-то изъ полицейскихъ властей, исправникъ или становой, пріѣхалъ къ нему съ визитомъ. „Я не хочу знакомиться съ полицією“,—говорилъ онъ мнѣ, „пріѣхавшаго я не принялъ и полицейскій чинъ не переступилъ порога моего дома“. Прошло лѣтъ тридцать. Въ той же мѣстности, другой богатый помѣщикъ, неимѣвшій большого чина, уже не чуждается полиціи, а напротивъ, самъ старается завести съ нею знакомство. Подобное знакомство всегда можетъ принести пользу, ну хотя бы по части безпрепятственнаго полученія заграничныхъ паспортовъ. Нынѣшній землевладелецъ первый ѣдетъ къ мѣстному становому съ визитомъ, при чемъ поясняетъ, что никакихъ у него дѣлъ нѣтъ, а что онъ пріѣхалъ къ приставу единственно съ желаніемъ завести знакомство съ почтеннымъ человѣкомъ.

Въ позднѣйшее время идетъ агитація въ польскомъ обществѣ для созданія дружеской, сердечной связи между мужикомъ и помѣщикомъ. Эту миссію возлагаютъ на польскихъ женщинъ. Съ этою цѣлью въ Вильнѣ издано руководство для собесѣдованія съ крестьянкою, въ коемъ подробно указываютъ польскимъ дамамъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы привлечь къ себѣ довѣріе деревенскихъ бабъ. Подобное сближеніе съ городскою прислугою уже достигнуто въ Вильнѣ. Теперь желаютъ создать такое же сближеніе въ деревнѣ, дабы было полное единеніе между господами и мужиками. Мысль очень хорошая, если въ ней нѣтъ намѣренія обратить бѣлоруссовъ въ поляковъ.

Происшедшее обновленіе нашего государственнаго строя не удовлетворило ни поляковъ, ни евреевъ; зато литовцы пробудились и проявили свое существованіе.

Алексѣй Гене.

По поводу статьи А. Е. К.

„М. И. Драгомировъ—генераль-губернаторъ“.

Въ Мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1918 годъ, начата печатаньемъ статья автора, скрывающагося подъ инициалами А. Е. К. „М. И. Драгомировъ—генераль-губернаторъ“, въ которой факты освѣщены до такой степени односторонне и неправильно, что я, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ М. И. Драгомирова, не могу не выразить самаго горячаго протеста.

Не настало еще время начертать во весь ростъ портретъ незабвеннаго Михаила Ивановича, какъ гражданина и какъ гражданскаго администратора.

Эти стороны проявленія личности Драгомирова, любопытныя и замѣчательныя сами по себѣ, должны интересовать русское общество еще и потому, что онѣ до сихъ поръ не нашли достойнаго выраженія и вообще извѣстны публикѣ очень мало.

Тѣмъ отвѣтственнѣе положеніе каждаго автора, который намѣревается познакомить читателей съ административной дѣятельностью и взглядами на нее Драгомирова.

Такая отвѣтственность требуетъ отъ автора осторожности въ освѣщеніи фактовъ, тщательной провѣрки субъективныхъ впечатлѣній и вдумчивости. Всего этого, къ сожалѣнію, лишена статья А. Е. К., написанная, что называется, съ плеча и совершенно искажающая образъ Драгомирова ¹⁾.

Я здѣсь не собираюсь ни писать подробнаго опроверженія указанной статьи, ни излагать собственный взглядъ на дѣятельность Драгомирова, какъ генераль-губернатора. Надѣюсь сдѣлать это впоследствии со всей тщательностью, на которую въ правѣ претендовать этотъ выдающійся человекъ.

¹⁾ Редакція не раздѣляетъ этихъ взглядовъ автора.

Ред.

Но я не могу не оставить безъ отвѣта неточности статьи, касающіяся моеѣ дѣятельности, тѣмъ болѣе, что эти неточности искажаютъ и образъ Драгомирова.

Въ статьѣ говорится, что будто М. И. Драгомировъ пригласилъ меня въ качествѣ управляющаго канцеляріей генераль-губернатора, не зная лично меня, но полагаясь на то, что я сынъ чтиваго имъ лучшаго друга, говорится, что я прослужилъ всего около полутора лѣтъ и что будто-бы М. И. Драгомирову пришлось сожалѣть объ этомъ моемъ сотрудничествѣ, такъ какъ, по словамъ какого-то невѣдомаго мнѣ собесѣдника Драгомирова, „какъ будто обманулъ“ его своимъ уходомъ.

Я прослужилъ при Драгомировѣ не полтора, а три года и сотрудничалъ покойному генераль-губернатору большую часть времени его пребыванія въ этой должности.

Не мнѣ, конечно, дѣлать оцѣнку этого сотрудничества, но знаю, что М. И. Драгомировъ этимъ сотрудничествомъ всегда оставался доволенъ.

Пригласилъ меня М. И. Драгомировъ, зная меня лично, а не только какъ сына моего отца, бывшаго начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба, память котораго, правда, М. И. Драгомировъ очень чтилъ.

Кто же можетъ повѣрить автору, чтобы такой осторожный человекъ, какимъ былъ покойный кievскій генераль-губернаторъ, пригласилъ бы на столь для него важное мѣсто управляющаго своей канцеляріей человека лично ему не знакомаго? Разстался я съ Драгомировымъ также, вопреки словамъ автора, безъ всякаго неудовольствія его на меня. Разстался тогда, когда Михаилъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ о своемъ неуклонномъ намѣреніи оставить постъ генераль-губернатора.

Правда, я тяготился своей должностью и если находилъ какое-либо утѣшеніе въ ней, то только въ постоянномъ общеніи съ такимъ выдающимся по талантливости, всесторонне образованнымъ и необыкновенно чуткимъ человекомъ, какимъ былъ Михаилъ Ивановичъ.

Тяготился же я тѣмъ, что при той централизаціи управленія, которая господствовала у насъ во времена Сипягина и Плеве, на долю генераль-губернаторскаго управленія оставалось очень мало самостоятельности.

М. И. Драгомировъ считалъ направленіе внутренней политики при Сипягинѣ и Плеве неправильнымъ и вреднымъ для истинныхъ интересовъ Россіи, протестовалъ противъ нея вездѣ,

гдѣ могъ, дѣлалъ попытки самостоятельнаго разрѣшенія хотя бы мѣстныхъ вопросовъ, но всегда встрѣчалъ противодѣйствіе въ центрѣ, гдѣ всѣ мѣстные вопросы оказывались непремѣнно связанными съ общими „охранительными“ задачами и вызывали требованія разрѣшенія ихъ, по указаніямъ изъ Петербурга. Я принялъ должность управляющаго канцеляріей генераль-губернатора въ надеждѣ на то, что взгляды М. И. Драгомирова на задачи управленія мнѣ извѣстны и мною раздѣляемые, будутъ проводиться въ жизнь.

Скоро самъ М. И. Драгомировъ убѣдился въ невозможности проводить самостоятельно свои взгляды и если онъ не ушелъ раньше, то только потому, что какъ военный человекъ по преимуществу онъ ставилъ свои обязанности по военному управленію Кіевскимъ округомъ на первый планъ и полагалъ, что раздвоеніе власти, по мѣстнымъ условіямъ, затруднитъ его дѣятельность по военному управленію. При такихъ условіяхъ я, при первомъ упоминаніи Драгомирова о своемъ намѣреніи уйти изъ Кіева, заявилъ, что я при возможномъ пріемникѣ его оставаться не намѣренъ. М. И. Драгомировъ, конечно, меня понялъ и не могъ мнѣ не сочувствовать.

Поэтому, если онъ, можетъ быть, и считалъ, что съ точки зрѣнія обычныхъ представленій о „карьерѣ“ я поступаю „неблагоразумно“, то онъ, глубоко презирающій эти „обычныя воззрѣнія“ и никогда съ нимъ не считавшійся, не могъ не уважать моихъ побужденій.

Послѣ оставленія мною должности управляющаго канцеляріей я неоднократно видѣлся съ М. И. Драгомировымъ, неоднократно и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и пользовался его полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ, которыми всегда очень дорожилъ.

Говорить при этихъ условіяхъ, что М. И. Драгомировъ могъ считать меня „неблагодарнымъ“ совершенно не приходится.

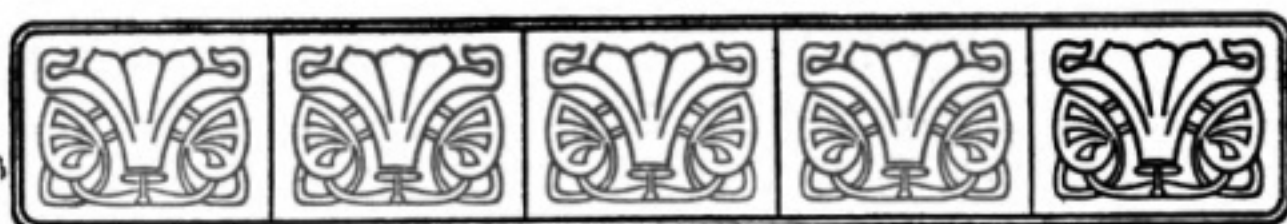
Я не сомнѣваюсь, что тѣ лица, — а ихъ было довольно много — которымъ я стоялъ поперекъ дороги въ ихъ желаніи эксплуатировать свои связи въ самыхъ многоразличныхъ направленіяхъ и которыя въ бытность мою управляющимъ канцеляріей всѣми силами старались поселить у М. И. Драгомирова недовѣріе ко мнѣ, не успѣвъ въ этомъ и не посвященные въ истинныя причины моего ухода, постарались и уходъ мой выставить въ иномъ свѣтѣ. Они могли пытаться поиграть на самолюбіи Дра-

гомирова и выставялъ мой уходъ въ неблаговидномъ свѣтѣ „неблагодарности“, но, конечно, имъ это не удалось, и Михаилъ Ивановичъ, не любившій долгихъ объясненій съ такими господами, неспособными понимать чистыхъ побужденій, ограничивался только фразой, приводимой самимъ А. Е. К.: — „нѣтъ, онъ хорошій человѣкъ“.

Для меня эта фраза дороже всѣхъ другихъ характеристикъ, приводимыхъ авторомъ, очевидно, не разобравшимся въ сложныхъ условіяхъ, окружавшихъ дѣятельность М. И. Драгомирова, какъ генераль-губернатора.

А. Леонтьевъ.

Лѣтопись и мысли стараго педагога ¹⁾.

Возвращаюсь къ первому году открытія интерната. Главная задача при открытіи интерната въ новомъ учебномъ заведеніи естественно была создать такую атмосферу въ духовной жизни питомцевъ, которая, переходя въ традиціи и обычаи, могла бы служить помощью воспитателямъ и учителямъ въ ихъ работѣ съ послѣдующими поколѣніями. Эта нравственная атмосфера или духъ заведенія служитъ самымъ могущественнымъ средствомъ для воспитанія индивидуальнаго, подчиняя себѣ быстро и прочно отдѣльныхъ личностей.

Привычка и любовь къ труду, довѣрчивое отношеніе между воспитывающими и питомцами, правильное пониманіе чести и товарищескихъ отношеній, твердость характера, хорошее направленіе привычекъ и воли, искреннее отношеніе къ религіи и завѣтамъ родной страны, способность поступаться своими интересами на пользу общую,—вотъ главнѣйшія качества, которыя считали мы, да безъ сомнѣнія и всѣ безъ исключенія педагоги во всѣ времена, наиболѣе важными и особенно необходимыми въ начальной работѣ. Я хорошо помнилъ слова Пирогова, лично мнѣ сказанныя: „чтобы овладѣть душою ребенка, надо отдать ему, свою душу; чтобы получить его довѣріе, надо вѣрить ему, и помните, что педагогъ—это художникъ, который творитъ въ душѣ ребенка идеаль свѣтлой личности“. Слова величественныя, но отъ словъ до дѣла еще очень далеко.

Вопросъ сводится къ тому, какъ установить на практикѣ правильное внѣшнее проявленіе и внутреннее отношеніе къ людямъ и міру.

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

Конечно, рецептовъ на это нѣтъ, а если и встрѣчаются, то носятъ характеръ общихъ мѣстъ и пожеланій.

Въ моихъ замѣткахъ давно прошедшаго времени я нашелъ упоминаніе о нѣкоторыхъ нашихъ приемахъ и отдѣльныхъ случаяхъ, удачныхъ и неудачныхъ.

Надо замѣтить, что первый годъ пребыванія дѣтей въ закрытомъ учебномъ заведеніи требуетъ особеннаго вниманія со стороны воспитывающихъ. Дѣти, съѣхавшіяся съ разныхъ концовъ Россіи, совершенно другъ другу незнакомыя, представляютъ интересный и удобный матеріалъ для наблюденій, для опредѣленія ихъ характеровъ. Смѣлыя и задорныя, сдержанныя, слабыя и трусливыя, великодушныя, мстительныя и злопамятныя, настойчивыя и уступчивыя, трудолюбивыя и лѣнивыя и проч., всѣ эти качества на первыхъ порахъ обнаруживаются легко. Дѣти обыкновенно очень довѣрчивы и привязчивы, если видятъ какое-либо вниманіе и заботу о нихъ новаго человѣка, близко къ нимъ поставленнаго. Воспитателю очень не трудно въ это время сдѣлать почти вѣрную характеристику каждаго, съ которою и сообразоваться въ дальнѣйшей своей дѣятельности съ отдѣльными личностями.

Въ младшихъ классахъ мы очень часто читали имъ рассказы, въ коихъ иллюстрировались случаи мужества, отваги, великодушія и честности. Рассказы эти производили сильное впечатлѣніе на дѣтей, и они съ увлеченіемъ искали случаевъ для подражанія и подвиговъ.

Однажды зимой я замѣтилъ на дворѣ кучу нашихъ малышей, возбужденно о чемъ-то толковавшихъ. Я вышелъ къ нимъ и увидѣлъ, что они окружили какого-то оборваннаго мальчика, дрожавшаго отъ холода. Они терли ему руки и лицо, чтобы согрѣть. Воспитанники бросились ко мнѣ и стали рассказывать, что они встрѣтили этого мальчика на улицѣ, онъ очень плакалъ, что у него больная мать и имъ нечего ѣсть. Дѣти просили меня, чтобы я позволилъ ему приходить къ нимъ въ столовую, когда они обѣдаютъ. Я позволилъ, и они усиленно стали его откармливать, удѣляя отъ своихъ порцій и снабжая въ изобиліи пищею для него и для матери и даже дарили ему игрушки. Нѣкоторымъ я позволилъ пойти посмотрѣть, какъ живутъ эти бѣдные люди.

Случалось намъ указывать на нѣкоторыя семьи служителей, которыя бѣдствовали. Всегда съ увлеченіемъ воспитанники шли на помощь.

На Рождество иногда устраивали елку для дѣтей прислуги

Но въ то же время питомцы, случилось, были безпощадно жестоки по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей. Тогда приходилось подробно разспрашивать ихъ о причинахъ и входить въ самыя мельчайшія подробности каждаго отдѣльнаго случая. Очень часто причины преслѣдованія—были несимпатичныя стороны характера преслѣдуемаго. Если его обижали несправедливо, то я отдавалъ его подъ покровительство нѣсколькихъ его товарищей и просилъ ихъ заступаться, если онъ былъ не виноватъ. Бесѣды съ воспитанниками были часто продолжительныя, и споры вообще о справедливости и великодушій—горячіе. Дурное отношеніе къ прислугѣ каждый разъ встрѣчало съ нашей стороны самое строгое порицаніе, а иногда и наказаніе, если виновный по упрямству не хотѣлъ извиниться передъ обиженнымъ. Порицаніе распространялось и на товарищей виновнаго за то, что они не умѣли удержать въ границахъ ихъ заносчиваго товарища. Въ большинствѣ случаевъ товарищи оправдывались тѣмъ, что служитель самъ былъ дерзокъ и нельзя было стерпѣть. Возстановить строгую справедливость и правильную оцѣнку обѣихъ сторонъ было очень трудно. Прислуга тоже была не безъ грѣха. Оставался одинъ аргументъ: что невоспитанному человѣку можно больше простить, чѣмъ воспитанному. Для примѣра прочимъ приходилось наказывать и дядьку, и воспитанника.

Отношенія малышей къ воспитателямъ и преподавателямъ были въ общемъ просты, патріархальны, здѣсь сразу установилось довѣріе и авторитетъ. Единичные случаи не имѣли вліянія на массу.

Религіозное настроеніе дѣтей, благодаря всѣми уважаемому священнику Успенскому, было хорошее. Каждый имѣлъ свой образокъ на кровати и молился утромъ и вечеромъ независимо отъ общей молитвы.

Частые разговоры наши съ дѣтьми объ ихъ семьяхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ братьямъ и сестрамъ, подробные рассказы ихъ о мелкихъ событіяхъ ихъ дошкольной жизни очень смягчали и прекрасно настраивали ихъ душевное состояніе.

Бывали случаи, что кто-либо изъ воспитанниковъ соблазнится на чужое добро и похититъ у товарища лакомства, ручки, перья, тетради и проч. Всегда этимъ возмущалась вся масса и соблазнившемуся не легко сходило отъ товарищей. Намъ оставалось только слѣдить, чтобы не было эксцессовъ. Очень не любили товарищи жалобщиковъ, и мы тоже не поощряли этого. Лучше было, когда взаимныя неудовольствія улаживались самостоятельно.

Недобросовѣстное отношеніе къ учебнымъ работамъ не встрѣчало большого порицанія среди товарищей. Указанія на безнравственность и отвратительность лжи и обмана, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не имѣли вполнѣ желаемыхъ результатовъ и хотя наши питомцы были правдивы, но въ учебныхъ дѣлахъ контрабанда оставалась.

Такимъ образомъ съ дѣтьми младшаго возраста, только-что поступившими въ заведеніе, дѣло пошло какъ будто успѣшно. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю то счастливое время, то простое и ласковое отношеніе къ намъ дѣтей. Отрадно было мнѣ видѣть, какъ дружно тѣснились они около меня и каждый добивался, чтобы я положилъ ему руку на плечо. Перебивая другъ друга, рассказывали свои впечатлѣнія, свои радости и неудачи. Иногда я приходилъ къ нимъ съ кѣмъ-либо изъ ихъ родителей, которые умилялись при видѣ этой картины. Не забуду, какъ одна мать при этомъ заплакала и сказала мнѣ: „Боже мой, Боже мой, какъ они Васъ любятъ и какъ Вы этимъ счастливы“. Дѣти съ удовольствіемъ слушали наши рассказы. Иногда мы отправлялись съ ними въ дальнія прогулки, разводили костры, пекли картофель, и случалось, возвращались подъ проливнымъ дождемъ, всѣ промокшіе, но оживленные и бодрые духомъ. Счастливое, чудное время!.. Крупныхъ проступковъ совсѣмъ не было, а одно полугодіе было такое, что не встрѣтилось ни одной записи въ журналѣ и мы устроили дѣтямъ въ награду ужинъ. Всѣ воспитатели, учителя и питомцы сидѣли съ ними за однимъ столомъ и вели оживленную бесѣду. Послѣ ужина устроили игры, принявъ въ нихъ участіе.

Учебныя занятія для нѣкоторыхъ были трудны, но воспитатели младшихъ классовъ добросовѣстно шли къ нимъ на помощь, и потому на другой годъ въ тѣхъ же классахъ осталось очень мало.

Наказанія мы въ принципѣ не отвергали, но прибѣгать къ нимъ почти не приходилось.

По мѣрѣ того, какъ малыши выросли и переходили въ старшіе классы, работа значительно усложнялась и начиная уже съ 4 класса формировать хорошіе обычая становилось труднѣе. Обнаруживались порочные мальчишки, частью поступившіе прямо въ старшіе классы, болѣе или менѣе уже искушенные жизнью. Они вредно вліяли на слабохарактерныхъ и болѣе юныхъ товарищей. Являлась скрытность и тайное, а иногда и явное нарушеніе принятыхъ и установившихся порядковъ, неустойчивость въ духовной сторонѣ жизни. Идеалы любви, добра и

правды у нѣкоторыхъ меркли подъ вліяніемъ собственныхъ пробуждавшихся инстинктовъ и страстей и подъ вліяніемъ факторовъ внѣ заведенія.

Пробуждавшіеся половые инстинкты въ значительной степени отражались на душевномъ настроеніи юношей, складѣ ихъ характера и на отношеніи ихъ къ окружающимъ.

Продолжая наше дѣло въ томъ же направленіи, какъ и въ младшихъ классахъ, приходилось чаще практиковать общія чтенія литературныхъ произведеній и бесѣдовать на отвлеченныя темы, съ цѣлью привить въ молодежи стремленіе къ идеаламъ, подражать коимъ они желали, сообразно своимъ природнымъ склонностямъ, со свойственною этому возрасту пылкостью, но малою устойчивостью.

Чувство солидарности въ товарищескихъ отношеніяхъ росло, но иногда принимало невѣрное направленіе чаще всего подъ вліяніемъ одного или нѣсколькихъ субъектовъ, обладавшихъ нѣкоторыми данными для вліянія на массу. Обыкновенно я старался сблизиться съ такими юношами, бралъ ихъ къ себѣ по праздникамъ, вводилъ въ свою семью и мало-по-малу переработывалъ настолько, что они не только не вредили дѣлу, но подчасъ были полезны какъ проводники хорошихъ мыслей. Эти вожаки были большею частью энергичные, обладавшіе настойчивостью и смѣлостью, съ твердымъ характеромъ и, пріобрѣтая благородный образъ мыслей, дѣлались впоследствии весьма хорошими людьми.

Встрѣчались однако же и такіе коноводы, которые насъ обманывали своею внѣшностью и вносили заразу въ жизнь интерната. Такихъ испорченныхъ и не поддававшихся было немного, и благоразумнѣе всего было удалить ихъ, ибо появленіе инфекціонныхъ болѣзней какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ требуетъ изоляціи. Для изолированія первыхъ существуютъ особыя комнаты при лазаретѣ, для изоляціи вторыхъ помѣщенія не имѣлось. Карцеры для этого не годятся, и нравственная зараза часто распространяется быстрѣе, нежели физическая, ибо нравственные средства для исправленія обыкновенно такъ медленно дѣйствуютъ, что за это время можетъ перепортиться много дѣтей, особенно когда хорошія традиціи въ заведеніи еще не установились.

Иногда неукротимаго, но видимо безвольнаго юношу я поручалъ его товарищамъ, чтобы они за нимъ смотрѣли и заставляли бы его учиться и исполнять порядки заведенія. Говорилъ имъ при этомъ, что только они могутъ спасти его, ибо ему

грозить исключеніе. Случалось, что и сами товарищи приходили ко мнѣ просить за предназначеннаго къ исключенію, обязываясь удерживать его отъ проступковъ. Иногда это удавалось, а бывало и такъ, что придуть товарищи и говорятъ мнѣ: „Ничего съ нимъ не подѣлаешь, надо его наказать“. „Какъ же вы думаете слѣдуетъ его наказывать“, спрашиваю ихъ. Въ числѣ предлагаемыхъ ими мѣръ къ моему удивленію въ среднихъ классахъ были совѣты „посѣчь“.

Въ старшихъ классахъ чувство собственнаго достоинства принимало иногда уродливыя формы. Развивалась болѣзненная обидчивость. Въ этомъ отношеніи намъ, педагогамъ, надо было имѣть большой тактъ и осторожность. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ насъ далеко не обладали этимъ качествомъ и мало въ душѣ любили дѣтей. Происходили одиночныя стычки, вызывавшія раздраженіе обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые изъ педагоговъ возбуждали общее нерасположеніе своими приемами. Такъ одинъ все содержаніе своей дѣятельности полагалъ въ изловленіи нарушителей порядка, для чего на ципочкахъ подкрадывался къ классу и какъ охотникъ радовался удачѣ. Другой былъ настолько мелоченъ въ своихъ требованіяхъ, что не могъ отличить невинной шалости отъ умышеннаго и явнаго неповиновенія. Нѣкоторые не могли отречься отъ мысли безпрекословнаго повиновенія и когда воспитанникъ хотѣлъ объясниться въ замѣченной неисправности или проступкѣ, то педагогъ кричалъ: „Молчать, какъ смѣешь разговаривать“. Масса анекдотовъ ходила среди кадетъ по этому поводу. Въ теченіе моего 25 лѣтняго управленія заведеніемъ, я долженъ былъ отказать 14 воспитателямъ и 6 преподавателямъ, какъ совершенно не подходящимъ къ педагогической дѣятельности. Одиночные случаи конечно легко было улаживать, и они не имѣли вліянія на общій духъ заведенія. Но когда недружелюбныя чувства накоплялись среди воспитанниковъ, то выражался протестъ одновременно многими и появлялись признаки стадности. Неудовольствіе обыкновенно выражалось шиканьемъ по адресу педагога. Въ первые годы существованія заведенія этого не наблюдалось, но въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія повторялось нерѣдко. Разборка этихъ случаевъ была довольно трудна, ибо были и зачинщики безпорядка и было большинство шикавшихъ безсознательно по стадности въ русскомъ духѣ. Трудно было даже самимъ воспитанникамъ опредѣлять—зачинщикъ онъ или послѣдователь, ибо безпорядокъ происходилъ обыкновенно внезапно безъ уговора. Желая опредѣлить зачинщиковъ, мы стыдили всѣхъ, укаывая,

какъ неблагогородно и малодушно прятаться за другихъ, особенно для будущихъ воиновъ, которые должны привыкнуть встрѣчать опасность и отвѣтственность лицомъ къ лицу. Въ большинствѣ случаевъ находилось нѣсколько юношей, которые принимали вину на себя иногда, чтобы снять съ товарищей упреки въ трусости. Помню, не одинъ разъ вину принимали на себя порядочные мальчики, чтобы спасти дѣйствительно виновныхъ плохихъ по своему поведенію, которымъ угрожало строгое наказаніе или удаленіе на попеченіе родителей. Такой случай напр. былъ съ кадетами, переведенными въ нашъ корпусъ изъ 8-го Московскаго корпуса, послѣ происшедшихъ тамъ крупныхъ беспорядковъ. Пробовали мы оказывать широкое довѣріе старшимъ кадетами, поручали имъ надзоръ надъ младшими, отпускали съ ними кадетъ въ театръ и на прогулки. Сколько помню—не было ни одного случая, чтобы довѣріе это не оправдалось и благопристойность соблюдалась въ общественныхъ мѣстахъ. Долженъ сознаться, что мы и родители дѣлали промахи въ способахъ противодѣйствія нежелательнымъ наклонностямъ юношей. Думаю, что при той массѣ дѣтей, какая находилась на нашемъ попеченіи, мы можетъ быть не имѣли времени хорошо вдумываться въ каждый отдѣльный случай и, подъ вліяніемъ общаго теченія, были слишкомъ озабочены внѣшними дефектами школьной жизни. Да и не такъ легко надѣлѣ измѣнять прирожденные наклонности, свойства характера и результаты дошкольнаго воспитанія дѣтей.

Были нерѣдко случаи, что работа наша на отдѣльныхъ личностяхъ не давала благопріятныхъ результатовъ, и мы оказывались безсильными. Тогда оставалось только удалять порочныхъ и не поддающихся исправленію воспитанниковъ. Опасно, а иногда и совершенно невозможно было оставлять ихъ въ заведеніи въ виду грозящаго опасностью вліянія ихъ на своихъ сверстниковъ, съ шаткимъ и безвольнымъ характеромъ. Случаи эти, правда, были рѣдки.

Въ теченіе 25 лѣтъ моего пребыванія въ Симбирскомъ корпусѣ возвращено на попеченіе родителей за рядъ проступковъ 19 мальчиковъ. Я долженъ замѣтить, что масса воспитанниковъ молчаливо, но явно признавала справедливость такой мѣры и никакого сочувствія къ исключаемому не обнаруживала. Порочные, а въ особенности безправственные мальчики не пользовались расположеніемъ и уваженіемъ товарищей.

Вообще къ наказаніямъ приходилось прибѣгать довольно часто въ зависимости отъ личныхъ качествъ педагогическаго

персонала. Не были мы подготовлены къ искусству нынѣшнихъ педагоговъ—обходиться безъ наказаній и дѣйствовать только словомъ и убѣжденіемъ. Наказанія практиковались конечно различныя, сообразно съ возрастомъ. Въ старшихъ классахъ, кромѣ словесныхъ внушеній и воздѣйствій на совѣсть, нравственную порядочность и самолюбіе, примѣнялось: нарядъ на лишнее дежурство, карцеръ, лишеніе отпуска на праздники и за крупный проступокъ—лишеніе плечевыхъ погонъ, послѣднее примѣнялось очень рѣдко. Нельзя сказать, чтобы карцеръ и лишеніе отпуска давали всегда благопріятные результаты, бывали и отрицательные. Надо было внимательно въ это всматриваться. Въ среднихъ и младшихъ классахъ карцеръ никогда не примѣнялся. Здѣсь преимущественно господствовала постановка на штрафъ, запрещеніе играть въ свободное время,—а сидѣть на одномъ мѣстѣ, лишеніе отпуска и ограниченіе въ пищѣ, т. е. лишеніе 3-го блюда за обѣдомъ и замѣна бѣлаго хлѣба чернымъ. Обѣщаніе написать родителямъ имѣло всегда хорошее дѣйствіе во всѣхъ классахъ. Тѣлесныя наказанія въ половинѣ 80-хъ годовъ совершенно вышли изъ употребленія.

Случалось, что переводили къ намъ мальчиковъ, исключенныхъ изъ другихъ заведеній въ надеждѣ, что они при другой обстановкѣ исправятся. Это были трудные субъекты, хотя не всегда безнадежныя, но въ большинствѣ случаевъ приносяшіе много вреда молодому заведенію.

Н. Якубовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 27-го марта по 1-е мая 1914 г.

Антикварный книжный магазинъ. С. Н. Котова. № 15. Каталогъ книгъ по исторіи, археологіи, нумизматикѣ, искусству, исторіи литературы и критики, языковѣдѣнію и военные. Спб. 1914. Тип. Г. Бернштейна (3 Рождественская, 7-а). 8° (16 × 23). 32 стр. Вѣсь 3 л. 1.500 экз.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Война (дневникъ очевидца). Часть первая. Полное собраніе сочиненій. Томъ. X. Спб. 1914. Изд. Освобожденіе (Невскій, 92), 4-е. Тип. Сѣверъ (Невскій, 140—2). 8° (16 × 22). 237 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 26 л. 1.200 экз.

Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Тип. Т-ва П. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16 × 22). 299 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 2 л. 2.000 экз.

Грековъ, Б. Д. Отчетъ объ осмотрѣ архива Тихвинскаго большаго монастыря. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17 × 26). 24 стр. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Замѣтки по исторіи и географіи. Новгородъ. 1914. Тип. Губернская. 16° (11 × 18). 31 стр. Вѣсь 2 л. 60 экз.

Замѣчанія на статьи графа И. И. Толстого о монетахъ Великаго Княжества Московскаго. Оттискъ изъ III т. „Нумизматическаго Сборника“. М. 1911. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 14 стр. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Затворницкій, Н. М. Наполеоновская эпоха. Библиографическій указатель. Выпускъ I. Спб. 1914. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліановскій, 13). 8° (16 × 24). XV + 328 стр. съ рис. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Орловъ, А. С. Исусова молитва на Руси въ XVI вѣкѣ. Памятники древней письменности и искусства СLXXXV. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18 × 28). 32 стр. Вѣсь 7 л. 475 экз.

Памятная книжка Вологодской губерніи на 1914 годъ. Вологда. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (16 × 23). XV + 163 стр. Вѣсь 11 л. 400 экз.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. проф. С. А. Венгерова. I. Спб. 1914. Тип. А. Ф. Дресслера (Б. Подъяческая, 22). 8° (16 × 24). XXIV + 239 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 30 л. 1.000 экз.

Русскій біографическій словарь, Гаагъ-Гербель. Подъ ред. Н. П. Чулкова. М. 1914. Изд. Имп. Русск. Историч. Об-ва Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (19 × 27). 494 стр. Вѣсь 2 ф. 12 л. 1.250 экз.

Анинскій, Д. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ моралистъ. Лекціи, читанныя въ Москвѣ и Рязани. Рязань. 1914. Тип. Братства св. Василия. 8° (17 × 25). 150 стр. Складъ: у автора (Г. Спасокъ, Рязанск. губ.). Ц. 65 к. Вѣсь 13 л. 2.000 экз.

Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Письма къ В. А. Гольцеву Г. П. Успенскаго, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловскаго, М. Е. Салтыкова, П. Ф. Язубовича, Н. Ф. Анненскаго, В. В. Лесевича, Н. В. Шельгунова, А. Скабичевскаго, Д. Н. Мамнина-Сибиряка. М. 1914. Изд. К-ва писателей (Никитскій бульв., 10). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 8° (15 × 22). 315 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 31 л. 2.100 экз.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 1-я. Томъ VIII, вып. 1-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссковъ съ протестантами и латино-уніатами въ Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. Кіевъ. 1914. Изд. Коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×27). II + 12 + 798 стр. Ц. 2 р. Въсь 3 ф. 10 л. 600 экз.

Баіовъ, А. и Марковъ, С. Конспектъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Спб. 1914. Тип. Имп. Ник. воен. акад. (Суворовскій пр., 32-6). 8° (17×25). 82 стр. Въсь 10 л. 250 экз.

Бобринской, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. XII-й, дополнительный. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.), фототипіи П. П. Павлова. 4° (29 × 40). 8 стр. + 37 табл. рис. Складъ: (М. Никитская, 12). Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 14 л. 600 экз.

Городловъ, В. А. Руководство для археологическихъ раскопокъ. М. 1914. Изд. Московск. Археол. Института. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (15×22). 63 стр. Съ рис. Въсь 8 л. 2.000 экз.

Ефимовъ, Н. И. Историческіе устои Верховной Власти Дома Романовыхъ. Рѣчь, произнесенная на торж. актѣ Симбирской I мужской гимназіи 21 февраля 1913 г. Симбирскъ 1914. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 43 стр. Въсь 8 л. 100 экз.

Заозерскій, Н. А. Читенія по русской литературѣ. М. 1914. Изд. Реальн. уч., учрежд. Н. Г. Барановымъ. Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (16×25). VIII+123 стр. Съ портр. Ц. 65 к. Въсь 17 л. 200 экз.

Исторія Россіи въ картинахъ. Текстъ подъ ред. С. П. Моравскаго къ альбому изъ 33 картинъ. М. 1912. Изд. и тип. Тов. И. Д. Сытина (Якиманка д. Кириллова). 8° (15 × 22). 99 стр. + альбомъ въ 33 листа. Ц. 5 р. Въсь 4 ф. 18 л. 5.000 экз.

Клименко, Ф. В. Западно-русскіе цехи XVI—XVIII вв. (Оттискъ изъ „Университ. Извѣстій“ за 1912 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×25) IV+166 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 18 л. 200 экз.

Коробкинъ, С. Саввинъ Сторожевскій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ М. 1914. Изд. 3-е. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, с. д.). 8° (15×22). 32 стр. съ рис. Въсь 3 л. 4.000 экз.

Ладженскій, Вл. Н. Исторія русской литературы для школъ и народа. Спб. 1914. Изд. М. Семенова (Поварской, 10) 3-е испр. и доп. Тип. Печатный Трудъ (Прачешный, 4). 8° (14 × 21). 193 стр. Ц. 60 к. Въсь 21 л. 4.200 экз.

Лашкаревъ, О. Н. М. Ю. Лермонтовъ (1814—1841). Общій обзоръ творчества. Содержаніе: 1. Субъективность творчества Лермонтова и ея причины. 2. Характерныя черты лирики. 3. Сатиры Лермонтова. 4. Краткій обзоръ эпическихъ произведеній. 5. Байронизмъ Лермонтова. 6. Значеніе Лермонтова въ исторіи русской литературы. Черкассы. 1914. Изд.

автора Тип. И. Слуцкого (Александровская ул.). 16° (11×17). 30 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Львовъ, Г. Е. кн. и Полнеръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Изд. 5-е. издат. Задруга (Нижн. Кисловка, 1). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (15×23). 60+4 нен. стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 5 л. 30.000 экз.

Москва въ ея достопримѣчательностяхъ. Историческій музей Н. и В. Щербаковыхъ. Библиотека экскурсионнаго вѣстника, подъ ред. С. И. Гинтова и И. Н. Бороздина, № 2. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., 9). 16° (12×17). 37 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Московский художественный театръ. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Т. I. (1891—1906 г.г.). М. 1914. Изд. журн. „Рампа и Жизнь“, 2-е. Тип. Т-ва А. Н. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 4° (24×31). 110+1 нен. стр. Съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 29 л. 1.000 экз.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранившихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга восемнадцатая. М. 1913. Тип. Синодальная. 8° (19×27). 500+110 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 350 экз.

Протоколъ особой комиссіи, образованной изъ членовъ Спб. Ученой Архивной Комиссіи по пересмотру описей, подлежащихъ уничтоженію дѣламъ правительственныхъ учреждений Ямбургскаго уѣзда. Спб. 1914. Тип. Губернская (ул. Глинка, 8). 8° (17×24). 18 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Прыжовъ, П. Г. Исторія казаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Историческая библиотека. Казань. 1914. Изд. издат. Молодыя силы, 2-е. Тип. В. В. Вараксина. 8° (16×24). 282 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 30 л. 2.000 экз.

Справочная книжка и адресъ-календарь Симбирской губерніи на 1914 годъ. Симбирскъ. 1914. Изд. Губ. статист. комитета. Тип. Губ. правленія. 8° (17×24). 264 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 600 экз.

Голстой, Илья. Мои воспоминанія. М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×22). 274 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 5.000 экз.

Чаадаевъ, П. Я. Сочиненія и письма. Т. II. Подъ ред. М. Н. Гершензона. М. 1914. Изд. К-ва Путь. Тип. Т-ва А. Н. Мамонтова (Филипповскій пер., 11). 8° (16×25). VIII + 342 стр. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 3 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Т. П. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (18×27). 417—558+75+15+55 стр. Ц. 5 р. (за два тома). Вѣсъ 1 ф. 21 л. и табл. 18 л. 400 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 3 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Т. I. М. 1913. Тип. Синодальная. 8° (18×27). X+416 стр. Ц. 5 р. (за два тома). Вѣсъ 2 ф. 22 л. 400 экз.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ герой Севастопольской войны. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К° (Лубянско-Ильинскій торг.

помѣщ., 6—8). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14) 18° (11×17). 108 стр. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Боратынскій, Е. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Томъ I. Академическая библіотека русскихъ писателей. Спб. 1914. Разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ Тип. Имп. Акад. Наукъ и Государственная. 8° (16×23). ХС+ 336 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 7.010 экз.

Васильевъ, А. В. Николай Ивановичъ Лобачевскій (1793—1856). Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (18×20). 127 стр. Вѣсъ 10 л. 150 экз.

Военная энциклопедія. Подъ ред. проф. К. И. Величко, В. Ф. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXIX (Линтулакскъ - Маневренная крѣпость). Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (М. Шатницкая, соб. д.) 8° (19×28). 160 стр. Съ портр., рис., план., карт. и чертеж.+20 лист. рис., портр., чертеж., план. и карт. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 4.000 экз.

Георгіевскій, В. Т. Фрески Панселина въ Протатѣ на Аеонѣ. Альбомъ съ 32 таблицами фототипій и 3 цвѣтными снимками по способу Люмьера. Спб. 1914. Изд. Импер. Русск. Археолог. Общ. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×34). 7 стр.+35 табл. рис. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 600 экз.

Дмитріевъ, С. И. Первая морская побѣда Русскаго Флота. Къ 200-лѣтнему юбилею Гангутскаго сраженія. 1714—1914 г. Очеркъ для школъ, войскъ и народа. Спб. 1914. Тип. К. Четверикова (Караванная, 7). 8° (17×25). 48 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 10.000 экз.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1913 г. Томъ XVIII. Книжка 4-я. Спб. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., 12). 8° (16×25). 384+VII стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 15 л. 813 экз.

Памятная книжка Императорской Академіи Наукъ на 1914 годъ. Спб. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 16° (10×15). IV+245 стр. Вѣсъ 14 л. 416 экз.

Памятники первыхъ лѣтъ Русскаго старообрядчества. Ш. В. Г. Дружининъ. Пустозерскій сборникъ. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 48). 8° (17×26). 25 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Пановъ, К. Популярная исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. № 1, 2 и 3. Томъ I. Спб. 1914. Изд. 2-е, испр. и доп. Тип. К. Четверикова (Караванная, 7). 8° (17×23). 157 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. по 2.000 экз.

Пироговъ, Н. И. Сочиненія. Томъ I. Спб. 1914. Изд. Пироговскаго Т-ва. (Кіевъ). Тип. Т-ва Корѣйка (Лиговская, 34). 8° (17×26). 1010 столбц. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 5.000 экз.

Рошефоръ, де, Марія, граф. Анна Ярославна. Французская королева. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Изд. жур. Наша Старина (Каменноостровскій, 26) Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (16×25) 17 стр. Съ 3 рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Рыльскій, К. Краткое описаніе Русско-Шведской войны 1808—1809 г. г. Чтеніе для войскъ. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14), 2-ое испр. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8° (16×24). 61 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Системы народнаго образованія въ ихъ историческомъ развитіи, Курсь Н. Сперанскаго. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Шименовская, с. д.). 8° (16×22). 11 стр. Въсь 2 л. 150 экз.

Сухаревъ, Т. А. Развитіе національнаго самосознанія въ древней Руси. Краткій научно-популярной очеркъ. Раяенбургъ. 1914. Тип. Бр. Колпаковыхъ. 8° (15×23). 150 стр. Въсь 11 л. 1.000 экз.

Сѣрова, В. С. Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Воспоминанія. Спб. 1914. Изд. издат. Шиповникъ. Тип. Двигатель (Казначейская, 6), 8° (20×26). 375 стр. съ 10 рис. Ц. 2 р. 25 к. Въсь 2 ф. 12 л. 3.700 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ. VI (XV). Храмоводатели и ревнители церковнаго Благолѣпія. М. 1911. Тип. Л. В. Пожидаевой (Б. Дмитровка, 23). 8° (18×27). 64 стр. Въсь 19 л. 500 экз.

Библиографическая лѣтопись. Императорское общество любителей древней письменности. I. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43), 8° (14×28). VII+147 стр. Въсь 1 ф. 6 л. 600 экз.

Верещагинъ, А. В. Памяти прошлаго. Статьи и замѣтки. Спб. 1914. Тип. Сириусъ. 4° (20×28) 211 стр. Съ рис. Ц. 5 р. Въсь 3 ф. 12 л. 1. 550 экз.

Врангель, Н. Н., бар. Памяти Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанскаго. Спб. 1914. Изд. Общ. защиты и сохр. въ Россіи памят. искусства и старины. Тип. Сириусъ (Рыночная, 10). 8° (19×28). 30 стр. Съ рис. Въсь 26 л. 700 экз.

Голубевъ, С., проф. Очерки по исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича. Часть 1-я. Спб. 1914. Тип. Синодальная. 8° (17×25). 9 стр. Въсь 2 л. 100 экз.

Лазаревскій, И. в. Среди коллекціонеровъ. Спб. 1914. Изд. А. И. Грамматикова. Тип. Р. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17×23). 163 стр. съ рис. Въсь 1 ф. 10 л. 1.500 экз.

Либровичъ, С. Ф. Оперникъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 8° (15×20), съ рис. Ц. 25 к. Въсь 5 л. 3.000 экз.

Лукомскій, В. К. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Спб. 1914. Изд. С. Н. Митусова. Тип. Сенатская. 8° (18×26). 133 стр. съ портр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 10 л. 500 экз.

Русскій біографическій словарь. Нааке-Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій. Спб. 1914. Изд. Имп. Русск. Истор. Об-ва. Тип. Главнаго Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×28). 368 стр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 25 л. 1.250 экз.

Рыльскій, К. Краткое описаніе Русско-Шведской войны 1808—1809 г. г. Чтеніе для войскъ. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14), 2-е испр. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8° (17×24). 61 стр. Съ рис. и карт. Ц. 30 к. Въсь 9 л. 2.000 экз.

Этюды изъ жизни Артиллерійскаго Кружка въ періодъ 1863—1876-хъ годовъ. Перепечатка изъ книги Леокаміи Дитерихсъ. Юбилей Давыда Егоровича Дитерихса 1890 г. Варшава. 1914. Тип. Окружнаго Штаба (Саксонская пл., 7). 8° (14×23). 33 стр. Въсь 7 л. 250 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1914 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Записки графа Г. П. Игнатъева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г. В. Тимощукъ	35—47
II. Изъ семейной хроники. Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—1878 г. г. А. П. С.	85—119
III. Воспоминаніе о Бухариныхъ. В. Лѣсницкой	128—138
IV. Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента. Ив. Мѣщанинова	139—145
V. Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ М. В. Станиславскаго	149—158
IV. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. Сооб. А. А. Половцова	171—172, 528—531
II. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго	173—203
VIII. Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1874—1878 гг. (Съ примѣч. П. Д. Воейкова). Графа Н. П. Игнатъева	4—19, 238—246, 443—458
IX. Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко. Сооб. Н. Макшеева	305—308
X. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева. Кн. М. В. Волконской.	312—332
XI. Изъ записокъ Г. А. Де-Воллана	333—355

XII. Виленскія воспоминанія. Алексѣя Гене.	418—434,	580—610
XIII. Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей. М. В. Станиславскаго	459—469	
XIV. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и пере- писка О. А. Новиковой	514—524	
XV. Въ Задонскихъ степяхъ. М. Кирсанова .	548—579	
XVI. Лѣтопись и мысли стараго педагога Н. Яку- бовича	615—622	

**Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе
очерки.—Переписка.—Разказы.—Матеріалы и за-
мѣтки.**

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 г.		
II. Страничка семейной хроники. Вячеслава Шахматова	20—34	
III. Письма И. А. Гончарова къ А. В. Ники- тенку, подъ ред. и съ прим. В. Яковлева.	48—59	
IV. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ. В. Случевскаго	60—67	
V. Лирика Е. А. Боратынскаго. М. Л. Гоф- мана	68—77, 372—382,	501—513
VI. Оклеветанный сатирикъ А. Е. Кауфмана.	78—84	
VII. Освобожденіе Скальда. Скандинавская по- вѣсть. Н. Лернера	120—127	
VIII. Петръ Великій лѣкарь. Сооб. д-ръ Л. Про- зоровъ	146—148	
IX. Инженеръ - генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ. А. Е. К.	159—169	
X. Изъ далекаго прошлаго. Сооб. В. П. Федо- ровъ	170	
XI. Письмо А. Г. Евреянова о сооруженіи па- мятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ. Александра Евреянова.	204—205	
XII. Буйство язовца въ г. Вологдѣ. Сооб. Ив. Суворовъ	206	
XIII. Сто пятьдесятъ четыре человекъ потомства священника. Сообщ. З. И. Тюмень	207—208	

- XIV. Выписка изъ „Синодика или заповѣди святого и великаго Никейскаго собора“ Сооб. С. Фарфоровскій 209—210
- XV. Книги вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 февр. по 6 марта 1914 г. 211—216
- XVI. Сообщение въ память Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, сдѣланное въ засѣданіи 2 апрѣля 1910 года Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. А. Н. Куломзина 219—237
- XVII. Къ исторіи Императора Павла. Сооб. Е. С. Шумигорскій 247
- XVIII. Устройство быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ Калишскою комиссіею по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—1870 г. Н. Полевого. 248—304
- XIX. Матеріалы по изслѣдованію войны 1812 г. Отзывъ генераль-лейтенанта Тормасова князю Багратіону съ приложеніемъ письма (неизвѣстнаго) изъ Бреславля. Сооб. Б. Колубакинъ. 309—311
- XX. Асканія—Нова въ ея прошломъ и настоящемъ. Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи. П. Козлова 356—371
- XXI. Мои отношенія къ штабу отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и извѣстному публицисту славянофилу г. Аксакову. Н. П. Хитрово 388—391
- XXII. Поѣздка въ Наблусъ (Сихемъ) Дневникъ профессора В. А. Левисона. Василія Левисона 392—409
- XXIII. Шейхъ-Мансуръ Анапскій. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа). М. Я. Королькова 410—417
- XXIV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6-го по 27-е марта 1914 г. 435—440
- XXV. Подонки родины. П. Владиславлева. 470—475
- XXVI. Памяти Н. Н. Обручева. А. Бильдерлинга 476—493
- XXVII. Адресъ, поднесенный ген.-адъют. Обручеву въ день 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ. 493—498
- XXVIII. Письмо графа Д. А. Милютина Н. Н. Обручеву 498—500

XXIX. Не дошедшее по адресу письмо. Сообщ. Н. Максимовъ	525—527
XXX. Князь П. С. Мещерскій. Сообщ. В. Корса- кова	532—538
XXXI. Донесенія датскаго посланника графа Гак- стгаузена. Сообщ. Г. С. Шумигорскій . .	539—547
XXXII. По поводу статьи А. Е. К. „М. И. Драго- мировъ—генераль-губернаторъ“. А. Леон- тьева	611—614
XXXIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи ли- тературы съ 27 марта по 1-е мая 1914 г. .	623—627

Приложенія.

- I. Портретъ М. Е. Салтыкова (при 4-й книгѣ).
- II. Портретъ П. И. Шахматовой (тамъ же).
- III. Портретъ М. И. Безобразовой (тамъ же).
- IV. Портретъ Велик. Кн. Владиміра Александровича (при
5-й книгѣ).
- V. Три рисунка къ ст. „Асканія-Нова“ (тамъ же).
- VI. Портретъ Н. Н. Обручева (при 6-й книгѣ)

Библиографическій листокъ.

1. Н. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназій,
іеромонахъ Доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Орен-
бургѣ. Историч. очеркъ. Оренбургъ. 1913 г. (на обложкѣ апрѣль-
ской книги).
2. М. О. Ковалевскій. Древній Востокъ и первобытная
Греція. 2-ое и исправл. изд. Казань. 1914 г. (тамъ же).
3. П. Дульскій. Памятники казанской старины. Изд.
С. В. Соломина. Казань. 1914 г. (тамъ же).
4. Кн. Г. Е. Львовъ и Т. И. Полнеръ. Наше земство и
50 лѣтъ его работы. Книгоиздательство „Задруга“ М. 1914 г.
(тамъ же).
5. „Къ 50-лѣтію земскихъ учрежденій“. Къ исторіи орга-
низации и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губ. Изд.
Саратовъ губернс. учен. архивной комиссіи. Саратовъ. 1914 г.
(тамъ же).

6. П. Андріановъ. Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 г. Ларго-Кагульская операція (тамъ же).

7. Біографическій очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго. С.-Петербургъ. 1914 г. (на обложкѣ майской книги).

8. Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Въ двухъ томахъ. Книгоизд—во „Путь“. М. 1913, 1914 г.г. (тамъ же).

9. „Вадимъ Новгородскій“. Трагедія Я. Княжнина. Съ предисловіемъ В. Саводника. М. 1914 г. (тамъ же).

10. Князь Федоръ Долгорукой. Родословный сборникъ. Выпускъ I. Спб. 1913 г.—Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Спб. 1913 г.—Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи (тамъ же).

11. И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-ое, изд—ства „Молодые силы“. Казань. 1914 г. (тамъ же).

12. Великій князь Николай Михайловичъ (Русскій Провинціальныи Некрополь. Томъ I. М. 1914 г.) (на обложкѣ іюньской книги).

13. Дѣйствія Нижегородской губернернской ученой архивной комиссіи. (Сборникъ. Томъ XVI, выпуски I и II. Нижній Новгородъ, 1913) (тамъ же).

14. П. И. Бартенева. (Пушкинъ въ Южной Россіи. М. 1914. Цѣна 1 р. 50 к.) (тамъ же).

15. Книга для чтенія по древней исторіи. (Ч. II. Римъ—республика. Сборникъ статей. Книгоиздательство „Задруга“. м. 1913) (тамъ же).